3 1761 05254878 1

This is an authorized facsimile
of the original book,
and was produced in 1975 by microfilm-xerography
by Xerox University Microfilms,
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Bartenev, Petr Ivanovich

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

(издателемъ „Русскаго Архива").

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ВОЕЙКОВА.
1869.

LIBRARY
NOV 1 8 1975
UNIVERSITY OF TORONTO

DK
127
B37
Kn 3

OP 18859
X724000

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(издателемъ „Русскаго Архива")

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, у Лосиноостровскихъ воротъ, д. Соейкова.
1880.

ОПИСАНІЕ

[illegible] КНИГИ

ОС[illegible]ЗЕВА.

[illegible]).

I. [illegible] и бумаги, имѣющіяся [illegible]

II. [illegible] мѣсяцы [illegible] Ивановскаго. [illegible] 3) О [illegible]

III. [illegible]

IV. [illegible] 17[illegible] г. [illegible] и со-

V. [illegible] 1[illegible], сказка *М. Э. Шедрина.*

VI. [illegible] Курскъ И-Й чрезъ Харьковское [illegible].

VII. Изъ [illegible] (Смутное время).

VIII. [illegible] о сношеніяхъ съ Екатерининскимъ [illegible].

IX. [illegible] *Н. Н. Трубецкаго.*

X. [illegible] *Н. В. Г. Сергѣевъ.*

XI. [illegible] генералъ-губернатора [illegible] Ивлечево [illegible] край. 2) [illegible] Сергѣевъ [illegible]. О [illegible] Курляндіи. 3) О [illegible] Курляндіи [illegible].

XII. [illegible] *П. А.* [illegible].

XIII. [illegible] въ Россіи [illegible] *М. Д. Хмѣлевымъ.*

XIV. [illegible] *С. Смирновъ.*

XV. [illegible] о сохранности церковных [illegible].

XVI. [illegible] Петровны къ графинѣ Сем[illegible].

XVII. [illegible]: а) Собственно[illegible]. в) Указ[illegible] въ [illegible]. г) Письма Великой Княгини [illegible] Императрицы Елисавет. д) Не[illegible] 1744 годъ съ предписаніемъ [illegible] свадьбою В. Кн. Петра Ѳедоровича.

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

DK127
.B3

I04837
.07

ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ.

Источники. a) *Villebois, Mémoires* (въ «Revue Retrospective», 3 Série Paris, 1838). Это извлеченіе изъ Записокъ Вильбоа сообщаетъ много давныхъ, не заключающихся въ отдѣльномъ изданіи этихъ Записокъ. b) *Villebois, Mémoires secrets*, Paris, 1853. c) *Galitzin* (pr. Augustin) *La Russie au XVIII siècle*, Paris 1863. d) *Mottley, The history of the life and reign of the Empress Catherine*, 1764. e) *Weber, Das Veränderte Russland*, 1744. f) *Herrmann, Geschichte des russischen Staates. IV-er Band* g) *Бассевичъ, Записки* (*Русскій Архивъ*, 1866). h) *Арсеньевъ, Царствованіе императрицы Екатерины I.* i) *Беркольцъ, Дневникъ камеръ-юнкера*, пер. Аммона, изд. 2, 1858. k) Энциклопедическій Лексиконъ 1861 г. (Екатерина I). l) Helbig, Russische Günstlinge (Русскій Архивъ 1865).

I. Марта, Маріенбургская плѣнница.

Около того времени, когда Петръ впервыя обдумывалъ планы противъ Швеціи въ деревянномъ Преображенскомъ дворцѣ (который послѣ былъ обложенъ фейерверочными препаратами и подожженъ собственною рукою Петра, чтобы не оставалось памяти о его враждѣ къ этой державѣ) — чума губила народъ въ Ливоніи. Въ одномъ изъ опустошенныхъ заразою приходовъ умеръ священникъ, умерла и значительная часть его домочадцевъ. Пасторъ Глюкъ, суперинтендентъ округа Маріенбургскаго и озера Пейпуса, пріѣхалъ навѣстить приходъ лишившійся проповѣдника и, войдя въ домъ умершаго пастора, увидалъ трехлѣтнюю дѣвочку, бросившуюся къ нему съ крикомъ „папаша!“ и съ просьбою накормить ее. Пасторъ занятъ дѣломъ, но дѣвочка тормошитъ его, и онъ долженъ удѣлить ей частичку вниманія. Дѣвочка понравилась Глюку. Кто она? Не трудно было узнать, что маленькая Марта была пріемышемъ покойнаго пастора. Труднѣе было дознаться, откуда она была родомъ,

кто отецъ и мать ея. Да и особенной надобности не было въ то время Глюку наводить эти справки о дѣвочкѣ, о которой въ вымершемъ домѣ пастора, принявшаго ее, никто не могъ сообщить ему ничего положительнаго. Глюкъ рѣшился взять малютку на свое попеченіе. Онъ привезъ ее къ своей женѣ, и та стала воспитывать Марту при своихъ дѣтяхъ. Ее воспитывали не какъ товарку маленькихъ дочерей пастора, а какъ служанку: доказательствомъ можетъ служить, что ее даже не научили читать и писать, и Марта выросла въ хорошенькую, статную, но безграмотную дѣвушку. Немудрено, что пасторъ и жена его косо посмотрѣли на отношенія, начавшія было устанавливаться между ихъ сыномъ и хорошенькою служанкою (1). Надобно было положить конецъ взорамъ и вздохамъ, которые не могли вести ни къ чему доброму, и пасторъ Глюкъ очень не прочь былъ выдать Марту замужъ, когда къ тому представился случай. Драгунъ Іоганнъ въ шведскомъ отрядѣ, занимавшемъ Маріенбургъ, сдѣлалъ предложеніе Мартѣ, и Глюкъ далъ согласіе на этотъ бракъ. Недолго однако судьба судила Мартѣ быть съ Іоганномъ. Въ то время оправлявшіеся отъ пораженія при Нарвѣ войска Петра отнимали шагъ за шагомъ Ливонію у Карла XII. Дошла очередь и до Маріенбурга. Шведское войско, занимавшее Маріенбургъ, выступаетъ, Русскіе приближаются. Шведскій маіоръ, оставленный комендантомъ въ Маріенбургѣ, не можетъ помышлять о защитѣ. Отрядъ арміи Шереметева, подошедшій къ городу, ожидала добровольная сдача. Между другими, вышедшими на встрѣчу побѣдоносному непріятелю, вышелъ и пасторъ Глюкъ со всѣми домашними и въ томъ числѣ съ Мартою, молодой мужъ которой только передъ тѣмъ ушелъ съ шведскими войсками и разстался съ нею (чтобы не видаться никогда). Пасторъ Глюкъ былъ человѣкъ съ тактомъ, знавшій, какъ дѣйствовать въ превратностяхъ міра сего и потому, отправляясь въ русскій лагерь, не забылъ взять подъ мышку славянскую библію (2). Онъ зналъ по-русски и не упустилъ случая дать намекъ русскому главнокомандующему, что можетъ быть полезенъ царю. Какое дѣйствіе

(1) Villebois (a), 8—9. — (2) Weber, III, 7.

произвела библія Глюка, нѣтъ положительныхъ историческихъ свѣдѣній, но можно утвердительно сказать о дѣйствіи, произведенномъ одною изъ спутницъ пастора. Марту, какъ плѣнницу, какъ военную добычу, взяли къ русскому главнокомандующему, а пасторъ Глюкъ спокойно возвратился въ городъ (*). Можно однако почти навѣрное сказать, что Марта и славянская библія одинаково повліяли на то, что чрезъ нѣсколько времени въ Москвѣ, въ домѣ Нарышкиныхъ, явилось такъ называемое переводное заведеніе Глюка ([3]).

У Шереметева Марту увидалъ Меньшиковъ и склонилъ фельдмаршала уступить ему плѣнницу. Вильбоа положительно говоритъ, что Меньшиковъ скоро подпалъ подъ вліяніе ея и что въ обществѣ болѣе молодаго и болѣе красиваго чѣмъ Шереметевъ любимца Петра Марта уже не несла одной покорности рабы къ ногамъ своего властелина, а что напротивъ немного прошло дней, и уже нельзя было сказать, кто въ домѣ Меньшикова дѣйствительно рабъ—всевластный ли любимецъ царя, или жена шведскаго драгуна Іоганна. Въ отношеніяхъ Марты къ Меньшикову приняло участіе сердце, и гордый, алчный будущій князь Ижорскій склонился передъ нимъ. Было ли это чувство сколько нибудь возвышенное? Мы сейчасъ увидимъ.

Пріѣзжаетъ къ Меньшикову Петръ. У Петра, какъ извѣстно, всегда былъ солидный аппетитъ, и потому всюду, куда онъ пріѣзжалъ, его ожидала закуска. О Петрѣ же его докторъ Арескинъ говаривалъ, что онъ одержимъ легіономъ духовъ сластолюбія. Имѣя это въ виду, едва ли нужно долго распространяться о томъ, что Петръ кушалъ у Меньшикова и что кушая онъ замѣтилъ между подававшими кушанья Марту. Петръ расположился ночевать у Меньшикова и послѣ ужина велѣлъ Мартѣ посвѣтить себѣ въ спальню. Это былъ приказъ, противъ котораго не было аппелляціи. Что же дѣлаетъ Меньшиковъ? Онъ покорно склоня-

(*) Пасторъ Глюкъ могъ бы быть предметомъ особаго историческаго изслѣдованія. Кто возмется за таковое, тому непремѣнно надо будетъ принять въ соображеніе общія свойства прибалтійскихъ пасторовъ, какъ они недавно обнаружены въ Русской печати. *П. Б.* —([3]) Russische Günstlinge, 117.

етъ голову въ знакъ согласія. Добрый Александръ Даниловичъ! Но и достанется же ему завтра отъ Марты!

Всегда циникъ, никогда селадонъ въ своихъ нѣжныхъ отношеніяхъ, Петръ при прощаніи всовываетъ золотой дукатъ (два тогдашнихъ рубля, пол-луидора) Мартѣ въ руку. Едва уѣхалъ Петръ, Марта показала Меньшикову, что она думаетъ о немъ, и виновный долженъ былъ вынести справедливую кару.

Пріѣзжаетъ опять къ Меньшикову Петръ. Опять кушаетъ. Между прислуживающими нѣтъ однако Марты. Вѣрно упреки ея не были забыты. Но и Петръ не забылъ ея. „Гдѣ же Марта?“ Это—вопросъ-приказаніе, и опять на него нѣтъ аппелляціи. Марта явилась. Петръ начинаетъ опять шутки, какъ и въ первый разъ. Но что же это значитъ? Марта сдержанна, задумчива.... Смолкаютъ и шутки Петра, и онъ въ задумчивости наклоняется къ своей тарелкѣ. Веселая бесѣда стихла. Что такое съ Петромъ? Что запало въ это сердце, которому до того чужды были тревоги болѣе слабаго человѣчества? Не онъ ли гордился прежде тѣмъ, что женщина въ глазахъ его игрушка? Неужели задумчивость эстонской дѣвушки отразилась въ задумчивости гордаго монарха? Или тутъ внутренній человѣкъ напомнилъ монарху, что есть что-то, чего не пріобрѣтешь всѣми приказами повелителя не знающаго прекословія и не купишь всѣми дукатами царства?

Петру, въ концѣ ужина, подаютъ рюмку водки на подносѣ. Онъ поднимаетъ глаза. Подноситъ та же, по неволѣ обязанная прислуживать, Марта. Но уже Петръ пришелъ въ себя. „Я увожу ее съ собою“, сказалъ онъ Меньшикову, вставъ изъ-за ужина и уходя къ себѣ. На этотъ разъ онъ остановился не у Меньшикова въ домѣ. Онъ взялъ Марту подъ руку и вышелъ (4).

На слѣдующій день царь видитъ Меньшикова, но ни слова ему о Мартѣ. Видитъ его и на другой день, и также ни слова. Только на третій день, когда было переговорено о дѣловомъ, Петръ зоветъ уходившаго Меньшикова и говоритъ ему, что у Марты нѣтъ ничего изъ платья и что имъ

(4) *Villebois* (a), 13—22.

нужно ее „оснастить“ какъ слѣдуетъ. Александру Даниловичу не надобно было дважды повторять словъ Петра. Онъ понялъ что́ это значитъ. Онъ отправляется домой, самъ собираетъ въ два узла всѣ пожитки Марты и посылаетъ узлы съ двумя дѣвушками, бывшими у него въ домѣ (на послугахъ у Марты) къ ней въ домъ, гдѣ остановился Петръ. Ловкій царедворецъ не упустилъ при этомъ благопріятнаго случая. Онъ угадывалъ что́ ждетъ Марту въ будущемъ и спѣшилъ начать принимать свои мѣры. У любимицы Меньшикова могло быть два узла пожитковъ и двѣ горничныя для услугъ, но у любимицы Петра отчего не быть и ящичку съ драгоцѣнностями между имуществомъ? Ящичекъ съ драгоцѣнными кольцами и т. д. на сумму до 5,000 рублей кладется въ одинъ изъ узловъ, и узлы отправлены.

Марта въ комнатахъ Петра. Горничныя, принесшія узлы, не найдя ея въ ея комнатѣ, не смотря на то, раскладываютъ принесенное. Скоро комната принимаетъ другой видъ. Возвращается Марта. Она удивлена, но ей не нужно пояснять, въ чемъ дѣло. Съ находчивостью, заставлявшею предполагать, что она начинала чувствовать себя здѣсь какъ дома, она, обратясь къ Петру, сказала: „Я довольно долго была на вашей половинѣ, теперь пожалуйте на мою.“ Петръ идетъ за нею. Марта въ волненіи перебираетъ присланныя вещи. А это что? Ящикъ для зубочистки? Нѣтъ! Довольно было открыть ящичекъ, добавленный Меньшиковымъ къ имуществу Марты, чтобы бѣдной эстонской дѣвушкѣ, не видавшей себя никогда обладательницею такого количества золота и дорогихъ каменьевъ, придти въ смущеніе.

— Это не мое! съ рѣшимостью говоритъ она. Если это отъ моего прежняго господина, я возвращаю ему его драгоцѣнности. Это кольцо (она указала при этомъ на недорогое кольцо на рукѣ ея) не меньше напомнитъ мнѣ обо всемъ, что́ онъ сдѣлалъ для меня. Если же это отъ моего новаго господина—возвращаю ящикъ ему: мнѣ нужно отъ него то что́ дороже заключающагося въ этомъ ящикѣ.

Петръ улыбается, обѣщаетъ сосчитаться съ Меньшиковымъ, а Мартѣ, смущенной и въ слезахъ отъ всего происшедшаго, подали подкрѣпляющую рюмку венгерскаго. Вильбоа, современникъ Петра и человѣкъ приближенный къ

нему, передастъ подробности о жизни Марты со слов дамы, у которой Марта, посланная въ Москву, долго жила послѣ въ домѣ. Сцена перваго впечатлѣнія, произведеннаго на Марту рѣшеніемъ Петра оставить ее у себя, была бы неизвѣстна потомству, если бы свидѣтелемъ ея кромѣ стоявшихъ тутъ двухъ дѣвушекъ не былъ гвардейскій капитанъ, котораго Петръ, не ожидавшій сцены, привелъ съ собою (5).

Съ этого времени Марта остается у Петра, но Петръ вида не показываетъ, что она у него. Онъ ли не балагурилъ прежде съ приближенными о своихъ интрижкахъ? Отчего же о Мартѣ онъ ни слова? Значитъ, не мимолетна была тѣнь задумчивости, упавшая на лицо его на памятномъ ужинѣ у Меньшикова?

Посылая Марту въ Москву съ довѣреннымъ гвардейскимъ офицеромъ, Петръ поручилъ ему заботиться, чтобы все было къ услугамъ ея, чтобы поѣздка ея оставалась въ тайнѣ и ему ежедневно посылались рапорты о состояніи ея здоровья. Безъ огласки пріѣхала Марта въ Москву. Провожатый привезъ ее къ дамѣ, у которой хотѣлъ помѣстить ее Петръ. Съ этого времени она жила въ одной изъ уединенныхъ мѣстностей Москвы, въ домѣ скромномъ снаружи и щедро снабженномъ внутри. Въ первое время Петръ ѣздилъ къ ней безъ огласки. Только нѣсколько времени спустя.... Но нѣсколько времени спустя, Маріенбургская плѣнница Марта превратилась уже въ государыню Екатерину Алексѣевну. Есть однако основаніе полагать, что и по рожденіи старшей дочери она продолжала называться Катериною Василевскою, живя въ Петербургѣ въ 1708 г. (6).

Но кто же Марта? Кто были ея отецъ и мать? Пасторъ Глюкъ могъ не заботиться о происхожденіи бѣдной дѣвочки, взятой имъ на воспитаніе, но могло ли оставаться неузнаннымъ прошедшее подруги царя Петра I? И однако потомство бродитъ ощупью, отыскивая достовѣрныя данныя о происхожденіи Марты. Была ли она рождена внѣ брака отъ крѣпостной женщины ливонскаго помѣщика Розена,

---

(5) *Villebois* (a), *ibid.* — (6) *Чтенія И. М. О. И.* 1860, 2, I, 57.

какъ въ этомъ увѣряетъ насъ Мотлей (7), писавшій, когда уже можно было собрать всѣ вѣрныя данныя о предметѣ (въ 1764 г.), или Марта была дочь крестьянина изъ с. Догавена въ Литвѣ, принадлежавшаго шляхтичу Лаурницкому? Мотлей не только говоритъ, что Марта родилась близь Дерпта, въ с. Рингенѣ (8), гдѣ мать ея жила на иждивеніи подполковника Розена, но и прибавляетъ, что въ Рингенѣ же Марта была взята на воспитаніе пасторомъ, который, по бѣдности, не будучи въ состояніи печься о ней, передалъ ее Глюку. Но обстоятельный разсказъ въ Запискахъ Вильбоа о томъ, какъ Марта попала въ домъ Глюка, носитъ характеръ бо́льшей достовѣрности чѣмъ отрывочные факты, приводимые англійскимъ авторомъ, писавшимъ десятки лѣтъ послѣ упоминаемыхъ имъ событій. Мы слѣдовали изложенію Вильбоа. У него же находимъ мы подробности о происхожденія Марты, кажущіяся наиболѣе правдоподобными. Согласно имъ, отецъ Марты, Самойло, бѣжалъ съ ея матерью изъ Литвы въ Ливонію. Марта была крещена по католическому обряду. Отецъ и мать Марты умерли отъ чумы, какъ и пасторъ, принявшій послѣ Марту на воспитаніе. Впослѣдствіи Марта, живя у протестантскаго пастора, была воспитана въ протестантствѣ и конфирмована какъ протестантка. Разсказъ Вильбоа тѣмъ для насъ достовѣрнѣе, что послѣ нашли родныхъ Марты, и они дѣйствительно были литовскіе католики, по словамъ однихъ не имѣвшіе фамильнаго прозвища, но по другимъ прозывавшіеся Сковорощенками, Сковороцкими (9) и послѣ названные—вѣроятно для благозвучія—Скавронскими. Братъ Марты Карлъ жилъ и умеръ католикомъ. Самый фактъ о крещеніи ея по католическому обряду при рожденіи не только не опровергнутъ, но былъ общеизвѣстенъ современникамъ бывшей Марты, названной, по пріобщеніи ея къ грекороссійской вѣрѣ, Екатериною, и подалъ поводъ къ извѣстному придворному, не очень остроумному, каламбуру: l'impératrice Catherine a beaucoup de religions. Наконецъ не надобно забывать, что Петръ впослѣдствіи навелъ самыя обстоятельныя справки

---

(7) *Mottley*, 3—8. — (8) Германъ принимаетъ также, что Марта родилась въ Рингенѣ. *Herrmann*, IV, 262. — (9) *Арсеньевъ*, 74—75.

о родныхъ Екатерины, и вся исторія о томъ, какъ отыскали брата ея, доказываетъ неоспоримо, что Марта родилась въ семействѣ Самойлы Скавронскаго, что старшій братъ помнилъ ее, что родные и послѣ слѣдили за судьбою ея. Если примемъ во вниманіе, что собственныя дочери Петра отъ Екатерины—Анна и Елисавета—родились, по увѣренію не только Вильбоа, но и Брауншвейгскаго резидента Вебера (писавшаго со степенностью и обстоятельностью лѣтописца) внѣ брака ([10]), и лишь послѣ Петръ вступилъ съ Екатериною въ законныя узы, то едва ли можно усомниться, что человѣкъ, такъ мало обращавшій вниманія на сужденіе свѣта, какъ Петръ, не остановился бы передъ признаніемъ подполковника Розена отцомъ Екатерины, хотя и рожденной внѣ брака, если бы легенда Мотлея была вѣрна.

Откуда же такіе различные толки о происхожденіи женщины, поставленной судьбою такъ высоко, какъ Екатерина, и о томъ, о чемъ, казалось, не было особеннаго труда дознаться? Какъ ни странно это кажется съ точки зрѣнія безпристрастности въ исторіи, но несомнѣнно, что духъ партіи сильно вліялъ на разсказы біографовъ Екатерины о ея прошедшемъ. Замѣтимъ кстати, что Елизавета Петровна и Петръ III слышать не хотѣли, чтобы Екатерина дѣйствительно вышла замужъ, будучи маріенбургскою Мартою. Опредѣлено было считать Іоганна только женихомъ, хотя многое дѣлаетъ фактъ свадьбы несомнѣннымъ. Довольно сказать также, что есть біографы, настаивающіе на томъ, что Петръ вступилъ въ бракъ съ Екатериною до рожденія принцессъ Анны и Елизаветы, хотя Вильбоа и, чуждый страсти къ пикантному въ изложеніи, безпристрастный Веберъ утверждаютъ положительно, что тайный бракъ Петра съ Екатериною былъ совершенъ лишь въ 1711 г. (*).

([10]) *Weber*, III, 2. — (*) У покойнаго И. М. Снегирева намъ случилось видѣть старинную Петровскую гравюру, величиною въ поллиста обыкновенной писчей бумаги, съ изображеніемъ бракосочетанія Петра и Екатерины. Оба они стоятъ въ церкви передъ налоемъ, и у каждаго съ боку по маленькой дѣвочкѣ. Это двѣ дочери *привинчанныя*. Говорятъ, что привѣнчаніе не было особенною рѣдкостью въ старину. Къ сожалѣнію мы только разъ (въ 1850 г.) видѣли эту гравюру и не успѣли списать ни имени художника, ни другихъ отмѣтокъ. Не сохранилась ли эта гравюра у г. Ивановскаго, къ которому перешли бумаги И. М. Снегирева? *П. Б.*

О происхожденіи Марты не знали потому, что о немъ мало заботились; о происхожденіи Екатерины нельзя было узнать вполнѣ достовѣрнаго потому, что о немъ заботились слишкомъ много.

II. Государыня Екатерина Алексѣевна.

Отношенія Петра къ Мартѣ долго оставались тайною даже для его приближенныхъ; по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что онѣ—тайна для нихъ. Но скоро тайны нельзя было долѣе скрывать. Марта была пріобщена къ православію и наречена Екатериною Алексѣевною. Воспріемникомъ ея отъ купели былъ сынъ Петра, царевичъ Алексѣй. Петръ уже не одинокій пріѣзжалъ въ домъ, гдѣ жила Екатерина: къ нему часто съѣзжались туда министры и довѣренныя лица. Толковали о дѣлахъ, и всѣ замѣчали, что Петръ, вообще не любившій, чтобы женщины вмѣшивались въ серьезныя дѣла съ своими замѣчаніями, напротивъ повидимому бывалъ доволенъ, когда въ дѣловой разговоръ вмѣшивалась Екатерина. Изъ почтительнаго ли чувства къ Петру, или дѣйствительно Екатерина умѣла показать въ этихъ бесѣдахъ здравый умъ и вѣрное сужденіе, только сановники не разъ утверждали, что простая и неизысканная логика собесѣдницы не рѣдко выводила ихъ изъ лабиринта правительственной софистики и къ удивленію ихъ бросала новый свѣтъ на вопросы ([11]).

Екатерина получила офиціальный титулъ "государыни". Веберъ и за нимъ Германъ ([12]) передаютъ его словами: „gnädige Frau"; но „государыня" по русски значитъ нѣсколько болѣе чѣмъ gnädige Frau. Такимъ образомъ, въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ, Екатерина и теперь уже была лицомъ стоявшимъ близко къ государю, хотя для всѣхъ прочихъ она какъ бы играла роль невидимки при дворѣ. Есть даже достовѣрное извѣстіе, что Екатерина и послѣ рожденія принцессъ Анны и Елизаветы числилась офиціально женою придворнаго повара([13]). Гельбигъ говоритъ, что лишь въ 1710 г. ей дано было званіе „фрейлины" ([14]). Двухъ доче-

([11]) Villebois (a), 22—23.—([12]) Herrmann, IV, 262.—([13]) Russische Günstlinge, 35.
([14]) ibid.

рей она родила Петру въ томъ же домѣ въ Москвѣ, куда ее привезъ гвардейскій капитанъ изъ Ливоніи. Это скрѣпило узы между Петромъ и нею. Въ 1711 г. Петръ рѣшился жениться на ней при немногихъ свидѣтеляхъ. Это было предъ отправленіемъ въ походъ противъ Турціи, и Екатерина уже умѣла сдѣлаться на столько необходимою для Петра, что онъ не разставался съ нею въ поѣздкахъ. Она имѣла сильное нравственное вліяніе на него. Слова ея часто обезоруживали его гнѣвъ. Если нужно было заступиться за кого нибудь предъ царемъ, посредницею выбирали Екатерину. Но Бассевичъ упоминаетъ сверхъ того объ обстоятельствѣ въ отношеніяхъ Петра и Екатерины, которое столь же важно въ физіологическомъ и психологическомъ, какъ и въ историческомъ отношеніяхъ ([15]).

Съ Петромъ дѣлались иногда припадки. По словамъ Бассевича, они происходили отъ яда, даннаго ему въ дѣтствѣ его сестрою Софьею. Наступленіе припадка узнавали по особенному судорожному подергиванію рта. Страшенъ бывалъ Петръ, одержимый такимъ припадкомъ. Гнѣвъ его обрушивался на окружающихъ: ему казалось, что хотятъ посягнуть на его жизнь. Сильная головная боль въ теченіи трехъ дней была слѣдствіемъ припадка. Такъ было до сближенія его съ Екатериною. Послѣ, едва замѣчали у Петра судорожныя движенія рта, какъ давали знать Екатеринѣ. Та приходила, начинала говорить съ нимъ. Звуки голоса ея производили на него какъ бы магическое дѣйствіе. Припадокъ ослабѣвалъ, и Петръ засыпалъ часа на три на ея груди. Все это время она оставалась неподвижною, чтобы не разбудить его. Петръ просыпался свѣжимъ и бодрымъ, и головной боли послѣ какъ не было.

Екатерина, не трогавшаяся съ мѣста по три часа, пока спалъ Петръ на груди ея, Екатерина, ходившая съ заботливостью за нимъ, когда онъ страдалъ скорбутомъ въ Слуцкѣ([16]), Екатерина, дѣлавшая все угодное Петру и не связывавшая его ни въ чемъ, не могла не привязать его къ себѣ неразрывными узами. При всемъ томъ, есть основаніе думать, что Петръ смотрѣлъ на бракъ свой съ Екатериною какъ

([15]) Бассевичъ. 27. — ([16]) Herrmann IV, 263.

на рѣшительный шагъ. Сестра Петра, Марѳа Алексѣевна (носившая также имя Маріи), послѣ ставшая противъ Петра и за его первую супругу Евдокію, первоначально сочувствовала планамъ брата и, изъ нерасположенія къ Евдокіи, совѣтовала ему жениться на Екатеринѣ ([17]). Слѣдовательно Петръ нуждался въ совѣтахъ, въ опорѣ домашнихъ, чтобы рѣшиться на бракъ съ Екатериною, и при всемъ томъ, это былъ еще тайный бракъ. Чтобы сдѣлать тотъ же бракъ гласнымъ, Петру нужно было предварительно возвысить Екатерину въ общественномъ мнѣніи Русскихъ, приготовить ихъ смотрѣть на нее какъ на царицу. Турецкій походъ представилъ къ этому удобный случай. Казалось бы, какая заслуга въ томъ, что Екатерина собрала всѣ бывшія у нея и у ея приближенныхъ драгоцѣнности и, присоединивъ къ нимъ то, что ея женственное краснорѣчіе выпросило у прочихъ Русскихъ бывшихъ въ походѣ ([18]), послала все это для подкупа визиря, чтобы тотъ выпустилъ изъ засады русскую армію? Что этимъ Екатерина оказала личную услугу Петру, это несомнѣнно. Ему ли, гордому побѣдителю Карла XII, начать было дѣло объ освобожденіи арміи, окруженной непріятелемъ, подкупомъ, въ глазахъ своего соперника Карла? Ему ли было выпрашивать на это дѣло добровольныя подаянія? Можно предположить, что, не будь Екатерины, онъ скорѣе рѣшился бы погибнуть, пробиваясь чрезъ ряды Турокъ и Татаръ, или сдаться въ плѣнъ, чѣмъ рѣшиться на что нибудь подобное. Екатерина вывела его изъ затрудненія, спасла его самолюбіе. Заслуга ея предъ нимъ лично неоспорима; она сдѣлалась ему съ этой поры еще дороже. Но гдѣ же заслуга предъ Россіею, о которой говорили послѣ Петръ и его приближенные? Если прутскій миръ — заслуга, то такую заслугу оказалъ бы, очень вѣроятно, Петру каждый изъ приближенныхъ, чтобы пощадить личное самолюбіе царя, потому что жертвы никакой не требовалось. Развѣ нельзя было знать напередъ, что пожертвовавшіе драгоцѣнностями получатъ по возвращеніи въ Россію больше чѣмъ дали? Развѣ сама Екатерина, ѣздя по рядамъ и обращаясь за добровольными приношеніями, не говорила, что, если придется сдаться Туркамъ,

([17]) Villebois (a), 25. — ([18]) ibid. 28.

то обладаніе драгоцѣнными вещами не послужитъ ни къ чему, а между тѣмъ давшему, пожертвованіе его вознаградится въ Россіи сторицею ([19])? Если заслугою называется поступокъ, сопряженный съ жертвою, съ дѣломъ, на которое рѣшится не каждый—въ такомъ случаѣ заслуги со стороны Екатерины не было никакой.

Между тѣмъ поступокъ Екатерины прославили, его восхваляли, его употребили въ дѣло, чтобы сдѣлать имя ея популярнымъ въ рядахъ арміи. Съ какою цѣлью? Цѣль уяснилась при обнародованіи брака между царемъ и Екатериною. Петру нужно было привести къ алтарю женщину, окруженную ореоломъ спасительницы отечества. Говорятъ, Екатерина совѣтывала не оглашать ихъ брака вторичною церемоніею, но Петръ уже успѣлъ подчинить себѣ общественное мнѣніе Россіи отчасти общею увѣренностью въ тщетности сопротивленія несокрушимой волѣ самодержца, отчасти блескомъ славы, который во-время успѣли бросить на Екатерину, и союзъ ихъ сдѣлался гласнымъ: государыня Екатерина Алексѣевна сдѣлалась царицею, и дѣти ея наименованы были „царскими высочествами". Петръ теперь не могъ обойтись безъ Екатерины. Куда ѣхалъ онъ, туда и она. Такъ она сопровождала его въ заграничную поѣздку. Въ Астрахани, во время персидскаго похода, она должна была за сильными жарами сбрить волосы (бѣлокурые, которые она красила въ черную краску) и носить теплую мѣховую шапку, защищавшую ее отъ солнечнаго жара ([20]). Сопровождая Петра въ его поѣздкахъ, Екатерина ѣхала въ отдѣльномъ поѣздѣ. Поѣздъ царя отличался всегда простотою, поѣздъ царицы пышностью. Петръ любилъ окружать Екатерину роскошью и блескомъ, и странно — Екатерина, простая и кроткая, какъ прежде, Екатерина, которую быстрое возвышеніе не сдѣлало надменною и не заставило забыть чѣмъ она была, казалось, какъ бы создана была для этого блеска и этой роскоши. Петръ послѣ выказывалъ удивленіе ея способности быть императрицею ([21]). Она образовала себѣ дворъ, на которомъ отражалось тогдашнее переходное время въ Россіи: нѣкоторые русскіе обычаи еще остава-

---

([19]) Villebois, ibid.—([20]) Энциклопедической Лексиконъ.—([21]) Бассевичъ, 194.

лись, но нѣмецкіе уже преобладали. Иностранные гости и посѣтители находили при дворѣ ея такое сочетаніе вкуса съ изяществомъ, котораго можно было ожидать и не отъ бывшей эстонской крестьянской дѣвушки. Дѣтямъ своимъ Екатерина дала приличное ихъ званію европейское образованіе, хотя сама не хотѣла, даже сдѣлавшись царицею, выучиться читать и писать, говоря, что главная ея забота теперь выучиться дѣлать все угодное Петру, и что этого съ нея достаточно. Отправляясь въ разъѣзды съ Петромъ, она оставляла дѣтей на попеченіе гувернантки-Француженки. Она называла въ разговорѣ Петра „батюшкою" (23), слушала не сердясь его разсказы о его же интрижкахъ (24), оканчивавшіеся обыкновенно увѣреніемъ, что все таки съ нею никто не сравнится. Угождая Петру, она послѣ завела у себя оберъ-шенкшу, что-то въ родѣ князя-папы въ женскомъ платьѣ, обязанностью которой было поить дамъ, такъ какъ у Петра вошло въ страсть опаивать на всѣхъ празднествахъ и торжествахъ своихъ приближенныхъ, какъ мужчинъ, такъ и дамъ. Когда дамы напивались, Петръ любилъ входить къ нимъ одинъ, или въ сопровожденіи кого нибудь изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ (25). Дѣлалось ли это потому, что самъ Петръ пилъ много и любилъ, чтобы другіе пили, или, какъ полагаютъ другіе, эти попойки имѣли опредѣленную цѣль: раскрывать мысли пившихъ царю, никогда не напивавшемуся такъ, чтобы не быть готовымъ къ дѣлу и хорошо знавшему пословицу: что́ у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ; какъ бы то ни было, но только въ этихъ общихъ попойкахъ пила и Екатерина, и часто дѣвочки-дочери ея принуждаемы были проглатывать перцовку Ромодановскаго, отъ которой послѣ четверть часа слюна текла изо рта (26).

Петръ однако старался воздерживаться отъ крѣпкихъ напитковъ, и доктора ему совѣтовали тоже. Такъ онъ писалъ Екатеринѣ въ 1717 г.: „Дай Боже скорѣе нынѣшніе дни прошли, дабы къ вамъ скорѣе быть. Камзолъ твой сегодня обновилъ і пра ваше здоровье пилъ, только немного: для то-

---

(22) ibid. — (23) Бергольцъ, IV, 95. — (24) Бассевичъ, 195. — (25) ibid. — (26) Бергольцъ, III. 103.

го что запъретительные человѣки" ([27]). Но этой страсти Петръ въ себѣ не побѣдилъ, и къ ней тоже онъ могъ примѣнить что̀ говорилъ о своей вспыльчивости: „я преобразовалъ свое государство и не могу преобразовать самого себя."

Бассевичъ говоритъ, что Екатерина просила Петра, чтобы тотъ не приводилъ въ исполненіе смертнаго приговора надъ царевичемъ Алексѣемъ, а постригъ бы его въ монахи, если царевичу нужно было искупить тяжкимъ наказаніемъ проступокъ противъ отца ([28]). Это хотя и приводится человѣкомъ, который о Екатеринѣ могъ говорить только одно хорошее, но совпадаетъ съ тѣмъ что̀ мы знаемъ о мягкомъ, незлобивомъ характерѣ ея. Она искренно любила супругу царевича и, при жизни Петра, какъ и послѣ, пеклась о дѣтяхъ Алексѣя. Ей приписывается также замѣчаніе Петру, что такъ какъ ихъ собственный сынъ Петръ Петровичъ былъ ребенокъ слабаго сложенія, то дѣтей царевича Алексѣя надобно воспитывать такъ, чтобы они могли впослѣдствіи поддержать славу русскаго престола ([29]). Вообще Екатерину нельзя было назвать честолюбивою женщиною. Если справедливо, что она, не имѣя еще въ виду сдѣлаться русскою царицею, просила Петра образовать для нея особое владѣніе изъ прибалтійскихъ областей завоеванныхъ отъ Швеціи ([30]), то въ этомъ едва ли не надобно видѣть участіе Меньшикова. Меньшиковъ сохранилъ долю вліянія на Екатерину и послѣ, когда она была уже его царицею. Не она ли спасала его своими просьбами не разъ отъ царской дубинки? Алчность князя Ижорскаго не разъ выводила Петра изъ терпѣнія, но предъ царемъ за князя всегда былъ вѣрный ходатай. Петръ называлъ Екатерину и Меньшикова „дѣтьми своего сердца", и каждый изъ дѣтей старался, чтобы царская милость не оставляла другаго. Въ первое время Меньшиковъ былъ радъ, что Екатерина пріобрѣла вліяніе на Петра, потому что она заняла въ его сердцѣ мѣсто дѣвицы Монсъ, очень не благоволившей любимцу. Послѣ Екатерина была защитницею князя предъ царемъ. Со своей стороны, онъ могъ совѣтывать ей, чтобы она просила царя отдать ей во владѣніе прибалтійскій край, хотя Петръ—

([27]) Энц. Лексиконъ.—([28]) Бассевичъ, 157—158.—([29]) ibid.—([30]) Galitzin, 248

какъ ни цѣнилъ онъ Екатерину, до которой, по его словамъ, никакіе его планы не удавались—едва ли исполнилъ бы это желаніе. Меньшиковъ же вѣроятно былъ причиною того, что не алчная Екатерина принимала подарки отъ постороннихъ за просьбы у царя и отдавала пріобрѣтенныя этимъ путемъ суммы на храненіе въ банки амстердамскій или гамбургскій. По крайней мѣрѣ третьимъ, посредствующимъ лицомъ въ этихъ финансовыхъ сдѣлкахъ бывалъ и Меньшиковъ ([31]). Екатерина до конца жизни оставалась подъ вліяніемъ его, и Россія, переходя подъ управленіе Екатерины I, хорошо знала, что ею будетъ управлять Меньшиковъ. Заслуживалъ ли временщикъ съ своей стороны такого расположенія къ нему? Былъ ли онъ по крайней мѣрѣ искренно расположенъ къ Екатеринѣ, не связанной съ нимъ, по оставленіи ею его дома, ничѣмъ кромѣ воспоминаній? Въ этомъ можно сомнѣваться. Вспомнимъ жаркія пренія Меньшикова съ Бассевичемъ о престолонаслѣдіи. Человѣкъ, столько обязанный Екатеринѣ, осмѣлился сказать, что дочери императрицы вдвойнѣ не могутъ имѣть права на престолъ: какъ рожденныя еще при жизни перваго мужа ея Іоганна, съ которымъ она не разводилась, и во вторыхъ, какъ рожденныя внѣ брака. Послѣднее, по крайней мѣрѣ относительно принцессы Анны, дѣло неоспоримо вѣрное, потому что, если даже принять доводы тѣхъ, кто утверждаетъ, что Петръ тайно повѣнчался съ Екатериною въ 1707 г. и явно въ 1712 г., то все же первый бракъ былъ совершенъ уже послѣ рожденія Анны, родившейся, по словамъ Бассевича, который не могъ не знать этого достовѣрно, 27 января 1707 года. Но только не Меншикову было бросать этимъ въ глаза Екатеринѣ, въ спорѣ съ Голштинскимъ посланникомъ!

Меньшиковъ, какъ мы видѣли, упомянулъ и о первомъ мужѣ Екатерины, Іоганнѣ. О немъ мы встрѣчаемъ разногласіе. По словамъ однихъ, онъ былъ въ походѣ Карла на Россію, дрался подъ Полтавою, былъ взятъ съ прочими Шведами въ плѣнъ, объявилъ въ Москвѣ, въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ Екатеринѣ, надѣясь тѣмъ облегчить свою участь; но, не смотря на то, попалъ въ Сибирь на равнѣ съ други-

---

([31]) ibid.

ми, гдѣ и умеръ въ 1718 г., т. е. уже по рожденіи всѣхъ дѣтей Петра отъ Екатерины. Зналъ ли Петръ объ этомъ? Сообщающіе подробности о пребываніи Іоганна въ Россіи не говорятъ объ этомъ опредѣлительно и даже не знаютъ, передали ли второстепенныя власти, которымъ открылся плѣнникъ, о его сообщеніи царю. Съ другой стороны, есть извѣстіе, что Петръ хотѣлъ знать объ участи Іоганна, и отыскивалъ его, чтобъ вознаградить его за потерю жены, но безуспѣшно, и оставалось предположить, что онъ убитъ. ([32]) Что касается Екатерины, то былъ ли, не былъ ли Іоганнъ въ Россіи, она положительно не знала ничего о немъ съ тѣхъ поръ, какъ разсталась съ нимъ въ Маріенбургѣ. Увидавъ плѣннаго Шведскаго генерала Шлиппенбаха, она вспомнила, что Іоганнъ служилъ въ его корпусѣ и замѣтила: „Не правда ли, мой Іоганнъ былъ бравый малый?“ Шлиппенбахъ былъ бы плохой придворный, если бы на это замѣчаніе супруги Петра не далъ отвѣта, что онъ гордится честью, что имѣлъ подъ своимъ начальствомъ такого молодца ([33]), хотя генералъ едва ли могъ такъ близко знать доблести простаго драгуна, заброшеннаго судьбою къ нему въ ряды и который самъ безъ сомнѣнія не зналъ что ждетъ впослѣдствіи его супругу.

Встрѣчу Екатерины съ ея братомъ Карломъ подготовилъ самъ Петръ ([34]). Разъ, польскій посланникъ, проѣзжая изъ Москвы въ Дрезденъ, услыхалъ въ одномъ грязномъ литовскомъ мѣстечкѣ, какъ поссорившійся съ своими товарищами половой гостинницы ворчалъ про себя сквозь зубы, что ему стоило бы сказать одно слово своимъ могущественнымъ родичамъ, и противникамъ его досталось бы. Посланникъ упомянулъ объ этомъ въ шутку въ письмѣ въ Москву. Въ XVIII столѣтіи, какъ и въ другія, письма отнюдь не скрывали въ себѣ тайны. Слова польскаго посланника дошли до Петра. Рижскій губернаторъ Репнинъ, по желанію царя, разыскалъ въ гостинницѣ слугу, ворчавшаго такъ загадочно, и навелъ о немъ справки. Оказалось несомнѣнно, что этотъ слуга, Карлъ Самойловъ—родной братъ Екатерины. Начали для виду какое-то дѣло про-

---

([32]) Galitzin, 243.—([33]) ibid.—([34]) Villebois (a), 30—34.

тивъ него и, для подачи аппелляціи самому царю, послали его въ Петербургъ. Петръ видѣлъ его у придворнаго метрдотеля Шапилева, гдѣ слушалъ его дѣло и велѣлъ туда же придти ему на другой день. Тутъ уже слушала его и сидѣвшая въ оконной нишѣ Екатерина. Екатерина измѣнялась въ лицѣ, когда этотъ молодой человѣкъ, похожій на нее, говорилъ съ царемъ. Наконецъ Петръ подводитъ къ ней его. Это твоя сестра, говоритъ онъ. Поцѣлуй край юбки ея и руку ея, какъ императрицы, и поцѣлуй ее послѣ, какъ сестру. Съ Екатериною сдѣлался обморокъ. Онъ былъ извинителенъ: она увидала брата, котораго не видала болѣе 30 лѣтъ и который будилъ въ ея воспоминаніяхъ все пережитое ею въ эти 30 лѣтъ.

III. Императрица Екатерина.

Петръ уже нѣсколько времени собирался короновать Екатерину императрицею съ тѣмъ, чтобы передать ей престолъ послѣ своей смерти, но отправленіе въ походъ противъ Персіи и другія обстоятельства мѣшали приведенію этого плана въ исполненіе ([33]). Наконецъ 15 ноября 1723 г. явился манифестъ, извѣщавшій всѣхъ вѣрноподданныхъ, что Петръ, слѣдуя примѣру императоровъ Василія, Юстиніана и Гераклія намѣренъ вѣнчать свою супругу императрицею. Предполагали отпраздновать торжество коронаціи зимою 1723—24 гг., но пришлось продлить срокъ приготовленій, и коронація была совершена лишь 26 мая 1724 г. По случаю отпразднованнаго предъ тѣмъ съ великолѣпіемъ Екатеринина дня, императрицѣ было прислано между прочимъ и посланіе въ стихахъ отъ Нѣмцевъ, жителей Нарвы. Самый существенный стихъ въ этой эпистолѣ можно передать по русски словами: „ахъ, если бъ мы могли сказать ей это въ церкви". Этотъ стихъ, слѣдуя непосредственно за выраженіями глубокой преданности, могъ быть естественно принятъ за намекъ на приближающееся торжество коронаціи. Но современный историкъ (Веберъ) не безъ основанія говоритъ, что въ этихъ словахъ заключался и другой

([33]) Weber, II, 111.

смыслъ. У Нѣмцевъ въ Нарвѣ не было нѣмецкой церкви; имъ предлагали въ русскомъ городѣ ходить въ русскую церковь, и они, всегда практики, даже въ изліяніяхъ преданности властямъ, дѣлали тутъ тонкій намекъ, что недурно было бы, если бы имъ позволено было устроить свою церковь. Вообще самодержавной воли Петра было одной достаточно, чтобы вызвать изліянія преданности императрицѣ; но кто ручался, что эти изліянія были искренни? Петръ имѣлъ въ виду будущее. Какъ скоро онъ умеръ бы, теперешніе льстецы могли первые отвернуться отъ императрицы—иностранки простаго званія и происхожденія. Какъ скоро бы желѣзные повода, въ которые Петръ затянулъ все въ Россіи, ослабли — гдѣ была гарантія, даже послѣ вѣнчанія Екатерины, что воля его видѣть ее преемницею будетъ исполнена? Вотъ почему самъ Петръ находилъ, что примѣра императоровъ, короновавшихъ императрицами Зиновію, Луницію и Марію, было недостаточно; что было недостаточно даже его самодержавной власти, чтобы утвердить Екатерину на готовившемся ей престолѣ. И вотъ Петръ прибѣгаетъ къ той же тактикѣ, которую употребилъ при оглашеніи своего брака съ Екатериною. При главныхъ сановникахъ государства онъ говоритъ, что заслуга Екатерины предъ страною велика, что она раздѣляла съ нимъ его труды, отправляясь даже въ походы, и что, наконецъ, женщина, спасшая государство въ 1711 г., достойна править этимъ государствомъ. Мы видѣли, въ какой степени Екатерина спасла государство въ 1711 г.; но Петру нуженъ былъ аргументъ, который дѣйствовалъ бы на патріотизмъ подданныхъ, и это спасеніе было опять пущено въ дѣло.

Между тѣмъ приготовленія къ коронаціи шли своимъ чередомъ. Во Франціи дѣлали для императрицы порфиру, и хотя Веберъ говоритъ, что она стоила лишь 4000 рублей, но ее осыпали такимъ количествомъ золотыхъ двуглавыхъ орловъ, что вмѣстѣ съ короною, вѣсившею $4\frac{1}{2}$ фунта, императрицѣ предстояло, въ теплый весенній день, нести на себѣ тяжесть въ 150 фунтовъ ([36]). Какъ ни сильно сложена была Екатерина—мы знаемъ, что она вытянутою рукою подни-

---

([36]) Берхгольцъ, IV, 56.

мала маршальскій жезлъ Петра на сватьбѣ Головкина, котораго не поднять было такимъ же образомъ деньщику Петра, молодому Бутурлину и котораго такъ прямо не могъ поднять и австрійскій посланникъ графъ Кинскій ([37]) — какъ физически ни сильна была Екатерина, но и она не разъ, во время процессіи, должна была останавливаться подъ этою тяжестью символовъ величія. Впрочемъ три дня, проведенные ею предъ коронаціею въ постѣ и молитвѣ, также могли имѣть вліяніе на то, что Екатерина была тутъ слабѣе чѣмъ обыкновенно.

Къ коронаціи былъ учрежденъ отрядъ лейбъ-гвардіи императрицы, давшій начало кавалергардскому полку. Сначала въ этомъ отрядѣ было лишь 60 всадниковъ—все офицеры. Командиромъ надъ ними назначенъ былъ расторопный и молодецъ собою, «глазъ» Петра, генералъ-прокуроръ Павелъ Ягужинскій. Лошадей для отряда, конечно образцовыхъ, велѣно было представить иностраннымъ и русскимъ купцамъ. Иностранные купцы не были расположены исполнить безъ протеста это распоряженіе, и назначенная контрибуція была съ нихъ отмѣнена, но русскіе поставили лошадей.

Одновременно съ отрядомъ изъ 60 кавалергардовъ, былъ устроенъ штатъ изъ 60 придворныхъ дамъ для императрицы ([38]). Во время коронаціи архіепископъ Новгородскій подалъ Екатеринѣ державу; скипетръ все время держалъ самъ Петръ ([39]). Онъ же самъ надѣлъ корону на вѣнчавшуюся. Эта корона въ $4^1/_2$ фунта вѣсомъ и стоившая $1^1/_2$ м. ([40]) рублей, была сдѣлана къ торжеству русскимъ мастеромъ. Главнымъ украшеніемъ ея былъ огромный—въ палецъ длиною—рубинъ Меньшикова. Нѣкоторыя жемчужины въ ней стоили каждая по 2000 рублей. Когда Петръ надѣвалъ корону на Екатерину, та со слезами благодарности на глазахъ хотѣла нагнуться, чтобы рукою обнять его колѣни. Петръ не допустилъ ее до этого.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого—и какая перемѣна въ отношеніяхъ супруговъ! Петръ въ гнѣвѣ на Ека-

---

([37]) Берхгольцъ, II, 180.—([38]) Weber II, 112.—([39]) Herrmann, IV, 438.—([40]) Weber, II, 112, 135.

терину. Надъ канцеляріею ея назначена ревизія, и доходы ея прекратились, такъ что она должна занять у своихъ фрейлинъ Олсуфьевой, Кампенгаузенъ и Вильбоа 1000 дукатовъ, чтобы склонить этою суммою любимаго деньщика Петра, Василія Петровича, ходатайствовать въ ея пользу. Петръ собственноручно разрываетъ актъ, которымъ назначалъ ее наслѣдницею престола ([41])...

Откуда такая перемѣна? Уже то, что Петръ искренно былъ привязанъ къ Екатеринѣ, даетъ понять, что ударъ самолюбію его былъ очень силенъ, коли дѣло дошло до этого.

Въ 1724 г. Екатеринѣ было 38 лѣтъ, а придворная любезность считала ей даже только 35. Она не была аристократическая красавица. Размѣры башмаковъ ея, сохранившихся для потомства, заставили графиню Шуазель-Гуффье, видѣвшую ихъ, саркастически замѣтить въ своихъ Запискахъ, что „императрица Екатерина была съ этимъ міромъ на хорошей ногѣ ([42]). Но въ замѣнъ аристократической изящности размѣровъ, природа надѣлила Екатерину статною, здоровою, свѣжею внѣшностью. Пріятныя черты лица ея представляли что-то особенное: онѣ были неуловимы для кисти художника, и съ нея нельзя было снять хорошаго портрета ([43]). Она была прекрасная наѣздница и хорошая танцорка, хотя танцовала впослѣдствіи лишь съ Петромъ, очень любившимъ потанцовать въ молодости, а съ другими лишь ходила ([44]). Характеръ ея представлялъ смѣсь замѣчательной женственности и почти мужеской отваги. Обходительная, любезная съ окружающими, ласкою и кроткимъ словомъ смягчавшая порывы нрава Петра, она при опасности не боялась стать лицомъ къ лицу съ нею. Въ 1726 г., когда къ Ревелю прибыли съ враждебными цѣлями флоты англійскій и датскій, она—въ то время уже самодержавная императрица—хотѣла сама принять начальство надъ русскимъ флотомъ и вести его на непріятеля. Незадолго до смерти ея, когда она въ мундирѣ полковника производила по обычаю смотръ гвардейскимъ полкамъ, при построеніи Семеновскаго полка

([41]) Galitzin, 254—255.—([42]) *Choiseul-Gouffier*, Reminiscences sur l'empereur Alexandre I, Paris 1862, 340.—([43]) *Villebois, Mém. secr.*, 122—123.—([44]) *Берхгольцъ*, I, 209.

въ каре, пуля, пущенная неизвѣстною рукою, убила на повалъ бывшаго вблизи императрицы знатнаго русскаго купца, пролетѣвъ въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ нея. Никто не замѣтилъ, чтобы этотъ случай заставилъ Екатерину измѣниться въ лицѣ: она продолжала смотръ, какъ будто ничего не случилось ([15]). Если прибавимъ къ этой наружности и къ этому характеру страстный, подвижной темпераментъ, то не мудрено, что въ 38 лѣтней Екатеринѣ было много такого, чѣмъ она могла увлечь какъ женщина.

Съ другой стороны вспомнимъ непостоянный, вѣчно неудержимый въ порывахъ нравъ Петра, его увлеченія, его взаимныя пререканія съ Шереметевою, имѣвшія прямое отношеніе къ причинамъ, сведшимъ его въ могилу. Петръ искалъ развлеченій на сторонѣ и тогда, когда могучая натура его уже была если не сломлена, то потрясена приближавшимися годами старости, послѣ долгихъ лѣтъ не всегда легкаго правленія и не всегда умѣренной жизни, Екатерина въ это время еще была въ цвѣтѣ лѣтъ, если не по метрикамъ, то въ дѣйствительности, а дѣйствительность важнѣе всѣхъ метрикъ.

Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы представить себѣ въ настоящемъ свѣтѣ дѣло камергера Монса, надѣлавшее столько шума въ промежутокъ времени между коронаціею Екатерины и смертью Петра ([16]).

Братъ прежней фаворитки Петра, дѣвицы Монсъ, вышедшей замужъ за генерала Балка и послѣ бывшей придворною дамою Екатерины, камергеръ императрицы, Монсъ-де-ла-Кроа, сталъ получать отъ императрицы столько знаковъ расположенія, что злые языки, дѣлающіе нерѣдко и изъ мухи слона, теперь дѣлали лишь слона слономъ же. Екатерина дѣйтвовала подъ вліяніемъ искренняго чувства, Монсъ отвѣчалъ ей тѣмъ же. Страстность Екатерины и впечатлительность привлекательнаго собою, отличавшагося изящными манерами, камергера завели дѣло слишкомъ далеко. Уши постороннихъ слышали и глаза видѣли много такого, на чемъ обыкновенно лежитъ печать тайны. Вильбоа гово-

---

([15]) *Weber*, III.—([16]) *Villebois* (a) 358. *Galitzin*, 253—255.

ритъ, что онъ, ничего не слыхавъ прежде отъ другихъ объ отношеніяхъ Екатерины къ Монсу, проникъ въ ихъ тайну, какъ скоро разъ увидалъ ихъ вмѣстѣ, хотя онъ видѣлъ ихъ не однихъ, а въ обществѣ. Огласка была сильна. Ягужинскій, прозванный „глазомъ" Петра преимущественно за безцеремонную правдивость, съ какою онъ говорилъ о томъ что видѣлъ, выговаривалъ открыто Монсу его поведеніе. Наконецъ разразилась и буря.

Петръ не могъ не узнать объ отношеніяхъ Екатерины къ Монсу. Онъ рѣшился накрыть виновныхъ и страшно отмстить одному изъ нихъ. Что руководило имъ въ этомъ случаѣ—оскорбленное ли чувство любящаго, или обиженное самолюбіе? Любовь ли Екатерины къ другому, или огласка ея? Надобно полагать, что послѣднее болѣе...

Всегда крутой и необузданный въ гнѣвѣ, Петръ вышелъ изъ себя. Но предъ тѣмъ, какъ буря разразилась, тучи собирались долго. Петръ три дня остается въ зимнемъ дворцѣ, пока Екатерина и придворные думаютъ, что онъ уѣхалъ, и внезапно застаетъ Екатерину и Монса сидящими на скамейкѣ въ уединенномъ мѣстѣ въ саду, съ г-жею Балкъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ поставленною, какъ ему могло показаться, на сторожѣ. Петръ беретъ часы у Монса и переводитъ стрѣлку ихъ, чтобы было позже и чтобы Монсъ шелъ домой. Тамъ его арестуетъ Ушаковъ. Есть извѣстіе, что Петръ, рѣшившись самъ быть судебнымъ слѣдователемъ дѣла Монса, самъ подавалъ арестованному въ первое время пищу, чтобы не допускать къ нему постороннихъ, и что въ первое время Монсъ былъ заключенъ въ зимнемъ дворцѣ, откуда его отвезли въ крѣпость. Въ первое время Петръ хотѣлъ отдать дѣло Монса на судъ государственныхъ чиновъ, но Остерманъ и гр. П. Толстой на колѣняхъ умоляли его не дѣлать этого, представляя, что въ такомъ случаѣ его дочерямъ отъ Екатерины послѣ не найти жениховъ. Петръ сдался на это представленіе, и Монса положено было преслѣдовать лишь за то, что онъ и его сестра, Балкъ, брали приношенія за ходатайства у императрицы о постороннихъ лицахъ, тѣмъ прямо нарушая законъ 1714 г. о взяточничествѣ. Обвиненіе было справедливо, и формально дѣло производилось лишь о „ве-

щественной благодарности", которую Монсъ и его сестра не отвергали за свое предстательство предъ императрицею, хотя каждый зналъ истинную причину преслѣдованія.

Разъ, въ темный осенній вечеръ, когда въ крѣпости происходило разслѣдованіе дѣла Монса, Петръ пріѣхалъ къ своимъ дочерямъ, въ то время когда Француженка давала имъ и дѣвочкамъ, взятымъ для сообщества имъ въ ученіи, урокъ. Француженка передавала послѣ ([47]), что Петръ былъ страшно блѣденъ, его глаза на выкатѣ горѣли гнѣвомъ. Онъ сталъ ходить по комнатѣ большими шагами, бросая отъ времени до времени грозные взоры на своихъ дочерей. При немъ обыкновенно былъ складной охотничій ножъ, и онъ разъ 20 вынималъ его, открывалъ и складывалъ. Между тѣмъ всѣ бывшія въ комнатѣ успѣли, одна за другою, ускользнуть въ сосѣднюю комнату, и только одна маленькая Француженка, спустившаяся съ испуга подъ столъ, оставалась свидѣтельницею дальнѣйшаго. Петръ билъ кулакомъ о столъ и о стѣны, бросилъ свою шляпу объ-полъ и наконецъ, выйдя изъ комнаты, такъ сильно ударилъ дверью, что та треснула.

Въ другое время Петръ стоялъ съ Екатериною во дворцѣ у окна.

„Ты видишь — сказалъ онъ ей — это венеціанское стекло. Оно сдѣлано изъ простыхъ матеріаловъ, но, благодаря искусству, стало украшеніемъ дворца. Я могу возвратить его въ прежнее ничтожество."

Съ этимъ словомъ онъ разбилъ стекло въ дребезги.

Екатеринѣ не трудно было понять намекъ, но она не потеряла присутствія духа.

— Вы можете это сдѣлать, но достойно ли это васъ, государь? — отвѣчала она — и развѣ оттого, что вы разбили стекло, дворецъ вашъ сдѣлался красивѣе?

Петръ ничего не отвѣчалъ. Хладнокровіе здраваго смысла утишило раздраженіе

Монса казнили. Передъ казнью Петръ сказалъ ему, что жалѣетъ, что долженъ лишиться его, но что рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе. Монсъ умеръ, не выказавъ

([47]) Villebois (b), 132—133.

упадка духа. Предъ смертью онъ передалъ исповѣдавшему его пастору часы съ портретомъ Екатерины. Послѣ, подъ подкладкою его платья, нашли другой портретъ Екатерины, осыпанный бриллiантами. Третiй, бывшiй у него портретъ, онъ успѣлъ передать довѣренному лицу, когда вели его прямо къ арестованiю. Сестрѣ Монса назначено было дать 11 ударовъ кнутомъ, но ей дали только 5 и сослали ее въ Сибирь. Месть Петра Екатеринѣ выразилась въ томъ, что онъ повезъ ее смотрѣть на отрубленную голову Монса. Головы казненныхъ въ то время еще выставлялись на общее позорище по азiатскому обычаю, неотмѣненному вводителемъ европейскихъ. Екатерину провезли такъ, что платье ея должно было коснуться эшафота, и во все это время Петръ, не спуская глазъ, пристально смотрѣлъ на нее.

Екатерина вѣрила въ сны и имѣла привычку разсказывать ихъ окружающимъ, находя для нихъ истолкованiе. За двѣ недѣли до ареста Монса, она видѣла сонъ, оказавшiйся пророческимъ. Она видѣла, что постель ея внезапно покрылась змѣями, ползавшими во всѣхъ направленiяхъ. Одна изъ нихъ, самая большая, бросилась на нее, обвила кольцами ей всѣ члены и стала душить ее. Екатерина защищается, борется со змѣемъ и наконецъ задушаетъ его. Тогда всѣ прочiя, мелкiя змѣи поспѣшно сбѣжали съ ея постели. Екатерина истолковывала себѣ этотъ сонъ такъ, что ей будутъ грозить большiя опасности, но что она выдетъ изъ нихъ невредима. Обстоятельства подтвердили истолкованiе.

Казненъ былъ Монсъ, а скоро спустя перешелъ въ вѣчность и Петръ. Что же дѣлаетъ Екатерина? Она сорокъ дней оставляетъ тѣло умершаго супруга непогребеннымъ и ежедневно, утромъ и вечеромъ, по получасу, плачетъ надъ нимъ. „Придворные — говоритъ Вильбоа — дивились, откуда столько слезъ берется у императрицы.“ Два Англичанина нарочно ходили ежедневно къ гробу Петра, чтобы смотрѣть на эти слёзы какъ на диковинку, и Вильбоа говоритъ, что, смотря на слезы Екатерины, онъ растрогивался, какъ на представленiи „Андромахи.“ Тѣло Петра стояло открытымъ такъ долго, что наконецъ запахъ отъ него былъ очень чувствителенъ во дворцѣ. Въ это время умерла отъ быстрой

горячки маленькая дочь Петра и Екатерины, Наталья Петровна, и очень вѣроятно, что міазмы отъ предавшагося тлѣнію тѣла отца могутъ объяснить неожиданную смерть малютки-дочери.

По смерти Петра при дворѣ были въ случаѣ: въ теченіе девяти мѣсяцевъ Ривенвольденъ и послѣ молодой Сапѣга, женившійся на племянницѣ Екатерины Софьѣ Карловнѣ Скавронской ([48]). Это была единственная изъ Скавронскихъ приближенная ко двору при Екатеринѣ. Отецъ ея, братъ Екатерины, Карлъ Самойловичъ, хотя получилъ богатыя помѣстья и числился камергеромъ, но не имѣлъ ни чиновъ, ни орденовъ. При жизни Петра, Скавронскіе оставались въ деревнѣ, на родинѣ, и предписано лишь было, чтобы о нихъ пеклись и чтобы они ни въ чемъ не нуждались. Екатерина, вступивъ на престолъ по смерти мужа, вызвала ихъ въ Петербургъ, хотя Латышка, жена Карла Самойловича, и горько плакала, прося, чтобы ихъ оставили на родинѣ ([49]).

Екатерина не долго пережила Петра. Предъ смертію она видѣла другой сонъ, опять вѣрно истолкованный ею. Ей снилось, что она сидитъ за столомъ, окруженная придворными. Вдругъ появляется тѣнь Петра. Петръ одѣтъ, какъ одѣвались древніе Римляне. Онъ манитъ къ себѣ Екатерину. Она идетъ къ нему, и онъ уносится съ нею подъ облака. Улетая съ нимъ, она бросила взоръ на землю. Тамъ она увидала своихъ дѣтей, окруженныхъ толпою, составленною изъ представителей всѣхъ націй, шумно спорившихъ между собою. Она истолковала сонъ такъ: что она должна скоро умереть и что по смерти ея въ государствѣ настанутъ смуты.

Въ апрѣлѣ 1727 г. она заболѣла. 29 апрѣля ждали смерти ея, но обильная рвота ([50]) и затѣмъ пятичасовой сонъ на рукахъ дочери, казалось, обѣщали благопріятный исходъ болѣзни. Потомъ ей сдѣлалось однако опять хуже, и чрезъ нѣсколько дней она скончалась. Молва, передаваемая писателями-иностранцами, что она была отравлена медленнымъ ядомъ, находила, быть можетъ, поддержку себѣ въ

([48]) Villebois(b), 139.—([49]) Арсеньевъ, 74—75.—([50]) Weber, III, 81—82.

извѣстномъ спорѣ Меньшикова съ Бассевичемъ о престоловаслѣдіи, въ разсказанномъ нами выше фактѣ о пулѣ, пущенной при смотрѣ гвардіи неизвѣстною рукою и наконецъ въ ходѣ предсмертной болѣзни императрицы, съ рвотою 29 апрѣля. Но молва эта, какъ не основанная на положительныхъ данныхъ, можетъ быть только упомянута.

5 Мая 1727 г. во дворцѣ русскихъ царей пресѣклась замѣчательная жизнь, начавшаяся въ избѣ литовскаго крестьянина и кончившаяся на одномъ изъ самыхъ могущественныхъ престоловъ. Были и другіе примѣры возвышенія лицъ, рожденныхъ въ низкой долѣ, до порфиры и трона, но тамъ большею частью сильный характеръ, замѣчательный умъ, умѣніе пользоваться обстоятельствами выдвигали впередъ любимцевъ счастія. Екатерина возвысилась до трона, благодаря случаю, благодаря Петру; удивительно ли, что въ самодержицѣ русской Екатеринѣ I до конца жизни ея проглядывала прежняя маріенбургская Марта? Она и царицею не хочетъ учиться читать и писать, потому что вся забота ея — дѣлать угодное Петру. Она до конца жизни подчинена вліянію Меньшикова. Она не честолюбива, она восходитъ на тронъ, лишь потому что такъ сложились обстоятельства: этого хотѣли Меньшиковъ, Бассевичъ. Она никогда не забываетъ чѣмъ была прежде, не стыдится своего прошлаго, не отталкиваетъ отъ себя тѣхъ, кто зналъ и окружалъ ее въ прошломъ. Блескъ и пышность не поразили ея; прежняя бѣдная доля въ воспоминаніи не пугала ея. О ней можно сказать доброе слово: къ чести ея, какъ ни мѣнялись ея прозвища и титулы, она оставалась постоянно тою же. А это можно сказать далеко не о всѣхъ и каждомъ.

В. Андреевъ.

Статья эта написана прежде чѣмъ вышелъ въ свѣтъ 18-й томъ «Исторіи Россіи», С. М. Соловьева; въ 210-мъ примѣчаніи къ этому тому находятся совершенно новыя извѣстія о родствѣ императрицы Екатерины I-й, розысканныя по ея собственному приказанію въ 1715 году П. М. Бестужевымъ.

П. Б.

ПИСЬМА О РОССІИ ВЪ ИСПАНІЮ ДУКА ДЕ ЛИРІЯ (*)

1730 годъ.

30 Января. Никакъ не думалъ я, чтобы мнѣ пришлось нынѣ посылать курьера Мануеля де-Лекароса къ королю нашему государю съ извѣстіемъ о преждевременной кончинѣ Его Царскаго Величества. Царь заболѣлъ 17 числа этого мѣсяца; на третій день выступила оспа въ большомъ обиліи, и до ночи 28 числа все показывало, что она будетъ имѣть хорошій исходъ; но въ этотъ день оспа начала подсыхать, и на больнаго напала такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь. Вчера весь день онъ чувствовалъ себя весьма дурно, лихорадочные припадки повторялись, вечеромъ составили его завѣщаніе и принесли ему для подписи; но было уже не время, потому что у него отнялся языкъ, и послѣ непродолжительной агоніи онъ испустилъ духъ, въ полчаса втораго по полуночи (1).

Въ пять часовъ утра въ Кремлѣ собрался Верховный Совѣтъ, для чего были повѣщены всѣ генералы. Собраніе открылъ рѣчью князь Димитрій Голицинъ, какъ самый старшій; хотя при этомъ и находился великій канцлеръ, но онъ имѣлъ такое сильное воспаленіе въ горлѣ, что не могъ говорить (2). Онъ сказалъ, что такъ какъ Богъ наказалъ ихъ, взявши къ себѣ царя и такъ какъ эта монархія не можетъ остаться безъ главы, которая бы управляла ею, то онъ

(*) См. XVIII-й вѣкъ кн. 2-я, стр. 1—214.

(1) Петръ III-й скончался въ Лефортовскомъ дворцѣ, что нынѣ занятъ военнымъ архивомъ. *П. Б.*

(2) Въ русскомъ переводѣ «Записокъ Дюка Лирійскаго» стр. 76 очевидно ошибочно говорится, что великаго канцлера не было вовсе на этомъ собраніи. Эта ошибка едвали не принадлежитъ переводчику.

думаетъ, что никто не можетъ скорѣе быть государынею, какъ герцогиня Курляндская Прасковія ([3]), дочь царя Ивана, брата Петра I и тетка покойнаго, принцесса, которую, такъ какъ она одной и той же крови съ древними государями и украшена всѣми необходимыми качествами, онъ считаетъ наиболѣе достойною этого, и что если они того же мнѣнія, пусть выразятъ это виватами, каковые всѣмъ собраніемъ и повторились три или четыре раза вслѣдствіе того, что всѣ главные министры и генералы признали ее царицей и присягнули ей въ вѣрности.

Тотчасъ была выбрана депутація, для отправленія къ герцогинѣ, а генералъ-лейтенанту Лефорту данъ приказъ извѣстить объ этомъ въ должной формѣ какъ городъ, такъ и войска. При этомъ не было ни барона Остермана, ни князя Алексѣя Долгорукаго: втораго потому, что онъ занятъ былъ нужными распоряженіями относительно тѣла, а перваго потому, что онъ пускалъ себѣ кровь.

Въ десять часовъ, по приказанію Верховнаго Совѣта, церемоніймейстеръ отправился по иностраннымъ министрамъ съ извѣстіемъ о кончинѣ царя.

Выборъ Курляндской герцогини обманулъ всѣ ожиданія, и мои во-первыхъ, какъ вы увидите изъ прилагаемаго при этомъ дупликата письма, которое я писалъ вамъ прошлую почту. Мы никогда и не думали, чтобы корона досталась кому-нибудь другому, кромѣ четырехъ лицъ, упоминаемыхъ въ сказанномъ письмѣ, именно: царицы бабки, принцессы Елисаветы, княжны-невѣсты и сына герцога Голштинскаго; но на собраніи нынѣшняго утра не говорили, даже не упоминали объ этихъ четырехъ лицахъ.

Могу увѣрить Его Величество, что Русская нація не могла выбрать лучшей государыни. Герцогиня Курляндская тридцати шести лѣтъ отъ роду, очень величественной представительности, очень любезна, отличается большимъ умомъ и поистинѣ достойна трона. Считаю себя счастливымъ, что я отнесся къ ней съ особеннымъ вниманіемъ не только въ бытность мою въ Курляндіи, но также и здѣсь, когда она прі-

---

([3]) До такой степени мало знали въ дипломатическомъ кругу герцогиню Курляндскую, что де-Лирія смѣшиваетъ ея имя съ именемъ ея сестры. *П. Б.*

ѣзжала въ эту столицу, чтобы присутствовать на коронаціи покойнаго царя, и она меня почтила особеннымъ отличіемъ.

Фамилія Долгорукихъ больше мертва, чѣмъ жива, исключая фельдмаршала Долгорукаго, который, какъ умный человѣкъ, предпочелъ благо своей націи интересу своей фамиліи. Отнынѣ же падетъ все величіе этой фамиліи, и поднимется фамилія Голицыныхъ.

Благодареніе Богу, все произошло съ величайшимъ спокойствіемъ, и все такъ тихо, какъ будто ничего и не бывало. Не знаю, дадутъ ли мнѣ паспорты для отправленія нынѣ экстреннаго курьера, но надѣюсь, во всякомъ случаѣ, онъ можетъ выѣхать завтра.

31 Января. Пока мнѣ недостаетъ способовъ для отправки Лекароса, я продолжаю узнавать новыя обстоятельства, которыя сопровождали смерть царя. Когда Долгорукіе увидѣли, что онъ уже не встанетъ, они задумали женить его по всей формѣ, чтобы такимъ образомъ корону обезпечить княжнѣ-невѣстѣ; по этому съ героическимъ безкорыстіемъ воспротивился фельдм. Долгорукій, не смотря на то, что онъ ей дядя; и такъ какъ съ нимъ соединился и баронъ Остерманъ, то они и не могли исполнить задуманное.

Тотчасъ же по смерти царя, прежде всего собрались магнаты, чтобы условиться, что дѣлать на публичномъ собраніи. Князь Алексѣй Долгорукій, видя невозможность добиться короны для своей дочери, по нуждѣ сдѣлался добросовѣстнымъ и сказалъ, что царь умеръ и нужно серьезно подумать о преемникѣ, достойномъ трона, что это-де правда, что онъ былъ помолвленъ съ его дочерью и все было готово къ сватьбѣ, но такъ какъ бракъ не совершился, то невѣста и не имѣетъ претензіи и что пусть подумаютъ, на комъ остановиться. Тогда же было рѣшено выбрать герцогиню Курляндскую. Съ извѣстіемъ къ герцогинѣ Верховный Совѣтъ отправилъ въ Митаву князя Василія Долгорукаго, министра того же совѣта; Сенатъ—статскаго совѣтника и сенатора князя Михаила Голицина, брата фельдмаршала Голицина (¹) а генералы—генералъ-майора Леонтьева, которые всѣ и выѣхали вчера въ 8 часовъ вечера.

(¹) Въ переводѣ «Записокъ дюка Лирійскаго» стр. 76 онъ, вѣроятно ошибочно, названъ братомъ князя Димитрія Голицина.

Хотя принцесса Анна, герцогиня Курляндская, провозглашена и признана царицей; но еще сомнѣваются, приметъ ли она выборъ, потому что этотъ выборъ сдѣланъ съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣсколько тяжелыми; но я не сомнѣваюсь, что приметъ: потому что, не говоря уже о пріятности царствовать, однажды получивши власть, она легко сброситъ иго.

Во-первыхъ хотятъ, чтобы она не выходила замужъ, во-вторыхъ, чтобы ею руководствовалъ совѣтъ, назначаемый націей. Идея послѣдней та, чтобы считать царицу лицомъ, которому они (3) отдаютъ корону какъ бы на храненіе, чтобы въ продолженіе ея жизни составить свой планъ управленія на будущее врямя. Они думаютъ, что, если цари останутся такими абсолютными, какъ это было доселѣ, всегда найдется фаворитъ, который можетъ управлять ими и *жезломъ*, и *пыркомъ*, и *швыркомъ*, какъ дѣлали, въ продолженіе царствованія покойнаго царя Петра II, князь Иванъ Долгорукій и его отецъ. Твердо рѣшившись на это, они имѣютъ три идеи объ управленіи, въ которыхъ еще не согласились:

Первая — слѣдовать примѣру Англіи, въ которой король ничего не можетъ дѣлать безъ парламента.

Вторая—взять примѣръ съ управленія Польши, имѣя выборнаго монарха, котораго бы руки были связаны республикой.

И третья—учредить республику во всей формѣ безъ монарха.

Какой изъ этихъ трехъ идей они будутъ слѣдовать, это еще неизвѣстно. Но то вѣрно, что они желаютъ, чтобы новая царица не занималась управленіемъ, и въ тоже время тронъ принялъ бы законы, которые они на него налагаютъ и все направилось такимъ путемъ, чтобы уже было несомнѣнно, что эти народы возвращаются къ своимъ старымъ обычаямъ.

На мой взглядъ особенно важно то порученіе, съ которымъ отправились въ Митаву три депутата; но я не сомнѣваюсь, что герцогиня приметъ предлагаемую ей корону.

---

(3) Дукъ де-Лирія *націей* называетъ Русскихъ магнатовъ, почему онъ дальше даже забываетъ о названіи націи, а говоритъ просто *они*.

Въ такомъ случаѣ чрезъ мѣсяцъ она можетъ пріѣхать сюда, а чрезъ пятнадцать дней мы непремѣнно будемъ имѣть извѣстіе о ея рѣшеніи.

Все продолжаетъ быть покойно, и нынѣ я ѣздилъ поздравить старшую сестру будущей царицы, герцогиню Мекленбургскую, которая, хотя ей и досадно, что не выбрали ея, притворяется довольною и веселою.

Отъ того же числа. За нѣсколько дней до смерти царя, фельдм. Долгорукій сдѣлалъ Верховному Совѣту представленіе, въ которомъ онъ, ясно изложивши какъ распредѣлить существующія въ Россіи войска, выставилъ на видъ, что, въ случаѣ нужды невозможно будетъ посылать 30 тысячь человѣкъ, выговоренныя на помощь императору; что поэтому необходимо поискать возможныхъ средствъ избавиться отъ этого обязательства, столь вреднаго Русской націи и подготовить и заключить новые союзы, болѣе выгодные для монархіи. Послѣ этого представленія (о которомъ графъ Вратиславскій не знаетъ) было собраніе Долгорукихъ въ домѣ князя Алексѣя Долгорукаго, на каковомъ собраніи было рѣшено, что если случится, что государь императоръ будетъ просить 30 тысячь человѣкъ, не давать ихъ ему. Вотъ что думаютъ Долгорукіе. Изъ этого вы можете понять, что они не совсѣмъ благоговѣютъ предъ императорскимъ дворомъ. Со смертію царя, бывшаго племянникомъ императрицы, совершенно прекратился авторитетъ, который могъ имѣть при этомъ дворѣ государь императоръ, и я не сомнѣваюсь, что графъ Вратиславскій получитъ приказаніе отправиться тотчасъ же, какъ только сдѣлаетъ свое привѣтствіе новой царицѣ.

Здѣшнее министерство измѣнитъ свой видъ, но я еще не могу сказать, что̀ случится съ барономъ Остерманомъ.

Три дня тому назадъ пріѣхалъ фельдм. князь Голицинъ, присутствіе котораго весьма усилитъ партію его до̀ма, потому что этотъ человѣкъ весьма рѣшительный и обожаемъ войсками. Итакъ внѣшнее спокойствіе продолжится, а придворныя интриги умножатся, потому скоро начнутъ думать, чтобы выдать царицу замужъ за какого-нибудь отличнаго подданнаго, но я еще не могу предположить, на комъ бы могли остановиться.

Сказанные фельдмаршалы Долгорукій и Голицинъ назначены и допущены въ министры Верховнаго Совѣта.

Отъ того же числа. Нынѣ пополудни явился ко мнѣ церемоніймейстеръ сказать мнѣ отъ имени верховнаго совѣта, что Богъ взялъ къ себѣ Его Царское Величество, и преемницей ему на тронъ выбрана принцесса Анна Ивановна, герцогиня Курляндская, о чемъ и извѣщаетъ меня Верховный Совѣтъ, прося меня увѣрить короля нашего государя въ продолженіи добрыхъ отношеній и согласія, которыя эта монархія желаетъ имѣть съ Его Величествомъ, въ твердости, съ которою бы она хотѣла держаться всѣхъ обязательствъ, принятыхъ ею по трактатамъ, заключеннымъ съ государями-друзьями и наконецъ, во всемъ томъ, что Ея Царское Величество вмѣстѣ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ выразила бы сама тотчасъ же, какъ бы только пріѣхала въ эту столицу. Сказанному церемоніймейстеру я далъ равносильный отвѣтъ, увѣряя его, что король нашъ государь съ величайшимъ удовольствіемъ услышитъ извѣстіе о выборѣ, павшемъ на столь достойную принцессу, съ которою и со всею Русскою націей онъ сохранитъ самую серьезную дружбу, каковую и докажетъ во всѣхъ случаяхъ.

6-го Февраля, къ сеньеру донъ Хосе-Патиньё. Мое сердце мнѣ говоритъ, что теперь уже принято какое-нибудь рѣшеніе о моемъ выѣздѣ отсюда, и я такъ довѣряю вашей дружбѣ, что не сомнѣваюсь, что буду однимъ изъ офицеровъ-генераловъ, назначенныхъ въ экспедицію. Послѣдняя мнѣ кажется не сомнѣнною, судя по тѣмъ мѣрамъ, которыя началъ принимать императоръ, а находящійся здѣсь его министръ въ своемъ хвастовствѣ такъ широко разѣваетъ ротъ, какъ будто бы глотаетъ насъ всѣхъ; но я не останусь назади, и конечно то, какимъ образомъ наши войска отдѣлали нѣмецкія въ Сициліи, дастъ намъ право говорить съ справедливою довѣренностію.

Два дня тому назадъ пріѣхалъ изъ Вѣны курьеръ съ приказаніемъ ходатайствовать объ отправленіи 30 тысячъ человѣкъ, выговоренныхъ трактатомъ 6 Августа 1726 года; но я стараюсь убѣждать все министерство, что въ настоящемъ случаѣ при новомъ царствованіи было бы не благо-

разумно удалять изъ страны лучшія и, еще болѣе, хорошо дисциплинированныя войска. Я замѣчаю, что мои убѣжденія оказываютъ дѣйствіе и надѣюсь, что этого не случится, чтобы Русскія войска выступили въ походъ.

6-го Февраля къ маркезу де-ля-Пасъ. Третьяго дни поутру пріѣхалъ сюда курьеръ, присланный Вѣнскимъ дворомъ къ графу Вратиславскому. Я тотчасъ же принялъ мѣры проникнуть причину его пріѣзда и, хотя не безъ труда, могъ узнать слѣдующее: во первыхъ, Его Императорское Величество присылаетъ приказаніе графу поздравить царя съ его бракомъ; во вторыхъ—присылаетъ дары Долгорукимъ, чтобы имѣть ихъ на своей сторонѣ; въ третьихъ, извѣщаетъ графа объ отозваніи изъ Испаніи графа де Кенигсекъ, потому что императоръ не желаетъ принять Севильскаго трактата въ настоящей его формѣ, и Его Цесарское Величество лучше готовъ вести войну, чѣмъ дозволить Испанскимъ войскамъ войти въ Италію, почему 30-ти тысячному корпусу дано повелѣніе вступить въ Ломбардію, а графу Вратиславскому приказано хлопотать о вспоможеніи такимъ же 30.000-мъ корпусомъ, который обязался дать здѣшній дворъ по договору 1726 года.

Графъ Вратиславскій, прочитавши свои депеши, тотчасъ же отправился къ барону Остерману, съ которымъ онъ провелъ цѣлыхъ два часа, а вчера онъ ѣздилъ по всѣмъ главнымъ министрамъ этого двора хлопотать о сказанномъ пособіи. Я съ своей стороны тоже не спалъ и, хотя я не имѣю приказанія короля нашего государя дѣйствовать, но надѣюсь все таки, что моя ревность удостоится королевскаго одобренія. Я по слѣдамъ Вратиславскаго былъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ онъ, и съ мягкостію старался убѣждать, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи было бы неблагоразуміемъ отпускать 30-ть тысячъ лучшихъ войскъ и что, если императоръ будетъ настаивать на исполненіи трактата, они теперь имѣютъ прекрасный предлогъ не исполнить его, потому что собственная безопасность должна быть предпочтена чужой и что при неизвѣстности, все ли пройдетъ спокойно, когда будетъ обнародованъ новый планъ управленія, благоразуміе требуетъ не мѣшаться въ чужую войну и что, кромѣ того, я не вижу

какъ государь императоръ можетъ оплачивать Русскія войска, когда ему едва достаетъ денегъ платить жалованье своимъ; что когда мы были союзниками, было другое дѣло— тогда онъ могъ платить вспомогательнымъ войскамъ нашими деньгами; но теперь, съ прекращеніемъ нашихъ субсидій, будутъ опозорены тѣ государи, которые въ простотѣ сердца ввѣрятъ ему свои войска.

Я нашелъ, что моя рѣчь не осталась безъ вліянія на многихъ и особенно на фельдмаршаловъ Долгорукаго и Голицина, и я постараюсь усилить это доброе расположеніе, чтобы государю императору не удалось получить желаемой имъ помощи, на которую онъ такъ расчитываетъ. Между тѣмъ графъ Вратиславскій захлопотался до кроваваго пота и съ утра до ночи заставляетъ бѣгать своихъ двухъ провожатыхъ или помощниковъ, безъ которыхъ онъ не дѣлаетъ шага, это посланниковъ Пруссіи и Бланкенбурга; но я не премину помѣшать достиженію ихъ претензій.

Еще отъ 6-го Февраля. Третьяго дня поутру я отправилъ отсюда курьера Мануэля де-Лекароса съ подробнымъ извѣстіемъ о всемъ, что произошло здѣсь по случаю смерти царя, и надѣюсь, что сказанный курьеръ доѣдетъ счастливо и скоро.

Послѣ этого я узналъ, что три депутата, отправившіеся отсюда въ Митаву 3-го числа, находились за полтора дни пути оттуда, и чрезъ два или три дни мы надѣемся имѣть извѣстіе о ихъ пріѣздѣ туда и о пріемѣ будущей царицы.

Планъ управленія, которое хотятъ установить здѣсь, отнимаетъ у Ея Царскаго Величества всякую власть. Она не будетъ имѣть никакой власти надъ войскомъ, которымъ будутъ распоряжаться фельдмаршалы, давая во всемъ отчетъ Верховному Совѣту, и царица будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи только ту гвардію, которая будетъ на дѣйствительной службѣ во дворцѣ; она не будетъ имѣть ни одного слуги, который бы по формѣ не былъ утвержденъ Верховнымъ Совѣтомъ. Послѣдній будетъ составленъ изъ двѣнадцати членовъ, и всѣ дѣла будутъ восходить къ этому трибуналу. Сенатъ будетъ составленъ изъ тридцати лицъ, и онъ будетъ заниматься дѣлами судебными. Кромѣ этихъ

двухъ трибуналовъ будетъ еще одинъ, изъ 200 лицъ мелкаго дворянства и въ родѣ нижней палаты. Будетъ одинъ великій казначей, который подаетъ отчеты только Верховному Совѣту. Вотъ проектируемая доселѣ идея въ планѣ управленія. Богъ знаетъ, будетъ ли она строго развита какъ есть, или что-нибудь въ ней измѣнятъ, но то вѣрно, что ни въ какомъ случаѣ не хотятъ оставить царицѣ какой нибудь авторитетъ.

Два Голштинскіе министра (одинъ графъ Бонде, который еще не уѣхалъ), находящіеся здѣсь, представили протестъ противъ всего того, что сдѣлано вопреки правъ сына ихъ государя, который долженъ быть дѣйствительнымъ наслѣдникомъ. Я думаю, что имъ не дадутъ никакого отвѣта, а если дадутъ, боюсь, это будетъ объявленіе покойной герцогини Голштинской и ея сестры принцессы Елисаветы незаконнорожденными, родившимися внѣ брака и въ публичномъ сожительствѣ. Весьма много враговъ имѣетъ эта бѣдная государыня-принцесса, чего она и не заслуживаетъ, потому что не дѣлаетъ зла никому, отличается прекраснѣйшими качествами, и ея недостатки не предятъ никому, кромѣ ея самой (*).

Среди всего этого баронъ Остерманъ притворяется больнымъ и не хочетъ мѣшаться ни въ какіи дѣла до самаго пріѣзда царицы.

Партій безчисленное множество, и хотя послѣ смерти царя все продолжаетъ быть въ величайшемъ спокойствіи, но еще не все кончено и, пожалуй, можетъ произойти какая-нибудь вспышка.

Говорятъ, что потребуютъ отъ Долгорукихъ, отца и сына, фаворитовъ царя, отчета въ громадныхъ суммахъ и драгоцѣнностяхъ, которыя прошли чрезъ ихъ руки, и я весьма боюсь, что они будутъ поставлены въ величайшее затрудненіе, не будучи въ состояніи выдать ихъ. Княжнѣ-невѣстѣ, какъ меня увѣрили, назначатъ не больше какъ пять тысячъ рублей вдовьяго пансіона, что составитъ около шести тысячъ песовъ нашей монеты.

(*) Читатели уже замѣтили легкомысліе дука де Лиріи; оно обнаруживается между прочимъ и здѣсь по сравненію прежнихъ его отзывовъ объ Елизаветѣ Петровнѣ. *П. Б.*

Почти незамѣтно, чтобы жалѣли о смерти царя, по причинѣ удовольствія, которое доставило всѣмъ паденіе Долгорукихъ, которые всѣхъ, даже самаго царя, трактовали съ гордостію и невыносимымъ самовластіемъ.

Еще отъ 6 Февраля. Къ извѣстіямъ въ другихъ нынѣшнихъ письмахъ я могу прибавить только то, что во время своей болѣзни Его Царское Величество объявилъ свое помилованіе дѣтямъ князя Меншикова, не только освободивъ ихъ изъ заточенія въ Сибири, но и наградивши каждаго изъ нихъ майоратами изъ деревень и крестьянъ въ десять тысячъ рублей, по каковому предмету Верховный Совѣтъ сдѣлалъ уже надлежащія распоряженія.

13 Февраля. Три дня тому, пріѣхалъ изъ Митавы курьеръ, присланный княземъ Василіемъ Долгорукимъ съ извѣстіемъ, что онъ пріѣхалъ въ сказанный городъ съ своими двумя спутниками ночью 4 Февраля, что они объявили герцогинѣ Курляндской о ея выборѣ съ условіями, которыхъ отъ нея желаетъ Русская нація, что ея высочество приняла и согласилась на все, чего они отъ нея желали. Я не могъ еще точно узнать, каковы эти условія, но судя потому, что́ я узналъ, они мало отличаются отъ тѣхъ, которыя я сообщилъ вамъ прошлую почту.

Сказанный курьеръ привезъ также извѣстіе о томъ, что 9 Февр. царица назначила днемъ выѣзда въ эту столицу, куда мы ее ждемъ въ концѣ этой недѣли.

Меня увѣряли, что сегодня или завтра будетъ обнародованъ новый планъ управленія и что новой царицѣ будутъ присягать съ тою особенностію, что будутъ клясться быть вѣрными Отечеству и Ея Царскому Величеству.

Если въ эти два дни случится что-нибудь особенное, я пошлю съ извѣстіемъ нарочнаго до Риги, чтобы Его Величество во́-время получилъ извѣстіе. Я весьма боюсь, что съ обнародованіемъ новаго плана произойдетъ какое-нибудь возмущеніе, потому что офицеры гвардіи открыто говорятъ, что они-де желаютъ лучше быть рабами одного монарха-тирана, чѣмъ покоряться столькимъ главамъ, тираннія которыхъ будетъ невыносима. Чрезъ нѣсколько дней узнаемъ все, а между тѣмъ б. Остерманъ продолжаетъ держаться своего заключенія, изъ котораго онъ не выйдетъ до пріѣзда ца-

рицы. Со всею поспѣшностію занимаются приготовленіемъ всего необходимаго для погребенія царя, которое будетъ чрезъ пять дней.

Другое отъ 13 Февр. Прошедшую почту я сообщалъ вамъ о пріѣздѣ сюда курьера изъ Вѣны къ Вратиславскому и стараніяхъ этого послѣдняго добиться вспоможенія 30 тысячнаго корпуса, выговореннаго трактатомъ 1726. Доселѣ этотъ министръ все продолжаетъ свои настойчивыя исканія, и онъ не только опять видѣлся съ министрами Верховнаго Совѣта, но побывалъ даже въ домахъ наиболѣе важныхъ магнатовъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ. Я старался открыть, нѣтъ ли здѣсь чего-нибудь кромѣ сказаннаго пособія и успѣлъ узнать, что всѣмъ, съ кѣмъ только ни видѣлся, онъ читалъ апологію императора своего государя, выставляя причины, заставившія его разорвать съ королемъ нашимъ государемъ и жалуясь всѣмъ, что онъ заключилъ Севильскій трактатъ безъ вѣдома Его Цесарскаго Величества. Принимая во вниманіе то, что этотъ министръ, оправдывая своего государя, взводилъ обвиненія на дѣйствія короля нашего государя, я счелъ своею обязанностію отплатить тѣмъ же, убѣждая ихъ, что Его Величество рѣшился подписать Севильскій трактатъ лишь послѣ того, какъ долгое время безполезно убѣждалъ Его Цесарское Величество согласиться на его справедливыя королевскія желанія и что наконецъ Его Величество объявилъ государю императору, что если онъ не дастъ ему благопріятнаго отвѣта, то будетъ принужденъ принять свои мѣры; что Севильскій трактатъ задуманъ лишь послѣ того, какъ король нашъ государь очевидными доказательствами убѣдился въ недобросовѣстности, съ которой дѣйствовалъ Вѣнскій дворъ въ вопросѣ о водвореніи инфанта Донъ Карлоса въ Италіи; что сопротивленіе Его Цесарскаго Величества введенію Испанскихъ войскъ въ крѣпости Тосканы и Пармы было очевиднымъ доказательствомъ его злонамѣренности: потому что, послѣ того какъ онъ уже далъ сеньёру инфанту предварительную инвеституру и приступилъ къ Четверному Союзу, въ которомъ условлено тотчасъ же занять сказанныя крѣпости гарнизонами изъ нейтральныхъ войскъ (которыя бы ни въ какомъ случаѣ не зависѣли отъ

Его Цесарскаго Величества) для него должно быть безразлично, будутъ ли это Испанскія войска, или другія нейтральныя, особенно же, когда другіе государи-контрагенты. Четвернаго Союза не находятъ для этого никакого затрудненія, да и онъ объявилъ себя противъ введенія Испанскихъ войскъ только тогда, когда увидѣлъ, что его одобряли Французы и Англичане, а прежде напротивъ даже льстиво склонялъ къ этому короля нашего государя.

Я могу выставлять только эти и подобные доводы, ибо, какъ вы знаете, мнѣ еще неизвѣстенъ Севильскій трактатъ, который мнѣ не сообщенъ и неимѣніе котораго для меня весьма чувствительно. Съ завтра я начну оправданіе дѣйствій короля нашего государя и хотя я не получилъ для этого его королевскихъ приказаній, но надѣюсь, что моя ревность заслужитъ его королевское одобреніе, потому что мнѣ кажется, будетъ оскорбительно для чести Его Величества, если я буду хранить совершенное молчаніе, когда мнѣ расказываютъ, что императорскій министръ такъ чернитъ его королевское поведеніе.

20 Февраля. Что здѣсь происходитъ, вы увидите изъ писемъ, сопровождающихъ это, къ которымъ я еще могу прибавить, что царица завтра пріѣдетъ въ одно мѣстечко, отстоящее на двѣ мили отъ этого города, въ который она будетъ имѣть въѣздъ, какъ меня увѣряютъ, въ ближайшую субботу или воскресенье. Послѣ завтра совершится погребеніе тѣла царя, на которомъ новая царица не будетъ присутствовать. Баронъ Остерманъ все боленъ; хотя ему лучше, но онъ еще не встаетъ.

Другое отъ 20 Февр. Я не перестану слѣдить за Вратиславскимъ и, сколько отъ меня будетъ зависѣть, постараюсь помѣшать успѣху его исканій. Это вѣрно, что дѣла этой націи теперь въ такомъ положеніи, что для нея было бы неблагоразумно мѣшаться въ чужую войну, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ улажены ея собственные домашніе интересы, о которыхъ я вамъ говорю особо въ другомъ письмѣ. Всю эту недѣлю сказанный Вратиславскій оставался спокоенъ, и можно легко предполагать, что причина этого та, что онъ видитъ, что теперешнія занятія здѣшнихъ магнатовъ вовсе не дозволяютъ имъ думать о чемъ-нибудь другомъ.

Третье отъ 20 Февр. Мои письма прошлый разъ (13 Февр.) были уже на почтѣ, когда случилась та новость, что арестовали генерала Ягужинскаго въ Верховномъ Совѣтѣ. Въ этомъ трибуналѣ собрались все высшее дворянство и генералы, которымъ было сообщено о принятіи герцогинею Курляндскою короны и о подписаніи ею условій, копію которыхъ при этомъ посылаю вамъ. Тотчасъ же послѣ сообщенія этихъ документовъ собранію, фельдм. Долгорукій, по приказанію Верховнаго Совѣта, распорядился арестовать сказаннаго Ягужинскаго, который и былъ посаженъ подъ строгій караулъ въ Кремлевскій казематъ. На утро сдѣлалась извѣстна причина его ареста: этотъ генералъ, видя, что хотятъ ограничить власть царицы и дать здѣшнему управленію родъ республики, отправилъ къ царицѣ одного довѣреннаго человѣка и написалъ ей, говоря, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не принимала навязываемыхъ ей условій, что ея выборъ былъ единодушенъ, что пусть только она обнаружитъ твердость и скорѣе ѣдетъ, что онъ и его многочисленные приверженцы не только станутъ на ея сторонѣ, но сдѣлаютъ ее такою же неограниченною, какими были и ея предшественники. Письмо это попало въ руки кн. Василія Долгорукаго или по причинѣ измѣны самой царицы, или по хитрости этого министра, который немедленно отправилъ сюда съ этимъ письмомъ генерала Леонтьева, по пріѣздѣ котораго тотчасъ же и произведенъ сказанный арестъ. Не можемъ еще угадать, на чемъ остановится эта исторія. Многіе того мнѣнія, что Ягужинскій погибнетъ, потому что его преступленіе сдѣлалось публичнымъ; его лишили всѣхъ должностей и ордена св. Андрея. Другіе думаютъ, что царица его спасетъ, потому что все его преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ хотѣлъ утвердить ея власть.

15 числа опять собирался Верховный Совѣтъ, куда было приглашено и высшее дворянство, которому сообщено, что кто хочетъ чѣмъ-либо содѣйствовать наибольшимъ пользамъ имперіи, тотъ можетъ представить свои идеи. Вслѣдствіе этого, сенаторъ кн. Черкасскій немедленно составилъ проэктъ, состоящій изъ 9 артикуловъ, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) долженъ быть Верховный Совѣтъ изъ

21 члена; 2) Сенатъ, состоящій изъ 21 члена; 3) члены этихъ трибуналовъ выбираются генералами и дворянствомъ по большинству голосовъ, и изъ каждой фамиліи можетъ быть выбранъ только одинъ; кандидатами на выборъ могутъ быть не больше двоихъ изъ каждой фамиліи, а вотирующихъ не можетъ быть больше 100; 4) въ Верховномъ Совѣтѣ и Сенатѣ вмѣстѣ могутъ быть только двое членовъ изъ одной и той же фамиліи; 5) впредь законы составляются Верховнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ вмѣстѣ съ генералитетомъ и дворянствомъ; 6) дворянство не принуждается противъ воли выбирать какую-нибудь профессію, и прослужившій 20 лѣтъ не принуждается служить еще; 7) клиръ и купечество должны быть освобождены отъ постоя солдатъ, а крестьянамъ должны быть возможно облегчены налоги; 8) военные успѣхи должны обращать на себя особенное вниманіе, а жалованье войскамъ должно быть платимо во время; 9) свобода выбирать себѣ въ наслѣдники какого угодно сына уничтожается. Проэктъ этотъ былъ подписанъ больше чѣмъ *тридцатью* (6) лицами и представленъ Верховному Совѣту.

Въ то же самое время генералъ Матюшкинъ составилъ другой проэктъ, тоже подписанный множествомъ дворянъ, но я еще не могъ узнать его содержанія. Съ слѣдующею почтою, впрочемъ, надѣюсь прислать вамъ копіи обоихъ.

Теперь всѣ заняты составленіемъ проектовъ, но еще не остановились ни на одномъ, и эти господа-магнаты такъ раздѣлены между собою, что невозможно сказать что-нибудь положительное о ихъ системѣ. Повидимому, съ пріѣздомъ царицы примутъ какое-нибудь рѣшеніе, но какое, угадать трудно. Я могу легко обмануться, но мнѣ кажется, что теперь не согласятся между собою тѣ, которые думаютъ перемѣнить форму правленія и что мы увидимъ царицу такою же неограниченною, какими были ея предшественники; но въ продолженіе ея царствованія они будутъ образо-

---

(6) Въ переводѣ «Записокъ дюка Лирійскаго» стр. 80 говорится, будто этотъ проэктъ подписанъ *390* человѣкъ. Такъ какъ подписи собирались между дворянами только, то это очевидно преувеличенная ошибка. Число 30, какое мы находимъ въ настоящей запискѣ, ближе къ истинѣ.

вывать и совершенствовать свою систему, чтобы установить ее послѣ ея смерти.

Между тѣмъ, кажется, что хотятъ удалить всѣхъ иностранцевъ, и многіе думаютъ, что Остерманъ будетъ отставленъ отъ министерства. Если случится это, не стóитъ тогда и обращать вниманія на эту страну, потому что Остерманъ единственный человѣкъ, который доселѣ поддерживалъ идеи Великаго Петра Перваго и давалъ этой монархіи значеніе во всѣхъ дѣлахъ Европы. По удаленіи его не будутъ думать ни о чемъ, какъ только о возвращеніи къ своимъ старымъ обычаямъ; между ними будутъ постоянныя несогласія, и они дойдутъ до той ничтожной роли, которую они играли до царствованія Петра Перваго.

„*Копія* пунктовъ, которые подписала царица, принимая Русскую корону, обѣщая въ тоже время хранить ихъ съ величайшею точностію. Само собою разумѣется, что по сказаннымъ пунктамъ она не можетъ дѣйствовать иначе, какъ только въ совершенномъ согласіи съ Верховнымъ Совѣтомъ. 1. Она во всемъ руководится мнѣніемъ Верховнаго Совѣта. 2. Не будетъ предпринимать никакой войны. 3. Не можетъ заключать никакого мира. 4. Не можетъ налагать никакого налога. 5. Не можетъ предоставлять никакой значительной должности. 6. Не можетъ объявлять ни сентенціи ни какого наказанія кому-либо изъ дворянства безъ формальнаго процесса 7. Не можетъ конфисковать имуществъ ни одного дворянина, покрайней мѣрѣ, если это не будетъ вызвано какимъ нибудь важнымъ преступленіемъ. 8. Не можетъ отчуждать ни имущества, ни земли, принадлежащихъ коронѣ“.

27 *Февраля.* 21 числа этого мѣсяца царица пріѣхала въ одно мѣстечко, отстоящее отъ города на одну милю. Тотчасъ же отправились къ ней туда для цѣлованія руки всѣ магнаты, дворянство, военные и клиръ. Она оставалась тамъ до вчерашняго дня, а вчера имѣла свой торжественный въѣздъ въ городъ въ той же формѣ и съ тѣми же церемоніями, какъ имѣлъ его и Петръ Второй.

22 числа совершилось погребеніе сказаннаго царя съ пышностію и великолѣпіемъ, какъ вы увидите изъ прила-

гаемой при семъ реляціи (7), которую я посылаю вамъ для любопытства Его Величества, считая нужнымъ прибавить, что среди прекраснаго яснаго солнечнаго дня, въ то время какъ выносили изъ дворца трупъ, на небѣ показалась радуга, которая была видима около получаса.

23 числа царица объявила себя капитаномъ Кавалергардовъ и полковникомъ Преображенскаго полка, что̀ было принято этими двумя полками съ величайшей радостью и удовольствіемъ. Эта рѣшимость многихъ поразила, потому что это формальный актъ самодержавія.

25 числа министры Верховнаго Совѣта, Сенатъ, генералитетъ и дворянство отправились всѣ ко двору и представили Ея Царскому Величеству орденъ св. Андрея, который возложилъ на нее, какъ старшій изъ кавалеровъ, великій канцлеръ графъ Головкинъ, признавая ее за великаго магистра сказаннаго ордена. Это было сдѣлано съ намѣреніемъ, чтобы дать ей понять, что и въ этомъ она должна зависѣть отъ нихъ.

Признаюсь вамъ, не умѣю сказать ничего положительнаго о томъ, что̀ выдетъ, потому что есть признаки, что желаютъ, чтобы царица была самодержавною, и мы видимъ, что тѣ, которые не желаютъ этого, еще не согласились между собою; впрочемъ они вѣрно примутъ какое-нибудь рѣшеніе на этой недѣлѣ.

Баронъ Остерманъ находится въ такомъ положеніи, что весьма боятся за его жизнь, и третьяго дни онъ былъ причащенъ своимъ лютеранскимъ пасторомъ.

Хотя я досталъ копію съ проэкта князя Черкасскаго, но не посылаю ее вамъ, потому что его артикулы именно тѣ самые, которые я представилъ вамъ съ прошлою почтою; проэкта генерала Манюшкина я еще не могъ достать. О генералѣ Ягужинскомъ не говорятъ ничего; думаютъ, что, принявъ рѣшеніе о новомъ планѣ управленія, примутъ какое-нибудь рѣшеніе и относительно его.

Утромъ, предъ тѣмъ, какъ царицѣ отправиться въ торжественный въѣздъ, я былъ съ поздравленіемъ у Ея Царскаго Величества, впрочемъ какъ частный человѣкъ, и она удостоила меня особеннаго вниманія.

(7) Реляціи этой мы не нашли.

Другое 27 Февраля. Этотъ графъ Вратиславскій разглашаетъ (заставляетъ разглашать и своихъ сторонниковъ), что здѣшнее правительство дало ему положительное слово, что царица будетъ твердо держаться обязательствъ, выговоренныхъ трактатами съ государемъ императоромъ и что всегда, когда бы ни захотѣлъ Его Императорское Величество, 30 тысячь человѣкъ готовы къ походу. Конечно, они дали ему это понять въ общихъ выраженіяхъ. Они и мнѣ говорили въ этомъ же родѣ, какъ я писалъ вамъ, и это вѣрно, что при настоящемъ положеніи здѣшняго правительства для нихъ невыгоденъ внезапный разрывъ съ императоромъ, но все ограничивается словоизверженіемъ: войска-де готовы къ походу, и не исполнятъ этого, потому для здѣшняго правительства не будетъ недостатка въ предлогахъ для того, чтобы выиграть время и дать пройти лѣту. Если я увижу даже малѣйшую вѣроятность, что сказанные 30 тысячь человѣкъ могутъ дѣйствительно выступить въ походъ, я постараюсь распространить записку, въ которой, на основаніи резоновъ, докажу, что имъ нетолько неудобно теперь посылать вонъ изъ государства это вспоможеніе, но что въ настоящемъ случаѣ ихъ не обязываютъ дѣлать это и самые трактаты. Все поведеніе сказаннаго Вратиславскаго направлено къ тому, чтобы поставить меня въ дурныя отношенія съ здѣшнимъ дворомъ, но все мое стараніе направлено будетъ къ тому, чтобы онъ не успѣлъ въ этомъ.

Третье 27 Февраля. Конфиденц. О здѣшнихъ новостяхъ вы узнаете изъ моего оффиціальнаго письма, но я признаюсь, что мое главное вниманіе обращено не на то, что происходитъ здѣсь, но на слѣдствіи Севильскаго трактата. Я думаю, уже выѣхалъ изъ нашей столицы графъ де-Кенигсекъ. Государь императоръ шумитъ весьма много, но я не могу вообразить, чтобы министерство вовлекло его въ войну, когда у него остается такъ мало союзниковъ.

Я имѣлъ честь видѣть Ея Царское Величество, которая почтила меня величайшимъ вниманіемъ и которая заслуживаетъ общую любовь своею любезностію и добротою.

Холода проходятъ, такъ что почти нѣтъ на землѣ снѣга, какъ нѣтъ денегъ въ моемъ карманѣ, и я не знаю, гдѣ достать ихъ.

6 Марта. Прошлый вторникъ, въ обычной формѣ, церемоніймейстеръ повѣстилъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, что на слѣдующій день царица приметъ насъ на аудіенціи. На другой день дѣйствительно мы были съ поздравленіемъ у Ея Царскаго Величества, будучи введены также, какъ это дѣлалось при жизни покойнаго царя: прежде императорскій министръ, а за нимъ я.

Три дня тому, пріѣхалъ изъ Персіи курьеръ съ извѣстіемъ, что принцъ Тамасъ, по взятіи Казбина, послалъ одного изъ своихъ сторонниковъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Испагань, откуда удалился Эзрефъ; столица эта тоже отдалась Тамасу и, кажется, онъ взойдетъ на тронъ своихъ предшественниковъ, потому что всѣ его подданные недовольны правительствомъ Эзрефа не только по причинѣ его тиранніи, но и потому что онъ не держится ихъ религіи, которая считаетъ своимъ пророкомъ Али, а онъ слѣдуетъ религіи Магомета.

Изъ Константинополя получено извѣстіе, что туда пріѣхалъ бывшій здѣсь въ прошедшемъ году Ефенди, что онъ далъ отчетъ въ своихъ комиссіяхъ Портѣ, которая осталась очень довольною здѣшнимъ дворомъ и что великій визирь, пригласивъ къ себѣ Русскаго резидента, выразилъ ему это удовольствіе, прибавивъ, что онъ надѣется, что впередъ оба двора будутъ очень дружны.

Вчера царица дала орденъ св. Екатерины молодой герцогинѣ Мекленбургской, своей двоюродной сестрѣ, а пополудни Ея Царское Величество отправилась посѣтить царицу-вдову, которой здоровье ухудшилось со времени смерти царя—ея внука.

Еще ничего не рѣшено о новомъ планѣ управленія. Для любопытства Его Величества я посылаю вамъ форму присяги, которая была принесена три дня тому назадъ, а равно копію проэкта генерала Машюшкина и еще другаго — князя Куракина ([8]).

Третьяго дня уѣхалъ со всею своей фамиліей князь Алексѣй Долгорукій въ одну свою деревню, что дало поводъ

([8]) Ни формы присяги, ни копій этихъ двухъ проэктовъ мы пока не нашли въ бумагахъ дука де-Лирія.

распространиться молвѣ, что онъ сосланъ, но я узналъ положительно, что онъ возвратится.

Другое отъ 6 Марта. Давъ время покончить самые существенныя дѣла по случаю смерти царя, я написалъ великому канцлеру записку, требуя отъ него должнаго удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное двумъ кавалерамъ моей свиты, господиномъ Головинымъ (Gololvin). Великій канцлеръ сообщилъ объ этомъ Верховному Совѣту, и три дня тому назадъ прислалъ сказать мнѣ, что это дѣло поручено фельдм. Долгорукому. Послѣдній прислалъ ко мнѣ военнаго генералъ-аудитора сказать мнѣ, что Верховный Совѣтъ поручилъ ему дать мнѣ должное удовлетвореніе и что онъ увѣряетъ меня, что я получу полное и что для этого нужно только собрать надлежащія свѣдѣнія о самомъ происшествіи. Я не сомнѣваюсь, что эти господа оставятъ удовлетвореннымъ Его Величество и его королевскую честь, въ чемъ меня увѣрялъ и сказанный фельдмаршалъ.

Третье отъ 6 Марта. Графъ Вратиславскій со всеусердіемъ продолжаетъ хлопотать о вспоможеніи 30-ти тысячнымъ корпусомъ и хотя эти министры мнѣ говорятъ, что они хотятъ исполнить всѣ обязательства, я не могу вѣрить, чтобы при настоящемъ положеніи они могли послать вонъ изъ государства 30 тысячъ войска. Впрочемъ я составилъ на французскомъ языкѣ прилагаемую при семъ записку, которую я препровождаю къ вамъ съ подсрочнымъ испанскимъ переводомъ (9). Если я увижу, что здѣсь серьезно хотятъ принять сторону императора, то я эту записку пущу между главными министрами Верховнаго Совѣта и магнатами.

Записка, о которой говорится въ предшествующемъ письмѣ. „Наконецъ, показываются признаки приближенія войны. Государь императоръ хочетъ втянуть въ нее и Ея Царское Величество на основаніи трактата, заключеннаго въ Вѣнѣ 6 Августа 1726 года. Но нужно еще основательно пообдумать, дѣйствительно ли Ея Всероссійское Величество обязано принимать сторону своего союзника или должно оставить его одного. Сторонники Вѣнскаго двора собственно на основаніи 2 пункта сказаннаго трактата считаютъ Ея Царское Величество обязанною послать въ Германію 30 ты-

(9) Мы нашли только испанскій ея текстъ.

„сячъ человѣкъ, опредѣленныхъ пунктомъ 6-мъ. Пунктъ же 2-й читается слѣдующимъ образомъ: „Какъ Его Цесарско-„Католическое Величество приступилъ къ трактату мира, „заключенному въ Нейштадѣ 30 Августа 1721 года между „коронами Русскою и Шведскою, а равно къ Союзу Сток-„гольмскому, заключенному между тѣми же 22 Февраля 1724 „года, сообразно съ каковымъ Союзомъ договаривающіяся „стороны должны стараться еще тѣснѣе сблизить узы „дружбы; такъ и Его Всероссійское Величество приступаетъ „къ трактату мира, заключенному въ Вѣнѣ 30 Апрѣля 1725 „года, между Его Цесарско-Католическими Величествами и „свѣтлѣйшимъ королемъ Испаніи Филиппомъ V, и обѣщаетъ „гарантировать всѣ пункты и условія этого трактата, не „иначе и съ тѣмъ же самымъ обязательствомъ, какъ будто „онъ былъ договаривающеюся стороною съ самаго начала, „и это относительно всѣхъ королевствъ и провинцій, кото-„рыми Ихъ Цесарско-Католическія Величества владѣютъ въ „настоящее время и за которыя сообразно съ этимъ тракта-„томъ они поручились за себя и за своихъ преемниковъ, по „смыслу пункта 12, такъ что, еслибы случилось, что кто-„нибудь сталъ бы всячески безпокоить Его Цесарское Ве-„личество по поводу и во вредъ сказаннаго мира, заклю-„ченнаго съ королемъ Испаніи, или по какой-нибудь другой „причинѣ, въ такомъ случаѣ Его Всероссійское Величество „обѣщаетъ и обязуется не только прислать Его Цесарско-„Католическому Величеству тѣ вспоможенія, которыя опре-„дѣлены ниже въ пунктѣ 6 этого Союза, но также объявить „войну нападающему, если того потребуютъ обстоятельства „и нужда, чтобы согласно дѣйствовать противъ него ору-„жіемъ, и не вступать въ переговоры, ни заключать съ нимъ „мира до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены обиды и „вредъ, и тогда все таки съ полнаго согласія Его священ-„наго Католическаго Величества.“

„Съ перваго раза кажется, что Россія обязана слѣпо принимать на себя всѣ интересы императора и послать ему 30 тысячъ человѣкъ въ случаѣ разрыва съ Испаніей. Но только люди или пристрастные или худо понимающіе могутъ впасть въ это заблужденіе“.

„*Вопервыхъ*, трактатъ между императоромъ и Россіею имѣетъ только оборонительный характеръ и слѣдовательно въ настоящемъ случаѣ Его Царское Величество не несетъ никакого обязательства, потому что если есть война, то это императоръ нападаетъ, и вовсе не подвергается нападенію. Для доказательства этой истины нужно только разсмотрѣть факты. Пунктомъ 5-мъ Четвернаго Союза условлено, что свѣтлѣйшій инфантъ Донъ Карлосъ наслѣдуетъ гер-

цогства Тоскану и Парму послѣ смерти настоящихъ владѣтелей, что между тѣмъ императоръ даетъ предварительную инвеституру, что крѣпости сказанныхъ государствъ тотчасъ же должны быть заняты нейтральными гарнизонами на жалованьи гарантирующихъ государствъ. Предварительную инвеституру Его Цесарское Величество уже далъ, но еще не посланы туда гарнизоны. Теперь идутъ переговоры о томъ, чтобы послать ихъ. Ихъ Католическія (Испанск.) Величества, расчитывая на дружбу и добросовѣстность Его Цесарскаго Величества, просятъ, чтобы вмѣсто нейтральныхъ войскъ послать туда такое же количество Испанскихъ войскъ, обѣщая отозвать ихъ тотчасъ-же, какъ только инфантъ Донъ Карлосъ вступитъ во владѣніе своихъ будущихъ государствъ. Императоръ льстилъ королю Испаніи исполнить его желанія, но, видя теперь, что на это соглашаются Франція и Англія, онъ хватается за Четверной Союзъ и говоритъ, что не хочетъ отступать отъ него. Его Католическое Величество употреблялъ всевозможныя средства, чтобы склонить Его Цесарское Величество согласиться на его справедливыя желанія, но безполезно, такъ что Его Католическое Величество, утомившись упорнымъ отказомъ государя императора въ дѣлѣ, которое, кажется, должно быть для него безразлично, еслибы только его намѣренія были чисты, рѣшился заключить трактатъ съ Франціей, Англіей и Голландіей, которымъ опредѣлено, что Испанскія войска тотчасъ-же займутъ крѣпости будущаго наслѣдства Донъ Карлоса, съ тѣмъ только обстоятельствомъ, что они принесутъ присягу царствующимъ герцогамъ. Этимъ-то не доволенъ императоръ и жалуется, что заключили трактатъ безъ него. Но онъ не обратилъ вниманія на то, что́ вся Европа знаетъ, что было сдѣлано все возможное, дабы привести Его Цесарское Величество въ сознаніе, но все было безплодно. Если за это онъ предприметъ войну, то это очевидно будетъ его пріятнѣйшее удовольствіе: очевидно, онъ здѣсь нападающій, и въ такомъ случаѣ Россія вовсе не обязана помогать ему".

„*Во вторыхъ*, можетъ быть скажутъ, что вѣдь условлено, если кто-нибудь предприметъ что-нибудь во вредъ Его Цесарскаго Величества, въ такомъ случаѣ Россія должна принять его сторону. Ничто не предпринимается во вредъ Его Цесарскаго Величества: онъ не владѣтель герцогствъ Тосканы и Пармы; это наслѣдство, которое онъ же самъ обѣщалъ инфанту Донъ Карлосу, которому уже далъ и предварительную инвеституру. Онъ согласился послать туда нейтральныя войска, которыя бы не зависѣли отъ Его Цесарскаго Величества, но отъ государствъ гарантирующихъ; теперь рѣчь идетъ о посланіи туда Испанскихъ войскъ. *Dispu-*

latur de nomine. Для императора это должно быть весьма безразлично, если онъ хочетъ доказать ясно и очевидно, что онъ не ищетъ здѣсь ничего своего. Правда, можетъ случиться, что императоръ, находящійся въ Тосканѣ ближе короля Испанскаго, поставитъ тамъ войско, чтобы помѣшать высадкѣ Испанскихъ войскъ; въ этомъ случаѣ сіи послѣдніе могутъ атаковать какое-нибудь изъ владѣній Его Цесарскаго Величества. И тогда ни въ какомъ случаѣ нельзя считать Его Католическаго Величества нападающимъ; такимъ все-таки останется императоръ: потому что враждебные поступки, которые могутъ учинить Испанцы, будутъ только слѣдствіемъ таковыхъ же, уже совершенныхъ Его Цесарскимъ Величествомъ. Вражески принимаютъ принца, который приходитъ вступить во владѣніе своего будущаго наслѣдства: тогда нѣтъ ничего естественнѣе, коль скоро онъ встрѣчаетъ подобную оппозицію, какъ уничтожить ее. Но скажутъ, что поведеніе императора въ этомъ случаѣ находитъ оправданіе въ томъ, что онъ хочетъ твердо держаться и исполнять свои обязательства и ни на волосъ не удаляться отъ смысла Трактата Четвернаго Союза, одобреннаго Имперіей. Плохое оправданіе! Весьма извѣстно, что Цесарское Величество умѣетъ не исполнять своихъ трактатовъ, когда онъ находитъ для себя интересъ разрывать ихъ. Для подтвержденія этого можно привести два доказательства изъ очень недавней исторіи. Первое то, что въ трактатѣ, заключенномъ въ Лондонѣ 25 Мая 1716 года, ясно опредѣлено, что ни одна изъ договаривающихся сторонъ не можетъ заключить никакого трактата безъ вѣдома своихъ союзниковъ,—и при всемъ этомъ императоръ, не говоря ни слова Его Британскому Величеству, заключилъ Вѣнскій трактатъ въ то самое время, какъ въ Камбраи онъ велъ переговоры о заключеніи другаго трактата, согласваго, но не противоположнаго общимъ интересамъ. Второе доказательство то, что императоръ и Испанскій король согласились заодно убѣдить великаго герцога Тосканскаго, чтобы Его Высочество по доброй волѣ дозволилъ ввести гарнизоны въ его крѣпости; министры этихъ двухъ монарховъ, находящіеся во Флоренціи, дѣлали вмѣстѣ различныя на этотъ счетъ письменныя представленія, но въ тоже время императорскій министръ одинъ изъ подтишка старался убѣдить великаго герцога быть твердымъ и не соглашаться на это, копіи съ каковыхъ представленій находятся въ рукахъ Его Католическаго Величества. Гдѣ же эта добросовѣстность, хваленая имперіалистами"?

„*Въ третьихъ*, главное обязательство Россіи въ ея трактатѣ съ Вѣнскимъ дворомъ выражается въ слѣдующемъ: *если-*

бы случилось, что кто-нибудь сталъ бы вражески безпокоить Его Цезарское Величество по поводу мира, заключеннаго съ королемъ Испаніи и проч. А теперь вовсе не этотъ трактатъ, заключенный съ Испаніею, служитъ причиною войны, а трактатъ Севильскій и упорство Его Цезарскаго Величества, по которому онъ не хочетъ приступить къ сказанному трактату и уступить справедливымъ желаніямъ Его Католическаго Величества, основаннымъ на довѣріи къ Его Цезарскому Величеству, который подавалъ надежды, что онъ будетъ смотрѣть какъ на вещь безразличную, будутъ ли гарнизоны Тосканы и Пармы состоять изъ Испанцевъ или Esguizaras (? estrangeras? иностранцы?), какъ на это согласились Франція и Англія. Кажется, доказательство налицо, что если Севильскій трактатъ будетъ причиною войны, Россія не обязана вступаться за императора. Но можетъ быть возразятъ: хотя это и правда, но Русскому двору нужно заискивать у двора Вѣнскаго, потому что истинный интересъ Россіи требуетъ, чтобы быть въ тѣснѣйшемъ единеніи съ императоромъ. Для такого тѣснаго единенія я не вижу, впрочемъ, другой причины, кромѣ случая войны съ Турками; но и въ этомъ случаѣ я утверждаю, что дружба императора не много значитъ для Россіи. Невѣрные тѣ не могутъ напасть на Россію, развѣ только чрезъ Персію или чрезъ Украйну. Но въ Персіи имъ много дѣла съ усмиреніемъ бунтовщиковъ и нѣкогда думать о нападеніи на Россію; а со стороны Украйны они могутъ дѣлать только набѣги, потому что разстояніе отъ ихъ границъ первыхъ Русскихъ крѣпостей такъ велико, что они не могутъ предпринять ничего существеннаго.

„Впрочемъ представимъ случай, что Турки нападаютъ на Россію. Это несомнѣнно, что императоръ не пришлетъ Ея Царскому Величеству 30 тысячь человѣкъ, выговоренныхъ по трактату для взаимнаго вспоможенія. Его Цезарское Величество отвѣтитъ, что онъ-де можетъ сдѣлать большую диверсію со стороны Сербіи. Но отвѣтъ пустой. *Во-первыхъ*, Турки имѣютъ такое громадное количество войскъ, что какая-нибудь диверсія въ Сербіи не помѣшаетъ имъ имѣть хорошую армію на границахъ Украйны. *Во-вторыхъ*, хотя императоръ и хочетъ убѣдить всѣхъ, что Турки не рѣшатся съ нимъ разсориться, ему все-таки будетъ непріятно видѣть себя ими аттакованнымъ, особенно если начнется война въ Венгріи, гдѣ недовольныхъ теперь больше, чѣмъ когда-нибудь. Одно слово со стороны Англіи, Франціи или Голландіи сдѣлаетъ интересамъ Россіи въ Константинополѣ гораздо больше добра, чѣмъ всѣ угрозы Вѣнскаго двора, чѣмъ даже его военныя дѣйствія. *Въ третьихъ*, Русская на-

ція очень хорошо помнитъ о Карловицкомъ мирѣ: императоръ далъ царю слово безъ его участія не заключать трактата съ Турками, к все-таки заключилъ его безъ Его Царскаго Величества, который и могъ добиться только того, что ему дали короткій срокъ, чтобы приступить къ этому трактату,—что́ страшно раздражило противъ Вѣнскаго двора покойнаго царя, славной памяти, Петра Перваго.

„Но перейдемъ къ другому пункту и посмотримъ, благоразумно ли будетъ для Россіи вмѣшиваться въ чужую войну при настоящемъ положеніи дѣлъ. Только-что начинается новое царствованіе и, пожалуй, новая система управленія; нужно имѣть хорошее войско въ Персіи, другое въ Украйнѣ и третье, на всякій случай, на границахъ Польши; наконецъ одно въ провинціяхъ завоеванныхъ (отъ Швеціи). Я желалъ бы знать, если всѣ эти мѣста будутъ хорошо оберегаемы, какъ и должно быть, ужели же останутся 30 тысячь войска лишними? Каждый добрый Русскій, любящій свое отечество, положа руку на сердце, конечно скажетъ, что это невозможно. И что пріобрѣтетъ Ея Царское Величество, ввязавшись въ чужую войну? Конечно, ничего. Въ случаѣ, если императоръ сдѣлаетъ нѣкоторыя завоеванія, онъ не раздѣлитъ ихъ съ Ея Царскимъ Величествомъ. Единственная выгода, которую можетъ пріобрѣсти эта августѣйшая государыня, — это скрѣпленіе дружбы съ Его Императорскимъ Величествомъ; но эта выгода не очень велика, потому что всѣ знаютъ, что правиломъ Вѣнскаго двора во всѣ времена была старая италіанская пословица, которая говоритъ: *passato il periculo, gabbato il santo*. Но вступаясь за императора, Россія теряетъ гораздо больше, чѣмъ пріобрѣтаетъ: 1) естественно, если она пошлетъ въ Германію 30 тысячь человѣкъ, она выберетъ лучшія свои войска и должна расчитывать пожертвовать ими, потому что въ Россію не возвратятся и двѣ тысячи; 2) она *пріобрѣтетъ* неумолимую ненависть Англіи, Франціи и Голландіи, которыя легко найдутъ средства возбудить противъ нея могущественныхъ враговъ; 3) Испанія, которая, по своей отдаленности, не можетъ вредить прямо, можетъ наносить вредъ, подкупая деньгами; 4) субсидіи для 30 тысячь человѣкъ истощатся прежде, чѣмъ кончится кампанія, потому что всѣ знаютъ, что изъ всѣхъ государей Европы государь, имѣющій наименѣе фондовъ—это императоръ и что фонды, на которые онъ могъ бы всего больше расчитывать для уплаты субсидій своимъ вспомогательнымъ войскамъ — это были фонды, которыми могъ снабдить его король Испаніи; наконецъ 5) если императоръ будетъ не въ состояніи продолжать войны, Россія будетъ имѣть неудовольствіе дать ему даромъ свою

помощь, онъ заключитъ отдѣльный миръ, какъ это случилось въ Карловицѣ, не думая ни о какой выгодѣ и отошлетъ Русскія войска въ ихъ страну, не заплативши имъ заслуженнаго жалованья. Хотя императорскіе министры и сторонники императора превозносятъ силу и богатство Его Императорскаго Величества, но это слова и слова, для ослѣпленія невѣждъ; тѣ, которые *досконально* знаютъ Вѣнскій дворъ, въ этой запискѣ ничего не найдутъ такого, что не было бы въ высшей степени справедливо. Судя по тому, что говорятъ эти господа, можно подумать, что они способны проглотить всю вселенную; но для этого нужно имѣть въ виду одно размышленіе, противъ котораго, я думаю, нечего и возражать. Въ 1718 году Испанскій король напалъ на Сицилію; императоръ тотчасъ же послалъ туда войска; Англія объявила себя въ пользу Его Императорскаго Величества, и Британскій флотъ напалъ и разгромилъ Испанскій флотъ; Франція не только платила императору субсидіи, но даже объявила войну Испаніи въ 1719 г. и завоевала три крѣпости на ея границахъ; наконецъ почти вся Европа была противъ Испаніи, и ея войска въ Сициліи оставались какъ пожертвованными. И при всемъ этомъ они побѣждали войска императора всегда, во всѣхъ дѣйствіяхъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, и послѣднія не могутъ похвалиться, что вышли съ честію изъ этой экспедиціи. Если, поэтому, императоръ, который не только ни съ кѣмъ не имѣлъ войны, напротивъ имѣлъ на своей сторонѣ почти всю Европу, не могъ побѣдить горсти Испанцевъ, оставленныхъ на островѣ, вдали отъ своего отечества, когда императорское войско получало ежедневныя подкрѣпленія и вспоможенія; то чего же не въ состояніи сдѣлать теперь Испанская корона, имѣя на своей сторонѣ страшныя государства, Францію, Англію и Голландію, не говоря уже о другихъ, которыя конечно соединятся съ нею?"

9-го Марта. Вчера и третьяго дни случились здѣсь такія важныя новости, что я счелъ нужнымъ отправить нарочнаго отсюда до Риги, а оттуда распорядился, чтобы былъ отправленъ такой же нарочный до Данцига и затѣмъ оттуда до Парижа, гдѣ я прошу маркеза Санта-Крусъ тотчасъ же отправить къ вамъ экстраординарнаго курьера. Я прибѣгъ къ этому средству потому, что отъ здѣшняго двора невозможно достать паспорта тотчасъ же, а развѣ только чрезъ три дня.

Въ прежнихъ письмахъ я извѣщалъ васъ о стараніяхъ гр. Вратиславскаго получить отъ здѣшняго двора выгово-

ренную помощь въ 30 тысячъ человѣкъ, а также сообщалъ вамъ, что здѣшнее министерство увѣряло его, какъ и меня, что царица исполнитъ всѣ обязательства и не отступитъ отъ нихъ ни на шагъ. Сообразно съ такимъ отвѣтомъ, вчера даны приказанія, чтобы тотчасъ же были готовы къ походу 19 полковъ пѣхоты, которые я перечисляю въ приложенномъ къ этому листѣ, и десять полковъ драгуновъ. Всѣ эти войска могутъ быть въ Ригѣ въ началѣ Мая. Но еще не назначены генералы. Достовѣрно только то, что генералъ Лефортъ будетъ однимъ изъ генералъ-лейтенантовъ; думаютъ также, что Ирландецъ генералъ Ласси будетъ командиромъ всего этого войска.

Хотя гр. Вратиславскій увѣренъ, что эти войска отправятся въ походъ по первой же просьбѣ императора и хотя здѣшнее министерство заявляетъ, что оно хочетъ остаться вѣрнымъ своимъ обязательствамъ, признаюсь вамъ, я все еще не могу увѣриться, чтобы могли выступить изъ Россіи сказанные 30 тысячъ человѣкъ. Но не отвѣчаю ни за что въ этой странѣ, гдѣ вещи мѣняются поминутно, какъ вы это увидите изъ моего другаго оффиціальнаго письма.

Нынѣ гр. Вратиславскій отправляетъ курьера къ своему двору съ этимъ извѣстіемъ и даже не удостоилъ сказать мнѣ, что не желаю ли-де я написать что-нибудь въ Вѣну. Но я надѣсь, что мои письма дойдутъ въ Данцигъ, прежде чѣмъ его курьеръ.

PS. Собственной руки дука де-Лирія. Здоровье господина б. Остермана теперь гораздо лучше, и повидимому онъ останется въ министерствѣ. Въ такомъ случаѣ императоръ будетъ имѣть хорошаго сторонника, который при случаѣ будетъ поддерживать его интересы.

Листъ полковъ инфантеріи, назначенныхъ къ походу въ Германію: Ярославскій, Шлиссельбургскій, Бѣлгородскій, Псковскій, Архангелогородскій, Невскій, Кіевскій, Тобольскій, Бѣлозерскій, Пермскій, Воронежскій (Veronitzkoy?), Рыбинскій, Великолуцкій (Velikalestkoy?), Муромскій, Смоленскій, Вятскій, Санктпетербургскій, Галицкій, Кексольмскій (Rexholmsky?). Кромѣ этой инфантеріи, которая составляетъ 20 тысячъ человѣкъ, еще назначены десять полковъ драгуновъ, имена которыхъ я еще не успѣлъ узнать.

Другое отъ 9-го Марта. Вчера поутру дворянство просило у царицы аудіенціи. Принявъ его просьбу, Ея Величество приказала позвать Верховный Совѣтъ, чтобы и онъ присутствовалъ при этой аудіенціи.

Тотчасъ же, какъ только вошло дворянство, генералъ-лейтенантъ и подполковникъ гвардіи князь Юсуповъ представилъ Ея Царскому Величеству отъ имени всѣхъ пункты, которые они считали полезными для лучшаго управленія монархіею и которые суть тѣ самые, которые составилъ князь Черкасскій ([10]). Царица благосклонно приняла сказанные пункты и передала кн. Черкасскому, чтобы онъ прочиталъ ихъ въ слухъ, что онъ и исполнилъ. По окончаніи чтенія, царица попросила перо и подписала проэктъ, сказавъ, что онъ кажется ей такимъ хорошимъ, что она желала бы слѣдовать ему во всей точности. Дворянство удалилось въ свою обычную залу собраній и рѣшило тотчасъ же отправить къ царицѣ депутацію благодарить ее за ея благосклонный пріемъ.

Между тѣмъ возмутились офицеры гвардіи и другіе, находившіеся въ большомъ числѣ, и въ присутствіи царицы начали кричать, что они не хотятъ, чтобы кто-нибудь предписывалъ законы ихъ государынѣ, которая должна быть такою же самодержавною, какъ и ея предшественники. Шумъ дошелъ до того, что царица была принуждена пригрозить имъ; но они всѣ упали къ ея ногамъ и сказали: „Мы вѣрные подданные Вашего Величества, вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и пожертвуемъ нашу жизнь на службу Вашему Величеству; но не можемъ терпѣть тиранніи надъ Вами. Прикажите намъ, Ваше Величество, и мы повергнемъ къ Вашимъ ногамъ головы тирановъ“.

Тогда царица приказала имъ, чтобы они повиновались генералъ-лейтенанту и подполковнику гвардіи Салтыкову, который во главѣ ихъ и провозгласилъ царицу самодержавною государынею. Призванное дворянство сдѣлало тоже. Такъ всеобщій голосъ провозгласилъ царицу такою же самодержавною, какими были ея предшественники. Тотчасъ

([10]) Которые перечислены въ письмѣ отъ 20 Февр. (выше, ст. 39 и 40). Это обстоятельство опущено въ русскомъ переводѣ «Зап. дюка Лирійскаго» стр. 84.

же и тутъ же были разорваны на клочки новый планъ управленія, который она только что подписала, и тѣ восемь пунктовъ, которые она подписала въ Митавѣ. Такимъ образомъ обратились въ ничто обширные проэкты тѣхъ, которые имѣли родъ республиканскаго энтузіазма. Это было страшнымъ ударомъ для Верховнаго Совѣта, который хотѣлъ управлять по своей фантазіи, почему онъ старался не допускать никого до царицы, ни говорить съ ней, ни дѣлать какого-нибудь внушенія. Но этотъ трибуналъ былъ обманутъ нѣкоторыми женами важныхъ дворянъ, преданныхъ Ея Царскому Величеству, которыя, за невозможностью своихъ мужей, могли извѣщать ее и расположить вещи такъ, какъ это и исполнено. Тотчасъ же послѣ этого случая, царица приказала дать свободу генералу Ягужинскому, съ которымъ, какъ меня увѣряли, имѣла двѣ секретныя конференціи еще въ тюрьмѣ; она возвратила ему всѣ почести и должности. Вечеромъ великій канцлеръ послалъ одного секретаря своей канцеляріи по домамъ иностранныхъ министровъ сказать намъ, что въ полдень царица была провозглашена самодержавною Всероссійскою государынею всѣми сословіями государства и чтобы нынѣшнимъ утромъ мы явились во дворецъ для принесенія поздравленія Ея Царскому Величеству. Я сію же минуту и отправляюсь на эту церемонію.

13 Марта. Что касается приказанія Его Величества, которое вы мнѣ передаете, касательно субсидій герцогу Голштинскому, я буду отвѣчать именно такъ, если мнѣ заговорятъ о нихъ. Что касается лошадей и муловъ, теперь не для чего посылать ихъ, потому что нѣтъ лица, для котораго они назначались.

Другое отъ 13 Марта. Мнѣ показалось такимъ важнымъ рѣшеніе, принятое 7 числа, приготовить 30 тысячь человѣкъ на помощь императору, а равно и происшедшее 8 числа относительно самодержавія царицы, что 9 числа я со всею поспѣшностію отправилъ эстафету до Парижа, чтобы Его Величество былъ извѣщенъ объ этихъ двухъ новостяхъ самымъ скорымъ образомъ. Что касается перваго, графъ Вратиславскій продолжаетъ льстить себя надеждою, что будутъ отправлены (30 тысячь человѣкъ), а сами Русскіе, когда

имъ говоритъ объ этомъ, смѣются надъ этимъ, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ даже вообразить, чтобы они выступили въ походъ. Если бы въ состояніи былъ сдѣлать это баронъ Остерманъ, они выступили бы въ походъ тотчасъ же; но въ Сенатѣ, который будетъ составленъ изъ 21 члена, онъ будетъ имѣть только одинъ голосъ, и къ Вѣнскому двору изъ другихъ членовъ немногіе, или даже никто, не имѣютъ такой склонности, какъ онъ. Что касается самодержавія царицы, все произошло такъ, какъ я описывалъ вамъ въ моемъ письмѣ отъ 9 числа, только съ незначительнымъ различіемъ. Верховный Совѣтъ уже рѣшился было арестовать князя Черкасскаго, но этотъ, чрезъ посредство своей жены, свояченицы и герцогини Мекленбургской, сестры царицы, согласно съ царицей подготовилъ все, что̀ было исполнено 8 числа. Князь Черкасскій не рѣшился идти во дворецъ вмѣстѣ со всѣмъ дворянствомъ; всѣмъ своимъ друзьямъ онъ поручилъ, чтобы они всѣ, каждый по себѣ, явились въ пріемныя комнаты и чтобы, какъ только онъ явится туда, собрались всѣ вмѣстѣ. Такое же порученіе далъ офицеръ гвардіи князь Юсуповъ, подполковникъ Преображенскаго полка. Кн. Черкасскій явился во дворецъ въ 10 часовъ утра и, когда онъ попросилъ у царицы аудіенціи, Ея Величество приказала позвать Верховный Совѣтъ, чтобы и онъ присутствовалъ при оной. Кн. Черкасскій представилъ просьбу, прилагаемую при семъ ([11]), подписанную множествомъ дворянъ, а князь Юсуповъ представилъ другую въ томъ же тонѣ, подписанную всѣми офицерами гвардіи. Царица велѣла прочитать просьбу. Послѣ этого министры Верховнаго Совѣта сказали, что не мѣшало бы Ея Величеству удалиться въ свой кабинетъ для обсужденія этого предмета; но тутъ подошла къ царицѣ герцогиня Мекленбургская съ чернильницей и сказала, что здѣсь нечего разсуждать, а нужно подписать, что̀ царица и сдѣлала, приказавъ въ тоже время офицерамъ гвардіи слушаться только распоряженій подполковника гвардіи, генерала Салтыкова. Дворянство удалилось и, собравшись въ залѣ двор-

---

([11]) Мы не приводимъ этой просьбы, потому что она есть въ русскомъ подлинникѣ, а равно помѣщена въ рус. переводѣ «Записокъ дюка Лирійскаго.»

ца, рѣшило, въ благодарность за благосклонность, съ которою царица подписала ихъ просьбу, предоставить ей абсолютное самодержавіе, какое имѣли ея предшественники, и просило другой аудіенціи по полудни. Царица приняла просьбу, пригласивъ въ тоже время обѣдать съ собою всѣхъ министровъ Верховнаго Совѣта, чтобы воспрепятствовать имъ разойтись. Въ три часа по полудни дворянство вошло другой разъ, и князь Черкасскій представилъ другую просьбу, которую царица заставила прочитать въ слухъ и, поблагодаривъ дворянство, приказала великому канцлеру принести къ себѣ тѣ 8 пунктовъ, которые она подписала въ Митавѣ, и другіе документы, которые она подписала въ угоду Верховнаго Совѣта. Великій канцлеръ принесъ ихъ и представилъ царицѣ, и Ея Величество при всѣхъ разорвала ихъ на клочки. 11 Марта былъ обнародованъ указъ, подписанный собственною рукою царицы, которымъ повелѣно принести ей новую присягу какъ государынѣ самодержавной. Вчера начали присягать царицѣ по новой формулѣ, и князь Черкасскій объявленъ статскимъ совѣтникомъ. Онъ, а потомъ генералъ Ягужинскій, теперь въ большой силѣ. Теперь заняты назначеніемъ 21 сенатора, которые должны образовать Великій Сенатъ, который будетъ учрежденъ на мѣсто Верховнаго Совѣта, и я думаю, что имена ихъ будутъ обнародованы чрезъ три-четыре дня. Счастливы министры Верховнаго Совѣта, что не пикнули 8 числа: потому что, если бы они возстали противъ рѣшенія дворянъ, эти и офицеры гвардіи хотѣли повыбросать ихъ въ окна. Теперь все покойно; царица весела и довольна. Вчера я имѣлъ честь обѣдать за столомъ Ея Величества.

$^{9}/_{20}$ *Марта.* Всѣ иностранные министры здѣсь держатся Австрійской стороны, и цезарскій министръ служитъ термометромъ, съ которымъ они сообразуются; а этотъ послѣдній почти никогда не бываетъ въ моемъ домѣ, развѣ только иногда изъ приличія. Также относятся ко мнѣ и другіе, какъ будто бы я былъ какой-нибудь зараженный.

Другое отъ $^{9}/_{20}$ *Марта.* Въ письмѣ отъ $\frac{\text{23 Февраля}}{\text{6 Марта}}$ я сообщалъ вамъ, съ какимъ порученіемъ являлся ко мнѣ отъ фельдмаршала Долгорукаго военный генералъ-аудиторъ по дѣлу объ оскорбленіи двухъ кавалеровъ моей свиты. Три дня тому

назадъ, тотъ же аудиторъ былъ опять у меня и сказалъ мнѣ, что наказаны *батогами* всѣ слуги Головина. Когда они признались въ своей винѣ, имъ присудили дать еще батоговъ, а фельдмаршалъ Долгорукій просилъ меня прислать кого-нибудь изъ моего дома быть свидѣтелемъ экзекуціи. Я отвѣчалъ благодарностію за справедливость, но отказался посылать кого-нибудь въ свидѣтели, говоря, что не сомнѣваюсь: наказаніе будетъ дано какъ слѣдуетъ. И я дѣйствительно узналъ, что ихъ били жестоко. Послѣ того аудиторъ сказалъ мнѣ, что самъ Головинъ арестованъ, и его шпага въ рукахъ фельдмаршала Долгорукаго: надъ нимъ производится судъ, и его накажутъ со всею строгостію, и что самое малое будетъ, если его сошлютъ въ Персію. Я поблагодарилъ его, прибавивъ, что не сомнѣваюсь въ справедливости суда. Нынѣшнимъ утромъ пришли ко мнѣ въ домъ братья и родственники зачинщика ссоры, Головина, просить ему прощенія въ его преступленіи: они мнѣ говорили, что пришли вымолить мое помилованіе, потому что Ея Царское Величество рѣшила наказать ихъ родственника со всею строгостію и что, если я не смилуюсь надъ нимъ, онъ погибъ навсегда. О томъ же просили меня вчера и третьяго дня большая часть родственниковъ самой царицы. Мнѣ кажется, что строгость, съ которою царица хочетъ наказать зачинщика ссоры и уже совершенное наказаніе всѣхъ его слугъ, сами по себѣ составляютъ довольно приличное удовлетвореніе чести короля нашего государя. Поэтому я думаю поблагодарить Ея Царское Величество и просить ее, чтобы она удостоила простить Головину его сумазбродный проступокъ, приказала возвратить ему шпагу и дать свободу. Я думаю сдѣлать это завтра. Для того, чтобы дать Его Величеству понятіе о наказаніи, которое получили слуги Головина, я хотѣлъ бы объяснить Его Величеству, что такое батоги. Для этого я при семъ прилагаю рисуночекъ этого наказанія для любопытства Его Величества.

Третье отъ 20 Марта. 15 числа царица назначила всѣхъ членовъ, которые должны составить Сенатъ. Это было первое дѣло ея самодержавной власти, потому что она назначила сенаторовъ сама, не спрашиваясь дворянства. $^{16}/_{3}$ сенаторы принесли присягу, и этотъ трибуналъ началъ свои

собранія. Въ прилагаемой при этомъ меморіи я передаю ихъ имена. $^{17}/_{6}$ Ея Царское Величество составила штатъ своего двора, какъ увидите изъ прилагаемаго при семъ листа, и назначила губернаторомъ Москвы и всей этой области своего дядю, брата своей матери, графа Василія Салтыкова, кавалера Польскаго ордена Бѣлаго Орла. Въ этотъ же день князь Юсуповъ назначенъ для истребованія отчета въ администраціи у фаворита князя Ивана Долгорукаго; а для истребованія такого же отчета у его отца назначенъ генералъ Ушаковъ. Обоимъ имъ приказано не выходить изъ своихъ домовъ. Они хотѣли присвоить себѣ весьма многое: однихъ серебряныхъ издѣлій и бриллiантовыхъ вещей почти на сумму 600 тысячь рублей. Въ эти три дня бо́льшую часть того и другаго они возвратили. 17 числа умеръ послѣ двухнедѣльной болѣзни оберъ-церемоніймейстеръ, баронъ Абихсдаль. Онъ былъ человѣкъ отличныхъ качествъ, и его потеря очень чувствительна для всѣхъ иностранныхъ министровъ вообще, а для меня въ особенности, потому что съ самаго того времени какъ я въ этой странѣ, онъ относился ко мнѣ со всѣмъ расположеніемъ и довѣріемъ. Графъ Вратиславскій продолжаетъ хлопотать о 30 тысячномъ вспомогательномъ войскѣ, и онъ надѣется, что они выступятъ въ походъ. Не выражаю больше моихъ мнѣній на этотъ счетъ. Могу сказать только, что при дворѣ его принимаютъ уже черезчуръ вѣжливо, а при здѣшнемъ дворѣ есть обычай особенно льстить тому, кому не хотятъ дать вещи, которой онъ добивается. Пожалуй, тоже дѣлаютъ и съ Вратиславскимъ.

Перечень сенаторовъ, назначенныхъ царицей Анной Ивановной $^{15}/_{4}$ марта 1730 г. 1) Великій канцлеръ, графъ Головкинъ, 2) фельдмаршалъ князь Голицинъ, 3) фельдмаршалъ князь Долгорукій, 4) фельдмаршалъ князь Трубецкой, 5) князь Димитрій Голицинъ, 6) князь Василій Лукичь Долгорукій, 7) вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, 8) князь Ромодановскій, 9) генералъ Ягужинскій, 10) князь Черкасскій, 11) генералъ Чернышевъ, 12) генералъ Ушаковъ, 13) генералъ Мамоновъ, 14) генералъ князь Юсуповъ, 15) князь Сергій Трубецкой, 16) князь Барятинскій, 17) князь Урусовъ, 18) генералъ Сукинъ, 19) статскій совѣтникъ Ново-

сильцевъ, 20) графъ Михаилъ Головкинъ, сынъ великаго канцлера, 21) князь Шаховской ([12]).

Перечень личностей, составляющихъ придворный штатъ царицы, которыхъ она назначила $^{17}/_{6}$ марта 1730 г. Оберъ-гофмаршалъ, генералъ-лейтенантъ Салтыковъ, двоюродный братъ Ея Царскаго Величества. Другой оберъ-гофмаршалъ, графъ Левенвольдъ, бывшій каммергеръ Петра II и кавалеръ ордена св. Александра. Гофмаршалъ двора, г. Шепелевъ, бывшій на этомъ мѣстѣ и при Петрѣ II. Старшій конюшій, генералъ Ягужинскій, который былъ имъ прежде. Другіе конюшіе: Кошелевъ и Курляндецъ Фирксъ, пріѣхавшій съ царицею. Каммергеры двора: Лопухинъ, бывшій при покойномъ царѣ; Балкъ, тоже бывшій при покойномъ царѣ; Биронъ, бывшій каммергеромъ Ея Ц. В-ва въ Курляндіи: ему вмѣстѣ съ этою должностію дали орденъ св. Александра; князь Куракинъ, бывшій Русскимъ министромъ въ Парижѣ; князь Голицинъ, сынъ фельдмаршала; Салтыковъ, сынъ перваго оберъ-гофмаршала. Каммеръ-юнкеры: князь Юсуповъ и г. Стрѣшневъ, оба бывшіе при покойномъ царѣ; Корфъ и и Брылкинъ (Brilken), оба старые слуги Ея Цар. В-ва въ Курляндіи. Должность оберъ-каммергера еще не занята.

$^{27}/_{16}$ *Марта.* $^{21}/_{10}$ я имѣлъ аудіенцію у царицы. Поблагодаривъ ее за строгость, съ коею она хотѣла поступить съ Головинымъ, я просилъ простить его и возвратить ему шпагу и свободу, увѣривъ ее, что Его Величество нашъ король также останется ей благодаренъ за милость къ преступнику, какъ и за справедливость, съ которою она хотѣла поступить съ нимъ. Она отвѣчала, что безконечно жалѣла о происшедшемъ и только въ уваженіе моей просьбы прощаетъ преступника, въ противномъ же случаѣ она бы приказала дать ему примѣрное наказаніе; что она надѣется, что въ ея царствованіе не повторятся подобные случаи, потому что для избѣжанія ихъ она дала самыя строгія и настоятельныя приказанія. Передъ вечеромъ въ тотъ же день

([12]) Въ рус. переводѣ «Записокъ дюка Лирійскаго» нѣкоторыя имена перемѣшаны, а нѣкоторыя опущены, напр. Молчановъ стоитъ вмѣсто Мамонова, Юсуповъ вмѣсто Урусова, Юрій Трубецкой вмѣсто Сергія, князь Шаховскій пропущенъ.

пришелъ ко мнѣ въ домъ сказанный Головинъ просить у меня прощенія, по приказанію Ея Величества, а равно и благодарить меня за ходатайство о немъ, безъ котораго бы онъ долженъ вынести всю строгость судебнаго наказанія. Все это онъ высказалъ, съ присовокупленіемъ заявленія почтенія и уваженія къ королю нашему государю.

Другое отъ 27-го Марта. Коронованіе царицы назначено чрезъ 15 дней послѣ Пасхи. Третьяго дня пріѣхалъ курьеръ изъ Персіи съ извѣстіемъ, что въ Испагани признанъ и провозглашенъ законнымъ государемъ принцъ Тамасъ, а Эзрефъ удалился въ Кандагаръ. Баронъ Остерманъ совершенно поправился и уже былъ два раза во дворцѣ, гдѣ царица удостоила его особеннаго вниманія.

5-го Апрѣля (23-го Марта). Вчера князь Черкасскій награжденъ орденомъ св. Андрея, каковую награду всѣ единодушно считаютъ вполнѣ заслуженною. 29-го числа прошлаго мѣсяца царица первый разъ присутствовала въ Сенатѣ, гдѣ на мѣсто покойнаго князя Ромодановскаго, жена котораго была родною сестрою матери царицы, объявила сенаторомъ генерала Тараканова. 1-го числа имѣлъ свою первую аудіенцію посланникъ Персидскаго шаха Тамаса; онъ представилъ свои кредитивныя граматы и въ тоже время просилъ назначить министровъ для переговоровъ съ нимъ. Я узналъ, что данное мною извѣстіе, будто посланники Голштинскаго герцога протестовали здѣшнему правительству о правахъ сына Голштинскаго герцога, своего государя, оказывается невѣрнымъ, хотя я и получилъ его отъ человѣка, который тогда былъ посвященъ въ правительственныя тайны.

Другое отъ 5-го Апрѣля. Не могу не представить на высокое вниманіе Его Величества ту непріятную роль, которую мнѣ приходится играть здѣсь. Всѣ иностранные министры, находящіеся въ этой столицѣ, всецѣло преданы императору, и до такой степени, что заявляютъ это не только въ своихъ частныхъ разговорахъ, но даже и въ публичныхъ. Самые преданнѣйшіе — это Прусскій, Бланкенбургскій и Голштинскій, которые даже избѣгаютъ встрѣчи со мною гдѣ бы то ни было и почти не заглядываютъ ко мнѣ въ домъ. И такъ какъ эти господа не особенно-то отлича-

ются воспитанностію, они, для бо́льшаго засвидѣтельствованія своей ревности, способны даже при мнѣ затѣять какую-нибудь рѣчь, которой я не могу вынести; поэтому я и принужденъ жить подальше отъ нихъ, въ моемъ домѣ. Моя жизнь теперь похожа больше на заточеніе, чѣмъ на что-нибудь. Только министры Даніи и Польши ко мнѣ нѣсколько внимательны, но отъ нихъ другіе отворачиваются за то именно, что они такъ ко мнѣ относятся. Баронъ Остерманъ, бывшій моимъ другомъ, теперь относится ко мнѣ очень серьезно, съ безразличіемъ. Только при дворѣ обходятся со мною по прежнему и не дѣлаютъ различія между мною и Вратиславскимъ.

10-го Апрѣля (30-го Марта) *Конфиденц.* Кредитъ короля нашего государя (считаю нужнымъ сказать вамъ по секрету) здѣсь не очень въ чести. Два года тому назадъ я далъ вексель на кн. Щербатова въ двѣ тысячи песовъ, которые мнѣ заплатили здѣсь; но въ Мадритѣ заплатили по оному съ такою неохотою и съ такими прижимками, что кн. Щербатовъ писалъ сюда, чтобы больше не высылали ему денегъ чрезъ мое посредство, потому что онъ лучше желаетъ оставаться безъ ничего, чѣмъ быть принужденнымъ возиться такъ съ нашимъ казначействомъ, какъ возился при этомъ случаѣ.

Другое отъ 10-го Апрѣля. Послѣ всѣхъ моихъ стараній найти сколько-нибудь впередъ денегъ для моего существованія, я былъ принужденъ обратиться къ Англійскому консулу, который далъ мнѣ впередъ сумму въ количествѣ жалованья за три мѣсяца, Апрѣль, Май и Іюнь, въ чемъ я далъ ему вексель на государственное казначейство. Прошу васъ представить, съ какимъ стыдомъ я былъ принужденъ сдѣлать этотъ шагъ, чтобы обязываться сказанному консулу. Но вы знаете, что нужда — причина многихъ вещей. А теперь я нуждаюсь особенно, потому что мнѣ нужно хотя бы съ приличіемъ присутствовать на коронаціи этой государыни. Я надѣюсь на милость короля, что по моему векселю онъ прикажетъ заплатить тотчасъ же и выведетъ меня изъ жалкаго положенія, въ которомъ я нахожусь, заплативши мнѣ зажитое мною жалованье.

$^{17}/_{6}$ *Апрѣля.* Здѣсь много говорятъ о возвращеніи двора въ Петербургъ. Хотя я тамъ буду ближе къ дому, но при-

знаюсь, я не желалъ бы этого путешествія по причинѣ расходовъ и хлопотъ, а въ этой столицѣ я уже устроился, и съ выѣздомъ изъ нея я желалъ бы оставить вовсе эту страну.

$^{24}/_{13}$ *Апрѣля.* Чего ждали для фамиліи Долгорукихъ, то случилось прошлую недѣлю. Эта фамилія совершенно убита. Кн. Алексѣй Долгорукій и его сынъ Иванъ, оба фаворита покойнаго царя, лишены всѣхъ почестей, должностей и орденовъ и сосланы въ Сибирь съ своими женами и дѣтьми. Кн. Василія Долгорукаго, бывшаго министромъ верховнаго совѣта и посланникомъ въ Даніи, Франціи, Польшѣ и Швеціи, также лишили всѣхъ должностей и сослали въ Сибирь. Кн. Михаила Долгорукаго, брата фельдмаршала, послали въ Персію. Кн. Сергія и Ивана Долгорукихъ, братьевъ Алексѣя Долгорукаго, сослали въ Сибирь. Генерала Бутурлина сослали въ Персію, а генерала Еропкина въ провинцію Гилянь. Уже всѣ эти несчастные отправились, никто не пожалѣлъ о нихъ, потому что, когда они были въ счастіи, они не старались пріобрѣсти себѣ друзей. Говорятъ, что ссылки этимъ не ограничатся.

1-го Мая. Для оправданія ссылки Долгорукихъ обнародованъ родъ манифеста, въ которомъ кн. Василій Долгорукій объявленъ измѣнникомъ и предателемъ; онъ и всѣ другіе лишены орденовъ. И хотя въ манифестѣ говорится, что они ссылаются въ свои имѣнія, но никто не сомнѣвается, что они будутъ отправлены въ Сибирь. У нихъ еще не конфисковали имѣній, но этого ждутъ въ скоромъ времени. О кн. Михаилѣ Долгорукомъ, братѣ фельдмаршала, не говорится въ манифестѣ; думаютъ, что его пошлютъ губернаторомъ въ Астрахань. Кн. Василій находится подъ арестомъ. Иностранные ордена, отобранные у ссыльныхъ, царица приказала возвратить посланникамъ тѣхъ дворовъ чей орденъ.

Говорятъ объ образованіи кабинета или частнаго совѣта, который будетъ состоять изъ четырехъ или пяти личностей, между которыми конечно будутъ великій канцлеръ, баронъ Остерманъ и кн. Черкасскій.

8 Мая. Наконецъ завтра будетъ совершена коронація царицы. Говорятъ, будетъ много повышеній и наградъ орде-

нами св. Андрея и св. Александра, а празднество будетъ продолжаться цѣлую недѣлю.

3 Мая. Царица назначила оберъ-гофмейстериной княг. Голицину, жену фельдмаршала князя Голицина и 8 статсъ-дамъ: баронессу Остерманъ, гр. Ягужинскую, княг. Черкасскую, генеральшу Чернышеву, гр. Головкину, г-жу Биронъ, Лопухину и Салтыкову. Также назначены шесть фрейлинъ изъ незамужнихъ. Его Величество видитъ, что здѣсь нѣтъ никого изъ Долгорукихъ: фамилія Голицыныхъ торжествуетъ. Это сдѣлано по интригамъ гр. Левенвольда, оберъ-гофмаршала и г. Бирона, каммергера и фаворита царицы. Оба они Нѣмцы, и Русскіе ихъ ненавидятъ, но они управляютъ царицею какъ хотятъ. Для того чтобы лучше поддержать себя, они послали сказать фельдмаршалу Голицину, что, если онъ и его братъ хотятъ держаться ихъ стороны, они помогутъ имъ и будутъ имъ вѣрными друзьями. Голицины приняли предложеніе и за это въ большомъ почетѣ, между тѣмъ какъ фамилію Долгорукихъ преслѣдуютъ съ величайшей жестокостію. Оба фаворита царицы, будучи Нѣмцами, поставили барона Остермана опять на ту же высоту, на которой онъ былъ прежде и, пожалуй, онъ имѣетъ теперь еще больше власти, чѣмъ когда-нибудь. Всѣ трое дѣлаютъ все возможное, чтобы поставить въ лучшія отношенія ко двору графа Вратиславскаго и министра Пруссіи, которымъ оказываютъ величайшія отличія, и въ то же время меня стараются разсорить со дворомъ, всѣхъ и каждаго увѣряя, что я былъ большимъ другомъ Долгорукихъ, дабы чрезъ то былъ справедливый поводъ относиться ко мнѣ съ недовѣріемъ. Поэтому, если мнѣ случится имѣть отъ короля приказанія вести здѣсь о чемъ-нибудь переговоры, мнѣ нужно переговаривать или съ Нѣмцами, или съ Русскими. Если буду говорить съ послѣдними, первые по ревности противостанутъ всякому моему предложенію. Если буду говорить съ первыми, они явятся моими противниками само собою, по своей преданности Вѣнскому двору. Его Величество пойметъ изъ этого мое щекотливое положеніе; впрочемъ моя ревность къ службѣ отъ этого не ослабѣетъ, и я постараюсь дѣлать все, что только дозволитъ мое положеніе.

Третьяго дня посланникъ Пруссіи имѣлъ аудіенцію у царицы, которой онъ сказалъ, что король его государь жалуетъ графа Левенвольда кавалеромъ ордена Чернаго Орла. Царица захотѣла сама дать орденъ графу, которому она тотчасъ же приказала снять красную ленту св. Александра и возложила на него желтую ленту Пруссіи. Эта милость никому не показалась удивительною, потому что всѣ знаютъ, что графъ уже нѣсколько лѣтъ состоитъ на жалованьи Прусскаго двора и другъ Прусскаго посланника, который, видя его теперь въ силѣ, и выхлопоталъ ему эту милость, чтобы еще больше расположить его въ пользу короля своего государя. Всѣмъ этимъ Нѣмцамъ немногаго стóитъ подкупать всѣхъ здѣшнихъ; это не то, чтó намъ. Короли Пруссіи и Польши очень щедры на свои ордена, которые здѣсь цѣнятся очень высоко. Императоръ раздаетъ титулы графовъ и бароновъ Имперіи; а мы не имѣемъ ни орденовъ для жалованья, ни титуловъ для раздачи. Мы можемъ здѣсь кое-что сдѣлать, если то будетъ нужно, только при помощи денегъ. Но они не видятъ признаковъ, чтобы мы хотѣли сорить здѣсь деньгами, потому что видятъ мое положеніе, и затрудненность, въ которой я нахожусь, вообще даетъ дурное понятіе о нашей щедрости. Я не могу не представить этого на вниманіе Его Величества и могу увѣрить его, что отъ той бѣдности, въ которой я живу, не только страдаю я лично, но она вредитъ и его королевской службѣ, потому что всѣ говорятъ: вѣрно наше казначейство очень скудно, когда даже не платитъ жалованья своимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ.

Вотъ уже недѣлю я бѣгаю туда и сюда и не могу найти никого, ктобы повѣрилъ мнѣ хоть копѣйку. Вы поймете при этомъ мое отчаяніе. Если вы своимъ вліяніемъ не окажете мнѣ помощи, я погибъ: мнѣ сдѣлаютъ непріятности, которыхъ я боюсь вотъ уже нѣсколько дней; моя честь будетъ отдана моимъ врагамъ, которые ищутъ всевозможныхъ случаевъ, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность. Это обыкновенныя интриги Нѣмцевъ, которые въ отчаяніи, что у меня еще есть друзья между Русскими магнатами.

15 Мая. 9 числа совершилась коронація этой государыни. Она происходила въ той же формѣ, какъ и коронація Петра

II, съ тѣмъ только различіемъ, что была гораздо великолѣпнѣе и роскошнѣе. Во всемъ городѣ устроены иллюминаціи и такія великолѣпныя, что подобныхъ и не видѣли въ этой странѣ; онѣ продолжатся до завтра. 10 числа всѣ иностранные министры были съ поздравленіемъ Ея Величества. 12 числа всѣ иностранные министры были приглашены въ садъ Нѣмецкой Слободы, гдѣ была царица; тамъ былъ балъ и ужинъ. Ея Царское Величество пила за здоровье короля нашего государя, потому что по ст. ст. это былъ день св. Филиппа, удостоивъ при этомъ меня особеннаго вниманія и публично поблагодаривъ меня за то, что я во всемъ поступалъ отлично. Въ 11 часовъ ночи царица оставила садъ и поѣхала посмотрѣть всѣ наши иллюминаціи. Доѣхавъ до моей, она сдѣлала мнѣ особую честь, велѣла остановиться своей каретѣ при воротахъ моего дома, гдѣ находился я, дала мнѣ поцѣловать свою руку и опять благодарила меня.

Вчера мы были приглашены во дворецъ, гдѣ былъ балъ и ужинъ, и я могу увѣрить Его Величество, что я никогда не видѣлъ такого блестящаго праздника и такого отличнаго ужина. Завтра будетъ тоже, и будетъ фейерверкъ, который устроенъ насупротивъ дворца. Несомнѣнно, что будутъ розданы новыя милости и награды.

Графъ Вратиславскій, первые четыре дня, устроивалъ для народа фонтаны изъ вина; я же, боясь несчастій, которыя обыкновенны въ этихъ случаяхъ, тѣ деньги, которыя назначилъ для вина, роздалъ бѣднымъ и по больницамъ, чрезъ посредство Новгородскаго архіепископа.

Между прочими наградами 9 числа, Биронъ былъ сдѣланъ оберъ-каммергеромъ двора.

Описаніе тріумфальныхъ воротъ или арки иллюминаціи, устроенной по приказанію свѣтлѣйшаго государя дука де-Лиріи-и-Киксена, по случаю коронованія царицы Анны Ивановны. Мѣстоположеніе не дало возможности иллюминовать самый домъ его свѣтлости, потому что всего свободнаго пространства была 20-аршинная ширина улицы. Поэтому его свѣтлость приказалъ архитектору *Bastrelli* (*) начертить

(*) Растрелли?

планъ тріумфальныхъ воротъ или арки, которую бы можно было перекинуть поперекъ улицы. Арка эта была сдѣлана въ Дорійскомъ стилѣ, поддерживаемая двѣнадцатью колоннами, изъ которыхъ восемь должны были поддерживать ворота, служившіе для проѣзда и прохода, а другія четыре, служа для симметріи, были украшены четырьмя картинами и столькими же медальонами и въ тоже время поддерживали четыре статуи, которыя, представляя Силу, Милосердіе, Славу и Религію и помѣщенныя по четыремъ угламъ величественнаго карниза галлереи, производили удивительный эффектъ. По ту и другую сторону этой арки были помѣщены гербы Испаніи. Подъ первою аркою возвышался родъ другой арки, образовавшей раму, въ которую были вставлены два портрета царицы, которая была нарисована въ естественный ростъ на тонкомъ полотнѣ: эти портреты были хороши и при дневномъ свѣтѣ, но ночью, будучи транспарантными, они были превосходны. Эта вторая арка поддерживалась также осьмью колоннами, которыя служили ей базисомъ и, давая прекрасный видъ, поддерживали Орловъ—гербъ Россіи. Все это было сдѣлано изъ крѣпкаго дерева, разрисованнаго подъ мраморъ, освѣщено семью тысячами огней и имѣло въ вышину до 30 аршинъ.

Эмблемы и надписи: *Съ одного лица.* Въ верхней аркѣ, возвышавшейся надъ главною аркою, и служившей какъ бы рамою, царица нарисована стоя на ногахъ; въ лѣвой рукѣ у ней поднятый скипетръ, а въ правой императорская корона, которою она коронуется сама. Изъ ея устъ выходитъ надпись: *Inveni drachmam quam perdideram*, Лук. XV. 9 ([13]). Подъ портретомъ надпись: *Anna Ioannovna* Totius Russiae Imperatrix ac Domina Sceptro arrepto *Authocrantem* requirens *drachmam Lucernam accendit Everrit domum invenit. Amici et vicini Congratulamini* ([14]).

Въ медальонѣ по правую сторону, помѣщенномъ между колоннами самой арки, изображена орлица близъ солнца; на своихъ крыльяхъ она держитъ орлятъ, освѣщаемыхъ,

---

([13]) Я нашла потерянную драхму (обрѣтохъ драхму погибшую).

([14]) Анна Іоанновна, всея Россія Императрица и Самодержица, схвативъ скипетръ и ища драхму самодержавія, зажгла свѣтильникъ, вымела чертогъ, и обрѣла. Друзья и сосѣди, поздравляйте.

какъ и она сама, лучами солнца; ноги орлицы распростерты, и въ одной изъ нихъ обнаженный мечь, а въ другой ножны. Наверху такая надпись: *Discant, dum pugna quiescit* (15). Въ окружности слѣдующее двустишіе: *Vis inimica deest; verum non arma relinquam. Instruo filiolos; fortius inde queam* (16).

На картинѣ подъ этимъ медальономъ изображена женщина съ двумя лицами на одной головѣ: одно лицо весьма красивое съ лавровымъ полувѣнкомъ и съ книгою въ рукѣ; другое лицо воинственное съ шлемомъ и желѣзною полу-короною, съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ. Женщина эта представляла Палладу и Минерву съ слѣдующей надписью: *Artibus* et *Armis*, и подъ нею было слѣдующее двустишіе:

Palladis armipotens acuit solertia vires:
Praevalet inde Diis omnibus ista Dea (17).

Въ медальонѣ по лѣвую руку былъ изображенъ алтарь, предъ которымъ одна рука, державшая дымящуюся кадильницу, символически означала Религію, а нѣсколько въ лѣво отъ алтаря стояло дерево, усыпанное прекраснѣйшими плодами. На верху была слѣд. надпись: *Fructus justi lignum vitae* (18). Притч. XI. 30. Въ окружности было слѣд. двустишіе: *Hanc Pietas comitatu beat, qua uberrima messis. Vivere post obitum fructus optimus erit* (19).

На картинѣ подъ этимъ медальономъ изображена женщина съ завязанными глазами, съ обнаженнымъ мечемъ въ правой рукѣ и съ вѣсами въ лѣвой, съ такою надписью: *Audio nil Video* (20), а внизу слѣд. двустишіе:

Dextra tenet gladium, gerit aequam lavabilancem:
Hac trutinat causas; carpet et illo reos (21).

---

(15) Пусть учатся, пока молчитъ брань.

(16) Вражьей силы нѣтъ; но я не оставлю оружія. Учу сынковъ; тѣмъ храбрѣе возмогу.

(17) Тщаніе, мощное оружіемъ, изощрило силы Минервы; тѣмъ вта богиня первенствуетъ надъ всѣми богами.

(18) Плодъ праведника древо жизни. (Отъ плода правды древо жизни произбаетъ).

(19) Ее радуетъ сообщество набожности, отъ которой богатится жатва; жить послѣ смерти будетъ наилучшій плодъ.

(20) Слышу, но ничего не вижу.

(21) Въ правой держитъ мечъ, въ лѣвой вѣрные вѣсы: сими взвѣшиваетъ права, тѣмъ поражаетъ виновныхъ.

Съ другаго лица. На картинѣ надъ аркою царица изображена сидящею на тронѣ подъ пальмою; близь трона видны разныя принадлежности войны и свободныхъ знаній, какъ то: пушки, знамена, трубы, компасы, перпендикуляры и проч.; а равно и множество людей всѣхъ профессій, которые приходятъ для совѣта къ царицѣ. Изображая въ этомъ случаѣ Девору, она говоритъ: *In omne judicium* (22). Судей IV. 5. Подъ портретомъ слѣдующая эпиграмма:

Iudicet ut populos, satius, quod Deborra, surgat,
Nec *Sisaras* metuet, si extera bella ruant.
Semiramis vere Saurobate, Ammoneque fractis,
Indorum domitrix, vicit et *Aethiopes*.
Schita Cyrum necuit; coesum natum ulta *Lurina*,
Militibus sectis myriadum vicies.
Clarescant, *Isyde* Aegiptus, ceu *Pallade* Graece,
Arabia ob Sabam; Roma prode Aegeriam.
Penthesilam, *Orythiam*, *Hippolitam*, *si Amasonibus addas*,
Utilior *Russis*, diutius *Anna* reget (23).

Въ медальонѣ по правую руку изображенъ домъ съ отворенными воротами и съ ключемъ, вставленнымъ въ замокъ; изъ-за порога извнутри видны двѣ человѣческія ноги, какъ бы выходящія, а снаружи видны другія двѣ ноги, какъ бы входящія. Въ воротахъ видны два зажженные факела, среди которыхъ виденъ очень открытый человѣческій глазъ, съ такою надписью: *Consideravit semitas domus suae* (24). Притчей XXXI. 27. А вокругъ слѣдующее двустишіе:

Exitus, introitusque, Herois vigilantia custos;
Hac, munita tenens limina, tuta domus (25).

---

(22) На всякій судъ.

(23) Да ростанетъ она для суда народовъ, мудрѣе Деборы, и да не боятся Сизары, если враги нападутъ извнѣ. Семирамида, воистину, сокрушивъ Сауробата и Аммона, владычица Индіи, побѣдила и Еѳіоплянъ. Скиѳянка убила Кира, Лурина (?) отомстила за убитаго сына казнію двадцати тысячь воиновъ. Пусть славятся Египетъ Изидою, Палладою Греція, Аравія царицею Савою, Римъ восхваляй Эгерію. Но если ты и присовокупишь Пентесилею, Орѳеію, Ипполиту къ Амазонкамъ—да царствуетъ ихъ долѣе Анна, болѣе полезная Русскимъ.

(24) Воззрѣлъ на пути дома своего.

(25) Да будетъ героямъ, при входѣ и исходѣ стражею бдительность. Ею при защищенныхъ порогахъ, безопасенъ домъ.

Подъ медальономъ на картинѣ изображенъ большой Дворецъ, предъ дверьми котораго съ одной стороны находится *Марѳа* съ большой фамиліей, а съ другой ея сестра *Марія* и Христосъ, указывающій ей на эту фамилію. Изъ устъ Христа выходитъ слѣдующая надпись: *Porro unum est necessarium* ([26]). Лук. X. 42. Внизу слѣдующее двустишіе:

Nec multos regnare bonum est; tu sola gubernes:
Regem unum ostendunt: Sol, Apis atque Grues ([27]).

Въ медальонѣ по лѣвую руку между райскими деревьями представленъ возвышающійся кедръ; посреди своего ствола онъ обнаженъ отъ своей коры, и на этой обнаженной части одна рука писала: Dominamini ([28]) Быт. I. 28. Въ окружности медальона было слѣдующее двустишіе:

Proscriptum hinc *salicum* folium; pro *Numines* Cedrus.
Foemineum pariter, firmat et imperium ([29]).

На картинѣ внизу изображена женщина съ рогами возліянія въ рукахъ, какъ символомъ обилія, котораго Россія ожидаетъ отъ царствованія царицы Анны, съ такою надписью: *In diebus ejus abundantia* ([30]). Псал. LXXI, 7. Подъ картиною слѣдующее двустишіе:

Prospera cuncta dabit sceptrum; et florebit abunde, Iustitia, Gazis, Robore, Pace, Bonis ([31]).

Другое письмо отъ 15 Мая. Польскій посланникъ г. Лефортъ получилъ отъ своего короля приказаніе поднести царицѣ орденъ Бѣлаго Орла. Царица согласилась на принятіе ордена. Польскій король для возложенія ордена указалъ на гр. Вратиславскаго, который возлагалъ его и на покойнаго Петра II. Но посланникъ, разсудивъ, что приличнѣе возложить эту комиссію на графа Василія Салтыкова, потому что онъ много старѣйшій кавалеръ этого ордена и къ тому же род-

---

([26]) Единое на потребу. ([27]) Многимъ царить не подобаетъ. Управляй ты одна. На единаго царя указываютъ: Солнце, Пчела и Журавли.

([28]) Господствуйте. — ([29]) Отсюда устраненъ ивовый листъ; божествамъ приличествуетъ кедръ; онъ одинаково укрѣпляетъ и женскую власть.

([30]) Во дни ея обиліе.

([31]) Всякое благополучіе дастъ скипетръ; и процвѣтетъ обильно: правосудіемъ, сокровищами, силою, миромъ, богатствомъ.

ной дядя царицы, представилъ объ этомъ Его Величеству и ждетъ его приказаній и самыхъ знаковъ ордена, чтобы исполнить церемонію. Это подтверждаетъ то, что̀ я писалъ вамъ прошлую почту, что эти Австрійцы хотятъ сдѣлать меня здѣсь ненавистнымъ. Теперь я долженъ прибавить, что ихъ вражда доходитъ до того, что они изобрѣтаютъ и публикуютъ даже въ другихъ странахъ разныя совершенно ложныя выдумки. Доказательствомъ этого можетъ служить нота, которую Прусскій посланникъ сообщаетъ своему двору, будто Польскій посланникъ и я съ горячностію хлопочемъ объ интересахъ графа Маврикія Саксонскаго. Для этой выдумки нѣтъ другаго повода, какъ только та тѣсная дружба, въ которой я живу съ г. Лефортомъ съ самаго моего сюда пріѣзда и которая мнѣ была всегда полезна. Выдумывая эту исторію, они оказываютъ несправедливость не только мнѣ, но и Лефорту, который вовсе не мѣшается въ дѣла графа Маврикія.

Третье отъ 15 Мая. Что касается извѣстнаго 30-тысячнаго вспомогательнаго корпуса Русскихъ, сдѣлаю все возможное, чтобъ они его не дали. Я дѣйствую въ этомъ случаѣ согласно съ министрами Франціи и Англіи, какъ вы меня предупреждаете. Я уже началъ склонять на свою сторону нѣкоторыхъ, и именно тѣхъ, которые управляютъ царицею и чрезъ посредство которыхъ можно добиться всего, что̀ намъ угодно; я увѣрялъ ихъ, что они будутъ вознаграждены.

Четвертое отъ 15 Мая. Конфиденц. На коронаціи я отличился лучше всѣхъ, и царица удостоила меня особеннаго вниманія; но если вы въ скоромъ времени не поможете мнѣ уплатою моего запоздалаго жалованья, я подвергнусь всеобщей критикѣ: я оборвусь. Вы не можете себѣ вообразить роскошь этого двора. Я былъ при многихъ дворахъ, но могу васъ увѣрить, здѣшній дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ даже самые богатѣйшіе, потому что здѣсь все богаче, чѣмъ даже въ Парижѣ.

22 *Мая.* Во вторникъ, 16 числа, былъ послѣдній праздникъ въ дворцѣ по случаю коронаціи. Царица начала его послѣ обѣда тѣмъ, что приняла въ аудіенціи Персидскаго посланника и всѣхъ находящихся здѣсь Азіятцевъ, какъ-то Армянъ, Грузинъ, Персовъ, Калмыкъ, Татаръ, Китайцевъ

и Казаковъ. Послѣ того народу дали двухъ жареныхъ быковъ съ двумя фонтанами вина и бросали ему деньги. Тотчасъ же начался балъ, который продолжался до девяти часовъ; послѣ бала начался ужинъ. Столъ для царицы былъ накрытъ на тронѣ, и Ея Величество ужинала съ двумя своими сестрами, герцогиней Мекленбургской и принцессой Прасковіей. Въ той же залѣ было еще пять столовъ. По правую руку ужинали иностранные министры и Русское министерство; по лѣвую руку придворныя дамы и другія. За другими столами дворянство и генералитетъ. Всѣхъ кувертовъ было 360. Могу увѣрить васъ, что я никогда не видѣлъ такого блестящаго и великолѣпнаго праздника, исполненнаго къ тому же съ такою распорядительностью и порядкомъ.

По окончаніи ужина мы перешли въ покои царицы, откуда мы видѣли первостатейный (primoroso) фейрверкъ, которымъ и закончился праздникъ. Не было еще ни наградъ, ни повышеній, какъ то думали.

Воскресенья и Четверги по полудни царица назначила для собраній во дворцѣ, когда Ея Царское Величество могутъ видѣть всѣ, и она будетъ играть въ карты до ночи.

Рѣшено путешествіе въ Петербургъ, и многіе думаютъ, что оно будетъ предпринято въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Экипажи уже всѣ готовы, и даны нужныя приказанія для поправленія дороги. Между тѣмъ царица на слѣдующей недѣлѣ ѣдетъ въ загородный дворецъ за одну милю отъ города, гдѣ по близости станутъ лагеремъ гвардейскіе полки и пѣхотные, которые находятся здѣсь.

Принцесса Елисавета не присутствовала ни на одномъ изъ празднествъ коронаціи, потому что больна медленной лихорадкой, которая довела ее до крайней слабости, такъ что боятся даже за ея жизнь. Не присутствовала также, и также по болѣзни, и дочь герцогини Мекленбургской.

Другое отъ 22 Мая. Козни Нѣмцевъ противъ меня продолжаются, и враждебность ихъ доходитъ до того, что они стали увѣрять царицу, что когда хотѣли отнять у нея самодержавную власть и трактовали объ учрежденіи здѣсь чего-то въ родѣ республики, будто я давалъ совѣты для лучшаго осуществленія этой идеи. Это весьма раздражило противъ

меня царицу. Но я надѣюсь, что Ея Царское Величество увидитъ ложь этихъ обвиненій и убѣдится въ моей невинности. Я ни съ кѣмъ изъ Русскихъ не говорилъ о новомъ планѣ управленія, а передъ моими друзьями я даже прямо не одобрялъ его и былъ того мнѣнія, что этотъ планъ не осуществится; пока продолжались тогда эти толки, я нарочно никого не посѣщалъ, потому что зналъ, съ какою легкостію могутъ здѣсь впутать въ самое дѣло.

25 Мая. Въ одномъ изъ моихъ писемъ вы мнѣ пишете, что король одобряетъ мое поведеніе и мои старанія по вопросу отклоненія помощи императору 30-тысячнымъ корпусомъ. И я очень радъ, что заслужилъ королевскаго одобренія, надѣясь и впередъ дѣйствовать такъ, чтобы заслуживать его больше и больше.

Находящійся здѣсь Французскій секретарь съ прошедшей почтой получилъ чрезъ Швецію приказаніе отклонять здѣшнее министерство отъ посылки императору въ помощь 30 тыс. человѣкъ; ему въ тоже время приказано дѣйствовать въ этомъ случаѣ согласно со мною. Онъ мнѣ сообщилъ свою депешу и просилъ моего совѣта. Я высказалъ ему свое мнѣніе, что въ настоящее время предмета этого не слѣдуетъ касаться по тремъ причинамъ: 1) потому что скоро узнаютъ результатъ конференцій Донъ Луки Эспинола (Lucas Espinola) и будетъ время говорить объ этомъ тогда; 2) такъ какъ теперь не говорятъ объ этомъ предметѣ, и стараній графа Вратиславскаго не видно, а здѣшній дворъ молчитъ, то кажется благоразумнѣе не будить заснувшихъ; 3) я жду королевскихъ приказаній Его Величества, которыя вы сообщили маркизу Санта-Крусъ, и онѣ еще не дошли до моихъ рукъ; зная волю Его Величества, мы можемъ дѣйствовать основательнѣе. Если слѣдствіемъ конференцій Луки Эспинола будетъ война, мы это узнаемъ прямо изъ Парижа, прежде чѣмъ это дойдетъ до Вѣны; мы будемъ еще имѣть время принять съ своей стороны всѣ нужныя мѣры, прежде чѣмъ придутъ приказанія императора графу Вратиславскому. Между тѣмъ лѣто приближается къ концу и, если даже переговоры и не затянутся, въ нынѣшнемъ году 30 тысячъ Русскихъ никакъ не выступятъ въ походъ. Надѣюсь, король нашъ государь одобритъ эту мою рѣчь.

Я долженъ прибавить нѣчто еще. Кредитъ Нѣмцевъ при этомъ дворѣ все больше и больше усиливается; графъ Вратиславскій удостоивается все бо́льшаго и бо́льшаго вниманія царицы. Вчера Ея Царское Величество почтила его орденомъ св. Андрея и оставила его съ собою обѣдать. Этой послѣдней чести онъ удостоивается весьма часто; и хотя прежде, когда бывало приглашали его, приглашали и меня, но вотъ уже два мѣсяца я ни однажды не былъ приглашенъ на обѣдъ. Это довольно бросается въ глаза всѣмъ. Но и среди всего этого мы могли бы добиться здѣсь бо́льшаго, чѣмъ графъ Вратиславскій, если бы мы, какъ я писалъ вамъ прошлую почту, могли смазывать дѣла деньгами. Но пока намъ не достаетъ этого оракула (денегъ), Тудески (Нѣмцы) будутъ дѣлать здѣсь все, что̀ захотятъ, и императоръ можетъ добиваться отъ этого двора всего, что̀ ему угодно; на меня будутъ смотрѣть дурными глазами, и я буду подвергаться тысячамъ непріятностей. Думаю, что такое мое положеніе противно чести короля моего государя.

Путешествіе въ Петербургъ отложено до зимы. Чрезъ три дня царица ѣдетъ въ Измайлово, откуда отправится на богомолье въ Троицкій монастырь.

PS. Собственной руки дука де-Лирія. Моя несчастная бѣдность дошла до того, что я принужденъ отправить въ Мадритъ моего секретаря, сеньёра Доминго Артегу, для того чтобы онъ, повергшись къ королевскимъ стопамъ, представилъ Его Величеству мое нищенское положеніе. Онъ отправится на слѣдующей недѣлѣ и поѣдетъ моремъ, потому что по сухому пути не на что его отправить.

5 Іюня. Вчера предъ вечеромъ царица переѣхала въ Измайлово, близь котораго стоятъ лагерями два гвардейскіе полки: Преображенскій и Семеновскій и баталіонъ Кавалергардовъ; среди лагерей этихъ войскъ стоятъ палатки фельдмаршаловъ Голицина и Долгорукаго; поставлены также и палатки для царицы. Приказано еще стать лагерями четыремъ пѣхотнымъ полкамъ, находящимся въ этой столицѣ.

Оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ, по приказанію царицы, далъ знать иностраннымъ министрамъ, что въ комнатахъ Ея Величества будутъ ассамблеи по Воскресеньямъ и Четвергамъ по полудни.

Кн. Михаилу Долгорукому, брату фельдмаршала, облегчена ссылка. Ему было приказано сначала отправиться губернаторомъ въ Астрахань, но теперь дозволено жить въ своемъ имѣніи, которое отстоитъ отсюда въ 20 миляхъ.

Царица публично говоритъ, что она отправится въ Петербургъ ближайшею зимою. Почему и приказано сдѣлать поправки во дворцахъ той столицы.

Находящіеся здѣсь иностранные министры представили свои новые кредитивы, и исключеніе составляютъ только Вѣнскій, Польскій и я.

Другое отъ 5 Іюня. Въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 21 Апрѣля вы мнѣ говорите, что вы передали въ руки короля нашего государя записку, которую я составилъ для убѣжденія здѣшняго двора, что онъ не обязанъ въ настоящемъ случаѣ посылать въ помощь императору 30-тысячный корпусъ, выговоренный Вѣнскимъ трактатомъ. Его Величество приказываетъ мнѣ пока не распространять этой записки, потому что онъ считаетъ нужнымъ передѣлать ее, и тогда дастъ мнѣ нужныя приказанія. Я весьма утѣшаюсь тѣмъ, что Его Величество одобряетъ мою ревность. Я еще не опубликовалъ этой записки: я далъ ее только князю Черкасскому, который здѣсь значитъ много и котораго я считаю моимъ великимъ другомъ; я перевелъ ее для него на Латинскій языкъ, который онъ понимаетъ; я знаю, что онъ показывалъ ее нѣкоторымъ личностямъ, но изъ этого дурнаго ничего не можетъ выдти, потому что она безъ титула и безъ подписи; да къ тому же я далъ ему ее конфиденціально.

Гр. Вратиславскій продолжаетъ удостоиваться особеннаго вниманія здѣшняго двора: кромѣ Андреевской ленты, ему дали бриллiантовый крестъ въ 6 тысячь песовъ. Прусскій посланникъ, баронъ Мардефельдъ продолжаетъ находиться въ тѣсной дружбѣ съ графомъ и всюду разглашаетъ, что, хотя бы короли Англійскій и Прусскій и помирились между собою, послѣдній никогда не удалится отъ интересовъ и союза императора. Но если дружба Англіи и Пруссіи искренна, то Пруссія непремѣнно должна разорвать союзъ съ императоромъ; въ такомъ случаѣ, если Лондонскій дворъ

хочетъ что-нибудь сдѣлать здѣсь, необходимо, чтобы здѣсь былъ другой министръ Пруссіи, потому что баронъ Мардефельдъ такъ преданъ Вѣнскому двору, что, хотя бы король его государь и былъ на нашей сторонѣ, онъ изъ-подтишка будетъ вредить намъ самымъ страшнымъ образомъ, потому что его единственное правило: это составлять сплетни и выдумки. На двѣ подобныя сплетни я указывалъ вамъ въ моихъ прежнихъ письмахъ: будто я дѣйствую здѣсь въ пользу графа Маврикія Саксонскаго и будто я добивался учрежденія здѣсь республики; это выдумки его фабрикаціи. Въ томъ же родѣ онъ продолжаетъ выдумывать и другія сплетни, чтобы сдѣлать меня здѣсь ненавистнымъ. При всемъ этомъ мы съ нимъ друзья и всегда вмѣстѣ, но ничто не въ состояніи побѣдить его страстную любовь къ Вѣнскому двору. Прибавьте еще къ этому, онъ совершенно свой съ гр. Левенвольдомъ и оберъ-гофмаршаломъ Бирономъ, которые постоянно съ царицею, оба по сердцу Австрійцы и преданные друзья гр. Вратиславскаго.

Для своего оправданія я былъ у графа (32) Остермана и показывалъ ему копіи писемъ, которыя писалъ вамъ въ то время, когда здѣсь шли толки объ учрежденіи республики; я хотѣлъ, чтобы онъ собственными глазами убѣдился, что я вовсе не одобрялъ всѣхъ этихъ плановъ. Но я не убѣдилъ его въ моей невинности, или по крайней мѣрѣ онъ не хочетъ, чтобы я былъ невиненъ. Впрочемъ, я бываю при дворѣ такъ часто, какъ и другіе министры, и съ лицомъ открытымъ: пусть они видятъ, что для меня ихъ козни не значатъ ничего. Причина этихъ сплетней, выдуманныхъ противъ меня, я полагаю слѣдующая: во время праздниковъ коронаціи они видѣли, что царица относилась ко мнѣ съ особеннымъ вниманіемъ; особенно въ тотъ день, когда она была въ Головинскомъ саду и когда она вечеромъ, проѣзжая мимо, для осмотра иллюминаціи, приказала своей каретѣ остановиться предъ воротами моего дома. Тудески испугались, что я войду въ милость и для предупрежденія этого, они рѣшились предубѣдить царицу про-

(32) Баронъ Остерманъ сдѣланъ былъ графомъ 8 Мая, на канунѣ коронаціи.

тивъ меня: сдѣлать это имъ было довольно легко, потому что близъ царицы нѣтъ никого, кто бы поддержалъ мою сторону.

Третье отъ 5 Іюня. Вчера, когда царица отправилась въ Измайлово, рядомъ съ ея каретою ѣхалъ верхомъ генералъ Мамоновъ, лейтенантъ кавалергардовъ. Они еще не выѣхали изъ города, какъ Мамонова поразилъ апоплексическій ударъ: онъ упалъ съ лошади и тутъ же умеръ. Этотъ случай весьма поразилъ всѣхъ честныхъ людей, и нѣкоторые говорятъ, что апоплексіи способствовали со стороны, потому что покойникъ уже много лѣтъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ принцессой Прасковіей, сестрой царицы, и даже думаютъ, что онъ былъ женатъ на ней. Впрочемъ, мнѣнія о его смерти различны, и трудно узнать истину. Сама царица, съ своей стороны, въ полуотчаяніи: она боится, что ей дадутъ яду. Она ѣстъ только то, что̀ готовитъ ея довѣренный поваръ, и ея фавориты слѣдятъ за этимъ съ особеннымъ вниманіемъ. Народъ публично вопіетъ противъ Нѣмцевъ и особенно противъ двухъ: графа Левенвольда и оберъ-гофмаршала Бирона. А тщеславіе этихъ господъ усиливается съ каждымъ днемъ, и я боюсь, чтобы со временемъ здѣсь не было какого-нибудь переворота. Народная молва еще говоритъ, что царица не проживетъ долго; не знаю, на какую тому причину указываютъ, но то вѣрно, что въ народѣ распространено это мнѣніе. Наконецъ все, чѣмъ живетъ этотъ дворъ, составляютъ: интриги, ложь, сплетни и выдумки

12 Іюня. Гр. Вратиславскій, боясь, и не безъ основанія, примиренія здѣшняго двора съ Англійскимъ, четыре дня тому назадъ былъ у Датскаго посланника, барона Вестфалена и послѣ нѣсколькихъ словъ разговора сказалъ ему: „Я слышалъ, что Англійскій дворъ не далекъ отъ совершеннаго примиренія съ здѣшнимъ; почему я, какъ другъ, совѣтую вамъ, не упускайте этого изъ виду, потому что можете быть увѣрены, лишь только установится доброе отношеніе между Англіей и Россіей, первое государство сдѣлаетъ всевозможныя усилія для возстановленія Голштинскаго герцога въ его Шлезвигскихъ владѣніяхъ, что̀ будетъ весьма невыгодно для Даніи.“ Датскій посланникъ отвѣчалъ, что

очень радъ узнать, что дворы Британскій и Русскій наконецъ примиряются, потому что онъ-де самъ не одинъ разъ получалъ отъ своего двора приказанія содѣйствовать этому съ своей стороны и что если случится это, изъ этого не можетъ выдти дурныхъ слѣдствій для его двора, потому что король его государь вполнѣ довѣряетъ добросовѣстности Лондонскаго двора, который всегда свято и точно соблюдалъ свои обязательства къ Даніи. Этотъ вполнѣ соотвѣтствовавшій вопросу отвѣтъ не былъ такимъ, какого ожидалъ Вратиславскій, который съ своими совѣтниками, посланниками Пруссіи, Бланкенбурга, Голштейна и К°, видя большую дружбу, существующую между Вестфаленомъ и приверженцами Англіи, задумали въ первомъ посѣять недовѣріе къ послѣднимъ: пользуясь природною живостью характера барона Вестфалена и особенно его горячностью въ этомъ дѣлѣ, очень хорошо зная, что главное его вниманіе здѣсь обращено на дѣла Голштинскія, они не сомнѣвались, что состряпанное всѣми ими вмѣстѣ представленіе графа удалитъ отъ насъ Датскаго посланника и даже поставитъ какое-нибудь затрудненіе на пути къ примиренію сказанныхъ двухъ дворовъ, полной дружбы которыхъ они не желаютъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ улажены недоразумѣнія между императоромъ и участниками Севильскаго Трактата.

Изъ всего этого вы поймете, что имперіалисты не дремлютъ, и я думаю, что Англичане должны дѣлать тоже и должны довести до окончанія свое примиреніе съ Россіею. И мнѣ кажется, что при настоящихъ обстоятельствахъ добиться этого не трудно; доказательствомъ этого можетъ служитъ то, что́ теперь происходитъ въ здѣшнемъ сенатѣ, и о чемъ я говорю въ другомъ нынѣшнемъ письмѣ: всѣ сенаторы соглашаются принять поставку суконъ изъ Англіи. Теперь бы кстати Его Британскому Величеству, не теряя времени, прислать инструкціи и дать характеръ полномочнаго посланника одному изъ двухъ находящихся здѣсь его агентовъ, которые суть: консулъ Вардъ и г. Рондо (Rondeau). Первый, какъ я слышалъ, имѣетъ друзей въ Англіи, которые хлопочатъ, чтобы ему дали характеръ министра. Но жаль, если министромъ здѣсь будетъ г. Вардъ,

а не другой: онъ честный и почтенный человѣкъ, но не понимаетъ политическихъ вещей такъ, какъ г. Рондо, проведши всю свою жизнь въ торговыхъ операціяхъ; и пожалуй покажется не особенно даже приличнымъ дать ему характеръ министра, когда онъ теперь занятъ сказанною поставкою суконъ. На сторонѣ г. Рондо можетъ быть больше обстоятельствъ: онъ съ самаго дѣтства воспитался въ политическихъ дѣлахъ и пріобрѣлъ въ нихъ довольно опытности; онъ хорошъ съ гр. Остерманомъ, который имѣетъ о немъ хорошее понятіе и цѣнитъ его. Послѣднее обстоятельство въ настоящемъ случаѣ весьма важно, потому что всѣ внѣшнія дѣла проходятъ чрезъ руки этого министра.

Другое отъ 12 Іюня. Послѣ того, какъ прекратились добрыя отношенія между Англійскимъ и здѣшнимъ дворами, Прусская торговая компанія заключила съ Россіей контрактъ на поставку суконъ, необходимыхъ для войскъ и двора Ея Царскаго Величества, получая уплату за нихъ наличными деньгами. Такъ какъ еще нѣтъ окончательнаго примиренія между сказанными дворами, то Англійскій консулъ, въ соединеніи съ другими тремя коммерческими людьми, сдѣлалъ здѣшнему правительству предложеніе, въ которомъ указываетъ, что Англійскія сукна лучшія въ Европѣ и предлагаетъ заключить на пять лѣтъ контрактъ для поставки въ Россію сказанныхъ суконъ, довольствуясь въ уплату за нихъ товарами этой страны. Предложеніе это было уже на разсмотрѣніи Сената. Соображая тѣ выгоды, что съ этимъ не только не будутъ уходить изъ страны деньги, но вмѣстѣ найдутъ исходъ преизобилующіе здѣсь товары, сенаторы единодушно одобрили сказанное предложеніе. Прусскій посланникъ употребляетъ всѣ возможныя средства, чтобы воспрепятствовать заключенію сказаннаго контракта, который будетъ жестокимъ ударомъ не только для компаніи, но и для двора, во владѣнія котораго не будутъ входить тѣ значительныя суммы денегъ, которыя привлекалъ изъ Россіи трактатъ ея съ Прусской компаніей. Сенатъ совершенно на сторонѣ Англійскаго консула, и я думаю, что онъ добьется своей цѣли, если только Прусскій посланникъ не выхлопочетъ какого-нибудь благопріятнаго для себя прика-

занія *свыше* и запрещенія заключить этотъ контрактъ, который долженъ быть заключенъ на этой недѣлѣ. Прусскому посланнику помогаютъ, сколько могутъ, своими вліяніями его друзья, изъ которыхъ главные: гр. Вратиславскій и посланникъ Бланкенбурга.

Третье отъ 12 Іюня. Прошлый Четвергъ царица сказала мнѣ лично, что слѣдующую зиму она рѣшилась ѣхать въ Петербургъ. Обратившись къ находившимся тутъ придворнымъ, она и имъ подтвердила тоже, что это путешествіе ея будетъ только прогулкою, потому что свою главную резиденцію она будетъ имѣть всегда въ Москвѣ.

Вчера мы опять были во дворцѣ. Прусскій посланникъ далъ при этомъ знать царицѣ, что королева его государыня родила принца, и во вниманіе къ этой доброй вѣсти Ея Царское Величество приказала намъ остаться съ нею ужинать, что́ мы и исполнили. Прусскій посланникъ былъ удостоенъ при этомъ особеннаго вниманія.

19 Іюня. Я уже сообщалъ ([33]) вамъ о приказаніяхъ, которыя имѣлъ отъ своего двора находящійся здѣсь Французскій секретарь, г. Маньянъ (Magnan) относительно извѣстной помощи войскомъ въ 30 тысячь человѣкъ, равно какъ и о поводахъ, которые я представилъ ему, чтобы пока не затрогивать этого дѣла. Теперь я могу прибавить къ этому слѣдующее: находящіеся здѣсь Англійскій консулъ и Голландскій секретарь получили отъ своихъ соотвѣтствующихъ министровъ, состоящихъ при Шведскомъ дворѣ, письма, въ которыхъ тѣ извѣщаютъ ихъ, что Французскій посланникъ, находящійся тамъ, получилъ отъ своего двора приказанія представить графу Головину, Русскому министру при Шведскомъ дворѣ, тоже, о чемъ секретарь Маньянъ долженъ хлопотать здѣсь, прибавляя къ этому, что Французскій посланникъ при Шведскомъ дворѣ уже исполнилъ это. Въ виду этого мнѣ показалось, что больше нельзя удерживать сказаннаго секретаря, потому что о полученныхъ имъ приказаніяхъ здѣшній дворъ непремѣнно уже извѣщенъ Головинымъ. Вслѣдствіе этого три дня тому назадъ Маньянъ былъ у гр. Остермана и сказалъ ему, что его свѣтлость конечно

([33]) Въ письмѣ отъ 23 Мая.

не сомнѣвается, что онъ секретарь далъ знать своему двору о рѣшеніи, принятомъ Ея Царскимъ Величествомъ, помочь императору 30-ю тысячами человѣкъ, лишь только тотъ ихъ потребуетъ; что въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ своего двора приказаніе представить здѣшнему правительству, что, такъ какъ участники Севильскаго Трактата вовсе не имѣютъ намѣренія нападать ни на императора, ни на имперію, то невообразимо, почему бы Ея Царское Величество хотѣла мѣшаться въ предстоящую войну; что главный пунктъ теперешняго спора — это вопросъ о занятіи крѣпостей Тосканы и Пармы гарнизонами или изъ Испанскихъ войскъ, или изъ Швейцарцевъ, что́ совершенно безразлично для Русскаго двора; что, такъ какъ всегда было доброе согласіе между Ихъ Величествами: Христіаннѣйшимъ и царицею, то король его государь все-таки надѣется, что царица не приметъ участія въ грозящей войнѣ, и что въ противномъ случаѣ Его Христіаннѣйшее Величество будетъ не въ состояніи скрыть своего недовольства.

Маньянъ замѣтилъ, что Остерманъ весьма смутился и почти дрожа отвѣчалъ ему: „Нельзя не удивляться тому, что этого не сказали Русскому посланнику въ Парижѣ, не сдѣлали ему даже никакого намека. Императрица моя государыня всегда желала сохранить дружбу съ Его Христіаннѣйшимъ Величествомъ, но она знаетъ свои обязательства и до какихъ предѣловъ оныя простираются. Ея Царское Величество не входила въ причины, заставившія Его Христіаннѣйшее Величество вступить въ новыя обязательства по Севильскому Трактату, но она не откажется и отъ своихъ обязательствъ.“ Къ этому онъ прибавилъ, что его государыня и ея союзники никогда не потерпятъ, чтобы какой-нибудь монархъ предписывалъ имъ законы. Маньянъ *дрожаніе* Остермана принялъ за слѣдствіе затрудненія, въ которое онъ поставилъ его своею рѣчью; но я, который его знаю, приписываю это гнѣву и бѣшенству, потому что, не смотря на свое низкое происхожденіе, это одинъ изъ высокомѣрнѣйшихъ людей, какіе только мнѣ извѣстны.

Изъ этого отвѣта Остермана вы поймете, какъ преданъ здѣшній дворъ Вѣнскому двору и какъ немногаго можемъ мы здѣсь добиться, пока этотъ министръ, чрезъ руки ко-

тораго проходятъ всѣ иностранныя дѣла, убѣжденъ, что для Россіи всего полезнѣе тѣсное единеніе съ императоромъ. А этотъ послѣдній, какъ я подозрѣваю, убѣждаетъ здѣшній дворъ, а вмѣстѣ и Прусскій, къ заключенію новаго тройственнаго трактата для взаимной безопасности. Основанія для своего подозрѣнія я вижу въ томъ, что происходятъ постоянныя конференціи между гр. Вратиславскимъ, посланникомъ Пруссіи и Остерманомъ. Кромѣ того, я не могу разувѣрить себя въ томъ, чтобъ съ послѣдней почтой Вратиславскій не получилъ депеши, относящейся къ дѣлу о поставкѣ суконъ, которое здѣшній сенатъ рѣшилъ въ пользу Англіи. Что это подозрѣніе основательно, въ этомъ меня убѣждаетъ слѣдующее: вчера былъ при дворѣ высокоторжественный день (это былъ Троицинъ день) и графъ Вратиславскій, по выслушаніи мессы, не былъ во дворцѣ; на распросы о причинѣ того, люди изъ его собственнаго дома мнѣ говорили, что весь этотъ день онъ, запершись, что-то писалъ.

Другое отъ 19-го Іюня. Съ прошлой почтой я извѣщалъ васъ о предложеніи, которое сдѣлалъ здѣшнему правительству Англійскій консулъ относительно поставки суконъ, и о положеніи, въ какомъ находилось это дѣло. Теперь я могу прибавить, что послѣ сказаннаго предложенія Сенату были представлены и другія предложенія, составленныя находящимся здѣсь представителемъ Прусской торговой компаніи и защищаемыя Прусскимъ посланникомъ. Вслѣдствіе этого Сенатъ объявилъ, что не желаетъ заключать никакого контракта, ни продолжать того, который онъ имѣлъ съ сказанной компаніею, а пусть каждый привозитъ сюда сукна, и Ея Царское Величество будетъ покупать тѣ, которыя найдетъ лучше и сходнѣе.

Я не сомнѣваюсь, что такое рѣшеніе сдѣлано къ удовольствію Пруссаковъ: они конечно и будутъ посылать эти товары въ Россію, Англичане же едва ли пришлютъ, не увѣренные въ томъ, что у нихъ купятъ.

26-го Іюня. 22-го числа графъ Вратиславскій получилъ дипломъ на графское достоинство священной Римской имперіи для оберъ-каммергера Бирона, который онъ и вручилъ ему въ тотъ же день пополудни вмѣстѣ съ портретомъ императора, осыпаннымъ бриллiантами, цѣною въ 12 тысячь

песовъ. Эта награда доказываетъ то, что́ я уже неоднажды говорилъ вамъ, что Вѣнскій дворъ употребляетъ всевозможныя средства, чтобы привязать къ себѣ всѣхъ, кто имѣетъ какую-нибудь власть и вліяніе надъ царицею. Сказанный Биронъ есть фаворитъ царицы. И хотя есть еще другія лица, имѣющія много власти надъ Ея Царскимъ Величествомъ, имъ Вѣнскій дворъ еще не далъ никакой публичной награды, но со временемъ онъ съумѣетъ это сдѣлать. Для этого въ рукахъ Вратиславскаго есть еще четыре портрета съ другими наградами, которыя были присланы еще въ прошлое царствованіе, когда мы трое: Остерманъ, Вратиславскій и я, хлопотали о возвращеніи двора въ Петербургъ.

Гр. Вратиславскаго и Прусскаго посланника при здѣшнемъ дворѣ удостоиваютъ безконечнымъ множествомъ отличій; со мною ограничиваются только обыкновенными вѣжливостями и придворнымъ этикетомъ; это ясно показываетъ, что тѣ отличія, которыхъ меня удостоивали прежде, были мнѣ дѣланы въ уваженіе нашей дружбы съ Вѣнскимъ дворомъ, который несомнѣнно можетъ теперь дѣлать здѣсь все, что́ ни захочетъ. Я теперь уже того мнѣнія, что извѣстныя 30 тысячь войска выступятъ тотчасъ же въ походъ, какъ только ихъ потребуетъ императоръ, хотя Русскіе магнаты и противятся этому. Послѣдніе смертельно ненавидятъ иностранцевъ, приближенныхъ царицы, публично говорятъ, что они думаютъ только о своихъ собственныхъ интересахъ, а вовсе не объ интересахъ страны, служатъ больше чужимъ государямъ, чѣмъ своему собственному, что Биронъ удостоился сказанной чести отъ императора ужъ конечно не за службу своему государю. Къ этому прибавляютъ много и другихъ обстоятельствъ, не опуская сказать и того, что наконецъ-де и они будутъ имѣть тотъ же конецъ, какой имѣли другіе.

22-го же числа царица подарила Бирону одинъ городъ въ Лифляндіи съ прилежащими къ нему землями, цѣною слишкомъ въ 60 тысячь рублей.

Другое отъ 26-го Іюня. Три дни тому назадъ между нѣкоторыми распространились слухи, что трактуютъ выдать замужъ эту государыню за принца Георга Гессенъ-Кассельскаго, брата Шведскаго короля. Можно считать эти слухи

вѣроятными, потому что сказанный принцъ Георгъ, какъ извѣщаютъ изъ Берлина, вышелъ въ отставку изъ службы короля Прусскаго, въ которой онъ былъ генералъ-лейтенантомъ, и не знаютъ ни повода, по которому онъ вышелъ, ни того, куда онъ отправится. Эти подозрѣнія еще подтверждаются тѣмъ, что гр. Цеккендорфъ ведетъ какіе-то переговоры съ Прусскимъ дворомъ. Къ слухамъ объ этомъ прибавляютъ, что эти переговоры могутъ имѣть важныя слѣдствія и надѣлаютъ много шума, когда о нихъ узнаютъ. Я не могу увѣрять, что этого не случится, особенно при такомъ дворѣ, какъ здѣшній, гдѣ что́ день то новость. Къ тому же нужно прибавить, что Вѣнскій дворъ употребляетъ всѣ мѣры, чтобы имѣть Россію на своей сторонѣ, *вводя въ нее* личностей совершенно зависящихъ и преданныхъ императору. Трудно только думать, чтобы царица рѣшилась выдти замужъ, имѣя племянницу, дочь своей сестры, герцогини Мекленбургской, которую она любитъ до крайности, о которой всѣ, даже люди посредственной проницательности, думаютъ, что царица назначитъ ее своей преемницей; и царица едвали захочетъ раздѣлить свой авторитетъ съ мужемъ, который естественно будетъ значить больше, чѣмъ она, и особенно, если онъ будетъ такъ уменъ, что угодитъ всѣмъ главнымъ министрамъ и магнатамъ. А можетъ быть, идутъ переговоры о выдачѣ замужъ сказанной ея племянницы за какого-нибудь другаго принца, чтобы имѣть преемникомъ мужчину, который бы, въ случаѣ смерти царицы, могъ бы противостать всякой идеи, какую бы захотѣли выполнить Русскіе, подобно тому, какъ оную они возымѣли по смерти Петра II; что́ ему будетъ сдѣлать легко, если онъ будетъ имѣть на своей сторонѣ войска, которыхъ онъ будетъ генералиссимусомъ. А можетъ быть, трактуютъ о способѣ, какимъ бы можно было возстановить герцога Мекленбургскаго въ его владѣніяхъ. Однимъ словомъ, не могу увѣрять ни въ чемъ изъ сказаннаго; но Его Величество можетъ быть увѣренъ, что я употреблю всевозможныя усилія дабы узнать настоящій предметъ этихъ конференцій, хотя это и трудно, потому что на нихъ не бываетъ ни одного Русскаго, а только одни Нѣмцы, которые всѣ совершенные *Австрійцы*, закупленные и въ

тоже время озлобленные противъ насъ за Севильскій Трактатъ.

Третье отъ 26 Іюня. Конфиденц. Я не сомнѣваюсь, что король мой государь, обративши вниманіе на ту непріятную роль, какую мнѣ приходится разыгрывать здѣсь, въ скоромъ времени отзоветъ меня отсюда. Я надѣюсь, что и вы съ своей стороны поможете этому своимъ вліяніемъ. Умоляю васъ обратить вниманіе, что для моей жены можетъ пройти время ([34]): вѣдь ей уже 39 лѣтъ, а я желалъ бы еще имѣть пару сыновей, которые со временемъ могли бы служить королю, а если я еще поживу здѣсь сколько-нибудь времени, я уже буду не въ состояніи имѣть ихъ. Гдѣ бы я ни былъ, только бы не здѣсь, она пріѣдетъ ко мнѣ, и я надѣюсь, что вы доставите намъ утѣшеніе свиданія.

3 Іюля. На этихъ дняхъ указали Долгорукимъ мѣста ихъ ссылки. Враги ихъ преувеличили ихъ вину предъ этой государыней, представивъ ей, будто они невѣсту покойнаго государя считаютъ еще императрицей, заставляя всѣхъ, кто является къ ней, цѣловать у нея руку. Это обстоятельство послужило поводомъ послѣдняго принятаго противъ нихъ рѣшенія ([35]), которое таково:

Кн. Алексѣя Долгорукаго, отца царской невѣсты, съ его женою, сыновьями и дочерьми сослали на Березовъ островъ, гдѣ былъ покойный Меншиковъ; кн. Василія сослали въ Соловецкій монастырь, лежащій на одной скалѣ Бѣлаго моря, гдѣ нельзя прожить больше двухъ лѣтъ; кн. Сергія — въ Ораніембургъ; кн. Ивана, брата Алексѣя, въ Пустозерскъ, а кн. Александра послали лейтенантомъ на одинъ корабль Каспійскаго моря. Этою прекрасною расправою положенъ конецъ фамиліи Долгорукихъ, господствовавшей при Петрѣ II. Кажется очевидно, наказаніе это есть

([34]) Нужно помнить, что дукъ де-Лирія жилъ въ Россіи одинъ, а жена его оставалась въ Испаніи. Ему дѣйствительно не удалось имѣть еще дѣтей, и фамилія его исчезла, слившись съ фамиліей дука де-Альба.

([35]) Въ руск. переводѣ «Записокъ дюка Лирійскаго» стр. 103 указано, очевидно ошибочно, для этого рѣшенія 6 число Іюля; дукъ не указываетъ точно числа этого рѣшенія, но оно должно быть даже раньше 3 Іюля, потому что въ настоящемъ письмѣ онъ говоритъ о немъ какъ о прошедшемъ.

справедливый судъ Божій за ихъ дурное управленіе и за ихъ непомѣрное честолюбіе.

Вчера имѣлъ свою прощальную аудіенцію посланникъ Персіи, который во дворцѣ и обѣдалъ. Въ виду этой аудіенціи, графъ Вратиславскій убѣдилъ посланниковъ Пруссіи и Бланкенбурга въ тоже утро отправиться во дворецъ какъ бы изъ любопытства, что̀ они и сдѣлали,—поэтому и имъ было приказано остаться обѣдать съ царицею.

Я еще не могъ узнать, чѣмъ кончились переговоры сказаннаго посланника Персіи. Нѣкоторые говорятъ, что Тамасъ соединится съ Россіей, для того чтобы выгнать Турокъ изо всей Персіи; другіе думаютъ, что онъ можетъ заключить союзъ съ Султаномъ, чтобы выгнать Русскихъ изъ провинціи Гиляни, что̀ будетъ весьма полезно тѣмъ невѣрнымъ, по причинѣ торговли шелкомъ. Постараюсь, какъ и требуетъ того моя обязанность, узнать истину, хотя это въ настоящее время и трудно по величайшему секрету, который соблюдается во всемъ.

Для болѣе легкаго и скораго веденія дѣлъ, ихъ распредѣлили между сенаторами, которые составляютъ Сенатъ; послѣдній будетъ собираться только два раза въ недѣлю; въ другіе дни каждый будетъ разсматривать дѣла собственной юрисдикціи, представляя ихъ потомъ на окончательное рѣшеніе въ присутствіе полнаго Сената.

Третьяго дни въ этомъ городѣ былъ страшный пожаръ, который истребилъ около 100 домовъ; а десять дней тому назадъ былъ такой же страшный пожаръ въ Петербургѣ, истребившій до 300 домовъ.

Другое отъ 5 Іюля. Хотя уже мѣсяцъ тому назадъ князю Щербатову дано приказаніе представить королю нашему государю отзывныя граматы и возвратиться въ здѣшнюю столицу, но это было сдѣлано съ такимъ секретомъ, что я узналъ объ этомъ только три дня тому назадъ. Получивши это извѣстіе, я тотчасъ же отправился къ графу Остерману, которому я сказалъ: „Меня весьма поразило только что полученное мною извѣстіе, будто сюда отзываютъ кн. Щербатова, не назначивъ никого на его мѣсто: я не повѣрю этой вѣсти, пока подтвержденія ея не услышу изъ собственныхъ устъ вашего сіятельства, потому что подобная

вещь не только не въ обычаѣ, но и противна простой вѣжливости, когда объ отозваніи Щербатова даже не сочли нужнымъ хотя бы только намекнуть находящемуся здѣсь министру Его Величества.“ Онъ мнѣ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, что извѣстіе справедливо; что хотя Щербатовъ уже давно просилъ обо отозваніи, но ему не дозволяли этого до сего времени, когда онъ сталъ просить о томъ же съ бо́льшею настойчивостію, и что онъ Остерманъ думаетъ, что тутъ есть какія-то свадебныя обстоятельства; что и то правда, что на его мѣсто не назначенъ другой министръ, но что объ этомъ думаютъ; а почему онъ не сказалъ мнѣ объ этомъ—просто потому, что меня не видѣлъ. На послѣднее я возразилъ, что мы не только видимся два раза каждую недѣлю въ тѣ дни, въ которые при дворѣ бываютъ ассамблеи, но я еще былъ у него въ домѣ другіе два или три раза послѣ того, какъ дано Щербатову сказанное приказаніе. Пожимая плечами, онъ мнѣ отвѣчалъ: „Ну, такъ забылъ и прошу извиненія.“

Такъ какъ я не сомнѣвался, что Остерманъ скрывалъ отъ меня правду, то я съ величайшею осторожностію сталъ доискиваться ея. Между прочимъ я узналъ, что Щербатовъ вовсе не просилъ объ отозваніи его, а рѣшили отозвать его въ угоду и въ подражаніе Вѣнскому двору, который отозвалъ отъ нашего двора своихъ двухъ (?) министровъ; наконецъ потому, что не хотѣли дожидаться, когда буду отозванъ я: они хотѣли упредить отозваніемъ своего министра. Предоставляю верховному пониманію короля нашего государя судить о томъ, на сколько оскорбителенъ его королевской чести поступокъ здѣшняго двора, который не назначилъ другаго посланника и даже не намекнулъ мнѣ обо отозваніи теперешняго. Но я считаю своею обязанностію высказать Его Величеству свое мнѣніе. Если вслѣдствіе поступка здѣшняго двора король нашъ государь сочтетъ нужнымъ для его королевской службы приказать мнѣ выѣхать отсюда, то Щербатову подъ разными предлогами не нужно давать прощальной аудіенціи до тѣхъ поръ, пока я здѣсь не получу моей; но если Щербатовъ уже имѣлъ эту аудіенцію, то нужно устроить такъ, чтобы онъ не выѣзжалъ изъ Испаніи до тѣхъ поръ, пока я здѣсь не получу моихъ пас-

портовъ: потому что секретъ, съ которымъ дано приказаніе Щербатову оставить нашъ дворъ, заставляетъ подозрѣвать со стороны Русскихъ дурное намѣреніе; они, пожалуй, могутъ сдѣлать какую-нибудь непріятность Его Величеству, когда онъ прикажетъ мнѣ выѣхать отсюда, или просто не дозволять мнѣ выѣздъ до тѣхъ поръ, пока я не уплачу моихъ долговъ, которые, какъ извѣстно всѣмъ, довольно значительны. Я боюсь, чтобы противники нашего союза, эти злобные (rabiosos) Нѣмцы, которые здѣсь командуютъ всѣмъ, не подстроили мнѣ какого-нибудь скандала, особенно Остерманъ. Ихъ благоговѣніе къ императору доходитъ до того, что они со всеусердіемъ подглядываютъ за всѣми, кто бываетъ у меня въ домѣ, и смотрятъ дурными глазами на тѣхъ, кто относится ко мнѣ какъ слѣдуетъ; поэтому, когда я бываю при дворѣ, ко мнѣ даже боятся приближаться. Я очень хорошо знаю, что находящіеся здѣсь повѣренные въ дѣлахъ Франціи и Англіи писали своимъ дворамъ, что было бы очень важно, особенно для Англичанъ, еслибы я еще на нѣкоторое время остался при здѣшнемъ дворѣ, потому что я могъ бы быть имъ весьма полезенъ для ихъ окончательнаго примиренія съ этою монархіею. Но эти господа, обращающіе вниманіе только на внѣшность дѣлъ, легко ошибаются. Доказательства на лицо. *Во первыхъ*, Вѣнскій дворъ закупилъ здѣшній пенсіонами, подарками, титулами и дѣлаетъ въ немъ, что хочетъ, потому что на его сторонѣ Остерманъ, который до того забралъ въ свои руки всѣ дѣла, что здѣсь является настоящимъ распорядителемъ всего онъ, а не царица, безусловно покоряющаяся его вліянію. *Во вторыхъ*, когда я говорю о какомъ-нибудь дѣлѣ съ другими Русскими министрами, они легко отвѣчаютъ, что не могутъ сдѣлать ничего, потому что всѣмъ заправляетъ Остерманъ, который и не думаетъ ни о чемъ ихъ спрашивать. *Въ третьихъ*, когда я работалъ здѣсь противъ Англичанъ передъ пріѣздомъ сюда ихъ консула, Остерманъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ и повторялъ, что, пока онъ въ силѣ, онъ не дозволитъ примиренія съ Англіею, король которой такъ жестоко оскорбилъ его покойнаго государя Петра Перваго, ни того, чтобы здѣшняя монархія отстала отъ тѣснаго союза съ императоромъ. *Въ четвертыхъ*, сто-

ронники Вѣны и Цезарскій министръ не только дѣлаютъ и будутъ дѣлать все возможное, чтобы помѣшать сказанному примиренію, но они уже хозяйничаютъ здѣсь, такъ что, когда въ публичныхъ газетахъ появилось извѣстіе, что Британскій дворъ назначилъ своимъ резидентомъ въ этой столицѣ консула Томаса Варда, который еще не получилъ этого. извѣстія, Вратиславскій и его приверженцы просто взбунтовались и подняли на ноги все здѣшнее министерство; я даже боюсь, они пожалуй надѣлаютъ Англичанамъ какихъ-нибудь непріятностей, если оправдается это назначеніе, особенно, если Англичане, прежде оффиціальнаго опубликованія его, не примутъ своихъ мѣръ.

Я догадываюсь, что письмо, которое вы мнѣ посылаете чрезъ руки Маркеза Санта-Крусъ де-Марсенадо (Испанск. посланника въ Парижѣ), мнѣ принесетъ надлежащія приказанія относительно сказаннаго примиренія здѣшняго двора съ Англіею. Еслибы я получилъ его нѣсколько прежде. мнѣ можетъ быть было бы нѣсколько легче добиться его: но теперь, какъ вы можете судить по вышеизложенному, мнѣ кажется это невозможнымъ, особенно имѣя дѣло съ высокомѣрнымъ Остерманомъ, рьянымъ Австрійцемъ: подъ предлогомъ сказаннаго оскорбленія, нанесеннаго въ Англіи его покойному государю, онъ пожалуй будетъ просить чрезвычайнаго удовлетворенія, не удовольствуется тѣмъ, что Англія сдѣлаетъ первый шагъ къ примиренію и пришлетъ первая сюда своего резидента; безъ сомнѣнія онъ будетъ отвѣчать, что этотъ характеръ не достаточенъ, чтобы удовлетворить его государыню, которая-де не захочетъ вступить въ сношенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ назначенъ посолъ, или по крайней мѣрѣ, чрезвычайный посланникъ изъ высшаго ранга.

Основанія для этихъ предположеній я имѣю въ томъ, что графъ Вратиславскій нѣсколько дней тому назадъ въ одной компаніи имѣлъ разговоръ о характерѣ резидента, какой, по газетамъ, будто бы данъ здѣшнему Англійскому консулу: графъ Вратиславскій сказалъ, что здѣшній дворъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ министра съ такою ограниченною властію. Слова эти конечно не изъ его головы, а онъ слышалъ ихъ отъ Остермана, на котораго онъ дѣйствительно и ссылался въ своемъ разговорѣ.

Третье отъ 3 Іюля. Вотъ уже три недѣли какъ происходятъ частыя конференціи между Датскимъ министромъ и графомъ Остерманомъ. Я сталъ усиливаться узнать предметъ этихъ конференцій. Не смотря на величайшій секретъ, который соблюдаютъ оба эти министры, дѣло идетъ у нихъ просто о заключеніи трактата касательно морской салютаціи между Россіею и Даніею.

Три дня тому назадъ пріѣхалъ изъ Польши гр. Потоцкій, близкій родственникъ царицы, которому она приказала отвести помѣщеніе въ одномъ изъ своихъ дворцовъ и котораго она принимаетъ любезно въ высшей степени. Онъ пріѣхалъ поздравить царицу отъ имени примаса Польши, своего дяди, который есть вмѣстѣ дядя (?) и Ея Царскаго Величества.

Вчера Ея Царское Величество удостоила ордена св. Александра князя Куракина, своего камергера, бывшаго прежде посланникомъ во Франціи.

PS. Собственной руки дука де-Лирія. Я узналъ положительно, что причиной отозванія отъ нашего двора кн. Щербатова было желаніе угодить Вѣнскому двору, который хотѣлъ этого, чтобы показать всѣмъ, въ какомъ тѣсномъ союзѣ находится онъ съ здѣшнимъ дворомъ.

17 Іюля. Въ Четвертокъ 13 числа эта государыня отправилась на богомолье въ Троицкій монастырь, въ сопровожденіи своихъ двухъ сестеръ, племянницы, принцессы Елисаветы и большей части своихъ министровъ и генераловъ. Хотя этотъ монастырь отстоитъ отъ города всего на двѣнадцать миль, но Ея Царское Величество доѣдетъ туда только въ Субботу по полудни; на другой день, Воскресенье, она совершитъ свое поклоненіе святынѣ, нынѣ выѣдетъ оттуда, а въ Среду возвратится въ эту столицу. Говорили, что она отравится на это богомолье пѣшкомъ, но этого не случилось, и она отправилась въ каретѣ, и только за полмили отъ монастыря она выдетъ изъ кареты и пойдетъ пѣшкомъ, какъ то дѣлали ея предшественники. Для сопровожденія царицы въ сказанный монастырь, гр. Вратиславскій и посланники Пруссіи и Блакенбурга, которые теперь любимые министры здѣшняго министерства Тудесковъ, отправились вчера вечеромъ. Вы поймете, что этими отличіями они именно хотятъ дѣлать непріятности другимъ. Посланнику

Пруссіи присланы шесть лошадей, которыхъ король его государь посылаетъ въ подарокъ царицѣ; онъ ей представитъ ихъ по ея возвращеніи. Съ этимъ отсутствіемъ царицы и ея министровъ остановилась большая часть дѣлъ. Поэтому мы и бѣдны другими новостями.

Другое отъ 17 Іюля. Въ письмѣ отъ 2 прошлаго Іюня вы мнѣ посылаете другое письмо короля нашего государя для царицы, въ которомъ Его Величество не только отвѣчаетъ на извѣстіе о смерти покойнаго царя Петра II и о ея возшествіи, но и аккредитуетъ меня. Тотчасъ же по полученіи этого письма, копію его я перевелъ на Латинскій языкъ и вручилъ ее гр. Остерману, потому что великаго канцлера не было въ городѣ; въ тоже время и просилъ аудіенціи царицы для представленія ей оригинала. Но графъ мнѣ сказалъ, что я не могу имѣть оной, пока царица не возвратится изъ своего богомолья, куда она должна была отправиться на другой день, что̀ она дѣйствительно и сдѣлала.

24 Іюля. Прошлую Среду царица возвратилась съ богомолья. Она продолжаетъ жить въ Измайловѣ. Вчера при дворѣ не было обычной ассамблеи, потому что Ея Царское Величество по полудни отправилась на прогулку въ Нѣмецкую Слободу и ужинала тамъ въ саду, который тамъ имѣетъ великій канцлеръ графъ Головкинъ. Генералъ-лейтенанту гр. Румянцеву, командующему въ Персіи, послали приказаніе возвратиться въ эту столицу. Министерство рѣшилось на это не безъ сожалѣнія, потому что генералъ этотъ весьма нуженъ въ той странѣ, въ которой онъ оказалъ особенныя услуги этой монархіи, что̀ и возбудило противъ него жалобы султана, который требовалъ его отозванія, не соглашаясь безъ этого вступать ни въ какія соглашенія о разграниченіи въ тѣхъ странахъ. Когда былъ здѣсь Ефенди, здѣшнее министерство согласилось сдѣлать султану эту уступку. Царица сама публично передала это извѣстіе женѣ Румянцева.

Другое отъ 24 Іюля. По возвращеніи царицы съ богомолья въ прошлую Среду, великій канцлеръ въ Пятницу прислалъ ко мнѣ одного изъ секретарей своей канцеляріи сказать мнѣ, что Ея Царское Величество приметъ меня въ аудіенціи въ Воскресенье въ десять часовъ утра, въ Измайловѣ,

куда я отправился въ назначенный часъ и былъ введенъ гр. Биромомъ, оберъ-каммергеромъ и Левенвольдомъ, оберъ-гофмаршаломъ. Я сказалъ Ея Величеству прилагаемую при семъ рѣчь и въ тоже время представилъ ей письмо Его Величества. По окончаніи моей рѣчи, царица съ нѣсколькими словами обратилась къ Остерману, который находился по правую ея руку, и тотъ отвѣчалъ мнѣ на Французскомъ языкѣ, выражая почтеніе и уваженіе королю нашему государю и вниманіе къ моей личности. Копію сказанной рѣчи я по обычаю послалъ за день къ Остерману на Кастильскомъ и Французскомъ языкахъ. Меня просили, чтобъ я произнесъ ее предъ царицей по французски, такъ какъ этотъ языкъ понимаетъ большая часть придворныхъ. Я дѣйствительно уважилъ эту просьбу. Въ этотъ день царица сдѣлала мнѣ честь приказать остаться обѣдать съ нею; тоже она приказала гр. Вратиславскому, который явился въ этотъ день во дворецъ съ цѣлью, о которой я говорю въ другомъ нынѣшнемъ письмѣ.

Третье отъ 24 Іюля. Гр. Вратиславскій продолжаетъ подкупать этотъ дворъ чрезъ посредство министровъ, которые имѣютъ при немъ какое-нибудь значеніе. И онъ дѣлаетъ это со всею откровенностію. Вчера онъ подарилъ портретъ императора, украшенный бриллiантами, цѣною въ 2000 доблоновъ ([36]), князю Черкасскому, которому царица приказала принять его. Для врученія этого портрета, вчера, въ девять часовъ утра, гр. Вратиславскій отправился въ Измайлово и былъ тамъ въ то время, когда я имѣлъ тамъ свою аудіенцію. Изъ этого король нашъ государь увидитъ, съ какимъ усердіемъ Вѣнскій дворъ закупаетъ здѣшній дворъ, который наконецъ имѣетъ дѣйствительныя причины быть преданнымъ тому двору. Графъ Остерманъ со всеусердіемъ служитъ этому единенію; онъ управляетъ графомъ Вратиславскимъ, и въ распредѣленіи самыхъ подарковъ, присланныхъ нѣкогда для Долгорукихъ, графъ Вратиславскій имѣетъ приказанія отъ своего двора руководствоваться указаніями Остермана, противъ котораго въ высшей степени озлоблены бо́льшая часть Русскихъ магнатовъ, желающихъ заступить

---

[36] Каждый доблонъ около трехъ тогдашнихъ рублей.

его мѣсто, но терпящихъ его потому, что имѣютъ нужду въ немъ (хотя мнѣ кажется, обошлись бы и безъ него), а еще больше потому, что его поддерживаютъ фавориты царицы. Хотя я не могу, какъ уже неоднажды говорилъ вамъ, отвѣчать ни за что при этомъ дворѣ, гдѣ поминутно происходятъ самыя неожиданныя перемѣны, но я предчувствую, что Вѣнскій дворъ не добьется отъ этого двора того, на что онъ расчитываетъ, и 30-тысячный вспомогательный корпусъ не выйдетъ изъ Россіи.

Сказанный Вратиславскій вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ на частныхъ свиданіяхъ, такъ и на публичныхъ, сдѣлался въ отношеніи ко мнѣ что-то не кстати любезенъ, даже такъ любезенъ, какимъ не бывалъ во времена нашего союза и дружбы: рѣдкій день мы не бываемъ вмѣстѣ или въ нашихъ домахъ, или въ домахъ другихъ министровъ, а иногда вмѣстѣ отправляемся на охоту, и онъ первый всегда дѣлаетъ мнѣ предложеніе. Я отвѣчаю ему, какъ требуетъ того вѣжливость и тѣмъ болѣе, что изъ общенія и разговоровъ съ нимъ я получаю просвѣтъ на дѣла, нужныя для королевской службы.

Четвертое письмо отъ 24 Іюля. Не упуская изъ виду идею, нѣкогда предложенную мною королю нашему государю относительно будущаго преемника Польскаго престола, и повинуясь приказаніямъ, которыя вы мнѣ дали по этому предмету отъ имени Его Величества, я старался угодить и пріобрѣсти дружбу находящагося здѣсь графа Потоцкаго. Я вошелъ къ нему въ такое довѣріе, что въ бесѣдѣ, которую я имѣлъ съ нимъ нынѣшній день, онъ мнѣ открылся совершенно и сказалъ мнѣ, о чемъ онъ ведетъ здѣсь свои переговоры. Главная его комиссія состоитъ въ томъ, чтобы склонить царицу въ пользу Польской Республики, къ сохраненію ея свободы, въ случаѣ, еслибы ея сосѣди когда-нибудь захотѣли посягнуть на измѣненіе установленнаго ея правительства. Въ тоже время онъ имѣетъ приказаніе представить царицѣ, что если она пошлетъ на помощь императору 30-тысячный корпусъ, такъ какъ почти единственный для онаго проходъ—это чрезъ Польшу, то этого не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ: 1) потому что Польша имѣетъ съ Россіею различные трактаты, въ которыхъ ясно выра-

жено, что Русскія войска ни въ какомъ случаѣ не могутъ входить въ Польшу; и 2) потому что по трактату, который существуетъ между Россіею и Турціею, также условлено, что Русскія войска никогда не должны входить въ Польшу и что если это случится, то Турки тотчасъ же объявляютъ Россіи войну. Гр. Потоцкій еще не заводилъ переговоровъ объ этихъ вопросахъ, потому что гр. Остерману онъ совершенно не довѣряетъ и не хочетъ ничего сообщать ему изъ вышесказаннаго; но онъ намѣренъ попытать прежде, не можетъ ли онъ добиться этого прямо отъ самой царицы. Поэтому, когда Ея Царское Величество приказала ему вести переговоры съ Остерманомъ, онъ коснулся передъ нимъ только пунктовъ, безразличныхъ для Русскаго союза съ императоромъ, какъ напр. возвращенія Ливоніи Польшѣ и дѣлъ Курляндіи. Все это сказалъ мнѣ нынѣ поутру самъ гр. Потоцкій, прибавивъ къ этому, что въ Польшѣ знаютъ положительно, что существуетъ *очень* секретный трактатъ между королями Польскимъ, Прусскимъ и Шведскимъ для раздѣленія между собою Польскаго королевства въ случаѣ смерти короля Августа. По сказанному трактату, Шведскій король возметъ всю Померанію, теперь находящуюся во владѣніи короля Пруссіи, который, вмѣсто того, возметъ Литву и всю часть Польши между Варшавою и Берлиномъ. Избирателю Саксоніи будетъ предоставлена вся великая Польша. По словамъ Потоцкаго, Поляки весьма встревожены этимъ союзомъ, и это одинъ изъ главныхъ пунктовъ, о которыхъ онъ имѣетъ здѣсь трактовать; но, какъ я сказалъ, онъ хочетъ попытаться прежде, не можетъ ли онъ добиться на этотъ счетъ чего-нибудь такъ, чтобы Остерманъ не былъ посвященъ въ секретъ его переговоровъ. Онъ увѣренъ, что лишь только этотъ министръ узнаетъ о томъ, это тотчасъ же узнаютъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ.

Видя, что и самъ гр. Потоцкій встревоженъ сказаннымъ тройственнымъ союзомъ, я сказалъ ему, что если дѣйствительно случится посягательство на свободу Польской Республики, то ни одинъ государь Европы не пожалѣетъ объ этомъ такъ, какъ король нашъ государь: не только по особенной любви Его Величества къ такой славной націи, но и по врожденному своему характеру, онъ всегда привыкъ стоять на

сторонѣ справедливости; что, поэтому, я могу его увѣрить, что Его Величество всегда готовъ содѣйствовать Полякамъ къ сохраненію имъ мирнаго обладанія свободою, которую они завоевали и которою они пользуются уже столько лѣтъ. Графъ мнѣ отвѣчалъ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ благодарности, говоря при этомъ, что онъ непремѣнно дастъ знать объ этомъ примасу, своему дядѣ. Дабы еще больше увѣрить графа въ серьезности моихъ словъ, я сообщилъ ему пришедшую мнѣ тогда на умъ идею, которая ему понравилась въ высшей степени. Я сказалъ ему, что если Польская Республика рѣшительно увѣрена въ существованіи сказаннаго тройственнаго союза, то она съ своей стороны должна позаботиться заключить другой союзъ, дабы сдѣлать несбыточными намѣренія трехъ королей; что для этого ничего не можетъ быть лучше, какъ заключить трактатъ съ королями Испаніи, Франціи и Англіи, по которому бы эти три монарха приняли на себя гарантію свободы Польши, съ обязательствомъ объявить войну всякому государю, который бы замыслилъ противъ нея какое-бы-то ни было посягательство; что если будетъ заключенъ подобный трактатъ, короли Швеціи и Пруссіи и избиратель Саксоніи никогда не рѣшатся привести въ исполненіе своихъ проэктовъ: ихъ остановитъ въ этомъ страхъ привлечь на себя всѣ силы участниковъ Севильскаго Трактата; что по этой идеѣ онъ можетъ видѣть, какъ меня интересуетъ все, что касается интересовъ его отечества и что онъ можетъ считать меня вполнѣ расположеннымъ служить Республикѣ всѣмъ моимъ вліяніемъ на короля.

Графъ былъ невыразимо обрадованъ моею идеею. Поблагодаривши меня въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, онъ перешелъ къ тому, чего мнѣ хотѣлось больше всего: онъ пригласилъ меня, по выѣздѣ моемъ изъ этой страны, проѣхать чрезъ Польшу и повидаться съ примасомъ, которому-де было бы весьма пріятно поговорить со мною объ этихъ матеріяхъ. На это я отвѣчалъ ему, что съ моей стороны также было бы весьма пріятно видѣть сказаннаго прелата и что я съ удовольствіемъ бы поѣхалъ на Варшаву, чтобы только видѣться съ нимъ. Онъ опять сталъ просить меня, чтобы я сдѣлалъ это удовольствіе. Я обѣщалъ ему сдѣлать всевозможное для исполненія онаго.

Надѣюсь, Его Величество удостоитъ одобрить мое поведеніе въ настоящемъ случаѣ, особенно когда я скажу причины, по которымъ я говорилъ въ этой, а не въ иной формѣ: 1) для того чтобы пріобрѣсти расположеніе примаса, который есть первый представитель Республики и безъ котораго въ Польшѣ не дѣлается ничего; 2) я не обязываю короля ничѣмъ, потому что, хотя бы Поляки и предложили Его Величеству сказанный трактатъ, онъ можетъ вступать въ него или нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ; 3) чрезъ это я нахожу поводъ остановиться въ Варшавѣ по просьбѣ самаго примаса, который непремѣнно будетъ просить меня остановиться, и я мало по малу и съ осторожностію могу подготовить почву для нашей извѣстной идеи въ пользу сеньёра Донъ Филиппа.

Я говорилъ съ сказаннымъ графомъ относительно преемства, и онъ мнѣ сказалъ, что вся нація желаетъ имѣть туземца; но это намѣреніе Поляковъ не страшно, потому что деньгами и солидными резонами можно убѣдить ихъ измѣнить намѣреніе.

31 Іюля. Третьяго дни пріѣхалъ въ эту столицу посланникъ Голландіи, г. Дедьё (de-Dieu); я жду только его извѣстія о пріѣздѣ, чтобы отправиться къ нему въ домъ и предупредить его, чтобы онъ не попался въ сѣти, которыя непремѣнно ему разставятъ Австрійцы.

Вотъ уже нѣсколько недѣль какъ въ различныхъ мѣстахъ и въ домахъ этой столицы находятъ безъименныя письма, угрожающія пожаромъ, что всѣхъ держитъ на сторожѣ. Правительство сдѣлало нужныя приказанія, чтобы каждый былъ внимателенъ, и остерегался несчастія въ случаѣ поджога. Съ того времени, какъ начали разбрасывать безъименныя письма, поджоги были уже четыре раза, хотя и не было большихъ пожаровъ: всего сгорѣло только пять домовъ. Стараются открыть тѣхъ, кто выдумываетъ это безумство, и говорятъ, что полиція поймала дѣвушку, поджигавшую одну избу. На допросѣ она объявила, что одинъ продавецъ дровъ далъ ей десять рублей, чтобы только она совершила это преступленіе.

Другое отъ 31 Іюля. Три дня тому назадъ къ гр. Вратиславскому пріѣхалъ экстраординарный курьеръ отъ его дво-

ра. Въ этотъ самый день онъ не выходилъ изъ дому и весь день провелъ въ чтеніи своихъ депешъ. На слѣдующій день онъ отправился къ Остерману, съ которымъ провелъ цѣлые два часа, а вчера рано поутру отправился въ Измайлово, чтобы видѣть оберъ-каммергера и фаворита гр. Бирона; но онъ еще не видѣлся ни съ однимъ изъ Русскихъ министровъ.

Хотя съ самой минуты пріѣзда экстраординарнаго курьера, я принималъ всѣ мѣры, чтобы открыть причину его появленія, но доселѣ могъ узнать только то, что Вѣнскій дворъ извѣщаетъ Вратиславскаго, что война неизбѣжна и чтобы онъ хлопоталъ, чтобы здѣшній дворъ исполнилъ трактатъ. Къ слѣдующей почтѣ я надѣюсь узнать, не дано ли Вратиславскому приказаніе просить немедленнаго выступленія 30 тысячь человѣкъ. Между тѣмъ и теперь началъ опять посѣщать Русскихъ членовъ здѣшняго министерства для того, чтобы предупредить ихъ противъ выступленія сказаннаго вспомогательнаго корпуса, и я нашелъ ихъ расположенными разубѣдить царицу въ необходимости посылать эту помощь. Въ тоже время я подтолкнулъ гр. Потоцкаго, чтобы онъ представилъ царицѣ записку противъ выступленія въ походъ вспомогательнаго корпуса, и нынѣ онъ отправился для врученія царицѣ этой записки съ намѣреніемъ просить ее, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не сообщала ея Остерману, ни другимъ министрамъ-Нѣмцамъ, но только Русскимъ, которые не имѣютъ другаго интереса, кромѣ интересовъ своего отечества. Онъ подробно говорилъ объ этомъ предметѣ съ Черкасскимъ и Ягужинскимъ и нашелъ ихъ вполнѣ расположенными поддержать его. И въ самомъ дѣлѣ, этихъ двоихъ я всегда старался одушевлять противъ императора и Нѣмцевъ, и только чрезъ ихъ посредство мы можемъ добиться здѣсь чего-нибудь. Я не сомнѣваюсь, что они успѣютъ, если не погубить совсѣмъ Остермана, по крайней мѣрѣ умалить его кредитъ; и значеніе Черкасскаго дѣйствительно весьма усилилось, между тѣмъ какъ значеніе Остермана ослабло. Я не пропускаю ни одного случая, чтобы доказать Черкасскому, какъ важно для Россіи не вмѣшиваться въ нашу ссору съ императоромъ. И я надѣюсь, что всѣ происки Вратиславскаго, всѣ раздаваемые имъ громадные подарки не дадутъ ожидаемаго имъ резуль-

тата. Впрочемъ, здѣсь трудно отвѣчать за что-нибудь, какъ я уже говорилъ вамъ нѣсколько разъ.

Вчера я долго говорилъ съ Вратиславскимъ и дѣлалъ все возможное, чтобы выпытать отъ него, что́ привезъ ему курьеръ. Сначала онъ мнѣ сказалъ, что не привезъ ничего существеннаго, касающагося очередныхъ дѣлъ и только привезъ большую сумму денегъ, но съ продолженіемъ разговора я могъ открыть подтвержденіе того, что его дворъ извѣщаетъ его о неизбѣжности войны въ Италіи, и онъ хотѣлъ дать мнѣ понять, что Сардинскій король объявляетъ себя за императора, равно какъ сдѣлаютъ тоже и всѣ сосѣди имперіи, хотя извѣстія, которыя я имѣю отъ Д. Хосе де-Эскилусъ (37) утверждаютъ меня, что все, что́ онъ говорилъ, не больше какъ сладкая и, пожалуй, несбыточная надежда.

7 *Августа* На этой недѣли мы съ новостію, которая поразила всѣхъ. Съ почтою перваго числа текущаго мѣсяца здѣсь было получено изъ Риги извѣстіе, что чрезъ тотъ городъ проѣхалъ одинъ принцъ, который не сказалъ, кто онъ такой. Царица тотчасъ же отправила ему навстрѣчу гр. Левольде (38), своего генералъ-адъютанта, для того чтобы узнать, кто онъ такой. Графъ встрѣтилъ его въ 28 миляхъ отсюда и нашелъ, что это былъ инфантъ Донъ Мануель Португальскій съ очень небольшою свитою. Левольде прислалъ курьера съ этимъ извѣстіемъ, которое весьма встревожило дворъ, министерство и всѣхъ иностранныхъ министровъ.

3 числа гр. Остерманъ былъ въ домѣ гр. Вратиславскаго, и оба вмѣстѣ они отравились во дворецъ, гдѣ они имѣли конференцію, на которой рѣшили, чтобы Вратиславскій отправился узнать о цѣли пріѣзда Португальскаго инфанта, такъ какъ Его Высочество объявилъ, что онъ желаетъ быть введенъ Вратиславскимъ, который и отправился ночью четвертаго числа, а ночью пятаго долженъ пріѣхать въ то мѣсто, въ которомъ Левольде удержалъ Его Высочество. И такъ какъ Вратиславскій еще не воротился, то больше пока

---

(37) Повѣренный въ дѣлахъ Испаніи въ Вѣнѣ.

(38) Levolde—не Левеввольдъ ли?

ничего не знаемъ объ этомъ предметѣ, кромѣ того, что къ нему отправлена дворцовая прислуга. Я употребилъ всѣ усилія, чтобы напасть хоть бы на какое нибудь обстоятельство цѣли этого пріѣзда. То, что здѣсь нѣтъ никакой интриги, это я узналъ навѣрное, и при этомъ дворѣ дѣйствительно не имѣли никакого извѣстія о пріѣздѣ инфанта, который ѣхалъ изъ Венеціи чрезъ Венгрію и Польшу, мимо Вѣны. Гр. Цинцендорфъ писалъ Вратиславскому, что получилъ-де извѣстіе, будто Его Высочество проѣхалъ чрезъ Эсперіесъ (Esperies) въ Венгріи; подозрѣвая, что онъ направляется въ Россію, Цинцендорфъ поручалъ Вратиславскому быть внимательнымъ къ его исканіямъ. Но Вратиславскій принялъ это извѣстіе за пуфъ. Вотъ все что́ знаютъ вѣрнаго объ этомъ предметѣ. Но вотъ уже два дни при дворѣ всѣ твердо убѣждены, что мнѣ извѣстна цѣль этого пріѣзда. Основаніе для этого слѣдующее. Только-что пріѣхавшій ко мнѣ изъ Испаніи курьеръ, Мануель де Лекаросъ, мѣнялъ лошадей въ томъ же самомъ мѣстечкѣ, гдѣ останавливался и принцъ, который, узнавши о Лекаросѣ, позвалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ наединѣ; освѣдомившись отъ него о здоровьи королей и всей нашей королевской фамиліи, онъ распрашивалъ его о разныхъ предметахъ и поручилъ передать мнѣ поклонъ. Разговоръ инфанта съ Лекаросомъ заставилъ этихъ господъ думать, что онъ везъ бумаги для Его Высочества. И такъ какъ я еще никому не говорилъ о причинѣ пріѣзда ко мнѣ этого курьера, то предполагаютъ, что одною изъ причинъ этого я служитъ инфантъ. Но они скоро узнаютъ свою ошибку. Вчера имѣлъ первую свою аудіенцію у царицы посланникъ Голландіи.

Другое письмо отъ 7 Августа. Третьяго дня по полудни пріѣхалъ курьеръ Мануель де Лекаросъ, который привезъ мнѣ вашъ пакетъ съ тремя письмами отъ васъ и съ письмомъ короля нашего государя для царицы, вмѣстѣ съ копіею его для меня, въ которомъ Его Величество извѣщаетъ о своемъ королевскомъ рѣшеніи отозвать меня отъ этого двора. Смиренно благодарю Его Величество за особенное довѣріе, съ которымъ онъ удостоиваетъ приказать мнѣ отправиться отсюда на Польскій Сеймъ. Но въ тоже время я не могу не сказать, что не доставлено ни малѣйшаго утѣ-

шенія по слѣдующимъ тремъ предметамъ: 1) Въ то время, какъ мнѣ дается приказаніе проститься съ царицею, мнѣ не присылаютъ ни самаго ничтожнаго векселя, чтобы я съ честію могъ выѣхать изъ этой страны. 2) Мнѣ не назначаются подъемныя деньги, какъ это дѣлается всегда, когда какой-нибудь министръ переходитъ отъ одного двора къ другому. 3) Мнѣ не присылается кредитивной грамоты для Польскаго короля и Республики, ни инструкціи, какъ долженъ поступать тамъ и что долженъ дѣлать по окончаніи Сейма.

Третье отъ 7 Августа. Въ одномъ изъ писемъ, которыя мнѣ привезъ Мануель де Лекаросъ, вы меня предупреждаете, что, когда я буду выѣзжать отсюда, я долженъ оставить здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ секретаря Его Величества Д. Хуана Каскосъ-Вилья де-Моросъ. Я не исполню своей обязанности, если на этотъ счетъ не представлю, что подвергается риску королевская честь, если Донъ Хуанъ Каскосъ не будетъ аккредитованъ формальнымъ образомъ. Примѣръ у насъ предъ глазами — это секретарь Франціи, который дѣлалъ представленіе, о чемъ я сообщалъ вамъ въ письмѣ моемъ отъ 19 Іюня, и получилъ въ отвѣтъ отъ гр. Остермана, что онъ считаетъ страннымъ, какъ подобное представленіе дѣлаетъ человѣкъ, который не аккредитованъ для этого; и здѣшній дворъ жаловался Французскому на сказаннаго секретаря, который ни не шагъ не отступилъ отъ полученныхъ имъ приказаній. Кромѣ того, Донъ Хуанъ Каскосъ, подобно мнѣ, доведенъ до самаго затруднительнаго положенія и, если въ скоромъ времени ему не уплатятъ зажитаго имъ жалованья, онъ будетъ принужденъ не выходить изъ дома и погибнуть отъ голода, что конечно совершенно противно службѣ Его Величества. Впрочемъ и располагая своимъ незначительнымъ жалованьемъ, онъ не можетъ служить съ пользою Его Величеству: онъ имѣетъ всего только четыреста доблоновъ въ годъ, которые онъ и тратитъ всѣ только на одни придворныя празднества, на которыхъ онъ бывалъ со мною и съ другими иностранными министрами и на которыя я бралъ его, чтобы познакомить съ ними поближе и дать ему ходу, чего онъ и достигъ умѣньемъ держать себя и своимъ отличнымъ поведеніемъ.

Но, оставшись одинъ и съ такимъ ничтожнымъ жалованьемъ, онъ будетъ не въ состояніи поддержать себя съ достоинствомъ: вѣдь теперь онъ имѣлъ мою карету, жилъ у меня въ домѣ, имѣлъ мой столъ и слугъ; а тогда на все это онъ долженъ тратить изъ тѣхъ же четырехъ сотъ доблоновъ. Секретарь Франціи имѣетъ здѣсь тысячу доблоновъ въ годъ, а Англійскій секретарь и того больше.

14 Августа. По возвращеніи гр. Вратиславскаго, выѣзжавшаго на встрѣчу Португальскому инфанту, здѣшнее министерство дало надлежащее приказаніе приготовить дворецъ, который Ея Царское Величество имѣетъ въ Нѣмецкой Слободѣ, для пріема Его Высочества, который пріѣхалъ сюда третьяго дня. Я тотчасъ послалъ Д. Хуана Каскосъ поздравить Его Высочество и вмѣстѣ просить его назначить мнѣ день и часъ для принесенія личныхъ моихъ поздравленій. Онъ мнѣ назначилъ было 11 часовъ утра на слѣдующій день; но такъ какъ послѣ того сама царица назначила ему именно этотъ часъ, и онъ долженъ былъ ѣхать видѣться съ нею въ Измайловѣ, то Его Высочество далъ мнѣ знать, чтобы я былъ у него вечеромъ. Въ назначенный часъ Его Высочество въ сопровожденіи гр. Вратиславскаго отправился въ Измайловскій дворецъ въ каретахъ царицы, свиданіе съ которою было очень непродолжительно. Его Высочество говорилъ пофранцузски; на томъ же языкѣ ему отвѣчалъ Остерманъ. Послѣ этого онъ возвратился въ Нѣмецкую Слободу, а пополудни опять отправился въ Измайлово сдѣлать визитъ принцессамъ, послѣ чего онъ присутствовалъ на ассамблеѣ и игралъ въ карты съ одною придворною дамой и со мною. Тотчасъ же, какъ Его Высочество возратился къ себѣ, я отправился къ нему, и онъ оставилъ меня съ собою ужинать, спросивши меня предварительно о Ихъ Величествахъ и Ихъ Высочествахъ; ни въ какой особенный разговоръ со мною онъ не входилъ. Гр. Вратиславскій не оставляетъ его ни на минуту, обѣдаетъ съ нимъ и ужинаетъ. Я догадываюсь, что онъ пріѣхалъ сюда по соглашенію съ Вѣнскимъ дворомъ. Вчера простился съ царицей графъ Потоцкій, которому Ея Царское Величество сдѣлала множество подарковъ и почтила его орденомъ св. Андрея.

21 Августа. Донъ Мануель продолжаетъ бывать во дворцѣ по два раза въ недѣлю въ дни ассамблей, гдѣ, отдавши честь царицѣ и принцессамъ, онъ играетъ въ карты по два и по три часа. Завтра при дворѣ будетъ роскошный пиръ, который дается именно въ честь Его Высочества, такъ какъ онъ, говорятъ, скоро уѣдетъ. Вотъ уже четыре дня гр. Вратиславскій лежитъ въ постелѣ, жалуясь на подагру: болѣзнь его одни считаютъ настоящею, а другіе приписываютъ ее тому, что онъ видитъ, что пріѣздъ сюда сеньёра инфанта не достигаетъ цѣли; а я съ каждымъ днемъ больше увѣряюсь, что онъ пріѣхалъ сюда по соглашенію съ Вѣнскимъ дворомъ; на такое подозрѣніе, между прочимъ, наводитъ меня то, что Его Высочество проѣхалъ чрезъ Прагу, гдѣ оставался четыре дня.

Здѣшнее министерство рѣшило послать въ Персію командиромъ войска Нѣмца генерала Вейсбаха; а барона Шафирова царица назначила туда же уполномоченнымъ для опредѣленія границъ въ тѣхъ странахъ съ Турками и Персами. Хотя послѣднему назначили очень хорошее жалованье, но всѣ смотрятъ на эту честь какъ на родъ несчастія, полагая, что его посылаютъ туда просто потому, чтобы имѣть его подальше, такъ какъ онъ былъ въ связяхъ и дружбѣ съ Долгорукими; кромѣ того онъ былъ вице-канцлеромъ прежде Остермана, и этотъ всегда старался устранять его.

23 Августа. Во исполненіе приказаній Его Величества, которыя вы передаете мнѣ въ письмѣ отъ 23 Іюня, оставить здѣшній дворъ и отправиться въ Варшаву, я призвалъ къ себѣ всѣхъ моихъ кредиторовъ, которымъ сказалъ, что Его Величество намѣренъ въ скоромъ времени отозвать меня отъ здѣшняго двора и, такъ какъ въ Мадритѣ не находится банкировъ, которые бы могли выдать векселя для присылки ихъ мнѣ, онъ приказываетъ мнѣ самому дать векселя здѣсь въ пользу моихъ кредиторовъ на имя государственнаго казначейства, что́ я съ удовольствіемъ готовъ сдѣлать, надѣясь, что они удовольствуются этимъ и могутъ быть увѣрены, что имъ будетъ уплачено по этимъ векселямъ безъ замедленія. Они съ рѣзкостію отвѣчали мнѣ, что они видятъ въ этомъ средство обмануть ихъ, что съ ними случится тоже, что́ съ Евреемъ Либманомъ, которому въ

Мадритѣ не хотѣли уплатить по двумъ выданнымъ мною векселямъ, что этотъ примѣръ заставляетъ ихъ не брать отъ меня другихъ векселей; что они надѣются, я не выѣду отсюда, не раздѣлавшись съ ними какъ слѣдуетъ; что еслибы они не помогли мнѣ, то я бы не имѣлъ чѣмъ существовать, и я бы не могъ показаться на улицу; что пусть мнѣ пришлютъ денегъ для уплаты долговъ. Я не могъ убѣдить ихъ никакими резонами; чѣмъ больше я говорилъ, тѣмъ больше они бунтовались, и я наконецъ долженъ былъ уступить ихъ настойчивости. Я посылаю курьера Лекароса съ тѣмъ, чтобы представить Его Величеству мое критическое положеніе. Къ этому я считаю нужнымъ прибавить, что, если бы эти господа и согласились принять мои векселя, я не могу предпринять моего путешествія въ Варшаву. Я было надѣялся здѣсь на одного господина, что онъ мнѣ дастъ денегъ, но когда я сталъ просить его, онъ мнѣ отвѣчалъ, что жалѣетъ, что не можетъ мнѣ служить въ виду того, что я задумалъ выѣхать отсюда не заплативши другихъ долговъ, кредиторы которыхъ были правы кричать, что я ихъ обманулъ, поманивая ихъ надеждою отъ одной почты до другой, что вотъ-вотъ пришлютъ мнѣ векселя. Это послѣднее обстоятельство особенно досадно: оно поставляетъ меня въ невозможность исполнить приказаніе Его Величества отправиться въ Варшаву, гдѣ бы безъ этого я былъ уже въ концѣ этого мѣсяца; да кромѣ того оно принудило меня для поддержанія моего существованія продать остальную часть моей серебряной посуды, мои кареты и ту немногую мебель, которую я имѣлъ здѣсь, чѣмъ я надѣюсь просуществовать, пока королевская милость не окажетъ мнѣ дѣйствительной помощи въ отвѣтъ на это представленіе. Наши враги радуются такому отчаянному моему положенію; они еще больше подъущаютъ моихъ кредиторовъ, чтобы они не выпускали меня отсюда безъ уплаты долговъ, указываютъ имъ на истощеніе нашего казначейства, и что я будто просто не заплачу имъ. Для моего существованія здѣсь въ продолженіе двухъ лѣтъ, въ которыя я ничего не получалъ изъ Испаніи, я долженъ былъ взять здѣсь въ долгъ 66,000 рублей по 12 процентовъ на 100, что́ возвысило мой долгъ до 80,000.

Другое отъ 23 Августа. Гр. Потоцкій обѣщалъ мнѣ положительно извѣстить меня изъ Польши, соберется ли или нѣтъ Сеймъ. Если соберется, то сдѣлаю все возможное, чтобы быть на немъ; если нѣтъ, то какой-нибудь мѣсяцъ ничего не значитъ, и тогда я увижусь со всѣми магнатами въ Варшавѣ. Самъ Потоцкій, впрочемъ, того мнѣнія, что Сеймъ не соберется; а если и соберется, то тотчасъ же и разойдется. Въ послѣднемъ случаѣ, если я и буду на Сеймѣ, я не успѣю ничего сдѣлать; но въ Варшавѣ можно работать не спѣша, и я меньше рискую возбудить подозрѣнія тѣхъ, кого я долженъ беречься. Хорошо было бы упросить Его Величество, чтобы онъ на всякій нужный случай далъ мнѣ кредитивы на посла при Польскомъ королѣ и Польской Республикѣ, хотя я и не приму этого характера, пока въ этомъ не будетъ настоять нужды.

Третье отъ 23 Августа. Я еще не объявилъ никому, что получилъ уже приказаніе Его Величества оставить здѣшній дворъ; но говорю только, что со дня на день жду этого приказанія.

Четвертое отъ 23-го Августа. Третьяго дни, въ честь Португальскаго инфанта, былъ во дворцѣ балъ, а послѣ роскошный ужинъ. Царица и весь дворъ были въ высшей степени внимательны къ Его Высочеству. Гр. Вратиславскій не былъ на праздникѣ и продолжаетъ болѣть подагрою, но на немъ присутствовали всѣ другіе иностранные министры. Мнѣ говорятъ о скоромъ отъѣздѣ инфанта. Онъ поѣдетъ на Петербургъ, чтобы видѣть все любопытное въ томъ городѣ и въ его окрестностяхъ, и всѣ того мнѣнія, что онъ пріѣзжалъ сюда для осмотра и что послѣ его отъѣзда будетъ продолжать его дѣло гр. Вратиславскій. И въ самомъ дѣлѣ, Его Высочество былъ въ высшей степени снисходителенъ къ этому министру: съ того времени какъ онъ заболѣлъ подагрою, Его Высочество посѣщалъ его каждый день. Я былъ у Его Высочества три раза, и однажды, когда былъ у него и Вратиславскій, онъ сказалъ, что онъ не Португалецъ, а Нѣмецъ, и это повторилъ три раза. Я не могу сказать вамъ утвердительно, думаетъ ли онъ искать руки принцессы Мекленбургской или принцессы Елисаветы. Послѣдняя, вполнѣ сформировавшаяся и дѣй-

ствительно красавица, ему нравится; но его вниманіе больше направлено на первую. Что бы, впрочемъ, ни было, я сомнѣваюсь, чтобы Вратиславскій могъ что либо сдѣлать для него, потому что противъ этого возстанутъ всѣ Русскіе.

Пятое отъ 23-го Августа. Гр. Потоцкій представилъ царицѣ очень обширную записку, въ которой онъ выставляетъ Ея Царскому Величеству всѣ неудобства, которыя могутъ выдти изъ того, если она объявитъ себя въ пользу императора и пошлетъ вонъ изъ Россіи извѣстный 30 тысячный вспомогательный корпусъ. Прежде чѣмъ представить сказанную записку, графъ взялъ съ царицы слово не сообщать ея ни одному министру, особенно не сообщать ея гр. Остерману. Въ той же запискѣ графъ представляетъ интересы своего отечества и умоляетъ царицу, чтобы она не поддавалась никакой интригѣ, которая бы посягала на свободу Польской націи и Республики. На это царица ему отвѣчала, что она клянется въ своей душѣ, что никогда не дозволитъ предпринять что-нибудь противъ свободы Польши; но касательно своей дружбы съ императоромъ, она не отвѣчала, ему ни слова. Впрочемъ царица спросила Потоцкаго: настаиваетъ ли онъ, чтобы она отвѣчала и на этотъ пунктъ?! Потоцкій отвѣчалъ ей, что представленіе свое объ этомъ предметѣ онъ сдѣлалъ ей по приказанію своего дяди, который такъ интересуется наибольшими выгодами Ея Величества, что желалъ бы, чтобы Ея Величество зрѣло обдумала этотъ предметъ. Не смотря на то, что Потоцкій не попросилъ у нея прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, представленіе его должно оказать свою силу на царицу, потому что Ея Царское Величество приметъ во вниманіе то, что это представленіе идетъ вовсе не съ той стороны, которая прямо заинтересована въ этомъ предметѣ и что оно продиктовано единственно благорасположеніемъ къ царицѣ примаса. Графъ Потоцкій всѣхъ Русскихъ членовъ Сената оставилъ такими предрасположенными и такими врагами императора, что я не сомнѣваюсь, что возстанутъ противъ пристрастныхъ убѣжденій гр. Остермана, когда представится случай объявить себя за императора. Во все время, пока былъ здѣсь Потоцкій, онъ относился ко мнѣ съ особеннымъ довѣріемъ и обѣщалъ мнѣ предрасположить въ

мою пользу примаса, своего дядю, который, какъ вамъ не безъизвѣстно, есть первый магнатъ Польши и глава королевства какъ въ отсутствіе короля, такъ и въ междуцарствіе. Дабы заслужить расположеніе графа, я при всѣхъ случаяхъ старался выставить ему, что король нашъ государь весьма интересуется сохраненіемъ свободы Поляковъ, для поддержанія которой онъ охотно употребитъ все свое содѣйствіе; и высказывался предъ нимъ совершеннымъ республиканцемъ, что составляетъ главное средство заслужить довѣріе и дружбу Поляковъ.

Шестое письмо отъ 23-го Августа. Въ письмѣ отъ 16-го Марта, полученномъ мною съ послѣднимъ курьеромъ Мануелемъ де Лекаросомъ, вы меня предупреждаете, по приказанію короля нашего государя, что хотя Русскимъ нѣтъ причинъ вмѣшиваться въ споры иностранныхъ государей, но трудно ожидать, чтобы царица разорвала свой союзъ съ императоромъ, пока она не заручилась дружбою другихъ государей; поэтому нужно, чтобы участники Севильскаго Трактата вступили въ особый трактатъ съ этою государынею, и тогда вѣрнѣе всего императору не удастся получить отъ нея извѣстной помощи 30-тысячнымъ корпусомъ. Поэтому вы мнѣ приказываете, отъ имени короля нашего государя, войти въ переговоры объ этомъ съ Русскими, придерживаясь министровъ Франціи и Англіи. Всѣхъ Русскихъ министровъ я нашелъ совершенно расположенными принять тѣ мѣры, которыя бы могли освободить эту монархію отъ ея обязательствъ съ Вѣнскимъ дворомъ. Но гр. Остерманъ съ прежнею твердостію и ревностію держится императора, и я сомнѣваюсь, чтобы его можно было легко переубѣдить. Доселѣ его авторитетъ былъ очень великъ, и царица въ государственныхъ дѣлахъ не совѣтовалась ни съ кѣмъ кромѣ него; но съ нѣкотораго времени она стала обращаться съ дѣлами къ кн. Черкасскому и генералу Ягужинскому. Эти двое заклятые враги Остермана и мои искренніе друзья. Имъ-то я и открылся. Оба эти министра, мнѣ кажется, приняли къ сердцу мои резоны и откровенно мнѣ объявили, что они были бы очень рады, еслибъ нашлись средства освободиться отъ обязательствъ съ императоромъ. Тогда я сказалъ имъ, что ничего не можетъ

быть легче, если только они чувствуютъ себя довольно сильными рѣшиться на это вопреки Остерману; что, хотя я не имѣю прямыхъ приказаній короля нашего государя завязывать переговоры объ этомъ дѣлѣ и нахожусь почти наканунѣ выѣзда изъ этой страны, но Его Величество меня увѣрялъ, что Севильскіе союзники будутъ весьма рады заключить съ Ея Царскимъ Величествомъ дружелюбный трактатъ, который въ отношеніи къ этимъ государствамъ вовсе не поставилъ бы Россію въ такія затруднительныя обязательства, въ которыхъ она находится теперь; что, напротивъ, нашимъ союзомъ она бы обезопасила себя противъ всѣхъ случайностей. Равно я имъ изобразилъ, въ какомъ родѣ можно бы заключить сказанный трактатъ; именно я представилъ имъ его съ тѣмъ характеромъ, въ какомъ вы увидите его въ копіи прилагаемаго при семъ проэкта. Планъ мой имъ весьма понравился, и они мнѣ сказали, что они гораздо бы легче могли содѣйствовать осуществленію этой идеи, если бы я имѣлъ приказанія вести эти переговоры; что, не смотря на это, они все таки будутъ подготовлять къ этому обстоятельства. Я на это отвѣчалъ имъ, что если я въ этомъ дѣлѣ сунулся впередъ, не дождавшись прямыхъ приказаній, то къ этому меня побудила не только моя ревность къ общимъ интересамъ нашего союза, но также и ревность о благосостояніи, спокойствіи и наибольшихъ выгодахъ этой монархіи. Однимъ словомъ, мы остановились на слѣдующемъ: они обѣщались подготовлять случай для приведенія этого дѣла къ доброму концу, а я обѣщалъ дать объ этомъ отчетъ королю нашему государю, дабы Его Величество, въ согласіи съ своими союзниками рѣшилъ, что́ ему будетъ угодно. Съ этою же почтою я извѣщаю объ этомъ нашихъ уполномоченныхъ (?) въ Парижѣ, посылая имъ копію съ этого письма и вмѣстѣ съ прилагаемаго при семъ проекта, для того чтобы они разсудили объ этомъ съ министрами Франціи и Англіи, которые больше всего заинтересованы въ этомъ дѣлѣ.

Изъ нашихъ союзныхъ министровъ здѣсь я никому не открывалъ этого, а только одному г. Рондо, повѣренному въ дѣлахъ Англіи, человѣку весьма способному и который всегда былъ прямъ со мною. Причина, по которой я не открылъ

этого другимъ министрамъ, та, что всѣ они воображаютъ, будто бы ничего нельзя сдѣлать безъ Остермана, котораго они считаютъ чѣмъ-то въ родѣ полу-бога. Такимъ образомъ, не довѣряя этимъ господамъ моего секрета, я боялся, что, сообщи только имъ предварительно объ этомъ, тотчасъ же это дойдетъ до Остермана, а онъ взорветъ на воздухъ мою идею.

Я не сомнѣваюсь, что король нашъ государь найдетъ, что въ моемъ проэктѣ я не обязываю Его Величество ни къ чему; потому что, если мое намѣреніе удастся, единственное, къ чему онъ обязывается, это представить свои добрыя услуги въ случаѣ, если эта монархія будетъ атакована Турками или Швеціею. Пока я здѣсь, буду продолжать утверждать въ этой идеѣ сказанныхъ магнатовъ, до полученія приказаній Его Величества; но, если мои кредиторы дозволятъ мнѣ выѣхать отсюда прежде, чѣмъ я получу отвѣтъ на это письмо, я оставлю для этого инструкціи Досъ Хуану Каскосъ, который съ своею обычною ревностію будетъ продолжать переговоры объ этомъ дѣлѣ въ согласіи съ нашими союзниками. Въ случаѣ если Его Величество одобритъ эту идею, сказаннаго Каскоса нужно аккредитовать при здѣшнемъ дворѣ: примѣръ секретаря Франціи, какъ мало цѣнятъ здѣсь тѣхъ, кто не аккредитованъ по формѣ.

PS. Собст. руки дука де-Лирія. Письмо это отправляется съ курьеромъ Лекаросомъ и, хотя я далъ ему инструкцію какъ вести себя въ дорогѣ, но еслибы началась война, на всякій случай имена сказанныхъ двухъ личностей, съ которыми я имѣю здѣсь дѣло, я скрылъ подъ цифрами, а, посылая копіи этого письма нашимъ уполномоченнымъ, я вовсе не называю ихъ для большей безопасности, чтобы не открыли эти имена здѣсь, что́ въ высшей степени повредитъ имъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Копія проэкта:

1) Должны быть тѣсная дружба и единеніе между яснѣйшими и могущественными монархами такими-то...

) Ни одинъ изъ договаривающихся государей не вмѣшивается въ дѣло, которое можетъ быть вредно для кого-нибудь одного изъ нихъ.

3) Въ случаѣ, еслибы Россія была атакована Турками или какимъ-нибудь другимъ государствомъ Европы, союзни-

ки тотчасъ употреблятъ свои добрыя услуги и наибольшія усилія къ примиренію и стараются, чтобы не было сдѣлано несправедливости Ея Царскому Величеству.

4) Ея Царское Величество съ своей стороны обѣщаетъ не оказывать помощи никакому государству, которое бы вздумало объявить войну кому-нибудь изъ договаривающихся государей.

5) Короля Пруссіи, Даніи и Швеціи, также какъ Польскій король и Республика, будутъ приглашены приступить къ этому трактату.

Седьмое письмо отъ 25 Августа. Маркизу де-Санта Крусъ де-Марсенедо въ Парижъ. Для осуществленія нашей идеи было бы весьма полезно, еслибы вы съ обычнымъ своимъ благоразуміемъ расположили такъ, чтобы господинъ Пойнцъ (Pointz) убѣдилъ Русскаго посланника въ Парижѣ, гр. Головкина, который есть его другъ, какъ-де полезенъ для Россіи союзъ съ участниками Севильскаго Трактата и уговорилъ его написать въ этомъ смыслѣ его отцу, великому канцлеру, только съ величайшимъ секретомъ, предупредивъ его, что если узнаетъ объ этомъ гр. Остерманъ, онъ разстроитъ этотъ планъ.

25 Августа. Три дни тому назадъ капитанъ-лейтенантъ гр. Матвѣевъ, съ однимъ лейтенантомъ, субъ-лейтенантомъ, прапорщикомъ, хирургомъ и писцомъ отправился на границу Польши и Украйны, потому что въ провинціяхъ Волыніи и Подоліи появилась зараза. Надѣемся впрочемъ, что съ приближеніемъ осени и морозовъ она исчезнетъ.

28 Августа. Царица, наскучивши сеньёромъ инфантомъ Португальскимъ, расположила обстоятельства такъ, чтобы онъ поскорѣе простился съ нею. Это она сдѣлала вчера. Такъ какъ это былъ день пріема при дворѣ въ Измайловѣ, Его Высочество явился туда въ опредѣленный часъ и, откланившись царицѣ, игралъ тамъ въ карты. По окончаніи игры, Его Высочество былъ приглашенъ ужинать съ Ея Царскимъ Величествомъ; изъ иностранныхъ министровъ удостоился этой чести только гр. Вратиславскій, который былъ въ этотъ разъ при дворѣ, поправившись отъ своей *мнимой* подагры: говорю *мнимой*, потому что третьяго дни, когда я пришелъ навѣстить его, онъ, увлекшись разговоромъ, всталъ и хо-

дилъ по комнатѣ въ продолженіе двухъ минутъ, забывши, что у него была подагра, но какъ только вспомнилъ объ этомъ, опять сѣлъ, начавши жаловаться на сдѣланное имъ усиліе. По окончаніи ужина, инфантъ простился съ царицею, которая нынѣ прислала ему въ подарокъ чрезъ оберъ-каммергера гр. Бирона саблю, украшенную брилліантами, цѣною въ 10.000 р. и одинъ очень дорогой соболій мѣхъ, а Мальтійскому командору, который сопровождаетъ Его Высочество, одну брилліантовую вещь цѣною въ 1.500 р. Но доселѣ еще неизвѣстно, что́ подаритъ инфантъ тѣмъ, кто ему служилъ. Онъ уѣдетъ чрезъ два или три дня; до Митавы его будутъ сопровождать два придворные кавалера съ поварами и съ соотвѣтствующею прислугою. Онъ поѣдетъ чрезъ Петербургъ, который онъ хочетъ видѣть, и нѣкоторое время остановится въ Данцигѣ или Бреславлѣ. Не могу не довести до свѣдѣнія Его Величества, что сеньёръ инфантъ естественно склоненъ почитать красоту: лишь только онъ увидѣлъ принцессу Елисавету, онъ сталъ относиться къ ней съ предпочтеніемъ, что́ можно было замѣтить по вниманію, съ которымъ онъ на нее смотрѣлъ. Третьяго дня сказанная принцесса отправилась на одну изъ своихъ дачъ, отстоящую отъ этой столицы на 30 миль, съ намѣреніемъ остаться тамъ на цѣлый мѣсяцъ, и всѣ того мнѣнія, что она отправилась въ этомъ случаѣ по убѣжденію Ея Царскаго Величества, дабы она еще больше не разожгла сердца сеньёра инфанта наканунѣ его отъѣзда. Лишь только я увидѣлъ сказаннаго командора, сопровождающаго инфанта, Венеціанца родомъ, я рѣшился заискать у него съ цѣлію выпытать отъ него что-нибудь положительное; но могъ узнать только то, что Его Высочество выѣхалъ изъ Падуи спустя нѣсколько часовъ по пріѣздѣ туда одного курьера изъ Вѣны, что́ ясно показываетъ, что Вѣнскій дворъ устроилъ это путешествіе и что имперіалисты имѣли мысль женить его на царицѣ. Командоръ также увѣрялъ меня, что инфантъ хочетъ непремѣнно жениться и о томъ только и думаетъ, признаваясь, что онъ влюбленъ въ принцессу Елисавету. Его Высочество, во все время своего здѣсь пребыванія, ни однажды не удостоилъ меня чести прислать съ выраженіемъ своего вниманія ко мнѣ даже ни одного изъ своихъ слугъ, тогда

какъ каждый день самъ бывалъ у Вратиславскаго и во время его болѣзни, и прежде того.

Баронъ Шафировъ уже получилъ свои инструкціи и въ скоромъ времени отправится въ Персію; вчера царица увѣряла его, что будетъ къ нему внимательна. Онъ отправляется на конгрессъ, который соберется въ провинціи Гилянѣ для заключенія трактата съ Софи-Тамасъ. Генералъ Вейсбахъ не отправляется командиромъ въ Персію, а имѣетъ приказаніе пріѣхать сюда. Выдаютъ за вѣрное, что отъ этой комиссіи его спасъ гр. Вратиславскій, и онъ поѣдетъ теперь въ Вѣну съ какимъ-то секретнымъ порученіемъ.

Вчера я имѣлъ честь обѣдать съ Его Высочествомъ (инфантомъ). Вдругъ онъ обратился ко мнѣ и спросилъ меня: какъ я думаю—королева, вдова нашего короля Луиса I, можетъ ли выдти замужъ за какого нибудь принца, который бы не былъ король? Я отвѣчалъ, что нѣтъ; потому что было бы противно ея достоинству выдти замужъ за такого, съ которымъ бы она не могла возложить на свое чело какой-нибудь короны, будучи вдовою такого великаго монарха. Онъ мнѣ возразилъ, что въ такомъ случаѣ ей бы можно дать въ приданое острова Майорку и Минорку и образовать изъ нихъ отдѣльное королевство для принца, за котораго выйдетъ замужъ Ея Величество. Эта идея мнѣ показалась такою сумазбродною, что я счелъ лучшимъ не отвѣчать Его Высочеству ни слова, и признаюсь, мнѣ стоило труда удержаться, чтобы не сказать на это какую-нибудь колкость. Изъ всего этого король нашъ государь увидитъ, что голова этого принца полна проэктовъ, впрочемъ, дурно обдуманныхъ, и я сомнѣваюсь, чтобы ему удалось выполнить хоть одинъ изъ нихъ.

Третье отъ 28 Августа. Изъ Польши нѣтъ извѣстія, чтобы тамъ ждали короля. Говорятъ, что онъ начинаетъ жаловаться на боль ноги, и многіе того мнѣнія, что это будетъ предлогомъ не собирать Сейма, по причинѣ отвращенія короля къ городу Гроднѣ.

4 Сентября. 30 Августа уѣхалъ сеньёръ инфантъ Д. Мануель Португальскій; онъ роздалъ очень хорошіе подарки всѣмъ придворнымъ слугамъ, которые служили ему, смотря по ихъ степенямъ: бриллiанты, ящики, часы, золотые фут-

ляры. Его Высочество сопровождаетъ до Митавы одинъ каммергеръ и всѣ тѣ личности, о которыхъ я говорилъ въ прежнемъ письмѣ. Въ день, въ который онъ уѣзжалъ, онъ пригласилъ меня обѣдать съ собою и когда на минуту мы остались съ нимъ одинъ на одинъ, онъ сказалъ мнѣ, чтобы я передалъ королямъ нашимъ государямъ, что онъ увѣряетъ ихъ въ своемъ глубокомъ почтеніи и проситъ ихъ почтить его продолженіемъ ему своего покровительства и что онъ никогда не забудетъ, чѣмъ онъ обязанъ Ихъ Величествамъ. Но со всѣмъ этимъ Его Высочество не сдѣлалъ мнѣ ни одного визита, ни даже просто не прислалъ ко мнѣ въ домъ никого для выраженія ко мнѣ своего вниманія. Впрочемъ, думаю, что это не его вина, а онъ просто боялся сдѣлать непріятное гр. Вратиславскому, который имъ руководствовалъ здѣсь во все его пребываніе. Хотя никто не сомнѣвается, что пріѣздъ сюда Португальскаго инфанта былъ устроенъ Вѣнскимъ дворомъ, но вотъ еще доказательство этого: въ день отъѣзда Его Высочества посланникъ Бланкенбурга (39) въ моемъ присутствіи сказалъ ему, что герцогъ его государь приказалъ выразить Его Высочеству свое почтеніе, на что Его Высочество отвѣчалъ: А какъ онъ знаетъ, что я здѣсь? Посланникъ отвѣчалъ, что онъ не зналъ опредѣленно времени, но зналъ, что Его Высочество долженъ пріѣхать сюда.

Другое отъ 4 Сентября. Изъ прилагаемой при этомъ копіи вы увидите, какой разговоръ имѣлъ съ гр. Остерманомъ здѣшній повѣренный въ дѣлахъ Англіи, г. Рондо. Я могу прибавить только, что когда онъ мнѣ далъ ее, я сказалъ ему, что словамъ и выраженіямъ Остермана нельзя вѣрить, потому что онѣ у него обычны; ему можно повѣрить только тогда, когда онъ подтвердитъ свои слова дѣломъ.

Копія (40) съ письма г. Рондо своему правительству: „17 текущаго мѣсяца я имѣлъ честь видѣть гр. Остермана, ко-

---

(39) Бланкенбургскій домъ былъ въ близкомъ родствѣ съ Вѣнской императорской фамиліею.

(40) Копія этого письма въ бумагахъ Дука де-Лирія находится въ Испанскомъ переводѣ. Въ письмѣ этомъ мѣшаются имена императрицы и царицы. Вѣрно, Англійскіе агенты не были такими ригористами, какъ Испанскій посланникъ, который, даже передавая слова Русскихъ министровъ, называетъ Русскихъ государей *царь* и *царица*.

торый по обычаю принялъ меня очень любезно. Поговоривши о Европейскихъ дѣлахъ вообще, я незамѣтно перевелъ разговоръ на письмо Его Величества (Британскаго) къ царицѣ и далъ ему замѣтить, что благородныя и вѣжливыя выраженія этого письма конечно должны заслужить какого-нибудь отвѣта отъ здѣшняго двора. Его сіятельство мнѣ откровенно сказалъ, что не можетъ ничего прибавить къ тому, что́ онъ мнѣ говорилъ неоднократно прежде, что-де царица желаетъ забыть прошедшее и ничего не желаетъ больше, какъ жить въ тѣсной дружбѣ съ королемъ Великой Британіи, котораго никто не уважаетъ больше какъ Ея Императорское Величество, его государыня. Находя его сіятельство въ такомъ добромъ расположеніи, я осмѣлился увѣрить его, что Его Величество ничего такъ не желаетъ, какъ утвердить прочную дружбу и добрыя отношенія съ царицею, и что я надѣюсь, что нашъ дворъ не замедлитъ назначить къ здѣшнему двору полномочнаго министра, лишь только будетъ увѣренъ, что и Ея Царское Величество назначитъ такого же министра въ Англію. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что этотъ шагъ со стороны нашего двора будетъ очень пріятенъ императрицѣ. И конечно по пріему, какой они сдѣлаютъ нашему посланнику, мы лучше можемъ судить о серьезности ихъ намѣреній. Но такъ какъ его сіятельство ничего не сказалъ мнѣ, назначатъ ли они посланника въ Англію, то я прямо указалъ ему на этотъ пунктъ. Его сіятельство тогда сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ обѣщать мнѣ этого, потому что не имѣетъ на этотъ счетъ приказаній императрицы, но что онъ не сомнѣвается, что она тотчасъ же назначитъ своего министра, если это будетъ сдѣлано съ нашей стороны. Его сіятельство меня увѣрилъ при этомъ, что съ своей стороны онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы расположить къ этому Ея Величество, потому что онъ-де знаетъ, что какъ интересъ здѣшняго, такъ и нашего двора требуетъ, чтобы жить въ совершенномъ согласіи".

Третье отъ 4 Сентября. Я только-что получилъ письмо изъ Польши отъ гр. Потоцкаго, который сообщаетъ мнѣ слѣдующее: „Добрый инфантъ Португальскій, проѣзжая чрезъ Польшу, узналъ о качествахъ и большомъ состояніи гр. Денгофъ (Denhof). Встрѣтившись на дорогѣ съ однимъ кавалеромъ, ко-

торый нѣкогда служилъ отцу графини, онъ уговорилъ его попытать вдову (Денгофъ), не хочетъ ли она выдти замужъ за него. Онъ видѣлъ ее въ Кармелитской церкви при монастырѣ, въ которомъ она жила. Упомянутому кавалеру онъ сказалъ, что онъ скоро возвратится, чтобы лично сдѣлать предложеніе, а что теперь онъ не можетъ дольше оставаться въ Варшавѣ, потому что императоръ послалъ его просить войскъ, обѣщанныхъ царицею, и вмѣстѣ сдѣлать имъ смотръ." Въ этомъ король нашъ государь можетъ видѣть два обстоятельства: 1) Инфантъ во что-бы то ни стало хочетъ жениться. 2) Этимъ подтверждается то, что́ я уже говорилъ, что его послалъ сюда Вѣнскій дворъ. При всемъ томъ, смотра войскамъ онъ никакого здѣсь не дѣлалъ. Но я думаю, могло быть и то, что онъ дѣйствительно просилъ этихъ войскъ для императора, а можетъ быть онъ пріѣзжалъ просто съ намѣреніемъ жениться. Какъ видно, послѣднія попытки онъ дѣлаетъ вездѣ, если не тамъ, такъ здѣсь.

11 Сентября. Третьяго дня пріѣхалъ изъ Украйны генералъ Вейсбахъ. То извѣстіе, что будто онъ отправится съ секретнымъ порученіемъ въ Вѣну, оказывается ложнымъ; онъ назначенъ полномочнымъ министромъ на Польскій сеймъ, куда и ѣдетъ завтра.

Вчера, по обычаю, праздновался день св. Александра, и всѣ кавалеры этого ордена имѣли честь обѣдать и ужинать съ царицею. Послѣ ужина былъ сожженъ очень хорошій фейерверкъ. Въ этотъ день былъ пожалованъ кавалеромъ этого ордена только одинъ сказанный генералъ Вейсбахъ.

Царица приказала сформировать третій гвардейскій полкъ изъ трехъ батальоновъ, которые всѣ составятъ двѣ тысячи человѣкъ, на одинаковыхъ положеніяхъ съ другими двумя полками. Полковникомъ его будетъ генералъ-майоръ гр. Левенвольдъ, подполковникомъ — генералъ-майоръ Хакобъ Кейтъ; большая часть офицеровъ его будутъ иностранцы, солдаты всѣ будутъ дворяне. Это не мало возбуждаетъ зависти въ другихъ двухъ гвардейскихъ полкахъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ, и зависть пожалуй усилится, потому что по всѣмъ признакамъ этотъ полкъ будетъ любимымъ у царицы. Онъ будетъ названъ Измайловскимъ.

18 Сентября. Третьяго дня тезоименитство принцессы Елисаветы праздновалось во дворцѣ великолѣпнымъ баломъ и роскошнымъ ужиномъ, на который были приглашены всѣ иностранные министры.

Четыре дня тому назадъ генералъ Вейсбахъ отправился на Польскій сеймъ, и я имѣю достаточныя основанія думать (да такъ думаютъ всѣ Русскіе министры изъ Русскихъ и иностранные представители), что на его выборъ въ министры чрезъ посредство Остермана имѣлъ вліяніе гр. Вратиславскій, потому что Вейсбахъ не только Нѣмецъ по происхожденію, но и сердечно преданъ Вѣнскому двору. Поэтому я не сомнѣваюсь, что главнымъ образомъ на него возложено порученіе просить у Республики дозволенія пройти 30-тысячному Русскому корпусу чрезъ Польшу, въ случаѣ, если онъ выступитъ, и дѣйствовать въ пользу Португальскаго инфанта; вѣдь Вѣнскій дворъ только и хлопочетъ о томъ, чтобы окружить себя государями, которые бы совершенно зависѣли отъ него. Касательно перваго я нынѣ же пишу Французскому посланнику ([40]) маркизу de-Monti, чтобы онъ былъ на сторожѣ; касательно втораго,—не думаю, чтобы онъ могъ что-нибудь сдѣлать, потому что въ Польшѣ всѣ знаютъ, что инфантъ Португаліи креатура императора, партія котораго далеко не сильна въ Польшѣ, а напротивъ, велика ненависть Поляковъ къ Нѣмцамъ, усиливающаяся съ каждымъ днемъ.

Три дня тому назадъ рѣшили подвинуть къ границѣ десять полковъ изъ назначенныхъ на помощь императору, что́ меня еще больше увѣряетъ въ комиссіи генерала Вейсбаха. Мы получили извѣстіе, что пріѣхалъ въ Варшаву Польскій король и что сеймъ откроется 2 Октября; но всѣ извѣстія оттуда увѣряютъ, что сеймъ тотчасъ же и будетъ распущенъ. Знающіе люди меня увѣрили, что дружба между королями Польши и Пруссіи начинаетъ охладѣвать по причинѣ перемѣны, которую первый сдѣлалъ въ своемъ министерствѣ: онъ уволилъ Мантейфеля, Прусскаго вассала, и опредѣлилъ на его мѣсто маркиза де-Флёри, Піемонтца, человѣка способнаго, хитраго, ревностнаго католика и уже

([40]) Въ Польшѣ?

вовсе не друга ни Пруссаковъ, ни Нѣмцевъ вообще. Я узналъ его въ Вѣнѣ, гдѣ съ нимъ весьма подружился.

Мы еще не получили извѣстія, чтобы пріѣхалъ въ Петербургъ Португальскій инфантъ, который ѣдетъ очень медленно, какъ человѣкъ, который съ разбитымъ сердцемъ оставляетъ эту страну. Теперь мы уже вѣрно знаемъ, что первая его идея была — это жениться на царицѣ, а теперь онъ уже думаетъ о Польской коронѣ; въ томъ и другомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ по согласію съ Вѣнскимъ дворомъ, безъ котораго не дѣлается ни шага.

Другое отъ 18 Сент. Конфиденц. Нѣсколько дней тому назадъ я еще пытался уговорить моихъ кредиторовъ, но къ сожалѣнію никакъ не могъ. О какъ мнѣ хочется избавиться изъ этого чистилища!

25 Сентября. Вчера баронъ Шафировъ отправился къ мѣсту своего назначенія въ Персію, очень довольный вниманіемъ къ нему царицы, которой онъ будетъ давать отчетъ во всемъ непосредственно, не обязанный дѣлать этого чрезъ какого нибудь другаго министра.

Графъ Остерманъ боленъ нагноеніемъ глазъ ([41]), каковая болѣзнь вотъ уже двѣ недѣли не дозволяетъ ему выходить и весьма убиваетъ его, а что́ всего хуже, его соперники пользуются его отсутствіемъ, чтобы отдалить его отъ царицы, которая наконецъ начинаетъ понимать коварность этого господина; въ то же время значительно возрастаетъ сила Ягужинскаго и кн. Черкасскаго.

Извѣстія изъ Берлина весьма занимаютъ здѣшній дворъ: Прусскій король дошелъ до крайности, онъ даже собственнаго сына посадилъ въ крѣпость Кюстринъ. Такъ какъ Его Высочество находился въ соглашеніи съ Лондонскимъ дворомъ, то нужно опасаться, что случай этотъ усилитъ уже существующую ненависть между двумя королями: Англіи и Пруссіи и, пожалуй, еще сблизитъ Прусскаго короля съ императоромъ. Подтверждаю то, что́ я говорилъ вамъ прошлую почту, объ охлажденіи дружбы между королями

([41]) *Fluxion à los ojos*—болѣзнь, которою онъ былъ боленъ прежде и которая прежде сопровождалась странными симптомами, какъ замѣчали это въ свое время.

Польши и Пруссіи. Къ этому я прибавлю, что первый не совсѣмъ хорошъ съ императоромъ, который не хотѣлъ допустить на аудіенцію гр. de Lagnasco, Польскаго министра, какъ вѣроятно писалъ вамъ нашъ повѣренный изъ Вѣны (отъ котораго я вотъ уже два мѣсяца не получаю писемъ и думаю, что ихъ задерживаютъ). Видя Польскаго короля въ такихъ отношеніяхъ съ своими сосѣдями, я думаю, что можно бы привлечь Его Польское Величество къ нашему союзу, что́ для насъ будетъ весьма выгодно, ибо онъ имѣетъ большую силу и въ имперіи, какъ избиратель Саксоніи. Здѣшній Прусскій посланникъ наконецъ таки, силою интригъ, третьяго дня, добился того, что царица приказала брать Прусскія сукна предпочтительно предъ Англійскими, и въ такомъ количествѣ, въ какомъ только Пруссаки могутъ ихъ доставить. Этимъ Прусскій министръ гордъ и доволенъ.

2 *Октября.* Царица продолжаетъ жить въ Измайловѣ, и не знаю навѣрное, когда она переѣдетъ въ городъ, хотя и думаютъ, что недѣли черезъ двѣ. Прошлую почту я говорилъ вамъ, что гр. Остерманъ очень *спускается внизъ*; нынѣ я могу прибавить, что со дворомъ онъ день ото дня все хуже и хуже; тамъ всѣ противъ него, а между тѣмъ онъ продолжаетъ болѣть глазами. Но хотя бы Остерманъ не могъ дѣлать того, что́ захотѣлъ, это еще не значитъ того, что Нѣмцы потеряли кредитъ. Гр. Вратиславскій и посланникъ Пруссіи такъ *вцѣпились* въ оберъ-каммергера гр. Бирона и въ двухъ графовъ Левенвольдъ (а эти трое, какъ я говорилъ вамъ, здѣсь все), что дѣлаютъ съ ними что́ угодно. Эти народы втолковали въ голову царицы, что единственная вещь, которая нужна для этой монархіи, это тѣсная дружба съ императоромъ и королемъ Пруссіи; они довели ее до того, что она боится могущества Пруссіи, не обращая вниманія, что Прусскія владѣнія отстоятъ отъ ея владѣній на цѣлыхъ сто Испанскихъ миль; да хотя бы были и ближе, то вѣдь Прусскій король—это государь, который много шумитъ, но мало дѣлаетъ, особенно когда дѣло идетъ о тратѣ денегъ. Голова царицы такъ полна этими идеями, что Русскимъ нашимъ друзьямъ нѣтъ возможности разубѣдить ее въ этомъ, и я думаю, что единственное средство сдѣлать здѣсь что-нибудь противъ интригъ Вѣнскаго двора,

это склонить на нашу сторону фаворитовъ царицы деньгами и подарками.

Министры императора и Пруссіи продолжаютъ постоянно разъѣзжать; они каждый ѣздятъ къ министрамъ и фаворитамъ, съ которыми имѣютъ очень частыя конференціи. Я не могъ еще узнать, о чемъ идутъ эти хлопоты. Польскій сеймъ открылся, и всѣ думаютъ, что онъ не продолжится и недѣли.

9 Октября. Болѣзнь гр. Остермана продолжается. Въ прошлый четвергъ, въ день рожденія принцессы Прасковіи, сестры своей, царица давала балъ и ужинъ, на которомъ, какъ всегда, были всѣ иностранные министры. Гр. Вратиславскій очень занятъ, но невозможно проникнуть, что́ онъ дѣлаетъ; но я думаю, что наиважнѣйшій предметъ его занятій—это Португальскій инфантъ. Если это такъ, не думаю, чтобы онъ успѣлъ въ своихъ хлопотахъ. Царица пробудетъ въ Измайловѣ еще до слѣдующей недѣли. Пришли 500 человѣкъ дла новаго гвардейскаго Измайловскаго полка.

16 Октября. Нынѣшнюю недѣлю мы съ новостію, которая доставила величайшее удовольствіе всѣмъ *добрымъ* людямъ и мало понравилась приверженцамъ Вѣнскаго двора. Царица назначила генерала Ягужинскаго генералъ-прокуроромъ Сената; это есть нѣчто въ родѣ нашего генералъ-фискала, такъ что онъ будетъ направлять всѣ дѣла Сената. Въ то же время царица приказала ему присутствовать при всѣхъ конференціяхъ по иностраннымъ дѣламъ, что́ весьма уменьшитъ власть гр. Остермана, который уже не будетъ такъ распоряжаться дѣлами, какъ это было доселѣ. Ягужинскій былъ генералъ-прокуроромъ еще при Петрѣ I и тогда имъ были довольны всѣ; никто не сомнѣвается, что и теперь дѣла пойдутъ скорѣе и къ удовольствію всѣхъ. Я также долженъ сказать вамъ, что этотъ министръ вовсе не сторонникъ Вѣнскаго двора и если со временемъ усилится его кредитъ, то окажется возможнымъ развязать здѣшній дворъ съ Вѣнскимъ.

Гр. Остерманъ продолжаетъ болѣть глазами, и каждый день все умножается количество его враговъ, которые уже успѣли подорвать въ царицѣ довѣріе къ нему; но такъ какъ онъ человѣкъ способный и нужный, не думаю, чтобы

его удалили изъ министерства; удовольствуются развѣ только тѣмъ, что посвяжутъ ему немножко руки.

Прошлый четвергъ царица возложила орденъ св. Андрея на гр. Бирона, своего оберъ-каммергера, который по прежнему продолжаетъ быть въ силѣ; но нужно отдать ему справедливость: онъ не злоупотребляетъ своей силой, любезенъ и вѣжливъ со всѣми и ищетъ всевозможныхъ случаевъ поправиться и услужить уроженцамъ этой страны, отъ которыхъ онъ уважаемъ и любимъ ([42]).

23 Октября. Третьяго дня выпалъ здѣсь большой снѣгъ, и со вчерашняго дня начали ѣздить на саняхъ. Царица еще продолжаетъ жить въ Измайловѣ, потому что еще не отдѣлали дворецъ, который она велѣла построить рядомъ съ Кремлевскимъ; но на этой недѣлѣ она переѣдетъ въ него. Вчера Ея Царское Величество объявила генерала Кейта подполковникомъ новаго гвардейскаго полка. Гр. Остерманъ три дня тому назадъ, не смотря на то, что сильно страдалъ глазами, ѣздилъ въ Измайлово подъ предлогомъ дать отчетъ о депешахъ, которыя онъ получилъ отъ Прусскаго двора. Такое его усиліе дало поводъ ко многимъ толкамъ; думаютъ, что онъ былъ принужденъ къ этому страхомъ, который въ немъ возбудили его враги, наговоривши на него много дурнаго Ея Царскому Величеству. Теперь глазная болѣзнь этого министра усилилась. Третьяго дня съ величайшею пышностію похоронили гр. Салтыкова, роднаго дядю царицы и губернатора Москвы.

30 Октября. Третьяго дня царица переѣхала въ городъ и поселилась въ новомъ дворцѣ, который она приказала выстроить. Три дня тому назадъ она принимала въ аудіенціи депутатовъ Курляндіи, которые пріѣхали поздравить Ея Царское Величество отъ имени дворянства и всей страны.

([42]) Любопытное сужденіе о Биронѣ, образъ котораго у насъ очерчился такъ страшно. Но, можетъ быть, дукъ де-Лирія пристрастенъ. Здѣсь въ депешахъ есть пропускъ, который восполняется его «Записками». (Рус. перев. стр. 106) гдѣ говорится, что днемъ награды дукъ де-Лирія воспользовался, чтобы представить царицѣ оправданіе въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя на него взводили. И это онъ сдѣлалъ чрезъ Бирона, который теперь принялъ его сторону. Въ этомъ основаніе для сужденія о Биронѣ.

Другое отъ 30 Октября. Я опять говорилъ съ моими кредиторами и для этого былъ лично въ ихъ домахъ. Я сообщилъ имъ послѣднія настоятельныя приказанія мнѣ выѣхать отсюда, какъ возможно скорѣе и сказалъ имъ, что они должны удовольствоваться роспискою, которую имъ дадутъ Англійскій консулъ Томасъ Вартъ, Бордъ (Bort) и Бодиско, что они заплатятъ имъ по даннымъ имъ мною векселямъ, тотчасъ же, какъ только они будутъ уплачены въ Мадритѣ. Видя, что я рѣшился уѣхать, они удовольствовались этимъ, хотя и неохотно. Этому много способствовало то, что Еврей Либманъ съ послѣднею почтою получилъ извѣстіе, что по его векселю въ 7 тысячъ дублоновъ произведена уплата нашимъ казначействомъ. Если еще достану денегъ на уплату моего долга моимъ слугамъ и на проѣздъ отсюда до Варшавы, завтра же по полудни отправлюсь сообщить здѣшнему министерству о приказаніи Его Величества выѣхать мнѣ отсюда и буду просить прощальной аудіенціи. Чрезъ десять дней авось выѣду отсюда; отправлюсь я на Литву, путемъ самымъ кратчайшимъ къ Варшавѣ, гдѣ остановлюсь столько времени, сколько это будетъ нужно для извѣстнаго дѣла.

Третье отъ 30 Октября. Въ письмѣ отъ 22 Марта я сообщилъ вамъ, что́ выдумывали враги Его Величества и мои, чтобы очернить меня въ глазахъ царицы. Я предоставилъ времени разъяснить и убѣдить всѣхъ въ моей невинности. И въ самомъ дѣлѣ я было уже и забылъ ([43]) объ этомъ, какъ вчера Ея Царское Величество прислала позвать меня къ себѣ. Я былъ введенъ въ ея кабинетъ, и она мнѣ сказала, что она-де извѣщена, что я думаю, будто она худаго обо мнѣ мнѣнія; что это дѣйствительно правда, когда она пріѣхала сюда, въ началѣ ей дали обо мнѣ очень дурное понятіе; что, она вѣдь пріѣхала въ такое критическое время, когда ей было трудно знать, кто ея враги и кто ея друзья; что поэтому, она не могла не повѣрить людямъ, которымъ она тогда довѣряла; что послѣ она узнала ложь всѣхъ дурныхъ обо мнѣ извѣстій, что теперь она призвала

([43]) Дукъ де-Лирія очевидно здѣсь не искренен, когда по «Запискамъ» стр. 106 днемъ награды Бирона орденомъ св. Андрея онъ воспользовался, чтобы чрезъ него представить царицѣ свое оправданіе.

меня, чтобы увѣрить меня въ этомъ, что я могу быть спокоенъ на счетъ ея добраго обо мнѣ мнѣнія, что теперь она узнала злобу моихъ противниковъ. Я отвѣчалъ ей какъ слѣдовало за такую особенную честь ([44]), и признаюсь вамъ, я весьма радъ предъ моимъ отъѣздомъ видѣть пораженіе моихъ враговъ и особенно гр. Остермана, который былъ главнымъ сочинителемъ всѣхъ сплетней противъ меня. Я долженъ сказать Его Величеству, что кто обнаружилъ всю правду и объяснилъ ее царицѣ—это былъ оберъ-каммергеръ гр. Биронъ, которому я обязанъ самыми очевидными доказательствами дружескаго ко мнѣ расположенія и что, если король нашъ государь найдетъ нужнымъ, не мѣшало бы приказать Донъ Хуану Каскосъ, чтобы онъ объявилъ сказанному Бирону благодарность за это отъ имени Его Величества, что́ здѣсь произвело бы удивительное впечатлѣніе и было бы полезно на всякій случай.

Четвертое отъ 30 Октября. Я уѣзжаю отсюда, продавши здѣсь все мое серебро и заложивши всѣ мои бриллiанты.

6 Ноября. Со вчерашней почтой получено извѣстіе изъ Польши, что Сеймъ разошелся послѣ трехъ-дневныхъ засѣданій, такъ что не успѣли еще и разсуждать ни о какомъ дѣлѣ. Гр. Вратиславскій, кажется, скоро будетъ отозванъ отъ этого двора. Не знаю, кто будетъ на его мѣстѣ. Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что его личный кредитъ при здѣшнемъ дворѣ совершенно упалъ. Инфантъ Д. Мануэль Португальскій остановился въ Ригѣ, потому что, какъ говорятъ, ждетъ возвращенія курьера, котораго онъ послалъ въ Вѣну. Слугъ царицы онъ всѣхъ отпустилъ.

Другое отъ 6 Ноября. Хотя я съ настойчивостію просилъ прощальной аудіенціи, но Ея Царское Величество хочетъ мнѣ дать ее только послѣ праздника тезоименитства герцогини Мекленбургской, который будетъ 9 числа. Лишь только я получу аудіенцію, я тотчасъ же отправлюсь въ дорогу, а послѣ завтра отправляются мои слуги съ моею рухлядью.

([44]) По Русскому переводу «Записокъ дюка Лирійскаго» стр. 110 и 111, кажется, ошибочно приписывается дуку де-Лирія, что въ этотъ разъ онъ сообщилъ царицѣ и о своемъ отозваніи. По крайней мѣрѣ прощальную аудіенцію онъ имѣлъ позже.

Буду поспѣшать сколько возможно, хотя дороги очень дурны, потому что вотъ уже четыре дня стоитъ оттепель, такъ что принцъ Гессенъ-Кобургскій, выѣхавшій изъ Риги, уже четыре недѣли тому назадъ, еще не пріѣхалъ сюда.

13 Ноября. Вчера пріѣхалъ изъ Персіи генералъ Румянцовъ. Царица приняла его въ высшей степени ласково, и не сомнѣваются, что онъ будетъ сдѣланъ подполковникомъ Преображенскаго полка. Также царица освободила изъ заточенія брата фельдмаршала Долгорукаго, который завтра долженъ пріѣхать сюда.

Другое отъ 13 Ноября. Прошлую пятницу я имѣлъ прощальную аудіенцію у царицы, на которой я былъ съ секретаремъ Д. Хуаномъ Каскосъ, котораго я представилъ какъ аккредитованнаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Рѣчь свою царицѣ я говорилъ по-французски; мнѣ отвѣчалъ Остерманъ. Послѣ этой аудіенціи я былъ въ домахъ всѣхъ иностранныхъ министровъ съ тѣмъ же Д. Хуаномъ Каскосъ, котораго я имъ представилъ, какъ аккредитованнаго повѣреннаго въ дѣлахъ. На другой день былъ у меня оберъ-каммергеръ Биронъ и привезъ мнѣ отъ имени Ея Царскаго Величества бриллiантовый перстень цѣною въ 2000 доблоновъ. Мнѣ еще не выдали изъ канцеляріи моихъ отзывныхъ грамотъ, но я жду ихъ съ минуты на минуты. Паспортъ свой я уже получилъ, и сборы къ отъѣзду всѣ кончены. Только царица приказала мнѣ завтра съ нею обѣдать, почему мнѣ нельзя выѣхать отсюда до послѣ завтра. Могу увѣрить короля нашего государя по всей правдѣ, что невыразимо то вниманіе, котораго я удостоился въ этомъ случаѣ отъ царицы, отъ всего двора вообще и въ особенности отъ оберъ-каммергера Бирона.

20 Ноября. Генералу Вейсбаху, который былъ посланъ министромъ на Польскій Сеймъ, дано приказаніе возвратиться въ эту столицу, чѣмъ не довольны тѣ, которые содѣйствовали его назначенію. Сказанный генералъ Вейсбахъ прислалъ изъ Польши курьера съ извѣстіемъ, что министръ императора просилъ у Польскаго Сейма дозволенія пройти 30-тысячному Русскому корпусу въ случаѣ, если въ немъ понуждается императоръ. Просьба эта была принята дурно, и ему отвѣчали, что ее предложатъ будущему

собранію въ Февралѣ мѣсяцѣ. Три дня тому назадъ пріѣхалъ сюда изъ Риги принцъ Гессенъ-Кобургскій, остановившійся въ томъ же дворцѣ, въ которомъ жилъ инфантъ Португальскій. Онъ ѣхалъ отъ Риги сюда 21 день и съ большимъ трудомъ. Сюда ждутъ изъ Польши графа де-Фрисія (de-Frisia), который везетъ царицѣ орденъ Бѣлаго Орла.

*

Этимъ числомъ заканчиваются депеши дука де-Лирія изъ Москвы. Въ его бумагахъ, которыя хранятся теперь въ отдѣльныхъ ящикахъ архива дука де-Альба и которыя составляютъ остатокъ отъ двухъ пожаровъ, постигавшихъ дворецъ дука де-Лирія въ Мадритѣ въ 1831 и въ 1843 годахъ ([13]), мы нашли обрывокъ Варшавскаго дневника, который носитъ заглавіе: *Diario de negocios de Warsovia 1731*. Впрочемъ онъ начинается съ 1730 года, со времени выѣзда дука изъ Москвы и, кажется, это именно тотъ подлинный дневникъ, который велъ кто-нибудь изъ спутниковъ дука, по его приказанію, на самомъ пути, хотя дневникъ этотъ изложенъ отъ имени самаго дука.

Мы извлекаемъ изъ этого дневника наиболѣе интересное.

Дневникъ Варшавскихъ дѣлъ.

„30 Ноября 1730 г. я выѣхалъ изъ столицы Москвы, гдѣ пробылъ три года и нѣсколько дней. Я заѣхалъ въ деревню, называемую Спасскую, отстоящую въ 15 верстахъ отъ Москвы и принадлежащую гр. Матвѣеву, куда меня провожали нѣсколько моихъ друзей. Здѣсь я остановился ночевать.

1 Декабря отсюда я былъ принужденъ послать въ Москву за бо́льшимъ количествомъ лошадей, потому что моя поклажа была очень тяжела, а снѣга было такъ мало, что можно было ѣхать только шагомъ. Это меня задержало въ Спасскомъ весь день.

2 числа поутру я выѣхалъ изъ Спасской деревни и пріѣхалъ обѣдать въ Кубинскую (Cubinsca).

([13]) Особенно во время послѣдняго пожара погибло много бумагъ изъ архива дука де-Альба, такъ что однихъ обгорѣлыхъ бумагъ было продано на завертки въ Испанскія лавки на нѣсколько тысячъ реаловъ.

3 числа было воскресенье, и отецъ Рибера, мой капелланъ, служилъ мессу. Въ половинѣ дня была такая оттепель и такой дождь, что въ какіе-нибудь четыре часа растаялъ весь снѣгъ, и я не могъ добраться до Вязьмы въ этотъ день. Пока былъ въ Вязьмѣ, дождь не переставалъ. По недостатку лошадей, изъ Вязьмы я могъ выѣхать только въ 10 часовъ утра 4 числа и къ обѣду пріѣхалъ въ Земково. Изъ Земкова выѣхалъ въ четыре часа и пріѣхалъ на ночлегъ въ село Чеботово. Отсюда я выѣхалъ въ 11 часовъ ночи при такомъ ужасномъ дождѣ и ѣхалъ по такой непроѣздной дорогѣ, что, во всю ночь, не останавливаясь до 7 часовъ утра, мы проѣхали всего только девять верстъ и остановились въ мѣстечкѣ Щербининѣ. Здѣсь я рѣшился кинуть полозья и поставить свои экипажи на колеса, на которыхъ и продолжалъ мой путь до города Дорогобужа.

При дурныхъ дорогахъ я только 8 числа могъ пріѣхать въ Смоленскъ. Губернаторъ Смоленска выѣхалъ мнѣ на встрѣчу за три версты отъ города. Когда я въѣзжалъ въ городъ, онъ приказалъ стрѣлять всей артиллеріи, а въ отведенномъ для меня домѣ я нашелъ капитана и 50 человѣкъ почетной стражи. Въ Смоленскѣ я долженъ былъ пробыть весь тотъ день и до трехъ часовъ слѣдующаго дня. При выѣздѣ изъ города меня провожали опять выстрѣлами изъ пушекъ. Русскую границу я переѣхалъ 10 числа въ половинѣ дня, и въ два часа тогоже дня доѣхалъ въ первое Польское мѣстечко въ провинціи Бѣлоруссіи, называемое Романово, которое отъ Смоленска находится въ 70 верстахъ. Въ Горкахъ я долженъ былъ опять поставить свои экипажи на полозья. 27 числа я пріѣхалъ въ предмѣстье Варшавы.

Не могу умолчать о томъ, что̀ я вытерпѣлъ въ этой дорогѣ. Холодъ былъ ужасный, а медленность ѣзды была мучительна. Кромѣ того отъ Смоленска я не нашелъ ни одного постоялаго двора, въ которомъ бы могъ отдохнуть, потому что другихъ здѣсь нѣтъ, кромѣ тѣхъ, что̀ находятся въ домахъ Жидовъ, народа грязнаго и *свинскаго* (puerca), отъ которыхъ несетъ ужасной вонью. Страна эта хороша, и въ ней можно найти все, что̀ нужно для жизни, но все это въ рукахъ Жидовъ; въ домахъ же Поляковъ не найдешь ничего. 29 дней я былъ въ дорогѣ не раздѣваясь, и

въ самомъ дѣлѣ, пріѣхавъ въ Варшаву, я нуждался въ отдыхѣ."

Изъ *Варшавы* мы находимъ слѣдующія письма дука де-Лирія къ маркезу де-ля-Пасъ:

„*30 Декабря.* Лишь только я пріѣхалъ сюда, то отправился къ маркизу де-Флёри, первому министру этого монарха и моему старому другу. Я ему сказалъ, что я пріѣхалъ сюда вовсе не для какихъ-нибудь переговоровъ, но просто потому что я выпросилъ дозволеніе короля моего государя заѣхать сюда, чтобы еще разъ имѣть счастіе видѣть такого любезнаго монарха, какъ король Польши, которому такимъ вниманіемъ я былъ обязанъ въ проѣздъ мой чрезъ Дрезденъ, и что король государь мой приказываетъ мнѣ поспѣшнѣе возвратиться въ Испанію, такъ что я не могу остаться здѣсь столько времени, сколько бы хотѣлъ.

Маркизъ передалъ это Его Польскому Величеству, который тотчасъ же приказалъ помѣстить меня въ одномъ изъ своихъ дворцевъ и назначилъ въ мое распоряженіе одну изъ своихъ каретъ въ шесть лошадей съ четырьмя лакеями и двумя гайдуками. На слѣдующій день явился ко мнѣ оберъ-каммергеръ графъ де-Фризе, и сказалъ мнѣ, что Его Польское Величество приметъ меня на аудіенціи въ 4 часа пополудни. Въ назначенный часъ я отравился и привѣтствовалъ короля отъ имени короля нашего государя. Послѣ Его Польское Величество спросилъ меня, сколько времени я здѣсь останусь; я отвѣчалъ ему тоже, что́ и маркизу де Флёри. Онъ отвѣчалъ, что надѣется, что я не уѣду такъ скоро; я же отвѣчалъ ему, что повинуюсь приказаніямъ короля моего государя.

Послѣ моей аудіенціи маркизъ де-Флёри сталъ убѣждать меня, чтобы я остался по крайней мѣрѣ до конца этого мясоѣда (carnecalendas), выставляя мнѣ то, что въ это время мы узнаемъ, можетъ быть, опредѣленное направленіе политическихъ дѣлъ Европы. Я впрочемъ думаю, что причина, по которой этотъ министръ желаетъ, чтобы я остался на нѣкоторое время здѣсь, та, чтобы отличіями, которыя мнѣ будутъ здѣсь оказывать, подзадорить Вѣнскій дворъ и заставить его думать, что Польскій король склоняется къ нашему Союзу; а чрезъ это пособить успѣху переговоровъ, которые ведетъ въ Вѣнѣ графъ de Lagnasco.

11 Января 1731 года. Какъ скоро я пріѣхалъ сюда, я позаботился ознакомиться съ системою здѣшняго двора и страны, съ цѣлью довести до королевскаго свѣдѣнія, что нужно сдѣлать, чтобы приняться за осуществленіе извѣстной идеи въ пользу сеньёра инфанта Д. Филиппа. Уже давно я извѣщалъ Его Величество, что Польскій король послѣ себя желаетъ видѣть на Польскомъ тронѣ наслѣднаго принца Саксоніи. Французскій король употребляетъ все свое вліяніе въ пользу короля Станислава. Царица и Прусскій король желаютъ видѣть на Польскомъ тронѣ Польскаго уроженца. Императоръ желалъ бы видѣть Португальскаго инфанта и старается склонить къ этому царицу и Прусскаго короля; но я боюсь за неуспѣхъ интригъ этого тройственнаго Союза, потому что въ Польшѣ можно добиться выбора въ короли только деньгами, а эти три государства никогда не будутъ разсѣевать ихъ въ достаточномъ количествѣ. Есть также нѣкоторые между Поляками, которые добиваются трона. Одинъ изъ главныхъ претендентовъ — это князь Вишневецкій (изъ того же дома, изъ котораго былъ король Михаилъ) и великій канцлеръ Литвы. Этотъ господинъ очень богатый и съ большимъ вѣсомъ, но старикъ и больной и проживетъ, пожалуй, меньше самаго Польскаго короля. Графъ Потоцкій, Кіевскій палатинъ, также претендуетъ на тронъ, но также старъ, какъ и предшествующій кандидатъ. Онъ братъ примаса, почему нужно осторожнѣе относиться къ этому прелату. Мнѣ кажется, что кромѣ двухъ сказанныхъ, нѣтъ другихъ открытыхъ претендентовъ на тронъ. А эти претенденты не страшны, какъ по своей старости, такъ и по соперничеству ихъ фамилій.

Здѣсь теперь очень мало магнатовъ; почти всѣ они теперь по своимъ имѣніямъ, гдѣ пробудутъ до времени конференціи съ иностранными министрами. Поэтому я не видѣлъ ни примаса, ни великаго канцлера; но тѣмъ, которыхъ я видѣлъ, я при всѣхъ случаяхъ возвеличивалъ великую любовь короля нашего государя къ Польшѣ и то, какъ Его Величество интересуется сохраненіемъ Польской свободы. Я думаю, что теперь вовсе не нужно и упоминать о сеньёрѣ инфантѣ Д. Филиппѣ, а нужно оставить здѣсь кого-нибудь, кто бы располагалъ здѣшнихъ магнатовъ въ пользу дома

Его Величества и время отъ времени расхваливалъ бы прекрасныя качества сеньёра инфанта предъ тѣми, которые еще не пристали ни къ какой партіи. Лишь только умретъ Польскій король, тогда со всею поспѣшностію нужно прислать сюда экстраординарнаго посла съ милліономъ песовъ наличныхъ денегъ, съ которыми, я надѣюсь, можно добиться нашей цѣли; между тѣмъ было бы полезно склонить Французскаго короля на нашу сторону и уговорить короля Станислава отказаться отъ своихъ претензій за значительный пенсіонъ. Для наблюденія нашихъ интересовъ, какъ я говорю, намъ нужно имѣть здѣсь эмиссара, который бы не только исполнялъ то, что̀ ему прикажутъ, но и подробно извѣщалъ бы о всемъ здѣсь происходящемъ. Для этой цѣли я остановился на одномъ господинѣ, который живетъ здѣсь: это человѣкъ знающій страну, знаемый всѣми, очень способный и который будетъ не много стоить королю. Онъ зовется отецъ Францискъ Арчелли (Arcelli), Театинскій монахъ, который въ послѣднее время былъ суперіоромъ своего монастыря. Это тотъ самый монахъ, который былъ употребленъ покойнымъ герцогомъ Пармскимъ при Московскомъ дворѣ для заключенія супружества инфанта Донъ Карлоса съ младшею дочерью Петра I, которая умерла въ то самое время, когда дѣло было уже почти улажено. Онъ родомъ изъ Пармы и можетъ быть усерднымъ слугою короля. Съ четырьмя стами дублоновъ въ годъ этотъ монахъ можетъ очень хорошо служить для нашей цѣли. Важно то, что онъ, по своему положенію, всего меньше можетъ обращать на себя вниманіе и подозрѣніе, какъ если-бы пригласить кого-нибудь изъ Испаніи. Онъ не говоритъ по испански, но при нашемъ дворѣ есть люди, которые могутъ имѣть съ нимъ корреспонденцію на Итальянскомъ языкѣ; да и я могу вести эту корреспонденцію, если то будетъ угодно королю нашему государю. Если Его Величеству угодно одобрить эту идею, я составлю инструкцію для этого монаха, какъ онъ долженъ дѣйствовать въ случаѣ, если онъ возмется за это дѣло.

Другое письмо изъ Варшавы отъ 11-го Января. По рѣшенію, послѣдовавшему въ Константинополѣ, новый султанъ низложилъ Татарскаго хана и поставилъ на его мѣсто другаго,

который былъ имъ уже два раза. Послѣдній прислалъ сюда своего министра, который пріѣхалъ уже съ недѣлю тому назадъ и нынѣ имѣлъ публичную аудіенцію у этого монарха. Я присутствовалъ на ней рядомъ съ Его Величествомъ и не проронилъ ни одного слова изъ того, что́ было говорено при этомъ. Рѣчь свою Польскому королю онъ началъ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ своего государя, увѣряя Его Польское Величество въ его серьезной и постоянной дружбѣ. На это король приказалъ отвѣтить, что для него пріятно поддержать съ ханомъ близкія отношенія. За этимъ Татаринъ передалъ королю благодарность за покровительство, оказанное въ Польшѣ Татарамъ, бѣжавшимъ изъ Крыма по причинѣ преслѣдованія. Послѣ того онъ перешелъ къ третьему пункту своей комиссіи и сказалъ слѣдующія формальныя слова: „Мой государь приказалъ спросить Ваше Величество: правда ли это, что чрезъ ваши владѣнія должно пройти одно Московское войско, которое идетъ на службу императору, и если это правда, то съ вѣдома ли и въ угоду ли Его Величества и Республики совершится этотъ проходъ; потому что Его Величеству не безъизвѣстно, что трактатами между Россіею и Портою условлено, что Московскія войска ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ входить въ Польшу.“ На это ему отвѣчали, что по этому пункту онъ можетъ переговорить съ министрами, которые будутъ назначены для переговоровъ съ нимъ. Изъ этого король нашъ государь усмотритъ, что Турки вовсе не равнодушны къ выступленію въ походъ на помощь императору 30 тысячной Русской арміи. И непремѣнно, лишь только она выступитъ въ походъ, эти невѣрные объявятъ войну царицѣ“.

Кромѣ вышеприведеннаго, въ отрывкѣ „Варшавскаго Дневника“ читаемъ записку о выѣздѣ дука де-Лирія изъ Варшавы:

„15 числа я послѣдній разъ ужиналъ съ королемъ Польши и, когда я хотѣлъ удалиться, онъ тихонько приказалъ своей дочери, герцогинѣ Голштинской (?), заставить меня играть въ *три-семь* до утра. Она такъ и сдѣлала, а въ шесть часовъ утра всталъ король и сказалъ мнѣ, что „разсвѣло, прощайте и желаю вамъ добраго пути.“ Простившись съ королемъ, я пріѣхалъ въ свою квартиру; моя поклажа была

уже готова, но на почтѣ было дано приказаніе не давать мнѣ лошадей до ночи. Поэтому я остался и этотъ день, 16-го Января, обѣдалъ и ужиналъ съ герцогиней Голштинской и сопровождалъ ее въ *Ридото* ([46]), но съ бала я ушелъ, не сказавши никому ни слова и уѣхалъ изъ Варшавы въ 11 часовъ ночи."

Въ бумагахъ дука де-Лирія попалась намъ еще инструкція, данная министромъ иностранныхъ дѣлъ Испаніи, маркезомъ де-ля-Пасъ монаху Арчелли, который былъ оставленъ въ Польшѣ эмиссаромъ, чтобы дѣйствовать въ пользу Испанскаго инфанта.

Инструкція подписана 30 числа Апрѣля 1731 г. Вотъ она:

„Прежде всего вы должны стараться войти въ сношенія со всѣми главными магнатами Польши и постараться выпытать и опредѣленно узнать, кто тѣ Поляки, которые претендуютъ на корону, и какія въ ихъ рукахъ средства, чтобы добиться своей цѣли. Также вы должны узнать и открыть, кто изъ иностранныхъ принцевъ имѣетъ претензію на этотъ престолъ? Кто тѣ монархи, которые ихъ поддерживаютъ? И какіи мѣры они употребляютъ для этого? Сблизившись съ магнатами Польши, вы должны говорить имъ о будущемъ преемствѣ короны, объяснить имъ, что выборъ на престолъ Поляка представитъ много затрудненій и грозитъ раздорами; что ничего не можетъ быть лучше, какъ выбрать иностраннаго принца, силы котораго не будутъ грозить ни Республикѣ, ни народу. Заложивши это первое основаніе, вы должны съ благоразуміемъ и осторожностію выражать свои сужденія о качествахъ и заслугахъ различныхъ принцевъ Европы, для того чтобы нечувствительно остановить ихъ вниманіе на инфантѣ Д. Филиппѣ, выхваляя его молодость, обѣщающую большія дарованія и выставляя особенно то, что Испанія, удаленная отъ Польши, никогда не можетъ быть опасна этой Республикѣ и никогда не употребитъ своихъ силъ для разрушенія основныхъ законовъ этого королевства. Вы дадите имъ понять, что нѣжный возрастъ принца Испанскаго дастъ ему возможность незамѣтно усвоить всѣ обычаи страны и пере-

---

([46]) Гдѣ собирались придворные для того, чтобы весело проводить время.

родиться такъ, что онъ сдѣлается настоящимъ Полякомъ. Этихъ заявленій вы не дѣлайте до тѣхъ поръ, пока не узнаете хорошо расположеній и кто тѣ безпристрастные Поляки, которые желаютъ только блага своей странѣ. Особенно остерегайтесь сторонниковъ теперешняго короля, Потоцкаго, Чарторижскаго, Понятовскаго, Вишневецкаго и Unsapisky (?), и постарайтесь войти въ довѣріе монсеньёра Zanuca (?) епископа Плеско; но и ему не прежде довѣряйтесь, какъ узнавши, что вы это можете сдѣлать съ полною надежностію. Сдѣлайте все возможное, чтобы узнать опредѣленно, какова партія короля Станислава, какова партія Франціи, каковы намѣренія императора, царицы и короля Прусскаго. Вы извѣстите о количествѣ денегъ, сколько нужно въ случаѣ смерти теперешняго короля для достиженія нашей цѣли и для задобренія лучшихъ людей, въ которыхъ можно быть увѣренными. Какъ скоро престолъ сдѣлается вакантнымъ, вы тотчасъ же дадите знать объ этомъ нашему министру въ Вѣнѣ для полученія отъ него нужныхъ приказаній. Теперь же вы начнете извѣщать короля нашего государя обо всемъ и особенно о происках иностранныхъ министровъ. Одна изъ самыхъ главныхъ вашихъ предосторожностей должна быть та, чтобы никто не узналъ, что вы эмиссаръ или агентъ Испаніи; и вы должны соблюдать самый непроницаемый секретъ во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ. Севилья 30-го Апрѣля 1731 года".

Эту инструкцію переслалъ монаху Арчелли дукъ де-Лирія, который въ это время былъ уже въ Вѣнѣ.

Для любопытства читателей, знающихъ по испански, приводимъ одно изъ писемъ дука де Лирія въ подлинникѣ.

ИСПАНСКІЙ ПОДЛИННИКЪ ОДНОЙ ИЗЪ ДЕПЕШЪ ДУКА ДЕ ЛИРІЯ.

(отъ 20 Февраля 1730, см. выше, стр. 39—41).

Correo de 20 Febrero.

Ya estavan mis cartas del correo passado en la posta, quando sucedió la novedad de ser arrestado en el Gran Consejo al General Yagozinsky. Se havia juntado en aquel Tribunal la principal Nobleza, y la Generalidad, a quines se comunicó el haver aceptado la corona la Duquesa de Curlandia, y firmado las condiciones, de las quales embio aqui adjunto copia à V. E.

Immediatamente, despues de haverse comunicado esos instrumentos à la Junta, el Feldt Mariscal Dolhouruky mandó arrestar, de orden del Gran Consexo, a dicho Yagozinsky, y se hà puesto en una pieza del Kremelin, adonde esta estrechamente guardado. El dia siguiente se ha publicado el motivo de su arresto y se reduce a que, viendo este General que querian limitar la authoridad de le Czariena y reducir este Govierno à una especie de Republica, despachó un Hombre de confianza à la Czariena, y la escrivió diciendola que por ningun caso acceptasse las condiciones, que la imponian, que su eleccion havia sido unanime, que se mantuviesse firme, viniese presto, y que el y sus adherentes, que eran muchos, no solo serian de su parte, pero tambien la harian tan absoluta, como qualquiera de sus Predecesores. Esta carta cayò en manos del Principe Basilio Dolhouruky, et sea sacrificandosela la Czariena, o sea por mano de este Ministro, quien despachó immediatamente aqui con ella al General Leontief, y instantaneamente despues del arrivo de este, se executó el citado arresto.

No podemos conjeturar aun en que parara este cuento; pero muchos son de opinion, que Jagozinsky sera sacrificado, pues se ha hecho

tan publico su delito, y se le han quitado sus empleos, y la orden de San Andres; otros creen, que la Czariena le salvara, pues todo su delito consiste en haver querido establecer su authoridad.

El dia 15 se volvió a juntar el Gran Consexo, y aviendose llamado la Nobleza, se les dixo, que si alguno podia contribuir en algo á las mayores ventajas del Imperio. podia representar sus ideas. Con esto el Principe Cercasky (que es Senador) formò immediatamente un Proiecto, que se compone de 9 Articulos, cuya substancia es: 1° Que haya un Consejo Supremo de 21 Personas. 2° Que haya un Senado compuesto de 21. 3° Que los miembros de estos dos Tribunales se hayan de elegir por la Generalidad y la Nobleza, por pluralidad de votos, y que no se podra elegir sino uno de cada familia, que para votar no haura mas que dos por cada familia, y que los votantes no podran ser mas de 100. 4° Que en el Supremo Tribunal y en el Senado no podra haver mas, que dos Personas de una misma Familia. 5° Que el Supremo Tribunal y el Senado, junto con la Generalidad y la Nobleza, formaran de acuerdo las Leyes para en adelante. 6° Que la Nobleza no estara forzada a seguir profession alguna contra su voluntad, y que qualquiera que haya servido 20 años no sera forzado a servir mas. 7° Que el estado Eclesiastico, y el Comercio seran aliviados de alojamentos de soldados, y que se aliviaran los paysanos de imposiciones lo mas que se pueda. 8° Que se mirara con cuidado los adelantamientos Militares, y que se pagaran regularmente las Tropas. 9° Que se extinguira la livertad de elegir al hijo, que se quiere, para sucesor de las haciendas.

Este Proiecto se firmó por mas de 30 Personas, y se presentò al Gran Consejo.

Al mismo tiempo el General Matuskin ha formado otro, tambien firmado de mucha Nobleza, pero no he podido aun saver su contenido. Espero sin embargo poder remitir a V. E. copia de ambos el correo que viene.

Ahora todos piensan en hacer proiectos, pero no se acava de tomar resolucion sobre ninguno, y estos señores Magnates, estan tan divididos entre si, que no es possible formar juicio possitivo sobre su sistema. Hay apariencia que en llegando la Czariena. se tomara alguna resolucion, pero qual sera es lo que no se puede adivinar.

Facilmente me puedo enganar, pero soy de parecer, que por ahora no podran ajustarse entre si los que quieren mudar la forma de govierno, y que veremos a la Czariena tan absoluta, como sus anteces-

sores; pero, mientras remara, iran formando y perfecionando su Systema para establecerle despues de sus dias.

Entre tanto parece, que se quieren deshacer de todos los Extrangeros, y muchos son de opinion, que el Baron de Osterman sera apartado del Ministerio; si esto sucede, no haura que hacer mas caso de este Pays, pues Osterman solo es, quien hasta ahora ha sostenido las ideas del Gran Pedro Primero, y entremetido á esta Monarquia en todas todas las dependencias de Europa. Apartado este, no pensaran en mas, que en volver à sus antiguas costumbres: haura continuas discussiones entre ellos, y llegaran à hacer tan poco papel, como antes del Reynado de Pedro Primero. Dios qu. de Cr.

Copia de los Puntos, que ha firmado la Czariena al tiempo de aceptar la Corona de Russia, offreciendo al mismo tiempo guardarlos con la mayor puntualidad; se entiende: que los dichos puntos, no los podra executar sino enteramente de acuerdo con el Gran Consexo.

1. se Governará en todo segun los Consexos del Gran Consexo.
2. No emprendera guerra alguna.
3. No podra hacer paz alguna.
4. No podra imponer contribucion alguna.
5. No provera empleo alguno considerable.
6. No podra dar una sentencia, ni mandar hacer execucion alguna con la Nobleza, sin un processo formal.
7. No podra confiscar los vienes de ningun Noble, a menos que sea convencido de algun gravo delito.
8. No podra enajenar hazienda o tierra alguna perteneciente a la Corona.

ПИСЬМА А. И. ОСТЕРМАНА, ГРАФА Г. И. ГОЛОВКИНА И ДРУГИХЪ ЛИЦЪ ВЪ ИСПАНІЮ КЪ КНЯЗЮ С. Д. ГОЛИЦЫНУ (*).

1.

Сіятельнѣйшій князь милостивый государь мой.

Его свѣтлость родитель вашъ, а мой милостивый государь князь Дмитрей Михайловичъ вложенныя при семъ письма ко мнѣ изъ Москвы адресовалъ для отправленія къ вашему сіятельству.

(*) Имя и дѣятельность князя С. Д. Голицына (род. 10 Іюня 1696, ум. 1 Іюля 1738) отчасти извѣстны читателямъ «Осмнадцатаго вѣка», по депешамъ дюка Лирійскаго. Онъ былъ старшій сынъ знаменитаго князя Дмитрія Михаиловича (умнѣйшаго изъ такъ называемыхъ Верховниковъ). Подобно отцу своему, онъ любилъ ученіе книжное (какъ видно между прочимъ изъ того, что ему присылались новопечатанныя Русскія книги) см. ниже письма 4 и 10). 26 лѣтъ отъ роду онъ назначенъ первымъ нашимъ дипломатическимъ агентомъ въ Испанію, съ титуломъ легаціонсрата, и пробылъ тамъ три года. Въ Испаніи онъ овдовѣлъ (См. Родосл. книгу кн. Долгорукова). Возвратившись въ Россію, онъ занялъ довольно замѣтное положеніе при дворѣ Петра II-го, и пользовался такимъ расположеніемъ государя, что враги его дома, кн. Долгоруніе, старались удалить его изъ Москвы: ему было предложено главное управленіе Сибирью, и когда онъ отказался, въ Ноябрѣ 1729 г., т. е. въ то время, когда власть Долгорукихъ достигла высшаго предѣла, его отправили посланникомъ въ Берлинъ. Судьба его въ царствованіе Анны намъ неизвѣстна. Лишь нѣсколькими мѣсяцами пережилъ онъ славнаго отца своего, скончавшагося въ Шлюссельбургскомъ заточеніи въ Апрѣлѣ 1738. Кн. С. Д. Голицынъ, отъ брака съ Прасковьею Ивановною Нарышкиной, дѣтей не имѣлъ. Младшій братъ его кн. Алексѣй Дмитріевичъ оставилъ потомство, и у правнука его по прямому колѣну, князя Дмитрія Михаиловича сохранились обязательно сообщенныя нимъ и ниже помѣщаемыя письма. То что въ нихъ писано собственноручно, мы означаемъ вносными знаками. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя мѣста въ письмахъ Остермана писаны цифирью, ключа которой мы покамѣстъ не могли отыскать. *П. Б.*

Я симъ случаемъ пользуюсь ваше сіятельство обнадежить о моемъ покорномъ къ вамъ почтеніи, и что я не оставлю при всѣхъ случаяхъ всякія возможныя покорныя мои услуги показать; о чемъ я надѣюсь, что свѣтлѣйшій вашъ родитель самъ къ вамъ пространнѣе писать изволилъ, а я пребываю со всякимъ почтеніемъ вашего сіятельства всепокорный слуга „А. *Остерманъ*. Изъ Санктъпетербурга 28-го Іюня 1723."

2.

Государь мой князь Сергей Дмитреевичъ.

Не имѣлъ я чести къ вашему сіятельству писать нѣкоторое время за бытностію моею за Его Императорскимъ Величествомъ въ походахъ, изъ которыхъ токмо третьяго дня я сюда возвратился и получилъ здѣсь съ почты вашего сіятельства писаніе изъ Мадрита отъ 8 Іюля, за которое вамъ всепокорно благодарствуя, симъ на оное отвѣтствую. О чрезвычайныхъ расходахъ, приключающихся вашему сіятельству въ переѣздахъ и въ протчемъ, изволите написать прямо въ коллегію реляціею, и при томъ приложить всѣмъ издержкамъ обстоятельной счотъ, по которому я не оставлю о резолюціи старанія своего прилагать; ибо инако по партикулярнымъ письмамъ о томъ представлять и резолюціи чинить не возможно; реляція вашей свѣтлости, въ коллегію отпущенная вышепомянутогожъ 8 Іюля, въ которой вы доносили о возстановленіи коммерціи съ Гишпаніею, здѣсь исправно получена, и по оной Его Императорскому Величеству о всемъ донесено будетъ. Я при семъ разсудилъ за потребно вашему сіятельству симъ напоминать, дабы вы изволили прилѣжно развѣдывать и смотрѣть о обращеніи Гишпанскаго флота и о томъ въ реляціяхъ своихъ всегда доносить, ибо сіи вѣдомости здѣсь всегда потребны; такожде изволите потрудиться подлинно провѣдать, совершенно ль между Гишпанскимъ и Французскимъ дворомъ трактатъ, зовомой ассіенто, заключенъ; и ежели сіе конечно учинено, то изъ того можно видѣть, что чрезъ оное Гишпанія съ Франціею тѣсно обязалась, съ выключеніемъ Англіи. Впротчемъ же я ссылаюсь на прежнее мое къ вашему сіятельству отправленное; „и о учинившемся въ домѣ вашего сія-

тельства случаѣ при семъ рескрыптъ отправляется, и я прошу ваше сіятельство, дабы изволили всеконечно обнадежены быть, что я при всѣхъ случаяхъ не оставлю въ самомъ дѣлѣ показать, что я со всякимъ почтеніемъ и усердіемъ есмь и на всегда пребуду вашего сіятельства милостиваго государя моего всепокорный слуга А. Остерманъ.

О здѣшнемъ объявляю, что князь Григорія Ѳедоровича Долгорукова не стало, и сегодня будетъ его погребеніе, и за тѣмъ и за другими суетами не имѣю время пространно писать. Изъ С.-Петербурга. Августа 19-го 1723."

3.

Милостивый государь мой князь Сергѣй Дмитреевичъ.

Вашей свѣтлости почтеннѣйшее писаніе изъ Мадрита отъ 13 минувшаго Маія я исправно получалъ, будучи за Его Императорскимъ Величествомъ въ походѣ во флотѣ, и изъ него усмотрѣлъ о благополучномъ вашей свѣтлости прибытіи къ Мадритскому двору и изрядномъ отъ онаго вашемъ принятіи и прочемъ состояніи тамошнихъ дѣлъ; и я вашей свѣтлости за честь учиненную мнѣ тѣмъ вашимъ писаніемъ, особливо за вышеупомянутое объявленіе, покорно благодарствую, прося о продолженіи и содержаніи милости вашей ко мнѣ и впредь. А что надлежитъ до меня, и я имѣю честь вашей свѣтлости объявить, что въ повелѣніяхъ вашихъ и всей свѣтлѣйшей фамиліи вашей, въ чемъ гдѣ и сколько мнѣ возможно, служить я всегда готовъ и желалъ бы отъ всего моего сердца, чтобъ къ тому только случай отъ вашей свѣтлости поданъ былъ.

Впротчемъ хотя безъ сумнѣнія вашей свѣтлости сообщено изъ иностранной коллегіи о походѣ Его Императорскаго Величества со флотомъ на море, однакожъ и я не оставляю, о семъ вамъ не донести; и что Его Величество изволитъ обрѣтаться нынѣ здѣсь со флотомъ для экзерциціи и обученія людей къ мореходству и собственной своей высокой забавы.

При семъ восхотѣлъ я вашей свѣтлости объявить, что понеже изъ реляціи вашей усмотрено, что въ бытность вашу у Его Величества короля Гишпанскаго и у принцевъ и инфантъ на аудіенціяхъ, Его Императорское Величество титу-

лованъ Царскимъ Величествомъ; того ради, не въ указъ, но изъ особливаго моего къ вашей свѣтлости вѣрнаго доброжелательства, мнѣніе мое предлагаю, что надлежитъ вашей свѣтлости при Гишпанскомъ дворѣ о признаніи Его Величества за Императора стараться такимъ образомъ, какъ о томъ въ данной вамъ инструкціи изображено, и по содержанію оной во всемъ томъ поступать; представляя при томъ и то, что Его Императорское Величество изъ особливаго почтенія къ Его Королевскому Величеству и для вящшаго распространенія и умноженія крѣпкой дружбы, прислалъ васъ министра своего ко двору Его Величества, и при ономъ повелѣлъ резидовать, чего никогда напредъ сего не бывало, и дабы Его Величество, ко взаимному благоугожденію въ томъ Его Императорскому Величеству удовольство показать изволилъ, и что то съ стороны Его Императорскаго Величества за знакъ вящей Его Королевскаго Величества дружбы принято будетъ и прочая.

„Такожде изволите ваша свѣтлость во всѣхъ реляціяхъ сколько возможно доносить о состояніи тамошняго флота, такожде и сухопутнаго войска и какія иногда впрочемъ тамо вооруженія и предуготовленія чинятся, и сколько провѣдать возможно будетъ о намѣреніяхъ того двора и въ какомъ согласіи оной съ Французскимъ нынѣ находится, и ежели принцъ Аустурскій супружество свое дѣйствительно уже консумировалъ. Отъ себя я впрочемъ обнадеживаю, что я со всякимъ почтеніемъ навсегда пребуду вашей свѣтлости всепокорнѣйшій слуга А. Остерманъ. Изо флоту съ корабля Москвы въ 24 Іюля 1723 года.“

4.

Государь мой князь Сергей Дмитріевичь.

Письма ваши моего государя изъ Мадрита первое отъ 20 Маія, второе отъ 7-го Іюня, третіе отъ 8-го Іюля я получилъ и на оныя симъ моимъ отвѣтствую: что принадлежало къ доношенію Его Императорскому Величеству, о томъ я Его Величеству доносилъ, карты и листы всякіе печатанные въ Питербурхѣ, по желанію вашему пришлются къ вамъ вскорѣ. Семенниковы хотя и бѣдны, однако нынѣ деньги къ нимъ переведены; и хотя писалъ я къ нимъ ука-

зомъ Его Величества, чтобъ они ѣхали суды, однакожъ ежели еще не отправились, то извольте ихъ удержать тамъ до указу, потомъ меня увѣдомить. Что же изволите писать, что опредѣленнымъ жалованіемъ не можете вы прожить за дороговизною и за чрезвычайными расходами, и о томъ я буду стараться, чтобъ на тѣ расходы прибавить вамъ денегъ. „Впрочемъ и остаюся слуга вашъ моего государя А. Макаровъ въ 24 д. Августа 1723 изъ Санктпитербурха".

5.

Государь мой князь Сергей Дмитрѣевичъ.

За отправленныя вашего сіятельства ко мнѣ писаніи покорно благодарствую и при семъ вашему сіятельству объявляю, что по нашему многому старанію и докукѣ изъ жалованья годоваго какъ вашего сіятельства такъ и прочихъ всѣхъ Россійскихъ министровъ четвертой части по Его Императорскаго Величества указу вычитать не велѣно, и будемъ трудиться, чтобы оное безъ продолженія выдано было.

„Впрочемъ ссылаюсь на отправленной при семъ рескрыптъ и на прежніе мои, и ваше сіятельство обнадеживаю, что я со всякимъ почтеніемъ и при всѣхъ случаяхъ непремѣнно пребуду вашего сіятельства всепокорный слуга А. Остерманъ. Изъ С. Петербурга. 25-го Октября 1723-го года."

6.

Государь мой князь Сергѣй Дмитріевичъ.

Вашего сіятельства писаніе отъ 16 Сентября я сегодня получилъ, такожде и прежнія вашего сіятельства письма, которыя вы изволили ко мнѣ писать, исправно до меня дошли, за что вашему сіятельству покорно благодарствую, и симъ на оное послѣднее ваше во отвѣтъ доношу.

О титулѣ Его Императорскаго Величества Императорскомъ при Гишпанскимъ дворѣ домогаться чрезвычайнаго, и безъ явившейся къ тому оказіи по моему мнѣнію не надобно; но когда увѣдаете, что Его Императорскому Величеству отъ короля Гишпанскаго какая грамота готовиться будетъ, то въ то время, какъ вашему сіятельству и въ инструкціи написано, надлежитъ при томъ дворѣ представленія учинить, чтобъ въ той грамотѣ титулъ Его Импера-

торскаго Величества написанъ былъ такимъ образомъ во всемъ, какъ Его Величество нынѣ титуловаться изволитъ; въ чемъ и трудности быть не видится, ибо и безъ того напредъ сего въ грамотахъ Гишпанскихъ Его Величеству титулъ Императорскій даванъ, но токмо не такимъ образомъ, какъ нынѣ титулъ Его Императорскаго Величества большой установленъ и въ грамотахъ пишется.

Жалованье вашему сіятельству на сей годъ первая половина выдана въ Москвѣ, въ домъ родителя вашего государя моего князя Дмитрѣя Михайловича, а о другой половинѣ въ Правительствующій Сенатъ отъ насъ доношеніе послано и велѣно оное выдать безъ вычета четвертой части.

Письмо вашего сіятельства, ко мнѣ адресованное, къ родителю вашему я съ первой почтой вѣрно отправлю „и всегда съ должнымъ почтеніемъ пребуду вашего сіятельства всепокорный слуга А. Остерманъ.

Изъ С.-Петербурга Ноября 8-го 1723 г.“

7.

Государь мой князь Сергѣй Дмитрѣевичъ.

Вашей свѣтлости почтенное писаніе изъ Мадрита отъ 14-го Октября я получилъ, за которое вамъ покорно благодарствую; что же изволили вы въ ономъ упоминать о вычетѣ изъ жалованія вашего четвертой части, и я уже о семъ напредъ сего вамъ доносилъ, что той четвертой части какъ у вашего сіятельства, такъ и у прочихъ при иностранныхъ дворѣхъ вычитать не велѣно, и посланъ въ Москву указъ дѣйствительно, чтобъ надлежащее вамъ жалованіе на сей годъ достальное все отдали въ домъ родителя вашего государя моего милостиваго князь Дмитрѣя Михайловича, при семъ не могъ я по своей служебной къ вашему сіятельству должности о слѣдующемъ не сообщить. Изъ реляціи вашего сіятельства № „25-го и 26-го“ усмотрено, что вы, получа указъ Его Императорскаго Величества, отправленной къ вамъ отъ 19-го Августа о дѣлѣ въ учиненномъ вамъ аеронтѣ королевской Гишпанской гвардіи отъ капитана, учинили по содержанію онаго объявленіе статскому секретарю Маркизу Гримальдо, что Его Императорское Величество учиненною надъ онымъ отъ Королевскаго Величества

Гишпанскаго сатисфакціею (то есть что оной допрашиванъ и держанъ за арестомъ) довольствоваться изволитъ и протчая. И понеже помянутой указъ отправленъ къ вашему сіятельству въ резолюцію на первыя ваши реляціи, въ которыхъ вы доносили, что оной капитанъ содержится за арестомъ и было вамъ отъ двора Гишпанскаго говорено, что того капитана, въ сатисфакцію вамъ, намѣрены были чину лишить и штрафовать, и для того во ономъ указѣ писано въ ту мѣру помянутое объявленіе двору Гишпанскому о удовольствѣ въ сатисфакціи учинить, и за того заступать, чтобы онъ въ винѣ своей былъ прощенъ, ежели бы онъ капитанъ до полученія нашей резолюціи за арестомъ содержанъ былъ; а когда уже онъ капитанъ прежде той нашей резолюціи изъ аресту выпущенъ и по прежнему въ чинъ опредѣленъ, то по моему мнѣнію не надлежало было вашему сіятельству съ помянутымъ объявленіемъ спѣшить, пока на реляцію свою о томъ Гишпанскаго двора нечаянномъ поступкѣ (что капитанъ безъ учиненія вамъ вящшей сатисфакціи изъ аресту уволненъ) новой бы получили указъ, который къ вамъ предъ нѣкоторымъ временемъ и отправленъ, и при томъ послано письмо его сіятельства господина канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина къ Гишпанскому статскому секретарю Маркизу Гримальдо, въ которымъ о помянутомъ ихъ поступкѣ, какъ вы уповательно получа оное изъ копіи усмотрѣли, писано отъ части и съ выговоромъ. И тако сіе съ первымъ вашимъ Гишпанскому двору объявленіемъ весьма не сходно будетъ; но когда то учинено, то уже возвратить не можно, и нынѣ по моему партикулярному мнѣнію вамъ въ семъ иного чинить нечего, токмо что требовать у статскаго секретаря на письмо господина канцлера отвѣту, дабы тѣмъ оное дѣло окончаніе воспріяло.....(*) Впрочемъ уповаю, что ваше сіятельство вѣрное мое доброжелательное откровеніе за противно принять не изволите, ибо оное происходитъ отъ истиннаго того преданства, съ которымъ я всегда пребыть желаю „Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга А. Остерманъ. Изъ С.-Петербурга 2 Декабря 1723.“

(*) Далѣе цифирью.

8.

Изъ Санктъпитербурха 7-го Генваря 724.

Государь мой князь Сергій Дмитріевичъ.

Письмо ваше писанное изъ Мадрита отъ 21-го Октября прошлого году, здѣсь 6-го Генваря я исправно получилъ, на которое симъ отвѣтствую: на письма ваши до сего времяни не отзывался письмами за моими суетами и за неимѣніемъ къ писанію время, и о томъ не изволите на меня прогнѣваться. Что же касается до купца, которой намѣренъ сочинить компанію и торговать въ Россіи, о томъ къ вамъ указъ посланъ, въ которомъ оному купцу въ Россію ѣхать и торговать позволено. Жалованья на прошлый годъ къ вамъ и при васъ служителямъ половина съ вычетомъ четвертой части уже давно отправлена, и о другой половинѣ безъ вычету, и о вычетныхъ первой половины и изъ штатсъ-конторы въ Московскую рентерію указъ посланъ, и надѣюсь, что уже въ домъ вашъ отданы; четвертой части изъ жалованія у министровъ и при нихъ у служителей при чужестранныхъ дворѣхъ обрѣтающихся Его Императорское Величество нынѣшнимъ своимъ указомъ вычитать не указалъ никогда. „При семъ слуга твой Гаврило Головкинъ."

9.

Государь мой князь Сергѣй Дмитрѣевичъ.

За склонное вашего сіятельства писаніе изъ Мадрита отъ 11-го Ноября, которое я получилъ здѣсь съ почты на сихъ дняхъ, зѣло вамъ благодарствую и прошу ваше сіятельство покорно и впредь оную свою пріятнѣйшую корреспонденцію со мною продолжать, наипаче же имѣть мя въ своей неотмѣнной любви и пріязни.

Изъ оного вашего писанія между инымъ усмотрѣлъ я, что вы съ самаго пріѣзду въ Мадритъ ничего чрезвычайнаго (*) .. По моему мнѣнію потребно вашей свѣтлости всякими возможными способы стараться проникать оной сундировать... . еже вашей свѣтлости надлежитъ весьма престерегать и отвращать искать. И понеже здѣсь вѣдомости происходятъ...

(*) Означенное здѣсь и далѣе точками писано цифирью.

изволите ваше сіятельство на то такожде прилѣжно смотрѣть и что когда увѣдать можете, доносить о томъ въ реляціяхъ своихъ со обстоятельствы по часту. Что до дѣла учиненнаго вамъ аеронта принадлежитъ, то надѣюсь, что до полученія сего прежнія мои о семъ дѣлѣ къ вамъ отправленныя письма и Его Императорскаго Величества указы исправно дошли, на которые ссылаюсь и только сіе еще прибавлю, что первой указъ къ вашему сіятельству отправленъ былъ по первымъ вашимъ доношеніямъ, что Гишпанской дворъ всякую сатисфакцію вамъ обѣщалъ, и онаго капитана чина лишить хотѣлъ; но когда сей дворъ въ томъ резолюцію свою потомъ отмѣнилъ и, не обождавъ Его Императорскаго Величества резолюціи, того капитана освободилъ, то тѣмъ и дѣло все отмѣнилось. И лучше бъ было, когда вашему сіятельству при прежнемъ своемъ объявленіи, что отъ двора еще указа не имѣете, стоять, и обождать, какіе по той отмѣнѣ отъ двора Гишпанскаго къ вамъ указы пришлются. Но когда уже то учинено, то по моему мнѣнію можно въ томъ поступать, какъ въ прежнихъ указахъ и моихъ письмахъ изображено. Жалованіе вашему сіятельству на прошедшей 1723, другую половину, велѣно выдать въ Москвѣ, въ домъ родителя вашего государя моего князя Дмитрѣя Михайловича, а о дачѣ жъ вамъ и на сей годъ жалованія не оставлю я старанія съ своей стороны прилагать. Въ семъ ваше сіятельство можете быть благонадежны. „Я пребываю вашего сіятельства покорный слуга. А. Остерманъ. Изъ Санктпетербурга 18 Генваря 1724.“

10.

Государь мой князь Сергей Дмитріевичъ.

Два письма ваши изъ Мадрита отъ 30 Сентября (11 Октября) и отъ 7 (18 Октября) я получилъ и на оныя симъ моимъ отвѣтствую. О переводѣ денегъ на покупку и на отправленіе овецъ и барановъ стараться буду; о Гишпанскомъ купцѣ, который желаетъ возстановить торгъ, резолюція учинена въ иностранной коллегіи, и о томъ до васъ писано; карты и листы всякіе печатанные въ Петербургѣ ко отправленію по желанію вашему изготовлены и пошлются на раннихъ отходящихъ корабляхъ. Семенниковы сюда пріѣхали и Его Ве-

личеству явились; также указалъ Его Императорское Величество къ вамъ отписать, чтобы выслали вы изъ Гишпаніи или изъ Португаліи семянъ табашныхъ фунта два или три изъ такова климату, гдѣ тридцать пять или тридцать шесть и до сорока градусовъ, которыхъ бы климатъ сходенъ былъ съ Персидскими провинціями Гилянью и Шемахою, которыя нынѣ подъ высокую державу Его Императорскаго Величества достались, и прикажите тотъ табакъ выслать чрезъ Голландію сухимъ путемъ подъ адресомъ его сіятельства посла князя Куракина, а онъ бы отправилъ подъ адресомъ къ вашему родителю государю моему князю Дмитрею Михайловичу; ежели же сухимъ путемъ дорогъ будетъ провозъ, то извольте выслать сухимъ путемъ до Голландіи, а оттуда можетъ князь Борисъ Ивановичъ отправить моремъ на раннихъ отходящихъ сюда корабляхъ. „Впрочемъ и остаюся слуга вашего сіятельства Алексѣй Макаровъ въ 21 д. Генваря 1724 года изъ Питербурха.“

11.

„Государь мой князь Сергей Дмитревичъ.

Вашего сіятельства почтенное писаніе отъ 3-го Февраля исправно получилъ, и ссылаюсь что до дѣлъ Его Императорскаго Величества надлежитъ на приложеной рескрыптъ.

По прошествіи постныхъ дней и Святыя Пасхи, буду, сколько до меня надлежитъ, стараться, дабы присланные отъ вашего сіятельства счеты чрезвычайнымъ расходамъ опредѣлены и вершены были, яко же и я во всемъ по возможности моей всегда служить буду.

Поздравляю ваше сіятельство всепокорно съ наступающимъ праздникомъ живоноснаго Христова Воскресенія, желая, дабы оной и многіе слѣдующіе во всякомъ саможелаемомъ благоповеденіи препроводить могли, а я со всякимъ почтеніемъ навсегда пребуду вашего сіятельства всепокорный слуга А. Остерманъ. Изъ Москвы 3-го Апрѣля 1724 году.“

12.

„Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь мой.

За многодѣльствомъ моимъ, и за отправленіемъ коронаціи Ея Величества всемилостивѣйшей государыни императрицы

не имѣлъ я случая чрезъ нѣкоторое время къ вашей свѣтлости писать, въ чемъ прошу отпущенія.

При случаѣ коронаціи Его Императорское Величество и вашу свѣтлость пожаловалъ въ камергеры; чѣмъ я покорно поздравляю и радуюсь, что и я при томъ случаѣ имѣлъ мое къ свѣтлости вашей имѣющее преданство нѣкоторымъ образомъ дѣйствительно показать.

Что до другаго вашей свѣтлости желанія надлежитъ, то я съ родителемъ вашимъ, а моимъ милостивымъ государемъ княземъ Дмитрѣемъ Михайловичемъ о томъ разговаривалъ, и отъ всего моего сердца служить готовъ, только бы случая къ тому было способнаго, о чемъ я надѣюсь, что его свѣтлость родитель вашъ самъ обстоятельно къ вамъ писать будетъ; я пребываю съ должнымъ почтеніемъ и вѣрнымъ преданствомъ вашей свѣтлости всепокорный слуга А. Остерманъ. Изъ Москвы 15-го Мая 1724 года."

13.

Государь мой князь Сергѣй Дмитріевичъ.

Изъ почтеннѣйшаго вашего сіятельства ко мнѣ писанія отъ 2 Августа усмотрѣлъ я паки ваше требованіе о отзывѣ вашего сіятельства изъ Гишпаніи сюда, въ чемъ я по совѣту съ родителемъ вашимъ милостивымъ моимъ государемъ княземъ Дмитрѣемъ Михайловичемъ во истину старанія своего имѣть не оставлю; но потребно къ тому, какъ я вамъ напредъ сего доносилъ, изыскивать удобное время, а ежели ваше сіятельство желаете, чтобъ оное конечно безъ продолженія исполнено было, то извольте о томъ написать доношеніе къ Его Императорскому Величеству, означа въ ономъ имянно причины, для которыхъ вы тамо болѣе жить не въ состояніи, и оное прислать на мои руки, а я, посовѣтовавъ съ родителемъ вашимъ, употреблю то доношеніе ваше къ докладу Его Императорскому Величеству и буду трудиться, дабы вашему сіятельству въ прошеніи желаемое удовольствіе воспослѣдовало. „Я пребываю со всякимъ почтеніемъ вашего сіятельства всепокорнымъ слугою А. Остерманъ. Изъ С.-Петербурха 15-го Сентября 1724 года."

14.

Сіятельный князь Сергей Дмитрѣевичъ мой государь.

Апрѣля 18-го дня сего текущаго году промеморіею изъ мануфактуръ-коллегіи требовано отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, о выписываніи изъ Амстердама и Фландріи, Англіи, Франціи и Гишпаніи табачныхъ семянъ по четверти фунта, на что коллегія иностранныхъ дѣлъ въ мануфактуръ-коллегію промеморіею отвѣтствовала, что де о выписываніи изъ помянутыхъ мѣстъ табачныхъ семянъ означеннаго Апрѣля 24-го дня изъ оной коллегіи до вашего благородія, тако и во Францію къ чрезвычайному и полномочному послу князю Борису Ивановичу Куракину посланы рескрипты.

Того ради нынѣ мануфактуръ-коллегія симъ предлагаетъ и проситъ, дабы по оному рескрипту, посланному изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ о выписываніи изъ Америки табашныхъ семянъ, тако листоваго табаку фунта, ваше благородіе стараніе свое приложить благоволили.

А какъ оное вами получено будетъ, дабы тѣ семяна и табакъ, такожъ изъ которыхъ табакъ изъ такихъ семянъ родится, у обывателей Гишпаніи достать фунтъ же; для того когда изъ присланныхъ семянъ табакъ въ Россіи родиться будетъ, чтобъ можно было оный вѣдать, какого достоинства быть можетъ, и отослать бы то все въ Голландію къ Фандебургу на кораблѣ, которому о томъ же писано. При семъ и остаюсь „вашего сіятельства всегдашній слуга Василей Новосильцевъ. Въ д. 10-го Ноября 1724 года въ С.-Питербурхѣ.“

15.

Сіятельный князь Сергѣй Дмитрѣевичъ мой государь.

Понеже въ прошломъ 722-мъ году Маія 28 дня писалъ я къ вашему сіятельству по силѣ состоявшегося Его Императорскаго Величества имяннаго указу о высылкѣ изъ Гишпаніи на здѣшніе Россійскіе овчарные заводы тамошнихъ овецъ и барановъ пристойнаго числа съ такою шерстію, какая наилучшая въ Гишпаніи находится, о чемъ при отправленіи вашемъ изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи вамъ сообщено имянно, а нынѣ изъ оной коллегіи въ мануфактуръ-коллегію при промеморіи сообщено жъ, что о

вышеписанномъ къ вамъ писано, дабы по письмамъ отъ мануфактуръ-коллегіи отправляли вы безъ отлагательства. И того ради симъ паки вашему сіятельству предлагаю, чтобы по полученіи при семъ приключеннаго вексельнаго письма на сто на пятьдесятъ рублей благоволили тѣхъ овецъ и барановъ приказать купить пристойное число и прислать водою въ Санктъ Питербурхъ, какъ за способнѣе изволите разсудить, и когда оныхъ изволите отправить и коликое ихъ число и по какой цѣнѣ и за провозъ что́ дано будетъ, о томъ прошу обстоятельно чрезъ писаніе свое меня увѣдомить, такъ же, впредь ежели потребно будетъ, имѣется ль надежда такихъ овецъ и барановъ получить. „Вашего сіятельства всегдашній слуга Василей Новосильцевъ.“ Приписка другою рукою: Ce 23 Novembre 1724 St. Peterbourg. Agreez, je vous supplie, mon prince, les très humbles respects de celui qui a l'honneur d'être de votre altesse très humble et très obeissant serviteur de Lassi.

Санктъ Питербурхъ Маія 29 дня 1725 году.

16.

Государь мой князь Сергѣй Дмитріевичь.

Никогда бы я думалъ такой великой премѣнѣ быть, которая нынѣ чрезвычайно учинилась, что Его Императорское Величество всемилостивѣйшій нашъ государь чрезъ двѣнадцатидневную жестокую болѣзнь отъ сего времяннаго въ вѣчное блаженство Генваря 28 дня отъиде, что́ намъ зѣло всѣмъ чувственно. При семъ вамъ, мой государь, объявляю, что на сихъ дняхъ два ваши письма отъ 11-го Декабря и отъ 8 Генваря изъ Мадрита я получилъ, въ которыхъ изволите писать, что по указу Его Величества блаженной и вѣчно достойной памяти сыскали вы такого мастера, которой берется срисовать чертежъ новостроющемуся королевскому дому въ Сентилдефонтѣ, за 100 ефимковъ, и требуете указу такое число давать ли; на что симъ моимъ отвѣтствую: понеже такъ дорого требуетъ, къ томужъ въ томъ абрисѣ нынѣ нужды не имѣется, того для оное извольте отложить до времяни „и остаюся слуга вашъ моего государя Алексѣй Макаровъ.“

Изъ Санктпитербурха въ 16 д. Февраля 1725-го года.

17.

Сіятельнѣйшій князь мой государь.

Письмо вашего сіятельства, отпущенное ко мнѣ изъ Мадрита, отъ 4 (15) Генваря сего году писанное, о полученіи посланнаго векселя, о табашныхъ сѣмянахъ и о высылкѣ овецъ, здѣсь исправно получено, изъ котораго усмотря обстоятельное съ вашимъ благоискуснымъ разсужденіемъ описаніе, какъ о табакѣ такъ и о овцахъ, вашему сіятельству зѣло благодарствую, на которое служу симъ отвѣтомъ; о сѣмянахъ табашныхъ, какъ въ письмѣ вашемъ изображено, что нѣсть надѣянія никакого къ полученію оныхъ, того для оныя оставляются, и понеже сказано мнѣ за подлинно, что отъ здѣшняго порта нынѣшнее лѣто будутъ въ Гишпаніи наши корабли два или три, и изъ нихъ возвратиться одинъ имѣетъ вскорѣ, на которомъ прошу вашего сіятельства пристойное число овецъ и барановъ выслать въ Санктъ Питербурхъ, удовольствуя ихъ въ пути кормомъ и прочимъ что надлежитъ, а котораго числа и сколько ихъ отправлено будетъ, о томъ извольте ваше сіятельство въ коллегію писать и о полученныхъ чрезъ вексель деньгахъ прислать щетъ, а что въ письмѣ вашего сіятельства объявлено о тамошнихъ овчарахъ, что оныхъ получить и выслать сюда не возможно, и то хотя изволите оставить. „Вашего сіятельства всегдашній слуга Василей Новосильцевъ.“

P. S. Въ присланномъ отъ вашего сіятельства вѣдѣніи объявлено, что табакъ сѣянъ бываетъ обыкновенно въ Августѣ и въ Сентябрѣ мѣсяцахъ, и то стало быть сумнительно, что такъ поздно сѣется: того ради прошу о томъ меня увѣдомить, не отписаноль ли о томъ или онъ по прошествіи зимы на другое лѣто съ поля снимается.

18.

Благородный господинъ камеръгеръ сіятельнѣйшій князь, мой государь.

Понеже увѣдомились мы, что во Испаніи родятся оливки, капрсъ, черносливъ, масло деревянное, которое противъ прочихъ мѣстъ превосходнѣе, того ради ваше сіятельство прошу благоволи оныхъ оливокъ и капрсу да черносливу

сухова и масла деревянного купить каждаго по препорціи цѣною всего на двѣсти рублевъ; и прислать ко двору Ея Величества на отходящихъ оттуду въ Россію къ Санктъ Питербурхскому порту корабляхъ; а тѣ деньги двѣсти рублевъ кому прикажите принять или вашему родителю здѣсь отдать, то немедленно выданы будутъ отъ главной дворцовой канцеляріи. „Вашего сіятельства слуга Матвей Олсуфьевъ.“

S. P. бурхъ Іюня 23 дня 1725 года.

19.

Сіятельнѣйшій князь государь мой.

Вашего сіятельства писаніе отправленное ко мнѣ изъ Мадрита, отъ 12 (23) дня Іюля писанное, я здѣсь получилъ, въ которомъ изволите писать о Гишпанскомъ народѣ, а паче о жителяхъ въ королевствѣ Кастиліи, что они вонъ изъ двора никуды не выѣзжаютъ, не токмо къ намъ въ Русь ѣхать, и ежели де сыщется какой охотникъ, и такой развѣ для мытья шерсти что̀ тамо за наиглавнѣйшее поставляется, а не такой, кому за овцами ходить, ибо въ хожденіи за оными нѣтъ никакого досужества передъ другими, а купить надобно овецъ тридцать или сорокъ, понеже они деликатны природою и къ морскому пути очень хлипки; а на все сіе прислано къ вашему сіятельству отъ насъ изъ коллегіи сто пятьдесятъ рублевъ, которыми того всего исправить невозможно, на что вашему сіятельству служу симъ отвѣтомъ. Понеже въ прежнихъ вашихъ ко мнѣ письмахъ писано, что о сыску такого человѣка, которой бы за овцами ходить могъ и сюда бъ поѣхалъ, надежды подлинной не имѣется, того ради отправлено къ вашему сіятельству сто пятьдесятъ рублевъ, только на покупку и отправленіе сюда овецъ, о которыхъ и нынѣ вашему сіятельству напоминаю, благоволите оныхъ купить пристойное число съ доброю шерстью и отправить сюда по своему благоразсужденію, а ежели въ Гишпаніи сыщется для мытья шерсти искусной человѣкъ, какъ въ письмѣ вашемъ написано, что и тамо сіе за главное поставляется, и такой сюды ѣхать пожелаетъ, то извольте со онымъ прежде сочинить проэктъ и заключеніе контракта и на какихъ кандиціяхъ въ службу нашу вступить можетъ и прислать сюда, на что и денегъ къ вашему сіятельству переве-

дено будетъ пристойное число. „Вашъ моего государя всегдашній слуга Василей Новосильцевъ. Изъ Санктъ Питербурха Сентября 3-го дня 1725 года.“

20.

Благородный господинъ камеръгеръ сіятельный князь мой государь.

Минувшаго Іюня 25 дня сего года писалъ я до вашего сіятельства, чтобъ въ Гишпаніи купить оливокъ, капорсу, черносливу, масла деревяннаго самаго добраго и купя прислать на отходящихъ оттуду въ Россію къ Санктпитербурхскому порту корабляхъ и на оное отъ вашего сіятельства пущенное изъ Мадрита Августа отъ 2 дня письмо я получилъ, въ которомъ изволите писать: ежели по какому случаю и тѣ Россійскіе корабля оттуду не возвратятся, то оное отправлять ли на чужихъ корабляхъ, которые оттуду не прямо къ Россійскимъ портамъ, но въ Голландію отходятъ; того ради ваше сіятельство прошу оное, да къ тому два сыра пармазана, купя ко двору Ея Императорскаго Величества прислать хотя на чужихъ корабляхъ, которые прямо къ Россійскимъ портамъ отходятъ и каково послано будетъ прислать пробы запечатавъ. „Впрочемъ остаюсь вашъ слуга Матвѣй Олсуфьевъ.“

Октября 29-го дня 1725 году S. P. бурхъ.

21.

Благородный и превосходительный господинъ камеръгеръ, сіятельнѣйшій князь государь мой милостивый.

Вашего сіятельства благосклонное писаніе отъ 22-го Ноября 1725 года изъ Мадрита отправленное объ отвѣтствіи на посланное отъ его превосходительства оберъ-гофъмейстера и кавалера Матвѣя Дмитрѣевича Олсуфьева письмо, по отбытіи его въ Ригу, я съ достодолжнымъ моимъ почтеніемъ исправно получилъ, въ которомъ изволите ваше сіятельство упоминать о покупкѣ сколько чего по своему благоразсмотрѣнію лутчего изволили достать, про обиходъ Ея Величества, и вручить на отходящемъ сюды Россійскомъ кораблѣ господину капитану Кошелеву ко объявленію здѣсь его превосходительству оберъ-гофъмейстеру, и на сіе всепо-

корно вашему сіятельству и отвѣтствіе предлагаю: что помянутой господинъ капитанъ Кошелевъ сюды еще не прибылъ и что́ чего съ нимъ отправлено и на сколько цѣною, извѣстія о томъ не имѣемъ, о чемъ вашего сіятельства покорно прошу, дабы соизволили о помянутой покупкѣ и о цѣнѣ подлинно насъ увѣдомить чрезъ почту, что́ ожидая со всеусердною моею всегда покорною услугою, въ благонадѣяніи остаюсь „вашего сіятельства покорный слуга Андреянъ Ивашевъ.“

Въ 23-день Апрѣля 1726 года S. P. Бурхъ.

ПИСЬМО А. И. ОСТЕРМАНА

къ неизвѣстному лицу.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой. Ея Императорское Величество всемилостивѣйше указала къ вашему высокографскому сіятельству писать, дабы соизволили у господина де-Дье (de Dieu), бывшаго здѣсь посланника, обстоятельно освѣдомиться объ оной ниткѣ перловъ оріентальныхъ, тамо продажной, о числѣ всѣхъ зеренъ, о ихъ чистотѣ, крупности и величествѣ и, ежели возможно, такожде, сколько въ каждомъ зернѣ вѣсу или грановъ, и велѣть оную нитку на бумагу противу самой пропорціи нарисовать и купно съ вышеписаннымъ обстоятельнымъ извѣстіемъ и послѣднюю цѣну прислать ко мнѣ сюда, какъ скоро возможно.

Ваше сіятельство изволите о томъ имѣть милостивое стараніе, а я рекомендую себя въ неотмѣнную вашу милость. „Пребывая съ дальнѣйшимъ почтеніемъ вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга А. Остерманъ. Изъ С.-Петербурха Февраля 5-го 1734."

Печатается съ своеручнаго подлинника, который сохранился въ богатомъ собраніи автографовъ, принадлежавшемъ сенатору князю Дм. Ив. Долгорукову. Писано вѣроятно въ Голландію къ графу Головкину. Де-Дье былъ у насъ Голландскимъ посланникомъ (см. выше, въ письмахъ дука де-Лирія, стр. 95).

НѢСКОЛЬКО СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ ПИСЕМЪ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Бумаги эти важны тѣмъ, что изображаютъ императрицу Анну Іоанновну съ той стороны, которая до сихъ поръ была мало извѣстна, именно со стороны ея заботливости о дѣлахъ не только своихъ личныхъ, но и государственныхъ. Еще Екатерина II-я отзывалась, что при Аннѣ было больше порядку нежели при Елизаветѣ Петровнѣ и восхваляла твердость ея политики относительно Шведовъ, на угрозы которыхъ она приказала отвѣчать, что въ самомъ Стокгольмѣ камни на камнѣ не оставитъ (Зап. Храповицкаго, М. 1862, стр. 54 и 231); но ужасы бироновщины до того заслонили передъ нами все это царствованіе, что подробности онаго доселѣ являются намъ въ какомъ то полумракѣ. Читатели наши впрочемъ нѣсколько ознакомились съ этимъ временемъ по статьѣ о Густавѣ Биронѣ во II-й книгѣ Осмнадцатаго Вѣка.

Всѣ нижепомѣщаемыя бумаги списаны съ собственноручныхъ подлинниковъ. Первыя три обязательно сообщены намъ княгинею Анною Сергѣевною Хованскою, мать которой княгиня Анна Михаиловна Щербатова (ур. Хилкова) была племянницею жены извѣстнаго министра О. П. Козодавлева Анны Петровны (ур. Голицыной). Письма и хозяйственное распоряженіе Анны Іоанновны относятся къ тому времени, когда она была герцогинею Курляндскою. Камеръ-юнкеръ Козодавлевъ (предокъ министра), какъ видно, завѣдывалъ ея имѣніями; а жена (?) его Анна Михаиловна Козодавлева пользовалась особенными милостями герцогини. Второе письмо къ ней писано изъ Вирцау или, какъ по Русскому произношенію пишетъ Анна, изъ *Вирцавы*: это герцогскій замокъ въ 16 верстахъ отъ Митавы.

Третье письмо относится до присяги, которую Россія приносила Аннѣ Іоанновнѣ. Епископъ Воронежскій Левъ Юрловъ по смерти Петра II-го сталъ поминать, въ церквахъ своихъ, царицу Евдокію Ѳедоровну, и не захотѣлъ, до полученія особеннаго Синодскаго указа, обнародовать полученный гражданскою властью манифестъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны. Въ томъ же году, по опредѣленію Синода, онъ былъ разстриженъ и около десяти лѣтъ провелъ въ заточеніи въ Крестномъ монастырѣ, на островѣ Бѣлаго моря (см. Р. Архивъ 1869, 1058 — 1062). Письмо писано къ Воро-

женскому вице-губернатору, очень извѣстному въ то время лицу, Егору Ивановичу Пашкову, и сообщено въ точномъ спискѣ отъ одного изъ его потомковъ по женскому колѣну Дм. Дм. Дашкова.

Остальныя письма, къ А. И. Остерману, сообщены намъ, въ спискѣ съ подлинниковъ, Г. В. Есиповымъ: историческая важность ихъ очевидна; къ сожалѣнію почти на всѣхъ изъ нихъ не означено чиселъ, ибо это собственно не письма, а записочки, которыя Анна посылала изъ дворца къ главному государственному дѣльцу того времени. Объясненій къ этимъ письмамъ мы дать пока не можемъ. *И. Б.*

I. Къ А. М. Козодавлевой.

1.

Анна Михайловна.

Поехалъ вашъ мужъ к Москве по васъ, такъ же і для покупки мне; і вы все іспрaвя приежайте в Митаву к моему ражденью (1); і я послала тебе на дарогу і на прагоны петдесятъ рублей, да еще Лиске десеть рублей на прагоны ее і на прасстъ; такъ же я тебе послала тритцать рублей на собали, купи себе собали две пары на шею; также послала деньги сорокъ рублей, купи мне шелковъ сученыхъ китайскихъ і несученыхъ; а сколка купить, при семъ роспись прилагаю (2). А будетъ у Лиски рабенокъ живъ, вели ево всять сабою. Е(смь) вамъ доброжелательная. Анна. Із Митавы, 1 день декабря 1724 году (3).

Аниютка здравству(й).

Отдай моі писма Хвощенской Матроне карлице кармилице Степановне і Савешне. Прачти Савишне сама писмо сіе.

Съ боку: Поговори брату своему, штобъ онъ поговорилъ Боскакову о Хвощенъской, штобъ се в монастыре не ізобижали, ана ужъ человекъ старо(й).

Все письмо собственноручное, печатается съ *орѳографіею подлинника*. По сложеніи пакетомъ, имѣетъ надпись: «Анне Михайловне Казатавлевой.» Было запечатано краснымъ сургучемъ, съ уцѣлѣвшими частями двойнаго орла.

---

(1) Анна Іоанновна родилась 28 января 1693 года.

(2) Этой росписи у насъ нѣтъ.

(3) Писано по возвращеніи въ Митаву изъ Москвы, куда Анна Іоанновна ѣздила на коронацію Екатерины I-й.

2.

Анна Михайловна. За письмо ваше благодарна и впредь пиши. Живите щаслива на приказѣ. О себѣ вамъ объявляю, въ добромъ здоровьи; только вчера немогла бокомъ, а сегодня кровь пускала, и благополучно пустили; а что я долго не писала, того ради, что великая печаль дошла: не стало Государыни тетушки Ея Императорскаго Величества, а Россійской Имперіи скипетръ восприялъ великой князь Его Императорское Величество, и тѣмъ меня еще порадовало. А я нынѣ въ Вирцавѣ очень хорошо, и Жукова нѣтъ. Поздравьте мужу и Анюткѣ. И пребываю вамъ всегда доброжелательная Анна. Изъ Вирцавы 5 день Іюня 1727 году.

Запечатано было черною печатью съ двойнымъ гербомъ, Россійскимъ и Курляндскимъ. Надпись тоже своеручная: „Аннѣ Михаиловнѣ Казадавлевой отъ Ерапкиныхъ. Въ Гульдинкѣ.“ (1)

II. Распоряженіе по Курляндскому имѣнію.

Понеже мы милостивѣйше вознамѣрены амбтъ Голдинокъ съ принадлежащими угодьями, что къ тому амбту есть и съ резервитами за вычетомъ амбтскихъ, пасторскихъ, оберъгауптманскихъ и прочихъ расходовъ (отдать) благородному камеръюнкеру нашему Казадавлеву; а понеже тотъ амбтъ отъ падежу скотскаго и недороду хлѣбнаго и недосмотренія первыхъ арендаторовъ пришелъ въ несостояніе, дабы нынѣшной арендаторъ привелъ тотъ амбтъ въ слѣдующіе годы въ состояніе: того ради отпущается ему тотъ амбтъ за тысячу пятсотъ талеровъ Албертскихъ въ аренду на три года отъ будущаго Полинова дня 1728 года. Ради вящего обнадеживанія даже до порядочнаго контракта мы сей собственноручно подписанной форконтрактъ дали. Въ Митаве дня 6 Генваря 1728 года Анна (*).

На бумагѣ черная печать съ двойнымъ гербомъ, Россійскимъ и Курляндскимъ.

---

(1) Гольдингъ, нынѣ городъ Курляндской губерніи?

(*) Только подпись собственноручная.

III. Къ Пашкову.

Господинъ Вице-Губернаторъ. Слышно намъ стало, что Воронежскій архирей, получивъ чрезъ тебя вѣдомость о Богомъ данной намъ Императорской власти и указъ о возношеніи имени нашего съ титлою въ церковныхъ моленіяхъ, не скоро похотѣлъ публичнаго о нашемъ здравіи отправлять молебствія и будто еще нѣкое подозрительное слово сказалъ; и какое слово было, и ты о томъ доносилъ ли куда надлежитъ? Скоро о всемъ обстоятельно (съ) симъ посланнымъ напиши къ намъ; толикожъ отнюдь никому о семъ не объявляй подъ опасеніемъ гнѣва нашего. Анна.

Изъ Измайлова Іюня 1730 года.

На оборотѣ тоже собственноручно: „Господину Вице-Губернатору Пашкову на Воронежѣ.“ Было запечатано печатью съ Россійскимъ орломъ подъ короною.

IV. Къ Остерману.

1.

Андрей Ивановичъ, изъ посланныхъ вчерашнихъ къ вамъ репортовъ и челобитной и въ письмахъ, въ которыхъ онъ пишетъ къ оберъ-камергеру (*), довольно усмотрите, какое несогласіе въ нашемъ генералитету имѣется, чрезъ что не можно инако быть какъ великой вредъ въ нашихъ интересахъ при такихъ нынѣшнихъ великихъ конъюктурахъ. Я вамъ объявляю, что война Турецкая и сила ихъ меня николи не покоитъ; только такіе кондувиты, какъ нынѣ главные командиры имѣютъ, мнѣ уже много печали дѣлаютъ; потому надобно и впредь того же ждать какъ бездушны и не резонабель они поступаютъ, что весь свѣтъ можетъ знать. Отъ меня они награждены не только великими рангами и богатствомъ и впередъ ихъ я своею милостію обнадежила, только всё не такъ, ихъ поступки не сходны съ моею милостію, того ради принуждена буду другія мѣры взять и черезъ сіе вамъ объявляю:

1. Намъ однимъ Турецкое государство вовсе разорять или сгубить невозможно будетъ, и нынѣшняго года довольно

(*) Бирону.—Писано около 1738 года.

это показало наше войско, какъ люди и лошади пропали; хотя на будущій годъ она (*вторгнно армія*) и будетъ комплектована, только это все люди молодые будутъ.

2. По всѣмъ вѣдомостямъ Персія миръ съ ними хочетъ дѣлать.

3. Цесарь до сихъ поръ чрезъ своего министра Талмона больше наше дѣло испортилъ имъ какъ помогалъ, и видится по всѣмъ дѣламъ, что они своимъ обнадеживаніемъ насъ довольствовать хотятъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Остейнъ декларовалъ, что въ половинѣ Сентября подлинно Цесарское войско въ дѣйство вступитъ противъ Порты; послѣ того отложило до перваго Октября. Сентябрь и Октябрь по новому прошли, а ничего не сдѣлали, и по вѣдомостямъ они свое войско по винтеръ-квартирамъ распускаютъ.

4. Теперь надобно разсудить, и требую вашего совѣта:

1. Что́ при такомъ несогласіи нашихъ генералитету дѣлать и какъ имъ знать дать о ихъ поступкахъ, которые не только касаются до нашихъ интересовъ, но и до чести нашей.

2. Прусской трактатъ былъ великой вредъ и безчестье нашему государству, которой въ ту пору изъ нужды былъ дѣланъ, и ежели такой способъ найдется, чтобы этотъ трактатъ уничтоженъ былъ, также старыя наши границы присовокупить, не лучше ли войну прекратить, какъ при такихъ обстоятельствахъ, какъ выше сего помянуто, продолжить? Только какъ въ томъ дѣлѣ зачинать, то мы на ваше искуство и вѣрность надѣемся; вы можете обнадежены быть, что я васъ и фамилію вашу николи въ своей милости не оставлю и желаемъ вамъ скораго здоровья и пребываю въ милости. Анна.

Приклеена цидулка: При семъ прилагаю бездѣльныя письма, которыя переняты изъ Украины. Разсудите, хорошіе ли это поступки и какое въ этомъ намѣреніе и что́ въ такихъ дѣлахъ дѣлать впередъ.

2.

Андрей Ивановичъ. Понеже нынѣ князь Антіохъ Кантемиръ въ Парижѣ обрѣтается, того ради отпишите къ нему, чтобъ онъ какъ скоро возможно прислалъ сюды для насъ шесть Французскихъ фузей самой лучшей работы и отъ

лутчаго знатнаго мастера (*). (*Собственноручная только подпись*) Анна. Петергофъ 17 Августа 1736.

3.

Андрей Ивановичъ. Для самаго Бога какъ возможно ободрись и завтра пріѣзжай ко мнѣ къ вечеру: мнѣ есть великая нужда съ вами поговорить, а я васъ николи не оставлю; не опасайся ни въ чемъ, и будешь во всемъ отъ меня доволенъ. Анна. Марта 1 дня.

4.

Андрей Ивановичъ. Вѣдайте вы сами, что въ томъ дѣлѣ повѣрить некому кромѣ васъ, и въ той надеждѣ приложенное посылается до дальняго разсмотрѣнія и розыску и какъ скорѣе прежде праздника кончено было, а мнѣ кажется по всему ихъ дѣло письмо подметное было, и желаемъ вамъ скораго здоровья и пребываемъ въ милости. Анна.

5.

Знаете вы причину бывшей гофмейстерины Адеркасъ съ Ленартомъ (**), а мы извѣстны, что та корреспонденція и до нынѣ продолжалась чрезъ Ленарта, и въ ту пору надлежало бы чтобъ онъ взятъ былъ оттудова, а для важныхъ резоновъ, о чемъ вы сами знаете, отложено было; а нынѣ кажется лутчаго способа нѣтъ, что указъ послать къ Кейзерлингу, чтобъ онъ старался добрымъ и тайнымъ образомъ, чтобы онъ больше не былъ присланъ, а черезъ тайнаго совѣтника Бриля лучшей способъ будетъ это сдѣлать, а мы знаемъ, что Шулковскій патронъ его; при томъ намъ очень было пріятно; ежели король ему какую милость явно покажетъ, а мы не хотимъ, чтобъ онъ какой гнѣвъ или обиду получилъ, а указъ надобно на Нѣмецкомъ языкѣ, которой мы сами подпишемъ и вамъ самимъ надобно въ томъ потрудиться, а впрочемъ желаемъ вамъ скораго здоровья и остаюсь въ милости. Анна.

(*) Извѣстно, что Анна Іоанновна любила забавляться охотою и стрѣляла сама звѣрей.

(**) Линаръ, Саксонскій посолъ?

РОСПИСКА БИРОНА.

1725 года марта 22-го дня по указу Ея Высочества государыни царевны Прасковьи Іоанновны отдано при Санктъ-Петербургѣ отъ дому Ея Высочества денегъ двора Ея Высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Іоанновны камеръ-юнкеру Бирону двѣсти рублевъ, которыя деньги онъ Биронъ повиненъ привезть въ Митаву и подать Ея Высочеству въ хоромы. Того дня въ пріемѣ оныхъ денегъ подписался своеручно *E. I. Biron.*

(*Изъ автографовъ, собранныхъ княземъ Д. П. Долгоруковымъ*).

ПИСЬМО БИРОНА КЪ ОДНОМУ КАММЕРГЕРУ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Нѣмецкій подлинникъ этого письма находится при слѣдственномъ дѣлѣ о Биронѣ 1741 г. (Чтенія 1862, кн. I, Смѣсь, стр. 128). Тамъ сказано, будто письмо писано къ Монсу, но этого быть не могло, такъ какъ Монсъ казненъ еще въ предъидущемъ году.

Высокоблагородный господинъ, высокоуважаемый господинъ камергеръ, высокій другъ!

Сердечно сожалѣю, что передъ отъѣздомъ вашего высокоблагородія не могъ я явиться къ вамъ. Нынѣ пріемлю смѣлость симъ выразить мое почтеніе и освѣдомиться о высокомъ вашемъ здравіи, коего преуспѣянія желаю. Вмѣстѣ съ тѣмъ благодарю ваше высокоблагородіе за всю высокую доброту и любовь, кои вы мнѣ оказали и коими, черезъ ва-

ше сильное заступленіе передъ ихъ высочествами, вполнѣ умножилось мое благосостояніе. Снова пріемлю нынѣ смѣлость прибѣгнуть къ защитѣ и заступленію вашего высокоблагородія въ тяжкой нуждѣ моей. Вы конечно знаете о несчастіи, постигшемъ меня года два тому назадъ въ Кенигсбергѣ, а именно о томъ, какъ я съ большою компаніей гулялъ ночью по улицѣ, при чемъ произошло столкновеніе со стражею, и одинъ человѣкъ былъ заколонъ. За это всѣ мы попали подъ арестъ; я три четверти года находился подъ арестомъ, потомъ выпущенъ подъ условіемъ заплатить, на мою долю, 700 талеровъ штрафу, а иначе просидѣть три года въ крѣпости. Я не могу выполнить условія, и потому покорнѣйше прошу оказать мнѣ милость поговорить съ тайнымъ совѣтникомъ барономъ Мардефельдомъ (*), не можетъ ли онъ предстательствовать у своего короля въ Берлинѣ о томъ, чтобы освободить меня отъ такого штрафа. Еще прошу доставить по принадлежности приложенныя письма и замолвить за меня слово для успѣшнѣйшаго дѣйствія сныхъ. 18 Августа есть срокъ, къ которому я долженъ явиться. Полагаюсь на Бога и на васъ и пребуду во всю жизнь со всею преданностію вашего высокоблагородія, высокоуважаемый господинъ камергеръ, покорный слуга

Е. І. Биронъ.

Митава. 23 Іюля 1725.

Въ то время, какъ писано это письмо, Биронъ уже состоялъ оберъ-камергеромъ при герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Въ бытность ея въ Москвѣ на коронаціи императрицы Екатерины I-й (1724), онъ успѣлъ заключить нѣкоторыя связи при Русскомъ дворѣ и ознакомиться съ тѣмъ поприщемъ, на которомъ потомъ злосчастная судьба Россіи дозволила ему такъ рѣшительно дѣйствовать. *П. Б.*

(*) Прусскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО БИРОНА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕЛИЗАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ ИЗЪ ЯРОСЛАВЛЯ.

Съ соблюденіемъ его правописанія.

Aller Durchlautigste Großmächtigste Kaißerinn
Aller Gnädigste Kaißerinn und große Frau.

Gleich in der selben Stunde da Ihro Kaißerl. Mayest mir und den meinigigen dero Kaißerl. Gnade angedeyen lassen, hab mir das Glück theilhafftig machen wollen in aller Unterthänigkeit zu denen Füßen für Kaißerlichen Mayest nieder zu werffen; man hat mir auff mein fielfaltiges Bitten es nicht erlauben wollen, womit man auch noch immer continuiret.

Allein ich unterwinde mich, aller gnädigste Kaißerin, dieses Bladt vor dero geheiligsten Trohn nieder zu legen und meine unterthänige und aus redlichen Hertzen flüssende Gratulation zu Euer Kaißerl. Mayest betrehtenden Euer Kaißerlichen Trohnes ab zu legen. Der allmächtige Gott, welcher Euer Kaißerl. Mayest hirzu hat ausersehen und selbsten eingesehet, der solle woll auch seine Gnade ferner über dero geheiligte Persohn walten lassen dero theure Gesundheit starcken, alle dero Vornehmen segnen, dero öffentliche und heimliche Feinde zu dero Füssen legen, und Euer Kaißerl. Mayest Lebensjahre, Menschlicher Natur nach, übersteigendt verlängern.

Aller durchlautigste Käißerinn, ich und die meinigen können keine Worte aussinnen, Unsere unterthänige Danksagung zu exprimiren vor alle Gnade und Barmhertzigkeit welche Eure Kaißerl. Mayest uns haben zu flüssen lassen, und wir auch noch geniessen. Ich hoffe auch feste daß Eure Kaißerl. Mayest uns auch ferner nicht verlassen werden, und nicht erlauben daß meine Feinde über mir triumphiren möchten.

Groß Mächtigste Kaißerinn, bin ich nicht capabell Eure Kaißerl. Mayest Befehl worin aus zu richten, und dadurch mein Dank begieriges Hertz zu den Füssen Eure Kaißerl. Mayest zu legen, so ist und soll es täglich im andechtigen Gebet zu Gott sein vor das hohe Woll Eure Kaißerl. Mayest.

Wir Unglückselige sind nun alle aus Eure Kaißerl. Mayest Gnade all hir beysammen, seufzen, und bitten umb Eure Kaißerl. Mayest Clemence, mich derselben in Gnaden empfehlendt und ersterbendt.

Aller Durchlautigste Groß Mächtigste Kaißerin
Eure Kaißerl. Mayest
Unterthäniger gehorsahmer
Ernst Johann.

Jarislaw, d. Augusti Ao. 1742.

Переводъ.

Всепресвѣтлѣйшая и могущественнѣйшяя императрица, всемилостивѣйшая императрица и государыня.

Въ этъ самый часъ, какъ ваше императорское величество оказали императорскую милость вашу мнѣ и моему семейству, пожелалъ я доставить себѣ то счастіе, чтобы всеподданнѣйше пасть къ стопамъ вашего императорскаго величества; но мнѣ не дозволили этого, не смотря на многократныя мои просьбы, что̀ и до сихъ поръ все еще продолжается.

Однако, всемилостивѣйшая императрица, я осмѣливаюсь повергнуть къ освященному престолу вашему этотъ листъ и мое подданническое, отъ честнаго сердца проистекающее, поздравленіе со вступленіемъ вашего императорскаго величества на императорскій престолъ. Всемогущій Богъ, избравшій и предопредѣлившій къ тому ваше императорское величество, да ниспошлетъ и впредь благодать свою на вашу освященную особу, укрѣпитъ ваше драгоцѣнное здравіе, благословитъ ваше предпріятіе, положитъ къ стопамъ вашимъ явныхъ и тайныхъ враговъ вашихъ, и продлитъ годы жизни вашего императорскаго величества до крайняго предѣла человѣческой природы.

Всепресвѣтлѣйшая императрица, я и мое семейство не можемъ придумать словъ для выраженія нашей подданнической благодарности за всю милость и состраданіе, которыя ваше императорское величество явили намъ и которыми мы и пользуемся. Я крѣпко уповаю, что ваше императорское величество и впредь не оставите насъ, и не допустите, чтобы враги мои восторжествовали надо мною.

Могущественнѣйшая императрица, если я и неспособенъ исполнять въ чемъ либо повелѣнія вашего императорскаго величества и тѣмъ повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества сердце мое, алчущее выразить благодарность: то все же я по должности моей ежедневно возношу къ Богу усердныя молитвы за высокое благо вашего императорскаго величества.

Мы несчастливые, по милости вашего императорскаго величества, всѣ здѣсь въ сборѣ, вздыхаемъ и молимъ о милосердіи вашего императорскаго величества. Поручая себя въ вашу милость,

всепресвѣтлѣйшая, могущественнѣйшая императрица,
вашего императорскаго величества
послушный подданный

Эрнстъ Іоаннъ.

Ярославль. Августа 1742 г.

РУССКІЙ ГЕНЕРАЛИТЕТЪ ВЪ НАЧАЛѢ 1730 ГОДА.

(По списку П. О. Карабанова.)

(Съ прибавленіемъ некрологическихъ и другихъ свѣдѣній.)

Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои,
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои.
Лермонтовъ.

Списокъ этотъ чрезвычайно любопытенъ, потому что дастъ полное понятіе о составѣ высшаго государственнаго управленія въ Россіи за 138 лѣтъ тому назадъ и притомъ въ эпоху особенно интересную, именно во время междуцарствія, длившагося со смерти Петра II (19 янв. 1730) до дня въѣзда Анны Іоанновны въ Москву (15 февр. 1730) и уничтоженія условій, ограничивавшихъ ея самодержавіе (25 февр. 1730). Значительнѣйшая часть упоминаемыхъ въ спискѣ лицъ (именно исключая тѣхъ, которыя не могли оставить мѣстъ своего служенія) находилась на ту пору въ Москвѣ, куда они прибыли, чтобы присутствовать при бракосочетаніи Петра II съ княжною Е. А. Долгоруковой, назначенномъ именно на 19 января, когда юный императоръ скончался. Слѣдовательно лица эти присутствовали 20 января при объявленіи Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ объ избраніи императрицею Анны Іоанновны, изъявили на то свое согласіе, затѣмъ участвовали болѣе или менѣе въ интригахъ за и противъ членовъ этого Совѣта и въ знаменательномъ событіи 25 февраля, при содѣйствіи шляхетства, съѣхавшагося тогда въ Москву въ огромномъ числѣ по поводу предстоявшихъ праздниковъ, которые неожиданно замѣнились трауромъ и смутою. И такъ вотъ перечисленіе лицъ, состоявшихъ въ январѣ 1730 года въ первыхъ 4 классахъ и составлявшихъ такъ называвшійся Генералитетъ.

I. КЛАССЪ.

а. *Государственный канцлеръ.*

1. Головкинъ, Графъ Гавріилъ Ивановичъ, Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, род. 1660, ум. 20 янв. 1734.

б. *Фельдмаршалы на службѣ.*

2. Голицынъ, Князь Михаилъ Михайловичъ-старшій, Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, и Л. гв. Семеновскаго полка подполковникъ, род. 1 нояб. 1674, ум. 10 декабря 1730.
3. Долгорукій, Князь Василій Владиміровичъ, Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, и Л. гв. Преображенскаго полка подполковникъ род. въ янв. 1667, ум. 11 февраля 1746.
4. Трубецкій, Князь Иванъ Юрьевичъ, род. 18 авг. 1667, ум. 16 янв. 1750. (Отецъ Бецкаго).

в. *Фельдмаршалы въ отставкѣ.*

5. Сапѣга, Графъ Янъ-Казиміръ, ум. въ февр. 1730. (Полякъ).
6. Брюсъ, Графъ Яковъ Вилимовичъ, род. 1670, ум. 19 апр. 1735. (Шотландецъ, составитель извѣстнаго Календаря).

II. КЛАССЪ.

а. *Генералъ-Аншефы.*

1. Вейсбахъ, Іоаннъ-Бернардъ, ум. 24 авг. 1735. (Богемецъ).
2. Де Бонъ, Германъ Іоаннъ, ум. 1774. (Нѣмецъ).
3. Лассій, Петръ Петровичъ, Генералъ-Губернаторъ Остзейскій, род. 30 окт. 1678, ум. 19 апр. 1751. (Ирландецъ).
4. Матюшкинъ, Михаилъ Аѳанасьевичъ, род. 1676, ум. 17 апр. 1737.
5. Минихъ, Графъ Бурхардъ-Христофоръ и д. Президента Военной Коллегіи, Генералъ Фельдцейхмейстеръ и Петербургскій Генералъ-Губернаторъ, род. 9 мая 1683, ум. 16 окт. 1767. (Ольденбуржецъ).
6. Апостолъ Даніилъ Павловичъ, Гетманъ Малороссійскій, ум. 17 янв. 1734.

7. Ягужинскій, Павелъ Ивановичъ, Оберъ-Шталмейстеръ и Капитанъ роты Кавалергардовъ, род. 1683, ум. 6 апр. 1736. (Литвинъ.).
8. Долгорукій, Князь Иванъ Алексѣевичъ, Оберъ-Камергеръ Л. г. Преображенскаго полка Премьеръ-Маіоръ, род. 1708, казн. 26 окт. 1739.

б. *Генералъ-Аншефъ, разжалованный.*

9. Бутурлинъ, Иванъ Ивановичъ, род. 24 іюня 1661, ум. 31 декабря 1738.

в. *Адмиралы.*

10. Сиверсъ, Петръ Ивановичъ, и. д. Президента Адмиралтействъ Коллегіи, ум. 1740. (Гольштинецъ).
11. Гордонъ, Ѳома, ум. въ мартѣ 1741. (Шотландецъ).

г. *Дѣйствительные Тайные Совѣтники.*

12. Мусинъ-Пушкинъ, Графъ Иванъ Алексѣевичъ, ум. 1730.
13. Долгорукій, Князь Василій Лукичъ, членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, казн. 26 октября 1739.
14. Голицынъ, Князь Дмитрій Михайловичъ, Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, род. 3 іюня 1665, ум. въ апрѣлѣ 1738.
15. Остерманъ, Баронъ Андрей Ивановичъ, Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Вице-Канцлеръ, Вице-Президентъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ и Оберъ-Гофмейстеръ, род. 30 мая 1686, ум. мая 1747. (Вестфалецъ).
16. Ромодановскій, Князь Иванъ Ѳедоровичъ, ум. 15 марта 1730.
17. Головкинъ, Графъ Александръ Гавриловичъ, Посланникъ въ Гагѣ, ум. 4 ноября 1760.
18. Долгорукій, Князь Алексѣй Григорьевичъ, Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Президентъ Главнаго Магистрата и Гофмейстеръ, ум. 30 сентября 1730.
19. Долгорукій, Князь Михаилъ Владиміровичъ, Членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, род. 14 ноября 1667, ум. 11 февраля 1746.

III. КЛАССЪ.

а. *Генералъ-Поручики.*

1. Чернышевъ, Григорій Петровичъ, род. 22 января 1670, ум. 30 іюля 1745.
2. Головинъ, Иванъ Михайловичъ, ум. 1738.
3. Чевкинъ, Ѳедоръ Гавриловичъ.
4. Штафъ. (Нѣмецъ).
5. Дюпре, Иванъ Яковлевичъ. (Французъ).
6. Волковъ, Михаилъ Яковлевичъ, ум. 1752.
7. Ванъ-Вельденъ, Вильгельмъ Вилимовичъ. (Голландецъ).
8. Дмитріевъ-Мамоновъ, Иванъ Ильичъ, Сенаторъ и Поручикъ роты Кавалергардовъ, род. 1681, ум. 24 мая 1730.
9. Ушаковъ, Андрей Ивановичъ, род. 1670, ум. 20 марта 1747.
10. Юсуповъ, Князь Григорій Дмитріевичъ, Сенаторъ, Членъ Военной Коллегіи и младшій Подполковникъ Л. гв. Преображенскаго полка, род. 17 ноября 1676, ум. 2 сентября 1730.
11. Салтыковъ, Семенъ Андреевичъ, Сенаторъ, род. въ апрѣлѣ 1672, ум. 1 октября 1742.
12. Трубецкій, Князь Юрій Юрьевичъ, род. 1668, ум. 8 сентября 1739.
13. Лихаревъ, Иванъ Михайловичъ. (Бригадиръ, имѣвшій Александровскую ленту), ум. 1760.
14. Левашовъ, Василій Яковлевичъ, род. 1667, ум. 7 апрѣля 1751.
15. Балкъ, Ѳедоръ Николаевичъ, род. 1670, ум. 1739,
16. Урбановичъ, Христофоръ, ум. 25 ноября 1731. (Полякъ).
17. Де Кулонъ, ум. 1740. (Французъ).
18. Румянцовъ, Александръ Ивановичъ, род. 1680, ум. 4 марта 1749.
19. Шверинъ, Баронъ. (Мекленбуржецъ).
20. Лефортъ, Петръ Богдановичъ. (Швейцарецъ).
21. Геннингъ, Вильгельмъ, ум. 12 апрѣля 1750. (Голландецъ).
22. Шереметевъ, Владиміръ Петровичъ, членъ Адмиралтействъ-Коллегіи, род. 6 іюля 1668, ум. 9 іюня 1737.
23. Нарышкинъ, Семенъ Григорьевичъ, ум. 1747.
24. Дугласъ, Графъ Оттонъ-Густавъ (Шведъ).

25. Мещерскій, Князь Семенъ Ѳедоровичъ, Губернаторъ Архангелогородскій.
26. Царевичъ Грузинскій, Бакаръ Вахтангѣевичъ, род. 1699, ум. 1 февраля 1750.

б. *Генералъ-Поручикъ въ отставкѣ*

27. Кропотовъ, Гаврило Семеновичъ, ум. 1730.

в. *Генералъ-Поручики, лишенные чина.*

28. Девіеръ, Графъ Антонъ Эмануиловичъ, ум. 24 іюня 1745.
29. Волковъ, Алексѣй Яковлевичъ.

г. *Вице-Адмиралы.*

30. Вильстеръ, Даніилъ, ум. 21 іюня 1732. (Шведъ).
31. Сенявинъ, Наумъ Акимовичъ, ум. въ іюнѣ 1738.
32. Змаевичъ, Матвѣй Измайловичъ, ум. 25 августа 1735. (Иллиріецъ).

д. *Тайные Совѣтники.*

(*По алфавиту.*)

33. Басеевичъ, Графъ Геннингъ-Фридрихъ, Голштинскій Министръ, ум. 1 января 1749. (Голштинецъ, оставившій послѣ себя извѣстныя Записки).
34. Бестужевъ-Рюминъ, Петръ Михайловичъ, род. 28 іюля 1664, ум. 1743.
35. Владиславичъ-Рагузинскій, Графъ Савва Лукичъ, ум. 17 іюня 1738. (Иллиріецъ).
36. Голицынъ, Князь Михаилъ Михаиловичъ-младшій, Сенаторъ и Президентъ Юстицъ-Коллегіи, род. 1 ноября 1684, ум. 23 мая 1764.
37. Голицынъ, Князь Сергѣй Дмитріевичъ, Посланникъ въ Берлинѣ, род. 10 іюня 1696, ум. 1 іюля 1738.
38. Головкинъ, Графъ Иванъ Гавриловичъ, ум. 5 января 1734.
39. Долгорукій, Князь Иванъ Григорьевичъ, казн. 26 октября 1739.
40. Долгорукій, Князь Сергѣй Григорьевичъ, казн. 26 октября 1739.

41. Макаровъ, Алексѣй Васильевичъ, Президентъ Камеръ-Коллегіи, ум. 1750.
42. Наумовъ, Ѳедоръ Васильевичъ, Сенаторъ, ум. 1760.
43. Плещеевъ, Алексѣй Львовичъ, Московскій Губернаторъ, род. 20 мая 1681, ум. 17 ноября 1741.
44. Плещеевъ, Иванъ Никифоровичъ.
45. Рацкій, Посланникъ въ Митавѣ. (Полякъ).
46. Степановъ, Василій Петровичъ, Секретарь Верховнаго Тайнаго Совѣта.
47. Черкасскій, Князь Алексѣй Михайловичъ, Сенаторъ, род. 1680, ум. 5 декабря 1742.
48. Шепелевъ, Дмитрій Андреевичъ, Гофмаршалъ, ум. 10 мая 1759. (строитель Зимняго Дворца, жен. на дочери извѣстнаго пастора Глюка).

е. *Тайный Совѣтникъ, лишенный чина.*

49. Арсеньевъ, Василій Михайловичъ (братъ жены Кн. Меншикова).

IV. КЛАССЪ.

а. *Генералъ-Маіоры.*

(*По алфавиту.*)

1. Алабердеевъ, Семенъ.
2. Апраксинъ, Графъ Андрей Матвѣевичъ, Оберъ-Шенкъ, род. 1663, ум. 1731.
3. Аракчеевъ, Василій Степановичъ.
4. Бауръ, Баронъ. (Лифляндецъ).
5. Бахметевъ, Иванъ Ивановичъ.
6. Бибиковъ, Иванъ Ивановичъ, Президентъ Ревизіонъ-Коллегіи, ум. 1745.
7. Борятинскій, Князь Иванъ Ѳедоровичъ, ум. въ маѣ 1738.
8. Бутурлинъ, Александръ Борисовичъ, род. 16 іюня 1694, ум. 31 августа 1767. (любимецъ Елизаветы Петровны).
9. Вельяминовъ, Степанъ Лукичъ.
10. Венедигеръ. (Нѣмецъ).
11. Ветерани. (Венгерецъ).
12. Вицъ, Андрей. (Бельгіецъ).
13. Воейковъ, Петръ Лукичъ.

14. Волынскій, Артемій Петровичъ, Посланникъ въ Килѣ, род. 1689, казн. 27 іюня 1740.
15. Вяземскій, Князь Василій.
16. Гессенъ-Гомбургскій, Принцъ Людвигъ-Вильгельмъ, род. 1704, ум. 12 октября 1745.
17. Гохмутъ, Карлъ, Членъ Военной Коллегіи, ум. 1736. (Нѣмецъ).
18. Грековъ, Максимъ.
19. Грековъ, Степанъ.
20. Гюйсенъ, Баронъ, Членъ Военной Коллегіи. (Голландецъ).
21. Дебриньи, Адріанъ, ум. 1747. (Французъ).
22. Дебриньи, Андрей. (Французъ).
23. Долгорукій, Князь Сергѣй Михайловичъ, род. 1 іюля 1695, ум. 15 сентября 1763.
24. Елагинъ, Андреянъ Никифоровичъ, Гофмейстеръ, ум. 1753.
25. Еропкинъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, Московскій Оберъ-Комендантъ, ум. 1750. (отецъ славнаго спасителя Москвы).
26. Загряжскій, Артемій Григорьевичъ, ум. 1754.
27. Зотовъ, Василій Никитичъ.
28. Игнатьевъ, Степанъ Лукичъ, Членъ Военной Коллегіи, ум. 1747.
29. Измайловъ, Иванъ Петровичъ, Гофмейстеръ вдовствующей Царицы, ум. 1754.
30. Измайловъ, Левъ Васильевичъ, род. 1687, ум. 13 января 1738. (посолъ въ Китаѣ).
31. Измайловъ, Петръ Васильевичъ, ум. 1772.
32. Кампенгаузенъ. Баронъ, ум. 1759. (Лифляндецъ).
33. Кейтъ, Яковъ Вилимовичъ, род. 1696, уб. 1758. (Шотландецъ).
34. Клапье де Колонгъ. (Французъ).
35. Корчминъ, Василій Ивановичъ, ум. въ августѣ 1731. (по имени котораго названъ Васильевскій Островъ).
36. Кошелевъ, Родіонъ Михайловичъ, Шталмейстеръ, ум. 1760. (жен. на дочери извѣстнаго пастора Глюка).
37. Левенвольде, Графъ Фридрихъ, Камергеръ. (Лифляндецъ).
38. Леонтьевъ, Михаилъ Ивановичъ, ум. 1753.

39. Лопухинъ, Степанъ Васильевичъ.
40. Любрасъ, Баронъ Іоаннъ Людвигъ, ум. въ августѣ 1752. (Лифляндецъ).
41. Панинъ, Андрей Васильевичъ.
42. Панинъ, Иванъ Васильевичъ, род. 1673, ум. 11 мая 1736. (отецъ графовъ Никиты и Петра).
43. Порошинъ, Василій Ивановичъ.
44. Потемкинъ, Алексѣй Ивановичъ.
45. Сенявинъ, Ульянъ Акимовичъ, Начальникъ Канцеляріи отъ строеній, ум. 1740.
46. Салтыковъ, Василій Ѳедоровичъ, род. 1675, ум. 1730.
47. Салтыковъ, Петръ Семеновичъ, Л.-гв. Семеновскаго полка Премьеръ-Маіоръ, род. 1700, ум. въ декабрѣ 1772.
48. Соймоновъ, Леонтій Яковлевичъ.
49. Сперрейтеръ, Ульрихъ Олофовичъ, ум. 1750. (Шведъ).
50. Сукинъ, Семенъ Ивановичъ, ум. въ августѣ 1738.
51. Таракановъ, Алексѣй Ивановичъ, ум. 1760.
52. Урусовъ, Князь Василій Алексѣевичъ, ум. 22 іюля 1742.
53. Урусовъ, Князь Григорій Алексѣевичъ, ум. 1745.
54. Хрущовъ, Михаилъ.
55. Шаховскій, Князь Алексѣй Ивановичъ, ум. 26 апрѣля 1737.
56. Шереметевъ, Василій Петровичъ, род. въ іюнѣ 1658, ум. 19 апрѣля 1732.
57. Шпигель, Карлъ-Людвигъ. (Нѣмецъ).
58. Штофельнъ, ум. 1747. (Нѣмецъ).
59. Шуваловъ, Иванъ Максимовичъ, ум. въ іюнѣ 1736.
60. Щербатовъ, Князь Михаилъ Юрьевичъ, род. 8 ноября 1678, ум. 22 іюля 1738. (отецъ Историка).

б. *Генералъ-Маіоры разжалованные.*

61. Скорняковъ-Писаревъ, Григорій Григорьевичъ.
62. Фаминцынъ, Егоръ Ивановичъ.

в. *Контръ-Адмиралы.*

63. Бредаль, Петръ Петровичъ, ум. 1736. (Норвежецъ).
64. Головинъ, Графъ Николай Ѳедоровичъ, Посланникъ въ Стокгольмѣ, род. 1694, ум. 20 іюля 1731.
65. Дуффусъ, Лордъ, ум. въ апрѣлѣ 1732. (Шотландецъ).

г. *Контръ-Адмиралъ, сосланный въ деревню.*

66. Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, род. 26 апрѣля 1690, ум. 25 января 1745. (двоюродный братъ Петра Великаго).

д. *Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.*

(*По алфавиту*).

67. Балкъ-Полевъ, Павелъ Ѳедоровичъ, род. 1690, ум. 1743.
68. Баскаковъ, Алексѣй Петровичъ, старшій Членъ Коллегіи Экономіи.
69. Бестужевъ-Рюминъ, Алексѣй Петровичъ, род. 22 мая 1693, ум. 10 апрѣля 1766.
70. Бестужевъ-Рюминъ, Михаилъ Петровичъ, род. 7 сентября 1688, ум. 26 февраля 1760.
71. Беттигеръ, посланникъ въ Гамбургѣ. (Нѣмецъ).
72. Бибиковъ, Алексѣй Юрьевичъ.
73. Блументростъ, Іоганнъ-Готлибъ, Архітеръ и Президентъ Медицинской Канцеляріи. (Нѣмецъ).
74. Блументростъ, Лаврентій, Презид. Акад. Наукъ, род. 29 октября 1692, ум. 27 марта 1755. (Нѣмецъ).
75. Бредихинъ, Александръ.
76. Бутурлинъ, Иванъ Ивановичъ, Сенаторъ.
77. Вельяминовъ-Зерновъ, Петръ.
78. Воейковъ, Матвѣй Ѳедоровичъ, Оберъ-Прокуроръ Сената и Генералъ-Рекетмейстеръ.
79. Габихсталь, Баронъ, Оберъ-Церемоніймейстеръ. (Нѣмецъ).
80. Голицынъ, Князь Алексѣй Дмитріевичъ, род. 26 Августа 1697, ум. 29 января 1768. (библіофилъ).
81. Головкинъ, Графъ Михаилъ Гавриловичъ, ум. въ ноябрѣ 1755.
82. Дашковъ, Алексѣй.
83. Дмитріевъ-Мамоновъ, Василій Аѳанасьевичъ.
84. Ергольскій, Вице-Президентъ Юстицъ-Коллегіи.
85. Зыбинъ, Алексѣй, Вице-Президентъ Бергъ-Коллегіи.
86. Исаевъ, Илья Исаевичъ, Вице-Президентъ Главнаго Магистрата.
87. Колтовской, Иванъ.

88. Кропотовъ, Иванъ Ивановичъ.
89. Куракинъ, Князь Александръ Борисовичъ, Посланникъ въ Парижѣ, род. 2 іюля 1697; ум. 2 октября 1749.
90. Ланчинскій, Людовикъ, Посланникъ въ Вѣнѣ, ум. 17 ноября 1751. (Полякъ).
91. Левенвольде, Графъ Рейнгольдъ, ум. 1758. (Лифляндецъ).
92. Мусинъ-Пушкинъ, Графъ Платонъ Ивановичъ.
93. Новосильцевъ, Василій Яковлевичъ, Сенаторъ, ум. 1743.
94. Принценштіерна, Карлъ, Вице-Президентъ Камеръ-Коллегіи. (Шведъ).
95. Секіотовъ, Сергѣй.
96. Салтыковъ, Михаилъ Алексѣевичъ.
97. Строгановъ, Баронъ Александръ Григорьевичъ, Камергеръ, род. 2 ноября 1698, ум. 7 ноября 1754.
98. Сухотинъ, Михаилъ Андреевичъ, Президентъ Вотчинной Коллегіи.
99. Фикъ, Вице-Президентъ Комерцъ-Коллегіи испр. д. През. оной. (Нѣмецъ).
100. Черкасовъ, Иванъ Антоновичъ, род. 1690, ум. 21 ноября 1752.
101. Шафировъ, Баронъ Петръ Павловичъ, Президентъ Комерцъ-Коллегіи, род. 1670, ум. 1 марта 1739. (Въ 1723 году, февраля 15 Петръ I лишилъ его Баронскаго званія, чина Тайнаго Совѣтника, должности Вице-Канцлера и Андреевскаго ордена. Въ февралѣ 1725 Екатерина пожаловала его вновь Барономъ, а 14 іюля произвела его въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и назначила Президентомъ Комерцъ-Коллегіи. Отъ Анны Іоанновны получилъ онъ въ 1732 году чинъ Тайнаго Совѣтника, а въ 1734 году Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, но Андреевскаго ордена онъ не получилъ вновь).
102. Шереметевъ, Иванъ Петровичъ, род. 10 января 1689, ум. 26 ноября 1735.
103. Щербатовъ, Князь Иванъ Андреевичъ, род. 1696, ум. 2 ноября 1761.

е. *Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ въ отставкѣ.*

104. Олсуфьевъ, Матвѣй Дмитріевичь, ум. 1753.

ж. *Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ сосланный.*

105. Нелединскій-Мелецкій, Юрій Степановичь, бывшій Сенаторъ. (дѣдъ поэта).

V. ДУХОВЕНСТВО.

а. *Предсѣдатель Сѵнода.*

1. Ѳеофанъ Прокоповичь, Архіепископъ Новгородскій.

б. *Вице-Предсѣдатель Сѵнода.*

2. Ѳеофилактъ Лопатинскій, Архіепископъ Тверскій.

в. *Члены Сѵнода.*

3. Юрій Дашковъ, Архіепископъ Ростовскій.
4. Игнатій Смола, Епископъ Коломенскій.
5. Аѳанасій Кондоиди, Епископъ Вологодскій.
6. Рафаилъ Заборовскій, Архимандритъ.

Кромѣ того находились въ Москвѣ въ началѣ 1730 года слѣдующія высшія духовныя лица:

7. Леонидъ, Епископъ Крутицкій, правившій Московскою Епархіею.
8. Сильвестръ, Архіепископъ Казанскій.
9. Гавріилъ Бужинскій, Епископъ Рязанскій.
10. Іоакимъ Струковъ, Епископъ Переяславскій.

Послѣдніе трое прибыли въ Москву на предполагавшееся бракосочетаніе императора Петра II.

И такъ въ Россіи было въ началѣ 1730 года только 179 человѣкъ, имѣвшихъ генеральскіе чины, какъ военные, такъ и гражданскіе. Въ томъ числѣ были и такія лица, которыя не находились на дѣйствительной службѣ, хотя и не числились въ чистой отставкѣ, которая до 1762 года почти никогда не давалась, какъ можно видѣть и изъ приведеннаго списка, въ которомъ кромѣ того значится еще 8 лицъ, лишенныя чиновъ, возвращенныхъ имъ лишь въ послѣдствіи, и Бригадиръ (Лихаревъ), единственный въ Россіи Бригадиръ, имѣвшій Александровскую ленту, а потому,

вѣроятно, и причисленный къ Генералитету. Замѣчательно, что изъ поименованныхъ 179 чаловѣкъ, 50 были иностранцы, преимущественно Нѣмцы.

Извѣстно, что члены Верховнаго Тайнаго Совѣта или такъ называемые Верховники: Канцлеръ Графъ Г. И. Головкинъ, Фельдмаршалы Князь М. М. Голицынъ и Князь В. В. Долгорукій, Дѣйствительные Тайные Совѣтники Князья В. Л., А. Г. и М. В. Долгорукіе, Князь Д. М. Голицынъ и Баронъ А. И. Остерманъ (послѣдній впрочемъ подъ предлогомъ болѣзни уклонялся отъ участія въ дѣйствіяхъ своихъ товарищей) отправили вечеромъ 19 января 1730 въ Митаву къ Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ (род. 28 января 1694, ум. 17 октября 1740) депутацію, составленную изъ Князя В. Л. Долгорукаго (отъ Верховнаго Совѣта), Князя М. М. Голицына младшаго (отъ Сената) и М. И. Леонтьева (отъ Генералитета), съ извѣстіемъ объ избраніи ея на престолъ, провозглашенномъ въ тоже утро Генералитетомъ и Шляхетствомъ и съ препровожденіемъ пунктовъ, ограничивавшихъ власть ея.

Эти пункты возбудили протестъ, написанный по инициативѣ С. А. Салтыкова историкомъ Статскимъ Совѣтникомъ и Членомъ Бергъ-Коллегіи Василіемъ Никитичемъ Татищевымъ (род. 1686, ум. 15 іюля 1750) и заключавшій въ себѣ другіе пункты, составленные въ видахъ ограниченія олигархическихъ притязаній Верховниковъ. Протестъ этотъ, кромѣ С. А. Салтыкова и В. Н. Татищева, подписали еще: Сенаторы Князь Г. Д. Юсуповъ, Князь А. М. Черкасскій и В. Я. Новосильцовъ; Генералъ-Поручики Г. П. Чернышевъ, А. И. Ушаковъ и Г. С. Кропотовъ; Тайные Совѣтники Графъ И. Г. Головкинъ, А. В. Макаровъ, И. И. Плещеевъ и Д. А. Шепелевъ; Генералъ-Маіоры С. Алабердеевъ, Графъ А. М. Апраксинъ, И. И. Бибиковъ, Князь И. Ѳ. Борятинскій, С. Л. Вельяминовъ, П. Л Воейковъ, Князь В. Вяземскій, М. Грековъ, С. Грековъ, А. Н. Елагинъ, П. В. Измайловъ, Р. М. Кошелевъ, С. В. Лопухинъ, С. И. Сукинъ, А. И. Таракановъ, Князь А. И. Шаховской; Дѣйствительные Статскіе Совѣтники А. П. Баскаковъ, П. Вельяминовъ-Зерновъ, Графъ М. Г. Головкинъ, А. Дашковъ, А. Зыбинъ, И. Колтовской, Графъ П. И. Мусинъ-Пушкинъ, М. Д. Ол-

суфьевъ, С. Секіотовъ, М. А. Сухотинъ и того 38 персонъ Генералитета. Къ нимъ присоединились: Камеръ-Юнкеръ Князь Никита Юрьевичь Трубецкій (род. 12 мая 1700, ум. 16 октября 1768), 51 офицеръ гвардіи, 156 бригадировъ, штабъ и оберъ-офицеровъ арміи и 42 кавалергарда изъ шестидесяти, составлявшихъ эту роту. И того всѣхъ подписей на протестѣ было 287.

Между тѣмъ 2 февраля М. И. Леонтьевъ уже возвратился въ Москву изъ Митавы съ согласіемъ Анны Іоанновны и привезъ съ собою арестованнаго въ Митавѣ гвардіи офицера Петра Спиридоновича Сумарокова (ум. 1780), посланнаго къ новой государынѣ И. И. Ягужинскимъ, чтобы вести съ нею переговоры, въ смыслѣ неблагопріятномъ для Верховниковъ. Въ тотъ же день, по рѣшенію ихъ, Фельдмаршалъ Князь В. В. Долгорукій арестовалъ самого П. И. Ягужинскаго, жизнь котораго спасена была лишь ходатайствами тестя его Верховника Графа Г. И. Головкина и его семейства.

Февраля 4 былъ представленъ Верховному Тайному Совѣту протестъ съ 287 подписями, о которомъ говорено выше. Совѣтъ, разсмотрѣвши его, отвергъ его письменнымъ отвѣтомъ, составленнымъ, какъ говорили нѣкоторые, молодымъ Графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Апраксинымъ (род. 26 іюня 1703, ум. 2 ноября 1734), котораго отецъ подписалъ протестъ и побудилъ сына написать отказъ на оный, чтобы не совсѣмъ быть скомпрометированнымъ въ случаѣ удачи Верховниковъ. Отвѣтъ былъ подписанъ 7-ю изъ нихъ (всѣми кромѣ Барона А. И. Остермана, уклонившагося отъ всякаго участія въ этихъ дѣлахъ, подъ предлогами болѣзни и иностраннаго своего происхожденія). Съ ними подписались изъ страха: Фельдмаршалъ Князь И. Ю. Трубецкій; Генералъ-Аншефъ М. А. Матюшкинъ; Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ (сынъ котораго Графъ П. И. подписалъ протестъ); Генералъ-Поручикъ Сенаторъ И. И. Дмитріевъ-Мамоновъ; Тайные Совѣтники Сенаторъ Князь М. М. Голицынъ-младшій, Князь И. Г. Долгорукій, Князь С. Г. Долгорукій, Сенаторъ Ѳ. В. Наумовъ, А. Л. Плещеевъ, В. П. Степановъ; Генералъ-Маіоры А. Б. Бутурлинъ, Д. Ѳ. Еропкинъ и Л. В. Измайловъ; Дѣй-

ствительные Статскіе Совѣтники М. П. Бестужевъ-Рюминъ, Князь А. Д. Голицынъ, Баронъ П. П. Шафировъ и И. Колтовской (замѣчательно, что онъ же подписалъ Татищевскій протестъ, а потомъ отказъ на него) всего (съ 7 Верховниками) 24 персоны Генералитета. Къ нимъ изъ страха же присоединились: 37 офицеровъ гвардіи и арміи, 14 кавалергардовъ и 21 членовъ мелкаго Шляхетства. И того подъ отвѣтомъ было 103 подписи.

Этотъ отвѣтъ вызвалъ новый контръ-проэктъ, подписанный 15 особами Генералитета, тоже отвергнутый Верховнымъ Совѣтомъ.

Однако члены этого Совѣта увидѣли, что нужно было сдѣлать нѣкоторыя уступки и предложили ихъ. Но онѣ были признаны недостаточными.

Между тѣмъ 10-го февраля Анна Іоанновна прибыла въ Всесвятское, 15-го имѣла торжественный въѣздъ въ Москву, а 20-го Москва принесла присягу „Императрицѣ и отечеству".

Февраля 23 и 24 происходили многолюдныя собранія лицъ, враждебныхъ Верховникамъ въ домахъ Князя А. М. Черкасскаго (на Никольской) и Князя И. Ѳ. Борятинскаго (на Мясницкой). Послѣднее изъ этихъ сборищъ вечеромъ 24 числа отправило депутатомъ въ первое В. Н. Татищева, и тамъ произошло соглашеніе на счетъ текста прошенія, предназначеннаго для подачи Государынѣ и написаннаго Гвардіи-Поручикомъ Княземъ Антіохомъ Дмитріевичемъ Кантемиромъ (род. 10 сент. 1708, ум. 31 марта 1744) искавшимъ тогда руки дочери Князя А. М. Черкасскаго, Княжны Варвары Алексѣевны (род. 11 сентября 1714, ум. 2 октября 1767), богатѣйшей невѣсты въ Россіи, вышедшей потомъ не за него, а за Графа Петра Борисовича Шереметева (род. 26 февр. 1713, ум. 30 ноября 1788). В. Н. Татищевъ привезъ просьбу къ Князю И. Ѳ. Борятинскому, гдѣ ее подписали 74 особы, которыя всѣ отправились къ Князю А. М. Черкасскому, гдѣ всѣ присутствовавшіе, въ числѣ 93, присоединили къ нимъ свои подписи. Князь А. Д. Кантемиръ и Графы Ѳ. А. Матвѣевъ и Ѳ. А. Апраксинъ (на нѣсколько дней бывшій главнымъ агентомъ Верховниковъ, противъ которыхъ теперь агитировалъ) разъѣзжали всю ночь по Москвѣ, со-

бирая новыхъ сообщниковъ. Къ разсвѣту они собрали подписи 58 гвардейскихъ офицеровъ и 37 кавалергардовъ. И такъ на прошеніи было 262 подписи. Генералитетъ и Шляхетство были приглашены являться поодиночкѣ во дворецъ въ 8 часовъ утра. Главные зачинщики были въ такомъ страхѣ, что не рѣшилися ночевать дома. Князь А. М. Черкасскій провелъ ночь у Князя А. И Шаховскаго, а Князь И. Ѳ. Борятинскій — у Графа П. И. Мусина-Пушкина.

Въ среду, февраля 25, въ 8 часовъ утра, дворецъ наполнился Генералитетомъ и Шляхетствомъ, собравшимися въ числѣ до 800 человѣкъ. Князь А. М. Черкасскій явился туда къ 10 часамъ утра, въ сопровожденіи Князя И. Ѳ. Борятинскаго, Фельдмаршала Князя Н. Ю. Трубецкаго (подписавшаго за нѣсколько дней гордый отказъ Верховниковъ), Графа И. Г. Головкина, Графа М. Г. Головкина, Князя А. И. Шаховскаго, Князя Н. Ю. Трубецкаго, В. Н. Татищева и Князя А. Д. Кантемира. Когда императрица вышла, Фельдмаршалъ Князь Н. Ю. Трубецкій выступилъ впередъ съ прошеніемъ, сочиненнымъ Княземъ А. Д. Кантемиромъ и подписаннымъ 262 лицами, касательно пересмотра всѣхъ предложенныхъ проэктовъ государственнаго устройства; но такъ какъ онъ запкался, то бумагу прочелъ громогласно В. Н. Татищевъ.

Сцены этого дня слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ здѣсь описывать. Слѣдуетъ только напомнить, что собраніе осталось во дворцѣ и во время обѣда, когда найдено было невозможнымъ согласовать въ скоромъ времени многочисленные проэкты. Тутъ же было написано (неизвѣстно кѣмъ, но вѣроятно тѣмъ же Княземъ А. Д. Кантемиромъ) новое прошеніе, поданное Государынѣ и прочитанное имъ вслухъ послѣ обѣда. Въ немъ излагались желанія: 1) уничтожить Верховный Совѣтъ; 2) учредить Сенатъ изъ 21 лицъ. 3) возстановить неограниченную Монархическую власть. 4) дать Шляхетству право избирать Сенаторовъ, Президентовъ Коллегій и Губернаторовъ и 5) уменьшить налоги.

Замѣчательно, что иностранцы не благоволили ни къ какимъ реформамъ и не подписывали этихъ прошеній и проэктовъ.

Нечего и говорить о послѣдующихъ событіяхъ. Кара, ожидавшая Верховниковъ, 4 Князей Долгорукихъ и 2 Князей Голицыныхъ и ихъ родственниковъ, была отложена до времени. Но надо сообщить о перемѣнахъ въ Сенатѣ, въ управленіи и при Дворѣ и о наградахъ, розданныхъ въ день коронаціи Анны Іоанновны, послѣдовавшей 28 апрѣля 1730.

По уничтоженіи Верховнаго Совѣта, слѣдующія 21 особы были назначены 2 марта сенаторами: канцлеръ Графъ Г. И. Головкинъ; фельдмаршалы: Князь М. М. Голицынъ, Князь В. В. Долгорукій и Князь И. Ю. Трубецкій; Генералъ-Аншефъ П. И. Ягужинскій (освобожденный Государыней 25 февраля); Дѣйствительные Тайные Совѣтники Князь В. Л. Долгорукій, Князь Д. М. Голицынъ, Баронъ А. И. Остерманъ, Князь И. Ѳ. Ромодановскій и Князь А. М. Черкасскій (произведенный наканунѣ, а 29 марта получившій Андреевскую ленту); Генералъ-Поручики П. Г. Чернышевъ, И. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Ушаковъ, Князь Г. Д. Юсуповъ, С. А. Салтыковъ и Князь Ю. Ю. Трубецкій; Генералъ-Маіоры Князь И. Ѳ. Борятинскій, С. П. Сукинъ и Князь Г. А. Урусовъ; Дѣйствительные Статскіе Совѣтники Графъ М. Г. Головкинъ и В. Я. Новосильцовъ. За отказомъ С. А. Салтыкова (пожалованнаго 25 февраля Подполковникомъ Л. г. Семеновскаго полка) на мѣсто его былъ назначенъ Генералъ-Маіоръ Князь А. И. Шаховской, а вмѣсто умершаго 16 марта Князя И. Ѳ. Ромодановскаго Генералъ-Маіоръ А. И. Тарабановъ.

Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, родной дядя императрицы по матери, пожалованъ былъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники, получилъ Андреевскую ленту и сдѣланъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Московскимъ, но вскорѣ умеръ (7 октября 1730). Фельдмаршалъ Князь М. М. Голицынъ сдѣланъ былъ президентомъ Военной Коллегіи, но тоже вскорѣ умеръ (10 декабря 1730). С. А. Салтыковъ былъ произведенъ прямо въ Генералъ-Аншефы изъ Генералъ-поручиковъ и получилъ 30 марта Андреевскую ленту.

Марта 6 произошла слѣдующая реорганизація Двора. Княгиня Татьяна Борисовна Голицына, рожд. Кн. Куракина, супруга Фельдмаршала, — Оберъ-Гофмейстерина; Бенинья Биронъ, рожд. Трейденъ, супруга камергера, Графиня

Екатерина Ивановна Головкина, рожд. Княжна Ромодановская, супруга Сенатора, Прасковья Юрьевна Салтыкова, рожд. Княжна Трубецкая, супруга оберъ-гофмейстера, и Наталья Ѳедоровна Лопухина, рожд. Балкъ, супруга Генералъ-Маіора—статсъ-дамы. Графъ Рейнгольдъ Левенвольде—Оберъ-Гофмаршалъ; С. А. Салтыковъ Оберъ-Гофмейстеръ; П. Ѳ. Балкъ-Полевъ, С. В. Лопухинъ, Князь А. Б. Куракинъ, П. С. Салтыковъ, Князь А. Д. Голицынъ и Биронъ—Камергеры: Кн. Б. Г. Юсуповъ, В. Стрѣшневъ. Баронъ Альбертъ Корфъ и фонъ-деръ-Брюкенъ—камеръ-юнкеры.

Биронъ тогда же получилъ Александровскую ленту; 23 апрѣля званіе Оберъ-Камергера съ чиномъ 2 класса; въ іюнѣ—Графскій титулъ Римской Имперіи, портретъ Германскаго императора, городъ Венденъ съ помѣстьями, а 1 октября Андреевскую ленту.

Вотъ списокъ главныхъ наградъ, розданныхъ Императрицею въ день коронаціи 28 апрѣля: Фельдмаршалу Князю М. М. Голицыну—4000 душъ; Фельдмаршалу Князю Н. Ю. Трубецкому—Андреевская лента; Генералъ-Поручикамъ Г. П. Чернышеву, П. М. Головину, И. И. Дмитріеву-Мамонову, Князю Г. Д. Юсупову и А. И. Ушакову — чинъ Генералъ-Аншефа, а послѣднему еще званіе Подполковника л. г. Семеновскаго полка и должность начальника возстановленной тогда Тайной Канцеляріи. Генералъ-поручику Князю Ю. Ю. Трубецкому, Тайному Совѣтнику Графу И. Г. Головкину и Оберъ-Шенку Графу А. М. Апраксину — чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника; Генералъ-Маіорамъ Князю Н. Ѳ. Барятинскому, Гессенъ-Гомбургскому Принцу Людвигу и К. Гохмуту—чинъ Генералъ-Поручика; Сенаторамъ Графу М. Г. Головкину и В. Я. Новосильцову—чинъ Тайнаго Совѣтника; Сенаторамъ С. И. Сукину и А. И. Тараканову — Александровскую ленту; Камеръ-Юнкеру Князю Н. Ю. Трубецкому — чинъ Генералъ-Маіора; В. Н. Татищеву—чинъ 4 класса и 1000 душъ; Князю А. Д. Кантемиру, съ братьями Матвѣемъ и Сергѣемъ и сестрою Маріею — 4000 душъ. Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Графу П. И. Мусину-Пушкину — должность Смоленскаго Губернатора.

Орелъ, 25 Февраля 1868. *М. Лонгиновъ.*

ИЗЪ ДѢЛА 1746 Г. О ПРИСВОЕНІИ ПРОФЕССОРОМЪ ТРЕДЬЯКОВСКИМЪ ЖЕНЫ ГРЕНАДЕРСКОЙ.

Сенаторъ, генералъ-адъютантъ графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, 31 Августа 1746 года, представилъ на разсмотрѣніе Военной Коллегіи, что по донесенію гренадера Невскаго гарнизоннаго полка Мадыма Беткова (изъ Башкирцевъ) жена сего послѣдняго Ентлавлета Одіокулова, оставшаяся по сдачѣ его, въ 1741 году, въ рекруты, на родинѣ въ Казанской губерніи, попалась ему, мужу, на встрѣчу въ С.-Петербургѣ и объявила, что она, по взятіи его, Беткова, въ службу, чрезъ нѣсколько времени, не знаетъ какими офицерами вывезена въ С.-Петербургъ и, назадъ тому года три, отдана ими въ подарокъ профессору С.-Петербургской Академіи Наукъ Василію Кирилову сыну Тредьяковскому, гдѣ и живетъ въ услуженіи. Поэтому гренадеръ Бетковъ и проситъ объ отдачѣ ему означенной жены его.

Военная Коллегія промеморіею своею, 22 Сентября, требовала отъ Канцеляріи Академіи Наукъ свѣдѣнія: дѣйствительно ли женка Ентлавлета находится въ услуженіи у профессора Тредьяковскаго, съ котораго именно времени и по какимъ актамъ онъ ею владѣетъ? — На это Академія, при промеморіи своей отъ 27 Октября, подписанной президентомъ оной графомъ Кириллою Разумовскимъ и членами Академіи, препроводила въ Коллегію въ оригиналѣ собственноручный отзывъ по этому дѣлу Тредьяковскаго. Отзывъ сей приводится здѣсь слово въ слово, съ соблюденіемъ самой орфографіи его:

„Въ Канцелярію Академіи Наукъ

„Отъ профессора Василья Тредіаковскаго

„Извѣстіе.

„По сілѣ сообщенной мнѣ копіи, сего Октября 10-го дня, съ журнальныя записки отъ 30 дня прошедшаго Сентября, долженъ я въ Канцелярію Академіи Наукъ подать писменное извѣстіе требуемое отъ меня, которое і подаю въ слѣдующей сілѣ.

1) Невскаго гарнізоннаго полку гранадеръ Башкірецъ Мадымъ Бетковъ бьетчеломъ, ілі доноситъ ложно, что якобы у меня імѣется въ услуженіі жена его Ентлавлетъ Одіокулова дочь, для того что я імѣю у себя съ 1742 года жонку башкирскаго народа, которая мнѣ дана на время, въ услугі женѣ моей, тестемъ моімъ протоколістомъ Філіпомъ Івановымъ сыномъ Сібілевымъ, і котораи по Башкірскі называлась Бельскі Чумаходова дочь, какъ то она сама сказываетъ о себѣ, также і мать ея родная, а не Ентлавлетъ Одіокулова, какъ гранодеръ башкірецъ ея называетъ: а нынѣ во Святомъ крещеніи съ 1740 году, іменуется она Наталья Андреева дочь, потому что воспріемникомъ ей былъ въ Самарѣ канцеляристъ Андрей Яковлевъ сынъ Яковлевъ.

2) Онъ же гранодеръ башкирецъ предлагаетъ слехка, і укрываетъ, знать что съ умысла, важное обстоятельство, говоря только просто, что она вскорѣ по взятіи его въ службу, взята ізъ Казанскія губерніі офіцерамі, а кѣмъ именно, того не знаетъ; но сіе походитъ на то, что буттобы она была прямо украдена. Однако сіе дѣлалось не такъ, какъ то мнѣ тесть сказывалъ, і какъ сіе всѣмъ бывшимъ въ городѣ Самарѣ въ 1738-мъ годѣ извѣсно: ібо помянутая жонка подлінно взята военнымі людьмі, но въ то время, когда въ тѣхъ мѣстахъ, і блізъ города Самары, бунтовалі воры-башкирцы, і поіманная вмѣстѣ съ бунтовщікамі, ізъ которыхъ многіі тамъ тогда і казнены, а вѣроятно, что і ея мужъ тутже, прівезена потомъ, съ оставшіміся послѣ вершеныхъ мужей бабамі своего народа, въ городъ Самару, гдѣ отдана помянутому моему тестю, такъ какъ і прочімъ многімъ бабы, дѣвкі, і ребята бунтовщічьи розданы по указу, въ наказаніе бунтовщікамъ, ізъ Самарскія воеводскія канцеляріі, і дана ему ізъ той канцеляріі на нея данная съ прописаніемъ башкірскаго ея імені и отчества, по которой помянутая жонка башкірскаго народа ему крѣпка, а сію данную на нея і я самъ у тестя відѣлъ і читалъ, будучи въ 1742-мъ годѣ въ Москвѣ. По сему видно, что помянутой гранадеръ-башкірецъ иклепался ложно не въ свою жену, которую онъ і подлінно прежде называлъ просто своею сестрою, какъ то не вновь водітся между одноземцамі на чужой сторонѣ: чего раді і я давалъ позволеніе имъ відѣться въ моемъ домѣ, не больше думая, какъ можетъ быть свойственнікамъ, но какъ землякамъ; а женою сталъ онъ ее называть чрезъ долгое время надумавшись, которая не могла справедліво быть его женою, для того что онъ і імені ея башкірскаго не знаетъ.

3) А хотя бы помянутая жонка і подлінно была въ башкіріи сего нынѣ гранадера жена, по магометанскому беззаконію: однако нѣтъ нігдѣ у насъ какъ правілъ Святыхъ отцовъ, такъ

і Імператорскіхъ указовъ, чтобъ Хрістіаныну (отрекшуюся отъ всего проклятаго устава магометова, слѣдовательно і отъ даннаго соізволенія къ сожітію съ мужемъ по сему богомерскому закону) прізнавать басурманскою женою, і отдавать за нечестіваго безвѣрника.

4) Но съ другой стороны, хотяжъ бы нынѣ гранадеръ-Башкирецъ і обѣщчался воспріять святое крещеніе, чего я ему і желаю; однако, помянутая жонка также бы не могла быть его женою, для того что онъ бы сіе учінілъ уже послѣ, і можетъ быть не больше для спасенія души, сколько для полученія себѣ жены, которую ему, какъ башкирцу, здѣсь сыскать трудно: а тесть мой, какъ законный ея по указу господинъ, і какъ онъ ко мнѣ нынѣ із Москвы пісалъ, не імѣетъ ні малаго намѣренія отдать ея за помянутаго гранадера башкірца, но хочетъ выдать за своего человѣка хрістіяніна, съ которымъ она свалявшись прижіла дѣвчонку: ібо прежнее башкірское совокупленіе, хотя бы і дѣйствітельно у ніхъ было, однако оно не законное, і не можетъ прямымъ бракомъ назваться, но совершеннымъ скотствомъ, для того что у ніхъ можно імѣть по трі, по четыре, і по седмі женъ, ілі справедлівѣе, незаконныхъ наложніцъ. І потому, ежелібы онъ захотѣлъ, по сілѣ своего богомерскаго закона, вклепаться здѣсь во всѣхъ седмь башкірокъ, то бы надлежало для него требовать отъ іхъ господъ всѣхъ седмі. Подлікно, былъ бы онъ богатъ, не по солдатцкімъ жівотамъ, женамі.

5) Того раді, просітель гранадеръ-башкирецъ, называетъ жонку башкірскаго жъ народа, імѣюшчуюся у меня понынѣ, женою своею ложно, і не законно. А я, съ моей стороны, безъ пріказу моего тестя, отдать ея не воленъ, не смѣю, і не долженъ, какъ формально по указу крѣпостную бабу ему тестю.“ На подлинномъ написано: „Сіе Ізвѣстіе пісалъ я Профессоръ Васілей Тредіаковскій своею рукою. Октября 13 дня, 1746 года.“

По выслушаніи такого куріознаго отзыва Тредьяковскаго, Военная Коллегія, препроводивъ, чрезъ начальство, къ гренад. Беткову копію съ онаго, требовала отъ него доказательствъ, какія онъ имѣетъ, о томъ, что названная жена ему дѣйствительно принадлежитъ?

По поводу сего требованія, отъ начальства Беткова были представлены законныя, свидѣтельскія показанія о принадлежности Беткову означенной жены его, названной по Святомъ крещеніи Натальею Андреевою. Въ исполненіе сего, въ Іюнѣ 1747 года, С.-Петербургскій Оберъ-Комендантъ Степанъ Игнатьевъ, представивъ въ Военную Коллегію формальную просьбу Бетскова о возвратѣ жены его, удерживаемой Тредьяковскимъ, объяснилъ, что при свиданіи ему, Оберъ-Коменданту, Тредьяковскій лично объявилъ, что когда гренадеръ приметъ

вѣру Греческаго исповѣданія, то и жену ему отдастъ; и что, по принятіи просителемъ этой вѣры, при чемъ онъ названъ Петромъ Петровымъ, объ отдачѣ ему той жены его былъ посланъ отъ него, Игнатьева, къ Тредьяковскому нарочный; но Тредьяковскій посланному сказалъ: „*Не отдамъ, ибо де она ему крѣпостная.*“

Наконецъ Военная Коллегія, не смотря на все упорство Тредьяковскаго, опредѣленіемъ своимъ 29 Іюля 1747 года постановила: отобрать отъ него жену гренадера Петрова Наталью Андрееву, „*безо всякихъ отговорокъ*“ и возвратить ее мужу. Объ исполненіи сего было сообщено Академіи Наукъ; а та, 20 Августа, увѣдомила Коллегію, что Андреева отдана ея мужу. Такимъ образомъ кончилось курьезное это дѣло, подлинныя бумаги котораго хранятся въ Москвѣ, въ Военномъ Архивѣ.

(*Сообщено Г. Н. Александровымъ.*)

ДВА ДОНОШЕНІЯ А. П. СУМАРОКОВА.

Г. Буличь, издавая свою книгу о Сумароковѣ (СПБ. 1854), могъ воспользоваться лишь небольшимъ количествомъ писемъ и офиціальныхъ бумагъ знаменитаго писателя, обнародованныхъ въ „Москвитянинѣ" 1841 г., I, стр. 43; 1842 г., I, стр. 144—148 (тоже въ „Литературной Газетѣ" б. Дельвига, I, стр. 223), III, стр. 120—128, IV, стр. 485—486 (тоже въ „Литературной Газетѣ, I, стр. 223) и 1843 г., I, стр. 272. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1842 г., № 5/6, стр. 91—92. Въ „Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по I-му и II-му отдѣленіямъ," I, стр. LXXXI—LXXXII, „Очеркахъ" С. Н. Глинки (снимокъ при II ч.), и „Фонъ-Визинѣ" кн. П. А. Вяземскаго, стр. 371. Кромѣ того г. Буличь самъ напечаталъ одну просьбу Сумарокова (стр. 24) и упомянулъ о неизданной его жалобѣ въ Академію Наукъ (стр. 181). Съ тѣхъ поръ обнародовано было много новыхъ писемъ, прошеній и доношеній нашего автора въ »Отечественныхъ Запискахъ" 1858 г., № 2, отд. I, стр. 391—392, „Библіографическихъ Запискахъ", I, стр. 420—435, 451—460, III, стр. 97—99, 318—320, „Русской Бесѣдѣ" 1860 г., II, отд. II, стр. 230—250, „Русскомъ Вѣстникѣ" 1861 г., № 10, стр. 320—322 (извлеченіе), »Лѣтописяхъ Русской литературы и древности," III, отд. III, стр. 59—80, IV, отд. III, стр. 30—35, „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ", I, приложеніе 1-е, стр. 29—47, „Русскомъ Архивѣ," V, стр. 100, (см. историч. сборникъ Осмнадцатый Вѣкъ, кн. I, стр. 58—62, 85, 87 и 94). Тѣмъ неменѣе источникъ этотъ остается не вполнѣ исчерпаннымъ; даже въ тѣхъ документахъ Сумарокова, которые напечатаны, напр. въ прошеніи императрицѣ Екатеринѣ, въ августѣ 1762 г., („Р. Бесѣда," 1860 г., II, отд. II, стр. 230—231), встрѣчаются ссылки на другія его письма и офиціальныя бумаги, до нынѣ неизвѣстныя. Въ одномъ сборникѣ литературныхъ произведеній и офиціальныхъ документовъ, писанномъ около 1800 года и принадлежащемъ академику А. Ѳ. Бычкову, мы встрѣтили еще два доношенія Сумарокова, дополняющія новыми подробностями характеристику его личности и общественныхъ отношеній и доселѣ неизвѣстныя въ печати. Печатаемъ ихъ съ обязатель-

наго дозволенія владѣльца рукописи. Должно замѣтить, что вообще суетливая и задорная личность Сумарокова, даже помимо его литературныхъ трудовъ, очень интересовала его современниковъ и ближайшія къ нимъ поколѣнія; списки съ его жалобъ и писемъ къ императрицѣ Екатеринѣ и другимъ лицамъ расходились по рукамъ (¹); нѣкоторыя изъ его жалобъ и въ печать попали съ такихъ списковъ. Къ числу подобныхъ копій принадлежатъ и тѣ, которыя мы нашли въ сборникѣ г. Бычкова; въ этомъ же сборникѣ помѣщена и извѣстная просьба Сумарокова къ императрицѣ Екатеринѣ съ жалобами на своихъ родственниковъ, напечатанная въ „Москвитянинѣ" 1841 г., кн. III. но къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ въ печатномъ текстѣ ея, нѣтъ указаній на годъ и мѣсяцъ ея составленія.

Первое изъ печатаемыхъ доношеній, касающееся денежныхъ обстоятельствъ Сумарокова, нуждается въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ. Денежные недостатки нашего автора начались еще тогда, когда онъ былъ директоромъ Россійскаго театра, какъ это видно изъ письма его къ императрицѣ Елисаветѣ („Библ. З.," III, стр. 518); въ то же время, когда писано наше доношеніе, Сумароковъ былъ уже уволенъ отъ должности директора и хотя состоялъ при театрѣ въ качествѣ постояннаго поставщика піесъ, съ сохраненіемъ директорскаго жалованья, но встрѣчалъ затрудненія въ полученіи его. Изъ другихъ доношеній Сумарокова видно, что удаленіе его отъ директорской должности имѣло какой-то неопредѣленный характеръ: „Я не отставленъ,—писалъ онъ Екатеринѣ въ августѣ 1762 г.; — только отъ театра, будто по желанію моему, уволенъ, и имя мое по именному указу въ военномъ спискѣ." Въ маѣ 1764 г. онъ снова обращался къ императрицѣ съ такими словами: „Я ни при военныхъ, ни при штатскихъ, ни при придворныхъ, ни при академическихъ дѣлахъ, ни въ отставкѣ. Я пріемлю дерзновеніе Вашему Императорскому Величеству принести мою просьбу, дабы мнѣ было учинено что нибудь, чтобы и жалъ, что́ и. Ежели я въ отставкѣ, такъ слѣдуетъ мнѣ чинъ, ибо я отъ графа Разумовскаго, исполняя безупречно службу мою, безъ обыкновеннаго награжденія чина отбылъ, а отъ театра такъ же, хотя сколько я Россіи по театру услуги сдѣлалъ, и вся Европа вѣдаетъ, а особливо Франція и Волтеръ" („Р. Бесѣда, 1860 г., II, отд. II, стр. 230 и 233). Обойденный по производству, Сумароковъ, какъ видно изъ печатаемаго нами документа, не получалъ и пенсіона, изустно обѣщаннаго ему императрицею Елисаветою. Въ томъ

(¹) См. объ этомъ въ «Очеркахъ» С. И. Глинки, I, стр. 128.

же доношеніи свидѣтельствуетъ онъ, что въ теченіе всего царствованія Петра III, онъ съ семействомъ существовалъ на то денежное пособіе, которое оказала его женѣ Екатерина. Выдача этого пособія объясняется тѣмъ, что первая жена Сумарокова, Іоганна Христіановна, была Нѣмка, пріѣхавшая въ Россію камеръ-юнгферой при невѣстѣ В. Кн. Петра Ѳеодоровича. Не подлежитъ сомнѣнію, что просьба Сумарокова о выдачѣ жалованія была удовлетворена, такъ какъ въ маѣ 1764 г. онъ просилъ Екатерину ужъ о прибавкѣ къ пенсіону, который пожаловала ему Елисавета („Р. Бесѣда" 1860 г., II, отд. II, стр. 236).

Л. Майковъ.

I.

Въ Правительствующій Сенатъ отъ бригадира Александра Сумарокова доношеніе.

По имянному блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны указу, подписанному собственною Ея Императорскаго Величества рукою, получалъ я опредѣленное мнѣ жалованье; а по увольненіи отъ театра, изустнымъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ оное жалованье мнѣ еще подтверждено, и по многимъ моимъ прошеніямъ Ея Величество благоволило указать выдать мнѣ жалованье безъ задержанія. Штатсъ-Конторы президентъ Шишкинъ, оказывая мнѣ всегданнія грубости и злодѣянія, находя о жалованьѣ моемъ въ имянныхъ повелѣніяхъ неясности (которыхъ не было), старался только, чтобы умедленіемъ выдачи надлежащаго мнѣ оклада лишить меня пропитанія; то ему и удалося, ибо я ни въ Банковую Контору процентовъ, ни протестованныхъ на меня векселей заплатить не могъ, а сверхъ того все мое имѣніе, закладывая, просрочилъ. Ежели бы жена моя не получила отъ Ея Императорскаго Величества милостиннаго вспоможенія, такъ бы я во все прошедшее владѣніе былъ долженъ ходить по міру. Правительствующій Сенатъ изъяснилъ то Штатсъ-Конторѣ, что въ имянныхъ указахъ написано было, ибо президентъ Шишкинъ имянные указы толковалъ неправильно, позабывъ то, что имянныхъ указовъ перетолковать не велѣно. За болѣзнью моею я въ Статсъ-Контору

не поѣхалъ; послалъ я къ господину прокурору Елагину съ прошеніемъ кописта Россійскаго театра, объявляя оному господину прокурору со всякою учтивостью, что я отъѣзжаю черезъ восемь дней въ Москву и ради того прошу о неумедленномъ жалованья моего исполненіи. Шишкинъ прогнѣвался на посланнаго отъ меня просителя и говорилъ: „Пущай онъ ѣдетъ хотя черезъ восемь часовъ; мнѣ этого не (1) жаль; здѣсь освященное мѣсто и зерцало, а президуетъ Сама Государыня; а тебя де я изъ сего священнаго мѣста выкину изъ окошка.“ Я нижайше прошу о моемъ жалованьѣ подтвердить, Шишкина отъ исканій моихъ отрѣшить. А самъ я, услышавъ таковыя наглости, что Шишкинъ уграживаетъ челобитчиковъ выкидывать изъ оконъ, и зная, что Штатсъ-Контора отъ земли гораздо высока, просить его о моемъ жалованьѣ болѣе не дерзну, потому что разбойники изъ оконъ людей выкидываютъ, а не президенты: ибо мнѣ все равно — какъ изъ освященнаго, такъ изъ неосвященнаго мѣста выкинуту быть изъ окна. А естественное право для защищенія жизни и Волтера противъ такихъ разбойниковъ оборониться позволяетъ, которые, не спрашивая, угрожаютъ людей метать изъ оконъ, не помня того, что такихъ наглостей вышнее правленіе и милосердіе государское терпѣть не могутъ; а въ освященныхъ мѣстахъ говорить должно дѣло по порученію должностей, а не наглости, за которыя предписана жестокая казнь, ибо освященныя мѣста устроены для народнаго благополучія и искорененія плутней, а не для утѣсненія честныхъ людей. Мнѣ лучше вѣчно отступиться отъ моего жалованья, нежели несносныя терпѣть гоненія отъ такого человѣка, каковъ Шишкинъ, и ради его грубости погублять все мое время, которымъ я обществу всеконечно больше Шишкина услуги сдѣлать могу, въ чемъ онъ — ежели въ немъ хотя искра благоразсужденія осталася — и самъ признается. А что я стражду, — о томъ я никогда и не усумнѣвался: злодѣй никогда ни о комъ жалости не имѣетъ, но здѣсь дѣло не о жалости, но о медленномъ исполненіи именныхъ и сенаторскихъ указовъ, какъ сего больше подозрѣнія, что онъ

(1) Въ ркпс. «не» пропущено.

просителя къ моему дѣлу грозитъ выкидывать изъ окошка; почему мнѣ кажется, что онъ сошелъ съ ума, ибо нѣтъ того ни въ Уложеньѣ, ни въ указахъ, чтобы судьямъ страждущихъ просителей и объявляющихъ нужды свои метать изъ оконъ. А сколько оное противно правосудію и человѣколюбію, и сколь велико неистовство и сумазбродство Шишкина,—оное я предаю разсужденію Правительствующаго Сената, ибо таковыхъ безобразій ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ еще не дѣлалось. А что я предлагаю истину, въ томъ я посылаюся на господина прокурора Елагина. Іюля дня, 1762 года.

II.

Главной полицымейстерской канцеляріи отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Александръ Сумарокова доношеніе.

Сего года, генваря 20-го дня взятъ былъ безвинно мой слуга, которой меня одѣваетъ и брѣетъ, подъ карауломъ, чего ради долженъ просидѣть былъ дома тотъ день и пропустить мои дѣла, ибо мнѣ во дворецъ два раза выѣхать съ моими сочиненіями было должно. Сама Съѣзжая признала, что мой слуга невиненъ, однако господинъ капитанъ Барановъ присланному моему сказалъ ругательски пословенски: „Чадо, что глаголеши, абіе аще...“ и прочее, что́ и не въ складкѣ приказномъ. Хотя мой посланной и человѣкъ государевъ, а хотя бы и мой былъ, такъ капитану Съѣзжей кощунствовать непристойно. А другой господинъ капитанъ Лукинъ прислалъ ко мнѣ капрала и требовалъ за приводъ онаго на Съѣзжую вдвое опредѣленнаго числа; однако мои люди учинили съ присланнымъ договоръ и будто сторговались, и дали капралу присланному тридцать копѣекъ. Зная положенную за приводъ цѣну, и я далъ капралу полтину въ барышахъ; но онъ того не требовалъ, и взятками того почесть нельзя. А за безвинныхъ людей ежели обыватели платить будутъ, такъ и слугъ держать не можно; я, вѣдая любленіе истины его высокопревосходительства генералъ-полицымейстера и желая, чтобы такой грабежъ дошелъ до слуха его, — о семъ нижайше доношу.

Генваря 24-го дня, 1774 года.

ВЫПИСКИ ИЗЪ АРХИВА КАНЦЕЛЯРІИ ПРИБАЛТІЙСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА (*).

IX.

О бѣглыхъ Лифляндскихъ крестьянахъ.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

По полученному въ нашемъ Сенатѣ изъ Рижской губернской канцеляріи отъ 25 января сего года обстоятельному доношенію, равно какъ и по прежнимъ изъ оной же канцеляріи въ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ полученнымъ рапортамъ о укрывающихся въ Курляндіи подданныхъ нашихъ, Лифляндскихъ бѣглыхъ крестьянахъ и о чинимыхъ къ выдачѣ оныхъ въ нашу сторону отъ Курляндскаго шляхетства (въ противность Оливскому мирному трактату) проволочкахъ и затрудненіяхъ, въ какой силѣ разсудили мы нынѣ къ пребывающему въ Митавѣ нашему министру Симолину рескриптъ съ присовокупленіемъ при ономъ проекта подаваемой имъ герцогу Курляндскому промеморіи отправить, съ оныхъ прилагаются при семъ копіи, какъ для извѣстія вашего, такъ и для того, дабы вы съ помянутымъ нашимъ министромъ Симолинымъ по сему дѣлу потребное сношеніе имѣть могли, какъ то ему и отъ насъ предписано. Данъ въ С.-Петербургѣ, марта 30 дня 1765 года. — По Ея Императорскаго Величества указу: Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

(*) См. Осмнадцатый Вѣкъ, кн. 1-я, стр. 367—425.

Копія съ рескрипта, отправленнаго въ Митаву къ дѣйствительному тайному совѣтнику и министру Симолину 30 марта 1765 года.

Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ доноситъ намъ отъ времени до времени о укрывающихся въ Курляндіи нашихъ подданныхъ бѣглыхъ Лифляндскихъ крестьянахъ, представляя притомъ, что оные, по сыску и требованіямъ ихъ помѣщиковъ, не точію не выдаются имъ отъ Курляндскаго шляхетства, въ противность заключенному въ 1660 г., между короною Шведскою и короною Польскою Олинскому мирному трактату, но и многіи тѣмъ помѣщикамъ въ тамошнихъ судебныхъ мѣстахъ подъ разными претекстами дѣлаются волокиты, а чрезъ то приключаются имъ и несносные убытки, не взирая что въ подобныхъ требованіяхъ Курляндцамъ въ Ригѣ скорое правосудіе показывается.

А какъ не безъизвѣстно намъ изъ прежнихъ Рижской губернской канцеляріи доношеній, что число бѣглецовъ изъ Лифляндіи столь велико, что многія мѣстности пришли въ разореніе, то мы, сожалѣя объ нихъ и притомъ имѣя неоспоримое право требовать выдачи нашихъ подданныхъ бѣглецовъ, за нужно разсудили послать къ вамъ при семъ заготовленный здѣсь проектъ промеморіи, которую имѣете вы, переведя на нѣмецкій языкъ, за своимъ подписаніемъ подать самому его свѣтлости герцогу, препровождая найсильнѣйшими именемъ нашимъ представленіями, чтобы онъ, чинимыми по содержанію той промеморіи о скорой и безотлагательной въ нашу сторону выдачѣ бѣглецовъ распоряженіями, оказалъ намъ особливую угодность во взаимство нашего благоволенія, которое мы стараемся при всякихъ случаяхъ ему оказывать.

О исполненіи по сему будемъ мы ожидать вашего доношенія, а между тѣмъ имѣете вы по сему дѣлу и съ генералъ-губернаторомъ Броуномъ потребное сношеніе и переписку производить, а ему отсюда сообщено уже о семъ данномъ вамъ повелѣніи нашемъ.

Проектъ меморіала, подаваемаго его свѣтлости герцогу дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и министромъ Симолинымъ.

„Въ заключенномъ въ 1660 году между короною Шведскою и короною Польскою Оливскомъ мирномъ трактатѣ между прочимъ въ артикулѣ V четвертаго параграфа о бѣглецахъ постановлено слѣдующее:

„Если изъ приведенныхъ нынѣшнею войною въ подданство найдутся и впредь находиться будутъ бѣглые люди „великаго княжества Литовскаго, Жмудскаго, Польской Лиф-

„ляндіи, Курляндіи и Семигаліи, и оные сыщутся въ Шведской Лифляндіи, то имѣютъ отданы быть ихъ помѣщикамъ „безъ всякаго судебнаго порядка со всѣми ихъ принадлежностями, что только при нихъ сыскано или ими съ собою „при побѣгѣ взято, а не при новомъ ихъ помѣщикѣ нажито будетъ; напротивъ же сего тожъ самое наблюдать надлежитъ, когда подданные Шведской Лифляндіи учинятъ побѣгъ въ великое княжество Литовское, въ Польскую Лифляндію, въ Курляндію и Семигалію и тѣ бѣглецы найдутся, то такожъ они имѣютъ быть отданы ихъ помѣщикамъ „безъ всякаго судебнаго порядка."

Согласно сему артикулу блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыня императрица Анна Іоановна въ 1731 году подтвердить изволила, что всѣ Курляндскіе и Семигальскіе бѣглецы, кои отъ Нейштатскаго мирнаго заключенія, какъ въ самомъ городѣ Ригѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ или же въ маетностяхъ и принадлежностяхъ находятся, по учиненному требованію, имѣютъ быть отданы подлиннымъ ихъ помѣщикамъ безъ всякой отговорки и изъятія, но чтобы напротивъ того и со стороны герцогства Курляндскаго и Семигальскаго равномѣрно поступаемо было.

И потому Лифляндская провинція съ своей стороны всегда не точію непремѣнное исполненіе чинила, но притомъ еще по требованіямъ Курлянцевъ о сыску и выдачѣ находившихся въ Лифляндіи ихъ бѣглецовъ употребляла стараніе и о скорѣйшемъ и безволокитномъ въ томъ удовольствіи просителей такъ, что выдача Курляндскихъ бѣглецовъ по предъявляемымъ о справедливости требованія доказательствамъ не болѣе однаго или покрайней мѣрѣ двухъ часовъ продолжалась. Подобно же сему и нынѣ поступается, но напротивъ того Россійскій императорскій дворъ съ давняго уже времени съ прискорбіемъ слышать принужденъ, сколь мало тому соотвѣтствуется со стороны Курляндскаго шляхетства, а тѣмъ меньше содержаніе вышеизъясненнаго V Оливскаго трактата наблюдается: ибо сіе шляхетство, вмѣсто показанія Лифляндскимъ помѣщикамъ по справедливымъ ихъ требованіямъ надлежащаго и немедленнаго удовольствія, недовольно что долговременныя проволочки дѣлаетъ, но большею частію и до того оными доводитъ, что Лифляндскіе помѣщики чрезъ понесеніе многихъ при выручкѣ бѣглыхъ своихъ крестьянъ убытковъ (неупоминая о трудахъ) достаютъ оныхъ на послѣдокъ равно какъ бы покупкою вновь, а недостаточные, по неснесеніи тѣхъ убытковъ, принуждены отъ требованій своихъ и совсѣмъ отказаться.

Такимъ образомъ Лифляндскіе помѣщики, отъ времени до времени безвинно лишаяся своихъ крестьянъ, а къ тому еще оные отъ нѣкоторыхъ Курляндскихъ шляхтичей будучи и подговариваемы, число сихъ бѣглецовъ нынѣ такъ умножилось, что простирается до нѣсколько тысячь человѣкъ, чрезъ что многія уже мѣстности въ Лифляндіи опустошены находятся, вмѣсто того, чтобъ оными большая часть земли, къ немалому государственнаго интереса прибытку, населена быть могла; все же сіе, сколько при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ изъ репортовъ Лифляндской генералъ-губернской канцеляріи и изъ жалобъ тамошнихъ безвинно разоряющихся помѣщиковъ извѣстно, происходитъ отъ того, что когда Лифляндскій помѣщикъ бѣглаго своего въ Курляндіи съ великими трудами и убытками отыщетъ, то долженъ онъ сперва о выдачѣ его просить помѣщика, а въ случаѣ его отговорокъ (что часто случается) искать судомъ и просить на него у крейсъ-гауптмана, который по своему произволу назначаетъ просителю терминъ, а иногда сряду три, четыре и болѣе и на коштахъ Лифляндскихъ помѣщиковъ, за неполученіемъ же бѣглаго и при томъ судѣ принужденъ Лифляндскій помѣщикъ жаловаться оберъ-гауптману, гдѣ потомужъ постановляются терминны; буде же и отъ него удовольствія не получитъ, то долженъ онъ искать справедливости въ Митавѣ у правительства Курляндскаго, а на послѣдокъ, и тамъ не получа скораго удовлетворенія, совсѣмъ отстать отъ своего требованія; что нерѣдко случаются въ томъ продлительства и волокиты отъ Курляндскихъ помѣщиковъ и нарочно для того, дабы между тѣмъ могли они бѣглыхъ Лифляндскихъ крестьянъ выслать чрезъ границу въ Литву и въ Польскую Лифляндію, гдѣ они уже какъ въ морѣ тонутъ и на вѣки избываютъ; а когда случается, что въ судебныхъ мѣстахъ просителю и справедливость оказывается, то приватные поссесоры повелѣній оныхъ не слушаютъ, какъ то многіе примѣры уже были, что не точію рескрипты Митавскаго правительства, но и королевскіе Польскіе универсалы или манифесты нималѣйшаго дѣйства не имѣли; что сверхъ того Лифляндскіе помѣщики бѣглыхъ людей своихъ въ Курляндіи безъ опасенія и отыскивать не могутъ, по причинѣ что посылаемые за тѣмъ люди почитаются за шпіоновъ и по заарестованіи многія недѣли, властно какъ злодѣи, жестоко содержутся. И хотя по таковымъ обстоятельствамъ Лифляндская генералъ-губернская канцелярія съ Курляндскимъ правительствомъ неоднократно уже сношеніе имѣла, предъявляя оному, что если вышеозначенный порядокъ, какимъ поступаютъ Курляндцы, отмѣненъ не будетъ, то и въ

Лифляндіи принуждено будетъ требованія о Курляндскихъ крестьянахъ отсылать къ земскимъ судамъ; точію и понынѣ еще ничего рѣшительнаго не получено, кромѣ того что Курляндское правительство старается еще тѣ несправедливости нѣкоторыми неосновательными резонами оправдать, предъявляя якобы дѣла о требованіи крестьянъ при тамошнемъ правительствѣ (такъ какъ въ Ригѣ) рѣшены быть не могутъ, для того что Курляндскій шляхтичь въ помѣстьи своемъ надъ всѣми подъ онымъ находящимися людьми судъ и расправу имѣетъ, чего ради Лифляндцы о крестьянскихъ своихъ требованіяхъ сперва онаго искать, а потомъ къ земскимъ присутственнымъ мѣстамъ явиться имѣютъ. — Но сіе Курляндскаго правительства неосновательное предъявленіе опровергается тѣмъ, что юрисдикція Курляндскаго шляхтича простирается только на крѣпостныхъ его людей, а Россійскіе подданные таковому суду подвержены быть не могутъ; ибо Лифляндскій дворянинъ столько же права имѣетъ надъ своими крѣпостными крестьянами, сколько Курляндскій, и когда Лифляндскій подданный права искать долженъ у Курляндскаго подданнаго, то справедливость требуетъ, чтобы Курляндскій дворянинъ въ подобныхъ случаяхъ у Лифляндскаго дворянина права искать, и въ неполученіи онаго всѣ судебныя мѣста той провинціи пройти долженствовалъ. — Помянутое же Курляндское правительство, сверхъ вышеозначеннаго, предъявляло еще въ оправданіе чинимыхъ въ тамошнихъ земскихъ присутственныхъ мѣстахъ въ выдачѣ Лифляндскихъ бѣглецовъ ихъ помѣщикамъ медлительствъ и затрудненій, что когдабъ прошенія о выдачѣ крестьянъ при оберъ-гауптманскихъ судахъ подавались отъ Лифляндцевъ по тамошнимъ земскимъ правамъ и узаконеніямъ, тобъ выдача бѣглецовъ также безъ пространства дѣлана была, какъ и въ Рижской губерніи поступается. Но и сіе Курляндскаго правительства предъявленіе за основательное отнюдь не можетъ почтено быть, потому что 1) Курляндскія земскія права и узаконенія Лифляндцамъ совсѣмъ неизвѣстны; къ томужъ 2) что оныя ту провинцію ко исполненію нимало не обязываютъ, будучи совсѣмъ противны содержанію вышеозначеннаго артикула V Оливскаго трактата, въ которомъ точно изображено, что обѣихъ сторонъ бѣглецы должны помѣщикамъ выдаваемы быть безъ всякаго судебнаго порядка; 3) что довольно извѣстно, съ какимъ медлительствомъ и затрудненіями въ оберъ-гауптманскихъ судахъ дѣла производятся и 4) что впрочемъ всѣ вышеозначенные не дѣльные Курляндскаго правительства резоны явно заключаютъ въ себѣ одно отбывательство отъ взаимной, по точному содержанію Оливскаго

трактата, выдачи въ здѣшнюю сторону бѣглецовъ, а сверхъ того еще и оскорбленіе высочайшему Ея Императорскаго Величества двору наносится, что подданные Ея за тѣмъ не могутъ въ требованіяхъ своихъ о выдачѣ бѣгленовъ скораго удовольствія получать, что они, при подачѣ своихъ прошеній при оберъ-гауптманскихъ судахъ, не послѣдуютъ земскимъ ихъ правамъ и узаконеніямъ.

Въ разсужденіи показанныхъ обстоятельствъ нижеподписавшійся Ея Императорскаго Величества дѣйствительный статскій совѣтникъ и акредитованный министръ получилъ точное и имянное повелѣніе представить его свѣтлости герцогу, что когда въ Лифляндіи скорое показывается правосудіе Курляндцамъ выдачею сыскиваемыхъ ими бѣглецовъ, то справедливость требуетъ, чтобы и Лифляндцамъ въ Курляндіи такое же правосудіе показываемо было; что отсылка Лифляндскихъ истцовъ къ собственному у Курляндскихъ помѣщиковъ иску не можетъ быть вмѣстна по трактату Оливскому, какія бы впрочемъ ни были права Курляндскихъ помѣщиковъ: ибо не могутъ оныя больше дѣйствительны быть и распространяться, какъ только собственно между Курляндцами; что трактаты, заключаемые между государями и ихъ самихъ обязывающіе, не могутъ зависимы быть отъ правъ и преимуществъ партикулярныхъ людей, и что сила обязательствъ ихъ должна всегда непремѣнною оставаться; что потому весьма справедливо, какъ и нужно, для сохраненія въ сосѣдствѣ добраго согласія, дабы его свѣтлость герцогъ сократилъ у себя въ такомъ дѣлѣ, которое точно трактатомъ опредѣлено, судебный порядокъ и вмѣсто того изволилъ бы принять такія мѣры, чтобы Лифляндскіе истцы, адресуясь прямо къ высшему правительству, могли находить тамъ скорое и безотговорочное, по справедливымъ ихъ искамъ, удовлетвореніе, и что Ея Императорское Величество ожидаетъ того непремѣнно, какъ во взаимство оказываемаго завсегда къ его свѣтлости своего благоволенія, такъ точно и въ слѣдствіе Оливскаго трактата."

Какія послѣдствія имѣлъ этотъ меморіялъ — не знаемъ; можетъ быть, выдачи бѣглецовъ изъ Курляндіи начали производиться скорѣе и безъ обычныхъ волокитъ, но тѣмъ не менѣе побѣги Ливонскихъ крестьянъ не прекращались во все продолженіе XVIII столѣтія. Латышъ бѣжалъ въ Курляндію и Польшу, Эстонецъ, точно также какъ Русскій крестьянинъ, искалъ спасенія отъ всякаго рода тягостей въ бѣгствѣ въ Польшу, въ Башкиры, въ Запорожье и въ расколъ. — „Такъ нашими крестьянами удовольствуемъ не только Польшу, но и собственныхъ своихъ злодѣевъ," писалъ

Меньшиковъ еще въ 1726 году. — Причины, побуждавшія крестьянъ къ побѣгамъ, были совершенно вѣрно указаны графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ въ началѣ царствованія Екатерины II. Причины эти были одинаковы какъ для крестьянина Русскаго, такъ и Ливонскаго, главнѣйшею же была, выражаясь словами Панина: „ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть съ выступленіемъ, въ роскоши, изъ всей умѣренности, въ сборахъ съ подданныхъ своихъ собственныхъ податей и употребленіемъ оныхъ въ работы, не только превосходящія примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько у многихъ выступающія и изъ сносности человѣческой.“

X.

О Степанѣ Маломъ.

Божіею милостію, Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская, и пр., и пр., и пр.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Съ нѣкотораго времени проявился въ Черной Горѣ, между тамошнимъ дикимъ, въ невѣжествѣ погруженнымъ и къ грабительствамъ склоннымъ народомъ, бродяга, называющійся покойнымъ императоромъ Петромъ III, а иногда Степаномъ Малымъ (1). — Сей обманщикъ, недовольствуясь тѣмъ, что нашелъ себѣ у Черногорцевъ прибѣжище и шайку, съ которою начавъ уже грабить купецкіе караваны, издумалъ еще по сей первой удачѣ распространить даже неистовый свой умыслъ разсылкою отъ себя въ разныя стороны эмисаровъ.—Нѣкоторые изъ нихъ адресовались письмами своими къ нашему въ Вѣнѣ полномочному министру князю Голицыну (2), и какъ изъ сихъ писемъ (съ коихъ для лучшаго вамъ объясненія прямыхъ обстоятельствъ точныя копіи здѣсь прилагаются) и другихъ окрестностей съ вѣроятностію судить можно, что подобные эмисары отъ самозванца

(1) См. Русскую Бесѣду 1860 г. I, 15—50, ст. Д. Мордовцева: «Самозванецъ Степанъ Малый,» гдѣ указано на всеславянскія притязанія этого самозванца.

(2) Генералъ-поручикъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и дѣйствительный камергеръ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ былъ посломъ въ Вѣнѣ съ 1762 по 16 мая 1792 г. Онъ основалъ въ Москвѣ извѣстную Голицынскую больницу. Скончался въ Парижѣ 19 сентября 1793 года.

и въ Россію присланы будутъ, а можетъ быть покусится онъ и самъ въ границы наши выѣхать, то для упрежденія всякаго отъ нихъ разврата всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ:

1) Всѣхъ съ полученія сего указа въ границы пріѣзжающихъ прилежно осматривать и распрашивать о намѣреніи и причинѣ ихъ пріѣзда.

2) Тѣхъ, кои при въѣздѣ окажутся вовсе не сумнительны, не задерживая, допускать жить гдѣ пожелаютъ, съ увѣдомленіемъ тамошнихъ командировъ, чтобъ продолжали за ними подъ рукою и непримѣтнымъ образомъ всевозможный присмотръ, дабы временемъ чего не открылось.—Сіе однакожь далѣе распространяться не должно, какъ только до людей мелкаго состоянія; знатныхъ же и достаточныхъ столько примѣчать совсѣмъ нужды нѣтъ, ибо ни самый тотъ самозванецъ, ни народъ, въ которомъ онъ себя представляетъ, не такого состоянія и свойствъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ знатнымъ образомъ куда отправиться могъ. Напротивъ чего,

3) Такихъ, кои при первыхъ допросахъ не покажутъ ясныхъ пріѣзда своего причинъ, велѣть задерживать и осматривать всѣ ихъ бумаги, и когда въ оныхъ ничего предосудительнаго не откроется, содержать однакожь подъ руками, до полученія отсюда изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ резолюціи.

4) Самыхъ сумнительныхъ при первомъ въѣздѣ, или же послѣ разговорами и поступками своими въ сумнѣніе приводящихъ, немедленно арестовать подъ другими приличными предлогами, и сколько можно безъ всякой въ публикѣ огласки, а по арестѣ присылать сюда съ обстоятельными о сумнѣніяхъ изъясненіями.

5) Всѣ предосторожности предпочтительно устремить на выходцевъ такихъ народовъ, кои съ Черногорцами имѣютъ сходства и живутъ съ ними въ близости, а особливо на поповъ и старцевъ тамошняго края, которыхъ послѣднихъ надлежитъ уже безъ всякихъ обрядовъ (но безъ насильства однакожь) тотчасъ при въѣздѣ въ границы забирать подъ караулъ, прилежно распрашивать и разсматривать всѣ ихъ бумаги, отдавая по такомъ разсмотрѣніи тѣхъ, кои не сумнительны останутся, до времени на житье въ какой либо

монастырь, гдѣ однакожъ продолжительно за словами и поступками ихъ наблюдать, а напротивъ того присылая сюда немедленно тѣхъ, кои хотя нѣсколько подозрительны окажутся.

Нѣжность и важность дѣла требуетъ, чтобы въ исполненіи сего нашего повелѣнія поступали вы съ осмотрительностію и усердіемъ, принимая сами на себя трудъ распрашивать въѣзжающихъ и свидѣтельствовать ихъ званіе, по которому уже и о прочемъ нѣсколько судить можно будетъ. Не сумнѣваюсь же, что въ одномъ и другомъ не упустите вы собою ничего и что дѣло поведете съ пристойными осторожностями, дабы никогда напрасной огласки быть не могло.—Данъ въ С.-Петербургѣ, марта 14 дня 1768 года (*).

По имянному Ея Императорскаго Величества указу (подписали): графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

Къ указу сему приложены:

Переводъ съ письма, полученнаго въ Вѣнѣ чрезъ почту 16/27 февраля изъ Митровиціи отъ 31 января 1768, писаннаго къ полномочному министру князю Голицыну отъ нѣкоего Черногорскаго нижеозначеннаго архимандрита.

„Сіятельнѣйшій князь, Ея Императорскаго Величества господинъ кавалеръ и тайный совѣтникъ, мнѣ же многомилостивый государь!

Желая вашему сіятельству отъ Господа Бога добраго здравія, даю притомъ знать въ извѣстіе вашему сіятельству, что я нижеподписавшійся посланъ отъ его императорскаго величества Петра Ѳеодоровича, подъ именемъ Степана Малаго теперь въ Черногоріи находящагося, съ грамотою къ ихъ королевско-императорскаго величества Двору; а особливо имѣю я врученной мнѣ указъ предъявить вашему сіятельству, который скоро отдать надлежитъ; однакожъ я нынѣ удержанъ за ослушаніемъ мнѣ въ Цесарскихъ областяхъ чинимымъ, а къ слѣдованію въ пути мнѣ еще много дней надобно.

И такъ прошу ваше сіятельство мнѣ отъ ихъ королевско-императорскихъ величествъ скорое повелѣніе исходатайствовать, чтобъ я послѣ виновенъ не былъ. — И за тѣмъ, препоручая себя въ великую вашу милость, остаюсь вашего сіятельства, Пекскаго и Патріаршаго монастыря и послан-

(*) То есть вскорѣ по возвращеніи нашего двора изъ Москвы, гдѣ происходили засѣданія Коммиссіи объ Уложеніи, и передъ началомъ первой войны съ Турціею. Политическія затрудненія, вызванныя завистливою Европою, принудили наше правительство пріостановить важное дѣло законодательства. *П. Б.*

никъ Ихъ Величества Степана Малаго, нижайшій богомолецъ архимандритъ Аввакумъ."

На письмѣ семъ приписано:

„Находящійся въ Вѣнѣ Греческій купецъ Михаилъ Зубанъ, чрезъ котораго получено изъ Землина первое нижеслѣдующее письмо отъ Черногорскаго архимандрита Григорія Дрекаловича, объявилъ полномочному въ Вѣнѣ министру, что онъ изъ помянутаго города Землина получилъ слѣдующее извѣстіе:

Нѣкоторый архимандритъ, прибывъ изъ Черной Горы въ пограничное Склавонійское мѣстечко, называемое Дмитрица, хотѣлъ видѣть тамошнихъ начальниковъ для отдачи привезенныхъ имъ писемъ, но какъ тѣ начальники были тогда въ отлучкѣ, то онъ оставилъ письма въ ихъ домахъ, взявъ росписку съ людей, коимъ оныя отъ него отданы, оттуда препровожденъ онъ тремя солдатами до Землина и тамо допрашиваемъ былъ отъ коменданта, которому наконецъ отдалъ онъ письма съ Сербскими надписями и за большими печатями, и требовалъ притомъ, чтобы оныя немедленно въ Вѣну отправлены были.

Тотъ же архимандритъ публично тамъ разсказывалъ, что Россійскій императоръ Петръ III былъ въ Черной Горѣ, но уже оттуда поѣхалъ въ Россію, что онъ съ нимъ вмѣстѣ обѣдывалъ, и что истина сего дѣла чрезъ 15 дней откроется.

Того жъ дня, въ который рѣченной архимандритъ пріѣхалъ въ Землинъ, еще три монаха изъ Черной Горы тудажъ прибыли, и все вышеобъявленное подтвердили."

*

Переводъ съ Сербскаго письма къ генералъ-поручику и обрѣтающемуся въ Вѣнѣ полномочному министру князю Голицыну отъ Черногорскаго архимандрита Григорія Дрекаловича, писаннаго изъ Землина февраля 9 дня сего 1768 года, а въ Вѣну полученнаго чрезъ Греческаго купца Михаила Зубана $^{16}/_{27}$ того же мѣсяца.

„Сіятельнѣйшій князь! Отправилъ меня Степанъ Малый, который нынѣ находится въ Черной Горѣ, съ секретомъ словесно и письменно вашему сіятельству объявить теперь; отсюда выѣхать не могу, ибо нахожусь въ карантинѣ въ Землинѣ, и имѣю великую нужду къ вамъ прибыть: слово имѣю до вашего сіятельства и до Двора. Извольте сдѣлать, милостивый государь, чтобъ поспѣшно было мнѣ что скорѣе пріѣхать къ вамъ: какъ сами знаете, нужда великая Степану Малому."

*

Переводъ съ другаго письма къ вышереченному князю Голицыну отъ тогожъ архимандрита, писаннаго изъ тогожъ города и тогожъ числа, а въ Вѣнѣ полученнаго чрезъ Булгарскаго купца Стояна Поповича февраля $^{17}/_{28}$ числа 1768 года.

„Отъ Малаго Степана, который нынѣ въ Черной Горѣ находится, посланъ я къ вамъ со словомъ и секретомъ, но сего учинить мнѣ не можно, не видѣвши васъ и не подавъ въ собственныя вашего сіятельства руки, а теперь нахожусь въ карантинѣ. Малому жъ Степану велика нужда нынѣ, и надобно прежде ее объявить; для того прошу повелѣть къ вамъ пріѣхать что скорѣе, чтобъ вы секретъ Малаго Степана приняли и всея Черныя Горы вашихъ слугъ, находящихся въ великомъ страху."

Божіею милостію, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и пр., и пр., и пр. Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Въ реляціи вашей отъ 19 числа прошедшаго марта усмотрѣли мы, какое учинили вы, по имянному нашему рескрипту, отъ 14 числа того же марта, распоряженіе о примѣчаніи за пріѣзжими изъ-за границы людьми. Мы оное ваше распоряженіе апробуемъ. Что же касается до живущихъ въ Польшѣ близко здѣшнихъ границъ благочестивыхъ монаховъ, кои приходятъ въ Ригу для собиранія добровольныхъ подаяній, то они, имѣя великую разницу отъ Черногорцевъ и не будучи ихъ сосѣди, за сумнительныхъ признаваемы быть не могутъ. И такъ имѣете вы ихъ по прежнему пропускать въ Ригу и назадъ, исключая только тѣхъ между ими, кои особливо подозрительными окажутся. Данъ въ С.-Петербургѣ, апрѣля 14 дня 1768 года.

По Ея Императорскаго Величества указу (подписали): графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

XI.

Рескрипты, указы и распоряженія Екатерины II на имя Лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна по дѣламъ, касающимся Польши.

1.

О монахинѣ Лукзѣ фонъ Эссенъ (1).

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ Рижской губернской канцеляріи.

---

(1) Изъ дѣлъ Канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (№ 1, 1762 г.).

Находящійся здѣсь Польскій коронный мечникъ князь Любомирской письменно далъ знать, что тому болѣе года какъ постриженная въ Кульмскомъ монастырѣ (2) монахиня, именуемая Луиза фонъ Эссенъ, будучи подговорена находившимся тогда въ Россійской арміи квартирмейстеромъ Крономъ, тайно ушла за нимъ въ Эльбингъ, а оттуда въ Кенигсбергъ, послѣ чего отослалъ онъ ее изъ сего послѣдняго города въ Ригу, и нынѣ находится у одного вдовца, называемаго Гунта фонъ Залеса, разстояніемъ отъ Риги въ 2-хъ миляхъ; и просилъ онъ князь Любомирской именемъ епископскаго собранія, дабы оную монахиню у означеннаго фонъ Залеса заарестовать и отдать ее тому, кто отъ Кульмскаго епископа для отвезенія ея обратно въ монастырь присланъ будетъ. А понеже неизвѣстно, подлинно ли оная монахиня у упомянутаго Гунта фонъ Залеса находится, того ради надлежитъ отъ Рижской губернской канцеляріи безъ разглашенія и подъ рукою навѣдаться, подлинно-ли она у Залеса живетъ, и буде у него, то искусно ей присовѣтовать, чтобы она за границу выѣхала, а между тѣмъ обо всемъ сюда доносить. Подписалъ князь Александръ Голицынъ. Въ Москвѣ, 28 ноября 1762 года.

Во исполненіе сего указа Броунъ донесъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 23 ноября 1763 г. за № 2094, что Луиза фонъ Эссенъ, по присовѣтованіи ей выѣхать за границу, удалилась изъ Риги въ Курляндію, тамъ вышла за мужъ за бухгалтера Рижской губернской камеры Баумгартена и съ мужемъ воротилась въ Ригу; что епископъ неоднократно уже писалъ объ ней, и въ послѣднемъ письмѣ требуетъ неотступно, дабы ее подъ карауломъ къ нему выслать и хотя „я, говоритъ Броунъ, отвѣтствовалъ ему епископу, что объ ней никакого извѣстія гдѣ живетъ не имѣю, но сомнѣваюсь, чтобы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ не возобновилъ бы онъ, епископъ, то свое требованіе прямо къ Ея Императорскому Величеству: то въ разсужденіи сего ей было подъ рукою сказано, чтобы она куда нибудь отлучилась, но она на то не согласилась и подала челобитную на имя Ея Императорскаго Величества, прося представить оную Государынѣ Императрицѣ.“

Челобитная эта была приложена къ донесенію. Въ ней Луиза Элеонора фонъ Эссенъ излагаетъ, что она Лифлянд-

---

(2) Кульмъ, по польски Холмно, ниже Торна, по теченію Вислы.

ская дворянка, что дѣдъ ея родомъ съ острова Эзеля, отецъ же находился въ Польской военной службѣ и умеръ майоромъ, что отецъ и мать ея были лютеране и что она сама была лютеранкою до 11-ти лѣтняго своего возраста. По смерти отца мать ея вышла за мужъ за Польскаго дворянина римско-католической вѣры, и, чрезъ лукавство вотчима и тетки (католички же) была отвезена въ Кульмъ въ Бенедиктинскій монастырь, гдѣ безъ вѣдома и дозволенія родной матери была приведена къ римско-католическому закону и пострижена монахинею. „Придя въ возрастъ, продолжаетъ просительница, я желала возвратиться къ своей природной вѣрѣ и, когда Русскія войска вошли въ Пруссію, я нашла случай оставить монастырь и возвратиться на родину въ Лифляндію къ своимъ родственникамъ. Когда послѣдовалъ указъ въ Лифляндскую генералъ-губерн. канцелярію, чтобы меня выдать Кульмскому монастырю, я ушла въ Курляндію и вступила въ бракъ съ нынѣшнимъ моимъ мужемъ, дабы отъ поисковъ Кульмскаго епископа и монастыря освободиться. Хотя я и вышла за мужъ за подданнаго Ея Императорскаго Величества и въ службѣ Ея состоящаго, но однако онъ, Кульмскій епископъ, для сатисфакціи своего закона неотмѣнно выдачи моей требуетъ, и я въ крайней опасности и страхѣ живу, если оный монастырь меня получитъ въ свою власть. При такихъ обстоятельствахъ и при беременности, никакого другого спасенія не имѣю, какъ пасть къ стопамъ Ея Императорскаго Величества и просить всевышней милости о недозволеніи отнять меня отъ моего мужа.“

На прошеніе это Государыня Императрица отвѣтствовала немедленно:

Господинъ генералъ Броунъ. Изъ приложенной при семъ челобитной усмотрите, въ какомъ утѣсненіи находится отъ католицкаго закона подданная наша дворянка Луиза Элеонора фонъ Эссенъ, и ежели обстоятельства ея таковы, то мы чрезъ сіе повелѣваемъ указъ прежде данной о выдачѣ ея обратно, откуда бы оной ни былъ, вовсе уничтожить и помянутой женщины не отдавать, а въ случаѣ требованій какихъ либо отъ епископа Кульмскаго дать знать ему письменно, что оная женщина закономъ и подданствомъ какъ сама по себѣ, такъ и по мужѣ своемъ нынѣшнемъ, намъ принадлежитъ и потому выдана никогда быть не можетъ. Екатерина. Въ Царскомъ Селѣ, ноября 26 дня 1763 г.

Вслѣдъ за симъ генералъ Броунъ получилъ и слѣдующій указъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ:

„Указомъ Ея Императорскаго Величества изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 23 ноября прошлаго года хотя и велѣно было Рижской губернской канцеляріи отлучившейся изъ Польши изъ Кульмскаго монастыря монахинѣ, именуемой Луизѣ фонъ Эссеной, по причинѣ требованія выдачи ея въ Польшу въ помянутой монастырь присовѣтовать, чтобы она за границу выѣхала, но тогда о прямыхъ ея обстоятельствахъ и что она Россійская подданная извѣстно не было. А какъ нынѣ изъ прописанной при рапортѣ вашемъ отъ 23 минувшаго ноября челобитной помянутой Луизы усмотрѣно, что она не токмо здѣшняя подданная изъ дворянской фамиліи и въ лютеранскомъ законѣ рождена и воспитана, но и вотчимомъ ея въ тотъ монастырь отдана по одинадцатому году и безъ вѣдома и противъ воли родной своей матери всякими обманами и принужденіями въ католической законъ приведена и въ монахини пострижена, да и что по полученіи нынѣ паки своей вольности вышла она по природному лютеранскому своему закону за мужъ за здѣшняго жъ подданнаго, слѣдовательно ни божескій, ни естественный законъ не дозволяетъ ее съ мужемъ разлучить, и въ Польскую сторону на истязаніе выдать: то по сему и дѣйствительно не надлежитъ вамъ ее выдавать, хотя бы и требованіе отъ Кульмскаго епископа къ вамъ было, а отвѣтствовать ему, что ее, яко Россійскую подданную, рожденную въ лютеранскомъ законѣ и находящуюся уже въ замужествѣ, выдать не можно, да и не дозволяютъ того никакія, ни духовныя, ни свѣтскія правы. Указъ же о ея выдачѣ, на который Кульмскій епископъ ссылается, вы можете тѣмъ оговорить, что тогда обстоятельства сей женщины извѣстны не были, и отъ кого онъ былъ данъ, о томъ имѣете увѣдомить коллегію иностранныхъ дѣлъ.' Подписали: Н. Панинъ и князь А. Голицынъ. Въ С.-Петербургѣ, декабря 10 дня 1763 г."

2

Указъ нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Прилагая при семъ знаки ордена Св. Александра Невскаго, повелѣваемъ мы вамъ вручить оныя королевскому Польскому камергеру графу Гуровскому (¹), сколь скоро онъ

(¹) Король Августъ III умеръ 5 октября 1763. Польскіе вельможи раздѣлились на двѣ партіи: русскую (Чарторыйскія) и саксонскую (Браницкій, князь Гадзивилъ и графъ Потоцкій). Гуровскій принадлежалъ къ партіи Чарторыйскихъ. Объ немъ Сальдернъ писалъ въ 1771 г. Императрицѣ: «Маршалъ Литовскій Гуровскій хитрый человѣкъ, съ разумомъ, но безъ искры честности. Я буду имѣть въ немъ нужду для развѣдыванія чужихъ тайнъ и мыслей.»

прибудетъ отсюда въ Ригу, препровождая пристойными увѣреніями о высочайшемъ нашемъ къ нему благоволеніи и о надеждѣ, которую мы имѣемъ, что онъ сію нашу милость всегда съ благодарностію признавать и заслуживать стараться будетъ. Екатерина. Князь А. Голицынъ. Въ С.-Петербургѣ, октября 25 дня 1763 г.

3.

Секретно.

Указъ нашему генералу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Увѣдомились мы съ надежной стороны, что нѣкоторые изъ противнымъ намъ Поляковъ стараются отдать въ Ригѣ на аренду принадлежащія въ Литвѣ Виленскому воеводѣ князю Радзивилу экономію Шавельскую и маетность Биржескую, для полученія чрезъ сей способъ впередъ знатной суммы наличныхъ денегъ. Но понеже сіи деньги, судя по превратнымъ и зловреднымъ намѣреніямъ и поступкамъ тѣхъ Поляковъ, не могутъ ни къ чему иному предопредѣлены быть, какъ единственно къ опорствованію нашихъ видовъ, кои собственное отечества ихъ благополучіе за первый предметъ имѣютъ, то и не можемъ мы допустить, чтобы подданные наши, хотя по невѣдѣнію и безвинно, могли участвовать въ томъ зломъ умыслѣ: и для того повелѣваемъ вамъ, развѣдавъ пристойно и подъ рукою о подлинности помянутаго слуха, употребить всевозможныя мѣры къ недопущенію, чтобы эмисары противниковъ могли предъуспѣть въ намѣраемой своей негоціаціи, наблюдая однако, дабы такое недопущеніе согласовало во всемъ съ обычаями и привилегіями города Риги, чрезъ что самое окажете вы намъ сугубую услугу. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 19 декабря 1763 г.

4.

Секретно.

Указъ нашему генералу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну (1).

(1) Александръ Никитичъ Вильбоа, младшій сынъ контръ-адмирала Россійскаго флота Никиты Петровича (коего автобіографія помѣщена въ Р. Арх., 1867, стр. 1113 и д.) былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ съ 1762 по 1765 г. Предшественникомъ его былъ генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, а преемникомъ, съ 1765 г., генералъ-поручикъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, управлявшій артиллеріею до 1784 года. А. Н. Вильбоа умеръ 29 января 1781 года.

Повелѣли мы нашему генералъ-фельдцехмейстеру Вильбоа заготовить въ Ригу въ самой скорости 400 солдатскихъ ружей и столько же паръ пистолетовъ и отдать оныя въ въ вашу диспозицію, а вамъ повелѣваемъ, принявъ тѣ ружья и пистолеты, содержать скрытно до тѣхъ поръ, пока присланъ будетъ къ вамъ для пріему ихъ отъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и полномочнаго въ Варшавѣ посла графа Кейсерлинга нарочный Польскій комиссаръ, которому и имѣете вы отдать ихъ всѣ. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 19 декабря 1763 года.

5.

Секретно.

Указъ нашему генералу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Даннымъ отъ сего числа указомъ повелѣли мы нашему генералъ-фельдцехмейстеру Вильбоа отдать въ диспозицію вашу, сверхъ прежняго числа, вновь еще 200 ружей и 200 паръ пистолетовъ, которыя имѣете вы, принявъ, отпустить присылаемому къ вамъ Польскому комиссару отъ находящагося нынѣ при дворѣ нашемъ Литовскаго Польскаго писаря графа Огинскаго (¹). Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 24 декабря 1763 года.

6.

Указъ господину генералъ-губернатору Броуну.

Получено здѣсь извѣстіе, что, назначенный къ здѣшнему императорскому двору отъ всей Республики Польской съ нотификаціею о кончинѣ короля Польскаго, посланникъ, Лелювскій староста графъ Лубенскій дѣйствительно въ путь свой чрезъ Кенигсбергъ сюда отправился. А какъ неизвѣстно, сколько надобно для проѣзду его приготовить подставныхъ подводъ, то имѣете вы отправить отъ себя на встрѣчу къ нему одного оберъ-офицера, препровождая его краткимъ письмомъ, въ которомъ можете освѣдомиться, сколько на-

(¹) Того самаго, который въ послѣдствіи былъ гетманомъ Литовскимъ, передался на сторону конфедератовъ, думалъ было поднять на Русскихъ всю Литву, но, на голову разбитый Суворовымъ 11/22 сентября 1771 года при Столовичахъ, бѣжалъ въ Кенигсбергъ. Имѣнія Огинскаго (6 т. душъ крестьянъ) были пожалованы князю Н. В. Репнину, но Репнинъ весь доходъ съ этихъ имѣній (22 т. руб.) предоставилъ Огинскому до смерти его.

добно для него приготовить почтовыхъ лошадей, посылаемый же офицеръ можетъ при немъ ѣхать до Риги. По полученіи такаго отъ графа Лубенскаго извѣстія, надлежитъ вамъ немедленно учинить распоряженіе о приготовленіи по станціямъ потребныхъ подводъ, сообщая о томъ отъ себя въ Нарву. Для пріѣзду же его въ Ригу приготовить способную и удобную квартиру и пристойной караулъ, а при отъѣздѣ изъ Риги надлежитъ отправить съ нимъ того же офицера, котораго на встрѣчу къ нему пошлете, выдавъ ему на дачу прогоновъ за всѣ подводы потребное число денегъ на счетъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; когда же означенный посланникъ въ Ригу пріѣдетъ, о томъ имѣете немедленно съ нарочною штафетою въ оную коллегію донести. Генваря 14 дня 1764 г. Подписали: Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

7.

Указъ нашему генералу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Для нѣкоторыхъ статскихъ резоновъ разсудили мы за нужное сдѣлать нынѣ въ городѣ нашемъ Ригѣ такое учрежденіе, чтобъ какъ никто изъ тамошнихъ купцовъ или ружейныхъ мастеровъ не принималъ на себя безъ вѣдома и позволенія вашего чужестранныхъ коммиссій закупать и отправлять за границу ружей, такъ и иногородные купцы въ проѣздахъ своихъ чрезъ Ригу съ ружьями же равному правилу неотмѣнно подвержены были. И для того предписываемъ вамъ не только сей указъ надлежащимъ образомъ публиковать, дабы никто невѣдѣніемъ отговариваться не могъ, но и въ таможнѣ и на заставахъ потребныя принять мѣры осторожности.— Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 14 февраля 1764 г.

8.

Секретно.

Указъ нашему генералу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Изъ другаго при семъ слѣдующаго указа нашего (который пристойнымъ образомъ въ Ригѣ обнародовать надлежитъ) усмотрите вы, что мы разсудили продажу тамъ и вывозъ чрезъ оной городъ изъ другихъ мѣстъ за границу ружей ограничить такимъ образомъ, дабы на то никто изъ

купцовъ или ружейныхъ мастеровъ собою безъ вѣдома вашего поступить не могъ.

Причина сей резолюціи нашей — полученная здѣсь вѣдомость, что нѣкоторые изъ противныхъ намъ Поляковъ, по недостатку въ собственной ихъ землѣ ружейныхъ фабрикъ, намѣрены запасаться оными въ городахъ нашихъ; но какъ исполненіе сего ихъ намѣренія не можетъ для интересовъ нашихъ безвредно быть, то разсудили мы за нужно поручить вамъ употребленіе всевозможныхъ вопреки осторожностей, объявляя вамъ здѣсь имена противниковъ нашихъ, которые суть: фамилія князей Радзивиловъ, фамилія Пацъ, фамилія графовъ Сапѣгъ, фамилія Абрамовичей, Цѣхоновецкіе, Забѣлло, Володковичь, Богушъ, Струцъ, Ржевускій, хорунжій Литовскій и Брестовскій староста Быстржыцкій, дабы вы, зная объ нихъ точно, на нихъ однихъ и запрещеніе при случаяхъ секретно распространять могли, дозволяя напротивъ того секретнымъ же образомъ всѣмъ преданнымъ намъ Полякамъ покупать и вывозить столько ружей, сколько имъ угодно будетъ.

Отъ генералъ-фельдцехмейстера нашего Вильбоа будетъ нынѣ вновь отдано въ диспозицію вашу 50 карабиновъ, 50 паръ пистолетовъ и столько же сабель или палашей, которые, принявъ, имѣете вы секретно отдать присылаемому къ вамъ за ними человѣку Литовскаго Польнаго писаря Тизенгаусена. — Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 14 февраля 1764 г.

9.

Секретно.

Милостивый государь мой Юрій Юрьевичь! Отъ министровъ Ея Императорскаго Величества въ Варшавѣ находящихся, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Кейзерлинга и генералъ-майора князя Репнина, получено здѣсь извѣстіе, что они для службы и интересовъ Ея Величества дали отъ себя епископу Виленскому Масальскому ассигнацію въ 10 тысячь червонныхъ на имя вашего высокопревосходительства (1).

---

(1) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (род. 11 марта 1734, умеръ 12 мая 1801 г.) былъ назначенъ въ помощь Кейзерлингу 11 ноября 1763. 7 сентября 1764 г. Станиславъ Понятовскій избранъ на Польскій престолъ. Въ сентябрѣ же 30 числа 1764 Кейзерлингъ умеръ, и Репнинъ остался одинъ.

Я не оставилъ тотчасъ донести о семъ обстоятельствѣ Ея Императорскому Величеству и теперь имѣю честь объявить вамъ Высочайшее Ея Величества соизволеніе, чтобъ ваше высокопревосходительство, принявъ сію ассигнацію, дѣйствительно по ней и платежъ безъ замедленія учинить велѣли, употребляя на обмѣнъ червонныхъ наличныя въ казнѣ деньги, или же занимая такое число у тамошнихъ купцовъ, которымъ конечно скорый возвратъ учененъ будетъ.

Какимъ образомъ исполните ваше высокопревосходительство сіе высочайшее повелѣніе, буду ожидать въ свое время увѣдомленія, ибо по оному имѣетъ быть распоряженъ отправляемый къ вамъ послѣ о сихъ деньгахъ имянной указъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ пребуду я всегда, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства всепокорный и всепослушный слуга Н. Панинъ. Въ С.-Петербургѣ, 10 марта 1764 г.

За этимъ письмомъ послѣдовалъ секретный указъ Броуну:

Вслѣдствіе письма, которымъ нашъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Панинъ далъ вамъ предварительно знать о высочайшемъ нашемъ соизволеніи, чтобы выданную на имя ваше епископу Виленскому Масальскому отъ нашихъ въ Варшавѣ министровъ графа Кайзерлинга и князя Репнина ассигнацію въ десять тысячь червонныхъ не только акцептовали, но дѣйствительно платежъ по оной учинили (употребляя на то деньги изъ наличныхъ въ казнѣ нашей, или же занимая такое число у котораго ни есть изъ тамошнихъ купцовъ) повелѣваемъ мы чрезъ сіе означенную сумму $\frac{10}{т.}$ червонныхъ, если оная изъ казны заплачена, въ расходъ записать, а инако, если у кого изъ купцовъ занята была, возвратить немедленно заимодавцу изъ наличныхъ въ казнѣ нашей денегъ, ставя ихъ въ одномъ и другомъ слу-

---

Онъ пробылъ въ Польшѣ министромъ до іюня 1769. Вотъ отзывъ Сальдерна о Масальскомъ:

„Епископъ Виленскій, князь Масальскій, человѣкъ тонкаго и хитраго разума, но такъ вѣтренъ, какъ Французскій аббатъ, петиметръ, надутый въ тоже время своими достоинствами и дарованіями, стремящійся къ пріобрѣтенію важнаго значенія въ странѣ, желающій возвыситься съ паденіемъ Чарторыйскихъ. Надежда собрать сильную партію привлекла его въ нашей сторонѣ. Это человѣкъ лукавый, ненадежный; онъ имѣетъ нѣкоторый кредитъ въ Литвѣ, но и то у мелкихъ людей.“

Епископъ Масальскій былъ повѣшенъ въ Варшавѣ 9 мая 1794 г. (См. Соловьева, Исторію паденія Польши, стр. 339).

чаѣ на счетъ подъ названіемъ издержки, учиненной по нынѣ-нему нашему указу. Данъ въ С.-Петербургѣ, марта 20 дня 1764 г.—Екатерина.

Броунъ, донося императрицѣ о полученіи сего указа, писалъ:

Отъ епископа Рижскаго Мисальскаго нарочно посланный для помянутыхъ денегъ канонникъ Францишка (?) сего марта 22 дня въ Ригу прибылъ и данную отъ министра Вашего Императорскаго Величества ассигнацію мнѣ вручилъ, а понеже здѣсь нѣтъ въ казнѣ Вашего Императорскаго Величества никакихъ-никоторыхъ доходовъ, за отсылкою предъ симъ ежегодно въ С.-Петербургъ и за ассигнованіемъ въ Рижскій магистратъ для окончанія прямой Митавской дороги (*) денегъ недостаточно, а червонною монетою и ничего не имѣется: то къ скорѣйшему исполненію высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія взялъ я всю вышеписанную сумму заимообразно секретнымъ образомъ у здѣшняго ратсгера и купца Шефера, который тоже сгрытно, чтобы не возвышать курсу, тѣ червонныя размѣнивалъ на ежемочную монету, и оные червонцы всѣ сполна 10 тысячь означенному канонику дѣйствительно отданы, и откуда онъ въ городъ Вильно къ епископу Виленскому Мисальскому сего марта 23 отправился.

Теперь осталось ратсгеру Шеферу отдать изъ казны Вашего Императорскаго Величества ежемочною монетою за 10 т. червонныхъ 20.925 талеровъ, въ томъ числѣ за 6 т. по 2 талера по 7 фердинговъ, а за 4 т. по 2 талера по 8 фердинговъ за каждый червонецъ. Какъ я о томъ въ письмѣ своемъ обстоятельно объяснилъ дѣйствительному тайному совѣтнику Панину, помянутыя слѣдуемыя въ отдачу Шеферу деньги какъ нынѣ имѣющіяся на лицо въ Рижской рентереи, такъ и впредь изъ вступившихъ въ приходъ, возвращаемы быть имѣютъ, и уповаю сію заплату окончить сего года въ послѣднихъ числахъ будущаго мая мѣсяца. 28 марта 1764.

(*) Дорога изъ Риги въ Митаву была столь песчана и столь неудобна, что въ 1761 г. начали было прокладывать новую, болѣе „способнѣйшую" дорогу, но работы, за недостаткомъ денегъ, тогда же прекратились. Императрица въ началѣ 1764 г. потребовала отъ Броунка свѣдѣній, сколько нужно денегъ на окончаніе работъ и, получивъ донесеніе, что на то потребуется по исчисленію 6 т. альбертсъ-талеровъ, указомъ 12 февраля 1764 повелѣла: „Неоконченную отъ Риги до Митавы новую дорогу довершать на счетъ магистратскихъ доходовъ, деньги 6 т. альбертсъ-талеровъ употребить изъ казны, магистратъ же обязать возвратить въ казну эти деньги въ теченіе 6 лѣтъ, уплачивая каждый годъ по тысячѣ альбертсъ-талеровъ." Повелѣніе императрицы было выполнено въ тотъ же годъ.

10.

Указъ вашему генералу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Изъ настоящаго положенія въ Польшѣ дѣлъ, имѣя причину опасаться, что нужда и необходимость могутъ насъ привести до отправленія части войскъ нашихъ въ сіе королевство, почли мы за нужно принять на такой случай благовременно всѣ потребныя мѣры, а какъ въ числѣ оныхъ заготовленіе провіанта и фуража особливое заслуживаетъ уваженіе, дабы послѣ въ составленіи магазиновъ не терять времени, которое можетъ быть весьма дорого будетъ, по близости города Риги отъ границъ Польской Лифляндіи, гдѣ натурально походу не миновать, поручаемъ мы вамъ, въ надеждѣ на дознанную вашу вѣрность и усердіе, употребить въ означенныхъ при семъ особливою запискою трехъ мѣстахъ: Маріенгаузенѣ, Росситтенѣ и Брацлавѣ всевозможное стараніе, дабы способомъ имянованнымъ въ той записвѣ и чрезъ другихъ людей нужныя приготовленія сдѣланы были къ собранію требуемаго количества хлѣба, крупъ и овса, сколь скоро войска въ движеніе приведены будутъ, дѣлая все то подъ рукою, но не съ такою однако скрытностію, чтобъ противники не могли проникнуть: ибо сіе самое можетъ отчасти поспѣшествовать успѣху намѣреній нашихъ. Какимъ же образомъ исполните вы сіе повелѣніе, ожидаемъ мы вашихъ доношеній. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 1 апрѣля 1764 г.

Въ запискѣ назначено: въ Маріенгаузенѣ заготовить 762 четверти муки, 84 четверти крупъ и 793 четверти овса — послать распоряженіе. Въ Росситтенѣ заготовить столько же — писать чрезъ Симолина помѣщику Корфу. Въ Брацлавѣ (принадлежащемъ кастелану Гильзену) заготовить столько же — послать туда, либо къ управителямъ епископа Виленскаго, имѣющаго тамъ маетности, либо къ господамъ Радомину и Фароцкому.

3 апрѣля 1764 г. Н. И. Панинъ писалъ Броуну, что „для операціи заготовленія провіанта должно, чтобы жители, благовременно зная о ней, имѣли бы на продажу хлѣбъ, ни контрактовъ, ни задатковъ не давать: ибо когда нужда востребуетъ, чтобъ арміи генерала князя Волконскаго (*) дѣйст-

(*) Михаила Никитича, переписка коего съ императрицею помѣщена въ первой книгѣ «Осмнадцатаго Вѣка.»

вительно выступила, тогда сей генералъ отъ себя будетъ посылать нарочныхъ курьеровъ для закупки хлѣба.

За тѣмъ послѣдовалъ слѣдующій указъ:

Господинъ генералъ Броунъ. Изъ репорта вашего отъ 10 числа сего мѣсяца усмотрѣли мы какъ тѣ неудобства, кои встрѣчаются въ состояніи магазина въ Марієнгаузенѣ, такъ и новой опытъ усердія вашего къ службѣ и интересамъ нашимъ, въ приискѣ сего удобнѣйшихъ по нашему мнѣнію маршрутовъ. Мы находимъ примѣчанія ваши основательными и, конечно, велѣли бы употребить ихъ въ пользу, если бы только случай похода войскъ изъ Лифляндіи дѣйствительно состоялъ. Но какъ оной еще зависитъ отъ будущихъ обстоятельствъ, то теперь въ запасъ только поручаемъ вамъ отправить отъ себя въ представляемыя отъ васъ мѣста одного или двухъ офицеровъ, кои бы, отнюдь не дѣлая подарковъ, а еще меньше давая задатки, по дорогѣ объявляли жителямъ, что войска наши имѣютъ вступить въ ихъ границы и чтобы потому оставляли они у себя излишніе припасы, дабы послѣ не претерпѣть самимъ недостатка. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 26 дня 1764 года.

11.

Господинъ генералъ Броунъ. Изъ доношенія вашего отъ 22 числа прошедшаго мая мѣсяца усмотрѣла я, что вы, по требованію министровъ моихъ въ Варшавѣ, отпустили съ присланнымъ отъ Литовскаго канцлера князя Чарторыжскаго офицеромъ фонъ Минихомъ 50 нарабинеровъ и 50 же паръ пистолетъ. Я апробую сей вашъ поступокъ, думая, что помянутые министры, конечно, не сдѣлали бы вамъ безпосредственнаго требованія иначе, какъ въ разсужденіи существительной иногда надобности, а особливо для выигранія времени. Екатерина. Въ С. Петербургѣ, 3 іюня 1764 г.

12.

О декорѣ Дено.

Секретнѣйше:

Милостивый государь мой! Изъ приложеннаго при семъ собственноручнаго Ея Императорскаго Величества письма ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть Ея вы-

сочайшее повелѣніе по нижеписанному дѣлу. Одинъ Французскій націи лекарь, именемъ Дено (Deneau), будетъ отправленъ на сихъ дняхъ отсюда куръеромъ въ Варшаву отъ находящагося здѣсь Польскаго посланника графа Ржевускаго. Въ обыкновенномъ паспортѣ изъ иностранной коллегіи онъ будетъ имянованъ Деколлетъ, что тогда должно служить претекстомъ къ его задержанію и аресту.

Ея Императорскаго Величества соизволеніе, дабы ваше высокопревосходительство приказали стеречь его пріѣздъ въ вашу резиденцію и, избравъ самаго надежнаго и вѣрнаго офицера, тотчасъ, по усмотрѣніи вами его паспорта, арестовать со всѣмъ его багажемъ безъ изъятія и привести въ домъ вашъ, объявя ему: „что понеже намъ извѣстно стало, что (онъ) не истинный курьеръ Деколлетъ, но лекарь по своей профессіи, называемый Дено, то статскій резонъ требуетъ, чтобъ всѣ его письма и прочія бумаги были вокругъ его обысканы, взяты и сюда посланы, а онъ бы былъ содержанъ подъ арестомъ въ домѣ вашемъ до тѣхъ поръ, пока дворъ нашъ экспликуется о семъ двоеразуміи съ графомъ Ржевускимъ, при чемъ онъ Дено можетъ быть увѣренъ, что ему ни малѣйшаго дурна воспослѣдовать не можетъ, если оныя объясненія его оправдаютъ, чего ради и дозволяется ему отъ себя написать письмо о случившемся съ нимъ приключеніи къ помянутому графу.“

Я не сумнѣваюсь, чтобы ваше высокопревосходительство не всѣ достаточныя мѣры принять и распорядить изволили къ тому, дабы онъ не могъ заранѣе чего о себѣ примѣтить и находящіяся при себѣ письма, которыя мы надѣемся у него поймать, какимъ либо образомъ истребить или скрыть; однакожъ покорно прошу васъ, милостивый государь мой, при арестѣ его, не токмо всѣ видимыя у него бумаги отобрать, но и приказать его обыскивать во всемъ багажѣ и платьѣ, не найдется ли чего либо зашитаго или спрятаннаго между подкладкою, почему вѣрнѣе будетъ, если изволите приказать тотъ же часъ все платье съ него снять, а одѣть его въ другое. Также соизволеніе Ея Величества, чтобы онъ въ домѣ вашемъ содержанъ былъ яко статскій арестантъ покойно, выгодно, при всякомъ удовольствіи и подъ такимъ карауломъ, дабы онъ не могъ имѣть ни съ кѣмъ никакого сношенія, а препровождалъ бы время свое чтеніемъ книгъ, какія для него достать можно будетъ. Взятыя и сысканныя такимъ образомъ письма покорно прошу немедленно ко мнѣ прислать съ нарочнымъ вѣрнымъ курьеромъ, купно и съ письмомъ его къ графу Ржевускому. Вчерашняго числа Ея Императорское Величество пополудни въ

4-мъ часу изволила поѣхать въ Сарское Село недѣли на двѣ.

Впрочемъ пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства, покорный слуга Н. Панинъ. Въ С.-Петербургѣ 2 декабря 1764 г. Его высокопревосходительству генералу Броуну.

На этомъ письмѣ отмѣчено: „Получено на штафетѣ декабря 6 дня 1764 г., а письмо отъ государыни Нѣмецкое имѣется у генерала" (*).

*

Господинъ генералъ Броунъ. Ссылаясь въ окончаніи извѣстнаго дѣла съ лекаремъ Дено на письмо, которое къ вамъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Панинъ отправляетъ, довольствуюсь я только повелѣть вамъ, чтобы вы онаго лекаря изображеннымъ въ письмѣ Никиты Ивановича образомъ отпустили со всякимъ удовольствіемъ за границу, а притомъ выдали ему, изъ имѣющейся у васъ суммы, 20 т. червонныхъ (**), триста червонныхъ, ставя оныя на счетъ, и пребываю вамъ впрочемъ всегда благосклонна. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, 21 декабря 1764 года.

Милостивый государь мой. Отправляя обратно къ вашему высокопревосходительству присланнаго ко мнѣ офицера, имѣю честь приложить вновь высочайшій Ея Императорскаго Величества указъ.

На основаніи онаго прошу я ваше высокопревосходительство приказать освободить немедленно лекаря Дено изъ подъ ареста и отпустить его, по выдачѣ опредѣленнаго въ имянномъ указѣ награжденія, за границу безъ всякаго препятствія, но паче съ совершеннымъ удовольствіемъ.

При отпускѣ прошу я ваше высокопревосходительство объявить ему, что „Дворъ увѣдомился съ сожалѣніемъ о случившейся ему въ пути остановкѣ, но что онъ самъ, какъ разумный человѣкъ, можетъ разсудить, что толь важ-

---

(*) Письма въ архивѣ не сохранилось. Можетъ быть, Броунъ и не передавалъ его въ канцелярію.

(**) Государыня императрица, въ бытность свою въ Ригѣ, 15 іюля 1764 г., повелѣла Броуну вымѣнять изъ штатсъ-конторскихъ доходовъ червонной монеты 30 т. Изъ денегъ сихъ, по имянному Ея Величества указу отъ 16 октября 1764 г., отправлено въ кабинетъ съ кабинетъ-курьеромъ Гриневымъ 10 т., остальныя 20 т. хранились въ Рижской рентереѣ. Выдано изъ нихъ Дено 300 червонныхъ, за тѣмъ прочіе червонные доставлены, по письму Панина отъ 30 апрѣля 1765, въ Варшаву къ Н. В. Репнину.

ная канцелярская ошибка, какова случилась въ разсужденіи паспорта его, не могла не возбудить справедливаго объ немъ сумнѣнія, но что министерство, изъяснясь здѣсь съ господиномъ графомъ Ржевускимъ и познавъ совершенно его невинность, не оставило о томъ донести Ея Императорскому Величеству, вслѣдствіе чего изволила Ея Величество, въ нѣкоторое утѣшеніе и удовлетвореніе, всемилостивѣйше повелѣть выдать ему 300 червонныхъ", вмѣстѣ съ которыми надлежитъ отдать и слѣдующій при семъ отъ графа Ржевускаго пакетъ, гдѣ уповательно возвращаются всѣ у него отобранныя письма и бумаги. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего высокопревосходительства всепокорный и всепослушный слуга Н. Панинъ. Въ С.-Петербургѣ, 21 декабря 1764 г.

P. S. (*) При освобожденіи изъ подъ ареста лекаря Дено покорно прошу ваше превосходительство приказать принять такія мѣры, чтобъ не произошла въ городѣ объ немъ излишняя огласка, почему и лучше бы было, если бы изволили приказать его выпроводить за границу одному доброму оберъ или унтеръ-офицеру подъ видомъ его собственной сохранности, дабы въ городѣ узнать не могли о его имени. Тотъ же Н. Панинъ.

13.

Указъ нашему генералъ-губернатору Броуну.

Присылаемыя къ вамъ какъ отъ нашего генералъ-фельдцехмейстера Вильбоа, такъ и главнаго кригсъ-коммиссаріата, въ приложенной при семъ запискѣ означенныя вещи всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ принять и содержать въ вѣдомствѣ вашемъ до того времени, какъ пришлется къ вамъ отъ Его Величества короля Польскаго уполномоченная для принятія оныхъ персона, которой и имѣете вы отдать безъ изъятія всѣ тѣ вещи подъ росписку. Данъ въ С.-Петербургѣ, 29 декабря 1764 г. Екатерина.

Въ запискѣ означено, отъ *Вильбоа*: 500 инфантерскихъ ружей со штыками, 600 паръ пистолетовъ, 516 тесаковъ, 424 палаша. *Отъ главнаго кригсъ-коммиссаріата*: 500 сумъ мушкетерскихъ съ мѣдными по угламъ бляхами, 916 ремней къ ружьямъ, 416 мушкетерскихъ портупей съ пряжками, 416 драгунскихъ сумъ, 416 ремней къ карабинамъ, 424 драгунскихъ портупей.

(*) Собственноручный Панина.

14.

Нашему генералу-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Мы прилѣжно рекомендуемъ вамъ, по полученіи сего, поручить кому надлежитъ, чтобъ всѣ имѣющіеся подъ вѣдомствомъ вашимъ въ Рижскихъ архивахъ старыя Польскія дѣла и письма разобраны и непринадлежащія болѣе до земель и до подданныхъ нашей Имперіи особливо съ исправною описью отложены были, дабы, когда надобно будетъ Поляковъ выдачею оныхъ удовольствовать, можно было то учинить, не принося какого либо предосужденія крѣпостямъ на владѣнія нашихъ подданныхъ.—Данъ въ С.-Петербургѣ, марта 14 дня 1765 г.

По Ея Императорскаго Величества указу (подписали): Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

15.

Нашему генералу-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Не исполненное до нынѣ, по имѣющемуся у насъ съ королевствомъ Польскимъ трактату вѣчнаго мира 1686 года, толь важное и нужное дѣло, касающееся до учрежденія между обоихъ сторонъ государственной границы, намѣрены мы, при помощи Божіей, въ совершенство привесть, къ чему отъ насъ и опредѣлены уже и вскорѣ отсюда поѣдутъ два главные комисара генералъ-поручикъ Веймарнъ, да генералъ-маіоръ и лейбъ-гвардіи маіоръ Бибиковъ, а напротивъ того и отъ Его Величества короля Польскаго также назначены и опредѣлены будутъ вскорѣ же полномочные комисары.

Первому изъ оныхъ комисаровъ нашихъ генералъ-поручику Веймарну повелѣли мы ѣхать отсюда напередъ въ Ригу, а оттуда по границѣ къ Смоленску, ибо что касается до Лифляндіи нашей, которой земли состоятъ въ смѣжности съ Польшею на немаломъ разстояніи и которая въ Россійское владѣніе отъ Швеціи извѣстнымъ образомъ пріобрѣтена послѣ вышепомянутаго трактата, то мы также имѣемъ намѣреніе, чтобъ при томъ будущемъ генеральномъ между нашею имперіею и королевствомъ Польскимъ учрежденіи

государственной границы, учинено было единожды навсегда и онымъ Лифляндскимъ землямъ нашимъ надлежащее съ Польшею разведеніе и точное установленіе границы. Того ради всемилостивѣйше рекомендуемъ вамъ возъимѣть прилѣжное стараніе о собраніи нынѣ заранѣе служащихъ къ тому древнихъ документовъ и основательныхъ извѣстій, а именно: велѣть пріискать и вѣрно выписать въ тамошнихъ архивахъ всѣ доказательства на пограничныя мѣста и земли, которыя изстари принадлежали къ Лифляндіи, какъ она еще въ Шведскомъ владѣніи была, и съ которыми потомъ отъ Швеціи въ Россійское владѣніе досталась, и притомъ еще велѣть же справиться по дѣламъ въ Рижской губернской канцеляріи и выписать, не захвачены ль Поляками вновь какія именно мѣста и земли, и за кѣмъ изъ нихъ оныя во владѣніи состоятъ, да особую вѣдомость сдѣлать, какія сверхъ того земли и угодья нынѣ у Лифляндскихъ помѣщиковъ съ Поляками иногда въ спорахъ находятся; а къ тому собрать у нихъ помѣщиковъ письменныя доказательства за рубами ихъ, по которымъ оная точно имъ принадлежитъ, и потомъ все оное вручить помянутому генералу-поручику Веймарну, по прибытіи его въ Ригу, а сюда въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ таковыя жъ доказательства копіями прислать.

Впрочемъ не оставите вы сверъ того, по требованіямъ его, всякія для сей нужной коммисіи извѣстія давать и вспоженіе ему для успѣха оной дѣлать, и если иногда у кого изъ помѣщиковъ партикулярно имѣются какіе старые документы о принадлежащихъ къ нашу сторону пограничныхъ земляхъ, то и оные комисару нашему также имѣютъ быть не безпотребны; и такъ имѣете вы, о всѣхъ такихъ документахъ и извѣстіяхъ у тѣхъ помѣщиковъ навѣдавшись, оные ему комисару доставить. Данъ въ С.-Петербургѣ, марта 14 дня 1763 г.

По Ея Императорскаго Величества указу (подписали): Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

16.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Пребывающему при королевскомъ Польскомъ Дворѣ нашему генералъ-маіору князю Репнину врученъ отъ мини-

стерства Польскаго приложенный при семъ въ переводѣ меморіалъ съ изображеніемъ такой жалобы: будто бы наши Россійскіе люди, а кто именно не показано, недавно вступя многимъ числомъ и вооруженною рукою въ Маріенгаузское староство, лежащее въ Польской Лифляндіи, порубили и опустошили тайно лѣса, завладѣли немало земли купно съ жителями и ихъ имѣніемъ и наконецъ для потребности своей сдѣлали границы.

Мы потому чрезъ сіе повелѣваемъ вамъ, объ ономъ происшествіи достовѣрно навѣдавшись и изслѣдовавъ, немедленно намъ донесть: когда и отъ кого именно изъ нашихъ подданныхъ такое озорничество учинено? Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 18 дня 1765 г.

По ея императорскаго величества указу: Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

Переводъ съ меморіала, врученнаго отъ министерства Польскаго генералъ-маіору чрезвычайному и полномочному послу князю Репнину.

„Недавно принесенныя жалобы на Россійскихъ подданныхъ, которые, вступя во многомъ числѣ и вооруженною рукою въ Маріенгаузское староство, лежащее въ Лифляндскомъ герцогствѣ, порубили и опустошили лѣса, завладѣли немало земли купно съ жителями и ихъ имѣніемъ и наконецъ для своей потребы сдѣлали границы, побуждаютъ министерство его величества короля и Республики увѣдомить о томъ его сіятельство господина чрезвычайнаго и полномочнаго посла ея императорскаго величества и, испытавъ уже столь многократно благоволеніе ея величества въ содержаніи совершеннаго согласія между областей ея и Республикою, совершенно удостовѣрено, что сіи насильства учинены противъ намѣреній ея величества и безъ вѣдома сколь благоразумнаго, столь и справедливаго министерства ея. И такъ король и Республика уповаютъ, что его сіятельство господинъ посолъ стараніе свое приложитъ, дабы впредь подобныхъ жалобъ не было, и чтобъ силою завладѣнная земля старостве возвращена была. Въ Варшавѣ, 19 іюля 1765 г. — Андрей Замойскій великій канцлеръ коронный и Андрей Млодзіевскій канцлеръ коронный".

17.

Милостивый государь мой Юрій Юрьевичъ! Изъ Варшавы получилъ я извѣстіе, что приняты нынѣ тамъ новыя о монетахъ распоряженія, по которымъ многія изъ нихъ старыя передѣланы будутъ. Мнѣ также извѣстно, что нѣкото-

рыя Польскія монеты, а особливо означенныя литерами CR и CT типы ходятъ въ Ригѣ и въ другихъ пограничныхъ Лифляндскихъ мѣстахъ, кои также, можетъ быть, передѣланы будутъ и цѣна имъ понизится. По сему обстоятельству прошу я ваше высокопревосходительство дать отъ себя знать Лифляндскому и прочему нашему купечеству, чтобы оно, предупреждая такой могущій случиться имъ убытокъ, старалось сбыть оныя типы за настоящую цѣну и не принимало бы ихъ инако, какъ за такую, чего они точно стоятъ. Я уповаю, что ваше высокопревосходительство не оставите и безъ моего примѣчанія приказать сдѣлать такое объявленіе купцамъ безъ огласки, чтобъ о семъ напередъ заграницею провѣдать не могли, и не сдѣлали бъ потому затрудненія въ пріемѣ той монеты отъ нашихъ, о чемъ нужно предупредить также и самихъ купцовъ. Впрочемъ я имѣю честь быть съ особливымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства всепокорный и послушный слуга Н. Панинъ. — Въ С.-Петербургѣ, 20 августа 1765 г.

18.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Усмотря изъ реляціи вашей отъ 24 числа сего мѣсяца, что вы, по письму герцога Курляндскаго и по сообщенію нашего въ Митавѣ министра, не умедлили сдѣлать собою обще и согласно съ генералъ-поручикомъ Пальменбахомъ нужныя въ запасъ распоряженія для прикрытія Курляндскихъ границъ отъ собирающихся въ Литвѣ возмутительныхъ шаекъ, всемилостивѣйше апробуемъ мы тѣ ваши запасныя распоряженія и потому еще повелѣваемъ командированные въ Бовскъ эскадроны кирасиръ и деташаментъ егерей оставить въ тамошней сторонѣ до того времени, пока въ сосѣдствѣ ея не минуетъ вся сумятица.

Между тѣмъ предписали уже мы военной коллегіи послать немедленно въ Литву цѣлый полкъ пѣхоты съ однимъ эскадрономъ легкой или тяжелой кавалеріи и велѣть командующему оными полковнику идти прямо на тѣ мѣста, гдѣ начинаются сборища мятежниковъ и стараться ихъ въ конецъ истреблять или по крайней мѣрѣ гнать во внутрь земли на корпусъ генералъ-поручика Нумерса.

Такимъ образомъ, если и подлинно возстали въ Литвѣ неспокойства и замѣшательства (чего и нельзя еще по сю

пору съ точностію сказать) думать надобно, что оный принятыми съ нашей стороны благовременными мѣрами или въ самомъ началѣ прекращены будутъ, или же что мятежники, вмѣсто приближенія къ Курляндскимъ и Лифляндскимъ границамъ, скорѣе оборотятся въ средину земли, чадѣясь тамъ найти себѣ больше способовъ и больше единомышленниковъ, нежели тамъ, гдѣ готова уже имъ сильная встрѣча. Впрочемъ пребываемъ мы вамъ нашею императорскою милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, августа 29 дня 1768 г. Екатерина.

19.

По секретной экспедиціи. Указъ ея императорскаго величества самодержицы Всероссійской изъ государственной военной коллегіи господину генералъ-аншефу, Лифляндскому генералъ-губернатору и кавалеру Юрію Юрьевичу Броуну.

Хотя вчерашняго числа посланнымъ изъ коллегіи указомъ и велѣно было Нижегородскій пѣхотный полкъ къ выступленію въ походъ учинить въ готовности, но какъ оный находится при работѣ въ Дерптѣ, то ему и остаться по прежнему при тѣхъ же работахъ; а вмѣсто его, по полученіи сего указа, въ самой крайней скорости отправить въ Курляндію Угличкій пѣхотный полкъ, и при томъ отправленіи снабдить оный всѣмъ потребнымъ и выдать полковымъ чинамъ на сію нетяжающую майскую треть денежное жалованье, да и впредь на таковую жъ выдачу на два мѣсяца подлежащую сумму съ онымъ полкомъ отпустить.

А какъ въ тамошнихъ мѣстахъ казенныхъ магазейновъ нѣтъ, то на покупку провіанта и фуража потребную на три мѣсяца сумму въ оный полкъ изъ провіантской Рижской коммисіи отпустить, и на превосходство штатной цѣны также и на другіе чрезвычайные расходы и посылки взявъ изъ находящейся въ Ригѣ коммисаріатской коммисіи, на счетъ экстраординарной суммы, двѣ тысячи рублевъ, въ оный полкъ отдать, которые и приказать держать въ расходъ съ записками, для чего и дать особливую книгу; а то число денегъ, по полученіи отъ васъ рапорта, здѣсь въ коммисаріатскую контору отдано быть имѣетъ отъ коллегіи.

Какимъ же образомъ тому Угличкому полку, будучи въ походѣ, поступать и всякое исполненіе чинить, о томъ съ имяннаго ея императорскаго величества указа прилагается при семъ копія, и таковая жъ для непремѣннаго исполненія къ генералъ-поручику и кавалеру Пальменбаху при указѣ приложена, къ которому и предписано.

Изъ того Углицкаго полку одинъ баталіонъ, по согласію съ находящимся въ Митавѣ министромъ Симолинымъ, расположить, зачиная противъ мѣстечка Жегаръ, по Литовской и Жмудской границамъ, гдѣ нужда и защищеніе того больше требовать будутъ. А съ другимъ баталіономъ, взявъ изъ командированныхъ кирасирскаго его императорскаго высочества наслѣдникова полка трехъ эскадроновъ въ Бовскъ одинъ эскадронъ, слѣдовать тѣми мѣстами, какъ въ высочайшемъ имянномъ указѣ предписано. А какъ въ Жмуди та провинція лѣсами, рѣками и дефилеями наполнена, то на всякій часъ и имѣть крѣпкую предосторожность отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній.

А за тѣмъ оставшимъ въ Бовскѣ двумъ кавалерійскимъ эскадронамъ и 150 егерямъ съ двумя полковыми пушками наикрѣпчайше отъ команды подтвердить, чтобъ и оныя защищали границу отъ Жегаръ на лѣво сколь далеко можно и всякое положеніе чинили какъ въ имянномъ указѣ изображено, и что̀ посему происходить гдѣ будетъ, въ коллегію по часту рапортовать; о чемъ и генералъ-поручику Пальменбаху указъ посланъ.—А при оставшихся въ Бовскѣ двухъ эскадронахъ главному командиру подполковнику Гейкину въ нужномъ случаѣ съ находящимся въ Динабургѣ эскадрономъ сношеніе имѣть и другъ другу сикурсъ давать; чего ради, какимъ образомъ ему поступать, съ приложеннаго при семъ имяннаго указа дать копію. — Подписали: баронъ Томасъ фонъ Дицъ, секретарь Иванъ Пѣтуховъ.—29 августа 1768. С.-Петербургъ, № 181.

Копія съ указа, даннаго военной коллегіи.

Отъ нашего въ Митавѣ министра Симолина получили мы извѣстіе, что въ Литвѣ и именно въ Ковенскомъ и Упитскомъ и Вилкомірскомъ повѣтахъ открылись нынѣ, подъ именемъ конфедерацій, возмутительныя шайки равныхъ мыслей съ бывшими въ Барѣ мятежниками, что у нихъ маршалами выбраны нѣкіе Еперикъ, Бѣлосовъ и Горскій, что первое ихъ намѣреніе клонится къ учиненію набѣга на Курляндію и что напослѣдокъ подобнаго симъ сборища должно еще ожидать и въ княжествѣ Жмуйдскомъ.

По сей причинѣ, какъ въ отвращеніе наставшихъ уже неудобствъ, такъ и въ учрежденіе опасаемаго въ послѣднемъ мѣстѣ, повелѣваемъ мы въ крайней скорости командировать изъ Лифляндской дивизіи въ Курляндію ближайшій полкъ пѣхоты, придавъ ему эскадронъ Венгерскаго полка, если оный остался по сю пору въ назначенной своей позиціи при Крейцбургѣ, а если уже оттуда пошелъ далѣе или кѣмъ взятъ, эскадронъ кавалеріи кирасирскаго полка, и предписать командиру сего деташамента:

1) Чтобы онъ прибылъ въ Митаву и, согласясь съ помянутымъ министромъ нашимъ, расположилъ одинъ баталіонъ вдоль Митавскихъ границъ, гдѣ нужда прикрытія и защиты того требовать будетъ, поручая притомъ командиру того баталіона, чтобъ онъ, прикрывая Курляндію отъ всякихъ набѣговъ, распространялъ охраненіе свое и на живущихъ въ Литвѣ при Курляндскихъ границахъ диссидентовъ.

2) Чтобы самъ онъ, сдѣлавъ прежде всего сіе распоряженіе, но не теряя однакожъ въ томъ нималаго времени, продолжалъ походъ свой съ эскадрономъ кавалеріи и другимъ баталіономъ полку своего въ Жмуйдское княжество и далѣе въ Литву въ Ковнѣ и другимъ около ея мѣстамъ, гдѣ только усмотритъ достовѣрно о какомъ либо сборищѣ мятежниковъ, и чтобъ вездѣ, гдѣ только найдетъ таковыя подъ именемъ конфедераціи, дѣйствовалъ противу ихъ силою и оружіемъ, какъ самъ, такъ и посылаемыми отъ себя по усмотрѣнію детаншаментами, буде въ самомъ началѣ не помогутъ увѣщеванія и угрозы, стараясь мятежниковъ всѣхъ перехватать, а если побѣгутъ, гнать на корпусъ командующаго въ Литвѣ генералъ-поручика Нумерса или другія наши въ близости находящіяся войска, дабы ихъ чрезъ то помѣстить среды двухъ огней.

3) Чтобы, очищая и оставляя такимъ образомъ позадь себя Курляндскія границы въ безопасности отъ нападенія, подкрѣплять себя, если по усмотрѣнію нужда гдѣ настоять будетъ, оставляемымъ отъ него въ Курляндіи баталіономъ.

4) Чтобы въ производимыхъ такимъ образомъ своихъ операціяхъ главнѣйше старался скорыми и проворными оборотами, дабы тѣхъ мятежниковъ разбить порознь въ ихъ еще малыхъ кучахъ, не допуская ихъ сходиться въ одну большую, или же, по невозможности такъ ихъ догонять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гнать ихъ (какъ выше предписано) на корпусъ и на детаншаментъ командующаго въ Литвѣ нашего генерала-поручика Нумерса.

5) Чтобы въ маршѣ и во всѣхъ обращеніяхъ наблюдаема была строжайшая воинская дисциплина, и чтобы отнюдь никто не дерзалъ причинять жителямъ обиды, ни требовать отъ нихъ ничего безденежно, но паче надобно всѣмъ и за все платить наличными деньгами; да и подводы, если гдѣ понадобятся для ускоренія похода, брать не иначе какъ съ платою по установленной умѣренной цѣнѣ.

6) Чтобы въ разсужденіи тѣхъ деревень, о коихъ достовѣрнымъ образомъ свѣдано будетъ, что принадлежатъ помѣщикамъ записавшимся въ конфедерацію, сіе правило отмѣняемо было, но не далѣе однакожъ какъ до забранія въ

нихъ помѣщичьихъ доходовъ, хлѣба, скота и лошадей въ помочь содержанію всего корпуса; почему и въ сихъ деревняхъ командиръ не долженъ весьма допускать до грабежа и все выписанное сбирать порядочно къ себѣ и употреблять, какъ и выше показано, въ помочь корпусному содержанію.

7) Чтобы командиръ деташамента тотчасъ, по вступленіи своемъ въ Литву, старался увѣдомить о томъ генералъ-поручика Нумерса или другаго кто ближе къ нему находиться будетъ, а чрезъ нихъ и посла князя Репнина, сообща имъ повелѣніи, съ которыми оттуда отправленъ; чтобъ онъ получаемыя отъ нихъ, а особливо отъ сего послѣдняго, приказанія точно исполнялъ и въ тѣ стороны обращался, куда имъ требовано будетъ, и чтобы напослѣдокъ о всемъ у него происходящемъ обстоятельно рапортовалъ онъ какъ сюда по командѣ, такъ и ближняго генерала, а чрезъ него и посла князя Репнина, требуя себѣ отъ нихъ по востребованію нужды и дальнѣйшихъ наставленій.

Впрочемъ можетъ легко статься, что деташаменту будутъ попадаться въ полонъ мятежники, и такъ на сей случай командиру его должно предписать, чтобы онъ всѣхъ къ конфедераціямъ приступившихъ дворянъ, а наипаче самыхъ между ними начинщиковъ, отправлялъ подъ крѣпкимъ карауломъ къ баталіону своему въ Курляндію, а оттуда въ Ригу къ главной командѣ, а прочихъ распускалъ бы въ домъ и къ мѣстамъ своимъ, по отобраніи у нихъ ружей и лошадей, также и по взятіи присяги и обязательства съ подверженіемъ себя смертной казни въ томъ, если они опять когда и гдѣ ни есть пристанутъ къ мятежникамъ, обѣщая напротивъ жить спокойно и повиноваться всѣмъ узаконеніямъ послѣдняго сейма. — Данъ въ С.-Петербургѣ, 29 августа 1768 г.—Екатерина.

26.

Милостивой государь мой Юрій Юрьевичь. Съ первыхъ изъ Курляндіи извѣстій о послѣдовавшихъ въ Литвѣ возмутительствахъ, не имѣя по сю пору (какъ бы то по исчисленію времени надлежало) подтвердительныхъ и подробныхъ вѣдомостей, начинаю я думать, что не имѣетъ ли Митавская тревога и всего своего начала и основанія въ нѣкоемъ побочномъ обстоятельствѣ. Теперь публикованы уже во всей Польшѣ королевскіе универсалы о сборѣ обыкновенныхъ предъ сеймами уѣздныхъ сеймиковъ, для выбора на оныхъ земскихъ пословъ; можетъ быть потому, что Литовскія сборища въ Ковнѣ, Упитѣ, Вилькомірѣ и въ Жмуйдахъ, кои описаны намъ изъ Курляндіи конфедераціями, есть въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ пріуготовленія къ тѣмъ уѣзднымъ сеймикамъ. — Станется еще,

что и бывшее на оныхъ мелкое дворянство, собравшись въ кучу, оказывало не такія склонности, какихъ бы желать надлежало, но паче надѣлало, по обыкновенному Польскому легкомыслію и сумасбродству, много крику и шуму съ угрозами о конфедераціи, которыя отъ испужавшихся диссидентовъ приняты за конфедерацію.—По сей причинѣ, предполагая возможность такого случая, долженъ я просить ваше высокопревосходительство, по точному Ея Императорскаго Величества повелѣнію, чтобъ вы командированному въ Литву полковнику, сдѣлавъ сіе примѣчаніе для руководства его, предписали ему еще въ дополненіе данныхъ отъ военной коллегіи наставленій:

1) Чтобъ онъ прежде всего старался распознать безъ ошибки такіе уѣздные сеймики отъ противныхъ конфедерацій, которыя легко познаваемы быть могутъ либо по дѣйствительнымъ противу войскъ нашихъ или же диссидентовъ непріятельствамъ, или же по учиненію между собою присяги, по записанію въ какомъ либо родѣ акта конфедераціи и по обнародованію онаго и другихъ предосудительныхъ манифестовъ.

2) Чтобъ тотъ полковникъ въ разсужденіи уѣздныхъ сеймиковъ, сколько бы они впрочемъ на словахъ шумливы ни были, довольствовался при наблюденіи строжайшей дисциплины однимъ на всѣ ихъ обороты примѣчаніемъ и недопущеніемъ (хотя силою, если инако невозможно будетъ) до превращенія въ конфедераціи, а напротивъ,

3) Чтобъ въ случаѣ прямаго открытія конфедераціи, на тѣхъ ли уѣздныхъ сеймикахъ, или же въ другихъ мѣстахъ, слѣдовалъ во всей точности первымъ предписаніямъ военной коллегіи, стараясь однакожъ всегда не дѣлать жителямъ никакихъ обидъ, и не требуя отнюдь ничего безденежно, кромѣ деревень самыхъ конфедератовъ, о коихъ ему ясное уже дано наставленіе.

Всегда пребуду я съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію вашего высокопревосходительства всепокорный и всепослушный слуга графъ Н. Панинъ. С.-Петербургъ, 2 сентября 1768 г.

P. S. Покорно прошу ваше высокопревосходительство предписать командированному въ Литву полковнику, въ дополненіе новаго ему наставленія, еще слѣдующее особливымъ пунктомъ: Что если однакожъ разбойническія шайки по мѣстамъ и дорогамъ жителей и проѣзжихъ будутъ приводить къ опасности, то оныхъ ловить и забирать со всякимъ рачеціемъ, дабы общая безопасность сохраняема была и такіе грабители безъ наказанія не оставались.—Тотъ же графъ Н. Панинъ.

*

На письмо это Броунъ отвѣчалъ:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Никита Ивановичъ! Высокопочтеннѣйшее вашего графскаго сіятельства отъ 2 сего мѣсяца письмо, коимъ по высочайшему повелѣнію Ея Императорскаго Величества требовать изволите, чтобъ я командированному въ Литву полковнику для руководства его, въ дополненіе данныхъ изъ военной коллегіи наставленій, предписалъ еще изображенные въ томъ письмѣ три пункта (во первыхъ чтобы онъ, господинъ полковникъ, прежде всего старался распознать безъ ошибки происходящіе нынѣ въ Польшѣ для выбора земскихъ пословъ уѣздные сеймики отъ противныхъ конфедерацій, и чтобы онъ въ разсужденіи таковыхъ, сколько бы Поляки впрочемъ на словахъ шумливы ни были, довольствовался при наблюденіи строжайшей дисциплины, а въ случаѣ прямаго открытія конфедераціи, слѣдовалъ бы онъ, господинъ полковникъ, по предписанію военной коллегіи, не дѣлая жителямъ никакихъ обидъ, и о прочемъ) мною чрезъ нарочной штафетъ сего числа получено. И какъ уже командированный въ Литву Углицкаго пѣхотнаго полка господинъ полковникъ фонъ-Будбергъ повелѣнное указомъ государственной военной коллегіи наставленіе получилъ отъ командующаго здѣсь полками господина генералъ-поручика Пальменбаха: то не оставилъ я, по полученіи того письма, тотъ же часъ предложить къ нему и къ господину генералъ-поручику секретно, дабы онъ написанные въ письмѣ вашего сіятельства три пункта и четвертый еще особливо, чтобы предусмотрѣнныя разбойническія шайки ловить, упомянутому г-ну полковнику фонъ-Будбергу далъ, къ прежнему въ пополненіе, въ надлежащее еще наставленіе съ изображеннымъ въ письмѣ вашего сіятельства примѣчаніемъ, чтобъ по тѣмъ пунктамъ во всей точно оныхъ силѣ поступалъ онъ полковникъ и надлежащее исполненіе чинилъ безъ малѣйшаго упущенія.

При семъ же вашему графскому сіятельству донести имѣю. Польское безпокойство, какъ полученныя извѣстія увѣряютъ, состоитъ не въ побочномъ видно обстоятельствѣ или для уѣздныхъ какихъ либо обыкновенныхъ сеймиковъ, но, конечно, простиралось или и теперь простирается къ противной ихъ конфедераціи: потому во первыхъ, что когда я былъ во время учинившейся Митавской тревоги у его свѣтлости герцога Курляндскаго, тогда нѣкоторые вѣрные и надежные люди, выѣхавшіе изъ Литвы по совѣту Польскихъ пасторовъ, происшествіе о мятежникахъ не только подтверждали, но и увѣряли дѣйствительно, что въ Литвѣ вездѣ оные умножаются и выбрали себѣ (*пропускъ въ чер-*

новомъ письмѣ), но развѣ теперь потому утихаютъ и не озорствуютъ, что вскорѣ предупредило здѣшнее учрежденіе, и пришли въ опасеніе: ибо въ доказательство ихъ возмущенія служитъ присланное изъ Вильны отъ г-на генералъ-поручика Нумерса отъ 22 августа письмо, коего отъ меня того же августа 29 къ вашему сіятельству копія сообщена, что Поляки къ сторонѣ Лифляндіи въ повѣтахъ Ковенскомъ, Браславскомъ, Упитскомъ, Вилкомірскомъ въ немаломъ числѣ сконцедерованись и много изъ возмутителей есть по лѣсамъ, кои, занимая дорогу, схватываютъ его посланныхъ; а какъ сего числа и министръ Симолинъ словесно мнѣ, будучи здѣсь, объявилъ, что посланныя къ нему изъ Варшавы по почтѣ письма, въ томъ числѣ и отъ князя Николая Васильевича, перехвачены и къ нему не дошли. — Сверхъ же вышеписаннаго находящійся въ Динабургѣ съ эскадропомъ кирасиръ-маіоръ Манкинъ репортуетъ нынѣ генералъ-поручику Пальменбаху, что онъ для довольствія лошадей не можетъ въ тамошнихъ мѣстахъ сыскать въ покупкѣ фуража, ибо тамошніе Поляки разглашаютъ, что они сами въ Динабургѣ магазейнъ скоро учредить намѣрены, и хотя послѣднее сіе не вѣроятно, однакожь по прочимъ извѣстіямъ, какъ уже отъ меня прежде вашему сіятельству отъ 29 августа донесено, состоитъ не безъ опасности. — Впрочемъ пребываю съ истиннѣйшимъ моимъ почтеніемъ и пр. Г. Броунъ. — 6 сентября 1768 г. Рига.

21.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

При нынѣшнихъ въ Польшѣ замѣшательствахъ, кои, изъ свойственнаго ей политическаго положенія, превратили ее по всѣмъ концамъ въ сущій разбойничій вертепъ, можетъ иногда сверхъ чаянія и то статься, что люди, поправшіе ногами законы и тишину собственнаго отечества своего, дерзнутъ въ развращеніи своемъ сдѣлать гдѣ ни есть большою или малою кучею въ границы ввѣренной вамъ отъ насъ губерніи какой либо разбойничій набѣгъ.

На сей неожидаемый, но возможный однако, случай не сумнѣваясь весьма, чтобъ отъ васъ вездѣ возможныя охранительныя мѣры принимаемы не были, восхотѣли мы симъ то одно къ руководству вашему предписать, что если когда и гдѣ пойманы будутъ внутри границъ нашихъ Польскіе мятежники съ ружьемъ въ рукахъ, съ таковыми разбойниками имѣете вы поступать въ судѣ и наказаніи, какъ

съ прямыми разбойниками, по всей строгости законовъ. И пребываемъ вамъ впрочемъ императорскою нашею милостію благосклонны. Екатерина.

Данъ въ С.-Петербургѣ, 15 апрѣля 1769 г.

22.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ. Въ отвѣтъ на ваше письмо, имѣю вамъ сказать однажды завсегда, чтобъ вы сюда ни единаго Поляка не пропускали безъ паспорта отъ нашего полномочнаго посла въ Польшѣ. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательная Екатерина.— Февраля 8 дня 1771 г.

Рескриптъ сей писанъ собственною рукою Императрицы.

23.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. Я, имѣя надобность сдѣлать въ новыхъ провинціяхъ нѣкоторыя экономическія учрежденія, желаю, чтобъ для того пріѣхалъ сюда генералъ-экономіи-директоръ (1) на короткое время, чего ради объявите ему, чтобы онъ пріѣздомъ сюда не помедлилъ. — Впрочемъ остаюсь какъ и всегда вамъ доброжелательная Екатерина.—8 декабря 1772 г. С.-Петербургъ.

24.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ. Я желаю, чтобы господинъ Даль (2) на короткое время сюда пріѣхалъ для учрежденія, обще съ тѣми, коихъ я къ тому означила, порядочнаго производства торга новыхъ пріобрѣтенныхъ провинцій, дабы ни тѣ, ни ваши обижены не были. Какъ онъ сюда пріѣдетъ, то онъ явиться можетъ къ господину Теплову, у котораго сіи дѣла суть. Впрочемъ остаюсь какъ всегда къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Января 1773 г. Вашъ букетъ къ новому году я получила и радуюсь, что оной годъ отъ году увеличивается.

Рескриптъ сей писанъ собственноручно Государынею.

---

(1) Энгельгардъ (отецъ автора Записокъ) занявшій эту должность въ 1767 г. послѣ Штакельберга.—Должность генералъ-экономіи-директора соотвѣтствуетъ нынѣшней должности управляющаго Палатою Государственныхъ Имуществъ.

(2) Даль былъ оберъ-инспекторомъ, — должность, соотвѣтствующая нынѣ должности управляющаго Таможнею.

25.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ. При семъ пришлю я копія съ моей резолюціи на сенатской докладъ о продажѣ соли въ новопріобрѣтенныхъ провинцій, изъ которой усмотрите, что сей торгъ остается по прежнему вольной, и что казенныя стойки будутъ только въ такомъ случаѣ, когда бы недостатокъ въ вольной гдѣ оказалось. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Мая 10 числа 1773 г.

И этотъ рескриптъ писанъ также собственноручно Государынею.

Копія съ резолюціи данной правительствующему сенату отъ мая: „Торгъ въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ иностранною солью оставить по прежнему вольнымъ, а въ отвращеніе могущаго быть притѣсненія отъ всякаго рода перекупщиковъ въ случаяхъ недостатка въ продажѣ иностранной соли учредить не токмо въ заведенныхъ по старой границѣ стойкахъ, но и въ тамошнихъ городахъ казенную продажу соли.“

26.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ. Письмо ваше отъ 17 числа сего мѣсяца и при ономъ благодареніе отъ Рижскаго магистрата, за позволенную мною соляную въ Бѣлорусскую губернію торговлю, я получила, и мнѣ весьма пріятно было видѣть ихъ благодарность и признаніе моего объ нихъ попеченія; впрочемъ остаюсь вамъ какъ и всегда доброжелательною. Екатерина. 22 мая 1773 г., Царское Село.

27.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ. Для меня Іезуиты—люди, люди, кои страждутъ; я на нихъ жаловаться причинъ никакихъ не имѣю, но напротивъ того я поведеніемъ ихъ въ Бѣлорусскихъ провинціяхъ весьма довольна. И такъ, если въ вашемъ мѣстѣ кто изъ нихъ явится, то скажите имъ, что они всякой безопасности въ особѣ и имѣніи ихъ пользоваться могутъ въ губерніи Бѣлоруссіи, о чемъ отъ меня графу Захару Чернышеву приказано уже было, и нынѣ я о семъ еще ему подтвердила. Если же они какія дѣла или нужды до меня имѣютъ, чтобъ смѣло адресовались къ графу Захару Чернышеву и чтобы отъ меня ничего иного не ожидали, какъ сходственное моему человѣ-

колюбію. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Сентября 22 числа 1773 года.

Рескриптъ этотъ писанъ собственною рукою Государыни.

XII.

О казакахъ Маркинѣ и Поцалуевѣ.

(Изъ дѣла № 101, 1779 г.).

„*Секретно.*

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой. Ея Императорское Величество высочайше указать соизволила присланныхъ сюда съ Дону Донскаго войска казаковъ Ѳедора Маркина и Михаилу Поцалуева, которые оказались въ развратномъ толкованіи св. Евангелія и христіанской вѣры (отчего хотя они всевозможными увѣщеваніями отвращаемы были, однако, по невѣжеству своему и грубости, остались въ томъ заблужденіи непреклонны), отправить на островъ Эзель съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ накрѣпко за ними смотрѣть, дабы они оттуда уитить не могли, и притомъ вреднаго и развращеннаго своего толкованія между малосмысленными людьми не разсѣевали; пропитаніе же имъ тамо имѣть отъ своихъ трудовъ. И вслѣдствіе сего высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, оные казаки для пересылки на островъ Эзель, съ прописаніемъ къ тамошнему командиру означеннаго Ея Величества высочайшаго повелѣнія, вашему сіятельству при семъ за карауломъ и посылаются. Впрочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорный слуга князь Александръ Вяземской. 21 іюня 1779 г. С.-Петербургъ.“

Казаки были отправлены въ Аренсбургскую крѣпость къ тамошнему коменданту подполковнику Эку съ фурьеромъ Рижскаго 1 баталіона Антономъ Самыкинымъ. Графъ Броунъ, отправляя ихъ на о. Эзель, предписалъ 25 іюля 1779 г. Эку употреблять „сказанныхъ казаковъ въ партикулярныя работы за присмотромъ, или имѣть имъ у себя такую работу, отъ которой бы могли пропитаться. Собственныя же деньги Маркина 42 р. и Поцалуева 50 р., врученныя фурьеру при отправленіи изъ Риги, отдать имъ казакамъ персонально.“

Маркина и Поцалуева посадили въ тюрьму. Тутъ они начали шить сапоги и печь хлѣбы другимъ колодникамъ, по

недолго они пожили въ Аренсбургѣ: 22 сентября 1779 г. они спустились изъ своего номера въ тюремное отходное мѣсто, проломали въ немъ стѣну и бѣжали. О побѣгѣ ихъ Экъ извѣщалъ Эзельскую провинціальную и Ревельскую генералъ-губернскую канцеляріи. Примѣты бѣглецовъ: оба росту большаго, лицомъ бѣловаты, блѣдны, волосы на головѣ и бородѣ черные, на нихъ одежда — кафтаны казачьи синяго сукна, полы подбиты сверху до половины красною китайкою, подъ кафтанами бешметы степные китайчатаго синяго цвѣта ветхіе, шапки круглыя казацкія, въ чулкахъ и котахъ. Донося графу Броуну о побѣгѣ Маркина и Поцалуева, Экъ оправдывалъ себя тѣмъ, что стѣны отходнаго мѣста, при постройкѣ тюрьмы, сдѣланы были слишкомъ тонкими, что крѣпостной валъ находится въ полуразрушенномъ состояніи и потому пройти чрезъ него нетрудно, да и „казаки были люди денежные."

Графъ Броунъ 3 октября далъ выговоръ Эку, велѣлъ тюрьму починить, а о побѣгѣ Маркина и Поцалуева сообщилъ князю Вяземскому 3 же октября, съ просьбою „дать знать въ войско Донское, куда они уповательно пробираться будутъ, ловить ихъ." Казаковъ не поймали.

Островъ Эзель служилъ ссылочнымъ мѣстомъ духоборцамъ и другимъ сектантамъ, высылаемымъ изъ Россіи.

XIII.

Письмо Г. Н. Теплова къ Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну о магистрѣ Масковѣ.

Милостивый государь мой Юрій Юрьевичъ! Изъ приложенной при семъ копіи нѣмецкаго письма къ его сіятельству генералъ-фельдцехмейстеру графу Григорію Григорьевичу Орлову усмотрѣть изволите ваше высокопревосходительство, что нѣкто находящійся въ Ригѣ магистръ Масковъ проситъ многихъ себѣ выгодъ, а за то обѣщаетъ и много своего знанія съ довольнымъ о себѣ самомъ мнѣніемъ и апробаціею. Но какъ штиль его письма нѣсколько въ сумнительство заводитъ, не найдется ли всему тому что́ ни есть противное, хотя однакожъ, не знавъ человѣка, судить объ немъ невозможно: то всемилостивѣйшая Государыня повелѣть мнѣ соизволила отписать къ вашему высокопревосходительству съ тѣмъ, чтобы вы изволили, сохраня сію копію письма нѣмецкаго у себя, секретно навѣдаться и узнать сего человѣка до́ пряма — кто онъ таковъ? откуда?

и какую репутацію имѣетъ между учеными людьми? и есть-ли его какіе нибудь изданные въ свѣтъ печатью труды? и наконецъ, при всемъ своемъ онъ высокомъ о себѣ мнѣніи и наукахъ, всегда-ли въ здравомъ разсудкѣ? Сіе же можно знать отъ тѣхъ людей, съ которыми онъ обхожденіе имѣетъ и изъ поведенія его собственнаго. Впрочемъ, буде сей человѣкъ найдется, котораго таланты и внѣшнія качества соотвѣтствуютъ качествамъ полезнаго для общества человѣка, то прямо отъ него обстоятельнѣе навѣдаться собою, чего онъ и на какомъ основаніи желаетъ, и о семъ меня увѣдомить для донесенія Ея Императорскому Величеству.

Имѣю честь быть съ моимъ совершеннымъ высокопочитаніемъ вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Григорій Тепловъ. Марта 5 дня 1767 г. Москва.

Отвѣтъ былъ слѣдующій:

Государь мой Григорій Николаевичъ! На полученное мною письмо вашего превосходительства, коимъ требовать изволите извѣстія, находящійся въ Ригѣ магистеръ Масковъ кто онъ таковъ, откуда и какую репутацію имѣетъ между учеными людьми и о прочемъ, вашему превосходительству доношу.

Сколько мнѣ по развѣданію извѣстно, сей человѣкъ Саксонской націи, учился въ Витенбергѣ философіи и потомъ былъ въ Голштиніи, но когда тамъ съ учеными людьми согласиться не могъ, то, пріѣхавъ въ Россію, находился при С.-Петербургской Академіи 11 лѣтъ, гдѣ о его состояніи и о поведеніяхъ житія его лучше можно развѣдать. Въ Ригѣ шатается онъ около уже пяти лѣтъ съ того времени, какъ отъ рѣченной академіи отставленъ, и жизнь свою продолжаетъ здѣсь, какъ видно, болѣе для того, что нечѣмъ выѣхать ему за границу. Къ пропитанію хлѣбъ искалъ единственно отъ того, чтобы незнающему его простому народу писать челобитныя и вступалъ адвокатомъ въ городскіе и земскіе суда; но когда усмотрѣны изъ дѣлъ его непристойности и озлобительныя выраженія и что онъ ни здѣшнихъ Лифляндскихъ и другихъ никакихъ правъ не знаетъ, то ему челобитныя писать запрещено. По примѣчанію, коего я нерѣдко видалъ, онъ человѣкъ, кажется мнѣ, малоумный и никакой полезности для общества въ немъ не предусматриваю. Впрочемъ пребываю съ моимъ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, государя моего, покорный слуга Г. Броунъ. Марта 25 дня 1767 г. Рига.

XIV.

Рескрипты Императрицы Екатерины II къ Лифляндскому генер.-губернатору Броуну о Пугачевѣ и пр.

1.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ.—Хотя мать, когда дѣтей своихъ непослушныхъ сѣчетъ, тогда радоваться не можетъ; но однако, дабы вы въ состояніи были опровергнуть всѣ ложные по сю пору разсѣянные слухи, увѣдомляю я васъ, что вчерашній день я получила отъ генерала Бибикова два курьера съ извѣстіемъ, что генералъ-маіоръ князь Петръ Голицынъ, имѣвъ сраженіе съ воровскою толпою подъ Оренбургомъ, оную разсѣялъ и городъ сей совершенно освободилъ отъ утѣсненія, о чемъ какъ отъ него, такъ и отъ самого Оренбургскаго губернатора господина Рейнсдорпа извѣстіе получено. — Теперь двѣ партіи отправлены: одна къ низъ рѣки Яика, а другая къ рѣки Уфы, дабы и тамъ вездѣ дороги очистить; главный же воровской атаманъ Пугачевъ въ степь бѣгствомъ спасся, но надѣются и его достичь. И такъ гордящіеся симъ разбоемъ ненавистники наши поубавятъ свое ликованье. Хотя великое число воровъ и переловлено и кибитка атамана ихъ со многими письмами поймана, но нигдѣ слѣда нѣтъ, чтобъ чужестранные кто между ими былъ, и изъ природныхъ нашихъ ни единаго человѣка нѣту, котораго имени назвать можно: одна сволочь въ невѣжествѣ, пьянствѣ и глупости погруженныхъ подлыхъ людей. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательною. Екатерина. Изъ Села Царскаго, 7 апрѣля 1774 г. Ваши письма отъ 28 марта и 2 апрѣля до моихъ рукъ дошли. Дѣло подъ Оренбургомъ рѣшилось 26 марта.

Рескриптъ сей писанъ собственною рукою Императрицы. Пугачевъ былъ наголову разбитъ кн. Голицынымъ 22 марта 1774 г., подъ Татищевой, и 26 марта Голицынъ прибылъ въ Оренбургъ. — Пугачевъ, снова разбитый 1 апрѣля подъ Сакмарою, бѣжалъ на Авзяно-Петровскіе заводы. — Казалось, что бунтъ долженъ былъ прекратиться, но извѣстно, что ожиданія Императрицы отнюдь не оправдались. — 9 апрѣля умеръ Бибиковъ, и скоро Пугачевъ явился сильнѣе прежняго. 12 іюля онъ уже былъ подъ Казанью.

2.

О полковникѣ Анжели.

Секретнѣйше.

Нашему Рижской губерніи генералъ-губернатору Броуну.

По нѣкоторымъ важнымъ причинамъ, разсудили мы за благо арестовать состоящаго въ службѣ нашей полковника Анжели, который, какъ намъ извѣстно, находясь въ Нѣмецкой землѣ, за полкомъ его, въ Казани пребывающимъ, идетъ можетъ быть чрезъ Ригу. Почему, если оный въ Ригу прибудетъ, то онаго того жъ момента арестовать, всѣ его письма и бумаги собрать въ одно мѣсто и, не читая, оныя запечатать, обыскавъ съ возможнымъ прилежаніемъ, чтобы гдѣ въ сокровенныхъ ящикахъ, или же въ другихъ какихъ мѣстахъ оныхъ не осталось, и какъ его самого, такъ и собранныя бумаги всѣ прислать въ Петербургъ за надежнѣйшимъ карауломъ, чтобы онъ конечно въ цѣлости сюда былъ доставленъ, приказавъ будущему начальнику стараться онаго въ городъ ввезть или ночью, или поутру рано, приславъ прежде съ послѣдней почты о томъ извѣстіе съ нарочнымъ къ нашему генералъ-прокурору князю Вяземскому, дабы онаго прямо въ назначенное мѣсто безъ огласки провезть было можно. Приказать же тому начальнику, не въѣзжая въ городъ, остановиться дожидать обратно отъ него посланнаго; останшійся же Анжеліевъ экипажъ, опечатавъ, хранить подъ особымъ карауломъ впредь до указу. Когда же вы узнаете, что оный полковникъ Анжели не чрезъ Ригу, а на другія губерніи вашей мѣста поѣдетъ, въ такомъ случаѣ, когда удобность будетъ вамъ, то прикажите все вышепредписанное исполнить чрезъ нарочно посланнаго отъ васъ надежнѣйшаго человѣка, не ввѣряя сего исполненія никакому вамъ подчиненному мѣсту; если же вамъ того сдѣлать будетъ невозможно, то дайте о томъ знать съ нарочнымъ къ нашему генералъ-прокурору немедленно. Екатерина. Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 26 числа 1774 г.

По полученіи этого указа, Броунъ взялъ всевозможныя мѣры и предосторожности, чтобы задержать и не упустить Анжели, но онъ въ Лифляндіи нигдѣ не проѣзжалъ. Броунъ 24 мая 1774 г. увѣдомилъ князя Вяземскаго, что ни Анже-

ли, ни Французъ Ларжъ (*) въ Лифляндіи не являлись. Князь Вяземскій отвѣчалъ 3 іюня 1774 г., что „Анжели уже въ Россію явился, и всѣ тѣ предосторожности, кои вашему превосходительству въ разсужденіи его предписаны были, теперь уже миновались.“ Скоро былъ полученъ Броуномъ изъ военной коллегіи указъ, отчасти объяснившій, почему Императрица приказала арестовать Анжели. Указъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Въ нынѣшнемъ Ея Императорскаго Величества указѣ, данномъ военной коллегіи за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ въ 18 день сего іюня мѣсяца, изображено: „Мы извѣстились съ достовѣрностію, что бывшій Володимірскаго драгунскаго полка полковникъ Анжели завелъ и содержалъ съ чужестранцами непозволенныя и предосудительныя сношенія, почему мы его арестовать и слѣдовать повелѣли и хотя свойственное намъ милосердіе не допустило до употребленія сходственныхъ съ правосудіемъ способовъ для извлеченія отъ Анжели того, что онъ въ признаніи своемъ скрыть могъ; но тѣмъ не меньше однакожъ дѣла, ему приписуемыя, несомнѣнно доказанныя и имъ самимъ признанныя, суть таковы, что во всѣхъ обществъ правилахъ не можетъ онъ инако сочтенъ быть какъ виновнымъ предъ нами и предъ Имперіею за нарушеніе вѣрности службы и обязательствъ, учиненныхъ имъ при вступленіи въ оную, также и за ненаблюденіе должнаго предъ властями праводушія чрезъ испрошеніе себѣ обманомъ позволенія отъѣхать будто ради собственныхъ своихъ домашнихъ дѣлъ въ одно государство, когда въ самой истинѣ поѣхалъ въ другое, переодѣвшись, измѣня лице, вслѣдствіе условія его съ тѣми чужестранными знакомцами, съ коими сговорился на дорогѣ, къ коимъ возвратился онъ для отданія отчета въ своемъ путешествіи и отъ коихъ получалъ деньги. Единственно слѣдуя токмо великодушію нашему, восхотѣли мы освободить Анжели отъ наказанія за то опредѣленнаго, но въ тоже время, исключивъ его изъ службы нашей, лишивъ ордена св. Георгія и отобравъ патенты нашей службы, повелѣли уже мы выпроводить его за границу подъ стражею одного офицера съ преценіемъ ему вѣчно въѣзжать въ какое бы то ни было мѣсто Имперіи

(*) Объ этомъ Ларжѣ Императрица собственноручно писала Броуну: Господинъ Рижскій генералъ-губернаторъ. Извѣстно мнѣ, что нѣкоторый бездѣльникъ Французъ именемъ или прозваніемъ *Large*, скоро чрезъ Ригу проѣдетъ. Прикажите сего бездѣльника арестовать и содержать подъ карауломъ и пришлите его къ князю Вяземскому, впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Марта 4 числа 1774. Онъ нынѣ осенью былъ здѣсь, поѣхалъ во Францію и скоро возвратится.

нашей. Наша военная коллегія, получа сіе нужное свѣдѣніе, имѣетъ съ своей стороны выключить Анжели изъ военнаго списка, о винѣ и о такомъ его исключеніи по вышеписаннымъ резонамъ объявить надлежащимъ образомъ въ нашихъ арміяхъ. Вслѣдствіе сего Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, военная коллегія опредѣлила объявленнаго Анжели изъ воинскаго, изъ кавалерскаго военнаго ордена и списковъ исключить и для свѣдѣнія о томъ всѣмъ воинскимъ, полевымъ и гарнизоннымъ командамъ чрезъ сіе дать знать. Іюня 30 дня 1774 г." Подписали: Петръ Свистуновъ, секретарь Иванъ Пѣтуховъ и генеральный писарь Степанъ Савельевъ.

Вслѣдъ за Анжели выслали за границу и его прислугу. Вотъ письмо къ Юрію Юрьевичу объ этомъ:

„Милостивый государь мой! Ея Императорское Величество высочайше повелѣть соизволила бывшаго въ Володимірскомъ драгунскомъ полку полковника Анжели (который высланъ за границу) служителей: камердинера Карла Штеха и егеря Степана Рыса выслать также за границу, чего ради и отправлены оные при семъ къ вашему высокопревосходительству за карауломъ сенатскихъ ротъ курьера Полубояринова и одного солдата. При чемъ Ваше Высокопревосходительство покорно прошу, когда оные камердинеръ и егерь, вслѣдствіе помянутаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, будутъ высланы за границу, то сенатскаго курьера и солдата отправить въ Петербургъ, коимъ и на возвратный путь прогонныя деньги здѣсь выданы. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. князь Александръ Вяземской. Іюля 21 дня 1774 года. С.-Петербургъ."

(Изъ дѣла № 61, 1774 года).

3.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ. — Три ваши письма отъ 21 октября я сего вечера получила и изъ перваго усмотрѣла, что вы избрали надежную особу для надзиранія въ Курляндіи отъ самаго Мемеля за извѣстнымъ человѣкомъ (*), и теперь осталось ожидать только что́ произойти будетъ. — Что касается до Пугачевскаго бунта, то нигдѣ теперь ни малѣйшей воровской шайки не слышно, а упражняется теперь генералъ графъ Панинъ набѣги Кир-

(*) Ангальтомъ, надзирать за которымъ было повелѣно Императрицею 14 октября 1774 г.

гизскіе народы пресѣчь, да Башкирцевъ привести въ совершенное спокойствіе, въ чемъ и успѣхъ вездѣ его трудамъ соотвѣтствуетъ. Пугачева я (по) читаю теперь на дорогѣ къ Москвѣ; онъ во всемъ винится и самъ себя почитаетъ всякой казни достоинъ. — Онъ дѣйствительно Донской казакъ Зимовейской станицы, и многіе Донскіе казаки его знаютъ, и они никогда сами къ нему не приставали, а шалили съ нимъ Яицкіе казаки, и Башкирцы, и Татары, и Волжскіе бурлаки, да бѣглые, коихъ на Волгѣ много; прочихъ же вездѣ изъ деревень брали и гнали силою и застращая, а индѣ и мужики, надѣясь на свободу и на неплатежа податей, къ нимъ пристали; теперь же вездѣ и все тихо. Чужестраннаго ни единаго человѣка при Пугачевѣ никогда не было; онъ самъ ни читать, ни писать не умѣетъ, служилъ въ Прусскомъ походѣ и въ нынѣшней войнѣ двѣ кампаніи; дворянъ онъ вездѣ вѣшалъ по злобѣ.—Сей разбойникъ не устрашимъ, но не видно въ немъ лишной остроты, а еще меньше систематической смыслъ или духъ, но урывками дѣйствовалъ, какъ на умъ что пришло, и наипаче прямой его предметъ былъ грабежа, а потомъ пить, ѣсть хорошо.—Его гисторія сходствуетъ во всемъ гисторіи разбойника Стеньки Разина, который завладѣлъ Астраханью при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и многими городами, называя себя царемъ Ѳедоръ Ѳедоровичемъ, и посылалъ пословъ въ Персію, и четыре года его изъ Астрахани не могли выбить: проказы тѣ же, и въ тѣ же мѣста и тѣми же людьми (¹). Сей край еще въ великомъ невѣжествѣ, то есть Оренбургской, Астраханской и низовыя земли. — Теперь приступлю къ отвѣту на третье ваше письмо о хлѣбномъ торгѣ. Правда, что въ Низовыя мѣста голодъ совершенный уже настоитъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбъ не родился, въ другихъ не сѣяли, во многихъ хлѣбъ не снимали

(¹) „Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, писалъ Бибиковъ, отлично понимавшій характеръ Пугачевщины, къ фонъ-Визину 29 января 1774 г., да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаиваюсь; да успокоить почти всеобщаго черни волненія предстоитъ трудности.... Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры Яицкіе казаки играютъ."

съ поля, а арміи возвращаются въ Имперію, и магазейны должно пополнять для военныхъ людей, да и жителямъ должно пропитанье доставить, и все дѣлается что́ можно для сихъ необходимыхъ нуждъ, и всѣ губернаторы наставлены, чтобъ другъ другу всевозможныя вспоможенія дѣлали. — Отъ Сената имѣю представленіе, чтобъ вывозъ хлѣба на время остановить, но я на сіе не поступила еще, для того что вѣдаю всѣ неудобности отъ того быть могущія, наипаче вывозить изъ Риги. Подумаю, что́ бъ скорѣе всего способствовало унять всѣ о невыпускѣ хлѣба изъ Риги представленіи: если бы господа Лифляндцы одни или обще съ Эстляндцами такъ учтивы были и взяли бы на себя прокормленіе города Питербурха, или отчасти или весь, за деньги; напримѣръ, еслибъ четвертей тысячъ до двухъ сотъ за умѣренную цѣну въ будущемъ году договорить сюда доставить, дабы тѣмъ дополнить недостатокъ низоваго каравана, которой, чаю, и ожидать не можно и не должно, а сей городъ хлѣбомъ снабденъ отъ сентября 1774 и на 15 мѣсяцевъ; а какъ я уѣду къ Москвы, такъ еще людей убавится. А если сіе не сдѣлаютъ, то будемъ стараться какъ можно, ибо ѣсть надобно. — Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Октября 26 числа 1774 года.

И этотъ рескриптъ писанъ также своеручно Императрицею. — Графъ Броунъ не замедлилъ выполнить желаніе государыни и 6 декабря 1774 донесъ Ея Императорскому Величеству, что Лифляндское рыцарство согласилось для доставленія въ Петербургъ поставить ржи 60 т четвертей, въ томъ числѣ 40 тысячъ четвертей къ веснѣ 1775 г. до вскрытія воды, а достальныя 20 тысячъ осенью 1775, цѣною за каждую четверть по 1 талеру по 78 грошей; да мѣщанство Рижское къ первой же водяной коммуникаціи ржи 7500 четвертей, въ коихъ 500 ластовъ, каждый цѣною по $22\frac{1}{2}$ талера. Сверхъ того графъ Броунъ полагалъ отъ города Пернова и отъ острова Эзеля (Эстляндія не подчинялась Броуну, въ то время она составляла особое губернаторство) достать 2500 четвертей и взять изъ арендпаго и стаціоннаго хлѣба до 10 тысячъ четвертей и просилъ увѣдомить, кому коммисія о перевозѣ въ Петербургъ сказаннаго хлѣба поручена будетъ, дабы можно было дать кому слѣдуетъ знать, сколько и гдѣ, какъ въ Ригѣ, такъ въ Перновѣ, и въ Нарвѣ, того хлѣба принять слѣдуетъ.

На реляцію эту государыня Императрица рескриптомъ отъ 16 декабря 1774 г. приказала графу Броуну слѣдующее:

1) „Объявите рыцарству и городу мое удовольствіе за скорую готовность ихъ къ сей поставкѣ, а за поставленной ими хлѣбъ, по означенной въ реляціи вашей цѣнѣ, выдайте имъ деньги изъ Рижскихъ доходовъ. 2) Двадцать тысячъ четвертей ржи, кои рыцарство обязуется поставить осенью будущаго года, прикажите тогда отдать въ вѣдомство прокіантской канцеляріи, которая вмѣсто того тоже число будущею весною поставитъ сюда (т. е. въ Петербургъ) изъ своихъ Финляндскихъ магазейновъ. 3) Стаціонный въ землѣ хлѣбъ, котораго вы до 10 т. четвертей сюда перевезть представляете, оставьте на что онъ назначенъ (т. е. въ запасъ). 4) Коммисію о доставленіи сюда онаго хлѣба поручила я остающемуся здѣсь по отбытіи моемъ въ Москву (1) главнымъ командиромъ генералу-фельдмаршалу князю Голицыну, котораго вы и имѣете увѣдомить, гдѣ, сколько онаго хлѣба свезено будетъ, дабы онъ по тому столько казенныхъ или наемныхъ судовъ въ тѣ мѣста, для взятія онаго въ свое время, отсюда отправить могъ. 5) Въ помянутой реляціи пишете вы, что вы надѣялись болѣе того числа доставить хлѣба, еслибъ заблаговременно о надобности здѣсь въ ономъ были извѣстны, почему я теперь желаю знать, сколько и когда онаго гг. Лифляндцы представятъ для доставленія сюда къ будущему 1776 году."

4.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ графъ Броунъ.

Прикажите изъ Рижскихъ доходовъ выдать Саратовскаго коменданта Бошняка (2) женѣ за службу мужа ея двѣ тысячи рублей. Екатерина. 13 января 1775 г. Царское Село.

---

(1) Екатерина II прибыла въ Москву въ половинѣ января 1775 г. для празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

(2) О Бошнякѣ см. Исторію Пугачевскаго бунта Пушкина, главу VIII. Жена Бошняка была, можетъ быть, родомъ изъ Прибалтійскихъ губерній.

XV.

Рескрипты и указы Императрицы Екатерины II-й, данные Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну по поводу 1-й Турецкой войны.

1.

Секретнѣйше.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. — По причинѣ начавшейся войны съ Турками, принимая мы теперь мѣры во всей нашей Имперіи, въ необходимости нашлись и провинцію Лифляндскую и Эстляндію съ островомъ Эзелемъ на сіе военное время обложить, сверхъ обыкновенныхъ, новыми податьми; а сіе какъ для нѣкотораго вспоможенія, такъ наипаче и для сохраненія принадлежащаго въ таковыхъ случаяхъ особеннаго намъ права.—Но дабы узнать, до коликой суммы въ годъ положить, то мы сдѣлали у себя къ тому расчисленіе и, полагая только оное примѣрно съ таковаго числа, думаемъ, что земство и городы въ раскладку сами между собою войдутъ, чего ради вамъ повелѣваемъ прислать къ намъ и ваше о томъ мнѣніе. Паче же намъ вѣдать надлежитъ прямое расчисленіе, какую сумму особенно положить на Лифляндію и какую по пропорціи на Эстляндію съ островомъ Эзелемъ, дабы мы, мѣру узнавъ, могли назначить и той и другой провинціи съ городами ихъ извѣстную сумму, предоставляя впрочемъ самимъ провинціямъ между собою раскладку. По крайней мѣрѣ, какъ намъ кажется, Лифляндія и Эстляндія съ островомъ Эзелемъ, безъ отягощенія своего, 150 тысячь альбертовыхъ талеровъ на годъ давать намъ могутъ. Что же касается до города Нарвы, то объ ономъ положеніе сдѣлано будетъ нами особливо въ Сенатѣ. Мы ожидаемъ отъ васъ мнѣнія вашего сколь возможно скорѣе, а помянутую записку о примѣрномъ расчисленіи при семъ прилагаемъ. — Екатерина. Декабря 9 дня 1768 г. С.-Петербургъ.

Записка.

Въ Шведскомъ земскомъ уставѣ титулъ 1, о королевскомъ правѣ, глава 4:

§ VI. Король никакихъ новыхъ тягостей или податей на землю свою не налагаетъ, выключая въ таковыхъ случаяхъ: во 1-хъ когда чужестранное войско, язычники или христіане похотятъ опустошать его землю (*) или кто изъ своихъ противъ короля возстанетъ и король инымъ образомъ защититься не можетъ, либо дѣтей своихъ, сыновей или дочерей, сочетаваетъ бракомъ, или же коронуется, либо похочетъ объѣзжать государство, или потребно строить замки, въ таковыхъ случаяхъ долженъ епископъ и лагманъ каждаго лагманства, также шестеро изъ дворянъ и столько же изъ простыхъ, между собою разсуждать, какую помощь общество королю своему по возможности и сноснѣйше чинить можетъ и должно.

Во время Шведскаго владѣнія въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ, сверхъ прочихъ податей, содержана была конная служба: одинъ рейтаръ со всѣмъ мундиромъ и лошадью съ 15 гаковъ.

Нынѣ вмѣсто того, по силѣ резолюціи князя Меньшикова Марта 1-го 1712 г., съ 15 гаковъ по 60 ефимковъ, а съ одного гака 4 ефимка съ прочими доходами сбирается.

Въ Лифляндскомъ земскомъ уставѣ стр. 778: въ 1700 г. королевско-шведскою резолюціею повелѣно, чтобъ для тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ конную службу брать вдвое, и сверхъ обычайнаго рейтара еще другаго со всѣмъ мундиромъ въ два мѣсяца поставить.

Расчисленіе, по которому налагается экстраординарный сборъ съ рыцарства и дворянства Лифляндскаго, Эстляндскаго и острова Эзеля на настоящее время войны.

ГАКИ (**)

		Коронныхъ.	Приватныхъ.	Пасторскихъ.	Итого поселенныхъ.	Да сверхъ того не поселенныхъ.	Итого обоихъ.
Въ Лифляндіи по послѣдней 1737 г. ревизіи..		$1040^{1}/_{8}$	5228	$987^{7}/_{8}$	6367	525	6892
Въ Эстляндіи по послѣдней 1765 год. ревизіи.	Эстляндскіе и Эзельскіе гаки половиною меньше Лифляндскихъ въ расчетѣ ниже сего показанномъ положены.	$73^{1}/_{10}$	$6167^{23}/_{40}$	—	$6240^{27}/_{40}$	$2042^{21}/_{40}$	$8283^{3}/_{40}$
На островѣ Эзелѣ по ревизіи 1756 г.		$816^{9}/_{14}$	$423^{5}/_{8}$	$43^{5}/_{12}$	$1283^{1}/_{4}$	$602^{7}/_{8}$	$1886^{1}/_{8}$
	Итого	$1020^{11}/_{20}$	$11819^{1}/_{8}$	$1427^{7}/_{24}$	$13839^{7}/_{40}$	$3170^{41}/_{80}$	$17001^{7}/_{16}$

(*) Во время войны собираются не только одни для походу подати, но надлежитъ также платить положенную на государственныхъ сеймахъ 1686 и 1689 годовъ контрибуцію, а ежели и той на военныя надобности не довольно, то повелѣваетъ король столько сколь потребно изъискивать, что̀ послѣ чины платитъ.

(**) Необходимо помнить, что гакъ (Haken) есть мѣра земли въ Лизоніи.— Гаками измѣрялась величина однихъ только пахатныхъ полей, по мѣрѣ

Слѣдуетъ расчетъ сколько брать съ гака, если наложить примѣрно на Лифляндію и Эстляндію 200 тысячъ талеровъ, сколько брать съ гака для составленія этой суммы, если исключить гаки непоселенные; потомъ сколько придется на

дохода, который съ нихъ получался.—Во время епископскаго и орденскаго правленія гакъ опредѣлялся количествомъ посѣва, измѣрявшагося бочками. Гаковъ въ то время было четыре рода: большой гакъ въ 177 бочекъ посѣва, малый гакъ въ 30 бочекъ, гакъ архіепископа Альберта II-го въ 66 бочекъ и гакъ гермейстера Плетенберга въ 90 бочекъ.

Съ присоединеніемъ Ливоніи къ Польшѣ въ 1561 г., явились еще два рода гаковъ: польскій большой въ 120 бочекъ посѣва и польскій малый въ 30 бочекъ.

Густавъ Адольфъ въ 1630 г. предписалъ уравнять гаки, но такое уравненіе произошло лишь въ правленіе королевы Христины. Въ 1638 году велѣно считать *однимъ гакомъ* участокъ земли, съ котораго надо было ставить еженедѣльно двухъ работниковъ съ лошадью. По исчисленіямъ 1641 г. во всей Лифляндіи число гаковъ составляло 4343.—Въ 1683 году было начато межеваніе всѣхъ помѣстій Лифляндіи, оконченное въ 1687 г. Въ этомъ году постановлено гакъ считать въ 60 талеровъ, а талеръ за бочку ржи или ячменя, или за 2 бочки овса; 22½ конныхъ рабочихъ дня или пѣшихъ 30 дней положено цѣнить въ 1 же талеръ, слѣд. гакъ=60 талеровъ=60 бочекъ ржи или ячменя=120 бочекъ овса=1350 конныхъ и 1800 пѣшихъ рабочихъ дней. — Всѣ пахатныя поля раздѣлены на 4 степени. Участокъ земли первой степени (самой лучшей), засѣваемый одною бочкою ржи оцѣненъ въ 1 талеръ или 90 грошей; участокъ земли второй степени, засѣваемый бочкою ржи, оцѣненъ въ 75 грошей, участокъ земли третьей степени въ 60, а четвертой степени въ 45 грошей. Для составленія одного гака требовалось земли на 60 талеровъ. Въ 1690 г. предписано считать на бочку посѣва 14 тысячъ квадр. локтей=$^{3}/_{11}$ русской десятины. По ревизіи 1687 г. въ Лифляндіи считалось 6236 гаковъ, изъ коихъ частнымъ лицамъ принадлежало 1021. — Ревизіи гаковъ возобновлялась чрезъ каждые шесть лѣтъ.

По присоединеніи Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи счисленіе имѣній по гакамъ и ревизіи гаковъ остались на томъ-же основаніи, какъ было при шведскомъ правленіи и продолжались до 1809 года. Въ этомъ году началось межеваніе и оцѣнка крестьянскихъ земель во всей Лифляндіи на основаніяхъ шведской ревизіи 1687 года съ тою разницею, что въ соображеніе были приняты сѣнокосы, огороды и вспомогательныя работы, въ шведской ревизіи въ расчетъ не входившія. Велѣно считать гакъ не въ 60, а въ 80 талеровъ, но подати натурою и работы цѣнить по шведской таксѣ, слѣд. гакъ=80 талеровъ=80 бочекъ ржи или ячменя=160 бочекъ овса=1800 конныхъ и 2400 пѣшихъ рабочихъ дней.

Раздѣленіе пахатныхъ полей на 4 степени осталось прежнее. — Для составленія одного гака требуется земли на 80 талеровъ.—Къ 1 Января 1827, когда ревизіонная комиссія окончила свои занятія, оказалось въ Лифляндіи 850 казенныхъ и 6777 частныхъ, всего 7627 гаковъ. — Пространство гака уклонливется добротою почвы, но среднимъ числомъ на гакъ можно считать около 2 квадр. верстъ.

Въ Эстляндіи гаковъ 6300, но эстляндскіе гаки меньше и составляютъ только ⅔ лифляндскихъ, слѣд. въ Эстляндіи лифляндскихъ гаковъ 4200.

Въ Курляндіи гакъ есть имѣніе оцѣненное въ 40 тысячъ флориновъ альбертовыхъ, или въ 13333⅓ альбертсъ талеровъ, или въ 16800 рублей; тутъ значеніе гака совершенно другое, чѣмъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, и всѣ повинности въ этой части древней Ливоніи опредѣляются, за малыми исключеніями, не числомъ гаковъ, но числомъ душъ населенія.

гакъ, если исключить гаки непоселенные и коронные; наконецъ по скольку съ гака пришлось бы брать, если бы 200 тысячъ наложить на одни приватные. — Не приводимъ этихъ расчетовъ, по ихъ совершенной безполезности.

ЛИФЛЯНДСКІЕ ГОРОДА:

Большіе: Рига, Дерптъ, Перновъ.
Малые: Валькъ, Венденъ, Вольмаръ.
Малый Лемзаль—состоитъ подъ магистратомъ рижскимъ.
Малый Феллинъ—за Чоглоковыми и проситъ, чтобъ быть ему коронным, но еще резолюціи нѣтъ.
Малый Аренсбургъ—на островѣ Эзелѣ. Имѣетъ свои права и магистратъ.

ЭСТЛЯНДСКІЕ ГОРОДА:

Ревель, Гапсаль } имѣютъ свои права и магистратъ.

Городокъ Везенбергъ, Мѣстечко Вейсенштейнъ } Состоятъ въ приватномъ владѣніи и просятъ быть коронными, но дѣло еще не рѣшено въ Сенатѣ.

ФИНЛЯНДСКІЕ ГОРОДА:

Выборгъ, Фридрихсгамъ } Состоятъ на своихъ правахъ, привиллегіяхъ и имѣютъ свои магистраты.

Примѣчаніе.

Ежели Лифляндское и Эстляндское рыцарство и дворянство платить будетъ на годъ по 200 тысячъ альбертовыхъ талеровъ, то и города обоихъ сихъ провинцій съ островомъ Эзелемъ, не исключая и Нарвы, въ состояніи быть должны давать по 100 талеровъ на годъ, кромѣ Финляндскихъ городовъ. Но по скольку особенно съ каждой провинціи и въ нихъ съ мѣщанства каждаго города собирать должно, къ тому основанія здѣсь опредѣлить не изъ чего, понеже никакихъ извѣстій о мѣщанствѣ сихъ провинцій и городовъ здѣсь въ архивахъ нѣтъ; и для того, не опредѣляя именно ничего въ рескриптахъ о сборѣ съ городовъ, не соизволено ль будетъ написать глухо, чтобъ города каждой провинціи платили въ годъ пропорціональную сумму тѣмъ сборамъ, каковые рыцарство и дворянство давать будетъ со своихъ поссесій, а губернаторамъ, подъ которыхъ смотрѣніемъ раскладка происходить будетъ, предписать секретно указами, чтобы Лифляндія съ городовъ своихъ не меньше (если больше будетъ невозможно) 60 тысячъ талеровъ въ годъ платила, а Эстляндія съ островомъ Эзелемъ и горо-

домъ Нарвою неменьше 40 тысячь талеровъ. По примѣрному же основанію надлежало бы раскладку учинить: 1) съ купеческихъ въ торгѣ капиталовъ, 2) съ цѣны домовъ обывательскихъ, 3) съ домовъ загородныхъ на городовой землѣ, 4) съ промысловъ цеховыхъ людей и всѣхъ тѣхъ обывателей, которые во всякомъ городѣ составляютъ мѣщанство, и съ служащихъ въ приватной у гражданъ службѣ, приводя въ оцѣнку годовой каждаго прожитокъ, исключая гимназіи и при церквахъ школы, такожде пріѣзжихъ и временно въ городѣ живущихъ, служащихъ на жалованьѣ при отправленіи дѣлъ государевыхъ и собственныхъ домовъ неимѣющихъ.

Указъ сей съ запискою были препровождены при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый государь мой Юрій Юрьевичъ.—Препровождая къ вашему высокопревосходительству имянной Ея Императорскаго Величества указъ, за долгъ почитаю вамъ донести слѣдующее: полагая навѣрное, что меньше опредѣлено не будетъ какъ съ обѣихъ провинцій 150 тысячъ альбертовыхъ талеровъ въ годъ на военное время собирать, расчисленіе мною не для того дѣлано, чтобъ оное въ рескриптахъ, которые о семъ въ провинціи отъ Ея Величества будутъ писаны, упоминать, но для единственнаго удостовѣренія себѣ, до коликой суммы наложить можно безъ отягощенія. Затрудненія мною однакожъ нашлись: 1-е какъ угадать сколько на Лифляндію особно, а сколько на Эстляндію съ островомъ Эзелемъ особно же наложить; 2-е ежели опредѣлить можно на дворянство, расчисляя по гакамъ и доходамъ ихъ, извѣстную сумму на каждую провинцію, то сколько на городы останется той и другой провинціи: того мнѣ не изъ чего вычесть, такъ какъ у насъ никакого свѣдѣнія нѣтъ о мѣщанствѣ и ихъ достаткѣ и промыслахъ, въ чемъ и вашего мнѣнія востребовали. Рѣчь въ указѣ, прописанная на 18-й строкѣ: *предоставляя впрочемъ самимъ провинціямъ между собою раскладку*, сіе значитъ не то, чтобъ Лифляндія съ Эстляндіею сдѣлали между собою раскладку, но *чтобы въ каждой провинціи дворянства съ городами* сами между собою сдѣлали раскладку; а Ея Величество знать только хочетъ отъ васъ мнѣніе, сколько на Лифляндію особенно съ городами ея, и сколько на Эстляндію съ островомъ Эзелемъ достанется особенно, а всей бы суммы, состоящей изъ обѣихъ сихъ суммъ, неменьше было 150 тысячъ талеровъ, ежели больше не возможно. Въ запискѣ же 200 тысячъ положено только напримѣръ для расчисленія.

Сіе объявивъ, имѣю честь быть съ моимъ совершеннымъ почтеніемъ вашего высокопревосходительства, милостиваго

государя моего, покорнѣйшій слуга Григорій Тепловъ.— 9 Декабря 1768 г. С.-Петербургъ.

2.

Требуемыя вышеприведеннымъ рескриптомъ свѣдѣнія и соображенія Броунъ представилъ Государынѣ Императрицѣ 20 Декабря 1768 г., но обстоятельства тогдашнія были такого рода, что не допускали промедленія времени. Императрица повелѣла наложить на Лифляндію съ островомъ Эзелемъ чрезвычайной подати 100 тысячъ альбертовыхъ талеровъ въ годъ на все время войны, на Эстляндію же 50 тысячъ рублей въ годъ. Указъ объ этомъ послѣдовалъ на имя генералъ-губернатора Броуна отъ 30 Декабря 1768 г. Не приводимъ этого указа: онъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, томъ XVIII, 13222, и былъ присланъ Броуну при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый государь мой Юрій Юрьевичъ! Реляціи вашего высокопревосходительства отъ 20 Декабря сего года Ея Императорскому Величеству, того же числа, какъ получилъ, имѣлъ честь поднести, такъ и, признавъ тотъ самый моментъ за способный, донести о всѣхъ пополнительныхъ объясненіяхъ къ дѣлу о положеніи новой подати на военное время на Лифляндію съ островомъ Эзелемъ и Эстляндію служащихъ, которыя ваше высокопревосходительство въ особенномъ ко мнѣ письмѣ приписать изволили, дѣломъ самимъ то исполнилъ Но какъ ваше высокопревосходительство получаете теперь отъ Ея Императорскаго Величества рескриптъ, изъ котораго усмотрѣть можете, что на всю Лифляндскую провинцію съ островомъ Эзелемъ налагается подать ежегодная на военное время 100 тысячъ альбертовыхъ талеровъ, а такой же рескриптъ вмѣстѣ посланъ къ генералъ-губернатору Эстляндскому и о наложеніи подати 50 тысячъ рублей на Эстляндію; на какомъ же основаніи и съ какими наставленіями, то все уже изображено въ обоихъ сихъ рескриптахъ, слѣд. мнѣ и не остается ничего болѣе къ тому дополнить вашему высокопревосходительству для особеннаго увѣдомленія. Что донесши, есмь съ моимъ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Григорій Тепловъ. 30 Декабря 1768 г. С.-Петербургъ.

3.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. Изъ полученной вашей реляціи отъ 28 Февраля сего года и со всѣми къ ней приложеніями усмотрѣли мы, что городъ Рига не со-

глашается принять на себя ту часть новой подати, которую земство ему предлагаетъ, а именно 29 тысячь талеровъ, а вмѣсто того сымаетъ на себя 25 тысячь. Мы, не входя въ основанія обоихъ сторонъ, по которымъ сія раскладка пишется на всю провинцію, видимъ, что несогласіе состоитъ между земствомъ и городомъ только въ 4 тысячахъ талеровъ, которые городъ Рига платить отрекается. Для того вамъ повелѣваемъ, дабы вы собою уговорили рыцарство и города Риги мѣщанство, чтобы они сіе дѣло сами привели къ окончанію, признавая особенную нашу къ нимъ милость въ томъ, что имъ уже дозволено отъ насъ самимъ между собою учинить раскладку, безъ всякаго участія нашей къ тому монаршей власти, слѣд. и не подвергали бы окончанія онаго послѣднему нашему опредѣленію. Впрочемъ, мы хотя и признаваемъ совершенно сію экстраординарную подать за дѣйствіе самимъ намъ непріятное, желая видѣть всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ въ удовольствіи, но какъ война настоящая есть тягость такая, которая всю нашу имперію обременяетъ, слѣд. отъ всей имперіи и равномѣрнаго вспоможенія требуетъ ко всеобщей своей оборонѣ, то по самому правосудію и Лифляндская провинція съ островомъ Эзелемъ отъ того участія, которое уже на оную единожды наложено, исключены быть не могутъ. „Екатерина". Марта 19 дня 1769 года. С.-Петербургъ.

4.

Указъ нашему Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну. Положенную на Лифляндскую губернію съ островомъ Эзелемъ новую подать повелѣваемъ, по собраніи въ надлежащія времена, подать отсылать съ прочею ефимочною казною въ здѣшнюю штатсъ-контору. „Екатерина". 10 Іюня 1769. Петергофъ.

5.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. По недостатку въ арміи потребнаго числа лекарей и подлекарей для пользованія больныхъ, приложите стараніе ваше пріискать ихъ, сколько найти можете, во ввѣренной вамъ губерніи. Но когда изъ національныхъ мало найдется, то въ такомъ случаѣ постарайтесь вызвать изъ Кенигсберга охочихъ

людей изъ лекарей на кондиціяхъ противу лекарей нынѣ въ арміи служащихъ. Сколько же ихъ, какъ изъ здѣшнихъ, такъ и изъ иностранныхъ, сыскать можете, о томъ увѣдомьте меня немедленно. Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательною „Екатерина". 2 Декабря 1769 г. С.-Петербургъ.

6.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ. По представленію вашему отъ 12 числа сего мѣсяца, позволяемъ мы, какъ принятымъ уже вами и впредь принимаемымъ по силѣ указа нашего отъ 2 числа сего мѣсяца въ службу нашу лекарямъ, жалованье обѣщать съ того времени, какъ они вами приняты будутъ, и прогонныя деньги каждому на двѣ подводы выдавать; такъ и вызываемымъ изъ Кенигсберга на проѣздъ ихъ, если они того требовать будутъ, выдавать же изъ казны. „Екатерина". 22 Декабря 1769 г. С.-Петербургъ.

7.

Милостивый государь мой! Для нѣкотораго въ Средиземное море транспорта потребно 10 купеческихъ судовъ трехмачтовыхъ отъ 180 до 200 ластовъ, почему Ея Императорское Величество всевысочайше повелѣть соизволила мнѣ съ вашимъ превосходительствомъ спискаться, что есть ли у Рижскаго порта такой величины суда и сколько, и есть ли надежда ихъ на сію поѣздку уговорить и по какой цѣнѣ ваше превосходительство думаете, что они за то взять могутъ. Извѣстіе сіе весьма нужно, для чего и прошу покорнѣйше обо всемъ томъ меня какъ наискорѣе и буде можно съ первою почтою увѣдомить, пребывая впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ всегда вашего превосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга князь Александръ Вяземской. Генваря 12 дня 1770 г.

На письмо это Броунъ писалъ 17 Января 1770, что „нынѣ здѣсь при Рижскомъ портѣ, хотя лежатъ суда, но не такой пропорціи и тѣхъ немного, а такой величины, каковой потребны, мореходныхъ судовъ не находится, и могутъ быть сюда при наступленіи перваго водянаго пути, которыя всегда къ здѣшнему порту прежде прибываютъ, чѣмъ въ Петербургъ. И такъ уповаю въ тогдашнее время повелѣнное число, или сколько возможно оныхъ, къ найму получить; но надобно необходимо мнѣ прежде знать: при здѣшнемъ-ли портѣ суда грузиться должны и какимъ именно грузомъ, или при С.-Петербургскомъ."

Въ отвѣтъ получено:

„Милостивый государь мой! Письмо вашего превосходительства, въ отвѣтъ на мое къ вамъ отъ 12 прошедшаго мѣсяца отправленное о потребныхъ для транспорта купеческихъ судахъ, я получить честь имѣлъ, но поелику уже предпріятіе сіе отмѣнилось и суда пріисканы изъ другаго мѣста, то и не имѣю я ничего болѣе вашему превосходительству сообщить какъ только, чтобъ оставить совсѣмъ дальнѣйшее по сему случаю производство, пребывая впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ всегда вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Вяземской. Февраля 9 дня 1770 года.

8.

Господинъ Рижскій генералъ-губернаторъ Броунъ. Третьяго дни получили мы отъ графа Ѳедора Григорьевича Орлова пріятнѣйшее для насъ извѣстіе о прибытіи нашего флота въ Морею и о занятіи тамо нѣсколькихъ городовъ, что́ вы изъ приложеннаго при семъ извѣстія пространнѣе увидите. Симъ же повелѣваемъ вамъ, по полученіи сего въ вашемъ мѣстѣ, учинить торжественное благодарное молебствіе за оказанныя намъ отъ Всевышняго столь многія благодѣянія; мы же здѣсь отправили оное сегодня въ Морской св. Николая церкви съ пушечною съ крѣпости и адмиральтейства́ пальбою. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ благосклонны. „Екатерина". Въ С.-Петербургѣ, 28 Мая 1770 года.

Извѣстіе. Къ высочайшему двору Ея Императорскаго Величества получено отъ господина дѣйствительнаго камергера, оберъ-прокурора и лейбъ-гвардіи Семеновскому полку капитана графа Ѳедора Орлова изъ подъ Корона въ Морѣе отъ 29 Марта слѣдующее извѣстіе, что они 17 Февраля съ тремя кораблями, пинкою и пакетботомъ прибыли въ портъ Маинской Виттуллу. Капитаны сихъ мѣстъ, по приводѣ къ присягѣ, раздѣлены на два корпуса, и къ каждому изъ сихъ корпусовъ опредѣлены начальники, а именно: къ спартанскому восточному легіону капитанъ Барковъ, къ западному князь Петръ Долгоруковъ. При каждомъ изъ сихъ легіоновъ опредѣлено небольшое число нашихъ героевъ. Повелѣно первому собраться въ Пасовъ и иттить къ мѣстечку Бердани, которымъ овладѣвъ, маршировать къ Мистру или древнему Лакедемону; другому слѣдовать къ Каламатѣ, а оттуда къ Леонтари, гдѣ, занявъ проходъ, слѣдовать къ Аркадіи,—что́ все при благости Господней и учинено. Бар-

ковъ, нашедъ въ Бердани до тысячи человѣкъ Турковъ, выбилъ ихъ оттуда, кои и ретировались въ Мистру, а онъ, слѣдуя за ними и пришедъ туда, атаковалъ городъ. Непріятель изъ города ретировался въ замокъ, которой, по двудневной осадѣ, взялъ онъ, Барковъ, съ плѣномъ 2 тысячь человѣкъ Турковъ. При чемъ взято знамя, называемое по турецки санджакъ-шерифъ, и военной аммуниціи по числу плѣнныхъ. При семъ происшествіи видно было, сколь сильно озлобленіе Грековъ противъ непріятеля, ибо съ трудомъ ярость ихъ удержать можно было противу уже почти побѣжденныхъ непріятелей. Князь Долгоруковъ, при взятіи Аркадіи, взялъ въ плѣнъ двѣ тысячи человѣкъ и три пушки, а флотъ пошелъ изъ Виттуллы къ Корону, съ котораго графъ Орловъ, сошедъ на берегъ, атаковалъ сію крѣпость, но оная еще держится. Огонь сей распространился и горитъ во всей Мореѣ, всѣ почти города и крѣпости содержатся въ осадѣ, и уповательно, что и въ другихъ мѣстахъ тоже произойдетъ. Наше войско благодатію Всевышняго находится все здорово и благополучно. Контръ адмиралъ Елмановъ и съ нимъ бомбардирское судно прибыли въ Морею 26 Марта благополучно, по прибытіи котораго господинъ цейхмейстеръ Ганибалъ (*) тотчасъ съ двумя военными кораблями посланъ атаковать крѣпость Наваринъ, и уповать можно, что сія экспедиція желаемаго достигнетъ.

Наканунѣ сего отправленія получено извѣстіе, что въ перешейкѣ Коринескомъ между Греками и Турками была акція, и главнокомандующій со стороны непріятельской Деревесъ-ага самъ въ полонъ взятъ; о чемъ впредь, по полученіи точнѣйшаго извѣстія, отъ него донесено будетъ.

9.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ. Какова была побѣда, о коей мы сегодня приносили Всевышнему благодареніе, усмотрите изъ приложенной копіи съ реляціи господина фельдмаршала графа Румянцева, за что я его симъ чиномъ возвысила. Впрочемъ остаюсь, какъ всегда, къ вамъ доброжелательна. „Екатерина". Августа 2 числа 1770 г.

Рескриптъ сей писанъ собственноручно Императрицею. Извѣстіе начинается такъ: Вчерашняго вечера въ 11 часовъ

(*) Дѣдъ-дядя А. С. Пушкина; онъ говоритъ объ этомъ его подвигѣ въ своей Родословной:

...предъ кѣмъ среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспылала,
И палъ впервыя Наваринъ.

полученъ изъ 1-й арміи курьеромъ и тутъ же отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше пожалованный генералъ-маіоромъ бригадиръ Озеровъ со вторительною напзнаменитѣйшею побѣдою надъ самимъ верховнымъ визиремъ, который съ премногочисленною арміею на сей берегъ Дуная перешелъ, имѣя при себѣ изъ первыхъ и знаменитыхъ отоманскихъ чиновъ янычаръ-агу Капикиранъ, Топчипашу, Абазу-пашу, Абди-пашу и Гистанли-пашу. Сіе торжествуемое сраженіе происходило при устьѣ рѣки Кагулъ 21 числа минувшаго Іюля; о чемъ главнокомандующій Ея Императорскаго Величества побѣдоносною арміею генералъ-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ слѣдующимъ образомъ доноситъ.

Затѣмъ слѣдуетъ извѣстная реляція Румянцева о Кагулѣ.

10.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ. Видя изъ письма вашего отъ 6 Августа, колико вы и весь вашъ край обрадованъ былъ извѣстіемъ о славной Кагульской баталіи, чрезъ сіе сообщаю я вамъ послѣдствіе сей побѣды. Князь Репнинъ маршировалъ къ городу Измаилу, которой, по ничего незначащему супротивленію, чрезъ полчаса на акортъ сдался. Тутъ примѣчанія достойно было, что тамо находящіеся Турки собрали греческое духовенство нашего закона, кои съ образами, съ крестами и съ хоругвями шли напереди нашему войску на встрѣчу, а Турки, безъ оружія, шли за ними; наипаще же Турки удивлены были, когда князь Репнинъ велѣлъ раненныхъ Турокъ перевязать и лечить. Въ самое тоже время генералъ-маіоръ Ваурь, пришедъ къ Дунаю въ пяти часовъ разстояніе отъ Измаила, и нашелъ 10 тысячь Турокъ, кои бросились въ рѣку; по взятіи имъ тутошнова ретраншамента, около 7 тысячь утонуло, а прочіе почти всѣ въ полонъ попались съ неописанною добычею всякаго рода, 20 пушекъ и съѣстныхъ припасовъ. А въ городѣ Измаилѣ магазейнъ и 48 пушекъ взяты. Визирь и Янычаръ-ага переѣхали рѣку за день. При переѣздѣ визирь къ своему войску остаточному говорилъ рѣчь слѣдующаго содержанія, что они сами видятъ, что Богу угодно ихъ поражать, что онъ принужденъ переѣхать, ибо ему инаго не осталось дѣлать, что переѣхавъ самъ шлетъ инымъ для спасенія ихъ на другомъ берегу

сколько можетъ судовъ, но если паче чаянія не найдетъ лодокъ, а россійскія войска на нихъ наступятъ, чтобы они не оборонялись, но положили ружье и отдались въ плѣнъ и что могутъ быть увѣрены, что я велю съ ними поступать человѣколюбиво, и что и то статься можетъ, что они увидятъ отъ россійской императрицы болѣе милосердія, нежели отъ своего султана. Сіе пересказалъ плѣнной паша генералъ-квартимейстеру Бауру, которой тысячу янычаръ взялъ въ полонъ такимъ образомъ, что послалъ къ нимъ сказать, чтобы положили ружье и что онъ имъ жизнь даруетъ, что̀ съ обоихъ сторонъ и исполнено.

Я все сіе къ вамъ пишу, знавъ, что оно вамъ будетъ пріятно, ибо знаю, колико вы меня любите. Признаюсь, что сія рѣчь въ устахъ врага есть ласкательна. Екатерина. Августа 13 дня 1770 г. (*Рескриптъ сей писанъ собственноручно Императрицею*).

11.

Божіею милостію мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица Всероссійская и пр. и пр. и пр.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

На представленіе ваше, присланное въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, по сообщенію къ вамъ отъ герцога Курляндскаго, а къ нему по письму отъ Прусскаго генералъ-маіора Мейера, о учиненныхъ симъ послѣднимъ въ Пруссіи распоряженіяхъ, по причинѣ оказавшейся въ Польшѣ заразительной болѣзни, объявляемъ вамъ въ извѣстіе и въ резолюцію.

Хотя сія появившаяся въ Польшѣ, въ прилежащей къ Молдавіи части, болѣзнь не столь была опасна, чтобъ могла она и далѣе распространиться, со всѣмъ тѣмъ привела она королевскій Прусскій дворъ, въ разсужденіи сосѣдственныхъ его съ Польшею земель, въ нѣкоторую заботу и нужду принять изъ предосторожности потребныя къ отвращенію той болѣзни средства, почему въ королевствѣ Прусскомъ и сдѣланы надлежащія распоряженія, о которыхъ генералъ-маіоръ Мейеръ упомянулъ въ письмѣ своемъ къ герцогу Курляндскому; но прежде того его величество король чрезъ своего при

дворѣ нашемъ пребывающаго министра графа Сольмса увѣдомилъ министерство наше о такихъ предпріемлемыхъ имъ распоряженіяхъ, съ просьбою дабы и мы съ нашей стороны оказали ему въ томъ нѣкоторое вспоможеніе. Мы, признавъ совершенно справедливость такого королевскаго желанія, повелѣли нашей военной коллегіи, для предохраненія отъ толь вредительной болѣзни на прусскихъ границахъ какъ съ здѣшней, такъ и съ польской стороны, опредѣлить нарочныхъ офицеровъ, которые будутъ отъ проѣзжающихъ изъ Польши отъ нашего посла курьеровъ, отбирая депеши, провозить чрезъ Пруссію и отдавать другимъ со здѣшней уже стороны на прусской границѣ опредѣленнымъ, какъ вы обстоятельнѣе увѣдомлены отъ военной коллегіи. При сихъ распоряженіяхъ сіе дѣло съ обоихъ сторонъ и осталось.

Что же генералъ-маіоръ Мейеръ въ письмѣ своемъ къ герцогу еще упомянулъ, что, до полученія отъ его свѣтлости отвѣтъ, никто отсюда изъ Риги, Митавы, Курляндіи и Лифляндіи и изъ другихъ тамошнихъ мѣстъ въ Пруссію пропущенъ не будетъ, оное учинено имъ, по видимому, изъ особливой ревности и отъ излишней осторожности, и въ чемъ онъ конечно превзошелъ данныя ему королевскія повелѣнія. Для исправленія его въ томъ прилагается при семъ письмо къ нему отъ помянутаго находящагося здѣсь королевскаго прусскаго министра графа Сольмса купно съ копіею онаго для извѣстія вашего. И такъ остается намъ только рекомендовать вамъ, чтобы вы о всемъ вышеизображенномъ увѣдомили его свѣтлость герцога Курляндскаго, отвѣтствуя ему на его къ вамъ письма, и отослали бы къ нему письмо графа Сольмса для дальнѣйшаго отправленія въ Пруссію къ генералъ-маіору Мейеру, сообщая притомъ герцогу для извѣстія его и копію съ сего къ генералу Мейеру письма. Мы пребываемъ къ вамъ впрочемъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ С. Петербургѣ, Сентября 8 дня 1770 г. По Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

12.

Господинъ Лифляндской генералъ-губернаторъ. Каковы получены извѣстія отъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова,

при семъ прилагаю копію. Мы Всевышнему приносили о сей имянитой побѣдѣ вседолжное благодареніе 14 числа сего мѣсяца. Я думаю, что сія вѣсть вамъ пріятна будетъ и для того вамъ сообщаю. Впрочемъ остаюсь какъ и всегда къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Сентября 17 числа 1770 г.

Въ Килію прибылъ Бинъ-паша изъ Исакчіи для перевоза отъ насъ отпущеннаго турецкаго гарнизона, который тамъ сказывалъ, что у нихъ возведенъ новый султанъ именемъ Баязетъ и что они имѣютъ повелѣнія итти въ Царьградъ и отдалиться отъ Дуная.

Рескриптъ сей писанъ собственноручно Императрицею. Извѣстія, о которомъ упоминается здѣсь, въ дѣлѣ не сохранилось.

13.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

По причинѣ извѣстія, что въ пограничныхъ мѣстахъ въ Польшѣ оказывается заразительная болѣзнь, вы имѣете по близости мѣстъ губерніи вашей доставлять себѣ всевозможнѣйшія и вѣрныя извѣстія гдѣ и когда сія болѣзнь состояла или состоитъ, и какими тамъ внутренними учрежденіями тѣ мѣста заперты или запираются противъ распространенія оной; а между тѣмъ, покамѣстъ вы что точное и вѣрное о какомъ тамъ подозрительномъ мѣстѣ получите, должны вы безъ упущенія времени принять по границѣ вѣдомства, въ силу прежнихъ указовъ, всѣ для осторожности возможныя мѣры учрежденіемъ карантинныхъ мѣстъ, чтобъ безъ окуренія, провѣтренія и выдержанія нѣкоторыхъ карантинныхъ дней, никто съ той стороны въ наши границы пропущаемъ не былъ; притомъ же и разсмотрѣть вамъ всѣ дороги чрезъ границу и излишнія для комуникаціи хотя на время пересѣчь, дабы вамъ удобнѣе было разставить ваши карантинныя мѣста. Данъ въ С. Петербургѣ, 19 Сентября 1770 г.

Екатерина.

Подъ указомъ собственноручная приписка Императрицы: „Вы имѣете переписаться съ герцогомъ Курляндскимъ, дабы и онъ надлежащія осторожности взялъ противу сего зла, каковъ же рескриптъ былъ отправленъ въ свое время къ Кіевскому генералъ-губернатору, копія при семъ прилагается“.

Копія съ рескрипта, отправленнаго въ Кіевъ къ генералъ-аншефу и тамошнему генералъ-губернатору Воейкову въ 27 день Августа 1770 г.

Вамъ могло уже быть извѣстно, что въ княжествахъ Молдавскомъ и Волошскомъ оказались съ нѣкотораго времени заразительныя горячки, кои теперь по новѣйшимъ извѣстіямъ и до ближнихъ къ намъ польскихъ провинцій распространяться начинаютъ. Хотя, благодаря Бога, войска наши по сю пору вездѣ и совершенно отъ оныхъ свободны, но какъ однакожъ, при всемъ рачительнѣйшемъ бдѣніи, за будущее отвѣтствовать нельзи, а особливо когда обложенной нынѣ городъ Бендеры оружіемъ нашимъ покоренъ будетъ, ибо тутъ выходцы сказуютъ быть разной прилипчивой болѣзни, то въ семъ разсужденіи и отъ избытка осторожности, которая впрочемъ съ хорошимъ расположеніемъ никому въ тягость быть не можетъ, признали мы за нужно повелѣть вамъ чрезъ сіе:

1) На проѣзжихъ изъ обѣихъ армій дорогахъ учредить немедленно карантинные домы на самомъ краю границы безъ большой огласки, дабы тѣмъ безвременно не возбудить напраснаго въ публикѣ безпокойства и снабдить опредѣляемыхъ туда людей какъ достаточными наставленіями, такъ и всѣми къ онымъ потребностями.

2) Всѣхъ изъ арміи проѣзжающихъ ко двору нашему курьеровъ, не останавляя въ карантинныхъ домахъ болѣе 3-хъ часовъ безъ крайней нужды, достаточно свидѣтельствовать и, по осмотрѣ въ неприкосновенности болѣзни, свободно пропускать. Но прежде того какъ собственныя ихъ вещи и одежду прилѣжно окуривать, такъ и всѣ будущія при нихъ депеши и другіе пакеты надлежащимъ образомъ въ уксусѣ обмачивать и потомъ на огнѣ куреніемъ обсушать.

3) Въ разсужденіи другихъ изъ арміи пріѣзжающихъ употреблять ранныя, а по востребованію обстоятельствъ, и бо́льшія еще осторожности, сообразно тому, кто имѣетъ о себѣ видъ, а равномѣрно

4) Предписать на Васильковскомъ форпостѣ и по другимъ изъ Польши проѣзжимъ дорогамъ, чтобъ отъ появляющихся въ нѣкоторыхъ сего королевства и Молдавіи провинціяхъ прилипчивыхъ горячекъ съ выходцами изъ-за границы карантинные обряды безъ упущенія наблюдаемы и исполняемы были, по мѣрѣ пріѣзда ихъ изъ мѣстъ больше или меньше сумнительныхъ.

Сіе предварительное распоряженіе поручая испытанному вашему усердію и ближайшему на мѣстѣ свѣдѣнію и разсмотрѣнію прямыхъ обстоятельствъ, не сумнѣваемся мы,

что оное скоро и удобнѣйшимъ образомъ вами учреждено будетъ къ достаточному на первый случай охраненію отъ зла, тѣмъ паче, что вы о прогрессахъ онаго можете со всѣхъ сторонъ имѣть вѣрныя, кратчайшія и безпосредственныя извѣщенія и особливо отъ обоихъ арміями главнокомандующихъ, по которымъ и надобно будетъ размѣрять настоящее ли употребленіе вышепредписанныхъ огражденій, или же обращеніе ихъ въ бо́льшія и строжайшія осторожности.

14.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ. На реляцію вашу отъ 24 минувшаго Сентября симъ отвѣтствую: 1) на построеніе карантинныхъ домовъ и на прочее къ тому принадлежащее извольте употребить сколько по необходимости потребно будетъ изъ рижскихъ доходовъ, поставляя все то на счетъ статсъ-конторы; 2) что̀ касается до учрежденія карантиновъ при лифляндскихъ портахъ, то сія предосторожность по нынѣшнему холодному осеннему времени кажется излишнею, чего ради нынѣ съ сей стороны можно остаться въ спокойствіи. Екатерина. 1 Октября 1770 г. С. Петербургъ.

15.

Милостивый государь мой Юрій Юрьевичъ! Вчерашняго числа прибывшій сюда любезный вашъ сынъ привезъ намъ радостное отъ графа Петра Ивановича извѣстіе, что столь долго и сильно супротивлявшаяся крѣпость Бендерская, 16 минувшаго Сентября двѣнадцать часовъ продолжавшимся штурмомъ покорена побѣдоносному оружію Ея Императорскаго Величества. Я приношу вашему высокопревосходительству усердвѣйшее мое поздравленіе какъ съ сею общественною радостію, такъ и съ высочайшею монаршею милостію, оказанною вѣстнику, пожалованіемъ его въ самый часъ прибытія бригадиромъ. Впрочемъ же имѣю честь быть съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга графъ Чернышевъ. С. Петербургъ, 4 Октября 1770 г.

16.

Нашему генералъ-аншефу и рижскому генералъ-губернатору Броуну.

Вслѣдствіе даннаго предъ симъ отъ насъ вамъ имяннаго повелѣнія, по случаю оказавшейся въ Польшѣ заразительной болѣзни, о принятіи по здѣшней границѣ всевозможной

осторожности учрежденіемъ карантинныхъ мѣстъ, чтобы безъ окуренія, провѣтренія и выдержанія нѣкоторыхъ карантинныхъ дней никто съ той стороны въ наши границы пропущаемъ не былъ, нынѣ вы представляете о опредѣленіи въ митавскій почтамтъ нарочнаго человѣка, который бы изъ-за границы, а особливо изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ заразительная болѣзнь имѣется, приходящія по почтѣ письма, принадлежащія сюда и въ Россію, какія бъ оныя ни были, могъ надлежащимъ образомъ въ уксусѣ обмачивать, и потомъ на огнѣ куреніемъ обсушивать, почему всемилостивѣйше и повелѣваемъ вамъ для помянутаго исправленія, выбравъ одного изъ находящихся при рижскомъ почтамтѣ или изъ вашей команды способнаго къ тому человѣка, отправить въ Митаву съ потребнымъ къ тому наставленіемъ, препроводя онаго къ находящемуся тамъ нашему министру Симолину съ таковымъ именно требованіемъ, чтобы всѣ приходящія изъ-за границы, а особливо изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ заразительная болѣзнь находится чрезъ митавскій почтамтъ письма, слѣдующія сюда и внутрь Россіи, какого бы оныя званія ни были, для помянутаго обкуриванія отправленному отъ васъ безъ всякаго препятствія отдаваны были, и сверхъ того оныя письма и на станціи, находящейся между Митавы и Риги, равномѣрно имѣете приказать окуривать же, а безъ того отнюдь не пропускать. Кто же и куда вами къ сей должности опредѣлены будутъ, о томъ сюда донести. Данъ въ С.-Петербургѣ, 6 Октября 1770. По Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

17.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Согласуя принимаемую на границѣ, вѣдомству вашему порученной, предосторожность отъ появившейся въ Польшѣ заразы съ могущею произойти отъ задержанія всѣхъ проѣзжающихъ въ карантинныхъ домахъ остановкою въ торговлѣ, соизволяемъ мы, по представленію вашему отъ 29 минувшаго Сентября, отложить на время учрежденіе у васъ оныхъ; но тѣмъ не меньше находимъ мы за нужно пред-

писать вамъ, чтобы вы заблаговременно изготовили къ тому все потребное и были въ состояніи произвесть то въ дѣйство, сколь скоро надобно будетъ; деньги на сіе вамъ уже опредѣлены. Между тѣмъ повелѣваемъ вамъ усугубить осторожность въ располагаемомъ по границѣ кордонѣ войскъ, чтобъ никто безъ свидѣтельства и осмотру въ оную пропускаемъ не былъ, и чтобъ наблюдаема была притомъ умѣренность и снисхожденіе къ проѣзжающимъ. Полагаясь во всемъ томъ на ваше попеченіе и распоряженіе, пребываемъ нашею императорскою милостію къ вамъ благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, Октября 12 дня 1770 года. Екатерина.

18.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. Прилагаемое при семъ прошеніе Веніамина Шпеера разсмотрите и, по разсмотрѣніи, съ мнѣніемъ вашимъ пришлите къ намъ обратно. Екатерина. С.-Петербургъ, 1770 г. Октября 20 дня.

Въ прошеніи этомъ Шпееръ писалъ:

Безприкладное и всему свѣту извѣстное матернее милосердіе Вашего Императорскаго Величества не токмо на вѣрноподданныхъ своихъ, но и на всѣхъ чужестранцевъ и сущихъ непріятелей изобильно изливаемое, отважило меня всеподданнѣйшую мою просьбу предъ освященнѣйшими Вашего Императорскаго Величества стопами повергнуть. Дозволеніе въѣзжать въ Россію нашему еврейскому народу воспріимствовало, что многіе изъ онаго, сдѣлавшись подданными россійскими, а другіе, поселясь въ разныхъ городахъ, а особливо въ Ригѣ, отправляютъ спокойно торги свои, и прославляютъ вездѣ премудрую свою благотворительницу; нынѣ же, къ безпоправному почти несчастію и конечному разоренію обитающихъ въ Ригѣ и Курляндіи евреевъ, получилъ я отъ свойственника моего Веніамина Бейера изъ Митавы извѣстіе, что господинъ рижскій генералъ-губернаторъ Броукъ выслалъ всѣхъ евреевъ изъ Риги, писавъ и герцогу курляндскому, чтобы они изъ его владѣній чрезъ четыре недѣли высланы были за границы. Причины сему губернаторскому поступку онъ не прописываетъ, да и проникнуть ея, кажется, невозможно. Исповѣданію вѣры, по богодохновеннымъ Вашего Императорскаго Величества мыслямъ, въ томъ участвовать, какъ видится, никоимъ образомъ не можно, и многія обстоятельства то думать запрещаютъ; если же нѣкоторые изъ единоземцевъ нашихъ сдѣлали что нибудь предосудительное Рос-

сіи, то, конечно, не весь народъ вкупѣ въ томъ участенъ, слѣдственно и наказаніе отнестись должно къ однимъ злотворителямъ. Остается еще одна: не производитъ-ли его превосходительство господинъ губернаторъ сего своего поведенія изъ осторожности отъ мороваго повѣтрія, какъ слышно въ Польшѣ оказавшагося; но какую бы защиту подали евреи, живущіе въ Ригѣ и Курляндіи, оставленіемъ своихъ жилищъ и терпѣніемъ имѣній отъ язвы, понять, какъ кажется, весьма трудно, а особливо, когда самые тѣ жители поляки, гдѣ язву открывшеюся считаютъ, ѣздятъ безпрепятственно въ Ригу. Высокія добродѣтели Вашего Императорскаго Величества и неусыпныя попеченія о доставленіи каждому спокойной жизни, заставляя меня съ основаніемъ думать, что прописанной выше сего господина Броуна поступокъ произошелъ безъ высочайшей вашей воли, поострили меня къ дерзости пасть предъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества съ сею вѣрноподданнѣйшею просьбою. Воззрите, всемилостивѣйшая государыня, великодушія и милосердія исполненнымъ окомъ на преужасную бездну, въ каковую ввергаются несчастные мои единоземцы: они теряютъ свои домы, лишаются заготовленныхъ товаровъ, съ оными вкупѣ торговли и пропитанія, а въ дополненіе всѣхъ своихъ бѣдствій, не имѣя иного убѣжища, кромѣ Литвы, подвергаютъ жизнь свою двумъ смертельнымъ и почти неизбѣжнымъ опасностямъ, т. е. прости бунтовщиковъ литовскихъ и мороной язвѣ, если оная есть въ самомъ дѣлѣ. Отвратите сію несущуюся на нихъ бурю и не повелите высылать евреевъ и съ оными свойственника моего изъ Риги и изъ Курляндіи, дабы онъ, живучи уже болѣе 30-ти лѣтъ въ Митавѣ спокойно, остающееся малое время дней его жизни проводить могъ безпрепятственно. Всемилостивѣйшая государыня! Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ Benjamin Szpeyer. Октября дня 1770 г.

19.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

По представленію вашему въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ, по причинѣ упорства Курляндскаго дворянства въ высылкѣ изъ деревень ихъ жидовъ, какое дали мы повелѣніе нашему статскому дѣйствительному совѣтнику и министру въ Митавѣ Симолину, съ онаго сообщаемъ вамъ точную копію, какъ для вашего свѣдѣнія, такъ и для потребнаго иногда ему съ вашей стороны вспомоществованія.

Данъ въ С.-Петербургѣ, Октября 31 дня 1770 г. По Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

Копія съ рескрипта Ея Императорскаго Величества, отправленнаго въ Митаву къ дѣйствительному статскому совѣтнику и министру Симолину 31 Октября 1770 г.

Генералъ-аншефъ Броунъ доноситъ сюда изъ Риги, что увѣдомился онъ отъ его свѣтлости герцога курляндскаго чрезъ присылаемаго къ нему камеръ-юнкера Клокмана, коимъ образомъ курляндское дворянство уклоняется отъ высылки изъ своихъ деревень находящихся въ оныхъ жидовъ, хотя о томъ дворянству тамошнему отъ герцога и предложено было. Сіе самое обстоятельство усмотрѣли мы еще прежде изъ реляціи вашей № 21, въ которой доносили вы, что герцогъ, по представленію вашему, обѣщая выслать жидовъ изъ всѣхъ городовъ, сумнѣвался однако, чтобъ послѣдовали тому примѣру добровольно и тамошніе дворяне. Но какъ въ Польшѣ продолжается еще заразительная язва, отъ которой возможныя предосторожности употреблять заставляетъ, кажется, общая нужда и цѣлость всѣхъ курляндскихъ обывателей, а чтобъ жиды не стали въ Польшу и оттуда обратно въ Курляндію проѣзжать окольными дорогами, того, по ихъ лакомству и пронырству, отнюдь усмотрѣть и воспрепятствовать не можно, какія бы предосторожности употреблены ни были: то имѣете вы у тамошняго дворянства чрезъ письма и словесно домогаться, чтобъ они изъ деревень своихъ всѣхъ жидовъ неотмѣнно выслали, по меньшей мѣрѣ на нынѣшнее опасное время, предпочитая общее всей земли благо предъ партикулярною пользою; а если они упорно въ томъ стоять будутъ и пренебрегутъ общую цѣлость, въ такомъ случаѣ принуждено будетъ тѣхъ жидовъ чрезъ нарочныя воинскія команды высылать, и тогда они сами причиною будутъ происходящимъ иногда въ деревняхъ ихъ непріятнымъ слѣдствіямъ. О семъ нашемъ повелѣніи имѣете вы увѣдомить его свѣтлость герцога, требуя отъ него, дабы и онъ чинимыя вами у дворянства домогательства съ своей стороны подкрѣплялъ наисильнѣйшимъ образомъ.

Впрочемъ, если не предуспѣете вы въ томъ никакими вашими дворянству представленіями и домогательствами, тогда имѣете и дѣйствительно употреблять къ высылкѣ жидовъ воинскихъ нашихъ людей изъ находящейся у васъ команды, начиная съ самыхъ ближнихъ къ Польшѣ мѣстъ; въ случаѣ же недостатка воинскихъ людей можете истребовать нѣсколько оныхъ на время отъ генерала и лифляндскаго губернатора нашего Броуна, которому съ сего рес-

крипта сообщили мы копію для его извѣстія и потребнаго въ нужномъ случаѣ вамъ вспомоществованія.

20.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. Если вы дальней надобности въ высылкѣ изъ Митавы упомянутаго въ прилагаемомъ здѣсь прошеніи Веніамина Бейера не находите, то извольте отписать, куда надлежитъ, чтобъ онъ оставленъ былъ жить тамо по прежнему. Екатерина. С.-Петербургъ, 1770 г. Декабря 7 дня.

Высокородный и высокопревосходительный господинъ генералъ-аншефъ, въ Лифляндіи генералъ-губернаторъ и кавалеръ, милостивый государь! Получа милостивое вашего высокопревосходительства письмо отъ 12 числа сего мѣсяца и приложенный въ копіи при ономъ всевысочайшій Ея Императорскаго Величества имянной указъ, сообщилъ я Его Свѣтлости герцогу о всемилостивѣйшемъ Ея Величества соизволеніи, что находящійся здѣсь уже нѣсколько лѣтъ жидъ Бениминъ Беръ изъ числа высылаемыхъ жидовъ выключенъ и по прежнему здѣсь, въ Митавѣ, жить остаться можетъ, потому что онъ подозрительнымъ быть не кажется. Его Свѣтлость обѣщать изволили, не умедля, надлежащій въ томъ здѣшнему магистрату приказъ отдать, и объявилъ я также о томъ оному жиду Беру къ немалому его успокойствію. Впрочемъ пребываю и пр. Карлъ Симолинъ.— Въ Митавѣ 14 Декабря 1770 г.

21.

Нашему генералу аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Брюуну.

Довольно уважа представленные отъ васъ въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ резоны въ пользу и вопреки требуемаго съ прусской стороны учрежденія подобнаго тамошнему карантину, слѣдовательно же и карантинныхъ домовъ для всѣхъ изъ Польши пріѣзжающихъ людей и всего чрезъ Польшу привозимаго, находимъ мы къ удовольствію нашему, что вы сами, по собственному вашему проницанію, умѣли надлежаще разобрать и опредѣлить цѣну и нѣжность оныхъ.—Мы потому, не столько еще изъ прямой опасности, ибо благодаря Всевышнему заразительная болѣзнь едва ли уже при наставшей нынѣ зимѣ не приходитъ въ совершенное ослабленіе, сколько изъ политическихъ видовъ, чтобъ Кенигсбергское правленіе успокоить, а чрезъ то самое со-

хранить и свободную съ другими землями коммуникацію и торговлю изъ Лифляндіи, соизволяемъ однакожъ на учрежденіе въ губерніи вашей карантинныхъ заставъ и домовъ до тѣхъ поръ, доколѣ со стороны Польши настоящій страхъ, или же вѣроятность его, нѣкоторымъ образомъ быть могутъ.—Распоряженіе всего того, купно съ пріисканіемъ и опредѣленіемъ надежныхъ и способныхъ людей, также и снабденіе ихъ довольными инструкціями, поручаемъ мы съ полною довѣренностію собственному вашему на мѣстѣ благоразумному усмотрѣнію и дознанному вашему усердію къ пользѣ Имперіи, которые заранѣе насъ обнадеживаютъ, что вы будете умѣть трафить прямое посредство безъ излишества и существенныхъ недостатковъ, дабы съ одной стороны въ сообщеніи и коммерціи отягощенія случиться, а съ другой и самое зло, отчего сохрани насъ десница Всевышняго, недосмотрѣніемъ вкрасться не могли. Въ согласованіе симъ нашимъ новымъ предписаніямъ, дали уже мы Сенату слѣдующимъ здѣсь въ копіи указомъ повелѣніе, дабы оной съ своей стороны благовремянно, чрезъ надлежащія мѣста, увѣдомилъ все россійское въ Ригу торгующее купечество, подобно какъ и вамъ самимъ надобно будетъ сдѣлать равное извѣщеніе купцамъ изъ-за границы сухимъ путемъ въ Ригу съ товарами пріѣзжающимъ.

Что впрочемъ касается до самаго назначенія карантинныхъ сроковъ и ихъ обрядовъ, то въ разсужденіи людей и товаровъ, изъ мѣстъ по близости къ зараженнымъ сумнѣнію и подозрѣнію подверженныхъ, можно подражать вездѣ общепринятому шестинедѣльному сроку, въ которой какъ людей уксусомъ и тому подобными очищеніями окуривать, такъ и вещи ихъ провѣтривать и прокуривать же надъ огнемъ или близь онаго, дабы такимъ образомъ и вида опасности избавляться. Напротивъ того относительно къ людямъ и товарамъ, снабденнымъ достаточными и достовѣрными свидѣтельствами о выѣздѣ ихъ и о сборѣ ими товаровъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ заразительной болѣзни никакаго слѣда нѣтъ, а только что они въ проѣздѣ или плаваніи своемъ коснулись Польши и Литвы, да и то здоровыхъ частей сихъ земель: можно карантинные сроки уменьшить снабденіемъ однакожъ вышеозначенныхъ осторожностей и охранитель-

ныхъ мѣръ до половины или еще меньше, въ чемъ вы сами ближайшее по обстоятельствамъ наставленіе давать не оставите употребляемымъ отъ васъ на заставахъ надежнымъ и присяжнымъ людимъ, кои съ своей стороны должны будутъ немедленно доносить вамъ о каждомъ пріѣзжемъ купцѣ и состояніи его, по совѣсти и присяжной должности.

Мы несумнѣнно ожидаемъ отъ вашей ревности и отъ вашей прозорливости, что вы, въ исполненіи сего вамъ поручаемаго дѣла толикой нѣжности, будете находить способы къ согласованію безопасности и тѣхъ уваженій, кои имѣть должно къ сосѣдственному правленію и къ сохраненію съ онымъ и другими землями свободной коммуникаціи, съ выгодою и цѣлостію рижской заграничной и заморской коммерціи, дабы оныя безъ нужды и безвременно въ остановку и небытіе приведены быть не могли, чѣмъ вы намъ, конечно, важную и знаменитую услугу окажете.

Сколько принадлежитъ до курьеровъ отъ войскъ нашихъ, оное должно оставаться, до дальнѣйшаго отъ васъ усмотрѣнія и намъ по тому представленія, на томъ основаніи, какъ нынѣ учреждено находится, и пребываемъ вамъ впрочемъ императорскою нашею милостію благосклонны. — Данъ въ С.-Петербургѣ, 24 Декабря 1770 г. Екатерина.

Копія съ указа Сенату:

По представленіямъ нашего лифляндскаго генералъ-губернатора Броуна, поручили мы ему учредить вдоль лифляндскихъ границъ карантинные заставы и домы.—Сія осторожность признана нынѣ нами нужною не столько еще изъ прямой опасности отъ приближенія заразительной болѣзни къ тамошней сторонѣ, сколько изъ политическаго вида, чтобъ коммуникацію и торговлю города Риги, которая сама по себѣ толь важна, вывесть изъ всякаго сумнѣнія и подозрѣнія у сосѣдственныхъ и другихъ правительствъ. Поруча производство всего помянутому генералъ-губернатору, какъ то изъ приложенной здѣсь копіи съ нашего ему даннаго рескрипта ясно усматривается, восхотѣли мы въ то же время и сенату чрезъ сіе повелѣть, дабы онъ съ одной стороны чинилъ ему всякое по обстоятельствамъ нужное вспомоществованіе, а съ другой и все вообще изъ россійскихъ и малороссійскихъ городовъ въ Ригу и Лифляндію торгующее купечество, а особливо Двиною рѣкою чрезъ Литву, благовременно чрезъ надлежащія мѣста увѣдомить велѣлъ: что купцы съ товарами не инако туда впускаемы будутъ, какъ

по выдержаніи карантина, который опредѣляемъ будетъ въ срокахъ своихъ по обстоятельствамъ каждаго, т. е. кто откуда пріѣхалъ и кто въ какой близости находился отъ сумнительныхъ мѣстъ, ибо дѣйствительно-зараженные вовсе исключаются; чего ради и надобно будетъ, чтобы купцы какъ о себѣ, такъ и о товарахъ своихъ имѣли достовѣрныя свидѣтельства отъ магистратовъ или ратушъ, что не только сами ѣдутъ изъ здоровыхъ мѣстъ, но и товаръ свой покупали въ неменьше свободныхъ отъ всякаго подозрѣнія. Равнымъ образомъ повелѣваемъ мы, чтобы и въ другихъ, не только къ Польшѣ и Литвѣ смежныхъ, губерніяхъ такая же осторожность принята и карантинные заставы и домы по пристойнымъ мѣстамъ учреждены были, но и во внутреннихъ городахъ всякое благоразумное предохраненіе распорядить и учредить такимъ образомъ, дабы каждое на мѣстѣ правленіе, при настояніи такого, отчего Всевышняя десница насъ да охранитъ, злоключительнаго случая, въ состояніи было тотчасъ взять свои мѣры къ предохраненію его распространенія.—Данъ въ С.-Петербургѣ, 24 Декабря 1770 г. Подписано: Екатерина.

22.

Нашему генералъ-аншефу и Лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Доносили вы намъ отъ 9 сего Января, коимъ образомъ вамъ дано знать отъ его свѣтлости герцога Курляндскаго, что, въ учрежденіи по курляндской границѣ кордона, нѣкоторые, живущіе въ близости митавской границы, курляндскіе дворяне совсѣмъ упорствуютъ и командированныхъ пикетовъ не принимаютъ, да и посыланный по тому отъ васъ въ тѣ мѣста офицеръ рапортомъ своимъ вамъ тоже подтвердилъ, и, по причинѣ такого происходящаго отъ оныхъ дворянъ къ великому здѣшней сторонѣ вреду упорства, просили вы при томъ нашего указа: не повелѣно ли будетъ въ недопущенныхъ ими мѣстахъ имѣющія изъ Литвы дороги завалить и кордономъ оныя отъ войскъ нашихъ прикрыть, а къ нимъ, въ страхъ другимъ, дабы имѣли должное повиновеніе, опредѣлить при оберъ и унтеръ-офицерахъ отъ воинскихъ командъ экзекуціи, съ производствомъ отъ нихъ кормовыхъ денегъ, каковы по регламенту положены, и содержать пока герцогское повелѣніе исполнятъ, или на нѣкоторое время отдалить ихъ подъ присмотръ въ здѣшнія мѣста.

Мы такое ваше представленіе за благо пріемля, повелѣваемъ вамъ чрезъ сіе произвесть немедленно въ дѣйство означенные предложенные вами способы, могущіе конечно истребить показанныя курляндскихъ дворянъ упорства, и тѣмъ здѣшней сторонѣ доставить потребную безопасность. Данъ въ С.-Петербургѣ, 8 Февраля 1771 г.

По Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

23.

Нашему генералъ-аншефу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Учиненное отъ васъ въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ представленіе отъ 13 числа сего Марта мы всевысочайше апробуя, повелѣваемъ вамъ, въ разсужденіи наступающаго водянаго пути, для плывущихъ изъ Польши Двиною струговъ съ товарами учредить карантинъ въ назначиваемомъ вами мѣстѣ, по близости береговъ лифляндскихъ, при мызѣ Ленварденъ, и о томъ безъ потерянія времени кого надлежитъ снабдить потребными наставленіями.—Данъ въ С. Петербургѣ, Марта 19 дня 1771 г.—По имянному Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

24.

Нашему генералъ-аншефу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

На представленіе ваше отъ 26 числа минувшаго Февраля объявляемъ вамъ въ резолюцію, что когда герцогъ Курляндскій писалъ къ вамъ о упорствовавшихъ прежде дворянахъ, что они въ учрежденіи при мызахъ ихъ кордона и въ принятіи герцогскихъ командъ оказались совсѣмъ склонными и повелѣніе его исполняютъ, прося притомъ, чтобы снять отъ нихъ посланные къ нимъ на экзекуцію команды нашихъ войскъ: то и можете вы, по требованію герцога, въ снятіи командъ поступить, тѣмъ паче, что имѣвшееся при посылкѣ оныхъ намѣреніе уже теперь достижено, когда означенные упрямые дворяне наконецъ повинуются герцогскимъ распоряженіямъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, Марта 25 дня 1771 г.—По Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

25.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ. Присланный къ вамъ изъ Сената отъ 11 числа минувшаго Апрѣля указъ о продолженіи по московскимъ дорогамъ карантинныхъ учрежденій, извольте впредь до повелѣнія нашего публикованіемъ въ вашей губерніи удержать. Екатерина. 10 Мая 1771 г. Царское Село.

26.

Милостивый государь мой Юрій Юрьевичь! Получа сегодня почтеннѣйшее Вашего Высокопревосходительства письмо отъ 17 сего мѣсяца, всеподданнѣйше докладывалъ я, по содержанію онаго, Ея Императорскому Величеству и симъ объявить вамъ честь имѣю высочайшее Ея соизволеніе, чтобъ упоминаемый въ ономъ письмѣ Вашего Высокопревосходительства учрежденный отъ баталіоновъ Ригскаго деташамента кордонъ приказали вы совсѣмъ снять, а вмѣсто онаго въ пристойныхъ мѣстахъ учредить форпосты, такъ какъ вы то разсуждать изволите.

Впрочемъ пребываю я всегда съ совершеннымъ высокопочитаніемъ Вашего Высокопревосходительства покорный слуга графъ Чернышевъ. Въ С.-Петербургѣ, Іюля 21 дня 1771 года.

27.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ. На письмо ваше отъ 17 числа сего мѣсяца вамъ знать даю, что я уже приказала учрежденный по Рижской границѣ кордонъ снять, о чемъ вы, можетъ быть, съ симъ вмѣстѣ отъ военной коллегіи и сдѣланное ею о томъ распоряженіе получите. Впрочемъ остаюсь какъ и всегда вамъ доброжелательною. Екатерина. 23 Іюля 1771 г. С. Петербургъ

28.

Господинъ генералъ-губернаторъ Броунъ. По недостатку нынѣ въ Москвѣ потребнаго числа лекарей, приложите стараніе ваше въ пріисканіи ихъ сколь можно въ губерніи вашей, кои бы добровольно пошли въ службу. Но когда ихъ тамо мало найдется, въ такомъ случаѣ выпишите оныхъ изъ Кенигсберга или изъ другихъ ближнихъ мѣстъ и, какъ скоро они у васъ являться будутъ, опредѣляйте ихъ въ нашу службу и присылайте немедленно. Впрочемъ пребываю вамъ доброжелательною. Екатерина. Въ С. Петербургѣ, Ноября 1 дня 1771 года.

29.

Господинъ Лифляндскій генералъ-губернаторъ. Сего вечера пріѣхалъ ко мнѣ графъ Михайло Румянцевъ съ счастливымъ отъ фельдмаршала отца его извѣстіемъ о заключеніи славнаго для имперіи моей мира. Главныя кондиціи суть слѣдующія: 1) Крымъ остается со всѣми Татарами отъ обѣихъ имперій независимы; 2) Кинбурнъ съ уѣздомъ, Керчь и Эникуль съ гаванями Россіи, также какъ и Азовъ, остаться имѣютъ; 3) кораблеплаваніе на Черное море намъ неограничено остается; 4) за военные убытки намъ Порта заплатитъ 4,500,000 рублей. Съ симъ счастливымъ происшествіемъ я васъ и всѣхъ вѣрныхъ моихъ подданныхъ отъ всего сердца поздравляю и остаюсь къ вамъ доброжелательна. Екатерина. Іюля 23 дня 1774 г. Изъ Петергофа.

Миръ подписанъ 10-го числа Іюля въ Кучюкъ-Кайнарджи въ фельдмаршальскомъ лагерѣ за Дунаемъ въ 12-ти верстахъ отъ Силистріи.

30.

Милостивый государь мой, графъ Юрій Юрьевичь! Ея Императорское Величество, отъ 16-го числа сего мѣсяца соизволила удостоить меня высочайшимъ своимъ увѣдомленіемъ, что въ прошедшій четвергъ пріѣхалъ къ Ея Величеству въ Печеру преображенскаго полку капитанъ Рахмановъ отъ фельдмаршала графа Румянцева съ султанскою оригинальною ратификаціею мирнаго трактата отъ слова до слова сходственно мирному трактату. О чемъ и я, увѣдомляя ваше сіятельство, имѣю честь, чрезъ сіе, съ оною радостію искренно поздравить, и пребываю впрочемъ съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорный слуга князь Александръ Голицынъ. — Въ С.-Петербургѣ. 20-го Февраля 1775 г.

Графъ Броунъ отвѣчалъ:

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь Александръ Михайловичь! Съ превеликою радостію имѣлъ я честь получить Вашего Сіятельства, милостиваго государя моего всепочтеннѣйшее письмо отъ 20 сего мѣсяца и за увѣдомленіе въ ономъ о полученной Ея Императорскимъ Величествомъ султанской оригинальной мирной ратификаціи Вашему Сіятельству приношу мое искреннѣйшее благодареніе, съ усерднѣйшимъ моимъ равнымъ образомъ поздравленіемъ съ такою радостію и Ваше Сіятельство, пребывая впрочемъ съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ Вашего Сіятельства, милостиваго государя моего, покорный слуга Г. Броунъ. 24 Февраля 1775.

XVI.

С подарке отъ Лифляндіи, поднесенномъ по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича и великой княгини Наталіи Алексѣевны.

Указъ Ея Императорскаго Величества самодержицы всероссійской изъ правительствующаго Сената господину генералъ-аншефу лифляндскому генералъ-губернатору и кавалеру Броуну.

По указу Ея Императорскаго Величества правительствующій Сенатъ, имѣя разсужденіе, по послѣдовавшему 17 дня Августа сего 1773 года высочайшему манифесту, которымъ во всѣхъ мѣстахъ имперіи обнародовано, что начало предпріятаго Ея Императорскимъ Величествомъ вожделѣннаго бракосочетанія ихъ императорскихъ высочествъ благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича и благовѣрныя государыни великія княгини Наталіи Алексѣевны обрученіемъ исполнено, а 10 Октября и самое бракосочетаніе торжественно совершено. А какъ издревле, по правамъ шведскимъ, во время бракосочетанія тамошнихъ принцевъ и принцессъ Лифляндскаго и Эстляндскаго княжествъ, во время ими шведскаго владѣнія, рыцарство, земство и мѣщанство, по собственному своему расположенію, въ знакъ изъявленія пріемлемаго ими въ таковыхъ радостныхъ торжествахъ соучастія, добровольные подносили подарки, приказали: на основаніи того вышеписанныхъ княжествъ господамъ генералъ-губернаторамъ рекомендовать надлежащее по сему исполненіе; о чемъ и къ эстляндскому господину генералъ-губернатору, генералъ-фельдмаршалу и кавалеру принцу фонъ Гольштейнбеку такой же указъ посланъ. Декабря 12 дня 1773 г. — Подписали: оберъ-секретарь Николай Самойловъ, секретарь Панкратій Полонской и канцеляристъ Христіянъ Паульзенъ.

Въ исполненіе сего указа, Броунъ назначилъ собраніе лифляндскому рыцарству и земству на 4 Февраля 1774 г., о чемъ и донесъ Сенату 11 Января 1774 года № 101, и въ

тоже время приказалъ архиваріусу Гартвигу „сколько въ шведское владѣніе при торжествахъ придворныхъ изъ Лифляндіи въ контрибуцію требовано было, изъ стараго архива наиприлежнѣйше отыскать.“

Отъискивать такія свѣдѣнія Броунъ поручилъ и рыцарству и магистрату въ своихъ архивахъ. На основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ Гартвига и изъ архивовъ рыцарства и магистрата, генералъ-губернаторъ представилъ Правительствующему Сенату слѣдующее донесеніе отъ 16 Января 1774 г. за № 130.

Правительствующаго Сената указомъ отъ 12 Декабря 1773 г. велѣно (повторяется содержаніе указа), и въ исполненіе онаго указа велѣно отъ меня лифляндскому рыцарству собраться будущаго Февраля къ 4 числу, а городу Ригѣ велѣлъ я также приготовляться къ поднесенію подарка. И какъ Правительствующій Сенатъ предписываетъ мнѣ, чтобъ сей подарокъ взыманъ былъ такъ, какъ и въ шведскія времена взымаемо было, то велѣлъ я при томъ не токмо въ шведскомъ генералъ-губернаторскомъ здѣсь архивѣ, но и въ архивахъ лифляндскаго рыцарства и рижскаго магистрата справиться: сколько именно во время шведскаго владѣнія отъ нихъ во время бракосочетаній принцевъ и принцессъ подносимо было.

Въ губернаментскомъ архивѣ найдены четыре рескрипта: одинъ отъ королевы Христины отъ 1647 г., другой отъ короля Карла Густава отъ 1654 г., третій отъ короля Карла XI отъ 1676 г. и четвертый того же короля отъ 1681 года. Первые три рескрипта касаются до подачи подарка къ коронаціи, который поднесть долженъ былъ городъ Рига, и изъ рескрипта отъ 1654 г. оказывается, что тотъ подарокъ назначенъ суммою въ 100 польскихъ гульденовъ, а въ четвертомъ требованіи были сіи подарки какъ отъ города, такъ и отъ земли, какъ изъ приложенныхъ копій явствуетъ Всѣ сіи рескрипты состоятъ только о подачѣ подарка на коронацію, а чтобъ во время бракосочетаній какіе подарки требованы были, о томъ въ шведскомъ губернаментскомъ здѣсь архивѣ ничего не найдено, какъ явствуетъ изъ рапорта шведскаго при ономъ архивѣ архиваріуса.

Отъ рыцарства представлено, что въ шведскія времена никогда во время бракосочетаній принцевъ и принцессъ чего не требовано и отъ нихъ подносимо не бывало. А только при коронаціяхъ подношивали они добровольные подарки, да и то не при всякихъ, но токмо при трехъ, а именно: въ 1647 г. при коронаціи королевы Христины, въ 1675 г. при коронаціи короля Карла XI и въ 1681 при коронаціи королевы. — Первый разъ согласилась земля къ сдѣланію сере-

браннаго сервиза собрать съ гака по 9 гульденовъ, что составляетъ на альбертовыя деньги три талера; а другой и третій разъ согласилось рыцарство дать съ гака по 3 пуры, [illegible] объ ономъ изъ приложенія подъ лит. А пространнѣе виде[illegible] и по справкѣ въ старыхъ шведскихъ счетахъ въ здѣшней губернской каморѣ явственно оказалось.

Что касается до города Риги, то признается оный, что отъ него въ 1621 г. даны были обязательства о томъ, чтобы оному при двухъ случаяхъ, а именно, когда новый какой король коронованъ будетъ или королевская принцесса в[illegible]дается за мужъ, по трактованіи съ городомъ объ ономъ на[illegible]редъ и по пропорціи, подношивать и давать подарки (*). Но [illegible]ритонъ отъ магистрата показано, что отъ города при бракосочетаніяхъ сей подарокъ никогда данъ не былъ, и

(*) Екатерина II не упустила изъ вида этого обязательства и въ Августѣ 1762 г. писала Брауну (См. П. С. З. томъ XVI. № 11660):

«Извѣстно намъ, что городъ Рига отъ того времени какъ королямъ шведскимъ въ подданство пришелъ, постановленіе имѣетъ съ тѣми королями, чтобъ каждому государю, при коронованіи его и при выдаваніи въ замужство принцессъ королевскихъ дочерей, приносить въ даръ нѣкоторую сумму денежную. Сіе постановленіе учинено еще въ 1621 г. при королѣ Густавѣ Адольфѣ, вслѣдствіе котораго королева Христина и короли Карлъ X и Карлъ XI получали при торжествѣ своего коронованія (сколько намъ извѣстно) по 30 тысячь альбертовыхъ ефимковъ. И по таковымъ примѣрамъ должно бы намъ взыскать съ города Риги немалую теперь сумму за коронованіе нашихъ предковъ, въ Бозѣ почивающихъ, и за бракъ цесаревны Анны Петровны, герцогини Голштинской, нашей любезнѣйшей свекрови; но понеже столь знатная сумма, хотя и правильно ко взысканію на насъ принадлежащая, не знаю, какъ городу Ригѣ тяжестною быть можетъ: то мы изъ нашего милосердія и великодушія ко всѣмъ нашимъ подданнымъ взысканіе таковаго долга оставляемъ, и городъ Ригу изъ щедротъ нашихъ всѣмъ тѣмъ, что по сіе время упущено и не взыскано, изъ сей суммы всемилостивѣйше жалуемъ. Что же принадлежитъ до нашего теперь наступающаго коронованія, то мы чрезъ сіе повелѣваемъ, съ помянутаго города Риги по примѣру прежнему 30 тысячъ альбертъ-ефимковъ взять; однакожъ и сею суммою мы собственно для нашей персоны воспользоваться не хотимъ, а желаемъ оную обратить на пользу того же города, которую сумму и повелѣваемъ употребить на укрѣпленіе берега подлѣ города и сверхъ онаго, и на поселеніе бульверковъ, для понужденія рѣки въ свое теченіе, а чрезъ то отверстіе пути кораблямъ купеческимъ до самого моста, чѣмъ купечеству рижскому не малое въ коммерціи облегченіе будетъ сдѣлано; еже, съ Божіею помощію, сею 30-ти тысячною суммою и начинать вы имѣете. Но понеже въ толь важномъ и нужномъ предпріятіи для продолженія сей трудной работы, таковой суммы весьма мало, то мы вамъ же препоручаемъ изыскать доходъ денежный на то время, пока сіе строеніе и работы продолжаться будутъ, въ чемъ мы на ваше къ службѣ усердіе и извѣстную намъ ревность и полагаемся.»

Городъ деньги внесъ полностію, и Двинскія работы въ скоромъ времени послѣ этаго ужиа начались по проекту капитана (впослѣдствіи полковника) Вейсмана. — Какъ объ этихъ работахъ, такъ и о работахъ по очищенію Двины отъ пороговъ, мы не оставимъ сообщить офиціальные документы, свидѣтельствующіе, какъ сильно заботилась императрица о поднятіи и упроченіи торговли по Двинѣ.

что только при коронаціяхъ сію контрибуцію они чинили, и что въ 1697 г. всѣ города государства шведскаго сеймнымъ заключеніемъ отъ онаго принцессамъ подносимаго подарка освобождены, о чемъ обо всемъ въ приложенномъ при семъ письмѣ подъ лит. В обстоятельно прописано.

И по таковымъ обстоятельствамъ, какъ изъ шведскихъ архивовъ никакого къ требованію подносимаго принцессамъ подарка точнаго постановленія не отыскано, принужденнымъ себя нахожу обо всемъ вышеписанномъ представить Правительствующему Сенату и просить, чтобы мнѣ предписано было, какую пропозицію мнѣ городу и землѣ объ ономъ подаркѣ въ будущее лифляндскаго рыцарства собраніе учинить. Я скорую резолюцію на сіе просить принужденъ, тѣмъ паче, какъ срокъ къ собранію онаго рыцарства поставленъ къ 4-му числу будущаго Февраля и слѣдовательно весьма близокъ; а какъ скоро рыцарство соберется, то должна сія пропозиція быть главнѣйшая и первая.

Резолюція Правительствующаго Сената послѣдовала въ слѣдующемъ указѣ:

По указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, по доношенію вашему отъ 16-го Января сего года касательно затребованія добровольнаго подарка въ Лифляндіи на случай благополучно совершившагося бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича и благовѣрныя государыни великія княгини Наталіи Алексѣевны, приказали: вамъ господину лифляндскому генералъ-губернатору дать знать, что хотя вы въ рапортѣ вашемъ въ Сенатъ и прописываете, что законовъ о подносимыхъ на случай бракосочетанія королевскихъ шведскихъ принцевъ и принцессъ подаркахъ въ лифляндскихъ архивахъ не отыскано, но какъ напротивъ того, по справкѣ въ Сенатѣ, въ присланныхъ изъ Лифляндіи и подтвержденныхъ разными высочайшими всероссійскихъ государей имянными указами правахъ объ ономъ точно упоминается, какъ то шведскаго земскаго устава титула 1 о королевскомъ правѣ въ главѣ 4 между прочимъ поставлено: когда внѣшняя или внутренняя война сдѣлается и король не въ состояніи защищать себя противу оной, или когда дѣтей своихъ, т. е. сына или дочь сочетаваетъ бракомъ, или когда предприметъ путь во внутреннія государства города, или когда надобно будетъ починивать крѣпости, напримѣръ Упсаль и пр., во всѣхъ таковыхъ случаяхъ епископъ съ лагманомъ и шестью отъ дворянства, съ шестью жъ отъ мѣщанства человѣками, по довольномъ разсужденіи, должны опредѣлить, какую мѣщанство по своему достатку королю помощь дать имѣетъ. И

для того вамъ господину генералъ-губернатору поступить по прежде посланному къ вамъ о томъ указу, количество къ поднесимой суммы предоставить добровольному согласію какъ рыцарства и земства, такъ города Риги. — Генваря 30 дня 1774 г. Подписали: оберъ-секретарь Иванъ Артемьевъ, секретарь Панкратій Полонской, канцеляристъ Христіанъ Паульзенъ.

Графъ Броунъ поступилъ по указу, какъ видно изъ слѣдующаго донесенія его въ Правительствующій Сенатъ:

Во исполненіе полученнаго мною изъ онаго Правительствующаго Сената отъ 30 Января сего 1774 г. Ея Императорскаго Величества указа собравшемуся здѣсь къ 4 числу минувшаго Февраля лифляндскому рыцарству и городу Ригѣ о поднесеніи въ знакъ всерадостнѣйшаго изъявленія о благополучно совершившемся бракосочетаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича и благовѣрныя государыни великія княгини Наталіи Алексѣевны добровольнаго подарка, я какъ скоро предложеніе учинилъ, то какъ рыцарство, такъ и городъ Рига со всеусердіемъ и радостію опредѣлили и всеподданнѣйше подносятъ въ казну Ея Императорскаго Величества: лифляндское рыцарство 20 тысячъ рублей, городъ Рига 8 тысячъ рублей, да эзельское рыцарство, по возможности своей, 706 р., итого 28706 рубл. Того ради о вышеписанномъ Правительствующему Сенату покорнѣйше репортуя и оныя деньги по принятіи куда отправить повелѣно будетъ или записать въ приходъ въ рижской рентереи, о томъ буду ожидать Ея Императорскаго Величества указа.

Впрочемъ лифляндское рыцарство и земство и здѣшній городъ подали ко мнѣ свои представленія съ яснымъ доказательствомъ, что прописанное въ указѣ Правительствующаго Сената въ законъ шведское уложеніе, по коему требовалась вышедонесенная контрибуція, до нихъ нимало не слѣдуетъ, ибо то шведское уложеніе, именуемое ландлаге, сочинено для Шведовъ почти за 200 лѣтъ до завоеванія Лифляндіи, и сему закону здѣшняя земля и городъ никогда подвержены не были и для того всеподданнѣйше просятъ отъ разсуждающаго по таковому чужому шведскому закону обязательства освободить, что оныя ихъ прошенія въ разсужденіи прописаннаго обстоятельства на высокое разсмотрѣніе съ ожиданіемъ резолюціи при семъ и съ переводомъ на россійскій діалектъ Правительствующему Сенату представляю. — Да при семъ же и репортъ по прошенію здѣшняго лифляндскаго рыцарства, принадлежащій на высочайшее Ея Императорскаго Величества имя конвертъ, въ

коемъ единственно прописано ихъ усердіе съ изъявленіемъ всеподданнѣйшаго ихъ участія въ вышеписанномъ всерадостнѣйшемъ высочайшемъ бракосочетаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, которой ихъ конвертъ покорно прошу Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше поднесть, а какаго именно содержанія, съ онаго представлю при семъ копію. — Рига, 18 Марта 1774.

Государынѣ императрицѣ графъ Броунъ доносилъ:

По всемилостивѣйшей отъ Вашего Императорскаго Величества данной мнѣ довѣренности, я, яко хозяинъ здѣшней лифляндской губерніи, Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести имѣю: по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества присланному ко мнѣ изъ Правительствующаго Сената указу, я какъ скоро, собравшему здѣсь лифляндскому рыцарству и городу Ригѣ, учинилъ предложеніе о добровольномъ подаркѣ въ знакъ всерадостнѣйшаго изъявленія о благополучно совершившемся бракосочетаніи вселюбезнѣйшаго сына Вашего Величества, Его Императорскаго Высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича съ Ея Императорскимъ Высочествомъ благовѣрной государыней и великой княжною Наталіею Алексѣевною, то какъ рыцарство, такъ городъ Рига, всѣ единогласно въ сущемъ восторгѣ радости и съ превеликимъ усердіемъ и желаніемъ опредѣлили и всеподданнѣйше подносятъ въ казну Вашего Императорскаго Величества: лифляндское рыцарство 20 тысячъ руб., городъ Рига 8 тысячъ рублей, да эзельское рыцарство съ таковымъ же усердіемъ, по возможности своей, 706 руб.

Всемилостивѣйшая государыня! Вашему Императорскому Величеству я могу по присягѣ справедливо засвидѣтельствовать, что здѣшній городъ и земли и всѣ жители здѣшней провинціи, при помянутомъ моемъ предложеніи, наполнены были таковою истинною всеподданнѣйшею ревностію, каковой бывше описать не можно. Они, будучи исполнены несказанною радостію, съ чувствительнѣйшими трепутыми сердцами благодарили Бога, что подъ премудрымъ и достохвальнымъ Вашего Императорскаго Величества царствованіемъ и подъ высокоматернимъ Вашего Величества милосердіемъ пребываютъ благополучно и готовы жертвовать не только имѣніемъ своимъ, но и своею жизнію, какъ то вѣрноподданному быть принадлежитъ.

Я, видя таковое ихъ усердіе, больше радовался особливо о томъ, что изъ нихъ, какъ мнѣ извѣстно, хотя большая часть есть дѣйствительно весьма бѣдны, но однакожь до послѣдняго человѣка къ вышеписанному подносимому добровольному подарку съ искреннѣйшимъ своимъ желаніемъ

приступили, не смотря еще на ту тягость, которую они чувствуютъ, кромѣ ежегодно въ контрибуцію на турецкую войну 100 тысячъ талеровъ, въ платежѣ Гофманскихъ начетовъ. Ихъ земля, по ревизіи онаго Гофмана принуждена платить больше 100 же тысячъ талеровъ, а какъ сверхъ того нынѣ вновь лифляндская камеръ-контора со здѣшней земли взыскиваетъ недоборъ отъ 1744 г., о которомъ въ 30 лѣтъ ни одного слова не было, считаемый хлѣбомъ и деньгами слишкомъ до 20 тысячъ талеровъ, совсѣмъ несправедливо, потому когда въ 1744 году производилась въ Лифляндіи ревизія, тогда дворяне жаловались, что они были высокимъ тягломъ оброчены и потому въ 1746 г. Мая 31-го дня отъ помянутой камеръ-конторы воспослѣдовалъ указъ, дабы мызы впредь до слѣдствія впосъ платили по прежней ревизіи и хотя съ таковымъ обязательствомъ поссесоровъ, чтобъ имъ при требуемомъ случаѣ недобранное доплатить, но въ 1750 г., когда воспослѣдовала вновь ревизія и оная Правительствующимъ Сенатомъ и камеръ-конторою конфирмована, то и въ то время о недобранномъ съ 1744 по 1750 г. платежѣ никакого опредѣленія не сдѣлано и осталось оное безъ начету, да и на представленіе, которое послано въ камеръ-контору въ 1765 г., ничего въ резолюціи не получено; слѣд., по таковому прошедшему чрезъ 30 лѣтъ не малому времени, поссесоры всѣ почти перемѣнились, а при арендахъ изъ тогдашнихъ владѣльцевъ никого не осталось, ибо нѣкоторыя цѣлыя фамиліи вымерли, то въ такомъ случаѣ поруки по нихъ и оставшія ихъ дѣти и внучата, кои о показанномъ долгѣ ничего не знали, подвержены безвинному отвѣтствію, — что̀ единственно осмѣлился Вашему Императорскому Величеству во извѣстіе всеподданнѣйше донесть со вседолжнѣйшимъ рабскимъ моимъ прошеніемъ о принятіи здѣшнихъ жителей, по сказанной ихъ усердности, въ щедроматернее монаршее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе.

Впрочемъ лифляндское рыцарство и земство и здѣшній городъ подали ко мнѣ свои представленія съ яснымъ доказательствомъ, что прописанное въ указѣ Правительствующаго Сената въ законъ шведское уложеніе, по коему требовалась вышедонесенная контрибуція, до нихъ нимало не слѣдуетъ, ибо то шведское уложеніе, именуемое ландлаге, сочинено для шведовъ почти за 200 лѣтъ до завоеванія Лифляндіи и сему закону здѣшняя земля и городъ никогда подвержены не были и для исполненія здѣсь не публиковано, и для того всеподданнѣйше просятъ отъ разсуждающаго по чужому шведскому закону обязательства ихъ освободить, которыя ихъ прошенія оригиналомъ отосланы отъ меня въ Прави-

тельствующій Сенатъ, а съ оныхъ на премудрѣйшее Вашего Императорскаго Величества благоразсмотрѣніе при семъ всеподданнѣйше подношу точныя копіи.

Дѣло № 58-й 1773 г., изъ котораго сдѣлана эта выписка, оканчивается симъ донесеніемъ. — Неизвѣстно поэтому послѣдовала-ли и какая именно резолюція по сему дѣлу.

XVII.

О курляндцѣ Отто Германѣ фонъ Ховенъ (Howen).

Герцогъ Эрнстъ Іоганнъ Биронъ, актомъ отъ 25 Ноября 1769 г., отказался отъ курляндскаго престола въ пользу своего сына Петра, сохранивъ однако за собою и своею супругою право пожизненно пользоваться доходами съ аллодіальныхъ имѣній. Ландтагъ (сеймъ), собравшійся въ Январѣ 1770 г., возсталъ противъ этого акта. Утверждали, что передача правленія требовала согласія рыцарства, что право пользованія аллодіальными имѣніями, состоявшими отчасти изъ наслѣдственныхъ имѣній дома Кетлера и выкупленными изъ доходовъ герцогства, не можетъ принадлежать герцогу Эрнсту, хотя онъ на выкупъ ихъ употребилъ, въ первое свое правленіе Курляндіею, много и своихъ денегъ, подаренныхъ ему императрицею Анною. Возникли ожесточенные споры. Дворянинъ Ховенъ, сынъ гофмаршала, открыто побуждалъ дворянство не присягать новому герцогу. Тщетно русскій посланникъ Симолинъ предостерегалъ (25 Января и 5 Февраля) и призывалъ рыцарство къ соглашенію: его никто не слушалъ, и ландтагъ не состоялся. Герцогъ Петръ назначилъ новое собраніе ландтага и положилъ быть присягѣ $^{10}/_{21}$ Іюня. Между тѣмъ Ховенъ, еще до распущенія прежняго ландтага, уѣхалъ въ Варшаву, тутъ началъ дѣйствовать въ пользу саксонскаго принца Карла и вступилъ въ связь съ конфедератами Паца. Великій канцлеръ Млодзеевскій и Симолинъ требовали, чтобы курляндское рыцарство вызвало Ховена изъ Варшавы, но оно не только не выполнило этого требованія, но похвалило поведеніе и поступки Ховена. Тогда императрица, недовольная противниками Бирона, приказала арестовать Ховена. Между бумагами его нашлась переписка съ саксонскимъ дворомъ и планъ возстановленія на курляндскій престолъ принца Карла, того самаго, который былъ устраненъ импера-

трицею еще въ 1762 году (*). Подобный планъ совершенно противорѣчилъ видамъ и политикѣ императрицы; это и побудило ее удалить Ховена не только изъ Польши, но и изъ Курляндіи. Государыня приказала Сальдерну, тогдашнему русскому министру при польскомъ дворѣ, отправить Ховена, содержавшагося подъ арестомъ въ Пултускѣ, въ Ригу. Сальдернъ немедленно исполнилъ приказаніе и писалъ Броуну $^{12}/_{23}$ Октября 1771 года изъ Варшавы (**):

„Указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно мнѣ: курляндскаго дворянина Отто Германа фонъ Ховена, содержавшагося здѣсь въ Польшѣ нѣкоторое время подъ арестомъ, отправить, подъ надежнымъ присмотромъ, въ Ригу и сдать вашему высокопревосходительству.

Во исполненіе сего всемилостивѣйшаго указа, я, назначивъ двухъ россійскихъ императорскихъ офицеровъ съ тремя гренадерами для отвоза сказаннаго арестанта въ Ригу и снабдивъ ихъ надлежащею инструкціею, приказалъ имъ сдать онаго вашему высокопревосходительству.

Я надѣюсь, что сіи офицеры возложенное на нихъ порученіе исполнятъ такъ, какъ то ихъ долгъ и честь требуютъ.

Вмѣстѣ съ симъ прошу ваше высокопревосходительство обоихъ сихъ офицеровъ, какъ крайне необходимыхъ для службы Ея Императорскаго Величества, отправить обратно съ данною имъ отъ меня для сей дороги коляскою. Впрочемъ остаюсь и пр. Сальдернъ".

Для отвоза Ховена были назначены 3-го кирасирскаго полка поручикъ Алексѣй Цуриковъ и новобранцы кирасирнаго полка берейторъ Иванъ Вахтель. Въ инструкціи имъ сказано, что по принятіи въ Пултускѣ отъ поручика Гаугребена арестанта:

„1) Гг. офицеры получатъ въ свою команду трехъ гренадеръ, изъ коихъ одинъ посмѣнно долженъ всегда, для безопасности, оставаться подлѣ кареты, также и изъ гг. офицеровъ долженъ всегда быть одинъ въ каретѣ съ арестантомъ или подлѣ оной.

2) Для сей причины будутъ имѣть гг. офицеры четвероместную карету, въ которой должно сидѣть арестанту, двумъ гг. офицерамъ и одному гренадеру и такъ ѣхать отъ Пултуска до самой Риги.

3) Какъ скоро доѣдутъ до королевско-прусскихъ границъ, то надлежитъ тутъ взять 6 почтовыхъ лошадей для кареты и ѣхать, безъ остановки, днемъ и ночью въ Ригу.

(*) См. въ 1-й книгѣ XVIII вѣка, стр. 404—419.

(**) Письмо писано по нѣмецки, и въ подлинникѣ приложено къ дѣлу № 39, изъ котораго мы приводимъ дальнѣйшіе документы.

4) Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ будутъ спрашивать и требовать паспорту, надлежитъ сказываться императорскими россійскими офицерами; арестанта же называть поручикомъ Пекштинымъ, такъ какъ оный въ паспортѣ именуется.

5) На станціяхъ и въ другихъ мѣстахъ не надлежитъ дозволять арестанту выходить изъ кареты, а дозволять выходить въ нужномъ случаѣ на полѣ; вообще же поступать съ нимъ учтивымъ образомъ, но притомъ всегда смотрѣть за онымъ, какъ за человѣкомъ притворнымъ и хитрымъ.

6) Когда примутъ сего арестанта въ Пултускѣ, то, отдавъ ему мое письмо, должно съ нимъ, не мѣшкавъ, въ путь отправиться. Принадлежащій арестанту сундукъ съ его платьемъ взять съ собою; лакея же, ни другаго какого служителя, не брать, и находящагося нынѣ при немъ лакея приказать послѣ отправить въ Варшаву съ поручикомъ Гаугребеномъ.

7) Деньги на прогонъ на 6 подводъ, проѣздъ и на прочія надобности надлежитъ имъ получить здѣсь отъ меня; для довольствованія же нищею арестанту, также и имъ самимъ получитъ старшій изъ офицеровъ, подъ росписку, отъ поручика Гаугребена имѣвшіяся у него деньги, изъ которыхъ остатокъ должно имъ, по прибытіи въ Ригу, отдать его высокопревосходительству господину генералъ-губернатору Броуну или тому офицеру, который къ сему арестанту опредѣленъ будетъ.

8) Когда гг. офицеры употребятъ, по присяжной должности, въ дорогѣ, а особливо въ Курляндіи, всевозможныя попеченія о вышепомянутомъ арестантѣ и прибудутъ въ Ригу, то надлежитъ имъ явиться, съ посланнымъ при семъ письмомъ, къ его высокопревосходительству тамошнему генерал-губернатору Броуну, который, принявъ у нихъ, объ [illegible]гаться будетъ. По исполненіи всего вышеписаннаго, должно имъ требовать отвѣтъ отъ его высокопревосходительства [illegible]на генералъ-губернатора и, взявъ прибывшую съ ними карету, возвратиться въ Варшаву.

Все вышеписанное должно навсегда остаться въ молчаніи. Въ Варшавѣ, Октября $^{12}/_{23}$ числа 1771 г."

Къ этой инструкціи былъ приложенъ и ордеръ всѣмъ находящимся по Вильденбергской дорогѣ на станціяхъ казанскаго пѣхотнаго полка господамъ штабъ и оберъ-офицерамъ:

„Показателямъ сего 3 кирасирскаго полку поручику Цурикову и новгородскаго карабинернаго полку корнету Вахтелю, отправленнымъ отсюда для отвоза въ Россію извѣстнаго высочайшаго нашего двора господину послу и мнѣ человѣка, не токмо провожать подъ достаточнымъ конвоемъ, но еще станція до станціи для свозу давать по 6 подъем-

ныхъ лошадей, въ увѣреніе чего при подписаніи моей руки и съ приложеніемъ обыкновенной гербъ моего печати и сей открытый ордеръ данъ въ Варшавѣ, Октября 12 дня 1771 г. Ея Императорскаго Величества самодержицы Всероссійской, всемилостивѣйшей государыни моей, отъ арміи генералъ-поручикъ, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка премьеръ-маіоръ, командующій въ Польшѣ корпусомъ Ея войскъ и орденовъ Бѣлаго Орла и св. Анны кавалеръ Александръ Бибиковъ".

Цуриковъ получилъ отъ Гаугребена 360 червонцевъ; на прогоны и на столъ по день прибытія въ Ригу издержалъ 60 червонцевъ.

Ховенъ былъ привезенъ въ Ригу 23 Октября. Генералъ-губернаторъ приказалъ плацъ-маіору Рикману: „арестанта принять и опредѣлить ему въ цитадельской крѣпости особливое безопасное мѣсто при голубтвахтѣ и содержать его подъ крѣпкимъ карауломъ, чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ изъ того опредѣленнаго мѣста, кромѣ нужнаго случая, выходить не могъ, а при ономъ случаѣ быть неотмѣнно при немъ двумъ часовымъ; при самомъ же томъ покоѣ, гдѣ онъ находиться будетъ, имѣть прикажите особливаго часоваго и приставить къ нему одного оберъ-офицера, которымъ и находиться обще съ нимъ въ одномъ покоѣ; къ нему никого не пускать и писемъ писать ему не дозволять, присылаемыхъ писемъ ему не отдавать, но представлять генералъ-губернатору. Впрочемъ поступать съ нимъ учтивымъ образомъ и находящійся при немъ экипажъ и собственныя его деньги хранить, такъ чтобы изъ нихъ напрасной утраты не было, кромѣ [illegible] на его пищу, а сколько какого экипажу и денегъ при немъ, репортовать".

Рикманъ въ тотъ же день, за № 320, донесъ, что [illegible] при арестантѣ состоитъ: одинъ сундукъ съ платьемъ [illegible] нымъ, другой съ бѣльемъ, да [illegible] душки; денегъ у арестанта найдено 300 голландскихъ червонцевъ.

Броунъ ничего не зналъ о распоряженіяхъ на счетъ Ховена, потому представилъ императрицѣ слѣдующее донесеніе:

„При письмѣ находящагося въ Варшавѣ Вашего Императорскаго Величества полномочнаго посла господина фонъ Сальдерна вчерашняго числа присланъ ко мнѣ въ Ригу, подъ крѣпкимъ карауломъ и смотрѣніемъ двухъ оберъ-офицеровъ и трехъ гренадеръ, курляндскій дворянинъ Отто Германъ фонъ Ховенъ, который арестованъ и нѣсколько времени содержался въ польскомъ мѣстечкѣ Пултускѣ; и

понеже я изъ того письма усматриваю, что таковое показанному арестанту ко мнѣ отправленіе повелѣно учинить по всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества указу, а что съ нимъ, арестантомъ, дѣлать и подлежателенъ-ли онъ къ дальнѣйшему еще куда отправленію, того въ томъ полученномъ письмѣ отъ него, господина полномочнаго посла, ничего не изъяснено, да и я о показанномъ арестантѣ, какъ отъ Вашего Императорскаго Величества такъ и изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, никакого повелѣнія въ полученіи не имѣю. Того ради о вышеписанномъ Вашему Императорскому Величеству и что̀ повелѣно будетъ учинить съ объявленнымъ привезеннымъ сюда арестантомъ, и здѣсь ли онаго подъ крѣпкимъ карауломъ въ крѣпости содержать или далѣе куда надлежитъ отправить, о томъ всенижайше рабски прошу снабдить меня всемилостивѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ. А до полученія онаго приказано отъ меня реченнаго арестанта, подъ таковымъ же крѣпкимъ смотрѣніемъ, какъ онъ въ дорогѣ находился, содержать въ здѣшней цитадельской крѣпости; а бывшіе при немъ офицеры и конвой отпущены въ Варшаву. Но какъ означенный арестантъ чрезъ плацъ-маіора просилъ меня, чтобъ къ нему опредѣлить изъ его служителей одного человѣка, въ данномъ же наставленіи отъ господина полномочнаго посла изъ лакеевъ его, Ховена, никого къ нему не опредѣлено: то и я къ сему приступить собою не могу, и въ такомъ случаѣ что̀ соизволите Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше указать, также имѣю ожидать всевысочайшаго Вашего Величества соизволенія. 23 Октября 1771 г. Рига.

Отвѣтъ послѣдовалъ въ слѣдующемъ секретномъ указѣ:

Нашему генералъ-аншефу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

На представленіе ваше отъ 23 прошедшаго мѣсяца о присланномъ къ вамъ отъ пребывающаго въ Варшавѣ посла нашего Сальдерна курляндцѣ Ховенѣ, высочайше повелѣваемъ: оставить его впредь до указу въ крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ. На пропитаніе и содержаніе его имѣете вы употреблять нужныя деньги изъ губернскихъ доходовъ и оное учредить такъ, чтобы, безъ изнуренія человѣчества, онъ тутъ могъ сохраняемъ быть; но при ономъ весьма то наблюдать повелѣваемъ, чтобъ какъ имя его, такъ и содержаніе подъ карауломъ, ни отъ кого не могло быть проникнуто, а еще менѣе, чтобъ съ кѣмъ нибудь допущенъ онъ былъ имѣть какое либо сообщеніе, кромѣ тѣхъ,

которымъ отъ васъ надзираніе надъ нимъ препоручено будетъ. И пребываемъ императорскою нашею милостію вамъ благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ, Ноября 4 дня 1771 г. По имянному Ея Императорскаго Величества указу. Графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

Увѣдомляя о полученіи сего указа, Броунъ донесъ 13 Ноября, что на содержаніе Ховена расходуются 300 червонцевъ, найденныхъ при немъ, по прибытіи въ Ригу. Денегъ этихъ достало только на четыре мѣсяца. 17 Марта 1772 г. Броунъ предписалъ уже рижскому рентмейстеру Фохту отпустить на содержаніе Ховена изъ рижскихъ неположенныхъ статсъ-конторскихъ доходовъ на счетъ возврата 100 талеровъ мелкою курантовою монетою, считая талеръ въ 80 фардинговъ, рижскому плацъ-маіору Рикману, и о томъ такъ донесъ государынѣ:

„По всевысочайшему Вашего Императорскаго Величеству рескрипту отъ 4 Ноября прошлаго 1771 г., мною полученному, всемилостивѣйше повелѣно присланному изъ Варшавы курляндцу Ховену, содержащемуся подъ карауломъ въ здѣшней цитадельской крѣпости на пропитаніе и содержаніе его употреблять нужныя деньги изъ губернскихъ доходовъ. Но какъ тогда имѣлось у него собственныхъ его денегъ до 300 червонцевъ, то изъ казны ему никакой выдачи еще не имѣлось, а нынѣ рижскій плацъ-маіоръ репортомъ ко мнѣ представляетъ, что помянутыя собственныя его червонною монетою деньги всѣ издержаны, и реченный арестантъ проситъ на счетъ его о выдачѣ 100 талеровъ: тогоради посланъ отъ меня сего числа въ рижскую рентерею ордеръ, чтобъ помянутое число денегъ 100 талеровъ до того времени, пока оные возвратятся, на счетъ чрезвычайныхъ расходовъ реченному плацъ-маіору Рикману отпустить, съ таковымъ повелѣніемъ, дабы онъ, плацъ-маіоръ, на пропитаніе и содержаніе объявленнаго арестанта тѣ деньги употреблялъ съ надлежащею запискою. О чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу и почему именно въ день вышеписанному секретному арестанту кормовыхъ денегъ и на прочее содержаніе всемилостивѣйше употреблять повелѣно будетъ, о томъ всенижайше прошу опредѣлить меня Вашего Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ. 17 Марта 1772 г.

Отвѣтъ былъ таковъ:

Нашему генералъ-аншефу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

Представляли вы въ реляціи отъ 17 Марта, что, по просьбѣ извѣстнаго арестанта Ховена, выдано на содержаніе его

изъ рижской рентереи 100 талеровъ, испрашивая притомъ нашего указа, по сколько именно въ день производить ему кормовыхъ денегъ. Мы такое ваше о выдачѣ оныхъ денегъ распоряженіе всемилостивѣйше апробуя, повелѣваемъ вамъ производить сему арестанту кормовыя деньги и на прочее содержаніе по разсмотрѣнію вашему, наблюдая только того, чтобы при такихъ расходахъ въ содержаніи его, какъ недостатка, такъ и излишества не было. О чемъ имѣете вы приставленному отъ васъ плацъ-маіору рекомендовать, съ тѣмъ чтобы онъ поступалъ въ томъ съ вѣдома и съ наставленія вашего, держа при томъ всегда такимъ расходамъ точную записку. Данъ въ С.-Петербургѣ, Мая 1 дня 1772 г. По Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

Во исполненіе сего указа, Броунъ на содержаніе и продовольствіе Ховена опредѣлилъ по одному талеру въ день и предписалъ рижской рентереѣ отпускать эти деньги плацъ-маіору помѣсячно.

Какъ строго былъ заключенъ Ховенъ и подъ какимъ крѣпкимъ карауломъ состоялъ онъ, видно изъ слѣдующаго донесенія Броуна государынѣ императрицѣ:

„Какъ нынѣ содержащійся здѣсь въ цитадельской крѣпости подъ крѣпкимъ карауломъ секретной арестантъ Ховенъ находится въ тяжкой болѣзни и весь опухъ, потому что онъ никакого свѣжаго воздуха не имѣетъ, то чрезъ плацъ-маіора поминутый арестантъ проситъ меня, чтобъ, къ спасенію его жизни, дозволено ему было изъ того каменнаго покоя, гдѣ онъ заключенъ, выходъ имѣть на свѣжій воздухъ на валъ цитадельской крѣпости. Но какъ я собою такого дозволенія учинить не могу, въ такомъ случаѣ на всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе о вышеписанномъ всеподданнѣйше представляю, не повелѣно ль будетъ реченному арестанту дозволить выходъ на валъ цитадельской крѣпости и единственно по оному проходъ имѣть для свѣжаго воздуха, о томъ имѣю ожидать всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа. 2 Іюня 1772 г.“

Отвѣтъ:

Нашему генералъ-аншефу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

На реляцію вашу отъ 2 минувшаго Іюня о извѣстномъ арестантѣ Ховенѣ, восхотѣли мы симъ предписать вамъ

въ резолюцію, что ежели онъ, Ховенъ, подлинно находится боленъ, то можете вы дозволить ему, по его прошенію, для свѣжаго воздуха выходъ имѣть по валу цитадельской гауб-вахты за надлежащимъ однакожъ присмотромъ и съ тѣмъ, чтобы онъ, во время своего прогуливанія, ни съ кѣмъ до разговоровъ допускаемъ не былъ. — Данъ въ С.-Петербургѣ, 23 Іюля 1772 года. По Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

1 Августа 1772 г. за № 1916 Броунъ предписалъ плацъ-маіору Рикману поступить по силѣ сего указа.

Остальные мѣсяцы 1772, весь 1773 и до Октября 1774 г. Ховенъ пробылъ подъ строгимъ арестомъ. Ходатайствовать объ его освобожденіи началъ самъ Броунъ, въ то время уже графъ Римской имперіи. — Вотъ письмо его къ гр. Панину:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь Никита Ивановичь!

Прошлаго 1771 г., Октября 22 дня, присланный сюда въ Ригу изъ Варшавы отъ находящагося въ тогдашнее время нашего полномочнаго посла [illegible] курляндскій дворянинъ Отто Германъ фонъ Ховенъ въ рижской цитадельской крѣпости и по нынѣ содержится подъ крѣпкимъ карауломъ, а какъ сего Октября 3 дня отецъ реченнаго секретнаго арестанта, курляндскій ландъ-гофмейстеръ Отто Христофоръ фонъ деръ Ховенъ, при письмѣ своемъ ко мнѣ, прислалъ на всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя о свободѣ помянутаго сына его всенижайшее прошеніе: то я, не зная объ ономъ Ховенѣ по какой важности онъ подъ карауломъ содержится, и потому не учиня прямо Ея Императорскому Величеству надлежащаго о томъ всеподданнѣйшаго моего представленія, единственно его прошеніе на разсмотрѣніе къ вашему графскому сіятельству при семъ сообщаю, не изволите ль оное при случаѣ Ея Императорскому Величеству представить и что всемилостивѣйше указать соизволитъ, покорнѣйше прошу меня увѣдомить; а особливо какъ нынѣ въ цитадельской крѣпости происходитъ строеніе каменное новыхъ казармъ, а старое строеніе и арестантскую кордегардію надлежитъ сломать, то по такому случаю не повелѣно ль будетъ его въ другомъ мѣстѣ содержать, ежели освобожденъ не будетъ.

При семъ имѣю честь вашему графскому сіятельству донести: объявленному секретному арестанту Ховену, по силѣ Ея Императорскаго Величества рескриптовъ, присланныхъ ко мнѣ отъ 4-го Ноября 1771 и отъ 1 Мая 1772 г., на про-

кормъ и на прочее его содержаніе прошлаго 1772 г. Марта съ 19 наступающаго Ноября по 1 число выдано изъ рижской рентереи изъ штатсъ-конторскихъ доходовъ 1064 талера, то объ оныхъ деньгахъ, къ надлежащему свѣдѣнію и не повелѣно ль будетъ оныя для возвращенія въ казну отъ отца его истребовать, при семъ представляю всеподданнѣйшую реляцію, на которую также имѣю ожидать резолюціи. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностію вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга Г. Броунъ. 11 Октября 1774 г. Рига.

P. S. Показанному гофмейстеру Ховену на его письмо я никакого отвѣта не писалъ, и не далъ знать о томъ, что сынъ его здѣсь содержится".

Вотъ письмо къ графу Броуну Ховена отъ $^{7}/_{18}$ Октября: (*)

„Извѣстно, что Ея Императорское Величество, при славномъ заключенномъ мирѣ, всемилостивѣйше многихъ арестованныхъ освободить изволила, усердно желаю я, чтобъ и мой сынъ, который уже болѣе 3-хъ лѣтъ содержится подъ арестомъ, равномѣрно такой же всевысочайшей Ея Императорскаго Величества милости удостоился; потому, прилагая при семъ на имя Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу, прошу ваше рейхсъ-графское сіятельство всепокорнѣйше просьбу эту Ея Императорскому Величеству представить и ходатайствовать о выпускѣ сына моего."

Въ прошеніи говорилось: „какъ по всевысочайшей божеской милости подъ премудрымъ правительствомъ Вашего Императорскаго Величества съ Отоманскою Портою высокославный миръ заключенъ и Ваше Императорское Величество, изъ высочайшей милости, многихъ арестованныхъ освободить изволили, то и я, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всемилосердно и слезно прошу и моего сына, который уже болѣе 3-хъ лѣтъ подъ арестомъ содержится, изъ высокой милости освободить."

Государынѣ же императрицѣ графъ Броунъ доносилъ:

„По высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества рескриптамъ, присланнымъ ко мнѣ отъ 4 Ноября 1771, да отъ 1 Мая 1772 г., всемилостивѣйше повелѣно содержащемуся въ рижской цитадельной крѣпости подъ карауломъ секретному арестанту курляндскому дворянину Ховену производить кормовыя деньги и на прочее содержаніе по разсмотрѣнію моему, наблюдая только того, чтобъ при такихъ

(*) Письмо и прошеніе писано по нѣмецки.

расходахъ въ содержаніи его какъ недостатка, такъ и излишествъ не было. Но какъ, по силѣ онаго всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія, на прокормъ и на прочее содержаніе помянутому арестанту Ховену выдано уже изъ рижской рентереи изъ статсъ-конторскихъ доходовъ иностранною мелкою курантовою монетою 1064 талера, считая въ талерѣ по 80 фардинговъ, то о сихъ выданныхъ деньгахъ для подлежащаго свѣдѣнія при семъ всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству вѣдомость, и если всемилостивѣйше повелѣно будетъ оныя деньги возвратить по прежнему въ казну отъ находящагося въ Митавѣ отца его ландъ-гофмейстера Ховена, то объ ономъ имѣю ожидать всевысочайшаго указа. — 11 Октября 1774".

Отвѣты не замедлили. — На письмо къ графу Панину графъ Юрій Юрьевичъ получилъ указъ, въ которомъ [illegible]галось:

„Нашему генера[illegible]ншефу и лифляндскому генералъ-губернатору Бр[illegible]у.

Какъ пер[illegible]ыя [illegible]іеся обстоя[illegible] [illegible]вл[illegible]ть возможною свободу содержащагося у [illegible] арестанта курляндца Ховена, то мы чр[illegible]ріе всемилостивѣйше и повел[illegible]мъ его освободить, и приказать выпроводить его [illegible]раницу, [illegible] при выпускѣ объявить ему: что хотя онъ, яко державій человѣкъ, сдѣлавшій тяжкое предъ Россіею преступленіе писаніемъ ее оскорбляющимъ, и заслуживаетъ вѣчное заключеніе; но мы изъ единаго милосердія въ томъ его прощаемъ, и потому вы освобождаете его въ надеждѣ, что случившееся съ нимъ послужитъ къ его исправленію и что онъ впредь будетъ вести жизнь свою спокойно, не мѣшаясь въ дѣла, толь несвойственныя его званію и состоянію. Впрочемъ пребываемъ вамъ императорскою милостію благосклонны. — Данъ въ С.-Петербургѣ 14 Октября 1774 года. По имянному Ея Императорскаго Величества указу графъ Н. Панинъ и князь А. Голицынъ.

Въ силу этого указа, Ховенъ былъ освобожденъ 22 Октября и отпущенъ въ Курляндію, о чемъ графъ Броунъ донесъ государынѣ того же 22 Октября.

Резолюція о издержанныхъ деньгахъ послѣдовала въ 1775 году слѣдующимъ указомъ:

Нашему генералъ-аншефу и лифляндскому генералъ-губернатору Броуну.

На представленіе ваше отъ 11 Октября прошлаго 1774 г. о издержанныхъ на содержаніе бывшаго подъ карауломъ курляндскаго дворянина Ховена изъ статсъ-конторскихъ доходовъ 1064 талера, въ резолюцію вамъ объявляется: что оныя деньги надлежитъ поставить на счетъ чрезвычайныхъ расходовъ, какъ употребленныя на секретнаго арестанта, а съ отца его взыскивать ихъ не повелѣваемъ. — Данъ въ Москвѣ, Августа 31 дня 1775 г. По Ея Императорскаго Величества указу графъ Никита Панинъ, графъ Иванъ Остерманъ.

(*Извлечено Е. В. Чешихинымъ*)

ВАНЬКА КАИНЪ.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія, воровство и мошенничество развились въ Москвѣ въ огромныхъ размѣрахъ; со всѣхъ сторонъ, зимою и лѣтомъ, собиралось въ Бѣлокаменную то особенное народонаселеніе [illegible] граничется во всѣхъ большихъ городахъ и существуетъ на счетъ ближняго, обманомъ, воровствомъ и насильственнымъ отнятіемъ собственности. Москва, [illegible] населенныхъ тяглецами, [illegible] безопасный пріютъ всѣмъ [illegible] и безпаспортнымъ; а такихъ было много, потому что бѣгство было единственнымъ средствомъ избавиться отъ тягостей крѣпостнаго состоянія, существовавшаго въ полномъ его развитіи и поддержавнаго законами. Бѣгали много и отъ рекрутства, которое было ненавистно Русскому народу. Днемъ бродили „*гулящіе*“ люди по Красной площади, въ Ѳотномъ ряду, на Крестцахъ, въ рядахъ, по торговымъ банямъ. Ночью они грабили шайками; темные, неосвѣщенные улицы и переулки, съ деревянными полуизгнившими мостовыми, а большая часть и совсѣмъ безъ мостовыхъ, грязные пустыри, дворы разрушенные и покинутые послѣ пожаровъ, сбегчали дерзкіе разбои ночные, давая легкое средство скрываться, а полное неустройство полицейскаго надзора ободряло грабителей. Ворамъ и мошенникамъ нужны тѣсныя мѣстности и толпа, а эти условія въ нѣкоторыхъ пунктахъ Москвы исторически сложились со всѣми удобствами для промышляющихъ чужою собственностію. На Красной площади съ ранняго утра толпился народъ между беспорядочно построенными лавками и шалашами; здѣсь и на Крестцахъ производилась главная народная торговля; здѣсь бѣд-

ный и разсчетливый человѣкъ могъ купить все, что ему было нужно и за дешевую цѣну, начиная съ съѣстныхъ припасовъ, одежды и до драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, золота и серебра. Въ уменьшенномъ видѣ это продолжается и теперь на толкучкѣ у Пролома. Вглядитесь въ эту сплошную толпу и перенесите ее въ своемъ воображеніи къ Лобному мѣсту и къ монументу Пожарскаго и Минина, тогда не существовавшаго, но вообразите толпу въ десять разъ болѣе, и вотъ вамъ Красная площадь. Тоже, но въ меньшемъ размѣрѣ, происходило около Охотнаго ряда и по Неглинной, которая въ этомъ мѣстѣ давала еще воду мельницѣ у Воскресенскихъ воротъ. Торговыя бани собирали къ [illegible]ному необходимому обычаю, также много народа: но они были на окраинахъ тогдашняго города въ слободахъ. (См. приложеніе № 1.) Внутри же городаѣ въ харчевняхъ, въ пирожныхъ, народъ толпился съ утра до ночи, а въ *фортинахъ* (кабаки) въ продолженіе всей ночи сидѣли пьяные. Харчевни и *выносные очаги* существовали не только вблизи рядовъ и гостиннаго двора, но и между рядовъ, въ самыхъ тѣсныхъ мѣстахъ, и внутри гостиннаго двора, отъ чего не одинъ разъ случались пожары. Такъ въ 1735 г. отъ одного *выноснаго очага* едва не сгорѣлъ весь гостинный дворъ. Въ харчевняхъ печи большею частію устроивались безъ трубъ, а дымъ выходилъ въ окна. На Красной площади, противъ комедіантскаго дома, было три очага, на которыхъ жарилась для проходящихъ рыба; въ Зарядьѣ, въ рядахъ и около гостиннаго двора существовала 61 харчевня и 16 выносныхъ очаговъ. Особенно было много харчевенъ у Малашей около Василія Блаженнаго, внизъ къ Москвѣ рѣкѣ, противъ щепетильнаго и игольнаго рядовъ: тутъ отъ нихъ была *тѣснота для проѣзда* (д. камеръ-коллегіи, св. 77, № 50.). Вообще тѣснота въ этой части города была особенная и еще въ 1728 году полиція усмотрѣла, что въ Китаѣ, по Ильинской большой улицѣ, становилось завсегда межъ рядовъ многое число каретъ и колясокъ и извощичьихъ роспусковъ, также и верховыхъ лошадей, отъ чего народу въ проходѣ и въ проѣздѣ „не безъ тягости". Вслѣдствіе этого сдѣлано распоряженіе: „смотрѣть на крѣпко, чтобы по оной улицѣ, межъ рядовъ, оныхъ каретъ и колясокъ и вер-

ховыхъ лошадей и извощичьихъ роспусковъ въ поставкѣ отнюдь не было, дабы проѣздъ и проходъ народу былъ свободенъ", а каретамъ, коласкамъ и съ лошадьми велѣно становиться на Красной площади и извощикамъ въ другихъ свободныхъ мѣстахъ, „гдѣ имѣется малонародно" (дѣла полиц. канц.). Для наблюденія за исполненіемъ этого распоряженія назначенъ былъ полицейскій сержантъ и 10 челов. солдатъ.

Ряды въ Китаѣ-городѣ расположены были по предметамъ торговли и удовлетворяли всѣмъ разнообразнымъ требованіямъ тогдашняго народнаго хозяйства: иконный, сѣдельный, котельный, желѣзный, коробейный, бумаженный, манатейный (1), сайдашный (отъ слова саадакъ—здѣсь пр[illegible] лос. оружіе), кожанный, лапотный, крашенинный, ирошный (2), плетной, овошной, зачизочной, кружевной, золотной, красильной, шапочной, суконной смоленской, суконной московской, скорнячной, серебряной, вѣтошной, покромной, хлѣбной и калачной, сурожской шелковой, мыльный, сапожный, скобяной, рыбной просольной, самопальной, медовой, скорнячной, москотильный, машинной, фонарной, вандышной (3), судовой, пушной, юхвенной (4), подошевной, свѣчной, восковой, замочной, щепетильной, игольной, селедной, луковой, чесноковой, шерстяной, сѣмянной, орѣшной, рыбной живой, масляной, кисейной, холщевой. Кромѣ того торговля производилась на ларяхъ, рундукахъ, въ коробкахъ, на скамьяхъ, на ящикахъ. По Никольской улицѣ, идучи изъ Кремля, по лѣвой сторонѣ отъ Казанскаго собора, вдоль по улицѣ, на протяженіи 52 саженъ тянулись *шалаши*. Любимый народный напитокъ квасъ, продавался въ *квасныхъ кадяхъ*, разсѣянныхъ между рядами и шалашами, на углахъ и крестцахъ. Брадобритіе, съ которымъ такъ боролся народъ въ началѣ XVIII столѣтія,

---

(1) Манатья: мантія монаха — накидка, зипунъ, подержанная верхняя одежда. Слов. Даля.

(2) Ирга или ирка—козлиная или овечья шкура, выдѣланная въ родѣ замши. Слов. Даля.

(3) Ванда: родъ большой верши, морды изъ лозы, для ловли рыбы въ ирахъ и омутахъ. Слов. Даля.

(4) Юфть или юхть—кожа рослаго быка или коровы, выдѣланная по русскому способу на чистомъ дегтю. Слов. Даля.

привилось скоро. Въ 1736 году существовали въ Москвѣ цирюльни: одна на Варварскомъ крестцѣ, идучи изъ города на право, другая въ калашномъ ряду, двѣ идучи отъ Варварскаго крестца къ Москворѣцкимъ воротамъ, по правую сторону, пять на каменномъ Всесвятскомъ мосту, и 14 въ *Земляномъ городѣ*. Собирался еще народъ на *Болотѣ*; здѣсь исключительно зимою торговали на *салазкахъ—голицами* (5), щепетильнымъ товаромъ, мясомъ и съѣстными харчами; чрезъ Болото шелъ мостъ. (Изъ дѣлъ архива М. Ю. Камеръ-Коллегіи св. 9 д. п. з.) *Питейные погреба* находились только въ Китаѣ-городѣ, ихъ было 100, изъ которыхъ 33 помѣщались идучи съ Ильинскаго крестца къ Варвар[illegible]. Кабаки или фортины были не въ значительномъ числѣ; также вино покупалось (6) на *кружалахъ на выносъ*. Кабаки устроены были очень просто: стойка и лавка; подъ поломъ обыкновенно былъ ледникъ; надъ дверьми кабака на доскѣ нарисованъ былъ *гербъ*, а у *табашныхъ лавокъ* были доски, на которыхъ нарисованы были *офицеры съ курительными трубками*; надъ нѣкоторыми кабаками, въ праздники, выставляли знамёна, флаги и вымпела. Въ 1749 г. Камеръ-Коллегія запретила эти рисунки и велѣла надъ кабаками выставить только надписи: *въ семъ домѣ питейная продажа*; а надъ табашными лавками: *въ семъ домѣ табашная продажа, а другихъ никакихъ непристойныхъ знаковъ не выставлять* (Д. А. М. Ю. Камеръ-Коллегіи св. 91, № 14.).

„*Люди всякаго чина и подлый народъ*“ толпились на Красной площади, въ рядахъ, на крестцахъ, въ харчевняхъ, а между ними промысломъ своимъ занимались воры и мошенники: воровали изъ кармановъ, изъ лавокъ и шалашей, и тутъ же торговали украденнымъ. Присмотръ полицейскій былъ ничтоженъ, а Московская губернская канцелярія и полицмейстерская были такъ обременены судными и розыскными дѣлами, что судопроизводство шло медленно и безпорядочно, не говоря уже о злоупотребленіяхъ. Въ виду этихъ затрудненій въ 1730 г. 19-го Марта, Сенатъ представилъ Императрицѣ слѣдующій докладъ:

---

(5) Голица—кожаная рукавица по себѣ, т. е. безъ варежи. Слов. Даля.

(6) См. прилож. № 2.

До состоянія губерній на Москвѣ были приказы и въ нихъ дѣла: 1. *Судный Московскій*, судимы были всѣ Московскихъ чиновъ люди; 2. *Судной Володимерской*, судимы были городовые дворяне и подъячіе и другихъ нижнихъ чиновъ люди. 3. *Разбойной или Сыскной*, разбойныя и убійственныя, которыя чинились въ Московскомъ уѣздѣ и въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ; 4. *Земской*, татинныя же и разбойныя и убійственныя дѣла, которыя чинились на одной Москвѣ; 5. *Казанской Дворецъ*, вѣдомы были какъ судныя, такъ и земляныя дѣла помѣщиковъ низовыхъ городовъ, также и Московскихъ чиновъ людей по подписнымъ челобитнымъ. 6. *Приказъ Княжества Смоленскаго*, всякія дѣла, какъ судныя, такъ и земляныя, Смоленской шляхты. 7. Сверхъ тѣхъ при[illegible]ене были судныя дѣла въ Судномъ Дворцовомъ и въ Новгородскомъ приказахъ. Въ тѣхъ приказахъ были судьями изъ бояръ и изъ другихъ знатныхъ чиновъ и фамилій по одному съ ними въ товарищахъ по одному же и по два человѣка и по нѣскольку дьяковъ. А на неправое рѣшеніе били челомъ въ *Расправной палатѣ*. Такимъ образомъ въ каждомъ приказѣ были особливыя дѣла, и по мнѣнію Сената продолженія и волокиты челобитчикомъ не было. Съ 1710 года, по росписанія губерній, для всѣхъ тѣхъ дѣлъ Московской губерніи былъ одинъ земскій приказъ и [illegible] немъ особливые судьи, подъ вѣдомствомъ губернаторскимъ, въ 1719 году, для суда и расправы учреждены были надворные суды, въ томъ числѣ и на Москвѣ. Въ 1727 году надворные суды отмѣнены, а судъ и расправа возложены на губернаторовъ и воеводъ, а изъ приказовъ судныя и розыскныя дѣла взяты въ Московскую Губернскую Канцелярію, въ томъ числѣ невершенныхъ прежнихъ лѣтъ 21.388 дѣлъ. А понеже нынѣ въ Москвѣ Вашего Императорскаго Величества резиденція, и губернія Московская противъ другихъ губерній весьма превосходитъ (докладывалъ Сенатъ) къ тожу же какъ высшихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей, большая часть живетъ на Москвѣ, и за тѣмъ не токмо въ судныхъ и разыскныхъ дѣлахъ, но и въ одномъ губернскомъ правленіи исправиться никакъ невозможно и челобитчики долговремянно волочатся, того ради Сенатъ предлагалъ учредить:

1. *Судный приказъ*, въ которомъ всякаго чина людемъ, которые обрѣтаться будутъ на Москвѣ, судъ давать и рѣшеніи чинить.

2. *Сыскной приказъ*, въ которомъ быть татинным, разбойнымъ и убійственнымъ дѣламъ и которые воры и разбойники пойманы будутъ въ Москвѣ и приведены въ полицмейстерскую канцелярію, тѣхъ записавъ того же времяни отсылать въ сыскной приказъ, а въ той канцеляріи никакимъ розыскамъ не быть.

3. Для вершенія старыхъ дѣлъ выбрать на время особливыхъ судей, дабы судному и сыскному приказу въ настоящихъ новыхъ дѣлахъ помѣшательства и остановки не было.

... На неправое вершеніе вышеписанныхъ приказовъ, такожъ и на провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ всей Московской губерніи въ неправомъ же вершеніи однихъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ бить челомъ въ Юстицъ-Коллегію, а на Юстицъ-Коллегію въ Сенатъ, а въ Московской губернской канцеляріи, также ни въ которой коллегіи и канцеляріи тѣхъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ ничѣмъ не вѣдать; въ протчихъ же губерніяхъ о тѣхъ дѣлахъ поступать по выданной въ прошломъ 1728 г., губернаторской и воеводской инструкціи, и о томъ требуется Вашего Императорскаго Величества указу. На этомъ докладѣ состоялась резолюція 20-го Марта подписанная Императрицею:

„По сему представленію учинить по первому, второму и четвертому пунктамъ, а по третьему старыя дѣла для рѣшенія разобрать судныя въ Судный, а розыскныя въ Сыскной приказъ. Анна“.

На основаніи этого предварительнаго сенатскаго доклада состоялся указъ 22-го Іюля 1730 о учрежденіи Сыскнаго приказа. Приказъ учредили, но дѣла не пошли лучше, а воры и мошенники, съ увеличеніемъ числа подъячихъ, пріобрѣли новыхъ покровителей; а подъячіе были для народа особо важны, особенно въ воровскихъ дѣлахъ потому, что они были въ родѣ *слѣдователей*, которымъ поручались изслѣдованія многихъ татинныхъ и убійственныхъ дѣлъ. Сверхъ того дѣла слѣдственныя или розыскныя нисколько не сосредоточивались въ Сыскномъ приказѣ или въ полиціи: Московская губернская канцелярія не выпускала также изъ

своихъ рукъ такія хлѣбныя дѣла. Слѣдствія производились любопытнымъ порядкомъ. Въ 1745 году дворовой человѣкъ одного московскаго помѣщика *Неронова* въ подмосковной его деревнѣ, по прозванію Соболевскій, пошелъ осматривать лѣсъ, нѣтъ ли порубокъ и нашелъ на дорогѣ *чучелу тетеревиную*, поднялъ ее и, выходя изъ лѣса, наткнулся на драгунъ, разъѣзжавшихъ около подмосковныхъ лѣсовъ для наблюденія, чтобы не стрѣляли птицъ и вообще чтобы не охотиться въ 50 верстахъ разстояніемъ около Москвы на основаніи особеннаго высочайшаго указа 1742 года. Драгуны остановили полѣсовщика, обвиняя его, что онъ ходилъ въ лѣсъ стрѣлять и представили его Апрѣля 24-го въ [illegible] мейстерскую канцелярію; отсюда его отправили на судъ Московской губернской канцеляріи. Полѣсовщика посадили въ тюрьму, потомъ допрашивали и не удовлетворились его откровеннымъ показаніемъ, что чучелу онъ дѣйствительно нашелъ на дорогѣ. Московская губернская канцелярія послала своего подканцеляриста въ имѣніе Неронова *изслѣдовать*: точно ли полѣсовщикъ ходилъ въ лѣсъ для осмотра лѣса? Не стрѣлялъ ли онъ птицъ? не разставлялъ ли онъ для этого чучелъ? Въ какомъ мѣсяцѣ и числѣ и изъ какого села ходилъ онъ для осмотра лѣса? Были ли при немъ въ это время чучелы? Не видѣлъ ли кто нибудь, что Соболевскій стрѣлялъ птицъ? Кто его видѣлъ, когда онъ шелъ обратно изъ лѣса въ деревню съ чучеломъ? Не ходилъ ли онъ въ другія лѣсныя дачи, непринадлежащія его помѣщику? Если ходилъ, то въ чьи дачи? Какъ далеко эти дачи отъ Москвы? И всѣ эти вопросы по случаю найденной на дорогѣ *тетеревиной чучелы*! Бѣднаго полѣсовщика и крестьянъ сосѣднихъ деревень тормошили допросами, сажали въ тюрьмы; а между тѣмъ въ одно и тоже время богатые помѣщики, разъѣзжая съ псовою охотою, не боялись ни драгунъ, ни подъяческихъ изслѣдованій; и не помѣщикамъ страшны были объѣзжіе драгуны, а помѣщики драгунамъ, которыхъ они часто били, съ содѣйствіемъ своихъ охотниковъ, *смертнымъ боемъ*. (Архивъ М. Ю. дѣла Москов. Губ. Кан. Вязка 1686. д. № 39. Вязка 1678. д. 32.)

Полиція дѣйствовала по большой части не удачнѣе губернской канцеляріи. Въ ея распоряженіи были дѣла: о пьян-

ствѣ, о воровствѣ, о корчемствѣ, поимка бродягъ, нищихъ, бѣглыхъ, жидовъ, по жалобамъ о кричаніи караула, наблюденіе о взысканіи за хожденіе въ указные ночные часы безъ фонаря, за ложное кричаніе *слово и дѣло*, о топкѣ лѣтомъ печей, драки и побои, наблюденіе за правильною постройкою домовъ. Столкновенія съ полиціею, если не оканчивались они взяткою, были очень тяжелы для народа.

12 Мая 1737 года представленъ былъ въ полицію крестьянинъ Боевъ и при немъ *курица*. Крестьянинъ объяснилъ въ допросѣ, что шелъ онъ изъ дому своего помѣщика и нёсъ съ собою курицу рябую по Пречистенской улицѣ для продажи и принесъ ее изъ села своего Бирёва. Полиція постановила: Константинова допросить подъ *кошками*, не поймалъ ли онъ или не укралъ ли онъ гдѣ нибудь курицы и не было ли съ нимъ кого нибудь въ согласіи; а если не *явится*, то отдать его помѣщику съ роспискою.

Вотчины Спасоярославскаго монастыря, крестьянинъ Максимъ Лукьяновъ заявилъ полицмейстерской канцеляріи, что 30 Сентября онъ былъ въ гостяхъ въ Ямской Коломенской слободѣ у ямщика Клима Кондратьева, по свойству; возвращаясь отъ него домой, часу въ другомъ ночи, едва успѣлъ онъ отойти сажень съ 6-ть отъ дома Кондратьева, напали на него человѣка съ четыре воровскихъ людей и сняли съ него грабежомъ кафтанъ смурострой, шубу нагольную, камзолъ съ штанами, суконныя лазоревыя, фуфайку китайчатую, сапоги, шляпу, кушакъ яицкой, рукавицы козловыя и денегъ 40 алтынъ; когда его грабили, онъ не смѣлъ кричать подъ угрозами грабителей. Спустя послѣ того два дня, онъ нашелъ свой кафтанъ смурострой въ одной лавкѣ въ Бѣломъ городѣ на Неглинной, но уже распоротый и лежавшій для продажи. Во время споровъ съ хозяйкою лавки, при требованіи своего кафтана, онъ оторвалъ одинъ рукавъ, и съ этимъ рукавомъ отправился на съѣзжій дворъ для объявленія, но за отсутствіемъ подъячаго, не объявилъ никому, возвратился домой, а на другой день снова пошелъ на съѣзжій дворъ и объявилъ какъ о грабежѣ, такъ и о найденномъ кафтанѣ. По этому извѣту, взяли въ полицію хозяйку лавки, потому что хозяинъ былъ въ отъѣздѣ. Лавошница ни въ чемъ не повинилась, а между тѣмъ, при

осмотрѣ Максима, онъ оказался *подозрителенъ*, т. е. на тѣлѣ его нашли знаки наказанія кнутомъ. Максимъ объяснилъ, что въ 1727 г. онъ содержался въ полиціи по обвиненію въ сорваніи замка у одной лавки въ вѣтошномъ ряду и при слѣдствіи былъ два раза *пытанъ*.

Полицмейстерская канцелярія, принимая въ руководство 53 главу генералькаго регламента о *шельмованныхъ*, по которой такимъ лицамъ запрещено давать судъ, *приговорила*: по силѣ онаго регламента, оному Максиму въ вышеписанномъ его искѣ отказать, того ради по всему видно, что означенной приводецъ такимъ поличнымъ ополичилъ и оклеветалъ ту жену напрасно; понеже какъ въ вы[illegible] кафтанъ поднялся, а караула не кричалъ и съ [illegible] нымъ вышеписаннаго приводной женки мужа ея, куда надлежитъ, не привелъ, а и взятое будто бы поличное принесъ на съѣзжій дворъ на другой день съ собою безъ всякаго свидѣтельства, да и о грабежѣ о себѣ показалъ, какъ его грабили, въ то время караула не кричалъ; и *за такія его, Максимова, продерзости, что онъ въ народѣ чинитъ нападки и разоренія, чинить ему наказаніе при барабанномъ бою, бить морскими кошками нещадно, дабы впредь, какъ ему, такъ и другимъ такимъ же подобнымъ ему, Максиму, опять было не повадно...*

Полицейскій капитанъ Пазухинъ представилъ въ полицмейстерскую канцелярію двороваго человѣка придворнаго стряпчаго Завьялова, Ивана Васильева, обвиняя его въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Пазухинъ [illegible] 26 Ноября, въ 8 часу по-полудни, полицейскій часовой, рогаточный, дворовый человѣкъ графа Гаврилы Ивановича Головкина, Григорій Еремѣевъ, привелъ на съѣзжій дворъ означеннаго Ивана Васильева, а съ нимъ лошадь буланую, съ саньми, съ хомутомъ наборнымъ, съ полстью медвѣжьею, покрытою зеленымъ сукномъ и плащъ суконный васильковаго цвѣта. Еремѣевъ объявлялъ, что когда онъ окликалъ Васильева: кто ѣдетъ? Васильевъ отвѣчалъ: *чортъ ѣдетъ*! За это онъ его и привелъ на съѣзжій дворъ. Васильевъ оправдывался такъ: 26-го Ноября, въ 3-мъ часу ночи, помѣщикъ его, дворцовый стряпчій Завьяловъ, бралъ во дворецъ свѣжую рыбу съ рыбныхъ садковъ за Москворѣцкими воротами, на Москвѣ рѣкѣ, и въ то время послалъ его, Васильева, домой за

ключами и печатью, въ саняхъ на лошади Его Императорскаго Величества. При возвращеніи Васильева опять къ садкамъ съ ключами и печатью, у Арбатскихъ воротъ, въ Бѣломъ городѣ у рогатки, часовой началъ его окликать. Васильевъ отвѣчалъ, что ѣдетъ дворцовый служитель, но караульщикъ, невѣдомо за что, отвелъ на съѣзжій дворъ; а отклика *чортъ ѣдетъ* не давалъ, и караульщикъ клеплетъ его напрасно. Рѣшеніе полиціи состоялось такое: Ивану Васильеву учинить наказанье бить при барабанномъ боѣ морскими кошками, для того „хотя онъ въ распросѣ сказалъ, что чортомъ не назывался, и тому вѣрить не можно, а увѣряются болѣе караульными солдаты, въ чемъ и вѣрность чинится; а лошадь съ уборомъ отдать помѣщику...“

Въ Ноябрѣ 1741 года, въ одной изъ Московскихъ слободъ, у крестьянки загорѣлась изба. Хозяйка при допросѣ объявила, „что она усмотрѣла дымъ изъ чулана, хотѣла взойти, но при отвореніи двери ее отшибло поломемъ“, и она выбѣжала изъ дому. По рѣшенію полиціи она была наказана кошками, за небреженіе отъ пожарнаго случая: „Понеже оная женка и сама показала, что тотъ пожаръ учинился въ чуланѣ и видимо (?), что она въ тотъ чуланъ ходила за чѣмъ съ огнемъ и уронила“ (Прот. Чол. Канц.).

Если полиція дѣйствовала часто произвольно, жестоко и несправедливо, то и народъ, при случаѣ, боролся съ нею также произволомъ, жестокостію и неуваженіемъ закона.

Маіоръ Губаревъ, завѣдывавшій полицейскими дѣлами въ Нѣмецкой и въ другихъ сосѣднихъ слободахъ, доносилъ полицмейстерской канцеляріи: „Изъ дому грека Савы Иванова шла дѣвка вдовы маіорши Авдотьи Ивановой Кобелевой и несла хрустальный кувшинчикъ съ виномъ, напримѣръ алтына на два; пятидесятскій съ товарищами, поймавъ дѣвку, повели ее на съѣзжій дворъ, но когда поровнялись съ домомъ означенной маіорши Кобелевой, то изъ дому вышла маіорша съ зятемъ своимъ тяглецомъ Огородной слободы, Леонтьемъ Матвѣевымъ и, *напявъ* солдатъ, ту дѣвку отбили, а пятидесятскій явился на съѣзжій дворъ съ хрустальнымъ кувшинчикомъ вина, и привели еще *грека Саву Иванова*, обвиняя его въ корчемной продажѣ вина дѣвкѣ.“ Грекъ объявилъ, что онъ вина никакого не продавалъ, да и дѣвки не

видѣлъ, а вышелъ на шумъ, который происходилъ на улицѣ, противъ дома Кобелевой, а въ это время пятидесятскіе его арестовали... Грека отпустили, и дѣло оставлено безъ послѣдствій.

30-го Октября 1728 г., по полуночи въ 10-мъ часу, въ Кожевнической слободѣ загорѣлся домъ тяглеца Малыхъ Лужниковъ Ивана Корешка. Жена его вынесла на улицу сундукъ съ деньгами и просила полицейскаго поручика Спѣшнева покараулить этотъ сундукъ. Спѣшневъ сталъ у сундука и не позволялъ никому близко подходить. Въ это время вышелъ изъ толпы гренадеръ Щербаковъ и объявилъ, что онъ хочетъ сторожить сундукъ. Спѣшневъ велѣлъ ему отойти прочь; гренадеръ схватилъ Спѣшнева за воротъ и разорвалъ кафтанъ. Полицейскій поручикъ крикнулъ сотскимъ и десятскимъ, чтобъ схватили гренадера и отвели бы на съѣзжій дворъ; гренадеръ вступилъ въ бой съ ними, разбилъ одному десятскому носъ до крови и ушелъ. Полиціймейстерская канцелярія потребовала его къ допросу, но гренадеръ и въ полиціймейстерскую канцелярію не пошелъ. О сужденіи гренадера полиція все что могла сдѣлать—это сообщить объ его поступкѣ въ полковую канцелярію Семеновскаго полка, въ которомъ служилъ гренадеръ.

Нравы того времени вообще были не сдержанны, и на этомъ поприщѣ особенно отличались военные люди.

Императорскій камердинеръ Козьма Ивановъ съ женою своею, 29 ноября (1728), ѣхалъ Басманною слободою въ Нѣмецкую слободу, часу въ 6-мъ ночи; впереди ѣхалъ сержантъ Семеновскаго полка Козьма Рудаковъ, и съ нимъ было человѣкъ съ шесть людей, изъ которыхъ двое верхомъ. Камердинеръ хотѣлъ ихъ объѣхать, сержантъ обидѣлся и бросился съ своими людьми на камердинера; его и жену били плетьми и кулаками. По показанію камердинера въ полиціи, сбили съ него парикъ русой натуральной (?) съ косою и съ лентою черною, съ человѣка его сорвали кортикъ, картузъ голубой суконный, козловыя рукавицы, а съ жены шапку соболью съ бархатнымъ верхомъ. Жена слегла въ болѣзнь отъ побоевъ....

У купца 1-й гильдіи *Силина* былъ въ услуженіи калмыченокъ. 8 сентября 1741 г. калмыченокъ отправился гулять

къ Рожественскому монастырю; на Кузнецкомъ мосту на него наѣхалъ солдатъ, схватилъ его, посадилъ въ телѣгу и отвезъ по Троицкой дорогѣ въ село Мытищи, а здѣсь продалъ его архимандриту Андреевскаго монастыря за *три рубля*. Архимандритъ отвезъ калмыченка къ себѣ въ монастырь, но онъ вскорѣ бѣжалъ отъ него....

Неурядица была въ средѣ самой полиціи, какъ по малочисленности ея, такъ и по самой организаціи. Главные дѣятели полиціи, особенно ночью, были рогаточные караульные, сотскіе и пятидесятскіе; всѣ они преимущественно были выбираемы и назначаемы полиціею изъ дворовыхъ людей и крестьянъ помѣщиковъ, имѣвшихъ свои дома на улицѣ. Полицейскія избы или будки существовали только на главныхъ улицахъ и то не при всякой рогаткѣ; въ холодъ, въ дождикъ, рогаточный караульный спокойно уходилъ себѣ спать на свой дворъ; дисциплины же между рогаточными и сотскими и пятидесятскими не существовало: они дрались и колотили другъ друга на каждомъ шагу. Вотъ примѣры. Оброчный крестьянинъ шталмейстера Полянскаго Ѳома Яковлевъ жаловался полиціймейстерской канцеляріи, что сотскій и десятскій били его у рогатки палкою и пробили ему голову; товарищи Ѳомы рогаточные унимали сотскаго и десятскаго, говоря имъ, что они бьютъ Ѳому невинно и хотѣли было бить въ *трещетки*, но сотскій запретилъ имъ, а поколотившіе Ѳому бросили его въ караульную избу. Сотскій, оброчный крестьянинъ Ипатскаго монастыря Ѳедоръ Рѣткинъ, при допросѣ въ канцеляріи, въ побояхъ не отпирался и объяснилъ такъ: когда они, сотскій и десятскій, съ нимъ, Ѳомою, шли къ рогаткѣ, у которой ему, Ѳомѣ, надлежало по очереди стоять на караулѣ, въ то время Ѳома спросилъ ихъ, куда они его ведутъ? не на воровство ли? И они-де сотскій и десятскій ему, Ѳомѣ, сказали: развѣ-де мы воры? На это Ѳома отвѣчалъ: не хуже-де воровъ и вы! За это онъ, Рѣткинъ, приведя Ѳому къ рогаткѣ, ударилъ его палкою по спинѣ раза три, а головы ему въ то время не проламывалъ, и въ караульню не бросалъ, и караульщикамъ въ трещетку бить не запрещалъ. Десятскій тяглецъ Екатерининской слободы Семенъ Ипатовъ подтвердилъ показаніе сотскаго. Прочіе рогаточные ка-

раульщики — свидѣтели происшествія — по заповѣди Св. Евангелія, спрошенные порознь, показали: Февраля 28 (1728) стояли они у рогатки, на Большой Хорошей улицѣ на караулѣ, и въ то время, часу въ 4-мъ ночи, пришли къ рогаткѣ сотской Ѳедоръ Рѣткинъ и десятскій Семенъ Ипатовъ и привели съ собою незнаемо какого чину человѣка, объявивъ имъ, что онъ взятъ со двора купецкаго человѣка Ивана Шорина, зовутъ его Ѳома Климовъ. Приведя къ рогаткѣ Ѳому, сотскій велѣлъ десятскому Ѳому наклонить; десятскій, взявъ Ѳому за волосы, наклонилъ, и сотскій Рѣткинъ Ѳому билъ палкою по спинѣ и по бокамъ и прошибъ Ѳомѣ голову до крови, и во время битья десятскій говорилъ сотскому: Бей его гораздо! Онъ, Ѳома, жиренъ! Караульщики, видя такой безвинный бой, уговаривали десятскаго и сотскаго, чтобъ они напрасно Ѳому не били и хотѣли ударить въ трещетку, но десятскій и сотскій запретили имъ, угрожая и ихъ побить.

Полиціймейстерская канцелярія рѣшила: „Въ показанномъ мѣстѣ у рогатки, собравъ той команды сотскихъ и десятскихъ, учинить сотскому наказанье *бить кнутомъ*, а десятскаго *морскими кошками нещадно*, а Ѳомѣ въ бою и увѣчьѣ и въ безчестьѣ съ ними, сотскимъ и десятскимъ, по уложенью вѣдаться судомъ, гдѣ надлежитъ". (Прот. Пол. Канц.)

Рогаточные караульные, какъ мы выше упомянули, назначались изъ дворовыхъ людей и крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, чьи дома были на улицѣ; благонадежность ихъ зависѣла преимущественно отъ большей или меньшей наклонности къ пьянству, такъ сильно тогда распространенному въ народѣ. Воры ночные и грабители пользовались часто слабостью Русскаго человѣка къ вину, и чтобы свободно пройти черезъ рогатку, они брали съ собою боченокъ съ виномъ. Кто идетъ? что несешь?... окликалъ рогаточный. Вино! былъ отвѣтъ, а за тѣмъ предложеніе выпить вмѣстѣ; послѣ угощенія рогаточные пропускали вора.... (Прот. Полиц. Канц.). Изъ дѣлъ полиціймейстерской канцеляріи видно, что сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, большею частію были малолѣтные, старые и дряхлые, неимѣвшіе физическихъ силъ бороться съ деракими ночными грабителями; сверхъ того, въ эти должности назначались.

по росписанію подъячіе и канцелярскіе чиновники изъ разныхъ коллегій, но они весьма рѣдко являлись для исправленія своихъ обязанностей, или по нерадѣнію, или отговариваясь службою въ канцеляріи....

Наконецъ въ 1728 г. уничтожены были будки или караульныя избы при рогаткахъ. Полиціймейстерская канцелярія въ ноябрѣ сдѣлала распоряженіе: „у Рогатокъ караульни, гдѣ имѣются, всѣ сломать немедленно и раздать хозяевамъ по прежнему, понеже, по усмотрѣнію полиціи, *въ тѣхъ караульняхъ чинится пришлымъ людямъ пристань*, отъ чего является всякое непотребство, а караульщикамъ, которые будутъ стоять у тѣхъ рогатокъ, близъ тѣхъ рогатокъ для теплоты отвесть дворы, а гдѣ отведены будутъ, о томъ въ полицію репортовать, понеже оное вмѣнено имъ будетъ въ постой".

Наблюденіе было и безъ того слабо, а теперь, при такомъ пріятномъ для рогаточныхъ распоряженіи, они преспокойно уходили на ночь отъ рогатокъ.... Воры, бѣглые и пьяные свободно стали бродить по улицамъ. Смѣлость воровъ доходила до того, что въ 1741 г., въ домѣ генералъ-полиціймейстера ободранъ и украденъ былъ въ *спальной* комнатѣ *атласъ*, которымъ обиты были стѣны (Прот. Полиц. Канц. Ноябрь 1741, Стр. 34).

Возстановленіе Сыскнаго приказа еще болѣе замутило ту воду, въ которой полиція ловила рыбу: вмѣсто одной инстанціи явились двѣ, полицейское управленіе и Сыскной приказъ. Обворованные, ограбленные кидались и туда и сюда и не только нигдѣ не находили содѣйствія, но часто не получали обратно своихъ вещей, хотя воръ и пойманъ былъ съ *поличнымъ*. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ подъячій съ полицейскимъ офицеромъ выбирали себѣ изъ поличнаго то, что имъ нравилось, а остальное дѣлили съ секретаремъ и ассесорами; мошенника же и грабителя отпускали на поруки—и дѣлу конецъ! Русскій народъ и правительство доживали ту эпоху, которую можно назвать эпохою отсутствія сознанія законности. Мало кто тогда вѣрилъ или надѣялся на силу закона.... Боялись лицъ, облеченныхъ правительственною властію, безъ всякаго къ нимъ внутренняго уваженія, и то только тѣхъ, которыя заявляли о себѣ какими нибудь энергическими дѣйствіями, хотя бы и не

вполнѣ законными.... Убѣжденіе существовало полное, что произволъ и сила личности выше всякаго закона. Невозможно предполагать, чтобы общество не боролось со зломъ, которое окружало его со всѣхъ сторонъ, чтобы оно не искало средства ослабить то насиліе, которое тяготѣло надъ нимъ. И дѣйствительно, общество заявляло себя, но тѣми же беззаконными путями: насиліемъ, произволомъ и подкупомъ. Подъячимъ и полицейскимъ платили взятки, а съ мошенниками расправлялись часто сами ограбленные: били ихъ и не рѣдко убивали. Полицейскихъ не допускали до обысковъ, тоже били, иногда до полусмерти; при допросахъ не говорили правды изъ боязни *волокиты* въ судѣ. Это грустное явленіе существовало во всей Россіи, особенно же въ Москвѣ, гдѣ сосредоточивалась жизнь народная, торговля и остатки центральнаго суда и расправы. Петербургъ въ то время все болѣе и болѣе стягивалъ къ себѣ всѣ умственныя и дѣятельныя силы; на берегахъ Невы развивалось что-то похожее на европейскую жизнь, а съ нею и администрація принимала другія формы. Петербургъ строился, учился, торговалъ съ иноземцами,—все кипѣло тамъ новою жизнію, а старушка-Москва была забыта, какъ деревня богатаго помѣщика, выѣхавшаго изъ нея навсегда и вспоминающаго о ней иногда, при случаѣ, когда прикащикъ напомнитъ. При такомъ неблагопріятномъ положеніи, произволъ личный, отъ большаго чиновника до малаго, развивался до невѣроятія: взяточничество признавалось какъ формальность законная, неизбѣжная, и безнаказанность служителей правосудія была полная. Воровство и грабительство дошли въ Москвѣ до высшаго развитія, и наконецъ выразились появленіемъ *доносителя Сыскнаго Приказа Ивана Каина*. Онъ соединялъ въ своей личности два типа того времени: *сыщика-грабителя и народнаго мошенника*.

Иванъ Осиповъ Каинъ, сынъ крестьянина Ростовскаго уѣзда села Иванова, принадлежавшаго гостинной сотни купцу Петру Дмитріеву Филатьеву, родился въ 1718 году. Тринадцати лѣтъ отъ роду Ванька былъ привезенъ въ Москву на господскій дворъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ въ Ванькѣ обнаружилась склонность къ воровству: что плохо лежало у господина его или у сосѣдей, все попадало въ руки расто-

ропнаго и наблюдательнаго Ваньки. Подвигались лѣта, съ каждымъ годомъ совершенствовался Ванька въ своемъ прибыточномъ ремеслѣ. Дѣйствительно, воровство разныхъ мелочныхъ вещей, одеждъ, посуды, легко доставляло Ванькѣ прибыль и поощряло его къ дальнѣйшему воровству, — въ особенности потому, что сбытъ ворованныхъ вещей былъ легокъ. Продавая краденыя вещи, Ванька скоро свелъ знакомство съ кружкомъ людей, отчетливо и серьозно занимавшихся исключительно пріобрѣтеніемъ чужой собственности. Первымъ его наставникомъ и другомъ сдѣлался солдатскій сынъ Петръ Романовъ Камчатка. Познакомились они, какъ водится по Русскому обычаю, въ кабакѣ; выпили по стакану, по два, разговорились о своемъ житьѣ-бытьѣ. Ванька разсказывалъ, какъ плохо жить ему у господина, который хотя и богатъ, но очень строгъ; кормитъ скверно, одѣваетъ плохо, нерѣдко жалуетъ побоями; воровство же съ рукъ никогда не сходитъ: все побои, да побои. Жаловаться некому: въ судѣ не послушаютъ, да еще выдерутъ плетьми или кнутомъ, и опять къ господину. Что дѣлать? не лучше ли бѣжать на вольный воздухъ? Камчатка одобрилъ намѣреніе, а Ванька не долго думалъ: въ ту же ночь обокралъ своего господина и съ новымъ другомъ, который ждалъ его у воротъ господскаго дома, отправились еще на промыслъ къ сосѣду-попу (7). Ванька перелѣзъ черезъ заборъ, отперъ калитку и впустилъ Камчатку. Сторожъ на дворѣ закричалъ имъ: „что вы за люди и не воры ли, самовольно на дворъ взошли?“ Камчатка ударилъ сторожа „лозой, чѣмъ воду носятъ“,— сторожъ примолкъ, и они взошли къ попу въ домъ. Пожива была небольшая: попадьи сарафанъ, да поповской кафтанъ. Каинъ надѣлъ на себя кафтанъ, и друзья пошли далѣе. Улицы Московскія тогда были совсѣмъ другаго вида, нежели теперь: тротуаровъ не было, мостовая была деревянная, и по улицамъ съ вечера разставляли рогатки, такъ какъ ночью никому не дозволено было ходить и ѣздить, кромѣ полицей-

(7) Въ автобіографіи Ванька говоритъ, что, при побѣгѣ, онъ написалъ на воротахъ своего господина: «пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работай чортъ, а не я». Это едва ли могло быть, потому что, какъ по архивнымъ дѣламъ оказывается, Ванька Каинъ не умѣлъ даже подписывать своего имени.

скихъ и духовныхъ. На первой же рогаткѣ сторожъ хотѣлъ было остановить Ваньку и его товарища, но поповскій кафтанъ ввелъ сторожа въ заблужденіе: онъ принялъ Ваньку за попа, а Камчатку за дьячка и пропустилъ. Это повторилось и на прочихъ рогаткахъ. Камчатка привелъ Каина къ Каменному мосту. Подъ темнымъ сводомъ этого моста, въ чуланѣ изъ забранныхъ досокъ къ стѣнѣ, собирались всякую ночь шайки мошенниковъ, не имѣвшихъ пріюта. Здѣсь они дѣлились имуществомъ, сговаривались на похожденія слѣдующаго дня или ночи, угощали другъ друга и потомъ спокойно отдыхали отъ трудовъ своихъ. Полиція не заботилась о прекращеніи этихъ сходокъ—это было не въ ея выгодахъ. Полиція ловила рыбку въ мутной водѣ... Камчатка представилъ новаго члена: Ваньку Каина. Прежде всего потребовали отъ Ваньки денегъ. На отрицательный отвѣтъ Ваньки, заявленія требованій повторились, съ примѣсью угрозъ; поднялись кулаки. Что дѣлать?! Ванька запустилъ руки въ карманы: шарилъ и отыскалъ нехотя 20 копѣекъ. Находка эта вызвала въ новыхъ сотоварищахъ различные возгласы, и одинъ изъ нихъ счелъ необходимымъ сказать Ванькѣ спичь, въ которомъ объяснилъ на мошенническомъ языкѣ всю *суть* ихъ общества: „полъ да середъ сами съѣли, печь да палати въ наемъ отдаемъ, а идущимъ по мосту милости подаемъ (т. е. мошенничаемъ) и ты будешь, братъ, нашего сукна епанча (т. е. такой же воръ). Поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты изнавѣшены мѣсты, а голоду и холоду — анбары стоятъ. Пыль да копоть, при томъ нечего и лопать.“(8) Потомъ всѣ разошлись на работу. Ванька остался подъ мостомъ, ждалъ ихъ до разсвѣта, но соскучился, и отправился одинъ въ Китай-городъ погулять на свободѣ. Вышло иначе: на встрѣчу ему попался дворовый человѣкъ Филатьева, узналъ бѣглеца и, схвативъ его, отвелъ къ помѣщику въ домъ. Филатьевъ, человѣкъ строгій и крутаго нрава, выдумалъ для Ваньки наказанье довольно оригинальное. Какъ богатый человѣкъ, по обычаямъ своего времени, Филатьевъ держалъ у себя въ дворѣ на цѣпи медвѣдя. По приказанію

(8) Изъ автобіографіи Ваньки Каина.

Филатьева, Ваньку приковали къ медвѣдю, и не велѣли кормить въ теченіи двухъ дней. Сотоварищество бѣднаго Ваньки съ такимъ сильнымъ звѣремъ, съ глазу на глазъ, было не только непріятное, но и довольно опасное. Но судьба послала Ванькѣ покровительницу въ лицѣ дворовой дѣвки, на которой лежала обязанность ежедневно кормить медвѣдя. Она приняла участіе въ Ванькѣ и потихоньку удѣляла ему что нибудь отъ медвѣжей пищи; этого мало, она утѣшала Ваньку разсказами разныхъ домашнихъ сплетней и между прочимъ передала ему новость, которой радовались всѣ дворовые, что хозяинъ въ бѣдѣ: „у него ландмилиціи солдатъ мертвый брошенъ въ колодезь.“ Ванька принялъ это къ свѣдѣнію, и когда, черезъ нѣсколько времени, Филатьевъ, неудовлетворенный вполнѣ бесѣдою Ваньки съ медвѣдемъ, приказалъ его посѣчь, Ванька закричалъ: „Слово и дѣло!“ Эти два слова теперь для насъ не имѣютъ никакого значенія: память въ народѣ о нихъ совершенно изгладилась; но въ тѣ времена эти два слова были гибельны. Страшно было выговорить эти два слова, страшно было и слышать ихъ. Всякій, при комъ выкрикивались эти два слова, гдѣ бы то ни было—на улицѣ ли, въ домѣ ли, въ церкви ли,— всякій обязанъ былъ тотчасъ доносить тайной канцеляріи; за недоносеніе, если впослѣдствіи это обнаруживалось, виновный наказывался кнутомъ. Крѣпостные люди старались подслушивать за своими господами какія-нибудь *противныя* рѣчи о Государѣ, о правительствѣ и, при тѣлесныхъ наказаніяхъ или побояхъ, спѣшили избавиться отъ истязанія крикомъ *слово и дѣло*! Они спасались отъ помѣщиковъ, но переходили въ руки неумолимой тайной канцеляріи.

Ваньку отвели въ тайную канцелярію и послѣ допроса выдали *для жительства вольное письмо* (9), съ которымъ онъ отправился въ Нѣмецкую слободу и здѣсь въ кабакѣ снова сошелся съ Камчаткою и съ знакомыми изъ-подъ Каменнаго моста.

Эта компанія днемъ и ночью занималась на Москвѣ грабежемъ и воровствомъ. Потомъ Ванька съ шестью товарищами отправился промышлять на Макарьевскую ярмарку. Здѣсь

(9) Изъ автобіографіи. Вѣроятно, пашпортъ.

обворовываніе Армянъ-купцовъ шло довольно успѣшно, но въ одинъ день торговка пряниками увидѣла, какъ Ванька кралъ въ колокольномъ ряду деньги, и подняла крикъ; хозяева лавки принялись бить Ваньку желѣзной сутугой. Онъ опять закричалъ *слово и дѣло*, его отправили въ канцелярію полковника Рѣдькина, командированнаго тогда съ командою въ Нижній и въ окрестности для поимки разбойниковъ. Отъ Рѣдькина Ванька избавился побѣгомъ, съ содѣйствіемъ товарища своего Камчатки, доставившаго ему въ двухъ калачахъ *ключи для отпиранія цѣпи*, въ которую былъ закованъ другъ его. Изъ Нижняго шайка воротилась въ Москву. Поворовавши, отправились въ городъ Кашинъ, а оттуда къ Макарью на Волгу. Здѣсь въ *Иѣсошномъ* кабакѣ сошлись они съ шайкой разбойниковъ подъ начальствомъ атамана Михаила Зари. Похожденіе съ этою шайкою разсказываетъ подробно самъ Каинъ въ автобіографіи своей.

(10) „Случилось въ тожъ время быть (въ кабакѣ) человѣкъ до 70-ти, и при нихъ атаманъ Михайло Заря, которымъ присовокуплены и мы были къ нимъ въ товарищи. Купили у Макарья ружья и пороху, пошли на тотъ винный заводъ и, нѣсколько не дошедъ, сѣли на три круга, стали варить кашу, а на заводъ послали огневщика для провѣдыванія, который, по приходѣ, привязанъ былъ къ столбу. Мы ждали часа съ два. Атаманъ послалъ еще есаула Камчатку и притомъ приказалъ, чтобъ въ случаѣ его несчастія далъ знать. Есаулъ, по приходѣ на заводъ, говорилъ заводскимъ людямъ: для чего они безъ резону къ столбу вяжутъ? Тогда того заводу нàбольшій, смотря съ голдереи, приказалъ и онаго есаула Камчатку привязать къ тому же столбу.“

„Есаулъ, то видя, засвисталъ, чтобъ товарищамъ своимъ голосъ подать. Атаманъ услыша закричалъ, чтобъ къ ружьямъ скоро бросались и на заводъ метались; тотчасъ ружья и сабли похватали и на тотъ заводъ побѣжали. Атаманъ пошелъ въ солодовой амбаръ, въ которомъ захватили нѣсколько народу, и въ томъ амбарѣ заперли. Тогда нàбольшій стрѣлялъ въ насъ изъ ружей, токмо тѣмъ

(10) Изъ Автобіографіи Ваньки Каина, изд. Григорія Книжника.

никакого вреда намъ не учинилъ; напослѣдокъ заперся въ своихъ покояхъ. Мы, схватя отъ воротъ бревно, ударили онымъ въ тѣхъ покояхъ дверь, которую разшибли въ щепы, взошли въ покой. Тогда случившійся у того наѐбольшаго Князекъ задѣлъ по шеѣ нашего огневщика саблей, отъ чего огневщикъ упалъ. Мы тотчасъ онаго Князька схватя заперли въ заходъ, притомъ ему сказали: тебѣ опослѣ честь будетъ. Атаманъ взошелъ къ наѐбольшему въ покой и, видя у него на кафтанѣ звѣзду, говорилъ ему, что „честь твоя съ тобой, а теперь попалъ въ мои руки, то раздѣлайся со мной: торгъ яма, стой прямо! Видя яму, не вались, а съ ворами не водись, не званъ въ пиръ не ходи; т. е. для чего такъ не честно поступилъ и хотя грамотѣ и гораздъ, токмо и опять не думай, чтобъ въ наши руки не попасть“ т. е. не далъ бы погони. Взяли у него денегъ безъ щету, а посуды безъ вѣсу, которое отослали къ лѣсу, потомъ вывели изъ заходу прежняго Князька, котораго атаманъ спросилъ, кто онъ подлинно таковъ, и онъ о себѣ объявилъ, что онъ Грузинской знатный князь. И болѣе не мѣшкавъ, поѣхали мы Керженскимъ лѣсомъ и, избравъ мѣсто, стояли въ ономъ съ мѣсяцъ.“

„Поѣхали изъ того лѣсу въ село Работки, въ которое дни черезъ три пріѣхали. Тогда онаго села управитель спросилъ, какіе мы люди? Мы о себѣ объявили, что „мы Донскіе казаки; а какъ увидимъ деньги, такъ не подержутъ ихъ никакіе замки“, и болѣе не бывъ, изъ того села поѣхали, при томъ спросили бывшаго тутъ Калмыка, чьего оное господина; онъ объявилъ, что генерала Алексѣя Яковлевича Шубина. „Неужели у него, сказали мы, лѣтней одежды нѣтъ, а всегда ходитъ въ шубѣ? Почему будутъ къ вамъ портные для шитья лѣтнихъ кафтановъ“. И побывъ поѣхали изъ того села и пріѣхали на Оку на Лосенскій перенозъ, и переѣзжали на поромѣ, гдѣ случился въ тожъ время ѣдущій офицеръ, и спрашивалъ насъ: какіе мы люди? А какъ съѣхали съ того порому, атаманъ, предупредя его, остановилъ и говорилъ ему: „ты спрашивалъ насъ на водѣ, а мы спрашиваемъ тебя на землѣ; лучше бы ты въ деревнѣ жилъ, да овины жегъ, а не пріѣзжающихъ спрашивалъ!“ приказалъ у него отобрать шарфъ, знакъ и шпагу,

за что велѣлъ заплатить нѣсколько денегъ и, оставя его, поѣхали въ Москву.

„По пріѣздѣ, стали на двѣ партіи въ Ямской Переславской, на постоялыхъ дворахъ, и жили болѣе полугода, токмо всегда спрашивали проѣзжихъ, не скажется ли кто генерала Шубина. Въ одно время сказался намъ одинъ служителемъ того Шубина, и при томъ объявилъ, что оный Шубинъ въ то село ѣздитъ лѣтомъ; почему, дождавшись весны, поѣхали мы къ оному Шубину. Атаманъ отправилъ къ селу Избыльцу меня съ двумя товарищами впередъ, для осмотра къ пріѣзду партіи мѣста и велѣлъ дожидаться оной. Мы, какъ вышли изъ Москвы, стали подходить къ Звѣринцу, отъ коего поворотили къ Лефортову, гдѣ усмотрѣли не знаемо какого званія двухъ человѣкъ, которые вели женщину, у коей обернута была голова и лицо простынею по самую шею; изъ нихъ, впереди ея, шелъ одинъ съ мѣшкомъ. Камчатка спросилъ ихъ: кого они ведутъ? они сказали, что они ведутъ бабушку на повой ([11]); напротивъ чего Камчатка сказалъ: видно, что въ воду головой, и остановя, сталъ ее смотрѣть. Между тѣмъ, сдѣлалась ссора. Одинъ изъ нихъ думалъ выхватить ножъ, однако до того не былъ допущенъ. Камчатка ударилъ его гостинцемъ, т. е. кистенемъ, что видя другой его товарищъ, оставя ихъ, бѣжалъ въ лѣсъ, а оставшаго съ тою женщиною взяли, отвезли въ Лефортово, и отдали у рогатки часовымъ. Женщина показала о себѣ, что она дѣвка, дому господина Лихарева, сманена оными людьми. Изъ чего видно, что они намѣреніе имѣли въ тотъ мѣшокъ ее спрятать, чтобъ никто ея не нашелъ: т. е. утопить. Оставя ихъ, пошли мы по Владимірской дорогѣ, къ селу Избыльцу и, по приходѣ, дождались своей артели. Потомъ всѣ въѣхали въ то село къ знакомому мужику, у коего приготовлено было мною, до прибытіи партіи, четыре лодки, на которыхъ мы и отправились водой, и пріѣхали въ село Работки, въ которомъ случился въ то время торгъ, только того Шубина въ селѣ тогда не застали: онъ ѣздилъ за охотой. Мы поставили въ управительскомъ и прикащиковомъ дворахъ

---

[11] Т. е. бабушку-повитушку, повивальную.

караулы, взошли въ того Шубина покои, взяли нѣсколько денегъ и пожитковъ и, взявъ съ собой управителя и прикащика да прежде реченнаго Калмыка, сѣли обратно въ лодки и поѣхали. И какъ нѣсколько стали отъ того села въ разстояніи, усмотрѣли за собой погоню и приказали оному управителю и прикащику ту погоню остановить; они кричали, чтобъ болѣе погони не чинили, почему тотъ народъ остановился. Потомъ мы управителя, прикащика и Калмыка оставили на берегу связанныхъ. Въ тожъ время по обѣимъ сторонамъ Волги была великая тревога, въ селахъ били въ набатъ, при чемъ, для поимки, Редькина команда послана была за нами. Мы, оставя лодки и въ нихъ нѣсколько пожитковъ, а достальныя взяли съ собой, и пробираясь лѣсами трое сутки, пришли въ городъ Муромъ, стояли въ ономъ два дни и какъ объ насъ знать дано, то мы пришли до объявленнаго села Избыльца, гдѣ наши оставлены были лошади, послали напередъ къ тому-жъ знакомому мужику спросить о бывшей тревогѣ, и онъ сказалъ: что для васъ оставленъ на кабакѣ бургомистръ и при немъ пять человѣкъ солдатъ. Пришли мы въ тотъ кабакъ, въ которомъ по приходѣ зачинали: шасть на кабакъ, дома ли чумакъ? Атаманъ сказалъ, когда масъ на хасъ, такъ и дульясъ погасъ т. е. никто не шевелись. Пили вино и пиво и, взявъ у объявленнаго мужика своихъ лошадей, поѣхали къ городу Гороховцу. Атаманъ сталъ говорить, чтобъ избрать мѣсто для отдыху; почему пріѣхали въ село Языково, въ которомъ жили въ смирномъ образѣ мѣсяца съ три. Въ томъ же селѣ, на рѣкѣ Сурѣ, стояло торговое Армянское судно, на которое ночью пришли. Того судна хозяинъ палилъ въ насъ изъ ружей, только тѣмъ спасенія никакого себѣ не получилъ. Когда мы набѣжали на его судно, то онъ, чтобъ его не нашли, заклался въ товарахъ; однако по указанію его водолива, былъ найденъ и по досыску у него денегъ, которыя онъ думалъ утаить, перевязали его поперегъ тонкой бичевкой и, ухватя за руки и ноги, бросили въ рѣку Суру, въ которой подержавъ, вытащили обратно на судно, вздули виногоръ т. е. огонь, хотѣли его сушить; почему, что̀ было у него денегъ и пожитковъ, отдалъ и при томъ нѣсколько товаровъ. Потомъ пошли на село Боря-

тино. Тогда жъ мы, съѣдавъ, что сдѣлалась за нами погоня, пришли къ рѣкѣ Пьяной, гдѣ живутъ Мордва и Татары, взошли на дворъ къ татарскому обозу, взяли у него лошадей, на которыхъ поѣхали къ монастырю Боголюбову, что́ близъ города Володиміра. По пріѣздѣ стали на знакомый дворъ, гдѣ жили съ недѣлю, откуда я отъ товарищей своихъ отправленъ былъ въ Москву, для пріисканія квартиры. Я, взявъ съ собой Камчатку, поѣхалъ на передъ; по пріѣздѣ въ Москву стали въ Кожевникахъ. Камчатка отъ меня пошелъ на парусную фабрику, ибо онъ былъ матросъ; а я пошелъ въ ямскую Рогожскую къ ямщику, у коего напередъ сего стояли, и жилъ у онаго до осени".

Это было въ 1741-мъ году. Что́ дѣлалъ Ванька до Рождественскихъ праздниковъ, осталось неизвѣстнымъ; но, въ это время, внутреннее ли сознаніе порочной прошедшей жизни привело его къ раскаянію и возбудило въ немъ желаніе быть полезнымъ обществу или онъ обдумалъ и рѣшился привести въ исполненіи особенный способъ мошенничать и воровать — только побуждаемый, тою или другою причиною, онъ явился 27 Декабря 1741 года въ Сыскной Приказъ и предложилъ себя въ *сыщики*.

Сыскной Приказъ, уничтоженный въ 1701 г. былъ возстановленъ, какъ мы видѣли выше, въ 1730 г. Онъ помѣщался въ Китаѣ-городѣ, подъ горою, возлѣ церкви Василія Блаженнаго, тамъ гдѣ прежде былъ Разбойный Приказъ. При зданіи устроено было нѣсколько остроговъ для колодниковъ, а пыточные инструменты, цѣпи, кандалы, мастерскіе топоры (палачь ([12]) звался заплечнымъ мастеромъ) достались Приказу по наслѣдству отъ бывшаго Преображенскаго Приказа. О дѣятельности и обширности занятій Сыскнаго Приказа можно судить по числу колодниковъ, которые поступали въ его вѣдомство: съ учрежденія Приказа въ 1730 г. т. е. съ Августа по 1-е Генваря 1731 г. пытано было 425 чел. колодниковъ, казнено 11 человѣкъ, послано въ Сибирь и въ Тару 57 чел., умерло 18 ч., освобождено 479 ч., отослано въ разныя команды 44 ч., бѣжало 3 человѣка; а въ теченіи 1731 года, пытано 1151 ч., казнено 47 ч., послано въ Сибирь

([12]) См. статью о Заплечномъ мастерѣ въ Р. Архивѣ 1868, стр. 1064.

54 ч. на поселеніе въ Тару 101 ч., въ ссылку въ Охотскъ 155 ч., умерло 58 ч., освобождено 1260 ч., отослано въ разныя команды 213 ч., бѣжало 7 ч. Соображая существовавшіе тогда порядки или точнѣе сказать безпорядки дѣлопроизводства и судопроизводства, возможность подвергать пыткѣ за всякій оговоръ, по всякому маловажному проступку, наклонность къ доносу (развившуюся такъ сильно между народомъ въ царствованіе Петра) можно себѣ представить, какое страшное вліяніе судьи и подъячіе Сыскнаго Приказа имѣли на общество и народъ.

Этому грозному судилищу Каинъ предложилъ свои услуги.

27-го Декабря 1741 года онъ явился на квартиру къ князю Крапоткину, первоприсутствовавшему въ Сыскномъ Приказѣ, и объявилъ ему, что онъ, Ванька, самъ — воръ, знаетъ другихъ воровъ и разбойниковъ, не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, и предлагаетъ свою готовность ловить ихъ. Крапоткинъ отослалъ его въ Сыскной Приказъ, гдѣ Ванька подалъ слѣдующую челобитную на Высочайшее имя:

„Въ началѣ, какъ Всемогущему Богу, такъ и Вашему Императорскому Величеству, повинную я симъ о себѣ доношеніемъ приношу, что я забылъ страхъ Божій и смертный часъ и впалъ въ немалое прегрѣшеніе. Будучи на Москвѣ и въ прочихъ городахъ во многихъ прошедшихъ годахъ, мошенничествовалъ денно и ночно; будучи въ церквахъ и въ разныхъ мѣстахъ, у господъ и у приказныхъ людей, у купцовъ и всякаго званія у людей, изъ кармановъ деньги, платки всякіе, кошельки, часы, ножи и прочее вынималъ.“

„А нынѣ я отъ оныхъ непорядочныхъ своихъ поступковъ, запамятовавъ страхъ Божій и смертный часъ и уничтожилъ, и желаю запретить нынѣ и впредь, какъ мнѣ такъ и товарищамъ моимъ, которые со мною въ тѣхъ погрѣшеніяхъ обще были, а кто именно товарищи и какого званія и чина люди, того я не знаю, а имена ихъ объявляю при семъ въ реэстрѣ.“

„По сему моему всемірному предъ Богомъ и Вашимъ Императорскимъ Величествомъ покаянію отъ того прегрѣшенія престалъ, а товарищи мои, которыхъ имена значатъ

ниже сего въ реэстрѣ нетолько что мошенничаютъ и изъ кармановъ деньги и прочее вынимаютъ, но уже я увѣдомлялъ, что и вяще воруютъ и ѣздятъ по улицамъ и по разнымъ мѣстамъ, всякихъ чиновъ людей грабятъ и платье и прочее снимаютъ, которыхъ я желаю нынѣ искоренить, дабы въ Москвѣ оные мои товарищи вышеписанныхъ продерзостей не чинили, а я — какого чина человѣкъ и товарищи мои и гдѣ и за кѣмъ въ подушномъ окладѣ не писаны, о томъ всякъ покажетъ о себѣ самъ."

„И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ Сыскномъ Приказѣ принять, а для сыску и поимки означенныхъ моихъ товарищей по реэстру дать конной, сколько надлежитъ, дабы оные мои товарищи впредь, какъ господамъ офицерамъ и приказнымъ и купцамъ, такъ и всякаго чина людямъ такихъ продерзостей и грабежа не чинили, а паче всего опасенъ я, чтобъ отъ оныхъ моихъ товарищей не учинилось смертоубійства, и въ томъ бы мнѣ отъ того паче непострадать."

Въ реэстрѣ Ванька Каинъ поименовалъ 32-хъ мошенниковъ, въ томъ числѣ и своего друга Петра Камчатку.

Въ распросѣ Каинъ разсказалъ о своемъ происхожденіи, о побѣгѣ отъ помѣщика, о воровствахъ въ Москвѣ; также, что для мошенничества былъ онъ на Макарьевской ярмаркѣ 4 раза, въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ 3 разъ, въ Дмитровѣ 2 раза, и по одному разу: въ Кашинѣ, въ Устюжнѣ, въ Гороховцѣ, въ Вязникахъ, въ Нижнемъ Новгородѣ и во Владимірѣ. Ворованныя вещи продавалъ въ городахъ и по дорогамъ." „На разбояхъ нигдѣ не бывалъ и убійствъ не чинивалъ.

Просьба и предложеніе Ваньки Каина были чрезвычайно по вкусу всѣмъ подъячимъ и секретарямъ Сыскнаго Приказа. До этого времени, съ самаго своего возобновленія, т. е. съ 1730 г., Сыскной Приказъ заботился постоянно о пріобрѣтеніи выгоднаго для себя вліянія надъ мошенниками и ворами, но встрѣчалъ неудобства — потому, что многое было въ рукахъ Полиціи: она ловила воровъ и мошенниковъ, она захватывала *поличное*, она отыскивала украденное имущество. Сыскному Приказу доставались „голь", или

закоренѣлые преступники, которые не боялись ни пытки, ни Сибири.

Въ 1740 г. Приказъ жаловался даже Сенату, что Полиція не ограничивается *поимкою* воровъ, но производитъ сама слѣдствія, возвращаетъ не рѣдко *поличное* и пойманныхъ освобождаетъ. Все это не имѣло тогда успѣха. Каково же было торжество Сыскнаго Приказа при заявленіи Ваньки Каина? У нихъ является свой сыщикъ, будетъ доходъ отъ него!

Въ тотъ же день, 27 Декабря 1741 г., Ивану Каину дали 14 солдатъ и подъячаго Петра Донскаго. Съ наступленіемъ ночи, эта толпа отправилась по указанію Ваньки забирать мошенниковъ; только запрещено было *входить въ знатные господскіе дома*. Но не въ господскіе хоромы, не въ знатные дома повелъ Ванька военную команду — онъ повелъ ее въ такое мѣстечко, гдѣ и въ настоящее время, говорятъ, не совсѣмъ безопасно идти ночью одному....

Зарядье, темный и грязный Московскій уголъ въ Китаѣ-городѣ, было мѣстомъ поисковъ первой ночи Ваньки Каина. Онъ самъ тутъ жилъ когда-то у заплечнаго мастера *Алексѣя Иванова*; нетрудно было ему отыскивать вчерашнихъ друзей и сотоварищей-мошенниковъ; онъ шелъ всюду *на вѣрное*. Въ эту ночь захватили 32 человѣка.

Возвращаясь съ поиска, у самыхъ Москворѣцкихъ воротъ, Ванька велѣлъ идти подъячему и солдатамъ къ отверстію въ берегу или, какъ тогда называли, къ печурѣ. Въ этой печурѣ нашли какого-то человѣка, въ лохмотьяхъ, блѣднаго, худаго, на плечахъ былъ накинутъ нагольный тулупъ. Онъ сидѣлъ на полу, передъ нимъ на скамьѣ лежала какая-то бумага; нищій что-то писалъ при свѣтѣ зажженной лучины. Этотъ нищій былъ изъ старыхъ товарищей Ваньки и имѣлъ страсть вести ежедневно журналъ своей воровской дѣятельности. Въ тетрадкѣ, писанной имъ значилось: въ понедѣльникъ взято въ Всесвятской банѣ въ вечеру 7 гривенъ.... въ четвергъ 50 коп., штаны васильковые; въ кузнецкой банѣ взялъ въ четвергъ рубаху тафтяную, штаны, камзолъ китайчатой, крестъ серебряной; на Каменномъ мосту 16 алтынъ....

— „Берите его!“ закричалъ Ванька солдатамъ.

— „Эхъ, Ванька! грѣхъ тебѣ!“ отвѣчалъ жилецъ печуры.

Печурный житель, какъ оказалось, былъ бѣглый солдатъ Алексѣй Ивановъ Соловьевъ; между его журналами нашли списки мошенниковъ, и въ числѣ ихъ были написаны Ванька Каинъ и Камчатка. Кто знаетъ? можетъ быть, этотъ списокъ былъ подготовленъ Соловьевымъ для доноса; можетъ быть, Ванька, провѣдавъ объ этомъ и спасая себя, поспѣшилъ выдать своихъ товарищей.

Въ печурѣ кто-то еще зашевелился на палатяхъ. Ванька закричалъ солдатамъ: Берите ужь и Степана кстати! Съ палатей стащили человѣка лѣтъ 40 въ одной рубахѣ. Всю толпу мошенниковъ, окруженную солдатами, связанныхъ веревками, отвели въ тюрьму Сыскнаго Приказа.

На другой день, передъ присутствующими, Ванька Каинъ представлялъ выданныхъ товарищей. Какой все это былъ сбродъ! Вотъ купеческій сынокъ Иванъ Елисѣевъ Бухановъ, — онъ остался сиротою въ малыхъ годахъ, не зналъ, чѣмъ кормиться, пошелъ въ солдаты, но не выдержалъ и двухъ лѣтъ: бѣжалъ и пріютился въ общество мошенниковъ. Ему только еще 16 лѣтъ, а за расторопность получилъ прозваніе хорь-хорька. Вотъ еще мальчишка 14 лѣтъ Иванъ Михайловъ, тоже купеческій сынъ, остался послѣ отца малолѣтнымъ. Былъ у него старшій братъ; они кормились вмѣстѣ, работая женскія серги, мѣдныя и желѣзныя; умираетъ братъ, оставляя его безъ помощи. Къ счастію, ратуша пришла на помощь: за *неплатежъ подушныхъ* 12-ти лѣтняго Ивана посадили въ тюрьму; по крайней мѣрѣ, ходя на цѣпи съ колодниками по улицамъ, для мірскаго подаянія, хоть какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь кормился бѣдный мальчишка. Продержали его два года и выпустили. Куда дѣваться? Судьба наткнула его на Красной площади на слѣпаго, который нанялъ Ивашку водить себя. Оказалось, что у слѣпаго Андрея Одулова былъ сборъ мошенниковъ. Ивашка получилъ должность вожатаго и выучился воровству. Вотъ еще мальчикъ 14 лѣтъ *Леонтій Васильевъ Юдинъ*, сынъ матроса; отецъ умеръ давно, Левку отдали въ гарнизонную школу, у Варварскихъ воротъ. Эта школа была разсадникомъ *мальчишекъ-воришекъ*. Присмотръ былъ плохой; Красная площадь и Крестцы подъ бокомъ; мальчи-

шки, вмѣсто ученья, убѣгали на площадь и тутъ знакомились съ другими мальчишками, пособниками взрослыхъ мошенниковъ; они получали за ловкость награжденіе, бросали ученье и наконецъ дѣлались полными мошенниками. Мальчишки эти пробивались во всякой толпѣ и, пользуясь тѣснотою, вынимали вещи и деньги изъ кармановъ и тутъ же, за пряники и орѣхи, сбывали краденое бабамъ и торгашамъ площаднымъ. Особенно благопріятны были для нихъ крестные ходы; въ эти дни, въ толпѣ особенно, являлось много мальчишекъ-мошенниковъ *Варварской Гарнизонной школы.* Между ними были свои учители, обучавшіе на примѣръ, какъ воровать изъ кармановъ; они показывали ученикамъ своимъ тутъ же, съ какою ловкостію надо это дѣлать: вынимали у проходящаго изъ кармана табакерку, нюхали табакъ и клали ее опять назадъ въ карманъ проходящему, а этотъ шелъ, ничего не замѣчая.

Но въ числѣ захваченныхъ Каиномъ были не одни мальчишки; были также люди, испытавшіе не одинъ разъ нѣкоторыя непріятныя послѣдствія своего ремесла, но не покидавшіе его или по любви къ искусству, или по необходимости кормиться на счетъ чужой собственности. Такъ взятый у Москворѣцкихъ воротъ, на палатяхъ въ печурѣ, Степанъ Ивановъ *Болховитиновъ* былъ, какъ оказалось, уже нѣсколько разъ пытанъ въ Сыскномъ Приказѣ, обвиненный въ покупкѣ краденыхъ вещей. Одна изъ бабъ, приведенныхъ Ванькою, была также по нѣскольку разъ подъ кнутомъ за скупъ воровскихъ вещей. Каинъ не пожалѣлъ въ эту ночь многихъ старыхъ друзей своихъ, бывшихъ съ нимъ въ разбояхъ на Волгѣ, какъ-то: Тимофѣя *Чигова*, бѣглаго солдата Жузлу, Куваева, Криворотова, Семенникова, по прозванію Голого, и другихъ.

Послѣ этой первой поимки, Ванька Каинъ или, какъ назывался онъ офиціально въ бумагахъ Сыскнаго Приказа, *доноситель Иванъ Каинъ*, ежедневно ходилъ по площадямъ, по церквамъ, по рядамъ и, съ содѣйствіемъ данныхъ ему въ распоряженіе солдатъ, ловилъ мошенниковъ и представлялъ ихъ въ Сыскной Приказъ.

Прошло три мѣсяца. Сыскной Приказъ призналъ, что Ванька заслуживаетъ поощренія и выдалъ ему 5 рублей

награды. Но такая награда не могла удовлетворить Каина, и въ 1743 г. онъ обратился самъ съ просьбой о выдачѣ ему денегъ. Просьбу свою онъ подкрѣплялъ слѣдующими аргументами: „поймалъ онъ разбойника Якова Иванова. Яковъ Ивановъ далъ ему 15 рублевъ, чтобы онъ его выпустилъ, но онъ Каинъ, не хотя корыстоваться, привелъ его и деньги 15 р. отдалъ въ Сыскномъ Приказѣ. А теперь (Ноябрь 1743 г.) онъ, Каинъ, для пропитанія, забралъ поразнымъ харчевнямъ всякаго харча и хлѣба на 12 р. 40 к., а потому и просилъ Сыскной Приказъ, чтобы ему дали денегъ на расплату долговъ и впередъ на пропитаніе."

Въ Сыскномъ Приказѣ навели справку. Оказалось, что съ 28 Декабря 1741 г. по Ноябрь 1743 г. Ванька Каинъ поймалъ и представилъ: мошенниковъ 109 человѣкъ, воровъ 37 человѣкъ, становщиковъ 50 человѣкъ, покупщиковъ 60 человѣкъ, разныхъ бѣглыхъ солдатъ 42 человѣка. Результатъ, кажется, довольно удовлетворительный. Но, несмотря на это, денегъ Ванькѣ Каину не дали.

Этотъ отказъ заставилъ его перейти на другую дорогу, хотя и опасную, но болѣе выгодную. Онъ обдумалъ свое положеніе: ежедневно ходитъ онъ съ солдатами по улицамъ и площадямъ, ловитъ мошенниковъ, разбойниковъ и бѣглыхъ, выдаетъ своихъ товарищей и друзей, подвергается иногда побоямъ, и какая же награда? Даже 12 руб. 40 к., затраченныхъ на эти служебные поиски, и тѣхъ не выдали! Можетъ быть, это происходило оттого, что Ванька Каинъ не доставлялъ хлѣбца подъячимъ. Ванька задумался. Пройдя черезъ огонь и воду, съ головою свѣжею, съ знаніемъ современнаго народнаго быта, смѣтливый, молодой (ему было тогда 25 лѣтъ) онъ обсудилъ свое положеніе и принялся выработывать его такъ, чтобы оно было и почетно, и выгодно. Началъ съ того, что женился.

Когда еще онъ жилъ въ Зарядьѣ у заплечнаго мастера на квартирѣ, до поступленія въ сыщики, по сосѣдству жила солдатская вдова, женка *Арина Иванова*. Въ то время еще приглядѣлась она Ванькѣ, и онъ предложилъ ей выдти за него замужъ. Арина Иванова отказала на чисто и закрѣпила свой отказъ бранью и укоромъ, что за мошенника и за разбойника никогда не выйдетъ. Ванька не забылъ этого и въ

первую же ночь своихъ офиціальныхъ поисковъ 28 Декабря 1741 г. захватилъ ее, подъ предлогомъ, что она знакома съ мошенниками, имъ пойманными, и участвуетъ съ ними въ воровствѣ. Арину Иванову засадили въ тюрьму и допрашивали подъ плетьми. Она не сознавалась. Каинъ подсылалъ къ ней нѣсколько разъ опять съ предложеніемъ о бракѣ—все тотъ же отказъ. Теперь (1743) Ванька подослалъ къ ней въ тюрьму женщину съ объявленіемъ, что ее будутъ непремѣнно пытать, но если она согласится выдти за него, то онъ избавитъ ее отъ пытки. Арина Иванова испугалась пытки и изъявила согласіе. Ванька подкупилъ подъячихъ и уговорилъ присутствующихъ Сыскнаго Приказа *до дальняго дѣла ея не доводить*, а наказать кнутомъ и выпустить на волю потому, что *сколоченная посуда два вѣка живетъ* (Автобіогр. издан. Григорія Книжника, стр. 56). Заплечнаго мастера также подкупилъ; Арину Иванову взялъ подъ свою росписку; изъ подъ кнута отдалъ ее лечиться просвирницѣ, а потомъ и женился на ней въ церкви Варвары-Мученицы. На другой день послѣ сватьбы, Ванька велѣлъ своей военной командѣ забирать къ нему на дворъ всѣхъ идущихъ мимо купцовъ. Ихъ собрали до 40 человѣкъ. Потомъ велѣлъ женѣ насыпать мѣшокъ гороху, вышелъ съ нею къ купцамъ и каждаго купца подчивалъ горохомъ. За это они ему сдѣлали денежные подарки (Автоб. ст. 57).

Обзаведясь женою, Ванька Каинъ рѣшился дѣйствовать иначе: снова свелъ дружбу съ своими прежними оставшимися товарищами; сблизился и объяснился съ секретарями и подъячими Полицеймейстерской Канцеляріи и Сыскнаго Приказа и пустился на свой прежній промыселъ смѣло, дѣятельно, прикрываясь и устрашая всѣхъ своимъ званіемъ *доносителя* Сыскнаго Приказа.

Дѣла Ваньки Каина пошли чрезвычайно успѣшно. Въ короткое время онъ накопилъ довольно денегъ, купилъ себѣ домъ въ Китаѣ-городѣ, на церковной землѣ, принадлежавшій діакону церкви Великомученицы Варвары, и переѣхалъ туда съ своей наемной квартиры, бывшей въ Зарядьѣ на Воронежскомъ подворьѣ. Домъ этотъ состоялъ изъ двухъ свѣтлицъ на улицу, съ каморкою. Въ одной свѣтлицѣ печь съ уступомъ украшена была зелеными изразцами; пото-

локъ штукатурный, полъ выстланъ каменною лещадью. Въ каморкѣ полъ былъ деревянный. Свѣтлица эта была о 4-хъ большихъ окнахъ. Въ другой свѣтлицѣ печь кирпичная, потолокъ и полъ досчатые. Между свѣтлицами сѣни бревенчатыя съ двумя чуланами. На дворѣ *блинная* изба и конюшня, а на улицу выходила лавка. Все строеніе было крыто тесомъ. Сверхъ того, на дворѣ еще была изба съ особыми чуланами. Въ домѣ явились образа въ серебренныхъ и золоченыхъ окладахъ; въ спальнѣ (въ каморкѣ) въ кіотѣ стоялъ образъ Св. Іоанна Милостиваго, съ серебренными гривенками, съ убрусомъ, низаннымъ жемчугомъ и дорогими каменьями. (Описаніе дома сохранилось въ дѣлахъ Канцеляріи Конфискаціи, въ распоряженіе которой домъ отданъ былъ въ 1730 г.) На стѣнахъ, обитыхъ клеенкою травчатою, висѣли зеркала въ золоченыхъ рамахъ, печатныя картины и портретъ Петра I. Вдоль стѣнъ стояли стулья, обитые чернымъ трипомъ. Два дубовыхъ стола покрыты были персидскими коврами, на одномъ—коверъ шелковой, на другомъ—триповой. Въ домѣ всего было довольно: и посуды оловянной и фарфоровой (однихъ тарелокъ было 18 дюжинъ) были въ кладовой и запасы сахару „канарскаго и чаю жулярскаго.“ У жены завелись юпки и балахоны тафтяныя, объяринныя; душегрѣйки гарнитуровыя съ городками серебренными и съ позументомъ золотымъ. Самъ Ванька щеголялъ дома въ суконномъ сюртукѣ то маковаго цвѣта, то зеленаго цвѣта, въ туфлихъ зеленыхъ гризетовыхъ, шитыхъ серебромъ. Въ сундукахъ хранились золотыя и серебряныя вещи: стопы, подносы, чайники; также часы карманные, серги и проч.

Съ утра, рано Ванька выходилъ съ своею военною командою для прогулокъ по городу. Обыкновенно прогулки эти производились на Красной площади, на Крестцахъ, на Москвѣ-рѣкѣ, на стругахъ, или около кабаковъ. Изъ старыхъ друзей Ванька составилъ около себя кружокъ людей разгульныхъ, рѣшительныхъ. Они, старые воры, знали Москву, какъ свои пять пальцевъ; знали всѣ воровскіе притоны и безъ промаху шли на поискъ. Пойманнаго Ванька Каинъ приводилъ прежде къ себѣ, а не въ Приказъ; здѣсь у него была своя расправа и свои палачи. Вору предлага-

лись разныя условія: если онъ не соглашался, то его отводили въ Приказъ или принуждали къ согласію побоями. Ежедневно, Ванька, побывавши въ присутствіи Сыскнаго Приказа и въ Полиціи, отправлялся въ какую нибудь харчевню. Здѣсь онъ угощалъ подъячихъ, ложныхъ подставныхъ свидѣтелей по дѣламъ, и съ ними здѣсь расплачивался. Вечеромъ или гулялъ у своихъ знакомыхъ, или чаще собирались у него на вечеринку и попойку. Вечеринки происходили преимущественно въ избѣ, которая была на дворѣ. Тутъ почти всякій вечеръ сходились играть въ карты, и не рѣдко, во время игры, Ванька выпускалъ на столъ фальшивыя деньги. Кто проигрывался до послѣдней копѣйки, тому оказывалась помощь закладомъ вещей и платья. Жена Каина принимала вещи, прятала ихъ въ чуланъ, а Ванька выдавалъ деньги.

Такъ продолжалъ онъ до Сентября 1744 г. Въ это время онъ смекнулъ, что наконецъ можетъ случиться, что кто нибудь изъ его друзей-мошенниковъ донесетъ на него, и вотъ Каинъ изобрѣтаетъ замѣчательное средство. 25 Сентября 1744 г. онъ является въ Сенатъ и проситъ, чтобъ ему дозволили предстать передъ сенаторами. Его впустили въ присутствіе, и Ванька Каинъ предъявляетъ гг. сенаторамъ слѣдующее: „Онъ Каинъ въ поимкѣ воровъ и разбойниковъ крайнѣйше всегда стараніе прилагаетъ и впредь имѣть будетъ, и о таковыхъ злодѣяхъ, гдѣ они жительство и пристань въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ имѣютъ, провѣдываетъ онъ чрезъ таковыхъ же воровъ и съ ними знакомство имѣетъ, и для того онъ, Каинъ, съ ними принужденъ знаться, подъ видомъ, дабы они въ томъ отъ него потаены не были, а не имѣя съ ними такого обхожденія, такихъ злодѣевъ сыскивать не возможно. При томъ онъ, Каинъ, такое опасеніе имѣетъ, что когда таковые злодѣи по поимкѣ гдѣ будутъ на него Каина о чемъ показывать, не приведенъ бы былъ по оговорамъ ихъ къ каковому истязанію.“

Сенатъ, выслушавъ Каина, объявилъ ему: чтобъ онъ продолжалъ отыскивать мошенниковъ безъ всякаго опасенія; а что если они и покажутъ на него, „то оное показаніе за истинное принято не будетъ и къ нему, яко изыскателю тѣхъ воровъ, не токмо какое подозрѣніе причтено

быть можетъ, но что онъ за отысканіе воровъ будетъ награжденъ; токмо бы онъ, Каинъ, съ таковыми злодѣями въ томъ, что до ихъ воровства и злодѣйства касается, ни подъ какимъ видомъ не мѣшался и никакого къ тому умыслу къ тѣмъ злодѣямъ совѣту и наставленія въ такихъ злодѣйствахъ не имѣлъ и не чинилъ, и неповинныхъ къ тому злодѣйству не привлекалъ: ибо ежели онъ, Каинъ, въ томъ подлинно явится и доказано будетъ, то съ нимъ, Каиномъ, яко съ злодѣемъ, поступлено будетъ." И въ заключеніе всего Сенатъ послалъ указъ въ Сыскной Приказъ: *что ежели въ томъ Приказѣ кто изъ содержащихся колодниковъ или впредь пойманныхъ злодѣевъ будетъ на него, Каина, что показывать, того кромѣ важныхъ дѣлъ не принимать и имъ, Каиномъ, потому не слѣдовать.* (Указъ Сената Сыскному Приказу отъ 3 Октября 1741 г. за № 11.491).

Такимъ образомъ Каинъ оградилъ себя отъ доносовъ своихъ сотоварищей, а всего важнѣе было для него то, что онъ далъ *законное* право своимъ друзьямъ-подъячимъ не давать хода никакому доносу на него. Выраженіе „*кромѣ важныхъ дѣлъ*" было такъ неопредѣленно, что подъячій всегда могъ оправдаться неуразумѣніемъ. Но Каинъ и этимъ еще не удовольствовался: ему надо было сдѣлаться вполнѣ оффиціальнымъ лицомъ, съ бумагою въ рукахъ отъ Сената; и вотъ въ Ноябрѣ онъ подаетъ новое прошеніе въ Сенатъ, что съ 1741 г. онъ поймалъ болѣе 500 человѣкъ воровъ и мошенниковъ, что въ Москвѣ ихъ еще много, но, по неимѣнію *инструкціи* о поимкѣ и сыску тѣхъ воровъ, ему чинится не малое препятствіе и изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оные злодѣи имѣютъ свои воровскія пристани, а отъ командующихъ вспоможенія не имѣется. На этомъ основаніи, Каинъ просилъ Сенатъ дать ему инструкцію и объявить о томъ въ Москвѣ по командамъ, какъ полицейскаго вѣдѣнія, такъ и въ прочихъ, „чтобы въ сыскѣ и поимкѣ воровъ ему препятствія не чинили."

И эта просьба удалась!

Сенатъ рѣшилъ: „Доносителю Каину для безпрепятственнаго въ поискѣ и въ поимкѣ имъ воровъ и разбойниковъ и другихъ тому подобныхъ злодѣевъ дать изъ Правительствующаго Сената съ прочётомъ указъ, въ которомъ напи-

сать, что ежели гдѣ въ Москвѣ случай допуститъ ему, Каину, помянутыхъ злодѣевъ ловить и въ той ихъ поимкѣ будетъ требовать отъ кого вспоможенія, то въ такомъ случаѣ всякаго чина и достоинства людямъ, яко вѣрноподданнымъ Ея Императорскаго Величества, въ поимкѣ тѣхъ злодѣевъ чинить всякое вспоможеніе, дабы оные злодѣи чрезъ такой его сыскъ вовсе могли быть искоренены, и всѣ подданные Его Императорскому Величеству по искорененіи таковыхъ злодѣевъ съ покоемъ безъ всякой опасности и разоренія впредь остаться могли; а ежели кто при поимкѣ такихъ злодѣевъ ему, доносителю Каину, по требованію его вспоможенія не учинитъ и чрезъ то такіе злодѣи упущены и ко умноженію ихъ воровства поводъ подастся и сыщется про то до-прямa, таковые, яко преступники, жестоко истязаны будутъ по указамъ безъ всякаго упущенія; о томъ же въ Военную Коллегію, въ Главную Полицмейстерскую Канцелярію и въ Сыскной Приказъ подтвердить, и чтобъ по командамъ въ поимкѣ такихъ злодѣевъ помянутому доносителю Каину всякое вспоможеніе чинено было, напротиву же того и ему, Каину, въ поимкѣ подъ видомъ таковыхъ злодѣевъ никому посторонним обидъ не чинить и напрасно не клеветать подъ такимъ же истязаніемъ, а Военной Коллегіи учинить о томъ по сему Его Императорскому Величеству указу."

Инструкція изъ Сената выдана Каину съ прочётомъ (т. е. съ прочтеніемъ) 9 Декабря 1744 г. Она состояла изъ копіи съ этого рѣшенія слово въ слово. Это распоряженіе Сената, такъ ловко вызванное Каиномъ, поставило его выше всѣхъ полицейскихъ властей и предоставило ему страшную возможность брать подъ арестъ всякаго, кого ему вздумается. Военныя и полицейскія команды поступали, при первомъ его требованіи, въ его зависимость. Сенатская угроза, выраженная такъ строго въ указѣ: *„а ежели кто при поимкѣ такихъ злодѣевъ ему, доносителю Каину, по требованію его вспоможенія не учинитъ.... таковые, яко преступники, жестоко истязаны будутъ* безъ всякаго *упущенія* — давала Каину средства расправляться самовластно въ низшихъ классахъ народонаселенія московскаго. Къ этому времени еще одно обстоятельство расширило кругъ противузаконныхъ дѣйствій Ваньки Каина. Въ Ивановскомъ монастырѣ

открыта была особая *раскольничья секта*. Преслѣдованіе раскольниковъ усилилось; Ванька тотчасъ же этимъ воспользовался и въ своихъ поискахъ по городу заходилъ къ богатымъ раскольникамъ и забиралъ у нихъ къ себѣ въ домъ дѣтей; отцы и матери приходили къ нему и за деньги выручали ихъ. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія *Раскольнической* Коммисіи. Коммисія постановила журналомъ вытребовать Каина для допроса изъ Сыскнаго Приказа, но Каинъ заплатилъ подъячимъ—и бумага въ Сыскной Приказъ отправлена была изъ Коммисіи только черезъ 3 года, а именно въ Ноябрѣ 1748 г.!

Безсиліе всѣхъ полицейскихъ властей противъ Каина и стачка съ подъячими и полицейскими командирами, ободрили Каина такъ, что онъ дѣйствовалъ иногда, какъ совершенно отдѣльное оффиціальное лицо. Въ подобныхъ дѣлахъ его помощниками были два крестьянина: Ѳедоръ Парыгинъ и Тарасъ Ѳедоровъ. Каинъ вмѣстѣ съ ними и съ другими преданными ему солдатами отправлялся къ какому-нибудь богатому посадскому человѣку или крестьянину и объявлялъ, что они—*сыщики* отъ тайной конторы; требовалъ денегъ и, въ случаѣ отказа, стращалъ ночнымъ пріѣздомъ „гостей" изъ тайной конторы.

У одного богатаго крестьянина Еремѣя Иванова, по слухамъ, племянница была раскольница. Каинъ явился къ нему днемъ съ своими товарищами и требовалъ денегъ. Крестьянинъ отказалъ. Каинъ и товарищи побили его порядочно, разбили лавочной ящикъ, нашли въ немъ 11 р., захватили всякой рухляди на 21 р. 34 к. и увели съ собою племянницу его, приставивъ къ дому караулъ, подъ предлогомъ, что нашли раскольницу. Дѣвку отвели не въ Раскольничью Коммисію, а къ Каину на домъ. Здѣсь Каинъ терзалъ несчастную ударами плети, добиваясь отъ нея сознанія, что она раскольница, или что дядя ея, Еремѣй, придерживается раскола. Жена Каина тутъ же присутствовала и приговаривала: „бейте ее гораздо", а потомъ совѣтывала дѣвкѣ повиниться или показать на дядю *что нибудь*. „Скажешь—легче будетъ и бить не станутъ", говорила жена Каина. Дѣвка только кричала и ни въ чемъ не созналась. На другой день Каинъ съ своими товарищами опять пріѣхалъ въ

домъ Еремѣя и свелъ караулъ, говоря: „Молись Богу—я племянницу твою Афросинью освобожу". Еремѣй понесъ Каину 20 р. Каинъ отпустилъ племянницу, а съ Еремѣемъ отправился расчитываться въ харчевню; получивъ деньги при харчевникѣ, Каинъ успокоивалъ Еремѣя: „Молись Богу, а то я бы свелъ твою племянницу и тебя въ тайную контору." Но Каинъ ошибся въ расчетѣ. Еремѣй и харчевникъ донесли тайной конторѣ, и Каинъ съ своими двумя товарищами былъ арестованъ. Парыгинъ и Тарасъ Ѳедоровъ подъ пыткою во всемъ сознались, Каинъ ни въ чемъ. По рѣшенію тайной конторы Парыгинъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей, сосланъ былъ въ Сибирь, въ дальній городъ, а Тарасовъ—въ Оренбургъ въ работы. Каинъ и тутъ выскочилъ. Объ немъ тайная контора рѣшила: „хотя бы онъ и подлежалъ жесточайшему наказанію кнутомъ и дальной ссылкѣ, однакоже, дабы впредь въ сыскѣ разбойниковъ и воровъ и прочихъ подозрительныхъ людей имѣлъ онъ крѣпкое стараніе, того для, оное ему нынѣ оставить; а дабы тѣ его воровства вовсе ему упущены не были и впредь бы отъ такого воровства и отъ прочихъ тому подобныхъ продерзостей имѣлъ онъ воздержаніе и предосторожность, учинить ему, Каину, въ тайной конторѣ наказаніе: бить плетьми нещадно, и по учиненіи того наказанія объявить ему подъ страхомъ смертной казни съ подпискою, ежели впредь сверхъ должности своей явится въ какихъ либо хотя наималѣйшихъ воровствахъ и взяткахъ, то уже поступлено съ нимъ будетъ по силѣ указовъ Ея Императорскаго Величества безъ всякаго упущенія, а чтобъ впредь къ воздержанію его отъ всякаго воровства и въ сыску подозрительныхъ людей невиннымъ разоренія не имѣло быть, имѣть надъ нимъ Каиномъ наблюдательство."

Для наблюденія за Каиномъ сообщено въ Московскую Полицію 12 Сентября 1745 года.

Какъ же подѣйствовали на него внушенія Тайной Конторы? Какъ съ гуся вода! Онъ отлежался, полечился и взялся за прежнее: въ Сыскной Приказъ водилъ ежедневно пойманныхъ мелкихъ воровъ и мошенниковъ, а самъ, между тѣмъ, съ своими товарищами занимался крупнымъ воровствомъ.

Въ 1747 г., передъ Рождествомъ Христовымъ, Каинъ пришелъ въ гости на Москву-рѣку на *струг* къ приказчику одного Орловскаго купца Осипу Тимоѳѣеву; попили они чаю, поболтали, вышли изъ-подъ палубы и начали прощаться. Въ это время черезъ стругъ проходилъ на сосѣднюю барку купецъ 1-й гильдіи Степанъ Григорьевъ Клепиковъ.—Вотъ онъ, Клепиковъ, говорилъ приказчикъ Каину, и въ худомъ платьѣ ходитъ, а богатъ. У него денегъ пять тысячъ, болѣе, а кромѣ пива, ничего не пьетъ!

— А гдѣ у него деньги? спросилъ Каинъ.

— Держитъ на своемъ стругу, что съ хлѣбомъ.

Каинъ возвратился домой и задумалъ обворовать Клепикова. Одному трудно было пуститься на это дѣло. Каинъ пригласилъ въ участники воровства, жившаго у него въ домѣ товарища *Шинкарку*, и сталъ съ нимъ совѣтъ держать. Положили пригласить къ дѣлу еще сотоварища, цѣловальника Якова *Колобова*, посѣщавшаго часто Каина въ игорные вечера.

Думали, передумывали и наконецъ рѣшили, по совѣту Колобова: опоить Клепикова пивомъ съ дурманомъ, но прежде испробовать, сколько надо положить дурману.

Всѣ трое: Каинъ, Шинкарка и Колобовъ отправились въ погребокъ, купили по дорогѣ кувшинъ, а въ погребкѣ полведра пива и возвратились къ Каину. Насыпали въ пиво дурману съ фунтъ, замазали кувшинъ тѣстомъ и поставили въ печь. Когда, по ихъ соображенью, *снадобье* было готово, раскупорили кувшинъ и выпили каждый по стакану. Наблюдали другъ за другомъ: дѣйствія никакого не оказалось — всѣ были въ памяти. Опять принялись за новый опытъ: купили еще четверть пива и вылили въ него оставшееся пиво съ дурманомъ. Колобовъ и Шинкарка выпили по три стакана и разошлись. Вечеромъ, въ тотъ же день, Шинкарка привелъ Колобова въ домъ Каина „въ безуміи", да и самъ едва дошелъ до дому. Каинъ уложилъ ихъ спать; они проспались и встали совершенно здоровые. Положили не отступать отъ своего плана и дожидаться удобнаго случая, чтобъ опоить Клепикова *снадобьемъ*. Случай не представлялся, а между тѣмъ Колобовъ по своимъ дѣламъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы. Каинъ и Шинкарка приговорили

на это дѣло другаго сотоварища: матроса Парусной фабрики Антона Коврова. Ковровъ посовѣтовалъ приступить къ дѣлу другимъ порядкомъ, менѣе сложнымъ: прямо въ удобное время разграбить стругъ. Но для этого надо было воспользоваться такимъ временемъ, когда Клепиковъ былъ бы не на стругѣ. У матроса Коврова былъ 14 лѣтній сынъ—ему поручили слѣдить за Клепиковымъ и за стругомъ, а къ дѣлу пригласили еще двухъ фабричныхъ: Крылова (14 лѣтъ) и Соколова. Въ одинъ день мальчишки эти дали знать, что Клепиковъ, возвратившійся въ Москву, съ женою отправился со струга къ обѣднѣ въ церковь Георгія, что́ въ Ендовѣ. Каинъ пошелъ за нимъ въ церковь, чтобы прослѣдить, куда онъ пойдетъ послѣ обѣдни. Клепиковъ изъ церкви отправился на Болото: по соображеніямъ Каина, для закупки хлѣба и, вѣроятно, онъ останется тамъ довольно долго. Каинъ далъ знать объ этомъ своимъ товарищамъ, и эти на саняхъ съ ломами и топорами подскакали къ стругу. Самъ Каинъ наблюдалъ издали въ „*дранишномъ ряду*". Взошли на стругъ, постучались въ двери. Работникъ откликнулся: — Что за стукъ? Ему отвѣчали: „Письмо нужное изъ Орла." Дверь отворилась; мошенники бросили работнику въ глаза золы съ солью и повалили подъ лавку. Мигомъ разломали сундукъ, гдѣ были деньги, и наполнили ими мѣшки, привезенные съ собою. Все это сдѣлано было живо и, что́ любопытно, грабили стругъ середи бѣлаго дня у Москворѣцкихъ воротъ. Съ добычею своею мошенники поскакали въ Преображенское къ матросу Коврову, спрятали у него деньги и разошлись по домамъ; вечеромъ опять собрались у Коврова и принялись дѣлить „*поживу*".

Каину, конечно, дали больше всѣхъ: 450 р. рублевиками, полуполтинниками и гривенниками. Антону Коврову и Крылову 200 р., сыну Антона Ивану 50 р., Соколову 100 р. Алексѣю Шинкаркѣ дали немного, но онъ вознаградилъ себя самъ: пока товарищи пересчитывали деньги, онъ тутъ же укралъ изъ ворованныхъ вещей связку низаннаго жемчуга и серги съ жемчугомъ. Каинъ, возвратясь домой, на первые дни спряталъ деньги на *чердакъ*, а потомъ употребилъ ихъ на уплату долговъ за разные товары, взятые имъ въ рядахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подъ покровительствомъ Ваньки Канна число бѣглыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, воровъ, мошенниковъ, грабителей увеличивалось въ Москвѣ съ каждымъ днёмъ. Это стеченіе огромнаго числа людей, жившихъ воровствомъ, грабежемъ, а иногда и убійствами, должно было наконецъ выразиться проявленіемъ какого-нибудь общественнаго бѣдствія. И дѣйствительно, весною 1748 г. начала ходить по Москвѣ молва о грабежахъ, о предстоящихъ пожарахъ; по обыкновенію, явились подметныя письма, угрожавшія пожарами и наконецъ страшное бѣдствіе постигло Москву.

10-го Мая во 2-мъ часу по полудни загорѣлось въ Бѣломъ городѣ между Ильинскими и Никольскими воротами въ домѣ княжны Куракиной; сильнымъ вѣтромъ огонь перебросило на обывательскіе дома къ Златоустовскому монастырю, къ церкви Всѣхъ Святыхъ что́ на Кулишкахъ, потомъ къ Яузскимъ воротамъ, вспыхнулъ Яузской мостъ, и по Николо-Ямской улицѣ пожаръ разлился до Андроньевскаго монастыря и Ямскихъ Слободъ; съ другой стороны: отъ церкви Всѣхъ Святыхъ горѣли дома по направленію къ городовой стѣнѣ, вѣтромъ перебросило черезъ стѣну на домъ президента Кисловскаго и до церкви Ильи Пророка, что́ на Воронцовомъ полѣ. Сгорѣли: отъ Китая-города правая сторона Покровской улицы по Яузскіе ворота, Алексѣевская, Рогожская и Ямскія Слободы, Андроньевъ монастырь. При сильномъ ураганѣ огонь распространялся такъ быстро, что обыватели спасали только свою жизнь: имущество погибало; несмотря на это, сгорѣло 96 человѣкъ. Церквей обгорѣло 25, между ними церковь Архидіакона Стефана, ц. Симеона Столпника, ц. Покрова Богородицы, ц. Николая Чудотворца, что́ на Ямахъ, ц. Мартына Исповѣдника, что́ въ Большой Алексѣевской, ц. Алексѣя Митрополита, что́ въ Малой Алексѣевской, ц. Сергія Чудотворца, что́ въ Рогожской; дворовъ и домовъ сгорѣло 1202, въ нихъ считали покоевъ 2417. Въ слѣдующіе дни ежедневно были пожары, и народъ былъ въ страшномъ волненіи.... загорались нежилые дворы, дома и заборы.... Появились подметныя письма съ объявленіемъ, что тамъ-то загорится.... поймано было нѣсколько поджигателей....

23-го Мая, въ 8-мъ часу утра, снова тревога.... пожаръ въ селѣ Покровскомъ, отсюда перебросило въ Нѣмецкую Слободу, горѣло по Яузу, по Гороховое поле, до Ѣхаловскаго моста. Лефортовскій и Головинскій дворцы были спасены; въ Покровской Слободѣ сгорѣли 260 дворовъ, на Нѣмецкомъ рынкѣ 117 торговыхъ лавокъ и шалашей, 16 кузницъ, 3 цирюльни, 12 харчевенъ, 1 вѣтреная мѣльница, 10 лѣсныхъ лавокъ, 11 пивоваренныхъ заводовъ, 3 кабака.

24-го Мая пострадала другая часть города: въ 5-мъ часу по полудни огонь показался за Пречистенскими воротами въ домѣ статскаго совѣтника Чебышева у Зачатейскаго монастыря, горѣли обѣ стороны Остоженской улицы до Пречистенскихъ воротъ, по Москву-рѣку. Сгорѣли церкви: Воскресенія Христова, что̀ слыветъ Старое, Ильи Пророка что̀ слыветъ Обыденного, Покровъ Пресвятыя Богородицы, что̀ на Грязяхъ близь Пречистенскихъ воротъ; обывательскихъ домовъ 72, одинъ кабакъ у Пречистенскихъ воротъ и 14 *круглыхъ качелей* у Алексѣевской башни ([13]).

Жители и Полиція упали духомъ... Толпы бездомныхъ, обнищавшихъ, бродили по улицамъ, грабежи и ночные воровства усилились, бѣдствіе не прекращалось. 25 Мая въ 4 часу по полудни загорѣлось въ Земляномъ городѣ, не доѣзжая Красныхъ воротъ на Мясницкой улицѣ въ домѣ князя Михаила Мещерскаго; горѣли обѣ стороны Покровской улицы до двора дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Бориса Григорьевича Юсупова и до двора Степана Васильевича Демидова; съ дома Мещерскаго перекинуло огонь въ Земляной городъ, на Красные ворота, на *комедію*, на лавки... Пожаръ кончился въ 9-му часу вечера; сгорѣло: 1 церковь, 62 дома обывательскихъ, 1 цирульня, двѣ богадельни, Тріумфальные ворота, комедіальный домъ, 2 кабака. Во всѣ четыре пожара 10-го, 23-го, 24-го и 25-го Мая истреблено пожаромъ 1883 дома и въ нихъ 4793 покоевъ. (Дѣла Полиц. Канц.)

Московскіе пожары и разбои такъ напугали Петербургъ, что тамъ разставили пикеты изъ гвардейскихъ полковъ

([13]) На мѣстѣ нынѣшняго Храма Спасителя, гдѣ прежде былъ Алексѣевскій монастырь.

около императорскихъ дворцовъ на площадяхъ, на улицахъ по Московской сторонѣ, съ приказаніемъ имѣть крѣпкую осторожность и прилежное смотрѣніе, чтобы никакой злодѣй вкрасться и такое же зло (т. е. пожаръ и грабежъ) учинить не могъ.“ Злодѣевъ и подозрительныхъ людей приказано было ловить и отсылать въ главную полицмейстерскую канцелярію (П. С. З. Т. XII ст. 9503 Іюня 3). Въ Москву же, въ первыхъ числахъ Іюня, посланъ былъ генералъ-маіоръ и премьеръ-маіоръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Ѳедоръ *Ушаковъ*, подъ предсѣдательствомъ котораго была учреждена особая коммисія для изслѣдованія о пожарахъ. Между тѣмъ, жителей Москвы охватилъ паническій страхъ: они выбирались изъ домовъ, со всѣмъ имуществомъ выѣзжали изъ города и ночевали въ полѣ. Нужны были неотлагательныя, строгія мѣры. Правительству предлежало не только предупреждать, преслѣдовать и наказывать поджигательство, но надо было защищать отъ воровъ и грабителей. Въ Москву введено было войско, на погорѣлыхъ мѣстахъ поставили пикеты; по всей Москвѣ днемъ и ночью учреждены военные разъѣзды, караулы солдатскіе усилены введеніемъ въ городъ трехъ баталіоновъ, расположенныхъ около Москвы; въ караулы ночные наряжались и городскіе обыватели. Всѣ городскіе жители приглашались коммисіею ловить злодѣевъ и воровъ и, съ пойманными вещами, представлять въ коммисію. Личный составъ полицейскаго управленія усиленъ опредѣленіемъ, временно, лишняго совѣтника при Полиціи.

Коммисія для изслѣдованія о пожарахъ помѣстилась на *подворьѣ Рязанскомъ* на Мясницкой; здѣсь же было и помѣщеніе для арестантовъ.

Для успокоенія жителей Ушаковъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ разослалъ по городу печатныя объявленія, которыя сверхъ того были прибиты на площадяхъ, у кремлевскихъ и городскихъ воротъ, на перекресткахъ, у нѣкоторыхъ церквей и монастырей.

Коммисія исполняла свои обязанности дѣятельно, и Ушаковъ 9-го Іюня доносилъ, что съ 31 Мая никакихъ колодниковъ въ приводѣ уже не было и что все обстоитъ благополучно Жители, съ полей, перебирались опять въ городъ

8-го Сентября 1748 г. Коммисія прекратила свои дѣйствія. Москвой тогда управлялъ генералъ-аншефъ, сенаторъ и кавалеръ Василій Яковлевичъ *Левашовъ*.

Во время трехъ мѣсячнаго существованія этой Коммисіи, Каинъ продолжалъ мошенничать и грабить, но уже авторитетъ его былъ подорванъ, потому что онъ не могъ, такъ спокойно какъ прежде, распоряжаться въ Москвѣ съ своими мошенниками. Послѣ пожаровъ, команда Ушакова, предупреждая поджоги, ловила всѣхъ подозрительныхъ людей и приводила ихъ не въ Сыскной Приказъ, а въ Коммисію. Здѣсь судъ и расправа были коротки, и вліяніе Каина ничтожно. До пожаровъ малочисленная Московская команда, и полицейская и военная, вся была ему знакома, вся была имъ подкуплена; теперь явились новые дѣятели. Въ Іюнѣ же 1748 г. во время существованія Коммисіи, одинъ случай доказалъ Каину, что новая военная команда не обращала на него большаго вниманія.

10-го Іюня, утромъ, въ 10 часовъ, онъ шелъ мимо Мытнаго двора у Москворѣцкихъ воротъ. Тутъ была *фортина* (кабакъ). Въ то время, какъ проходилъ Каинъ, цѣловальникъ кричалъ въ окно: караулъ! караулъ! грабятъ казну! Иванъ вбѣжалъ въ кабакъ и увидѣлъ, что солдаты ломаютъ стойку, въ которой хранились сборныя деньги. Каинъ началъ ихъ унимать, а солдаты принялись его бить. Каинъ спасся только тѣмъ, что выхватилъ у одного солдата шпагу и, защищаясь ею, выбѣжалъ изъ двери. Онъ побѣжалъ въ караульню и заявилъ о происшествіи караульному офицеру Вологодскаго баталіона прапорщику Ивану *Головину*. Головинъ выхватилъ у Каина изъ рукъ шпагу, велѣлъ солдадамъ наклонить Каина за волосы и билъ его шпагою по спинѣ; потомъ завязалъ ему руки назадъ, прикрѣпилъ веревкою за ноги у приказнаго крыльца, и велѣлъ въ продолженіи часа бить его *батогами*. Наконецъ, какъ-то Каинъ вырвался отъ Головина и подалъ прошеніе въ Сыскной Приказъ. Въ Приказѣ его осмотрѣли: „оказалось, онъ избитъ былъ порядочно, спина вся синяя и багровая; плечи, руки всѣ въ синихъ пятнахъ.“ На другой же день Сыскной Приказъ сообщалъ о Головинѣ въ военно-походную канцелярію, къ генералъ-аншефу сенатору Василью Яковлевичу Левашову.

Чѣмъ кончилось дѣло Головина, изъ дѣла Сыскнаго Приказа не видно; но Каинъ вѣроятно сталъ осмотрительнѣе.

8-го Августа 1748 г. Каинъ сдѣлалъ большой подвигъ: поймалъ своего стариннаго друга и перваго сотоварища своихъ мошенничествъ Петра Камчатку (см. стр. 2 Автобіографіи). Вотъ біографія Камчатки, разсказанная имъ самимъ въ допросѣ: Петръ Романовъ сынъ, прозваніемъ *Смирной Закутинъ*, да по мирскому званію *Камчатка*, 37-ми лѣтъ; отецъ его Романъ Герасимовъ *Смирной* былъ Бутырскаго пѣхотнаго полка солдатъ. Давно умеръ. А мать его вышла замужъ за матроса парусной фабрики *Степана Лукьянова* сына Закутина. Мать его умерла давно, а Закутинъ въ богадѣльнѣ. Онъ Петръ учился на фабрикѣ. Тому назадъ 20 лѣтъ, пойманъ былъ въ мошенничествѣ, въ Сыскномъ Приказѣ наказанъ плетьми и опредѣленъ въ солдаты въ Ярославскій пѣхотный полкъ, который былъ на линіи. Изъ Казани бѣжалъ въ Москву, жилъ въ землянкахъ близь Лафертовскаго каналу, въ Лафертовской слободѣ; кормился: рылъ каналъ. Одинъ разъ, за Воскресенскими воротами близь Неглинной, началъ его бить незнакомый человѣкъ; Камчатка закричалъ караулъ: его отвели въ Полицмейстерскую Канцелярію. Здѣсь онъ сказался матросомъ парусной фабрики. Его отослали изъ Полиціи въ Адмиралтейскую Контору, а отсюда на работу на фабрику. Работалъ Камчатка всего съ годъ; надоѣла ему работа; онъ бѣжалъ съ фабрики и началъ кормиться мошенничествомъ: кралъ въ торговыхъ баняхъ платья, таскалъ изъ кармановъ деньги и вещи и проч. Потомъ отправился въ Нижній Новгородъ. Здѣсь онъ сошелся съ крестьянами: Савельемъ *Плохимъ*, да съ Григорьемъ Степановымъ *Мазинымъ*, съ учениками суконной Московской фабрики Иваномъ *Кувасевымъ* и Михайломъ *Денисовымъ* и съ Иваномъ *Каиномъ*. Послѣдняго онъ зналъ и прежде, потому что мошенничали вмѣстѣ въ Москвѣ. Въ Нижнемъ пробыли 5 дней; больше воровали все въ баняхъ: утромъ и вечеромъ крали у бурлаковъ платье и деньги. Потомъ изъ Нижняго всѣ вмѣстѣ пришли на Макарьевскую ярмарку; тутъ жили 10 дней, занимались тѣмъ же чѣмъ и въ Нижнемъ. Возвращаясь въ Москву, раздѣлили деньги; пришлось на пай рублей по 10 и болѣе,

а платье бросили на дорогѣ въ той же ярмаркѣ „чтобы на нихъ не было по тому какой прилики.“ Въ Москвѣ, Петръ Камчатка явился опять на фабрику, гдѣ и оставался до великаго поста 1748 г. На третей недѣлѣ поста бѣжалъ въ Калужскій уѣздъ на желѣзные заводы Акинфія *Демидова*, работалъ недѣли съ двѣ, безъ пачпорта; опять возвратился въ Москву, пропочевалъ въ Ямской Дрогомиловской слободѣ одну ночь, а потомъ работалъ „на бережкахъ,“ таскалъ на берегъ Москвы рѣки лѣсъ недѣли съ двѣ; потомъ жилъ за Срѣтенскими воротами въ приходѣ Всемилостиваго Спаса что̀ въ Пушкаряхъ, у Коломенскаго солдата Семена Семенова *Ворнопѣгова*; кормился тѣмъ, что скупалъ въ лавкахъ крѐсты мѣдные и иглы и продавалъ ихъ по деревнямъ въ Московскомъ уѣздѣ. Потомъ жилъ въ Переяславской Ямской слободѣ въ домѣ Милютинской фабрики ученика Ивана Ланскаго, и 8-го Августа пошелъ было къ празднику въ Новоспасскій монастырь что̀ слыветъ въ Новомъ, шелъ по мосту, на Бальчугѣ встрѣтился ему Иванъ Каинъ, взялъ его и привелъ въ Сыскной Приказъ.

Послѣ допроса, по принятому тогда порядку, Петра Камчатку допрашивали подъ пыткою. Первый допросъ былъ 21-го Октября 1748 г. Камчатка прибавилъ къ первому показанію слѣдующее: прежде Пижняго ходилъ онъ, съ товарищами и съ Ванькой Каиномъ, въ Троицкую Лавру.

Декабря 18-го 1748 г. судьба Камчатки была рѣшена: наказанъ кнутомъ и сосланъ въ ссылку въ Оренбургъ, въ вѣчную работу.

Выдача Камчатки въ руки правительства очень повредила Каину, какъ въ обществѣ его товарищей-мошенниковъ, — они потеряли къ нему довѣріе,—такъ и въ чиновникахъ Сыскнаго Приказа и Полиціи, подкупленныхъ Каиномъ, и судьба которыхъ зависѣла отъ скромности Каина. Сыскной Приказъ началъ принимать разныя мѣры противъ нахальства и дерзкаго поведенія Ваньки Каина. Въ инструкціи 11-го Ноября 1748 г. дежурному оберъ-офицеру о содержаніи колодниковъ Приказа въ § 15 сказано:

„Оберъ-офицеру, изъ команды своей, никому караульныхъ не давать и самому не отпускать, ни зачѣмъ не отсылать, никуда подъ опасеніемъ военнаго суда, а посылать по тре-

бованіямъ отъ секретарей, по наказамъ и сыскнымъ, и сколько потребно посылать безъ задержанія; тако-жъ, если доноситель Каинъ будетъ объявлять, что ему надлежитъ для поимки, сколько солдатъ, то спроси присутствующихъ, а не въ бытность ихъ, дежурнаго секретаря, и дежурному секретарю спросить тайно доносителя, куда идтить и въ какіе домы и за какими людьми, чтобы въ томъ отъ него доносителя знатнымъ людямъ какихъ страховъ и безчинства не нанесено было и не внѣ-ли Москвы; а ежели подлежитъ той посылкѣ быть, того часу потребное число солдатъ посылать и съ ними унтеръ-офицера или капрала, съ такимъ наставленіемъ, чтобъ на которыхъ онъ доноситель Каинъ будетъ показывать, тѣхъ брать и содержать, чтобъ ихъ не упустить и приводить прямо въ Сыскной Приказъ, а окромѣ Сыскнаго Приказу тѣхъ колодниковъ по домамъ никуда не водить и къ доносителю Каину въ домъ не водить же, *ибо отъ онаго доносителя многія продерзости явились, и что онъ* перво къ себѣ водитъ и то оказывается; въ чемъ, въ Сыскномъ Приказѣ въ томъ, что ему доносителю Каину того не чинить, взята подписка. Посланному съ доносителемъ команды оберъ-офицеру приказывать унтеръ-офицеру, чтобъ его унтеръ-офицера команда, будучи ему и командѣ, при взятьѣ тѣхъ по указыванью доносителемъ колодниковъ въ которыхъ домахъ взяты будутъ, обидъ и разоренія и грабежа никакого не учинить и *доноситель бы во взятыхъ домахъ грабежа не учинилъ же*; и въ тѣхъ домахъ, гдѣ взяты будутъ подозрительные люди, велѣть оставлять караулъ по два человѣка солдатъ и смотрѣть, чтобъ изъ того дому чего не вывезено было, также и *доносителю какъ во взяткахъ и въ грабежахъ и въ разореніяхъ не быть послушнымъ*, ибо отъ онаго доносителя изъ дому его караульной явился въ поддорожномъ намѣреніи отбоѣ подозрительнаго человѣка, и о *томъ* по слѣдствію въ Сыскномъ Приказѣ, по повинкѣ его, отосланъ на военной судъ, изъ чего *видно онаго доносителя неправдивые поступки, за что и прежде учинено* съ нимъ по указамъ...“

Сыскной Приказъ, какъ ни покровительствовалъ Каину, но принужденъ былъ принимать мѣры предосторожности противъ его самовольства, особенно имѣя въ виду слѣдующіе факты.

Въ Москвѣ существовала адмиралтейская парусная фабрика; матросы, работавшіе на ней, были особенные воры и мошенники и часто *бѣгали*. Каинъ давалъ у себя пріютъ этимъ бѣглецамъ.

Начальство фабрики, узнавъ, что Каинъ скрылъ у себя бѣглаго матроса *Осипа Соколова* съ товарищами, послало сперва приглашеніе Каину прибыть въ контору для допросовъ; но Каинъ не счелъ нужнымъ явиться. 22 Апрѣля 1748 года отъ начальства фабрики послали военную команду, схватить Каина въ его домѣ въ Зарядьѣ и привести силою. Посланные: подканцеляристъ и капралъ возвратились съ пустыми руками; они донесли слѣдующее: Застали Каина дома, прочли ему указъ и повели было въ контору парусной фабрики, но какъ отошли отъ двора Каина сажень съ пять, то онъ, Каинъ, вырвался, сброся съ себя сюртукъ и шляпу и ушелъ, и бѣжавъ кричалъ незнаемо какимъ людямъ: *дай дубья*! По этому зву набѣжало неизвѣстныхъ людей человѣкъ съ 20-ть въ сѣрыхъ кафтанахъ и подъячаго и капрала и солдатъ били смертнымъ боемъ: двумъ солдатамъ дубинами пробили головы, Каина отбили и съ нимъ исчезли.

Контора парусной фабрики донесла объ этомъ происшествіи въ Сенатскую Контору *15 Сентября*, въ Государственную Адмиралтейскую Коллегію 21 Мая, а въ Главную Полицмейстерскую Канцелярію только *17 Февраля 1749 года*.

Хотя послѣдствій непріятныхъ для Каина по этому дѣлу не произошло, но со всѣмъ тѣмъ, служебная его слава, какъ сыщика, постепенно затемнялась слухами объ участіи его въ городскихъ воровствахъ и грабежахъ; кромѣ того, на поступки Каина имѣла большое вліяніе страсть его къ женщинамъ—эта страсть и привела его къ погибели.

За Никитскими воротами, въ своемъ домѣ, жилъ Коломенскаго полка солдатъ *Ѳедоръ Тарасовъ*, по фамиліи *Зѣвакинъ*. У него была хорошенькая, 15 лѣтняя дочка; Каинъ познакомился съ нею въ домѣ солдатки *Ѳедосьи Савельевой*; съ каждымъ днемъ, или точнѣе сказать, съ каждою *вечеринкою*, которыя бывали у Ѳедосьи, Каинъ влюблялся въ дѣвочку все сильнѣе и сильнѣе, носилъ ей лакомства, а чаще всего старался угостить её *пивомъ* или *виномъ*; на эти два на-

пятка, съ содѣйствіемъ хозяйки-Ѳедосьи, Каинъ возлагалъ всѣ свои надежды въ безнравственныхъ своихъ видахъ. Но дѣвочка отказывалась отъ всѣхъ предложеній, а отецъ ея началъ замѣчать за Каиномъ.

17 Января 1749 года, явилась въ домъ къ Тарасову знакомая его семейству женка *Авдотья Степанова* (одна изъ бывшихъ когда-то любовницъ Каина), переговорила что-то тайно съ дочерью Тарасова, и въ этотъ день дѣвушка пропала изъ дома. Отецъ бросился къ своимъ знакомымъ—никакого слуха. Онъ вспомнилъ вечеринки Ѳедосьи Савельевой, вспомнилъ ухаживанье Каина, и старикъ кинулся узнавать о немъ. Двѣ женщины, подосланныя Тарасовымъ къ женѣ Каина и знакомыя съ нею, старались допытаться, гдѣ былъ Каинъ наканунѣ, что́ дѣлалъ, куда ѣздилъ... Женскій языкъ болтливъ и какъ ни осторожна была жена Каина, но проговорилась, что она слышала, будто мужъ ее увезъ какую-то солдатскую дочь отъ Никитскихъ воротъ — но куда не знаетъ. Шпіонка Тарасова пораспросила и прислугу: работница Каина разсказала, что солдатскую дочь Каинъ, да банщикъ Иванъ Готовцевъ, увезли въ село Павилено. Тарасовъ объявилъ письменно Полиціи о бѣгствѣ дочери, указывая на Каина, какъ на похитителя.

Въ это время, на бѣду Каина, въ Москву пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ полиціймейстеръ Татищевъ. Человѣкъ рѣшительный и строгій, онъ не обратилъ вниманія на предъидущіе Высочайшіе указы Сената, которые такъ хорошо ограждали Каина, велѣлъ арестовать Каина и допросить. На первыхъ допросахъ Каинъ отвѣчалъ разный вздоръ и хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться, надѣясь на свои связи съ чиновниками Полиціи, но, къ его несчастію, они были уже безсильны. Татищевъ приказалъ посадить Каина подъ *караулъ въ погребъ, кормить очень мало и никого не допускать.* Какъ избавиться отъ Татищева? Оставался общепринятый тогда способъ закричать *слово и дѣло.* 1 Февраля, Ванька закричалъ въ погребѣ *слово и дѣло*, и его въ тотъ же часъ отправили въ Контору Тайной Канцеляріи. При допросѣ онъ сознался, что слова и дѣла по 1-му пункту за нимъ нѣтъ никакого, а закричалъ его изъ страха умереть отъ

изнуренія въ сыромъ и холодномъ погребу, въ который посаженъ былъ Татищевымъ.

Тайная Канцелярія, по принятому порядку, опредѣлила: „за ложное сказываніе слова и дѣла, Каина бить нещадно плетьми и по учиненіи наказанья, для слѣдованія и рѣшенія въ показанныхъ на него изъ Полиціймейстерской Канцеляріи воровствахъ, отослать опять тудаже“.

13 Февраля Каинъ возвращенъ въ Полицію (Дѣла Тайной К. 1749 г. Арх. М. Ю.).

Татищевъ снова посадилъ его подъ строгій караулъ. Кредитъ Каина былъ подорванъ окончательно, къ Татищеву присылались доносы о мошенничествахъ Каина... Отнѣкиваться и отпираться было невозможно. Каинъ обѣщалъ Татищеву разсказать всю истину; ему дали немного отдохнуть и полѣчиться послѣ наказанья плетьми въ Тайной Канцеляріи, и наконецъ 24 Февраля 1749 года Каинъ, въ судебной палатѣ Полиціймейстерской Канцеляріи, объявилъ: „*что онъ о всемъ покажетъ самую истину*“.

Приступили къ допросу немедленно, въ тотъ же день.

Каинъ началъ разсказывать подробно всѣ свои дѣла, не щадя ни товарищей своихъ мошенническихъ и воровскихъ похожденій, ни чиновниковъ Полиціи и Сыскнаго Приказа, подъ покровительствомъ которыхъ онъ и его сотоварищи были всегда въ сторонѣ, или и попадались иногда, но выходили по пословицѣ „сухи изъ воды“. Татищевъ, генералъ-полиціймейстеръ, по увѣщанію котораго Каинъ съ каждымъ днемъ открывалъ все новыя и новыя дѣла, 19 Марта донесъ Императрицѣ (*), что по множеству дѣлъ, возникшихъ по показанію Каина, „въ настоящихъ полицейскихъ дѣлахъ учинилась остановка, и потому Полиціи изслѣдовать эти дѣла невозможно, и сверхъ того, такъ какъ Каинъ обнаружилъ, что съ нимъ были въ сообщничествѣ секретари и прочіе чиновники Сыскнаго Приказа, Полиціи, Раскольничей Коммисіи и Сенатской Конторы, а потому, по невозможности поручить изслѣдованіе дѣла Каина Сыскному Приказу, онъ представлялъ, что необходимо учредить по этому дѣлу особую коммисію“.

(*) Императрица Елизавета Петровна находилась тогда въ Москвѣ.

Съ каждымъ днемъ Каинъ открывалъ Татищеву новыхъ сотоварищей, новыхъ покровителей своей мошеннической жизни. Особенно о послѣднихъ его показанія были интересны Татищеву. Каинъ показывалъ на всѣхъ откровенно: Секретаря Раскольнической Коммисіи онъ дарилъ за то, чтобъ онъ не принуждалъ его представлять сысканныхъ уже имъ раскольниковъ,—дарилъ италіанскими платками и рейнскимъ виномъ.

Въ Сыскномъ Приказѣ подъячіе нерѣдко, съ его вѣдома, дѣлили между собою принесенное съ уличенными ворами серебро и другія вещи.

Каинъ часто, для своихъ выгодъ, пойманныхъ мошенниковъ, отводилъ не въ Приказъ, а къ себѣ на домъ. Здѣсь приходили къ нему секретари и подъячіе, брали взятки съ пойманныхъ, и Каинъ отпускалъ ихъ. Сверхъ взятки, за скрытіе преступленія, они брали себѣ изъ краденаго имущества разныя вещи и одежды цѣлыми узлами. Чиновники Сыскнаго Приказа вообще любили посѣщать Каина: онъ ихъ угощалъ у себя и водилъ по питейнымъ домамъ, по трактирамъ, дарилъ ихъ и дѣтей ихъ шапками, платками, перчатками, а женамъ подносилъ на праздники и имянины разныя дорогія матеріи и готовыя дамскія платья.

Членъ Сыскнаго Приказа Аѳанасій *Сытинъ* былъ въ большой дружбѣ съ Каиномъ и часто хаживалъ къ нему въ гости *пить чай*; захочется Сытину поживиться съ Каина, вотъ онъ за чайкомъ и поведетъ разговоръ: ты, Каинъ, мало въ Приказъ воровъ водишь, т. е. дискать худо исполняешь свою должность, а Каинъ понимаетъ въ чемъ дѣло — сейчасъ и пошлетъ Сытину *кенарскаго сахару*; потомъ пойдетъ съ Сытинымъ по рядамъ, Сытинъ покупаетъ товаръ, а деньги отдаетъ Каинъ. Сытину это очень нравилось, — онъ чаще сталъ зазывать Каина къ себѣ для такихъ прогулокъ, а Каинъ началъ ходить рѣже, потомъ совсѣмъ пересталъ. Это сейчасъ отозвалось: Сытинъ велѣлъ свести изъ дома Каина солдатъ, поставленныхъ въ его распоряженіе для сыску воровъ, и помирились только за новую взятку.

Другой членъ приказа *Непеинъ* хаживалъ къ Каину играть въ карты; бралъ подарки *дюжинами* картъ и заставлялъ Каина играть съ нимъ безденежно въ игру, называе-

мую „едну“. Въ играхъ: карточной и зернью, которыя бывали часто въ домѣ Каина, постоянно участвовали чиновники Сыскнаго Приказа.

Полицію Каинъ, въ своихъ показаніяхъ, рекомендовалъ Татищеву не со всѣмъ съ выгодной стороны.

Совѣтникъ Воейковъ отпустилъ Каина, однажды, съ цѣпи изъ-подъ караула, за это Каинъ заплатилъ Воейкову 50 р., секретарю 3 р., канцеляристу 7 р.; нельзя было обойти и *капрала* караульнаго: ему Каинъ подарилъ *штаны замшевыя, чорныя*. Послѣ Каинъ Воейкову платилъ постоянно за освобожденіе, при случаѣ, другихъ своихъ сотоварищей.

За тѣмъ Каинъ открывалъ ежедневно Татищеву совершенныя имъ воровства и мошенничества подъ покровительствомъ Сыскнаго Приказа и Полиціи. Дѣла эти были чрезвычайно разнообразны. Увозилъ изъ подъ караула арестантовъ, сбивалъ съ нихъ желѣза и отпускалъ на волю. При ввозѣ *неявленныхъ* товаровъ, въ таможнѣ, если цѣловальники таможенные съ командою останавливали товаръ, то Каинъ съ своими солдатами нападалъ на цѣловальниковъ, отбивалъ товаръ и давалъ средства купцу проѣхать черезъ другую заставу и скрыться съ товарами. Давалъ средства скрывать убійства, и бѣглыхъ, за деньги, не представляя въ Приказъ, отпускалъ. Ловилъ торгующихъ на Красной площади солдатскихъ женъ, объявлялъ имъ несуществующіе указы, что товаромъ ихъ запрещено торговать на Красной площади, отводилъ ихъ къ себѣ домой, здѣсь бралъ съ нихъ деньги и отпускалъ. Прикрывалъ своихъ товарищей-друзей, которые срывали съ людей шапки и съ пьяныхъ обирали платье и объ другихъ воровствахъ никогда на нихъ не доносилъ. Держалъ у себя въ домѣ бѣглыхъ всякаго рода.

Подъ его покровительствомъ тайно въ трехъ домахъ „производились волочильныя золотыя и серебряныя неуказ„ныя мастерства“. Для извлеченія себѣ отъ этого дохода, Каинъ, по временамъ, схватывалъ изъ этихъ фабрикъ работниковъ и представлялъ ихъ въ Сыскной Приказъ подъ предлогомъ мелкаго мошенничества; фабриканты, изъ страха, что откроется ихъ заведеніе, давали ему деньги и серебро натурою въ слиткахъ и золотую канитель.

На Москвѣ рѣкѣ ходилъ по стругамъ для поимки бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Хозяева этихъ струговъ платили ему деньги, чтобъ онъ ихъ не осматривалъ. Мясникамъ позволялъ на дому бить скотину, что́ было запрещено закономъ, и за это бралъ съ нихъ деньги. Не доносилъ на лѣсопромышленниковъ, которые привозили на продажу *вырубленный* лѣсъ, изъ заповѣдной Государевой рощи. Бралъ деньги съ соляныхъ цѣловальниковъ за недонесеніе объ *обвѣсѣ ими мужиковъ солью*. Скрывалъ пойманныхъ съ фальшивою монетою. Съ раскольниковъ бралъ деньги, чтобъ не представлять ихъ въ Раскольническую Коммисію. Скрывалъ за деньги держателей воровъ. Пойманныхъ въ воровствѣ и съ поличнымъ, большею частію, прежде онъ водилъ къ себѣ на домъ, здѣсь допрашивалъ, мучилъ и билъ; иныхъ, взявши деньги, отпускалъ, оставляя у себя что нибудь изъ краденныхъ вещей; другихъ, съ кого нечего было взять, представлялъ въ Сыскной Приказъ. Въ случаяхъ покражи вещей, многіе знатные господа присылали прямо къ Каину, съ просьбою отыскать; онъ заказывалъ торгующимъ на площади *выжечникамъ* и *выжечницамъ*, если кто что вынесетъ на продажу краденое, то чтобъ ему объявляли и приводили бы къ нему воровъ. Вещи очень часто находились этимъ путемъ, онъ возвращалъ ихъ хозяевамъ, получалъ отъ нихъ деньги въ благодарность, а съ воровъ бралъ взятку и отпускалъ ихъ, не донося Сыскному Приказу и Полиціи.

Ежедневно Каинъ каялся въ какомъ нибудь мошенничествѣ, и ежедневно, по его показаніямъ, брали въ тюрьму указываемыхъ имъ людей, а въ ожиданіи разрѣшенія на представленіе Татищева, изслѣдованіе по доносамъ Каина производилось въ Московской полиціи.

Что замедляло отвѣтъ высшей власти на донесеніе Татищева, неизвѣстно, но наконецъ одно важное обстоятельство подвинуло дѣло: съ Московской суконной фабрики бѣжали вдругъ работники до тысячи человѣкъ, они разсыпались по городу; воровство и грабительство усилились такъ, что Полиція не могла управиться своими средствами. Надлежало прибѣгнуть къ мѣрѣ рѣшительной, и вотъ состоялся именной за собственноручнымъ подписаніемъ указъ 25 Іюня 1749 г.

„для искорененія злодѣевъ полицейскую Московскую команду усилить солдатами изъ полевыхъ полковъ; а *вора Каина* съ его товарищами изъ Полиціи со всѣмъ его дѣломъ передать въ Сыскной Приказъ, по опредѣля судей и приказныхъ служителей безподозрительныхъ, а подозрительныхъ отрѣшить, о всемъ изслѣдовать розыскомъ и какіе его еще Каиновы товарищи покажутся, тѣхъ сыскивать и присылаемыхъ изъ Полиціи впредь такихъ злодѣевъ принимая распрашивать и ими розыскивать же, и всякими образы стараться оныхъ до конца искоренять, а кто такимъ казнямъ подлежать будетъ, не чиня экзекуціи, Ея Императорскому Величеству доносить.“

На основаніи этого Высочайшаго повелѣнія, Сенатъ предписалъ: Каина, съ его товарищами и съ дѣломъ, отослать изъ Полиціи въ Сыскной Приказъ, гдѣ ихъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ; чиновниковъ Сыскнаго Приказа Сытина и Непеина, также секретарей и приказныхъ служителей, на которыхъ показано Каиномъ, всѣхъ отъ дѣлъ Сыскнаго Приказа отрѣшить; объ дѣлѣ, согласно Высочайшаго повелѣнія, *изслѣдовать розыскомъ* (т. е. съ употребленіемъ пытки) а для производства слѣдствія назначены камеръ-коллегіи совѣтникъ *Богдановъ*, ямской канцеляріи членъ подполковникъ князь Иванъ *Горчаковъ*, канцеляріи конфискаціи ассесоръ Алексѣй *Еропкинъ*, необрѣтающійся у дѣлъ коллежскій ассесоръ князь Михаилъ Вадбольской, съ прочими членами Сыскнаго Приказа, на которыхъ подозрѣнія не показано; секретаремъ къ этому слѣдствію опредѣленъ изъ юстиціи коллегіи Никита Струковъ; канцеляристовъ назначено 4 человѣка, копіистовъ 8 человѣкъ изъ вотчинной и юстиціи коллегіи и изъ суднаго приказа „самыхъ добрыхъ людей“. (Указъ Сената за № 4015, отъ 28 Іюня 1749 г.)

„Слѣдствіе“ о ворѣ Каинѣ или коммисія была помѣщена на Мытномъ дворѣ у Москворѣцкихъ воротъ, гдѣ тогда были мытная и хомутная таможни, а таможни переведены: мытная въ помѣрную, а хомутная въ конную. Для карауловъ назначено 50 человѣкъ солдатъ съ унтеръ-офицерами, при оберъ-офицерѣ. Здѣсь устроена была присутственная камора со столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ; куплены 10 стульевъ, оловянныя чернилицы, коло-

кольчикъ и ножницы, секретарской столъ, также съ краснымъ сукномъ. Въ подъяческой комнатѣ: 2 стола каждый въ 3 аршина длины, четыре скамьи, 8 глиняныхъ чернилицъ, четыре ящика для храненія дѣлъ, двое щетовъ. Помѣщеніе, впрочемъ, было не очень просторное: въ этомъ зданіи было всего *четыре* палаты каменныхъ со сводами, раздѣленныхъ *сѣнями*, каменными же и со сводами. Окны были съ желѣзными рѣшетками и съ желѣзными затворами.

Каинъ со всѣми прочими колодниками по его дѣлу переданъ въ Слѣдственную Коммисію изъ Полиціи 7 Іюля 1749 г.

Ванька Каинъ сидѣлъ въ особой палатѣ въ нижнемъ этажѣ: въ этой палатѣ было два окна—отъ окна до земли $3^1/_4$ ар. Въ окнахъ длина 2 ар., поперегъ $1^1/_4$ ар. Печки въ палатѣ не было.

Онъ содержался въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ.

Военной командѣ дана была особая инструкція:

„Каина никогда и не для чего съ означенными его товарищами не спускать, также и другихъ колодниковъ, никого, никуда и за карауломъ не отпускать, и приходящихъ къ нимъ и къ Каину никого не допускать. Если кто будетъ приносить пищу, то сперва самому (караульному офицеру) пробовать, кромѣ вина, и потомъ отдавать. Вина въ милостыню не принимать отъ приносящихъ. Приносимые калачи и хлѣбы осматривать, нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь запеченаго. Смотрѣть, чтобъ между колодниками (ихъ было 39 человѣкъ) ([14]) никакихъ ссоръ, непотребствъ и игранія въ карты или какія зерни не было. Осматривать, нѣтъ ли у колодниковъ ножей или вредительныхъ инструментовъ. Раздавать ежедневно каждому кормовыя деньги по 1 копѣйкѣ. О состояніи колодниковъ и караула ежедневно подавать рапортъ".

Какъ ни былъ строгъ этотъ приказъ, но отклоненія появились тотчасъ же.

Іюля 15-го поймали двухъ колодниковъ Андрея *Пичкалу* и Ивана *Коерова*: они съ кѣмъ-то разговаривали въ окно. Схватили уличнаго переговорщика. Оказался по допросу: „зовутъ его Василій Алексѣевъ, по прозванію *Чижикъ*, сукон-

---

([14]) См. приложеніе 1-е.

щикъ, отъ роду ему 40 лѣтъ. Отецъ его Алексѣй Емельяновъ, по прозванію былъ *Галкинъ*. Подходилъ къ окну, потому, что колодники кликнули его поднять денежку, брошенную какимъ-то проѣзжимъ; денежку онъ не нашелъ, а свою подалъ". Болѣе ничего не узнали; только оказалось, что въ это же время сидѣлъ тутъ же въ тюрьмѣ одинъ изъ сотоварищей Каина, купецъ Сергѣй, по прозванью *Чижикъ*. Новый, пойманный у окна, Чижикъ объявилъ, что онъ сидящему въ тюрьмѣ Чижику не родственникъ и его не знаетъ. Его освободили на поруки.

Черезъ нѣсколько дней въ Коммисію поступилъ доносъ гораздо серьезнѣе о безпорядкахъ въ тюрьмѣ, гдѣ сидѣлъ Каинъ.

Іюля 24-го колодникъ Осипъ *Соколовъ* объявилъ: что къ Ивану Каину приходитъ жена его Арина и съ нимъ ночевала двѣ ночи, что сержантъ *Подымовъ* выпускаетъ Каина въ другую палату, гдѣ сидятъ его сотоварищи, и каждый день, сержантъ, съ Каиномъ, съ Антономъ Ковровымъ, съ Алексѣемъ Шинкаркою, съ Петромъ Волкомъ и съ другими, ѣдятъ, пьютъ и играютъ въ кости и въ карты на деньги, что для этой игры жена Каина приносила ему 12 р., которые онъ проигралъ колоднику Василью *Базану*, а что прежде проигралъ *шубу*.

Каинъ, въ Присутствіи, объявилъ, что онъ шубы Базану въ карты не проигрывалъ, а заложилъ за полтину. Сержантъ Подымовъ остался внѣ всякаго подозрѣнія. Колодники въ такихъ случаяхъ оставались передъ судомъ одни виноватыми и клеветниками.

Колодники дѣйствительно не скучали, и въ этомъ они обязаны были *Сержанту Подымову*, который съ своими дежурными солдатами проводилъ день и ночь въ палатахъ, гдѣ сидѣли колодники. И гдѣ же ему проводить время? При домѣ, гдѣ помѣщались колодники и Коммисія, особой караульни не было устроено. Сержантъ и солдаты должны были стоять подъ открытымъ небомъ. Старшій офицеръ караула дежурилъ въ Подъяческой Палатѣ, гдѣ въ окнахъ были стекла выбиты, и холодно и сыро. Что же удивительнаго, что сержантъ *Подымовъ* проводилъ время въ колодничей и притомъ очень пріятно! Дѣйствительно, день и ночь

онъ пировалъ съ колодниками — пили, пѣли, играли въ карты и въ зернь. Но все дѣло испортили женщины: *Подымовъ* дозволилъ женамъ Ваньки Каина, Осипа Соколова и Василья Базана приходить къ мужьямъ; сверхъ личнаго присутствія, жены колодниковъ одушевляли это общество особенно тѣмъ, что приносили мужьямъ своимъ деньги и вещи, на которыя завязывалась игра въ карты или въ зернь; но въ одинъ прекрасный день обыграли Соколова (что дѣлать, въ тюрьмѣ недаромъ живетъ пословица — честь въ грошъ, а грошъ въ честь) и Соколовъ, наученный женою, донесъ объ безчинствахъ въ тюрьмѣ. Послѣдствія доноса вышли слѣдующія: Сержанта *Подымова*, приносившаго въ оправданіе, что все это дѣлалъ онъ „*простотою*„ отослали на рѣшеніе въ Военную Коммисію; Каина, Коврова и Шинкарку на первый разъ наказали плетьми; Соколову, за справедливый доносъ, изъ денегъ, найденныхъ у *Базана*, который обыгралъ его, дали награды 11 р. 94 к. У всѣхъ прочихъ колодниковъ и у ихъ женъ отобрали всѣ деньги, что̀ нашли и отдали ихъ караульному офицеру, чтобъ онъ изъ этихъ денегъ выдавалъ колодникамъ на кормъ, по 1 коп. человѣку въ день, и покуда не израсходуются всѣ, запрещено офицеру требовать отъ Сыскнаго Приказа денегъ на кормъ колодникамъ.

Пока колодники доносили другъ на друга и на своихъ караульныхъ, слѣдствіе шло обычнымъ порядкомъ съ допросами и пытками. Читая журналы и протоколы Слѣдственной Коммисіи, невольно удивляешься нравственному складу людей того времени. Члены Коммисіи, какъ записано въ протоколахъ, нерѣдко начинали пытку съ 10-го часа по полуночи и оканчивали е̂ только въ половинѣ 3-го по полудни. Какіе нужны нервы, чтобы $5^1/_2$ часовъ сряду смотрѣть на страданія пытаемыхъ, слушать ихъ вопли, и это повторялось на другой день, какъ дѣло вполнѣ законное, необходимое и справедливое!

До Августа 1750 г. Каинъ содержался въ особой колоднической палатѣ, въ томъ же домѣ, гдѣ была Коммисія, но въ это время сержантъ донесъ, что въ палатѣ *стѣна разсѣлась и опасно чтобъ не упала.* Каина перевели въ *нижнюю палату* подъ комнатами Присутствія. Эта палата была безъ оконъ,

и въ ней хранилось желѣзо. Желѣзо вынесли, а для свѣта вырубили въ *желѣзной двери* окошко, шириною въ четверть, а длиною 2 аршина.

Жена Каина ходила на свободѣ и навѣщала его. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, 27-го Октября 1751 г., Каинъ просилъ караульнаго офицера задержать её, потому что будто бы она пожитки его изъ дома перевезла въ другое мѣсто. Она была арестована, но 24-го Декабря, для праздника Рождества Христова, выпустили ее на поруки матросу Соколову, до 8 Января 1752 г. Она явилась въ срокъ и просила освободить ее отъ слѣдствія: её отпустили снова на поруки.

Домъ Каина въ Зарядьѣ былъ переданъ въ распоряженіе Канцеляріи Конфискаціи для продажи съ публичнаго торга.

Въ 1753 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, Сенатъ, имѣя въ виду, что о ворѣ Каинѣ особая Коммисія была учреждена исключительно потому, что были заподозрѣны членъ, секретари и приказные служители Сыскнаго Приказа, а что въ это время весь личный составъ Приказа перемѣнился, предписалъ закрыть Коммисію и дѣло о ворѣ Каинѣ передать для окончательнаго и скорѣйшаго рѣшенія въ Сыскной Приказъ.

Въ Сыскномъ Приказѣ дѣло тянулось болѣе двухъ лѣтъ, и наконецъ, въ Іюнѣ 1755 года, Каинъ былъ приговоренъ къ смертной казни: *колесовавъ*, *отрубить голову*; но предварительно приговоръ представленъ былъ на разсмотрѣніе въ Государственную Юстицъ-Коллегію 22-го Іюля 1755 года. Юстицъ-Коллегія представила точно такое же рѣшеніе Сенату 24 Января 1756, г., а Февраля 27-го этого же года, по указу Сената, воръ, Каинъ и товарищъ его *Алексѣй Шинкарка* наказаны кнутомъ, вырѣзаны имъ ноздри и съ знаками на лбу и на щекахъ В. О. Р. сосланы „въ тяжкую работу.“

Г. Есиповъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Сохранившаяся въ дѣлахъ Сыскнаго Приказа копія съ реэстра колодниковъ, которые присланы изъ Полиціи въ Сыскной Приказъ вмѣстѣ съ Банькою Каиномъ.

Скованъ въ ручныхъ и въ ножныхъ желѣзахъ.	1) Иванъ Каинъ.
Свобожденъ . . .	2) Ингерманланскаго полку солдатъ Василій Терновскій.
Выпущенъ	3) Фабричной Иванъ Смирновъ.
	4) Фабричной Василій Базановъ.
Въ кандалахъ . .	5) Фабричной Алексѣй Шинкарко.
	6) Фабричной Дмитрій Мазъ.
Въ кандалахъ . .	7) Фабричной Иванъ Крыловъ.
Въ кандалахъ . .	8) Парусной фабрики матросъ Антонъ Ковровъ.
	9) ——— —— Иванъ Ковровъ.
	10) Матросовъ сынъ Сергѣй Соколовъ.
	11) Отставн. солдатъ Никонъ Богомоловъ.
Въ кандалахъ . .	12) Купецъ Сергѣй Чижикъ.
	13) Третьяковской фабрики ученикъ Петръ Волкъ.
Свободна	14) Портниха солдатская жена Варвара Ефимова.
	15) Подъячій Степанъ Мариновъ.
Въ кандалахъ . .	16) Дому вдовы княгини Анны Львовны Трубецкой человѣкъ Сергѣй Тулья.
Выпущенъ	17) Монетчикъ Алексѣй Бобровизиковъ.
	18) Юстиціи коллегіи бывшій сторожъ Иванъ Никифоровъ.
Въ кандалахъ . .	19) Посольскаго двора ученикъ Михаилъ Наживинъ.
	20) ——— Степанъ Буслай.
	21) ——— Иванъ Шелковниковъ.
	22) Суконной Третьякова фабрики ученикъ Михаилъ Жала.
	23) Суконнаго большаго двора ученикъ Никита Монахъ.
	24) Школьникъ Иванъ Рославлевъ.
Въ кандалахъ . .	25) Купецъ Яковъ Колобковъ.
Выпущены	26) Солдатскія жены: Катерина Федорова.
	27) ——— —— Прасковья Матвѣева.
	28) ——— —— Аграфена Иванова.

Свобождены . . . 29) —— —— Агаѳья Павлова.
30) Матросъ Петръ Свѣшниковъ.
Въ кандалахъ . . 31) Матросъ Осипъ Соколовъ.
Свобождена. . . . 32) Капитана Петра Аксакова дочь его дѣвка Марья Петрова.
Въ кандалахъ . . 33) Купецъ Дмитрій Старуха.
Свобожденъ . . . 34) Москов. драгунъ Трофимъ Гололобовъ.
35) Инженернаго корпуса Потапа Жеребцова жена его Авдотья Гурьева.
Выпущенъ . . . . 36) Купецъ Семенъ Семеновъ.
37) Посольскаго дв. уч. Василій Коробовъ.
38) Суконщикъ Андрей Пычкала.
Свобожденъ. . . . 39) Казакъ Родіонъ Черниковъ.

II.

Въ присланномъ изъ прежней Каморъ-Колегіи подлинномъ дѣлѣ показано Московскимъ питейнымъ сборамъ прежней окладъ 156,505 рублевъ 33 копѣйки ½ и до отдачи въ Москвѣ питейныхъ сборовъ въ кампанію показано въ Москвѣ знатныхъ кабаковъ и къ нимъ фартяныхъ, а именно:

Каменномостской питейной дворъ.
Петровской отдаточной дворъ.
Никольская Австерія.
Фартяныхъ въ Москвѣ 155.

Въ уѣздѣ 20, въ которые цѣловальники съ питьемъ посылывались со оныхъ Каменномостскаго и Петровскаго дворовъ.

Итого 178.

А означенные въ Москвѣ питейные сборы отданы въ кампанію съ 1730 г. въ предь на 10 лѣтъ, а кампанейщики съ того 1730 года по 1733 годъ платили изъ сложности съ 1720 по 730 годъ по 191000 рублей, а съ 733 году по Имянному Ея Императорскаго Величества Указу, противъ сбору 723 году по 249173 рубли на годъ и что́ приберутъ, брать въ казну половину, а другую за труды отдавать имъ.

(Выписка изъ книги Арх. Мин. Юст. Сенатскія дѣла по Камеръ-Коллегіи $\frac{12}{321}$).

III.

1742 *Московская губернія.* Число душъ вѣроятно по росписанію на содержаніе войскъ.

Въ Московскомъ уѣздѣ и съ городомъ Москвою . . . . 486.288.
Въ Ярославской провинціи . . 212.449.

Въ Тульской . . . . . 140.331.
Въ Костромской . . . . . 144.085.
Въ Переславской - Рязанской. 170.429.
Въ Калужской . . . . . 189.593.
Въ Володимірской . . . . . 177.189.
Въ Угличской . . . . . 160.663.
Въ Юрьевской - Польской. . . 51.203.
Въ Переславской - Залѣсской. 154.909.
Въ Суздальской. . . . . 125.705.

Всего . . . 2.012.844. душъ—*муж. пол душъ*.
(А. М. Ю. Дѣла Камеръ-Коллегіи св. 80 д. № 51).

IV.

1713. *Москва.* Слободы Москвы:
1) Кадашевская, 2) Казенная, 3) Панкратьевская, 4) Садовая Набережная, 5) Красносельская, 6) Новогородская, 7) Гончарная, 8) Большіе Лужники, 9) Голутвенская, 10) Садовая большая, 11) Барашская, 12) Басманная, 13) Устюжская, 14) Семёновская, 15) Таганская, 16) Сыромятная, 17) Кузнецкая, 18) Екатерининская, 19) Алексѣевская, 20) Огородная, 21) Напрудная, 22) Дмитровская, 23) Стрѣтенская, 24) Бронная, 25) Воронцовская, 26) Хамовная, 27) Кошельная, 28) Ордынская (въ ней 1700 г. по переписи считалось 70 дворовъ, а въ 1713 она запустѣла). 29) Конюшенная Овчинная, 30) Кожевницкая, 31) Новоникитская, 32) Мѣщанская, 33) Мясницкая, 34) Большая Конюшенная, 35) Лужники что у Крымскаго брода, 36) Лужники что подъ Дѣвичьимъ, 37) Покровская. Число дворовъ отъ 1700 г. до 1713 уменьшилось значительно, а именно: по переписи 1707 г. считалось всѣхъ 7047 дворовъ а въ 1713 году 2737. Въ 100 г. по вѣдомости Ратуши считалось въ Москвѣ въ слободахъ 7621 человѣкъ. (Книга Камеръ-Коллегіи о разныхъ сборахъ № $\frac{11}{655}$.)

V.

Москва. *Торговыя бани.* (А. М. Ю. Камеръ-Коллегіи св. 42, № 8.)
1) За Покровскими воротами на рѣкѣ Яузѣ *Самотёчны*
въ 1724 г.—42 р. 63 к.
въ 1735 — 201 р. 38 к.
2) За *Яузою* р. по берегу Москвы р. въ Кошельникахъ
въ 1724 — 86 р. 19 к.
— 1735 — 211 р. 12 к.

3) За *Мясницкими* воротами у Житнаго Двора
въ 1724 — 73 р. 10 к.
— 1735 — 81 р. 86 к.

4) За Москвою рѣкою у Егорья въ Ендовѣ
въ 1724 — 189 р.
— 1735 — 370 р.

5) За Пречистенскими воротами въ Зубовѣ
въ 1724 — 23 р.
— 1735 — 87 р.

6) За Москвою рѣкою въ Овчинникахъ
въ 1724 — 66 р.
— 1735 — 111 р.

7) За Москвою рѣкою въ Якиманской улицѣ
въ 1724 — 29 р.
— 1735 — 79 р.

8) За Москвою рѣкою въ Бабьемъ городкѣ
въ 1724 — 32 р.
— 1735 — 116 р.

9) За Москвою рѣкою за Острогомъ что въ Лужникахъ
въ 1724 — 36 р.
— 1735 — 157 р.

10) У Крымскаго Двора
въ 1724 — 36 р.
— 1735 — 117 р.

11) Въ Пятницкой улицѣ
въ 1724 — 29 р.
— 1735 — 63 р.

12) За Москвою рѣкою противъ Кожевницкой Слободы въ Земляномъ городѣ на Большомъ проломѣ.
въ 1724 — 11 р.
— 1735 — 90 р.

13) За Москвою рѣкою въ Кожевникахъ.
въ 1724 — 16 р.
— 1735 — 70 р.

14) За Стрѣтенскими ворот., за Землянымъ город., Спасскіе
въ 1724 — 21 р.
— 1735 — 35 р.

15) За Мясницкими вор., что на Ольховцѣ у Землянаго гор.
въ 1724 — 38 р.
— 1735 — 89 р.

16) На рѣкѣ Яузѣ въ Серебреникахъ
въ 1724 — 132 р.
— 1735 — 309 р.

17) За Смоленскими воротами у Доргомиловскаго моста
въ 1724 — 61 р.
— 1735 — 192 р.

18) За Тверскими воротами въ Земляномъ городѣ близъ Тверской Ямской Слободы
въ 1724 — 23 р.
— 1735 — 84 р.

19) За Тверскими воротами, выѣздъ изъ воротъ на лѣвой сторонѣ позади Кузнечнаго ряду
въ 1724 — 45 р.
— 1735 — 108 р.

20) За Москвою рѣкою позади Екатерининской Слободы, близъ Земляного города.
въ 1724 — 23 р.
— 1735 — 186 р.

21) За Нѣмецкою Слободою близъ Гошпиталя
въ 1724 — 10 р.
— 1735 — 14 р.

22) Подъ Семеновскимъ полкомъ за Покровскими воротами по р. Яузѣ. — Оставлены съ 1711 года *безъ переоброчки* за *капитаномъ* тогда, а въ 1737 за генералъ-лейтенантомъ Михаиломъ Яновлевичемъ *Вомовымъ* — за 13 руб.

23) На *Яузскомъ* Устьѣ.
въ 1724 — 62 р.
— 1735 — 80 р.

24) За Яузскими воротами подъ Крутицами.
въ 1724 — 8 р.
— 1735 — 143 р.

25) За Никитскими воротами за Землянымъ городомъ близъ Кудриной Слободы
въ 1724 — 46 р.
— 1735 — 99 р.

26) За Пречистенскими воротами на Сивцовѣ вражкѣ
въ 1724 — 38 р.
— 1735 — 114 р.

27) За Яузскими воротами на Островку
въ 1724 — 105 р.
— 1735 — 183 р.

28) За Пречистенскими воротами за Землянымъ город. Попскіе
въ 1724 — 23 р.
— 1735 — 61 р.

29) За Смоленскими ворот. у Землянаго город. *Коковинскіе*
въ 1724 — 51 р.
— 1735 — 110 р.

30) Позади Алексѣевской слоб. близъ Андроньева монастыря
въ 1724 — 60 р.
— 1735 — 215 р.

31) За Никитскими воротами за Бѣлымъ городомъ вышедъ изъ воротъ на правой сторонѣ
въ 1724 — 96 р.
— 1735 — 147 р.
32) Въ Бѣломъ городѣ за Трубою
въ 1724 — 72 р.
— 1735 — 266 р.
33) На берегу Москвы рѣки позади Запаснаго двора на Поместномъ вражкѣ
въ 1724 — 18 р.
— 1735 — 112 р.
34) Близъ Новинскаго монастыря
въ 1724 — 138 р.
— 1735 — 184 р.
35) За Стрѣтенскими воротами за Землянымъ городомъ подъ Троицкою слободою
въ 1724 — 39 р.
— 1735 — 100 р.
36) За Тверскими воротами въ Сущевѣ.
въ 1724 — 41 р.
— 1735 — 126 р.
37) По конецъ Басманной слободы близъ Горохова поля
въ 1724 — 5 р.
— 1735 — 61 р.
38) Въ Бѣломъ городѣ подъ Кузнецами
въ 1724 — 178 р.
— 1735 — 332 р.
39) На бутыркахъ Вяцкіе
въ 1724 — 18 р.
— 1735 — 22 р.
40) За Стрѣтенскими воротами у Бѣлаго города
въ 1724 — 73 р.
— 1735 — 82 р.
41) За Пречистенскими воротами за Землянымъ городомъ въ Хамовникахъ
въ 1724 — 28 р.
— 1735 — 105 р.
42) За Покровскими воротами въ Казенной слободѣ близъ Землянаго города
въ 1724 — 13 р.
— 1735 — 48 р.
43) За Землянымъ городомъ въ Мѣщанской у Креста
въ 1735 — 38 р.
44) Въ Преображенскомъ
въ 1735 — 50 р.

45) На р. *Хопиловкѣ* близъ Преображенск. и Семенов. слободъ
въ 1724 — 13 р.
— 1735 — 13 р.
46) По конецъ Воронцовскаго поля
въ 1724 — 130 р.
— 1735 — 144 р.
47) За Петровскими воротами у Бѣлаго города
въ 1724 — 15 р.
— 1735 — 71 р.
48) За Покровскими воротами въ Ехаловѣ
въ 1724 — 18 р.
— 1735 — 148 р.
49) У Покровскихъ воротъ
въ 1735 — 17 р.

Всего получалось *откупнаго* сбора съ торговыхъ бань въ 1735 году 5694 руб.

(Выписка изъ дѣлъ А. М. Ю. Камеръ-Коллегіи св. 42. № 3.)

НѢСКОЛЬКО ИЗВѢСТІЙ

о первыхъ пособникахъ Екатерины Великой.

Полагая, что читателямъ „Осмнадцатаго Вѣка" любопытно будетъ узнать нѣкоторыя подробности о лицахъ, которыя играли болѣе или менѣе видную роль въ событіи, возведшемъ на престолъ Екатерину Великую, сообщаю свѣдѣнія о нихъ, на сколько они мнѣ извѣстны, излагая оныя какъ можно короче.

I.

Лицъ, оказавшихъ наибольшее усердіе Екатеринѣ, было числомъ сорокъ, и они получили особыя награды. (См. Русск. Арх., 1864. Изд. 2, стр. 401—404). Изъ числа ихъ нечего говорить о гетманѣ-графѣ *Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ*, графѣ *Никитѣ Ивановичѣ Панинѣ*, генералъ-аншефѣ князѣ *Михаилѣ Никитичѣ Волконскомъ*, графахъ *Григоріѣ*, *Алексѣѣ* и *Ѳедорѣ Григорьевичахъ Орловыхъ*, фельдмаршалѣ князѣ *Валентинѣ Платоновичѣ Мусинѣ-Пушкинѣ*, фельдмаршалѣ князѣ *Григоріѣ Александровичѣ Потемкинѣ*, оберъ-гофмаршалѣ князѣ *Ѳедорѣ Сергѣевичѣ Барятинскомъ*, генералъ-аншефѣ *Петрѣ Богдановичѣ Пассекѣ*, тайномъ совѣтникѣ *Григоріѣ Николаевичѣ Теплову*, генералъ-аншефѣ *Ѳедорѣ Ивановичѣ Вадковскомъ*, актерѣ *Ѳедорѣ Григорьевичѣ Волковѣ* и статсъ-дамѣ княгинѣ *Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой*. Біографіи этихъ 14 лицъ достаточно извѣстны, такъ какъ они играли видную роль въ послѣдствіи. Здѣсь сообщатся имѣющіяся свѣдѣнія лишь о тѣхъ, которые не были столько на виду, но не должны быть забыты, какъ главные участники важнаго въ исторіи Россіи событія.

1. *Бредихинъ, Сергѣй Александровичъ.* Л. Г. Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ, былъ камеръ-юнкеромъ, а

потомъ камергеромъ и женился на княжнѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ Голицыной (род. 10 Іюля 1744, ум. 8 Мая 1781), родной сестрѣ князя Ивана Ѳедоровича (1731—1798), любимца Петра III, которому онъ всегда оставался вѣренъ. (См. о немъ ниже).

2. *Баскаковъ, Михаилъ*, Л. Г. Преображенскаго полка капитанъ-[illegible], [illegible]ръ-[illegible]ромъ. Кажется, онъ былъ сынъ Алексѣя Петровича Баскакова, бывшаго президента ревизіонъ-коллегіи. Въ 1[illegible] году въ Перновѣ былъ комендантомъ генералъ-лейтенантъ Баскаковъ. Но едва ли это былъ сподвижникъ дня 28 Іюня 1762 г., о которомъ послѣ 1764 года свѣдѣній нѣтъ.

3. *Протасовъ, Григорій Григорьевичъ*, Л. Г. Преображенскаго полка поручикъ, былъ въ 1777 году тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и камергеромъ, и получилъ тогда Аннинскую ленту. Въ 1771 году, будучи президентомъ главнаго Московскаго магистрата, былъ въ числѣ судей Пугачева. Онъ былъ двоюроднымъ братомъ камеръ-фрейлины графини Анны Степановны Протасовой и чрезъ нее находился въ родствѣ съ Орловыми.

4. *Чертковъ, Графъ Александровичъ*, Л. Г. Преображенскаго полка поручикъ, былъ въ 1777 году тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ и получилъ Аннинскую ленту, а 22 Сентября 1793—Александровскую.

5. *Захаръ Ѳедоровичъ Дубинскій*, Л. Г. Преображенскаго полка поручикъ, род. 1743, ум. 1765. Это былъ четвертый изъ пяти сыновей духовника Императрицы Елизаветы, Ѳедора Яковлевича Дубинскаго, возведеннаго ею въ потомственное дворянство 10 Апрѣля 1761 года.

6. *Стукишинъ, Иванъ Васильевичъ*, Л. Г. Преображенскаго полка поручикъ, былъ въ 1793 году генералъ-поручикомъ и 11 Февраля этого года получилъ Александровскую ленту. Онъ былъ намѣстникомъ Нижегородскимъ и Пензенскимъ, и о немъ есть свѣдѣнія въ „Воспоминаніяхъ“ Вигеля.

7. *Рославлевъ, Николай Ивановичъ*, Л. Г. Измайловскаго полка премьеръ-маіоръ. Будучи въ чинѣ генералъ-маіора и въ означенной должности, получилъ въ день коронаціи Екатерины II, 22 Сентября 1762, Аннинскую ленту. Но вскорѣ онъ впалъ въ немилость и оставилъ дворъ и службу, какъ

принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлѣ Хитрова. (См. ниже, № 15.)

8. *Рославлевъ, Александръ Ивановичъ*, Л. Г. Измайловскаго полка капитанъ, младшій братъ предыдущаго, раздѣлилъ его участь.

9. *Голицынъ, князь Петръ Алексѣевичъ*, Л. Г. Измайловскаго полка капитанъ, род. 6 Апрѣля 1731, ум. 4 Мая 1810. Онъ былъ въ 1767 году камергеромъ, секундъ-маіоромъ этого полка и 26 Января получилъ Анненскую ленту; въ 1782 году 24 Ноября—Александровскую, будучи оберъ-егермейстеромъ, а 2 Сентября 1793—Андреевскую, состоя въ той же должности и будучи сенаторомъ.

10. *Похвисневъ, Михаилъ Семеновичъ*, Л. Г. Измайловскаго полка капитанъ. Былъ въ послѣдствіи камергеромъ, тайнымъ совѣтникомъ и почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, гдѣ былъ въ 1771 году помощникомъ знаменитаго Еропкина въ дѣлѣ о прекращеніи чумы.

11. *Вырубовъ, Петръ Ивановичъ*, Л. Г. Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ, былъ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ, тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и камергеромъ и въ этихъ должностяхъ получилъ: въ 1777 году Анненскую ленту, а 22 Сентября 1793 года Александровскую. Въ 1774 году былъ въ числѣ судей Пугачева, ум. 1804 г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ.

12. *Обуховъ, Иванъ Васильевичъ*, Л. Г. Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ, былъ тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ и получилъ ленты Анненскую и Александровскую вмѣстѣ съ П. И. Вырубовымъ.

13. *Всеволожскій, Сергѣй Алексѣевичъ*, Л. Г. Измайловскаго полка прапорщикъ. 11-го Сентября 1763 Императрица опредѣлила его исправлять секретарскую должность въ Сенатѣ, при столѣ оберъ-секретаря Николая Гурьева; потомъ онъ былъ генералъ-поручикомъ. Женился на Екатеринѣ Андреевнѣ Зиновьевой. Дочь его княгиня Софья Сергѣевна Мещерская (род. 1775 г. ум. 1848), извѣстна была своимъ умомъ и набожностію и пользовалась дружбой Императора Александра I.

14. *Всеволожскій, Илья Алексѣевичъ*, Л. Г. Измайловскаго полка прапорщикъ (родной братъ показанныхъ подъ №№

13 и 20) былъ камеръ-юнкеромъ; но послѣ 1767 года о немъ свѣдѣній не имѣется.

15. *Хитрово, Федоръ Алексѣевичъ*, Л. Г. Коннаго полка секундъ-ротмистръ. Онъ былъ сынъ генералъ-поручика и камергера Алексѣя Андреевича Хитрова (род. 1700 г., ум. 23 Мая 1766 г.) и родной племянникъ, по своей матери, фельдмаршаловъ графовъ П. И. и А. И. Шуваловыхъ. Онъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ въ день коронаціи Екатерины, 22 Сентября 1762 г. Но вскорѣ онъ вооружился противъ честолюбія Орловыхъ и сталъ громко порицать дѣйствія Екатерины по поводу интригъ Бестужева и другихъ, желавшихъ обвѣнчать ее съ Г. Г. Орловымъ. За это онъ былъ удаленъ тогда отъ двора и службы (хотя изъ полковыхъ списковъ исключенъ только въ Декабрѣ 1764) и высланъ изъ столицъ, не смотря на то, что Императрица сама признавала его главнымъ пособникомъ въ привлеченіи на ея сторону конной гвардіи. Съ нимъ пострадали два Рославлева (См. выше №№ 7 и 8), и еще одинъ изъ сподвижниковъ дня 28-го Іюня. Можно полагать, что это былъ Ласунскій (см. ниже, подъ № 26). Пожалованныя Хитрову въ 1762 году 800 душъ находились въ Тверской губерніи, въ Калязинскомъ уѣздѣ. По смерти его, дѣти его, поручикъ Николай и дѣвицы Катерина и Наталья, живя въ Москвѣ, до такой степени притѣсняли всячески этихъ крестьянъ, что Императрица 11 Мая 1794 предписала Н. П. Архарову принять противъ этого строгія мѣры и стараться заставить ихъ продать имѣніе надежному человѣку.

16. *Ржевскій, Александръ Ильичъ*, Л. Г. Коннаго полка секундъ-ротмистръ (род. 13 Августа 1726 г., умеръ 11 Октября 1800), двоюродный братъ Хитрова и первый, сдѣлавшій на него доносъ Орловымъ. Въ день коронаціи Екатерины, 22 Сентября 1762 г. онъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ. Въ 1767 году 29 Сентября онъ выбылъ изъ полка, будучи ротмистромъ. Потомъ онъ былъ камергеромъ и женился на Елизаветѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой (род. 23 Апрѣля 1766 г., ум. 21 Іюля 1841 г.).

17. *Несвицкій, князь Иванъ Васильевичъ*, Л. Г. Коннаго полка секундъ-ротмистръ. Пожалованъ камеръ-юнкеромъ въ день коронаціи Екатерины, 22 Сентября 1762 г. Выбылъ изъ под-

ка въ 1764 году. Будучи тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ, получилъ въ 1777 году Анненскую ленту, а 22 Сентября 1793 — Александровскую. Въ коронацію Павла I, въ Апрѣлѣ 1797, онъ получилъ Андреевскую ленту, а потомъ былъ оберъ-шенкомъ. Умеръ 15 Апрѣля 1806 г.

18. *Дубянскій, Михаилъ Ѳедоровичъ*, унтеръ-шталмейстеръ, бывшій до 4 Іюня 1762 секундъ-ротмистромъ Л. Г. Коннаго полка. Потомъ былъ унтеръ-егермейстеромъ и полковникомъ. Это былъ старшій сынъ Ѳедора Яковлевича Дубянскаго. (См. выше, № 5). Онъ умеръ въ чинѣ бригадира въ 1776 году. Сынъ его (отъ брака съ Натальей Ѳедоровной №№) бригадиръ Ѳедоръ Михайловичъ, отличный музыкантъ, утонулъ въ Невѣ 3 Августа 1796, по поводу чего Державинъ написалъ стихи „Потопленіе", а Дмитріевъ „Эпитафію".

19) *Бибиковъ, Василій Ильичъ*, корпуса инженеровъ капитанъ-поручикъ, большой другъ Орловыхъ, единокровный братъ знаменитаго Александра Ильича Бибикова. Онъ былъ камеръ-юнкеромъ, управлялъ долгое время Русскимъ придворнымъ театромъ съ 1767 года, пожалованъ былъ потомъ камергеромъ и тайнымъ совѣтникомъ, а въ 1777 году получилъ Анненскую ленту. Онъ считался въ молодости большимъ щеголемъ, и въ 1768 году одинъ онъ, при дворѣ Екатерины, имѣлъ красный суконный кафтанъ, шитый золотомъ. Роскошь сдѣлала вскорѣ послѣ того великіе успѣхи.

20) *Всеволожскій, Всеволодъ Алексѣевичъ*, арміи поручикъ, былъ оберъ-прокуроромъ сената, потомъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и камергеромъ и, числясь таковымъ, получилъ 23 Іюня 1768 года Анненскую ленту, а 22 Сентября 1793 — Александровскую и умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ ѣздилъ въ 1771 году въ Москву съ Г. Г. Орловымъ, для принятія мѣръ противъ чумы, а въ 1774 году находился въ числѣ судей Пугачева.

21) *Еропкинъ, Алексѣй Михайловичъ*, статскій совѣтникъ. Въ Декабрѣ 1762 года онъ былъ членомъ коммиссіи по дѣлу объ Иркутскомъ слѣдователѣ Крыловѣ. Вскорѣ онъ умеръ. Въ Декабрѣ 1764 году его ужъ не было на свѣтѣ.

22) *Шкуринъ, Василій Григорьевичъ*, гардеробмейстеръ. Онъ умеръ въ осьмидесятыхъ годахъ тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ.

23, 24) *Шкурина*, жена его и *Шарогородская*, Катерина Ивановна, камеръ-юнгфера, долго продолжали служить Екатеринѣ и пользоваться ея милостями.

25) *Волковъ*, *Григорій Григорьевичъ*, купеческій сынъ, братъ актера (съ которымъ вмѣстѣ получилъ дворянство отъ Екатерины, по вступленіи ея на престолъ) служилъ потомъ по придворному вѣдомству. Въ спискахъ 1767 года онъ значится титулярнымъ совѣтникомъ, служащимъ въ придворной цальмейстерской конторѣ.

26) *Ласунскій*, *Михаилъ*, Л.-Гв. Измайловскаго полка капитанъ; о немъ еще никакихъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ. (Догадку о Ласунскомъ, см. выше, подъ № 15).

Весьма не многимъ знакомы слѣдующія подробности. Извѣстно, что когда подъ вечеръ 28 Іюня 1762 Екатерина повела войска въ Петергофъ, то она надѣла мундиръ молоденькаго гвардейскаго офицера и отправилась изъ столицы верхомъ во главѣ войска. Мундиръ этотъ принадлежалъ офицеру лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка *Александру Ѳедоровичу Талызину*. Талызинъ былъ вскорѣ пожалованъ камеръ-юнкеромъ. Потомъ онъ женился на Марьѣ Степановнѣ Апраксиной, младшей дочери извѣстнаго фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина (1702—1759) и дослужился до чина тайнаго совѣтника. Мундиръ его, въ которомъ императрица дѣлала походъ въ Петергофъ, съ приколотою къ нему въ то время наскоро Андреевскою звѣздою, былъ потомъ подаренъ ею на память Талызину и хранится доселѣ въ цѣлости, вмѣстѣ съ другими семейными драгоцѣнностями, въ подмосковномъ селеніи Ольговѣ, Дмитровскаго уѣзда, принадлежащемъ нынѣ правнуку фельдмаршала камергеру Виктору Владиміровичу Апраксину, къ которому перешло это имѣніе.

Княгиня Дашкова тоже надѣла предъ походомъ въ Петергофъ гвардейскій мундиръ поручика Пушкина. Если не ошибаюсь, это былъ молодой сослуживецъ ея мужа, *Михаилъ Алексѣевичъ Пушкинъ* (отецъ извѣстнаго въ послѣдствіи острякa и стихотворца Алексѣя Михайловича Пушкина), сосланный въ 1772 году въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ.

Въ событіяхъ этого времени приняли также важное участіе: адмиралъ *Лукьянъ Ивановичъ Талызинъ*, утвердившій за Екатериною Кронштадтъ и Піемонтецъ *Одаръ* (Odart), служившій при Екатеринѣ по счетной части и рекомендованный ей княгинею Дашковою, которая хотя и отрицала потомъ значеніе его въ переворотѣ, но не менѣе того въ немъ нельзя сомнѣваться.

Замѣчательно, что извѣстный въ послѣдствіи таинственный графъ *Сенъ-Жермень*, бывшій въ то время въ Петербургѣ, большой пріятель Орловыхъ, тоже игралъ какую-то впрочемъ еще вовсе неразъясненную роль въ переворотѣ.

Изъ придворныхъ и знатныхъ лицъ, кромѣ исчисленныхъ въ началѣ этой статьи, окружали Екатерину въ числѣ первыхъ ея пособниковъ: знаменитый *Иванъ Ивановичъ Шуваловъ* (1727—1797) и сдѣлавшіеся потомъ весьма извѣстными: генералъ-поручикъ графъ *Яковъ Александровичъ Брюсъ* (1732—1791) и камергеръ графъ *Александръ Сергѣевичъ Строгановъ* (1734—1811).

Знаменитые въ послѣдствіи соотечественники наши *Державинъ* (1743—1816) и *Новиковъ* (1744—1818), будучи тогда солдатами гвардейскихъ полковъ: первый—Преображенскаго, а второй—Измайловскаго, принимали участіе въ событіяхъ 28 Іюня 1762, какъ и прочіе нижніе чины гвардіи.

II.

Теперь считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о лицахъ, колебавшихся, какую принять сторону, или перешедшихъ вскорѣ на сторону Екатерины.

1) Фельдмаршалъ графъ *Минихъ* (1683—1767), по всѣмъ отзывамъ, оставался вѣренъ Петру III до самаго его отреченія отъ престола. Отважныя дѣйствія его извѣстны всякому. Послѣ совершившагося факта, онъ почелъ долгомъ присягнуть на вѣрную службу Государынѣ.

2) Канцлеръ графъ *Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ* (1714—1767) пріѣхалъ изъ Петергофа отъ Петра III и сталъ уговаривать Екатерину не возставать противъ него. Но Императрица возразила ему коротко и повелительно, и его повели присягать. По словамъ княгини Дашковой, рѣчь канц-

лера была весьма двусмысленна. Кастера говоритъ, что онъ попросилъ послѣ присяги, чтобы къ нему приставили офицера въ видѣ стражи, чтобы не оставить сомнѣнія въ его дѣйствіяхъ, что и было исполнено, и что такимъ образомъ канцлеръ вмѣстѣ заискалъ довѣріе Екатерины и обезопасилъ себя на случай ея неудачи, ибо могъ выставить себя передъ Петромъ III за арестованнаго сторонника его. Кастера и Рюльеръ утверждаютъ, что княгиня Дашкова испросила 29 Іюня ему и прочимъ членамъ своего семейства прощеніе (см. ниже, №№ 8 и 9). Онъ былъ потомъ въ милости при Дворѣ.

3) Фельдмаршалъ графъ *Александръ Ивановичъ Шуваловъ* (1710—1771) пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Петергофа отъ Петра III съ тѣмъ, чтобы отвлечь гвардію отъ содѣйствія Екатеринѣ и, если можно, арестовать или умертвить ее. Но его безъ сопротивленія привели къ присягѣ. Въ послѣдствіи онъ не имѣлъ никакого значенія

4) Фельдмаршалъ князь *Никита Юрьевичъ Трубецкой* (1700—1768) игралъ, до присяги Екатеринѣ включительно, ту же роль, какъ и графъ Шуваловъ. Потомъ онъ участвовалъ въ походѣ Екатерины въ Петергофъ, гдѣ гвардія хотѣла убить его, считая за измѣнника, и сама Императрица приказала ему уѣхать, чтобы спасти его. Значеніе его потомъ тоже было ничтожно.

5) Вице-канцлеръ князь *Александръ Михаиловичъ Голицынъ* (1723—1807) былъ посланъ Петромъ III въ Сергіевскую пустынь на встрѣчу къ Екатеринѣ, съ первымъ письмомъ, въ которомъ Государь предлагалъ ей раздѣлить его власть; но оно осталося безъ отвѣта. Голицынъ перешелъ на сторону успѣха. Въ 1773 году былъ переименованъ въ оберъ-камергеры.

6) Генералъ-фельдцейхмейстеръ Александръ Никитичъ *Вильбоа*, расположенный лично къ Екатеринѣ, явился къ ней, когда она уже была окружена гвардіею и просилъ ее подумать о послѣдствіяхъ ея дѣйствій. Но на рѣзкій отвѣтъ Екатерины, сказалъ: „повинуюсь“ и рѣшительно принялъ ея сторону. Онъ вышелъ въ отставку 1-го Января 1763 года.

7) Генералъ-маіоръ Михаилъ Львовичъ *Измайловъ*, врагъ Екатерины (сынъ Льва Васильевича, посла Петра I въ Ки-

таѣ) пріѣхалъ къ Императору въ Петергофъ изъ Петербурга чтобы извѣстить его о происходившемъ въ столицѣ и получилъ отъ него начальство надъ Голштинскими войсками. Потомъ Петръ послалъ его къ Екатеринѣ на встрѣчу со вторымъ письмомъ, въ которомъ просилъ ее позволить ему уѣхать въ Голштинію. Встрѣтивши несогласіе на это и увидѣвши, что все клонится къ торжеству Екатерины, Измайловъ вызвался предупредить междоусобіе и повезти Петру требованіе объ отреченіи отъ престола. Онъ исполнилъ это порученіе съ успѣхомъ, обезоруживалъ потомъ Голштинскихъ солдатъ и привезъ Петра III въ Петергофъ, откуда онъ уже былъ отправленъ въ Ропшу. Въ тотъ же день получилъ онъ Александровскую ленту; въ 1768 году произведенъ въ генералъ-поручики, а въ 1769 — вышелъ въ отставку и умеръ бездѣтенъ въ 1799 году.

8) Генералъ-аншефъ *графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ* (1707—1783) отецъ княгини Дашковой и отецъ любимицы Петра III фрейлины графини Елизаветы Романовны Воронцовой, былъ арестованъ въ Петербургѣ. Княгиня Дашкова увѣряетъ, что это была ошибка, ибо стража, подъ командой офицера *Каковинскаго*, дана была ему только для охраны. Кастера и Рюльеръ говорятъ, что ему испросила 29 Іюня прощеніе княгиня Дашкова (см. выше, № 2.)

Онъ былъ притомъ намѣстникомъ Владимирскимъ и Костромскимъ.

9) Фрейлина *графиня Елизавета Романовна Воронцова*, (1739 — 1792), любимица Петра III, раздѣлила во всемъ участь своего отца. При поѣздкѣ ея съ Петромъ III въ Кронштадтъ и обратно, невольными спутницами ихъ на галерѣ были между прочимъ: *графиня Прасковья Александровна Брюсъ*, *графиня Анна Михайловна Воронцова* (мужья коихъ находились въ Петербургѣ при Екатеринѣ, о чемъ см. выше) и фрейлины графини *Наталья* и *Елизавета Кириловны Разумовскія*. Въ послѣдствіи графиня Воронцова вышла замужъ за Александра Ивановича Полянскаго, и Екатерина оказывала ей разныя милости.

Изъ любимцевъ Петра III, оберъ-шенкъ *Александръ Александровичъ Нарышкинъ* (1726 — 1795), шталмейстеръ *Левъ Александровичъ Нарышкинъ* (1733 — 1799), генералъ-поручикъ

Алексѣй Петровичъ Мелыуковъ (1722—1788) и секретарь тайнаго совѣта *Дмитрій Васильевичъ Волковъ* (умеръ 1785) немедленно доказали преданность Екатеринѣ. Говорятъ, что Волковъ былъ сначала арестованъ ею на короткое время. Всѣ они впрочемъ сдѣлались при ней, какъ извѣстно, значительными людьми въ государствѣ, первые два—при дворѣ, а послѣдніе какъ намѣстники и вообще высшіе администраторы. Генералъ-прокуроръ *Александръ Ивановичъ Глѣбовъ* (умеръ 1790) изъ первыхъ передался на сторону Екатерины и продолжалъ при ней свою службу. Біографіи этихъ пяти лицъ достаточно извѣстны, чтобы не говорить здѣсь о нихъ болѣе.

Называютъ еще полковника *Олсуфьева*, который колебался пристать къ сторонѣ Екатерины съ полкомъ своимъ, стоявшимъ на Петергофской дорогѣ, но былъ увлеченъ подоспѣвшими гвардейцами и присоединился къ нимъ.

III.

Наконецъ сообщаю свѣдѣнія о тѣхъ, которые остались вѣрными Петру III въ его несчастіи.

1) Фельдмаршалъ *Принцъ Георгъ Голштинскій*, дядя Петра III, пожалованный имъ въ *полковники* конной гвардіи (примѣръ небывалый въ гвардейскихъ полкахъ до 1797 года), хотѣлъ, по словамъ однихъ — бѣжать изъ Петербурга, а по словамъ другихъ — попытаться остановить движеніе полка въ пользу Екатерины. Какъ бы то ни было, но конно-гвардейцы, ненавидѣвшіе его, увидѣли его, избили и разграбили его домъ. Императрица послала къ нему караулъ, отчасти для надзора, отчасти для его охраны, и онъ пробылъ подъ стражей до 12 Іюля, когда уѣхалъ въ свое отечество. Умеръ въ 1763 году.

2 и 3) *Князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ* (1731—1793) и *графъ Андрей Васильевичъ Гудовичъ* (1731—1808), генералъ-адъютанты Петра III, не остались въ службѣ Екатерины и 34 года жили въ отставкѣ въ своихъ деревняхъ. Императоръ Павелъ I, въ Ноябрѣ 1796 года, пожаловалъ ихъ въ полные генералы и сдѣлалъ ихъ Александровскими кавалерами. (Полагали, что два другіе генералъ-адъютанта Петра III, *баронъ Карлъ Кар-*

ловичъ Унгернъ - Штернбергъ и *Андрей Гавриловичъ Чернышевъ* также оставили службу сейчасъ послѣ 28-го Іюня 1762. Но это несправедливо; они служили Екатеринѣ, первый до 1774 года, а послѣдній до самой ея кончины. Они только получили отъ Павла I въ одно и тоже время одинаковыя награды съ княземъ Голицынымъ и графомъ Гудовичемъ, какъ люди, любимые въ свое время Петромъ III.).

4) Генералъ-поручикъ *Петръ Васильевичъ Измайловъ*, управлявшій дворомъ Петра III, врагъ Екатерины, былъ немедленно по ея воцареніи уволенъ отъ службы. Умеръ въ 1772 году.

5) Генералъ-маіоръ *Иванъ Михайловичъ Измайловъ*, шефъ Невскаго кираспрскаго полка, не позволилъ своимъ подчиненнымъ принять сторону Екатерины и уволенъ былъ отъ службы немедленно по ея воцареніи. Но въ 1770 году былъ опредѣленъ на службу съ чиномъ генералъ-маіора, секундъ-маіоромъ въ конную гвардію (въ которой служилъ до 1761 года). Въ 1773 году произведенъ былъ въ генералъ-поручики и умеръ въ 1787 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и Александровскимъ кавалеромъ. Онъ былъ прадѣдомъ нынѣшняго графа Воронцова - Дашкова (отцомъ его бабки).

6) Французскій подданный *Брессанъ*, придворный парикмахеръ, отправилъ изъ Петербурга къ Петру III переодѣтаго крестьяниномъ слугу своего, съ письмомъ, извѣщавшимъ его о переворотѣ въ столицѣ. Гельбигъ говоритъ, что Петръ III пожаловалъ его статскимъ совѣтникомъ и президентомъ Мануфактуръ-Коллегіи.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о немногихъ гвардейскихъ офицерахъ, оказавшихся противниками Екатерины. Сама императрица говорила, что ихъ было только четыре, которыхъ выдали Преображенцы, говоря, что пришли позже другихъ полковъ отъ того, что были задержаны ими. По показаніямъ Рюльера и Кастеры, двое были въ заговорѣ, но не приняли участія въ движеніи. По моимъ розысканіямъ, это были слѣдующіе офицеры Преображенскаго полка.

Маіоръ *Воейковъ* рубилъ по ружьямъ и шапкамъ солдатъ, отъ которыхъ долженъ былъ наконецъ ускакать и спустить-

ся въ Фонтанку. Наканунѣ, 27 Іюня, онъ арестовалъ Пассека, что́ и подало поводъ къ началу движенія противъ Петра III. Дальнѣйшая судьба Воейкова не извѣстна.

Маіоръ *Шепелевъ*, въ противность даннаго обѣщанія, не принялъ участія въ возстаніи. Восторжествовавшая Екатерина приказала сказать ему, что не нуждается въ немъ. Не знаю, что́ сталось съ нимъ въ послѣдствіи.

Капитанъ *Петръ Исаковичъ Измайловъ* (родной дядя извѣстнаго въ послѣдствіи писателя Владиміра Васильевича Измайлова), не присталъ къ сторонѣ Екатерины и былъ немедленно по ея воцареніи уволенъ отъ службы. Павелъ I въ концѣ 1796 года принялъ его на службу. Онъ умеръ въ 1807 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и Александровскимъ кавалеромъ, награды, которыя онъ получилъ 16 Ноября 1796 года.

Капитанъ *Левъ Александровичъ Пушкинъ* (1723—1790), который также какъ и Шепелевъ, не явился въ числѣ сторонниковъ Екатерины, полагавшихъ себя въ правѣ разсчитывать на его помощь. Онъ былъ отставленъ и арестованъ. Л. А. Пушкинъ былъ роднымъ дѣдомъ знаменитаго поэта Пушкина, который посвятилъ его памяти слѣдующую строфу стихотворенія „Мѣщанинъ“:

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго Двора,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Особѣ третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы;
А дѣдъ мой — въ крѣпость, въ карантинъ!
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился — мѣщанинъ.

Михаилъ Лонгиновъ.

Орелъ. 25 Марта
1869.

Событія, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II, разслѣдованы мною такъ, что всѣ онѣ представляются мнѣ въ точной послѣдовательности, не смотря на нѣкоторыя разнорѣчія въ источникахъ, которыя я успѣлъ согласовать между собою и уяснить себѣ. Желающимъ достигнуть

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ, ПИСЬМА И БУМАГИ, КАСАЮЩІЯСЯ ЕКАТЕРИНЫ II-Й И ЕЯ ЦАРСТВОВАНІЯ.

I. О Хорватѣ (1762).

Мы имѣемъ мало свѣдѣній о генералъ-поручикѣ Иванѣ Хорватѣ, Сербскомъ уроженцѣ, переселившемся въ Россію изъ Австрійскихъ владѣній вслѣдствіе тамошнихъ гоненій за вѣру, основавшемъ Елизаветградъ и заселившемъ южные предѣлы Россіи Славянскими выходцами, на что онъ былъ уполномоченъ отъ императрицы Елизаветы особою жалованною грамотою. (См. Сборникъ Рус. Ист. Общ. I, 3). Преданіе повѣствуетъ, что, когда къ нему въ степи пришло извѣстіе о воцареніи Екатерины II-й, онъ, въ простотѣ своего Славянскаго сердца, немедленно объявилъ, что онъ съ своими Сербскими дружинами пойдетъ на помощь къ низвергнутому якобы императору Петру III-му. По всему вѣроятію, онъ и безъ того находился въ походѣ, какъ и большая часть тогдашнихъ войскъ нашихъ, направлявшихся къ сѣверозападной границѣ, для вторженія въ Данію. Поступокъ Хорвата, настоящаго вождя всей Славяносербіи, имѣлъ довольно важное государственное значеніе, особливо по случаю враждебныхъ движеній Крымскаго хана, который, по наущенію Фридриха II-го, уже выступилъ въ походъ про-

---

подобнаго результата, совѣтую подвергнуть сличенію и критикѣ слѣдующія свидѣтельства: 1., *Екатерины II.* (La cour de la Russie il y a cent ans, 1858, стр. 202—216, прим.). 2., Англійскаго посла *Кейта* (Ibid., стр. 202—212). 3., Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ *Беранже* и др. (Ibid., стр. 213—220). 4., *Княгини Дашковой* („Записки", Русск. пер., Лондонъ, 1859, стр. 40—75). 5., *Рюльера.* („Histoire et anecdotes", Ed. de Paris, 1797. стр. 53—120). 6., *Кастеры* („Vie de Catherine II", Ed. de Paris, 1797, т. I, стр. 121—168). 7., *Державина.* („Записки", 1860, стр. 19—23). Я пользовался еще многими другими источниками. Впрочемъ въ настоящей статьѣ я говорю только *о лицахъ*, а не о событіяхъ и для краткости не обременяю ее ссылками для подкрѣпленія моихъ указаній. Скажу только, что въ нихъ нѣтъ ничего произвольнаго и не основаннаго на источникахъ, достойныхъ довѣрія. *Прим. М. Лонгинова.*

тивъ Россіи съ значительнымъ войскомъ. (См. XVIII-й Вѣкъ, I, 45). Кромѣ того видно, что на Хорвата поступали въ Петербургъ какія-то жалобы. Нижеслѣдующее, драгоцѣнное письмо Екатерины о Хорватѣ печатается съ подлинника, случайно пріобрѣтеннаго въ Петербургѣ въ одной мелочной лавочкѣ г. Труворовымъ и сообщеннаго намъ. Дальнѣйшая судьба Хорвата въ точности намъ неизвѣстна. Говорятъ, что онъ бы[illegible] въ Сибирь, но возвращенъ оттуда Екатериною. [illegible] его, Георгій и Осипъ Ивановичи, съ чести[illegible] въ нашихъ войскахъ. *И. Б.*

Указъ нашему генералу-аншефу и генералъ-губернатору Кіевскому Глѣбову.

Хотя въ присутствіи Нашемъ повелѣли мы къ вамъ отправить изъ Сената Нашъ указъ, чтобы вы произвели слѣдствіе надъ Хорватомъ для удобности, въ самой Новой Сербіи и что по тому будетъ происходить, репортовали бы въ Нашъ Сенатъ: однакожъ въ дополненіе того Мы, всемилостивѣйше полагая надежду, что вы поступите въ семъ дѣлѣ по извѣстному Намъ вашему добросовѣстію съ такимъ безпристрастіемъ, каковаго Мы всегда отъ васъ надѣемся, повелѣваемъ: не взирая ни на какое лицепріятіе, ниже угождая кому либо, но единственно наблюдая правду сущую и Нашъ особливой въ семъ дѣлѣ интересъ, оное слѣдствіе такъ произвести и окончать, чтобы Намъ послѣ сего не оставалося какъ съ твердымъ удостовѣреніемъ дать послѣднюю конфирмацію, въ чемъ Мы на васъ и благонадежны. А для лучшаго и скорѣйшаго Намъ обо всемъ свѣдомства, повелѣваемъ вамъ присылать къ Намъ особливые такіе же репорты, каковые отъ васъ отправляемы будутъ въ Сенатъ, и чтобъ его Хорвата при самомъ началѣ дѣла, такъ какъ уже отрѣшеннаго отъ команды, содержать подъ надежнымъ присмотромъ, дабы какъ онъ куда не скрылся, такъ и обиженные, безъ устрашенія и робости, а паче безъ чаянія будущаго каковаго либо отъ него отомщенія, могли за обиды свои приносить жалобы. „Екатерина

Пожалуй поступайте во всѣмъ какъ я отъ вашей мнѣ извѣстная честность ожидаю, и присмотри давайте Харвату такіе, которіе ево безъ нужда не обижали бъ.“

1762 года Іюля дня.

Означенное кавычками писано собственноручно. Число мѣсяца не означено; но вѣроятно письмо писано во второй половинѣ Іюля.

II. О Мировичѣ.

Дѣло Мировича до сихъ поръ остается не вполнѣ раскрытымъ, хотя оно издавна привлекаетъ къ себѣ пытливую любознательность людей, занимающихся исторіею. Двое нашихъ государственныхъ людей, князь В. П. Кочубей и графъ Д. Н. Блудовъ составили о Мировичѣ историческія записки (изъ коихъ одна напечатана въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1860, кн. 3; а другая въ приложеніяхъ къ извѣстной книгѣ Ковалевскаго о гр. Блудовѣ); но обѣ онѣ далеко не исчерпываютъ предмета и многое оставляютъ неразъясненнымъ. Мы приводимъ здѣсь прежде всего выборку изъ писемъ Государыни по этому предмету къ (графу) Н. И. Панину, въ вѣдѣніе котораго Екатерина, съ самаго своего восшествія, поручила Шлиссельбургскаго узника и который, во время умерщвленія его, первенствовалъ въ дѣлахъ государственныхъ: по случаю отъѣзда государыни въ Прибалтійскія губерніи, самое начальство надъ столицею было предоставлено графу Панину. Екатерина выѣхала изъ Петербурга 20 Іюня 1764 г., распорядившись, чтобы Павла Петровича везли къ ней въ Лифляндію, если въ отсутствіе ея начнутся безпокойства (см. Рижскій Вѣстникъ 1869 года, въ біографіи Ю. Ю. Броуна). Въ ночь злосчастнаго приключенія, Государыня находилась въ Перновѣ и получила ужасное извѣстіе вѣроятно по дорогѣ въ Ригу, гдѣ ей предстояло секретное свиданіе съ будущимъ королемъ Польскимъ Станиславомъ Понятовскимъ.

Читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстны общія подробности въ дѣлѣ Мировича замысившаго возвратить Русскій престолъ 24 лѣтнему Іоанну Антоновичу, вслѣдствіе чего онъ и былъ умерщвленъ въ ночь съ 4 на 5 Іюля 1764 своими приставами Власьевымъ и Чекинымъ, которые въ этомъ случаѣ исполнили заранѣе данное имъ повелѣніе. У насъ и въ чужихъ краяхъ обыкновенно думаютъ, что повелѣніе это подписано было Екатериною II-ю; между тѣмъ какъ существуетъ неопровержимое извѣстіе, доказывающее, что къ такому распоряженію прибѣгла еще императрица Елизавета, и оно слѣд. не было отмѣнено и Петромъ III-мъ, посѣщавшимъ Іоанна Антоновича въ Шлюссельбургѣ. Извѣстный Арсеній Мацѣевичъ, коего никакъ нельзя заподозрить въ приверженности къ Екатеринѣ, въ 1767 году на вторичномъ своемъ допросѣ не отрекся отъ слѣдующихъ словъ своихъ: „У приставленныхъ къ нему (Іоанну Антоновичу) офицеровъ дана была инструкція *отъ покойной* государыни, въ коей велѣно было, что если кто для взятья его приступать будетъ, то бъ его живаго не отдавать, а умертвить.“ (Чтенія 1862, кн. 3-я, Смѣсь, стр. 166).

ПРИЛОЖЕНІЕ II

а) *Письма Екатерины II-й къ графу Н. И. Панину.*

1.

Никита Ивановичъ! Господинъ Кашкинъ повезъ къ Вамъ три мои письма, а вчерашній день получила я отъ Васъ еще письмо съ репортами изъ Шлюссельбурга и также Вашу корреспонденцію съ господиномъ Неплюевымъ. Я надѣюсь, что нынѣ уже все сіе пресѣчется, понеже до Вашихъ рукъ неотмѣнно дошелъ уже указъ мой Веймарну, которому придайте Кашкина, дабы какое несходство не произошло: никто лутче сего послѣдняго дѣла изъяснить неможетъ. Я вчерашній день была въ Митавѣ и видѣла бископа Виленскаго. Онъ человѣкъ лѣтъ двадцати шести. Кажется, уменъ и при мнѣ скроменъ былъ; но сказывалъ мнѣ герцогъ, что наканунѣ того дня онъ показывалъ великое кваснотство, и герцогъ весьма разумно ему (естьли вѣрить его словамъ) отвѣтствовалъ. Онъ, бископъ, и за столомъ сидѣлъ съ хозяиномъ противъ меня, а герцогиня по правую сторону возлѣ меня, а гетманъ съ лѣвой. Герцогъ принялъ меня съ великолѣпіемъ: и медаль нарочно сдѣлалъ для пріему, и деньги кидалъ въ народъ. Послѣ стола я сюда обратно пріѣхала; хотя они усильно просили, чтобъ я ночевала, но я сказала, что я здѣсь слово дала до вечерней зари (которую я до возвращенія своего бить невелѣла) возвратиться. При семъ двѣ медали въ гостинецъ Великому Князю и къ Вамъ посылаю. Завтра я отсель къ Вамъ въ обратный путь поѣду. Народъ здѣшней ждалъ моего пріѣзда изъ Митавы до перваго часа за полночь и, какъ увидѣли мою карету, то съ виватомъ проводили меня до моего дома. Je vous écris ceci, pour vous montrer, que les Livoniens commencent à avoir des influences de leurs conquérants (*). Сейчасъ получила письмо Ваше отъ 10 числа Іюля, изъ котораго съ удовольствіемъ усмотрѣла, что сынъ мой здоровъ и что репорты изъ Шлюссельбурга не требуютъ резолюціи. Екатерина.

(*) Пишу вамъ объ этомъ, чтобы показать, что Ливонцы начинаютъ находиться подъ вліяніемъ своихъ завоевателей.

2.

Никита Ивановичъ! Я получила сегодни куріера отъ Выборгскаго губернатора съ репортами, кои при семъ къ Вамъ посылаю. Вы можете по онымъ приказать генералъ-поручику Веймарну, чтобъ онъ, отыскавъ того ундер-офицера (которой, будучи при слюзахъ, доносилъ своему командиру ассессору Беку, что онъ видѣлъ прибывшія изъ Петербурга въ Слюсенбургъ шлюбки съ людьми въ маскахъ) его допросилъ, подлинно ли онъ видѣлъ, и старался бы всячески развѣдывать, не откроется ль чрезъ это какихъ сообщниковъ извѣстному бунту. Екатерина. Рига Іюля 14 дня 1764.

3.

Никита Ивановичъ! Радуюсь, что сынъ мой здоровъ; въ Воскресеніе сама надѣюсь его и Васъ увидѣть. Письмо господина Веймарна къ Вамъ обратно посылаю; я не ошиблась о истинѣ Выбургскихъ извѣстій, однако я въ семъ дѣлѣ не хотѣла ничего пропустить, чтобъ могло служить къ свѣдѣнію истины. Братъ Вашъ, у котораго Мировичъ былъ адъютантомъ (*), сказываетъ про него, что онъ лжецъ и безстыдный человѣкъ, и при томъ трусъ великой. Екатерина.

4.

Никита Ивановичъ! Два письма Ваши, отъ 14 и 15 числа Іюля, я получила вчера и сегодня. Кажется, Веймарнъ съ умомъ взялся за дѣла, чему свидѣтельствуетъ приказъ, въ крѣпость Шлюссельбургскую имъ отданной. Вашими распоряженіями я нынѣ, какъ по большой части и всегда, весьма довольна. Я теперь двѣ версты подъ Дерптомъ нахожусь; а какъ свита моя отъ большихъ песковъ еще не вся съѣхалась, то до завтра здѣсь останусь, а тамъ поѣду до Петергофа. Іюля 18 числа, 1764.

5.

Никита Ивановичъ. Мнѣ сказывалъ Иванъ Ивановичъ (**), что Вы находились въ нѣкоторомъ inquiétude (***), правятся ли

(*) Такимъ образомъ обнаруживается нѣкоторая (хотя по всему вѣроятію и случайная) связь графа П. И. Панина и съ Мировичемъ, который состоялъ при немъ вѣроятно во время Семилѣтней войны.

(**) Веймарнъ.

(***) Безпокойствѣ.

мнѣ Вами взятыя мѣры о Шлюссельбургскомъ происшествіи; и хотя Вы, надѣюсь, уже усмотрѣли изъ писемъ моихъ мое удовольствіе о всѣхъ Вашихъ по сему дѣлу взятыхъ мѣрахъ, однакожъ, услыша вышеписанное, не хотѣла оставлять Вамъ повторить, что не токмо весьма довольна, но признаюсь, что лутче сдѣлать не можно было, какъ Вы сдѣлали, за что я весьма благодарна. Вчерашное число получила я между Нарвою и здѣшнимъ мѣстомъ вопросы и отвѣты извѣстнаго злодѣя чрезъ подполковника Кашкина; кажется, дѣло гладко. Я весьма господину Кашкину рекомендовала, чтобъ безъ крайности не прибѣгнуть къ строгости; я надѣюсь, что Вы остальные допросы для ясности предпишите господину Веймарну окончать какъ (благоразуміе) скорѣе дозволитъ, понеже я думаю, что молва народная лишь концомъ всего дѣла пресѣчется. Я въ воскресенье на куртахъ къ Вамъ буду, къ которому времени и Веймарнъ пріѣхать можетъ, и тогда уже положимъ на мѣрѣ, какъ далѣе быть. Истинно, я сама и вся свита моя столь отъ дороги устали, что, не отдыхавъ, въ городъ, гдѣ все на меня навалитъ, пріѣхать не возможно. Въ прочемъ, желаю Вамъ здравствовать. Екатерина. Изъ Гостилицъ. Іюля 22,1764.

6.

Никита Ивановичъ! Je me rejouis, que le Grand Duc se porte bien et que le mauvais temps d'hier ne lui a pas nui; je me porte bien aussi et comme disent vos gens de Schlusselbourg, qui ont tant d'esprit, все здѣсь благополучно состоитъ. Екатерина. à 3 heures, Samedi, après midi. Faites mes compliments au Grand Duc(*).

7.

Никита Ивановичъ! Не могу скрыть отъ Васъ, что я до сего утра нѣсколько безпокойна была отъ того, что о здоровьѣ Великаго Князя никакого извѣстія не имѣла. Я представляю себѣ, что скаредное Шлюссельбургское дѣло тому причина. Завтра ввечеру въ городъ буду на сутки. При семъ обратно посылаю реляціи. Желаю Вамъ здравствовать. Екатерина.

(*) Радуюсь, что Великій Князь здоровъ и что дурная вчерашняя погода не повредила ему; и также здорова и, какъ говорятъ ваши Шлюссельбурцы, у которыхъ столько ума, все здѣсь благополучно состоитъ. 3 часа, въ Суботу, по полудни. Поклонитесь отъ меня Великому Князю.

Екатерина возвратилась въ Петербургъ изъ поѣздки своей 23 Іюля; до половины Августа, т. е. около полутора мѣсяца, продолжалось слѣдствіе, производимое Кашкинымъ и Веймарномъ. Іоаннъ Антоновичъ, коего тѣло было выставлено къ всенародному прощанію, отвезенъ для погребенія въ Тихвинъ монастырь, и 17 Августа состоялся:

б) *Манифестъ о кончинѣ Іоанна Антоновича.*

Божіею милостію мы Екатерина II,

Императрица и самодержица Всероссійская и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляемъ во всенародное извѣстіе.

Когда всего Нашего вѣрноподданнаго народа единодушнымъ желаніемъ, Богъ благоволилъ вступить Намъ на престолъ Всероссійскій, и Мы, вѣдая въ живыхъ еще находящагося тогда Принца Іоанна, рожденнаго отъ Принца Антона Брауншвейгъ-Вольфенбительскаго и отъ Принцессы Анны Мекленбургской, который былъ на нѣкоторое время, какъ всему свѣту извѣстно, незаконно во младенчествѣ опредѣленъ къ Всероссійскому престолу Императоромъ, и въ томъ же еще сущемъ младенчествѣ совѣтомъ Божіимъ низложенъ на вѣки, а Скипетръ законнонаслѣдный получила Петра Великаго дочь, Наша вселюбезнѣйшая Тетка, въ Бозѣ почивающая Императрица Елисаветъ Петровна: то первое Намъ было, по принесеніи хвалы Богу Всемогущему, желаніе и мысль, по природному Нашему человѣколюбію, чтобъ сему судьбою Божіею низложенному человѣку сдѣлать жребій облегченный въ стѣсненной его отъ младенчества жизни. Мы тогда же положили сего Принца Сами видѣть (*), дабы, узнавъ его душевныя свойствы, и жизнь ему по природнымъ его качествамъ и по воспитанію, которое онъ до того времяни имѣлъ, опредѣлить спокойную. Но съ чувствительностію Нашею увидѣли въ немъ кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ почти невразумительнаго косноязычества, лишеніе разума и смысла человѣческаго. Всѣ бывшіе тогда съ нами видѣли, сколько Наше сердце сострадало жа-

(*) Гдѣ именно происходило это свиданіе?

костію человѣчеству. Всѣ напослѣдокъ и то увидѣли, что Намъ не оставалось сему нещастно-рожденному, а нещастнѣйше еще выросшему, иной учинить помощи, какъ оставить его въ томъ же жилищѣ, въ которомъ Мы его нашли затвореннаго, и дать всякое человѣческое возможное удовольствіе; что̀ и дѣломъ самимъ немедленно учинить повелѣли, хотя при томъ чувствы его лучшаго въ томъ состоянія противу прежняго уже и не требовали: ибо онъ не зналъ ни людей, ни разсудка не имѣлъ доброе отличить отъ худаго, такъ какъ и не могъ при томъ чтеніемъ книгъ жизнь свою пробавлять, а за едино блаженство себѣ почиталъ довольствоваться мыслями тѣми, въ которыя лишеніе смысла человѣческаго его приводило. Но дабы кто злоухищренный для своихъ какихъ либо видовъ не покусился иногда его обеспокоить или какимъ предпріятіемъ въ обществѣ мятежъ произвести, повелѣли Мы поставить къ нему караулъ надежный, и опредѣлить къ нему вѣрныхъ и честныхъ гарнизонныхъ двухъ офицеровъ, а именно: капитана Власьева и поручика Чекина (*), которымъ и самимъ по долговременной военной службѣ и изнуреннымъ здоровьѣ, а при томъ и неимуществу, надобно было дать вмѣсто награжденія покой и пропитаніе до конца ихъ жизни. Симъ двумъ офицерамъ Мы повелѣли его также призирать и соблюдать. Но не могли однако жъ избѣгнуть зла и коварства такого въ родѣ человѣческомъ чудовища, каковый нынѣ въ Шлиссельбургѣ съ отчаяніемъ живота своего въ ужасномъ своемъ дѣйствіи явился. Нѣкто подпоручикъ Смоленскаго пѣхотнаго полку, Малороссіянецъ Василій Мировичь, перьваго измѣнника съ Мазепою Мировича внукъ, по крови своей, какъ видно, отечеству вѣроломный, провождая свою жизнь въ мотовствѣ и распутствѣ, и тѣмъ лишась всѣхъ способовъ къ законному достиженію чести и щастія, напослѣдокъ отступилъ отъ закона Божія и присяги своей, Намъ учиненной и, не зная какъ только по единому слуху о имени Принца Іоанна, а тѣмъ меньше о душевныхъ его качествахъ и тѣлес-

(*) И такъ эти невольные убійцы приставлены самою Екатериною; слѣд. неотмѣненная инструкція объ убіеніи была ими принята отъ прежнихъ приставовъ. Иностранцы говорятъ, что 5-го же Іюля оба они уплыли на лодкѣ и потомъ прослѣдовали въ Данію, гдѣ ихъ принялъ Русскій посланникъ.

номъ сложеніи, сдѣлалъ себѣ предметъ, чрезъ какое бы то ни было въ народѣ пропролитное смятеніе, щастіе для себя возвысить.

Для исполненія сего безбожнаго и отечеству мятежнаго, а себѣ отчаяннаго намѣренія, впросился онъ на караулъ недѣльной не по очереди въ крѣпость Шлиссельбургскую во время Нашего отсутствія въ Остзейскія провинціи, и съ 4-го на 5-ое число прошлаго мѣсяца въ два часа по полуночи, разбудя вдругъ свою стоящую на гоуптъ-вахтѣ въ крѣпости команду, поставилъ во фрунтъ и велѣлъ заряжать ружья; которой шумъ услыша, комендантъ Бередниковъ вышелъ изъ своей квартеры и сталъ у самого Мировича освѣдомляться, но вмѣсто всякаго отвѣта сей бунтовщикъ ударилъ его въ голову прикладомъ и, ранивъ, арестовалъ, а потомъ съ великимъ стремленіемъ караулъ, стоящей не во многомъ числѣ у сего содержащагося въ уединеніи, оружейною стрѣльбою атаковалъ. Но пребывающими съ Принцемъ Іоанномъ безсмѣнно помянутыми двумя офицерами такъ сильно былъ встрѣченъ, что сей отчаянной бунтовщикъ Мировичь принужденъ былъ ретироваться, хотя Божіимъ сохраненіемъ, за великимъ на тотъ часъ туманомъ и положеніемъ мѣста, ни убитаго, ни раненаго отъ обѣихъ сторонъ никого не нашлося. Не могла однако жъ сего злодѣя перьвая сія неудача удержать отъ продолженія его измѣнническаго отечеству предпріятія, но крайнее уже отчаяніе, дѣйствуя въ немъ, побудило его вскорѣ пушку съ потребнымъ спарядомъ взять съ бастіона, что̀ онъ властію своею того же момента и учинилъ. Вышеупомянутые капитанъ Власьевъ и порутчикъ Чекинъ, увидя предъ собою совсѣмъ силу непреодолѣнную и неизбѣжно-предтекущее погубленіе (ежели бы сей ввѣренной былъ освобожденъ) многаго невиннаго народа отъ послѣдующаго чрезъ то въ обществѣ мятежа, приняли между собою крайнѣйшую резолюцію, пресѣчь оное пресѣченіемъ жизни одного къ нещастію рожденнаго. И такъ (въ разсужденіи томъ, что ежели бы они столь великимъ азартомъ отъемлемаго у нихъ арестанта изъ рукъ своихъ упустили, то бы сами подвержены быть могли строгости законовъ) умертвили его, не устрашась, что тѣмъ же самимъ животъ свой подвергали мучительной смерти отъ отчаяннаго столь

злодѣя. А злодѣй напротивъ того симъ ударомъ столь сильно самъ пораженъ сталъ, что, увидѣвъ мертвое предъ собою тѣло и себя причиною его смерти, въ тотъ моментъ познавъ свою дерзость и злодѣйство, а потомъ и раскаяніе тутъ же на мѣстѣ учинилъ предъ тѣми солдатами, которыхъ онъ самъ одинъ прежде часомъ лестно приводилъ на свое злодѣйство.

Такимъ образомъ оенцеры помянутые, рѣшительно пресѣкши въ самомъ дѣйствіи бунтъ, уже начавшійся, купно съ арестованнымъ Комендантомъ сами взяли бунтовщиковъ въ заключеніе, а солдатъ обратили къ должности, и о семъ хотя нещастисмъ, но Божіимъ Промысломъ вящшее зло предварившемъ приключеніи, тотъ же часъ отправили репортъ къ Нашему тайному дѣйствительному совѣтнику и сенатору Панину, у котораго они въ вѣдѣніи состояли. Помянутой сенаторъ Панинъ, давъ отъ себя на перьвой случай съ нарочно посланнымъ арміи нашей подполковникомъ Кашкинымъ, такія наставленіи, которыя могли обнадежить востановленную на мѣстѣ тишину и спокойство, къ Намъ отправилъ съ курьеромъ обстоятельное обо всемъ доношеніе. По содержанію котораго Мы повелѣли здѣшней дивизіи генералу-поручику Веймарну тамъ же на мѣстѣ произвесть слѣдствіе, которое онъ окончавъ вопросами, отвѣтами, свидѣтельствами, уликами и напослѣдокъ признаніемъ самого злодѣя, Намъ нынѣ подалъ. Мы, усмотря великость злодѣйства, сколь много оное интересуетъ цѣлое Наше Отечество во внутреннемъ его спокойствіи, посылаемъ сіе дѣло на судъ нашему Сенату, повелѣвая ему купно съ Синодомъ, призвавъ перьвыхъ трехъ классовъ Персонъ съ Президентами всѣхъ Коллегій, выслушать оное отъ генералъ-поручика Веймарна, яко производителя всего слѣдствія, и заключить въ силу государственныхъ законовъ сентенцію, которую подписавъ обще всѣмъ, внести къ Намъ на конфирмацію. Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина. Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Августа 17-го дня 1764 года.

в) *Два собственноручныхъ письма Екатерины II-й къ генералъ-прокурору князю Вяземскому во время производства суда надъ Мировичемъ* (*).

1.

Князь Александръ Алексѣевичъ. Пріѣхалъ ко мнѣ Черкасовъ и сказывалъ мнѣ, что цѣлымъ собраніемъ на него жаловаться хотятъ мнѣ. Я его голоса видѣла, и въ немъ иного не написано какъ то, что̀ ему чистое и нелицемѣрное усердіе диктовало. А какъ съ другой стороны чужестранные недоброжелательныхъ дворовъ министры по городу разсѣеваютъ, что я сама въ семъ дѣлѣ заставляю собраніе для закрывательства истинны комедію играть; сверхъ того и у насъ уже партіи дѣйствуютъ: того ради повелѣваю вамъ впредь болѣе ни присовѣтывать, ни отговаривать отъ пытокъ, но дайте большинству голосовъ совершенную волю. Екатерина.

2.

„Князь Александръ Алексѣевичъ. Мнѣ весьма удивительно, что собраніе, чѣмъ ему упражняться и окончить то, что̀ ему мной поручено, вздоромъ упражняется. Естьли они завтра также горячо за голосъ Черкасова примутся, то можете имъ представить, чтобъ они удовольствовались тѣмъ что̀ онъ изъ своего голоса вычернитъ тѣ слова, которыя ихъ тронули. При томъ вы сказать можете, сколько вы знаете, что мнѣ всякія въ Россіи несогласія и раздоры весьма противны; что они тутъ, чтобъ судить Мировича; что несогласія въ семъ собраніи суть наипаче соблазны для публики, и что сію ссору должно сократить въ разсужденіи объекта, изъ котораго она начало свое имѣетъ, и ко мнѣ для того не вносить сіе несогласіе для менажемента: ко мнѣ, которая о всемъ Мировича дѣлѣ съ крайнею чувствительностью слышитъ. Кой часъ сентенція подписана будетъ, то уже собранію не за чѣмъ болѣе кажется собраться. Однимъ словомъ, скажите инымъ на ухо, что вы знаете, что я говорю,

(*) Письма эти объясняются ниже въ «Свѣдѣніяхъ и выпискахъ изъ подлинныхъ бумагъ о Мировичѣ.»

что собраніе, чѣмъ ему порученнымъ дѣломъ упражняться, упражняется со вздоромъ и несогласіями, къ крайнему соблазну моему и публики. Вы все сіе употребить можете съ вашей обыкновенной осторожностью и по вашему разсмотрѣнію. Только отклоните отъ жалобы на Черкасова ко мнѣ и примирите ихъ всѣхъ, естьли возможно. Естьли же надежды нѣту, то пресѣките собраніе или доведите до множественнаго числа разныхъ голосовъ. А Черкасову выбиться нельзя: онъ ровной тутъ имъ. Онъ писалъ изъ усердія и съ излишней горячностью, а не болѣе".

Писано на большомъ листѣ, запечатано красною печатью съ государственнымъ гербомъ и собственноручно надписано: „князю Александру Алексѣевичу Вяземскому."

Письма эти печатаны съ подлинниковъ, хранящихся у Бориса Яковлевича Колоколова (воспитателя 1-й Московской Военной Гимназіи).

2

з) Сентенція по злодѣйскимъ винамъ Мировича и его сообщниковъ.

(Полн. Собр. Закон. Т. XVI, стр. 897—907). Сентября 15. 1764 г.

Объявляется во всенародное извѣстіе. Какова, вслѣдствіе обнародованнаго Ея Императорскаго Величества минувшаго Августа отъ 17-го дня манифеста, въ собраніи въ Правительствующемъ Сенатѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода первыхъ трехъ классовъ Особъ и Президентовъ Коллегіи, о злодѣѣ Мировичѣ и его сообщникахъ, по данной отъ ея Императорскаго Величества на сего дѣла случай полной власти въ рѣшеніи дѣла и въ надлежащемъ по тому исполненію, для будущаго потомковъ спокойствія и безопасности Государства, поступить по законамъ, по злодѣйскимъ его Мировича съ общниками важнѣйшимъ винамъ, сентенція заключена, и по оной сего Сентября 15-го дня публичная экзекуція послѣдовала, такова сентенція слова отъ слова во всенародное извѣстіе при семъ публикуется.

Будучи въ Собраніи въ Правительствующемъ Сенатѣ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, первыхъ трехъ классовъ Особы и Президенты Коллегіи, слушали состоявшійся 17-го числа минувшаго Августа, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки, манифестъ о кончинѣ Принца Іоанна, чрезъ злодѣйство бывшаго подпоручика Смоленскаго пѣхотнаго полка Василья Мировича, о чемъ слѣдованное дѣло Ея Императорское Величество, по великости злодѣйства, посылая на судъ Сенату, повелѣть ему изволила, купно съ Сѵнодомъ, призвавъ первыхъ трехъ классовъ Особъ и Президентовъ Коллегіи, выслушать оное отъ генерала-поручика Веймарна, яко всего слѣдствія производителя, заключить въ силу Государственныхъ Законовъ сентенцію, и по общемъ отъ всѣхъ подписаніи внести къ Ея Императорскому Величеству на конфирмацію. Потомъ слушали же предложенный Собранію генералъ-поручикомъ и кавалеромъ Веймарномъ, изъ произведеннаго имъ по Имянному Ея Императорскаго Величества указу, о учинившемся минувшаго Іюля на 5-е число въ Шлиссельбургской крѣпости бунтѣ, слѣдованнаго дѣла экстрактъ, его рукою подписанный, такожъ изъ слѣдственнаго дѣла принадлежащіе къ

оному подлинные документы и отвѣты бывшаго подпоручика Мировича; равнымъ же образомъ и воспослѣдовавшую на поднесенный отъ сего Собранія докладъ (которымъ, принявъ въ разсужденіе важность Мировичева злодѣйства, и чтобъ частыми по сему дѣлу быть могущими представленіями не нанести нѣжному, человѣколюбивому и милосердому Ея Императорскаго Величества сердцу прискорбія и безпокойства, всеподданнѣйше просило Ея Императорское Величество, чтобъ только на сей случай соизволила уполномочить Собраніе въ рѣшеніи дѣла, и въ надлежащемъ по тому исполненіи для будущаго потомковъ спокойствія и безопасности Государства поступить по законамъ, и чтобъ при томъ же Всемилостивѣйше дозволено было Собранію поступать по сему дѣлу во всемъ по большинству голосовъ) Высочайшую Ея Императорскаго Величества конфирмацію слѣдующаго содержанія: что принадлежитъ до Ея Императорскаго Величества собственнаго оскорбленія, въ томъ сего судимаго Всемилостивѣйше прощаетъ; въ касающихся же дѣлахъ до цѣлости Государственной, общаго благополучія и тишины, въ силу поднесеннаго доклада на сего дѣла случай отдаетъ въ полную власть сему вѣрноподданному Собранію. И разсуждая, что хотя въ производствѣ генералъ-поручикомъ и кавалеромъ Веймарномъ сего объ немъ Мировичѣ слѣдственнаго дѣла сомнѣнія никакого быть не можетъ, однакожъ, для лучшаго удостовѣренія о наблюдаемыхъ Собраніемъ предосторожностяхъ и правосудіи, порознь призваны были предъ оное Мировичъ и его сообщники, и неоднократно спрашиваны, какъ онъ, такъ и они. Отвѣты на допросные пункты ихъ ли точно, а Мировичевы и тѣхъ, кои грамотѣ умѣютъ, ихъ ли руками подписаны, и сверхъ того не закрыли-ли чего или кого, и не имѣютъ-ли еще чего объявить? На что подтвердя въ винахъ ихъ признаніе свое, объявили письменно и словесно, что тѣ отвѣты подлинно ихъ и ихъ руками подписаны, и что сверхъ того ничего и никого не закрыли, болѣе ничего объявить не имѣютъ. А какъ притомъ въ Мировичѣ во все то время, въ которое онъ предъ Собраніемъ былъ, примѣчены съ удивленіемъ и прискорбностію отважное въ злодѣйствѣ его незазорство и нѣкоторая человѣчество превосходящая и па-

че звѣрская окаменѣлость, то опредѣлено было сдѣлать ему увѣщаніе изъ присутствующихъ въ семъ Собраніи одною духовною и тремя свѣтскими Особами, дабы привесть его въ чувство и въ истинное раскаяніе, и чтобъ довѣдаться, не утаилъ-ли иногда еще кого и чего. Что того же дня дѣйствительно и исполнено преосвященнымъ Афанасіемъ, епископомъ Ростовскимъ, гетманомъ Малороссійскимъ графомъ Разумовскимъ, генераломъ-аншефомъ княземъ Голицынымъ и медицинской Коллегіи президентомъ барономъ Черкасовымъ, отъ коихъ потомъ письменно дано знать Собранію, что Мировичъ, какъ человѣкъ готовящійся къ смерти, чистосердечно признался, что кромѣ того, что его рукою подписано, болѣе ничего объявить не имѣетъ, и что всѣ будущія муки понести желаетъ, и никогда Царства Небеснаго наслѣдовать не хочетъ, ежели какъ прежде, такъ и теперь что ни есть, или кого-нибудь утаеваетъ. И напослѣдокъ Собраніе, по симъ и по другимъ изъ дѣла и документовъ явствующимъ обстоятельствамъ разсуждая, что признаніе Мировича, подтвержденное имъ, въ равной же силѣ и при вторичномъ ему чрезъ онаго же преосвященнаго Аѳанасія Ростовскаго, генерала-фельдмаршала графа Бутурлина, генерала-аншефа князя Голицына и Коллегіи медицинской президента барона Черкасова увѣщеваніи, есть истинное, что кромѣ показанныхъ имъ людей въ злодѣйствѣ своемъ сообщниковъ другихъ не имѣлъ; и потому полагая, что слѣдовать ничего болѣе не остается, и для того, выслушавъ приличные къ сему случаю законы, согласно Приговорили: о приличившихся по тому дѣлу, какъ о главномъ бунтовщикѣ и измѣнникѣ Мировичѣ, такъ и о прочихъ, до кого по сему же дѣлу касается, приступить къ слѣдующей сентенціи, а именно: 1. Какъ изъ всего вышеписаннаго изъ обстоятельствъ дѣла и произведеннаго по оному слѣдствія оказались слѣдующія важнѣйшія вины. Въ началѣ Василья Мировича: 1) Злой умыселъ и дѣйствительное въ дѣло производство въ похищеніи, Божіимъ Промысломъ и всего народа общимъ желаніемъ, Ея Императорскому Величеству, человѣколюбивѣйшей Матери Отечества врученнаго Престола Всероссійскаго, и въ лишеніи наслѣдства онаго Его Императорскаго Высочества Государя

Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, имѣвъ намѣреніе возвесть на тронъ Принца Іоанна, Божіимъ совѣтомъ низложеннаго, съ такимъ къ сему твердымъ устремленіемъ, чтобъ противящихся по всякой возможности принуждать и усиливать, неисключая самого Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Сѵнода, яко же безъ изъятія и всѣхъ прочихъ ему воспротивляющихся людей. И какъ все сіе инако произведено быть не могло, какъ невиннымъ кровопролитіемъ вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества рабовъ и сыновъ Отечества, то всемѣрно чрезъ такое его предпріятіе, которое онъ дѣйствительно столько уже исполнилъ сколько силъ и возможности его было, учинилъ себя клятвы преступникомъ, возмутителемъ, бунтовщикомъ, измѣнникомъ и государственнымъ злодѣемъ. 2) Дерзнулъ принять себѣ въ побужденіе къ сему злодѣйскому предпріятію то, что въ императорскіе чертоги не вездѣ его свободно пропускали, и что послѣдовала противная желаніямъ его отказная резолюція о возвращеніи ему предковыхъ имѣній, за измѣну же отъ нихъ отписанныхъ, а въ самомъ дѣлѣ, забывъ страхъ и законъ Божій, присягу вѣрности и Отечество, подвергаемое безчисленнымъ бѣдствіямъ, ласкалъ себя надеждою симъ злодѣйствомъ пріобрѣсть себѣ мнимое имъ счастіе свое, чѣмъ учинился оскорбителемъ высочайшей монаршей власти и преступникомъ государственныхъ законовъ и учрежденій. 3) Къ достиженію своихъ злодѣйскихъ намѣреній, сыскавъ себѣ сообщника, Великолуцкаго пѣхотнаго полка поручика Аполлона Ушакова, ходилъ съ нимъ въ церковь Казанскія Богоматери, яко Богу освященное мѣсто, и тамъ предъ олтаремъ утверждалъ съ нимъ свое злодѣйское предпріятіе; онъ же Мировичъ, усугубляя свои коварства, чинилъ Самому Господу Богу, Пречистой Его Матери и Святымъ Угодникамъ Его суетныя обѣщаніи для успѣха зловреднѣйшаго намѣренія своего, призывая ихъ на свое беззаконное дѣло въ помощь, и тѣмъ сдѣлался преступникомъ противу Самого Бога и Его Святой Церкви. 4) Сочинилъ и подписалъ, къ лучшему вспомоществованію злодѣйскому предпріятію своему, Именемъ Ея Императорскаго Величества подложный указъ; не меньше же составилъ онъ и самъ своею

рукою написалъ еще другія, въ ужасномъ злодѣйствѣ его способствующія возмутительныя сочиненія, наполненныя непозрѣчимыми непристойностями, какъ въ оскорбленіи освященной Ея Императорскаго Величества Особы, такъ и въ разсужденіи спокойствія и тишины всего государства, чѣмъ онъ себя учинилъ оскорбителемъ же Величества и возмутителемъ общаго покоя. 5) Къ толь лучшему измѣнническаго предпріятія исполненію, всевозможнымъ образомъ старался онъ злоковарною хитростію своею и искушеніемъ опутать и другихъ несмысленныхъ и простыхъ людей въ свои измѣнническія сѣти, и предуспѣлъ простѣйшихъ команды своей людей склонить въ сообщество измѣнническаго своего предпріятія, другихъ же лестію и обманомъ, а иныхъ насильствомъ и умертвить стращая, привелъ къ тому, что подъ его предводительствомъ на сослужащихъ солдатъ нападеніе учинили, какъ настоящимъ противу ихъ ружейной пальбы производствомъ, такъ и наведеніемъ на оныхъ пушки для усильнѣйшаго склоненія къ своему намѣренію, такожъ крѣпости Шлиссельбургской и тогдашнему главному своему командиру, коменданту Бередникову, не токмо ослушнымъ и противнымъ себя оказалъ, но уязвя, арестовалъ его, чѣмъ преступя всѣ гражданскія и военныя права, явнымъ учинилъ себя измѣнникомъ, возмутителемъ и бунтовщикомъ. 6) Какъ приневоленное умерщвленіе къ несчастію рожденнаго Принца Іоанна есть единственно слѣдствіемъ его Мировичева отчаяннаго предпріятія, то всемѣрно его же первоначальною причиною смерти и самимъ сего безсчастнаго Принца убійцомъ признать должно, въ чемъ онъ Мировичъ и самъ предъ Собраніемъ признался. А въ Уложеньѣ напечатано, главы 2 въ статьяхъ: въ 1, будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такова по сыску казнить смертію. Во 2, также будетъ кто при Державѣ Царскаго Величества, хотя Московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть, и для того своего злаго умышленія начнетъ рать собирать, или кто Царскаго Величества съ недруги

учнетъ дружиться и совѣтными грамотами ссылаться, и помощь имъ всячески чинить, чтобы тѣмъ государевымъ недругомъ по его ссылкѣ Московскимъ государствомъ завладѣть, или какое дурно учинить, и про то на него кто извѣстить, и по тому извѣту сыщется про тое его измѣну допрямо, и такова измѣнника по тому же казнить смертію. Въ Воинскомъ Артикулѣ главы 3 Артикулъ 19: если кто подданный войско вооружитъ, или оружіе предпріиметъ противу Его Величества, или умышлять будетъ помянутое Величество полонить, или убить, или учинить ему какое насильство, тогда имѣютъ тотъ и всѣ оные, которые въ томъ вспомогали, или совѣтъ свой подавали, яко оскорбители Величества, четвертованы быть и ихъ пожитки забраны. Толкованіе: такое же равное наказаніе чинится надъ тѣмъ, котораго преступленіе хотя къ дѣйству и не произведено, но токмо его воля и хотѣніе къ тому было, и надъ онымъ, который о томъ свѣдомъ былъ, а не извѣстилъ. Артикулъ 20: кто противъ Его Величества Особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ живота лишенъ быть и отсѣченіемъ главы казненъ. Толкованіе: ибо Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли его, яко Христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять. И яко же о Его Величествѣ Самомъ въ ономъ Артикулѣ помянуто, разумѣется тако и о Его Величества Цесарской супругѣ и Его государства наслѣдіи. Главы 16 Артикулъ 127: кто какую измѣну, или сему подобное учинить намѣрится, и хотя онъ сіе къ дѣйству не произведетъ, однакожъ имѣетъ по состоянію дѣла и признанію воинскаго суда таковымъ же высокимъ наказаніемъ наказанъ быть, яко бы за произведенное самое дѣйство. Главы 17 Артикулъ 135: никтобъ ниже словомъ или дѣломъ, или письмами самъ собою, или чрезъ другихъ къ бунту и возмущенію, или ино что учинить причины не далъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойти. Ежели кто противъ сего поступитъ, онъ по розыску дѣла живота лишится, или на тѣлѣ наказанъ бу-

детъ. Артикулъ 137: всякой бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висилицею наказано. Главы 21 Артикулъ 185: кто на людей на пути и улицахъ вооруженною рукою нападетъ, и оныхъ силою ограбитъ или побьетъ, поранитъ и умертвитъ, или ночью съ оружіемъ въ домъ ворвется, пограбитъ, побьетъ, поранитъ или умертвитъ, онаго, купно съ тѣми, которые при немъ были и помогали, колесовать и на колеса тѣла ихъ потомъ положить.—И хотя по важности такаго его, Мировича, злодѣйства, по силѣ вышеписанныхъ законовъ и артикуловъ, надлежало бы казнить его смертію, четвертовать; но какъ Ея Императорское Величество Высочайшею на докладѣ собственноручно писанною революціею, сего судимаго во всемъ, что принадлежитъ до Ея Императорскаго Величества собственнаго оскорбленія, Всемилостивѣйше прощаетъ, въ касающихся же дѣлахъ до цѣлости Государственной, общаго народа благополучія и тишины, въ силу поднесеннаго доклада на сего дѣла случай отдаетъ въ полную власть сему Ея Императорскому Величеству вѣрноподданному Собранію; то единственно за домогательство о нарушеніи цѣлости государственной, общаго благополучія и тишины, за исключеніемъ 19 Артикула, яко содержащаго въ себѣ точно то преступленіе, въ чемъ Ея Императорское Величество его, Мировича, Всемилостивѣйше уже простить соизволила, сообразуясь, сколько возможно, извѣстному человѣколюбію и безпримѣрному великодушію и милосердію Ея Императорскаго Величества, Собраніе опредѣлило: вмѣсто мучительной смерти, по силѣ главы 3 и Артикуловъ 20, 127, 135 и 137, отсѣчь ему, Мировичу, голову, и оставя тѣло его народу на позорище до вечера, жжечь оное потомъ купно съ эшафотомъ, на которомъ та смертная казнь учинена будетъ. 2. Бывшему его, Мировича, во всемъ томъ злодѣйскомъ намѣреніи единомысленнику и сообщнику, Великолуцкаго пѣхотнаго полка поручику Аполлону Ушакову, который въ томъ не токмо Мировичевымъ показаніемъ, но и собственноручнымъ своимъ лжесоставныхъ писемъ подписаніемъ точно изобличенъ, надлежало бы равномѣрную же смертную казнь, какъ и Мировичу, учинить, если бы онъ былъ въ живыхъ: но изъ произведеннаго дѣла явствуетъ, что онъ, Ушаковъ,

будучи 29 числа Маія сего года отъ Военной Коллегіи командированъ въ Смоленскъ съ денежною казною къ генералу-аншефу, сенатору и кавалеру князю Волконскому, въ пути дѣйствительно утонулъ, о чемъ и поданной отъ бывшаго съ нимъ, Аполлономъ Ушаковымъ, въ командѣ Великолуцкаго полка фурьера Новичкова къ полковымъ дѣламъ рапортъ, равномѣрно жъ учененной въ силу указа изъ Порховской Воеводской Канцеляріи въ вотчины помѣщика Кондратья Косецкова, волостнымъ сотскимъ Козмой Елизарьевымъ, помѣщика Димитрія Крекшина пятидесятскимъ Григорьемъ Семеновымъ, десятскими Андреемъ Крекшинымъ, Ѳедоромъ Панкратьевымъ и Новгородскаго архіерейскаго дома села Опокъ десятскимъ же Иваномъ Лукинымъ осмотръ, яко же и письмо о смерти онаго Аполлона Ушакова, къ брату его Великолуцкаго жъ полка поручику Василью Ушакову писанное, Новгородской епархіи Шелонской пятины Опоцкаго погоста отъ священника Аверкія Григорьева и дьякона Бориса Аверкіева съ товарищи свидѣтельствуютъ. 3. Во время учинившагося въ Шлиссельбургской крѣпости сего бунта, бывшихъ на караулѣ съ помянутымъ Мировичемъ Смоленскаго пѣхотнаго полка капраловъ Андрея Кренева, Николая Осипова и Абакума Миронова, да солдатъ Якова Пиеклова, Матвѣя Босова и Козму Дитятева, кои не только до начинанія Мировичемъ злаго его предпріятія за нѣсколько часовъ самимъ къ тому согласены и подговорены, но и дѣйствительно въ исполненіи его злодѣйства употреблены были; солдатъ же Босовъ, хотя въ подговариваніи его Мировичемъ, и что онъ о томъ никому не донесъ, признался, но при томъ объявилъ, что онъ въ произшедшее смятеніе не былъ, а стоялъ на часахъ за городомъ на бастіонѣ; а напротивъ того солдатъ Дитятевъ, по тому же не только въ подговариваніи его Мировичемъ не заперся, но и что въ его допросѣ показано, что онъ не токмо отъ сообщества къ злодѣйскому предпріятію по подговору солдата Пиеклова не согласился, но и отрекся, и дѣйствительно во время смятенія на часахъ стоялъ, то онъ самъ предъ Собраніемъ признался, что во время того смятенія при помянутомъ Мировичѣ онъ былъ дѣйствительно во фрунтѣ въ числѣ наступавшихъ на гарнизонную коман-

ду. А въ законахъ, сверхъ вышепредписанныхъ, гласитъ: въ Уложеньѣ главы 2, въ статьяхъ въ 18: кто Московскаго Государства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ, или услышатъ на Царское Величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злоумыслъ, и имъ про то извѣщати Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи, или его Государевымъ Боярамъ и ближнимъ людямъ, или въ городахъ Воеводамъ и приказнымъ людямъ. Въ 19: будетъ кто, свѣдавъ или услыша на Царское Величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ, или иной какой злой умыслъ, а Государю и его Государевымъ боярамъ и ближнимъ людямъ и въ городахъ Воеводамъ и приказнымъ людямъ про то не извѣститъ, а Государю про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстилъ, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертію безъ всякія пощады. Воинскихъ Артикуловъ вышепрописанной главы 3, 19 и 20 Артикулы, 16 главы Артикулъ 129: если кто увѣдаетъ, что единъ, или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены, или имѣетъ вѣдомость о шпіонахъ или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гарнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявитъ, тотъ имѣетъ по состоянію дѣла на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть. Толкованіе: кто вѣдая, видя и примѣтя, а о томъ въ удобное время не объявитъ, тогда не можетъ симъ извиниться, что онъ того доказать не могъ; ибо инако есть, когда кого явно въ какомъ дѣлѣ обличать, и въ такомъ случаѣ доводчикъ понужденъ есть доводъ свой доказать, а инако есть, ежели въ тайнѣ что доводчикъ объявитъ, и предостерегать въ таковомъ же случаѣ, а къ доказательству его понуждать не надлежитъ; ибо довольно есть, что чрезъ его доношеніе и предосторожность начальство случай получитъ; а на онаго, на кого донесено, крѣпко должно смотрѣть и примѣчать, что не можно ли что подобное правдѣ изъ того довода присмотрѣть. И тако при таковыхъ доводахъ зѣло осторожно поступать и не скоро за арестъ взять, но тайно и на крѣпко розыскать надлежитъ, что можетъ-ли правда быть въ донесенномъ на него; ибо часто всякій честный человѣкъ отъ злоумышленнаго и мстительнаго человѣка невиннымъ образомъ оклеветанъ

бываетъ. Главы 17, подъ изображеннымъ выше сего 135 Артикуломъ въ Артикулѣ 136: такимъ же образомъ имѣютъ быть наказаны и тѣ, которые такія слова слышали, или таковыя письма читали, въ которыхъ о бунтѣ и возмущеніи упомянуто, а въ надлежащемъ мѣстѣ или Офицерамъ своимъ вкорѣ не донесли. Да въ Морскомъ Уставѣ въ книгѣ 5 въ главѣ 12 пунктѣ 86: никому не ходить съ своими Офицерами или съ другими для какихъ измѣнническихъ дѣлъ, но долженъ извѣстить подъ потерянiемъ живота; понеже не можетъ очиститься тѣмъ, что хотя онъ и не дѣлалъ, но вѣдая, былъ при томъ, хотя-бъ его деньщикъ или слуга собственной былъ.—И хотя по важности сего злодѣйства, въ силу выше объявленныхъ законовъ, всѣмъ онымъ капраламъ и солдатамъ надлежало бы учинить смертную казнь, но въ разсужденіи, что какъ они при первомъ Мировичевомъ согласованіи отъ сообщества усильно отговаривались, и желанія своего отнюдь не оказывали, но напротивъ того его самого отъ того отвращали, и что потомъ болѣе по простотѣ и несмысленности своей на сіе злодѣйство злоковарною хитростію онаго Мировича подговорены, и по видимому точно сего имъ Мировичемъ предпріятаго злодѣйства въ тотъ же день въ дѣйство произведеннымъ быть иногда не уповали, и на размышленіе о семъ брали себѣ время; къ тому же состоя подъ его командою, опасались, дабы за непослушаніе ихъ отъ него не послѣдовало имъ истязанія, а паче съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ скорѣе отъ него отойтить, болѣе къ тому и склонными себя объявили: то, въ разсужденіи сихъ обстоятельствъ, и сообразуясь наки безпримѣрному Ея Императорскаго Величества милосердію, отъ смертной казни они избавляются, а учинить имъ вмѣсто смертной казни жестокое наказаніе, прогнаніемъ шпицрутенъ чрезъ 1,000 человѣкъ; Писклова, что онъ и къ склоненію въ злодѣйство своего товарища употребился и дѣйствительно его подговорилъ, 12 разъ, и по учиненіи наказанія сослать вѣчно въ каторжную работу; а прочихъ, то есть Кренева, Осипова, Миронова, Босова и Дитятева, каждаго по 10 разъ, и по учиненіи того наказанія сослать въ работу вѣчно-же. 4. Смоленскаго же пѣхотнаго полка барабанщикъ Исаія

Анофріевъ, флейщикъ Михайла Качуринъ, солдаты Ѳедоръ Паршинъ, Василій Третьяковъ, Дементій Дураковъ, Михайло Сивцовъ, Осипъ Живулинъ, Герасимъ Кузнецовъ, Иванъ Ноздринъ, Василій Тарасовъ, Емельянъ Кононовъ, Миронъ Агутовъ, Фролъ Осиповъ, Емельянъ Хомяковъ, Михайла Бѣлой, Михайла Креницкой, Григорій Сидоровъ, Муртаза Мирязевъ, Иванъ Кочневъ, Ѳедоръ Кирѣевъ, Евдокимъ Березинъ, Иванъ Фофановъ, Матвѣй Волковъ, Ларіонъ Родіоновъ, Василій Плоховъ, Алексѣй Шмелевъ, Афанасій Красноцоковъ, Петръ Григорьевъ, Иванъ Шеватинъ, Митрофанъ Денисовъ, Евдокимъ Князевъ, Кононъ Ульяновъ, Ѳедоръ Ефимовъ, Иванъ Кусковъ, Иванъ Акатовъ, Ѳедоръ Горшкининъ, Егоръ Кузьминъ и Афанасій Тюлковъ, кои во время смятенія въ дѣйствительномъ на гарнизонную команду приступѣ во фрунтѣ находились. И хотя о намѣреніи Мировичевомъ заранѣе свѣдѣнія никакого не имѣли, и сперва повинуясь просто командѣ Офицера своего, и слѣдуя предводительству его стрѣляли, но по сопротивномъ на нихъ отъ гарнизонной команды выстрѣлѣ, усумнясь, отступили, и требовали у него Мировича вида, почему онъ поступаетъ, и уже по прочтеніи лжесоставленнаго имъ указа, повелѣнія его во всемъ слушали: однакожъ тѣмъ виновными и въ Мировичевомъ злодѣйствѣ участными себя показали, что по окончаніи отъ гарнизонной команды пальбы, не токмо съ великою жадностію Мировича въ ту казарму провожали, но нѣкоторые изъ нихъ и разъяренными противу капитана Власьева и поручика Чекина оказались, и во всемъ Мировичевомъ злодѣйскомъ предпріятіи, какъ уже имъ извѣстномъ, слѣдственно и ихъ поступками подкрѣпленномъ, столь охотно употреблялись, что азарничествомъ на постороннихъ, съ ними въ согласіи не бывшихъ, нападенія чинили, къ общему въ томъ предпріятіи содѣйствованію принуждали, и тѣмъ явное навели на себя подозрѣніе, что они къ тому Мировичемъ вознамѣренному предпріятію по учиненнымъ отъ него внушеніямъ охотно приступили. И хотя въ силу помянутыхъ же Воинскихъ Артикуловъ главы 3 Артикула 19, главы 17 Артикула 135 и Морскаго Устава книги 5, главы 12, пункта 86, надлежало и ихъ казнить смертію; однако-жъ въ разсужденіи томъ,

что они о намѣреніи Мировича напередъ знанія никакого не имѣли, а единственно въ ночное время бывъ отъ него вдругъ встревожены, и пробудившись отъ сна, еще не совсѣмъ въ настоящую память пришли, на сіе злодѣйство ухищреніемъ его Мировича приведены, и прочтеніемъ имъ лжесоставленнаго указа, коего содержанія они, какъ видно, прямо и не понали, но просто въ той надеждѣ, что отъ командира своего проведены и обмануты быть не могутъ, безразсудно ему слѣдовали, отъ смертной казни освобождаются; а вмѣсто оной учинить жестокое наказаніе четыремъ человѣкамъ изъ нихъ по жеребью, а именно: прогнать шпицрутенъ чрезъ 1,000 человѣкъ по 10, прочихъ же по 5 разъ, и всѣхъ распредѣлить Военной Коллегіи въ дальнія военскія команды, въ коихъ быть имъ солдатами вѣчно. 5. Бывшихъ на караулѣ въ крѣпости Шлиссельбургской для пожарныхъ случаевъ, Смоленскаго же пѣхотнаго полка солдатъ: Ѳедора Кобелева, Ѳедора Николаева, Фадѣя Тарасова, Филиппа Маракасова, Трофима Кузовлова, Емельяна Симонова, Алексѣя Багрыщева, Василья Сычова, Петра Попова и Алексѣя Ганчарова, которые по пробужденіи и призывѣ ихъ отъ своихъ разныхъ постовъ, стояли безъ ружей при однихъ тесакахъ подлѣ фронтоваго мѣста, и для одного караула при арестованномъ отъ Мировича Комендантѣ употреблены, а въ прочемъ простыми только зрителями были обще съ приставшимъ собою изъ фронтовой команды фуріеромъ Никитою Лебедевымъ, коего по непроворству и великой простотѣ его, Мировичъ и употребить къ своему предпріятію не желалъ; но тѣмъ однакожъ со всѣмъ безвиннымъ себя не учинилъ, что яко унтеръ-офицеръ и по Мировичѣ въ командѣ по порядку первый человѣкъ, ему при начатіи злодѣйскаго его предпріятія никакого представленія не сдѣлалъ, и тѣмъ прочихъ подчиненныхъ не предостерегъ; инако же, когда-бъ онъ такое представленіе Мировичу въ слухъ при всей командѣ учинилъ, уповать бы можно было, что въ заговорѣ неучастные, услышавъ, что предпріемлемое Мировичемъ должности службы ихъ и военнымъ правиламъ совершенно противно, можетъ быть ослушными оказались бы, чего онъ, какъ видно, не для другой какой причины, но совершенно отъ простоты

своей и нерасторопности предостеречь упустилъ: чего ради онъ, какъ и подлинно совершенная глупость и простота по слѣдственному дѣлу въ немъ примѣчены, заслуживаетъ причтенъ быть къ тѣмъ, коихъ вины не суть самыя важныя. А Воинскаго Артикула главы 5 Артикулъ 53 гласитъ: что ежели кто изъ Офицеровъ солдатомъ подъ командою его сущимъ, что-нибудь прикажетъ, которое къ службѣ Его Величества не касается, и службѣ солдатской непристойно, тогда солдатъ не долженъ Офицера въ томъ слушать, и имѣетъ сіе въ военномъ судѣ объявить, за сіе оный Офицеръ по состоянію дѣла отъ воинскаго суда накажется. Толкованіе: команда Офицерская болѣе не распространяется надъ солдатами, токмо сколько Его Величества и Его Государства польза требуетъ, а что́ къ Его Величеству службѣ не касается, то и должность солдатская того не требуетъ чинить. И потому хотя они въ томъ смятеніи безъ всякаго дѣйства и употребленія находились, но дабы впредь такъ оплошно не поступали, и командира въ столь явномъ зломъ дѣлѣ не слушались, то всѣхъ ихъ, кромѣ фуріера Лебедева, распредѣлить въ дальнія воинскія команды, а фуріера Лебедева, въ разсужденіи томъ, какъ выше сего упомянуто, что онъ при командѣ по Мировичѣ былъ первый человѣкъ, а при начатіи сего злодѣйства Мировичу никакого представленія не сдѣлалъ, и тѣмъ подкомандныхъ своихъ не предостерегъ, въ силѣ главы 5. Артикула 53 съ толкованіемъ, написать вѣчно въ солдаты въ дальнія команды. 6. Артиллерійскаго капрала Архипа Коркина, канонеровъ Василья Серкова, Захара Иванова и гандлангеровъ Степана Стрѣлкова и Тимофея Павлова, которые хотя къ привозу и заряженію пушки, тожъ къ выдачѣ и принесенію пороха и прочихъ снарядовъ принуждаемы были, но тѣмъ не меньше при началѣ тревоги укрыться, и тѣмъ бы отъ того отбыть могли, но того не учинили, и что по дѣйствительномъ заряженіи пушки гарнизонная команда уже принужденною себя видѣла караульной Смоленскаго полку командѣ уступить, не меньше жъ того противу своей воли и съ усильнѣйшимъ принужденіемъ Мировича и его команды въ пользу его злодѣйскаго предпріятія употребить себя приневолены были (какъ то въ дѣлѣ оказалось) коммендантской канцеляріи

канцеляристъ Кондратій Михайловъ и гарнизонный сержантъ Яковъ Иштиряковъ: и для того оныхъ сержанта Иштирякова и канцеляриста Михайлова, какъ они къ сему неволею и принужденіемъ употреблены были и къ укрывательству никакого способа не имѣли, по невинности ихъ оставить безъ всякаго наказанія при прежней командѣ; Артиллерійскаго же капрала, что онъ, какъ и прочіе его подкомандные при семъ возмущеніи могли укрыться, но того не учинили, а особливо, что оный капралъ явился въ разнорѣчіи такомъ, яко бы онъ все то исполнялъ въ упованіи, что дѣлается по приказанію комендантскому; но по дѣлу оказалось, что онъ въ то же время коменданта видѣлъ уже содержащагося подъ карауломъ: и для того его, Коркина, за то неправильное показаніе прогнать шпицъ-рутенъ чрезъ тысячу человѣкъ три раза, и написать вѣчно въ гандлангеры, и какъ его, такъ и прочихъ команды его вышеупомянутыхъ четырехъ человѣкъ отослать для распредѣленія въ дальнія воинскія команды. 7. Того же Смоленскаго пѣхотнаго полку и крѣпостной Артиллерійской команды цырюльника Григорья Неведова, солдатъ: Аврама Емельянова, Ѳедора Сидянина, Михайла Тальцова, Мирона Лебедева, Абдрахима Абдильманова, Зота Жданова, Ипата Сарасухина, Ѳедора Третьякова, Василья Помелова, Петра Храпова, Максима Бакина, Василья Чекулаева, Симона Головизнина, Якова Самсонова; гандлангеровъ: Сергѣя Авдѣева и Андрея Евсакова, стоявшихъ во время учинившагося въ крѣпости злодѣйскаго предпріятія на разныхъ притѣнахъ на часахъ, не имѣя ни малѣйшаго обо всемъ томъ свѣдѣнія и въ томъ участія, слѣдовательно яко ни въ чемъ невиновныхъ, освободя изъ подъ караула, оставить каждаго въ прежней командѣ. 8. Придворнаго лакѣя Тихона Касаткина, который признался самъ, какъ по дѣлу изъ отвѣтовъ его видно, что имѣлъ непозволенные и ему неприличные разговоры съ Мировичемъ, по важности которыхъ надлежало ему безъ всякаго времени отлагательства всемѣрно о томъ донесть, чего онъ не учинилъ, а сверхъ того и собственное изъявилъ продерзостно негодованіе свое. И хотя по строгости законовъ подлежалъ и онъ жесточайшему наказанію, но въ уваженіи того, какъ онъ къ произнесенію тѣхъ

разговоровъ съ его простоты единственно злоковарнымъ вывѣдываніемъ злодѣя Мировича приведенъ былъ, какъ то и самъ Мировичъ подтвердилъ, что все сіе единственно съ одной его лакѣя простоты, а его, Мировича, дѣйствительно злоковарнымъ вывѣдываніемъ учинено, стараясь больше въ него вкоренить такой же неудовольствія духъ, какой и въ себѣ онъ, Мировичъ имѣлъ, дабы тѣмъ удобнѣе можно было преклонить и другихъ себѣ въ единомысліе: и для того, въ разсужденіи его, Касаткина, неумышленности и простоты, высѣчь его батоги и отослать для опредѣленія въ дальнія воинскія команды въ солдаты. 9. Подпоручика изъ Грузинцовъ Семена Чефаридзева, который сверхъ непристойныхъ съ Мировичемъ разговоровъ и разсужденій, тѣмъ точно себѣ виннымъ оказалъ: 1. Что, безъ вѣдома своей команды изъ Санктпетербурга отлучился. 2. Что, слышавъ отъ Мировича столь обстоятельное откровеніе о его намѣреніи, хотя не съ тѣмъ, что онъ, Мировичъ, оное неотмѣнно и въ какое именно время исполнить хотѣлъ, но со всѣмъ тѣмъ дѣйствительно о такомъ его намѣреніи, когда онъ ему прямо отозвался, объ освобожденіи и привозѣ Ивана Антоновича въ Петербургъ къ Артиллерійскому корпусу, изъ его рѣчей увѣдомленъ былъ, а о томъ никому не донесъ; самъ же онъ, Чефаридзевъ, по имѣвшимъ съ Мировичемъ разговорамъ, навелъ противу себя справедливое подозрѣніе, что исполненіемъ того отъ Мировича слышаннаго дѣла себя нѣкоторымъ образомъ довольнымъ быть оказывалъ, а именно: что какъ ему Мировичъ сказалъ, что сожалѣть де надобно, что солдатство несогласны и нескоро ихъ на то приведешь, Чефаридзевъ въ отвѣтъ отозвался, что де это правда и я знаю; а какъ сіе дѣло есть конечно великой важности, то слѣдовало бъ ему Чефаридзеву о томъ Шлиссельбурскому комменданту, яко въ томъ мѣстѣ Главнокомандующему, а по крайней мѣрѣ, по прибытіи въ Петербургъ, своему Командиру, или кому приличествовало донести, чего онъ однакожъ, какъ выше упомянуто, не сдѣлалъ; ибо почесть не можно, чтобъ и того уже довольно было, что онъ о томъ въ разговоръ весьма кратко и невразумительно своему въ путешествіи товарищу Регистратору Безсонову отзывался, знаетъ ли онъ, что здѣсь первой но-

меръ 1; но отъ него отвѣтъ съ ударомъ въ голову получилъ: *дуракъ, да у дурака спрашиваешь*; почему, въ силу упоминающихся выше сего Уложенья главы 2-й, 18-й и 19-й статей, и Воинскихъ Артикуловъ 16-й главы 129, и 17 главы 135 и 136 Артикуловъ, хотя надлежало и ему, Чефаридзеву, за его преступленіе учинить смертную же казнь; но какъ онъ сіе учинилъ съ одной своей простоты, а заговоренымъ вывѣданіемъ злодѣя Мировича къ тѣмъ разговорамъ приведенъ былъ, какъ о томъ и выше сего о лакѣѣ Касаткинѣ показано; того ради онаго подпоручика Чефаридзева отъ смертной казни избавить, а вмѣсто того лишить его всѣхъ чиновъ, посадить въ тюрьму на шесть мѣсяцовъ, и потомъ написать въ отдаленные полки въ солдаты. 10. Регистратора Василья Безсонова, который хотя отъ подпоручика Чефаридзева о имѣвшихъ съ Мировичемъ разговорахъ не больше слышалъ, какъ только что здѣсь есть первой номеръ 1; также и на спросъ онаго Безсонова, что жъ бы это значило? Чефаридзевъ ему отвѣтствовалъ, что здѣсь де содержится Иванъ Антоновичъ; напротиву чего онъ, Безсоновъ, ударя его въ голову, сказалъ: *полно врать дуракъ, да у дурака и спрашиваешь, не ври больше*; чѣмъ онъ и дѣйствительно оказалъ, что ни въ какіе непристойные разговоры съ онымъ Чефаридзевымъ входить не желалъ, и точно не входилъ, но напротивъ того, его же, Чефаридзева, отъ оныхъ удерживалъ; и какъ онъ потому ни въ чемъ виновнымъ не признавается, то его, Безсонова, оставить безъ всякаго наказанія. Впрочемъ опредѣленную сею сентенціею злодѣю Мировичу смертную казнь, а выше объявленнымъ капраламъ Андрею Крекеву, Николаю Осипову и Абакуму Миронову, солдатамъ Якову Писклову, Матвѣю Босову и Козьмѣ Дитятеву, да придворному лакѣю Тихону Касаткину, тѣлесныя наказанія исполнить надъ ними на Санктпербургскомъ острову на Обжорномъ рынкѣ, прочимъ же въ Шлиссельбургскомъ предмѣстіи сего Сентября 15 числа; и для того какъ о публикованіи о сей экзекуціи, такъ о надлежащихъ по тому приготовленіяхъ и нарядахъ послать изъ Сената, куда надлежитъ, Ея Императорскаго Величества указы. Заключена Сентября 9 дня 1764 года.

Учрежденному Собранію Святѣйшаго Правительствующаго Синода члены письменно объявили, что они, слушавъ въ Собраніи слѣдственное о Мировичѣ и его сообщникахъ дѣло, и видя собственное ихъ признаніе, согласуютъ, что онъ, Мировичъ, за его злодѣйство и съ сообщники достоинъ жесточайшей казни; слѣдственно какая по тому заключена будетъ сентенція, отъ оной не отрицаются; но поелику они суть духовнаго чина, то къ подписанію на смерть сентенціи приступить не могутъ.

Свѣдѣнія и выписки изъ подлинныхъ бумагъ о Мировичѣ.

Мировичъ, поднявъ караулъ на гарнизонъ (гарнизону было 16 ч., а караулу 33), овладѣлъ пушкою и грозилъ палить изъ нея, если гарнизонъ осмѣлится палить на караулъ. Власьевъ и Чекинъ отвѣчали, что палить не будутъ; тогда Мировичъ немедленно со всею командою изъ той казармы, гдѣ содержался Иванъ, пошелъ; а какъ на галлерею сошелъ, то схватилъ за руку поручика Чекина, тащилъ въ сѣни, спрашивалъ, гдѣ государь? А какъ ему Чекинъ отвѣчалъ: „у насъ есть государыня, а не государь", то Мировичъ, толкнувъ его сильно въ затылокъ, сказалъ: „пойди и укажи государя и отпирай двери," которыя онъ Чекинъ и отперъ. А по принесеніи огня, онъ Мировичъ, держа его Чекина лѣвою рукою за воротъ, а въ правой рукѣ ружье со штыкомъ, выговаривалъ ему: „другой бы тебя каналью давно закололъ!" А какъ онъ Мировичъ въ казарму вошелъ и увидалъ лежащее среди казармы на полу мертвое тѣло, то, смотря на тѣхъ офицеровъ, сказалъ: „Ахъ вы безсовѣстные! боитесь ли Бога? за что вы невинную кровь такого человѣка пролили?" На что они ему отвѣчали: что они того не знаютъ, какой онъ человѣкъ, только то знаютъ, что онъ арестантъ, а кто надъ нимъ что сдѣлалъ, тотъ поступилъ по присяжной должности. При какомъ случаѣ нѣкоторые солдаты требовали позволенія ихъ заколоть, и Мировичъ запретилъ, приговаривая: „теперь де помощи намъ никакой нѣтъ, и они правы, а мы виноваты". Тутъ Мировичъ, подошедъ къ мертвому тѣлу и поцѣловавъ руку и ногу онаго, приказалъ солдатамъ то тѣло, на случившуюся въ той казармѣ кровать положа, нести. А вынесши изъ казармы, поставили на фрунтовомъ мѣстѣ и велѣлъ командѣ построиться въ 4 шеренги и сказалъ: „теперь отдамъ послѣдній долгъ своего офицерства", велѣлъ бить утренній побудокъ и, пробивши оный въ честь мертваго тѣла, приказалъ всей командѣ сдѣлать на караулъ и бить полный походъ, при чемъ и самъ салютовалъ; а потомъ подошелъ къ мертвому тѣлу, поцѣловалъ руку и сказалъ: „Вотъ, господа, нашъ государь Іоаннъ Антоновичъ, и теперь мы не столь щастливы, какъ безщастны, а всѣхъ

больше за то я претерплю, а вы не виноваты, и не вѣдали, что я хотѣлъ дѣлать, и я уже за всѣхъ васъ буду отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ сносить". И потомъ всѣ три переднія шеренги людей и проходя четвертую цѣловалъ, и какъ сталъ доходить къ послѣднимъ той шеренги людямъ, то сзади подошедъ къ нему капралъ Мироновъ взялъ за его шпагу, которому онъ препятствовалъ и сказалъ, чтобъ самъ комендантъ прищелъ взять оную отъ него; однакожъ Мироновъ, съ помощію другихъ солдатъ, тое шпагу снялъ, и комендантъ подошедши, сорвавъ съ него знакъ, отдалъ подъ караулъ.

*

Изъ репорта капитана Данилы Власьева Н. И. Панину: Сего Іюля 4 дня послѣ полудня въ 5 часу вышелъ я для прогулки въ крѣпости и сошелся со мною находящійся въ Шлиссельбургской крѣпости караульный оберъ-офицеръ Смоленскаго пѣхотнаго полка и началъ мнѣ говорить: „ежели дозволите мнѣ вамъ говорить и не погубите меня". Примѣтилъ я изъ тѣхъ разговоровъ, что клонился до нашей коммиссіи.

Изъ репорта Н. И. Панину поручика Чекина: Какъ сего Іюля отъ 4 числа посланный мною репортъ для отправленія В. Высокопревосходительству я персонально г. полковнику Бередникову послѣ полуночи во второмъ часу вручилъ и оный тогожъ числа отправилъ съ нарочно посланнымъ при мнѣ, и я пошелъ ко своему мѣсту и еще до того не дошелъ, и вдругъ вскричали на гауптвахтѣ: къ ружью! и тотъ часъ всѣмъ фрунтомъ приступили къ нашему посту; наши отбили непріятеля, они вторично наступать начали и взяли пушку, и мы, видя превосходную силу арестанта, обще съ капитаномъ умертвили.

*

Власьевъ и Чекинъ находились при Иванѣ Антоновичѣ 8 лѣтъ и показали, что онъ обладалъ совершеннымъ здоровьемъ, но былъ косноязыченъ: не только произношеніе словъ съ крайнѣйшею трудностію и столь неразумительно производилъ, что посторонним почти вовсе, а намъ, яко безотлучно при немъ находившимся, весьма трудно словъ его понять можно было; но еще для сего крайне неразуми-

тельнаго словопроизводства подбородокъ своей рукою поддерживалъ и въ вѣрну приводымалъ; и въ тому принужденнымъ находился, что безъ того и произносимыхъ словъ хоть мало понятными произвесть былъ не въ состояніи. При ѣдѣ былъ жаденъ и неразборчивъ. Ни единаго, во время 8 лѣтъ, нами момента не примѣчено, въ коемъ бы онъ настоящимъ употребленіемъ разума пользовался. Не взирая на косноязычество, безпрестанно самъ вопросы себѣ чинилъ и отвѣтствуя, говорилъ такія коловратныя слова, что всякому человѣку себѣ вообразить весьма трудно, объявляя по часту о себѣ, что онъ необыкновеннаго и преимущественнаго предъ нами и прочими людьми сложенія состоитъ, и что тѣло его есть принца Іоанна, назначеннаго предъ симъ императоромъ Россійскимъ, который уже издавна отъ міра отшелъ, а самымъ дѣломъ онъ есть небесный духъ, а именно св. Григорій, который на себя принялъ образъ и тѣло Іоанна; почему, презирая насъ и всѣхъ имъ видимыхъ человѣкъ, самомерзѣйшими тварями почиталъ. Сказывалъ, что онъ часто въ небѣ бываетъ; что произносимыя нами слова и извнутри исходящій духъ—нечистый и огненный состоитъ, называлъ еретиками и опорочивалъ насъ въ томъ, что какъ мы другъ передъ другомъ, такъ и предъ образами святыми поклоняемся, симъ мерзость и непотребство наше оказывается, а небесные-де духи, изъ числа коихъ и онъ, никому поклоняться не могутъ. Очень хотѣлось ему быть митрополитомъ. Власьевъ и Чекинъ возражали, что митрополитомъ ему быть нельзя, потому что митрополитъ и образамъ и людямъ кланяется; Иванъ отвѣчалъ, что испроситъ у Бога дозволенія временемъ и поклоны чинить. Былъ сердитаго, горячаго и свирѣпаго нрава и никакого противорѣчія не сносилъ.

Власьевъ и Чекинъ получили по 7000 рублей награжденія и отставлены отъ всякой службы.

Судъ надъ Мировичемъ производился Сенатомъ, Синодомъ, особами трехъ первыхъ классовъ и президентами Коллегій. Когда дѣло шло о сентенціи, то оберъ-прокуроръ Соймоновъ началъ говорить президенту Медицинской Кол-

легіи барону Черкасову, что нѣкоторые изъ духовенства приговариваютъ Мировича пытать. Тутъ кн. Вяземскій подошелъ и повелительнымъ образомъ запретилъ Соймонову продолжать разговоръ о мнѣніи духовенства, а у Черкасова спросилъ, чтобъ немедленно далъ отвѣтъ, должно ли приступить къ сентенціи. Черкасовъ въ торопяхъ отвѣчалъ, что должно; но потомъ представилъ письменное мнѣніе, что Мировича надобно пытать съ цѣлію, чтобъ открылъ сообщниковъ или наустителей. „Намъ необходимо нужно, жестокимъ розыскомъ злодѣю, оправдать себя не токмо передъ всѣми теперь живущими, но и слѣдующими по насъ родами, а то опасаюсь, чтобъ не имѣли причины почитать насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися или и комедіантами". Собраніе озлобилось и просило императрицу о защитѣ отъ оскорбленій Черкасова. Черкасовъ извинился, что онъ сожалѣетъ, что такія слова въ добромъ намѣреніи употребилъ, которыми собраніе огорченнымъ себя почло.

III. О Лифляндскихъ депутатахъ въ Комиссіи объ Уложеніи.

Два письма Екатерины II-й къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому.

Первое изъ этихъ писемъ было уже напечатано въ Р. Архивѣ 1865, стр. 1032, но не вполнѣ; собственноручный подлинникъ втораго принадлежитъ В. Н. Колоколову (см. выше).

I.

Князь Александръ Алексѣевичъ! Читала я Гадебушево сочиненіе, которое не токмо весьма дурно переведено, но сверхъ того все выписано изъ Юстиніанова права, и многое вовсе въ Россійской имперіи не въ порѣ будетъ, а очень и вредно; лутче бы они поболѣе смотрѣли въ большой Наказъ. Я прежде понедѣльника пришлю вамъ свои примѣчанія о семъ планѣ. Естьлибъ Римскія правы столько безпорочны были и къ статѣ, то бы я однимъ словомъ ихъ приняла, но всѣ на нихъ жалуются. Я много сіе приписываю Лифляндской замашкѣ чтобъ быть нашими законодавцами, а не отъ насъ получить хотятъ узаконеній.

II.

Велите кому вы заблагопристойнѣе разсудите, а еще бъ я думаю лучше, естли бъ то былъ кто нибудь въ знати, подать голосъ, составленной изъ слѣдующихъ мотивовъ.

Что онъ съ великимъ удивленіемъ услышалъ торжественное предохраненіе (*) господъ Лифляндскихъ депутатовъ, для того что, какъ бы то ни были совершенны ихъ узаконенія теперешнія, не выведены изъ таковыхъ человѣколюбивыхъ правилъ, какъ въ Наказѣ Ея В. предписано для составленія законовъ.

(*) Подъ словомъ предохраненіе Екатерина конечно разумѣетъ устраненіе Лифляндскихъ депутатовъ отъ предположенныхъ, общихъ для всей Россіи, законовъ.

Что онъ еще не знаетъ, противу кого они торжественно предохранились, ибо противу самодержавной власти спорить имъ нѣтъ возможности и конечно въ вѣрноподданническомъ послушаніи сами не отрекутся пребывать.

Если же противу Комиссіи они торжественно предохранились, то онъ почитаетъ, что въ томъ они протестовали сами противу себя: ибо, бывъ на ряду со всѣми депутатами во всѣхъ частныхъ комиссіяхъ, они сочиняютъ проэкты.

Естьли же въ сихъ проэктахъ они не внесли части себѣ приличныя и коими они сами не довольны быть могутъ, какъ въ томъ ихъ присяга обязала, и потомъ протестуютъ: то неизвѣстно, по какой причинѣ.

Чтобъ же Лифляндскіе законы лучше были нежели наши будутъ, тому статься нельзя; ибо наши правила само человѣколюбіе писало, а они правилъ показать не могутъ, и сверхъ того иныя ихъ узаконенія наполнены невѣжествами и варварствами. И такъ, предохраняя себя, торжественно они просятъ: мы хотимъ, чтобъ насъ смертію казнили, мы просимъ пытокъ, мы просимъ, чтобъ отъ безпрерывной ябеды наши суды никогда не были окончены; мы торжественно предохраняемъ противурѣчія и темноты нашихъ узаконеній и пр.

Просвѣщенному свѣту останется судить о подобныхъ неистовствахъ.

Признаюсь, что сіе съ жаромъ писано, и такъ употребите лишь то что̀ прилично.

Это письмо очевидно относится къ знаменитой Екатерининской Комиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія (1766—1769). Извѣстно, что Лифляндскіе и Эстляндскіе депутаты заявили въ Комиссіи требованія свои о сохраненіи въ полной неприкосновенности ихъ привиллегій, которыя, какъ они представляли, утверждены предшественниками Императрицы Екатерины и ею самою. Сколько намъ извѣстно, требованіе этихъ депутатовъ не было принято Комиссіею. Вѣроятно мнѣніе, поданное Комиссіи депутатомъ отъ камеръ-конторы Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, Артеміемъ Шишковымъ, было написано именно вслѣдствіе того письма. Мнѣніе Артемія Шишкова напечатано въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и древн. 1867, кн. 4. Въ немъ дѣйствительно развиты предложенные Екатериною мотивы.

IV. Письма Екатерины II-й къ разнымъ лицамъ.

а) *Къ генералъ-прокурору князю А. А. Вяземскому.*

1. Сенатъ не можетъ дать законовъ.

2. Старыхъ подтвердить можетъ.

3. Сенатъ долженъ держаться, словомъ, законовъ. Слѣдовательно

4. Изъяснить законы не можетъ, а еще меньше дать имъ толкъ, котораго въ словахъ закона нигдѣ не находится.

5. Я всячески стараюсь различить преступленіи и наказаніи, а

6. Сенатъ конфондируетъ убивство съ необороною хозяина и хочетъ, чтобъ смертноубійцы были сравнены съ необороняющими; но великая разница между убіенія, знанія о убіеніи и препятствія или непрепятствія убіенію.

7. Пророчествовать можно, что естьли за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истребить цѣлыя деревни, что бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ и что

8. Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть не можно.

9. Генеральнаго освобожденія несноснаго и жестокаго ига не воспослѣдуетъ, ибо не имѣвъ обороны ни въ законахъ, и нигдѣ, слѣдовательно всякая малость можетъ ихъ привести въ отчаяніе; коль паче мстительной такой законъ, какъ Сенатъ вздумалъ не кстати не къ ладу издать. И такъ

10. Прошу быть весьма осторожну въ подобныхъ случаяхъ, дабы не усугубить и безъ того довольно грозящую бѣду, естьли въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій.

11. Ибо естьли мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то

12. И противъ нашей воли сами оную возмутъ рано или поздно.

Ваше сіятельство изъ сихъ строкъ можете сдѣлать такое употребленіе, какъ вы сами для пользы Имперіи заблагоразсудите. Ибо небезнужно, чтобъ не я одна сіе только чувствовала, но и другіе оглянулися въ своихъ предубѣжденіяхъ.

2.

Показано сборище, а не единой человѣкъ не названъ кто въ сборищѣ бываетъ, и такъ сіе служить можетъ къ гоненію кого хотятъ. Не изволишь ли сіе дать примѣтить? А есть ли бъ Карпъ или Сидоръ названъ былъ, такъ тогда навѣдаться можно объ нихъ и отъ нихъ. Опять, слова: „богопротивныя сборища" еще подлежатъ вопросу, а именно какія? Ибо что пьяной подъ карауломъ подъячій доноситъ, на томъ худо полагаться можно; еще менѣе догадаться, что онъ называетъ Богу противно. Слѣдственно, не знавъ чего изслѣдовать, едва можно ли учредить слѣдствіе, особливо вещей, состоящихъ въ мысляхъ, а не въ дѣйствіяхъ.

Оба эти письма, равно какъ и нижеслѣдующее, печатаются съ подлинниковъ, сообщенныхъ отъ г. Колоколова. Первое изъ нихъ (столь замѣчательное по своему содержанію и служащее лучшимъ обличеніемъ для тѣхъ ненавистниковъ императрицы, которые утверждаютъ, будто она исключительно дѣйствовала на пользу однихъ дворянъ) писано, по всему вѣроятію въ 1775 году осенью. Сличи VI-е ея письмо къ Московскому оберъ-полицеймейстеру Архарову въ Р. Архивѣ 1864, изд. 2-е, стр. 428.

(б) *Къ кн. Б. А. (Куракину?)*

Князь Борисъ Александровичъ. Я безмѣрно сожалѣю, что вы больны и желаю слышать о вашемъ облегченіи. Рекомендую вамъ для того оставить всѣ ваши труды по дѣламъ на васъ положеннымъ, потому что вы, какъ слышу, и въ болѣзни ихъ не покидаете. Не безпокойте себя отнюдь ничѣмъ, по коихъ поръ совершенно не выздоровѣете. „Я слышу, что вы лекарствы не принимаете. Пожалуй хотя для меня поберегитесь. Мнѣ ваше здоровье надобно. Екатерина". Ноября 21 дня 1764 года. Санктпетербургъ (¹).

(¹) Означенное кавычками писано собственноручно, равно какъ и *всѣ* предъидущія письма, полученныя отъ г. Колоколова. Это письмо, можетъ быть, писано къ гофмейстеру и сенатору кн. Б. А. Куракину, умершему 22 Ноября 1764 года. Онъ былъ родной племянникъ графа Н. И. Панина.

в) *Къ неизвѣстному лицу (съ орѳографіею подлинника).*

Слышно что в Академіи Наукъ продаютъ такихъ(ія) книгъ(й) (которыя) противъ закона, доброго нрава, насъ самихъ пр. націи, которыя во всѣмъ свѣтѣ запрещены, какъ напримѣръ Эмиліи Руссова, Меморіи Петра III (зачеркнуто: Петре III) Письма Жаннія по французскому, и много другихъ подобныхъ: а у вольныхъ здѣшняго и Московскаго города (въ) книгопродавцовъ думать надобно, (что) еще болѣе есть такихъ книгъ, которыя служатъ к' испорченія (къ преображенію) нравовъ, по той причинѣ, что оныя лавки ни подъ чин(чинъ) вѣдомости(мостьмъ) не состоя(я)тъ. И тако надлежитъ приказать наивѣрнѣчайшимъ образомъ Академіи Наукъ имѣть смотреніе(е) даны в ее книжной лавки такія непорядки не проходили, а прочимъ книже(го)продавцамъ приказать, ежегодно регистра(ъ) пос(ы)лать в' Академію Наукъ и Университетъ Московской, какихъ(я) книгъ(и) они намерены выписывать; а онымъ местамъ вычерк(ва)ть в тѣхъ регистровъ(ахъ) такия книги, которыя противъ закона, доброго нрава и насъ: а есть ли после того сыщется преступникъ сего(ку) в продажѣ такихъ книгъ, то конфисковать всѣ лавки и продать на щотъ Сиропитательнаго дома. В' прочемъ дозволяется Сенату придумать что за лучее рассудится к' исполненью сего. (Заключеніе рукою Елагина:) а въ Остзейскихъ мѣстахъ, гдѣ публичныхъ училищъ нѣтъ, тамо препоручить смотреніе надъ онымъ Градскимъ начальникамъ, а гдѣ есть училищи, тѣ могутъ поступать такъ, какъ Академіи и Университету предписано. А сей указъ вольнымъ книгопродавцамъ объявя обязать ихъ подпискою (²).

г) *Къ В. С. Попову.*

Василій Степановичъ. Пять писемъ вашихъ отъ 8 Октября я сегодня 18 числа получила, изъ которыхъ вижу съ удовольствіемъ, что вы, хотя въ крайней печали и горести

(²) Помѣщенное въ скобкахъ заключаетъ въ себѣ поправки, сдѣланныя И. П. Елагинымъ въ собственноручномъ листкѣ Екатерины.

находясь, однако ничего не проронили касательно службы и дѣлъ вообще, руководствуясь усердіемъ совершеннымъ, въ чемъ отдаю вамъ справедливость. Прискорбіе мое о кончинѣ князя умножилось еще оттого, что сумасшедшій человѣкъ вздумалъ мѣсто его занимать. Сердце мое слышало, когда я съ досадою принимала о немъ прошеніе, чтобъ дозволено ему было отъѣхать въ армію; но теперь нещастье одно къ другому соединилось. Я вижу, что вы всевозможное дѣлали, чтобъ его уговорить, дабы не приступилъ къ тому. Я съ первоотправленнымъ курьеромъ послала къ нему приказаніе, чтобъ ѣхалъ къ Москвѣ, и надѣюсь, что уже о семъ вамъ извѣстно. Письмы графа Ржеускаго и Потоцкаго я получила и къ нимъ отвѣтствую. Отъ меня графу Безбородку велѣно съ ними продолжать переговоры и сношенія и, на что согласятся, ко мнѣ писать. О содержаніи Турецкихъ полномоченныхъ по представленіи Лашкарева я писала къ графу Безбородку сегодня, и надѣюсь, что тутъ ничего не будетъ проронено. Когда по развязкѣ дѣлъ увидите, что вамъ отъѣхать можно будетъ, возвратитеся ко мнѣ и будьте увѣрены, что служба, ревность и вѣрность не остаются отъ меня безъ признанья. Екатерина.

Окт. 19 ч. 1791 г.

Печатается съ подлинника, сообщеннаго *А. С. Хомутовымъ*. Писано вскорѣ по смерти кн. Потемкина, когда Каменскій захватилъ команду надъ войсками. (См. Р. Арх. 1868, стр. 1491).

Письмо архимандрита Амвросія къ преосвященному Платону.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, Московскій архіепископъ.

Успенскаго собора ключарь Іоаннъ Макаровъ объявилъ мнѣ записочкою Вашего Высокопреосвященства приказаніе слѣдующее: что отъ Макарова сего 1782 года Октября 21 дня присланъ былъ Святѣйшаго Синода въ Контору въ собраніе, гдѣ ему приказано отъ Вашего Высокопреосвященства объявить мнѣ, чтобъ я, *архимандритъ*, кланялся Высокопреосвященству Вашему въ *священно-служеніи* политичнымъ образомъ, поклонъ. Получа сіе приказаніе, осмѣливаюсь доводить Вашему Высокопреосвященству, что оно привело меня въ немалое удивленіе. Первое, потому, что Самъ Богъ повелѣлъ заповѣдь сію: *Господу Богу твоему поклонишися*, а того, чтобъ низко или поклонъ кланяться, не предписалъ. Посему обыкновенно разными образами кланяются Ему, яко не на внѣшнее тѣла движеніе, но на сердце смиренное взирающему. Второе, высочайшая по Немъ власть, всемилостивѣйшая наша Государыня, также качества поклоновъ требовать не благоволитъ, что всѣмъ вѣдомо и видимо, и хотя *извѣстная въ свѣтѣ особа* противнымъ тому образомъ поступаетъ, но она тѣмъ самымъ недостойна, чтобъ мнѣ ее въ образецъ приводить; сверхъ того мнѣ довольно извѣстно, сколько она другими преосвященными, такъ и вами, за то самое ненавидима. Чего для, не соблаговолитель, Ваше Высокопреосвященство, примѣромъ Бога и Показанницы Его не принужденнымъ, но добровольнымъ поклоненіемъ довольны быть, или хотя для отвращенія впредь упрека оное извѣстно опредѣлить, ибо я о поклоненіяхъ опредѣленныхъ, какія бываютъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ то рукоположеніи, не сумнѣваюсь и не объ нихъ здѣсь говорю. 3-е, болѣе уже двадцати лѣтъ будучи я архимандритомъ, съ разными архіереями и членами Святѣйшаго Синода служилъ и служу, и никто изъ нихъ меня *не политичнымъ и не низкимъ поклоненіемъ* не упрекалъ. По сему и не знаю, по какому праву долженъ я на старости учиться, чтобъ въ священно-

служеніи политичнымъ образомъ пониже кланяться Высокопреосвященству Вашему, нежели другимъ архіереемъ. Напослѣдокъ осмѣливаюсь заключить, что Ваше Высокопреосвященство излишняго отъ меня требовать изволите, и я сіе излишество неиначе почитаю какъ за часть *притѣсненій*, которыя и кромѣ того мнѣ чувствительны. О всемъ вышеписанномъ чистосердечно изъясняюсь въ надеждѣ принятія въ уваженіе моихъ изъясненій и лучшей перемѣны Вашего ко мнѣ духа. Съ истиннымъ моимъ почитаніемъ всегда пребуду

Вашего Высокопреосвященства

всепокорнѣйшій слуга

Декабря 2-го дня. Ставропигіального Симонова монастыря

1782 года. Архимандритъ Амвросій.

На этомъ письмѣ сверху сдѣлана помѣтка: „полу. отъ Его Выспрд.“ Вѣроятно эта копія была доставлена самимъ архимандритомъ Амвросіемъ прадѣду моему Степану Ефимовичу Карновичу, жившему въ Москвѣ и тамъ умершему въ 1788 году.

(Сообщено Е. П. Карновичемъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА НЁЛЬИ.

Въ 1865 году, издана въ Парижѣ *Воспоминанія и переписка* графа Нёльи, одного изъ эмигрантовъ первой французской революціи (¹). Во время страннической жизни своей въ Голландіи и Германіи графъ Нёльи имѣлъ случай встрѣчаться съ нѣкоторыми замѣчательными лицами, принимать участіе въ важныхъ событіяхъ эпохи, и описаніе этихъ случайныхъ встрѣчъ и событій сообщаетъ особенный интересъ его Запискамъ. Между лицами, о которыхъ упоминаетъ онъ, попадается также нѣсколько русскихъ людей. Впрочемъ возбужденное послѣдними любопытство русскаго читателя останется не вполнѣ удовлетворительнымъ: авторъ Записокъ говоритъ о нихъ немного и вскользь. Мы узнаемъ только, что въ Гамбургѣ (²) онъ бывалъ у русскаго министра Алопеуса, у княгини Гольштейнъ-Бекъ, домъ которой былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ этомъ городѣ: нѣкогда наперсница императрицы Екатерины II — говоритъ Нёльи — княгиня Гольштейнъ-Бекъ была выслана изъ Россіи, какъ соучастница въ заговорѣ противъ Петра III. Онъ посѣщалъ также Муравьевыхъ и зналъ Зубова. О первыхъ онъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Русскій министръ Муравьевъ и его жена были очень любезны. Они любили у себя принимать, особенно эмигрантовъ. Муравьевъ(*) очень хорошо игралъ на фортепьяно. Мнѣ помнится, что

(¹) Dix années d'émigration. Souvenirs et correspondance du comte de Neuily, publiés par son neveu Maurice de Barberey. Paris. Charles Douniol. 1865. In-8 de X et 411 pag. Графъ Нёльи умеръ 19 марта 1863 г., въ замкѣ Ринье, въ Пуату, на восемьдесятъ шестомъ году жизни, отставнымъ кавалерійскимъ полковникомъ.

(²) Нёльи проживалъ здѣсь съ 1795 до 1799 года.

(*) Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ.

однажды вечеромъ, послѣ ужина у нихъ, мать моя удивительно хорошо акомпанировала ему на скрипкѣ." Живѣе нѣсколько сохранился въ воспоминаніяхъ Нёльи образъ Зубова. „Зубовъ (3) — говоритъ онъ — послѣдній изъ любимцевъ великой Екатерины, принималъ часто и жилъ открыто. Онъ былъ надмененъ, какъ индѣйскій пѣтухъ, и богатъ, какъ Крезъ. Изъ простыхъ гвардейскихъ офицеровъ онъ сдѣлался самымъ близкимъ лицомъ къ императрицѣ, хотя далеко не отличался привлекательною наружностью: былъ коренастъ, широкоплечъ, довольно безобразенъ. У него была страсть носить въ карманѣ камзола алмазы: онъ пересыпалъ ихъ на рукѣ, любовался ихъ игрою и блескомъ — и клалъ обратно въ карманъ. Императрица подарила ему миніатюрный портретъ свой, осыпанный крупными бриллiантами: портретъ очень схожій, но художникъ польстилъ въ немъ Екатеринѣ, помолодивъ нѣсколько ея лице. Портретъ этотъ Зубовъ всегда носилъ на себѣ."

Отзывъ Нёльи о князѣ Зубовѣ оправдывается и другими современными извѣстіями, между прочимъ и авторомъ „Mémoires secrets sur la Russie," хорошо знавшимъ этого могущественнаго временщика и превосходно обрисовавшимъ его личность и значеніе въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (4).

---

(3) Князь Платонъ Александровичъ, род. 15 ноября 1767, ум. 7 апрѣля 1822 года.

(4) Въ дополненіе къ отзыву Нёльи мы приведемъ здѣсь только то, что говоритъ Массонъ о заграничной жизни князя Зубова: «Quelques semaines après (т. е. послѣ того, какъ императоръ Павелъ уволилъ его отъ всѣхъ должностей) — читаемъ мы у Массона — Zoubow obtint la permission, ou plutôt reçut l'ordre de quitter la Russie. Il vint, comme tous ses prédécesseurs, étaler en Allemagne les brillans, les rubans et les portraits; mais, de toutes les faveurs....., les roubles sont celle dont il use avec le plus de discrétion. Après avoir traîné avec lui une fille déguisée en valet de chambre, il s'amouracha, à Tœplitz, d'une belle émigrée, nommée la Roche - Aimon; mais il y fit bientôt la connoissance des jeunes princesses de Courlande, qui, avec les graces et la beauté dont les a pourvues leur mère, se trouvent les plus riches partis de l'Europe. Il chercha alors à faire sa cour au vieux duc, qu'il venoit de dépouiller de sa souveraineté, et avec lequel il avoit affecté tant de hauteur à Pétersbourg. Le duc lui témoigna son ressentiment et son mépris; mais Zoubow, accoutumé à ne plus trouver d'obstacles, voulut enlever la princesse aînée de vive force. Soit que le duc s'en soit plaint à l'empereur, soit que Paul

Одно время Нельн думалъ было поступить въ русскую службу; по крайней мѣрѣ этого сильно желала его мать. Она писала королю Людовику XVIII, проживавшему въ Митавѣ[3]), и тотъ чрезъ посредство Митавскаго губернатора Дрезена (Driesen) выхлопоталъ ей сыну чинъ гусарскаго подпоручика. Нельн готовъ былъ уже приняться за изученіе русскаго языка, знаніе котораго поставлено было ему въ необходимое условіе для полученія обѣщаннаго чина; но въ это время онъ познакомился съ капитаномъ Вильмансомъ, служившимъ въ полку Штайна (Stain) и набиравшимъ рекрутъ для австрійской арміи въ городахъ Ганзейскихъ и въ округѣ Нижней Саксоніи. Узнавъ объ его намѣреніи, капитанъ-вербовщикъ сталъ говорить ему, что въ Россіи служба офицера исполнена и что по одному недоброжелательству шефа его не только могутъ разжаловать въ солдаты, но и написать въ гарнизонъ. Кромѣ того, онъ въ такихъ мрачныхъ краскахъ представилъ ему картину военной службы въ этой „типерборейской странѣ", что совсѣмъ отбилъ у него охоту ѣхать въ нее, и склонилъ его вступить *кадетомъ ex proprиis*[6]) въ австрійскій полкъ Штайна.

Въ началѣ іюля Нельн выѣхалъ изъ Гамбурга, и черезъ три недѣли прибылъ къ своему полку, стоявшему на высотахъ у Цюрихскаго озера. Въ дѣлѣ 13 августа 1799 года (уже въ чинѣ прапорщика) онъ былъ тяжело раненъ, и это обстоятельство лишило его возможности принять участіе въ несчастномъ для Австрійцевъ сраженіи съ Французами на Линтѣ, происшедшемъ одновременно съ пораженіемъ Римскаго-Корсакова при Цюрихѣ (14 и 15 сентября). Нельн долѣчивался отъ ранъ въ городкѣ Арбонѣ, на берегу Констанцскаго озера, когда до него дошло извѣстіе объ этомъ

---

ait eu d'autres motifs, il expédia à Zoubow l'ordre de rentrer en Russie, et il est probable que le dernier favori de Catherine à joué son dernier rôle.» (Mémoires secrets sur la Russie. т. 1, стр. 232—233. Paris. An VIII).

(3) Въ началѣ 1798 года императоръ Павелъ предложилъ французскому королю убѣжище въ Митавѣ: здѣсь, во дворцѣ герцоговъ Курляндскихъ, жилъ Людовикъ съ 23 марта 1798 до 21 января 1809 года, и потомъ съ конца 1804 до августа 1807 года.

(6) Кадетами *ex proprиis* назывались юнкера дворянскаго происхожденія, одѣвавшіеся на собственный счетъ.

жестокомъ ударѣ, постигшемъ оба союзные корпуса. „Однажды вечеромъ — говоритъ онъ — когда я игралъ въ пикетъ съ Фенгерленомъ и капитаномъ, прибылъ нарочный съ письмомъ къ послѣднему отъ командира полка, извѣщавшимъ, что генералъ Корсаковъ потерпѣлъ совершенное пораженіе при Цюрихѣ, что его армія въ полномъ разстройствѣ; что австрійская дивизія, въ составъ которой входилъ полкъ Штайна, едва не попалась въ плѣнъ, но что, къ счастію, она успѣла отступить чрезъ горы, и теперь направляется къ Рейнбеку, гдѣ перейдетъ Рейнъ и расположится на берегу озера. Командиръ нашъ прибавлялъ, что полкъ займетъ караулы въ Линдау, куда должны быть перевезены изъ Арбона и всѣ раненые.“ Между тѣмъ какъ Нельи, за болѣзнію капитана, занимался приготовленіями къ отправкѣ послѣдняго, вѣсть о разбитіи Корсакова уже распространилась повсюду и поразила умы всѣхъ паническимъ страхомъ. По словамъ Нельи, только и слышно было, что о жестокостяхъ, совершаемыхъ отступавшими Русскими, которые грабили, убивали, жгли повсюду. Впрочемъ — замѣчаетъ онъ — Французы поступали не лучше Русскихъ: они не пощадили и того, что случайно уцѣлѣло отъ послѣднихъ [7]).

Въ это время Нельи встрѣтился съ Суворовымъ, выходившимъ изъ горъ долиною верхняго Рейна, послѣ страшнаго похода, увѣнчавшаго его единственнымъ недостававшимъ ему „родомъ славы“ — побѣдою надъ самою природою. Нельи оставилъ намъ портретъ великаго русскаго полководца. „Суворовъ — говоритъ онъ — разбитый въ малыхъ кантонахъ [8]), гдѣ онъ думалъ соединиться съ нами,

---

(7) Пораженіе Корсакова при Цюрихѣ было полное. Нѣкоторые полки — говоритъ г. Милютинъ — были почти разсѣяны, и только впослѣдствіи, когда войска уже отступили къ Рейну, мало по малу являлись люди, считавшіеся погибшими или въ плѣну: пробравшись лѣсами и окольными дорогами, они цѣлыми командами присоединялись къ своимъ полкамъ (Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I, т. IV, стр. 103—104. Спб. 1853). Этимъ-то разсѣяннымъ и пробиравшимся къ Рейну командамъ и надо, по всей вѣроятности, приписать тѣ жестокости, которыя наполняли ужасомъ страну.

(8) Здѣсь Нельи разумѣетъ пораженіе при Цюрихѣ Римскаго-Корсакова на соединеніе съ которымъ шелъ изъ Италіи Суворовъ, пораженіе, имѣв-

принужденъ былъ отступить предъ Граубюнденъ съ своею значительно уменьшенною, — но не потерявшею мужества арміею. Мы отправились на встрѣчу ему съ провіантомъ, боевыми припасами и одеждой. Тамъ-то впервыя я увидѣлъ этого энергическаго человѣка, передъ желѣзною волею котораго преклонялись обожавшая его и по одному мановенію его безпрекословно управлявшая армія. Я ожидалъ увидѣть безобразную фигуру, съ сильно развитыми мускулами, выразительною физіономіей, съ отпечаткомъ энергіи; но вмѣсто того увидѣлъ сухощаваго, слабаго старичка, съ весьма непріятными чертами лица (d'une laide physionomie); онъ былъ въ полотняномъ кителѣ, не смотря на суровое время года; говорилъ языкомъ вдохновеннаго и казался иногда не въ своемъ умѣ. Онъ ежедневно обтирался холодною водою; одну недѣлю пилъ воду, другую — употреблялъ крѣпкіе напитки, и эта перемѣна питья не производила на него, по видимому, никакого дѣйствія. Онъ безпрестанно крестился и при встрѣчѣ съ священникомъ какого бы то ни было исповѣданія бросался на колѣни и просилъ благословенія. При всемъ томъ, когда какой-нибудь священникъ его арміи впадалъ въ тяжкую вину, онъ присуждалъ его къ кнуту или надѣлялъ пощечиной. Онъ одѣвался иногда, безъ всякой надобности, въ полный фельдмаршальскій богато вышитый мундиръ, со звѣздами и лентами, покрывавшими его съ обѣихъ сторонъ. Иногда онъ садился на-земь съ солдатами и ѣлъ съ ними изъ котла, въ присутствіи своего штаба и даже насъ. Одинъ изъ его генераловъ въ чемъ-то провинился по службѣ: онъ призвалъ его къ себѣ, долго журилъ, потомъ приказалъ ему взять мѣдную каску, ружье и амуницію гренадера и поставилъ его на цѣлыхъ два часа на караулѣ у своихъ дверей. Я самъ былъ очевидцемъ этого.“

Хотя бы нѣкоторыя черты этого портрета и были преувеличены, онъ все-таки любопытенъ, потому что писанъ современникомъ съ натуры.

шее такое рѣшительное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ кампаніи и поставившее въ крайнюю опасность фельдмаршала: тогда на военномъ совѣтѣ въ Муттенской долинѣ принято было мнѣніе великаго князя Константина Павловича, вмѣсто Шинца, идти къ Глярису, и 19/30 сентября русская армія начала свое трудное и славное отступленіе.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь также разсказъ графа Нёльи объ участіи, какое принималъ онъ въ выступленіи русской арміи изъ Швейцаріи, разсказъ, не лишенный нѣкотораго интереса, хотя авторъ видимо старается придать себѣ болѣе значенія, чѣмъ онъ могъ имѣть тогда.

„Когда императоръ Павелъ отозвалъ свою армію въ Россію—говоритъ онъ—она двинулась въ походъ разными дорогами, чтобы не быть въ тягость странѣ. При каждой колоннѣ состоялъ офицеръ австрійской службы, который, зная французскій языкъ, долженъ былъ служить переводчикомъ, заготовлять, по соглашенію съ мѣстными властями, квартиры и продовольствіе, устранять затрудненія и предупреждать столкновенія между Русскими и туземцами. На меня возложена была эта обязанность при дивизіи графа Шереметева, человѣка умнаго, образованнаго, но самовластнаго и готоваго къ насилію, когда что-нибудь шло не по немъ. Я скоро разгадалъ этого человѣка и понялъ, какъ мнѣ слѣдовало дѣйствовать. Въ бесѣдахъ съ нимъ я постарался высказаться и установить характеръ нашихъ отношеній, обнаруживъ твердую рѣшимость не уступать ни въ чемъ моихъ правъ. Я очень вѣжливо далъ ему замѣтить, что мнѣ нечего получать отъ него приказаній, и что всѣ офиціальныя сношенія его съ мѣстными властями должны происходить чрезъ мое посредство. Условившись въ этомъ, мы жили въ ладахъ. У меня подъ командой было триста человѣкъ нашихъ солдатъ, которыхъ я старался отдѣлять отъ Русскихъ.

„Шереметевъ командовалъ артиллеріей (9). Для ящиковъ и пушекъ надо было заготовлять лошадей на всемъ протяженіи пути, а крестьяне поставляли ихъ весьма неохотно. Русскіе наводили на нихъ ужасъ. Вездѣ, при ихъ прибли-

(9) Это была, вѣроятно, та полевая артиллерія, которая вмѣстѣ съ обозами отправлена была изъ Италіи чрезъ Граубюнденъ и Тироль и могла присоединиться къ войскамъ Суворова въ долинѣ верхняго Рейна, куда онъ, по совѣту Великаго Князя Константина Павловича, и направилъ свой путь изъ Гларнса вверхъ по долинѣ Зернфта, чрезъ снѣговой хребетъ Ринвгенъ-Копфъ и деревеньку Паниксъ, къ Иланцу.

женіи, дома запирались ([10]). Эти мнимые герои Сѣвера принесли съ собою въ Швейцарію пустой желудокъ и долгія руки. На свѣтѣ не бывало большихъ хищниковъ. Отъ воровства ихъ не были безопасны и ихъ генералы. Нельзя бывало оставить ни багажа, ни лошадей — мигомъ подтибрятъ. Наружность солдатъ была страшная, а нарядъ ихъ крайне смѣшной: это былъ прусскій нарядъ временъ Семилѣтней войны, съ тѣмъ только различіемъ, что у Русскихъ онъ былъ цвѣта зеленаго, а у Пруссаковъ синяго. Ничего не могло быть забавнѣе ихъ шляпъ: два угла по сторонамъ касались плечъ, а середній былъ приплюснутъ и едва выдавался. Верхнее платье солдатъ было довольно чисто; но подъ нимъ скрывалась страшная грязь. Лучше содержались отборные полки кавалеріи.

„Прибывъ въ Траунбургъ, принадлежавшій графу Трухгесу, мы съ Шереметевымъ остановились въ замкѣ, оберамтманъ котораго принялъ насъ съ почетомъ. Мы должны были пробыть тамъ два дня. Русскіе расположились лагеремъ внѣ города, а мой отрядъ размѣщенъ былъ по квартирамъ съ приказаніемъ быть всегда на сторожѣ.

„Трое русскихъ солдатъ, не смотря на запрещеніе, вышли изъ лагеря и, пройдя съ милю, явились въ одной большой деревнѣ, гдѣ спросили себѣ ѣсть и пить, а потомъ стали заигрывать съ одной женщиной, которая не могла отбиться отъ ихъ нахальнаго любезничанья и подняла громкій крикъ. На крикъ сбѣжалось множество крестьянъ. Русскіе обнажили сабли, нѣсколько человѣкъ поранили, но принуждены были уступить превосходству силы. Двое изъ нихъ были убиты, третій бѣжалъ. Прибывъ въ лагерь, онъ разсказалъ исторію по своему. Когда объ ней было доведено до свѣдѣнія Шереметева, онъ вспыхнулъ и вошелъ въ мою комнату съ страшно измѣнившимся лицомъ. „Моихъ солдатъ убиваютъ — вскричалъ онъ — но я отмщу за ихъ смерть! Огнемъ и мечомъ я разорю это гнѣздо разбойниковъ—и полагаюсь на ваше содѣйствіе“. Я не мѣшалъ изливаться

([10]) Впрочемъ, въ другихъ мѣстностяхъ Швейцарцы встрѣчали Русскихъ съ большимъ радушіемъ: по свидѣтельству графа Е. Ѳ. Комаровскаго, они выносили на встрѣчу нашимъ солдатамъ вино, хлѣбъ, сыръ и фрукты. (Русс. Арх. 1867 г., стр. 532).

его гнѣву, чтобы тѣмъ временемъ обдумать, какъ мнѣ слѣдовало поступить въ этомъ дѣлѣ. — Генералъ, сказалъ я ему, военная экзекуція невозможна, и я буду противиться ей всѣми силами. Вы говорите, что двое изъ вашихъ солдатъ убиты; отвѣчаю вамъ честью, что вы получите удовлетвореніе. Мы въ странѣ, управляемой законами, и надо сообразоваться съ ними, чтобы не подвергнуться отвѣтственности. — Въ эту минуту вошелъ оберамтманъ съ вытянутымъ и встревоженнымъ лицомъ. Бѣшенство генерала вышло тутъ изъ всякихъ предѣловъ. Но такъ какъ одинъ говорилъ по-русски, а другой по-нѣмецки, то они и не понимали другъ друга.

„Пора было наконецъ вмѣшаться въ это дѣло. — Графъ, сказалъ я, вы опять заговорили о военной экзекуціи, объ убійствахъ и пожарѣ,—я долженъ сказать вамъ напрямикъ, что не потерплю этого. У меня всего триста человѣкъ, а у васъ пять тысячъ; но въ двухъ миляхъ отсюда стоятъ четыре полка пѣхотныхъ и одинъ кирасирскій, и я буду держаться до ихъ прибытія. Въ ожиданіи ихъ, я ударю въ набатъ, и всѣ крестьяне подымутся поголовно. Подумайте о послѣдствіяхъ. Графъ Трухзесъ имѣетъ большой вѣсъ въ Вѣнѣ: узнавъ о стычкѣ, происшедшей вслѣдствіе вашей горячности, онъ поставитъ на ноги Императорскій Дворъ — и графъ Шереметевъ, пожалуй, отправится еще въ Сибирь на охоту за соболями. Если же, напротивъ, вы предоставите это дѣло мнѣ, я наряжу слѣдствіе; потомъ составлю смѣшанную коммиссію изъ двоихъ моихъ офицеровъ и помѣщичьихъ судей (juges seigneuriaux) подъ моимъ предсѣдательствомъ — и будьте увѣрены, что каковъ бы ни былъ произнесенный приговоръ, ни одна сторона не будетъ имѣть основанія на него жаловаться. — „Дѣлайте, какъ знаете“ — сказалъ генералъ — выходя изъ комнаты. — Подождите минуту — закричалъ я вслѣдъ ему: отдайте строжайшее приказаніе, чтобы никто не выходилъ изъ лагеря, ни офицеры, ни солдаты. Я пошлю офицера съ пятьюдесятью человѣками занять деревню, а на счетъ остальнаго условлюсь съ оберамтманомъ.

„Мы говорили на французскомъ языкѣ, котораго послѣдній не понималъ, и потому во все время нашего разговора

находился въ состояніи страха: гнѣвное выраженіе лица русскаго генерала не могло дѣйствовать за него успокоительно. Я объяснилъ ему, на чемъ мы порѣшили, и онъ въ восхищеніи поцѣловалъ мнѣ руку.

„Собралась коммиссія. Было выслушано болѣе шестидесяти свидѣтелей, въ присутствіи генерала и многихъ русскихъ офицеровъ, изъ коихъ нѣкоторые понимали по-нѣмецки. Было доказано, что трое солдатъ ушли изъ лагеря за грабежомъ и первые затѣяли ссору: въ этомъ прямо сознался оставшійся въ живыхъ ихъ товарищъ. Но, принимая во вниманіе, что крестьяне убили двоихъ человѣкъ, вмѣсто того чтобъ ихъ задержать, что имъ должно и можно было сдѣлать, коммиссія приговорила четверыхъ изъ нихъ къ наказанію палками и къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ. Экзекуція должна была происходить на слѣдующій день, и исполненіе ея возложено было на моихъ капраловъ. Я приказалъ имъ опускать удары полегче, а оберомтманъ взялъ на себя позаботиться о подбивкѣ шерстью нижняго платья преступниковъ, чтобы они не чувствовали боли. При каждомъ ударѣ они должны были дѣлать судорожныя движенія. Я придалъ нѣкоторую торжественность этой экзекуціи, такъ что всѣ остались довольны. Графъ Труксесъ прислалъ мнѣ благодарственное письмо, и поведеніе мое въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ было одобрено также моимъ полковымъ командиромъ и нашими генералами.

„Шереметевъ привелъ съ собою изъ Россіи четырехъ сибирскихъ борзыхъ собакъ, необыкновенно огромныхъ, съ длинною сѣрою и жесткою шерстью и съ длинными, чуть не въ палецъ, зубами. Эти животныя были такъ сильны и ловки, что, бросившись на волка, вышедшаго на равнину, они въ одно мгновеніе его схватили, опрокинули и задавили. Мы часто охотились, и русскіе солдаты служили намъ загонщиками. Однажды Шереметевъ предложилъ мнѣ охоту на слѣдующій день. Не помню ужъ, почему моя лошадь не могла служить мнѣ въ этой поѣздкѣ. Когда я сказалъ ему объ этомъ, онъ вызвался ссудить меня лошадью. Послѣ завтрака, мы вышли, и мнѣ подвели лошадь, которая много походила на описанную въ Апокалипсисѣ. Я не могъ

удержаться отъ смѣха.—„Что, вы смѣетесь надъ нею? сказалъ Шереметевъ. Садитесь-ка, да испробуйте ее: вы первымъ прискачете на звукъ охотничьяго рога къ убитому звѣрю. Съ Богомъ!“—Я сѣлъ на эту гадину и сталъ пришпоривать ее по правиламъ верховой ѣзды; но увы, лошадь ни съ мѣста! Шереметевъ смотрѣлъ и хохоталъ, какъ сумасшедшій. Наконецъ, онъ промолвилъ какое-то слово — и лошадь понеслась стрѣлою. Я старался хоть нѣсколько сдержать ее, умѣрить; но это оказалось невозможнымъ: словно кто подгонялъ ее сзади. Графъ, скакавшій за мною въ близкомъ разстояніи, промолвилъ опять слово — и лошадь, отъ бѣга которой у меня заняло духъ, вдругъ стала, какъ вкопанная. Я упалъ на ея шею. Проклятое животное стояло неподвижно, упершись четырьмя ногами въ землю, какъ было до отъѣзда. Шутка эта мнѣ крѣпко не понравилась, и я едва сдержалъ сердце. „Мнѣ хотѣлось только познакомить васъ съ нашими казацкими лошадьми — сказалъ мнѣ Шереметевъ—вы судили о нихъ по виду: теперь знаете, каковы онѣ.“—Благодарствуйте—отвѣчалъ я ему—но впредь я не сяду уже на подобное животное. — Тогда онъ приказалъ привести мнѣ другую лошадь, поумнѣе.

„Я сопровождалъ нашихъ друзей, Русскихъ, до Ульма, гдѣ, благодаря Бога, былъ смѣненъ и воротился въ Линдау“.

М. Шугуровъ.

Записочки Великаго Князя Павла Петровича къ Ѳедору Ивановичу Курдюкову.

Ѳ. И. Курдюковъ служилъ офиціантомъ и завѣдывалъ дворцомъ въ Павловскомъ, которое долго было любимымъ мѣстопребываніемъ Павла Петровича. Записочки эти печатаются съ подлинниковъ, принадлежащихъ Павлу Александровичу Степанову. Правописаніе сохранено. *П. Б.*

1.

Курдюковъ. Пришли сюда садовника Мамонова съ курьеромъ. П.

2.

С. Петербургъ. Сентября 3, 1779.

Завтре будемъ мы къ вамъ на четырѣ дни. Николаю Ивановичу (1) дать покои въ моемъ домѣ гдѣ Лаферміеръ жилъ, князю Куракину гдѣ Румянцовъ (2). А если кто еще будетъ, то раздѣлить по двумъ наугольнымъ. Верьховые лошади будутъ къ вамъ завтре. Павелъ.

3.

Петербургъ. Сентября 30. 1779.

Завтре мы будемъ къ тебѣ, всего на пять денъ. Лошади, естьли не помѣстятся у жены всѣ, то часть поставить у меня. Вѣли топить камины. Такъ же требуй отъ Кашкина(3) къ середѣ конопатчиковъ. Шуринъ мой будетъ жить гдѣ жилъ, такъ какъ и кавалеръ его. Салтыковъ съ Талызинымъ въ одной комнатѣ, Куракинъ въ своей, Румянцовъ въ наугольной, а Лаферміеръ у него въ передней. П.

4.

С. Петербургъ. Октября 17 дня 1779.

Курдюковъ. Скажи отъ меня Патону и покажи ему это письмо, что я буду къ вамъ 27 числа послѣ обѣда, и такъ, чтобъ всѣ передѣлки къ тому времени были готовы всеконечно и безъ всякой отговорки, безъ чего я поссорюся съ нимъ. Живописцы будутъ въ понедельникъ къ утру. Павелъ.

Отвѣчай, будетъ ли готово, какъ обѣщано, къ 27.

5.

С. Петербургъ. Октября 22 дня 1779.

Курдюковъ. Увѣдомь меня, какъ работы въ домахъ идутъ.

---

(1) Салтыкову. — (2) Вѣроятно графъ Михаилъ Петровичь.

(3) Полицмейстеръ Царскаго Села.

Каковы пѣчи и полы. Живописцы пріѣхали ли и когда. Начали ли они свою работу и когда отдѣлаются. О всемъ семъ увѣдомь меня подробно. П.

6.

С. Петербургъ. Октября 27 дня 1779.

Курдюковъ. Отвѣтомъ твоимъ я очень доволенъ. Со мною будутъ Лаферміеръ, которому дать прежнюю ево наугольную, графъ Румянцовъ возлѣ Лаферміера, графъ Салтыковъ гдѣ Куракинъ жилъ. Николай Ивановичь въ своей наугольной. Князь Куракинъ въ средней, гдѣ два камина. Павелъ.

7.

С. Петербургъ. Марта 5 дня 1780.

Курдюковъ. Увѣдомь меня, нѣтъ ли течей въ домѣ которомъ нибудь. Такъ же увѣдомляю тебя, что новое строеніе, которое начнется и продолженіе строенія храма поручено отъ меня подъ смотреніе Александра Федоровича Талызина, и такъ тебѣ по сему имѣть съ нимъ сношеніе во всемъ что по сему строенію до тебя касается. Строеніе же связей для служителей не въ его вѣденіи. Павелъ.

8.

С. Петербургъ. Марта 6 дня 1780.

Курдюковъ. Объ строеніи нечего мнѣ тебѣ много сказать какъ то что я тебѣ вчера писалъ. Храмъ и оранжарею строеніемъ я поручилъ Талызину, и такъ до Мѣшкова тутъ дѣла нѣтъ. Связи взялъ строить, какъ ты самъ знаешь, г. Брюсъ, и такъ ему знать, когда начинать. Ты забылъ мнѣ написать, текутъ ли дома и гдѣ именно, или нѣтъ. Избу умершаго оставить вдовѣ, какъ она хочетъ. Павелъ.

9.

С. Петербургъ. Апреля 9 дня 1780.

Курдюковъ. Мы будемъ завтре обѣдать въ Паулялускъ, то приготовься принять. Изъ пушекъ съ пріѣзда не стрѣлять, а только изъ 2-хъ къ обѣду. П.

*

Большая часть записокъ была запечатана краснымъ сургучомъ. На печати двухглавый орелъ подъ короною съ двумя щитами, изъ коихъ на одномъ Русскій гербъ (тотъ же двухглавый орелъ), а на другомъ Голштинскій. Надпись: „Офиціанту Федору Курдюкову въ *Паулялуск*“ (такъ на всѣхъ запискахъ писалъ Павелъ Петровичь названіе Павловскаго).

ИЗЪ БУМАГЪ ѲЕДОРА ѲЕДОРОВИЧА ВАДКОВСКАГО.

(Сообщено роднымъ его внукомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Вадковскимъ.)

Ѳ. Ѳ. Вадковскій (впослѣдствіи тайный сов. и дѣйств. камергоръ) былъ сынъ г. аншефа Ѳедора Ивановича Вадковскаго, который, командуя Семеновскимъ полкомъ, содѣйствовалъ Екатеринѣ ко вступленію на престолъ. Получивъ отличное образованіе, Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ раннихъ лѣтъ былъ близокъ къ Великому Князю Павлу Петровичу и сопровождалъ его въ путешествіи по Европѣ. Въ царствованіе Павла, Вадковскій изъ камергеровъ назначенъ комендантомъ въ Павловское и шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка (см. Р. Арх. 1867, стр. 232). Вадковскій женатъ былъ на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Чернышевой, отецъ которой гр. Иванъ Григорьевичъ, вице-президентъ адмиралтейской коллегіи, по самой этой должности, находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Великимъ Княземъ, генералъ-адмираломъ. *П. Б.*

Изъ собственноручнаго письма кн. Александра Б. Куракина къ Ѳед. Ѳед. Вадковскому отъ 15 Іюля 1788 изъ Спб. въ Шведскій походъ, когда В. Кн. Павелъ, находясь въ Финляндіи, имѣлъ неудовольствія съ главнокомандующимъ войсками и въ тоже время своимъ обергофмейстеромъ графомъ Валентиномъ Платоновичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ (котораго въ свое царствованіе Павелъ пожаловалъ въ фельдмаршалы).

Dieu veuille que la bouderie avec P. finisse au plutôt et pour ne se renouveller j'amais. Je le désire sincèrement pour la tranquillité et le vrai bien de celui que nous servons et à qui nous nous sommes voués de coeur et d'ame. Que Steinwer (1) est bavard, vain et

(1) Капитанъ Кирасирскаго Его Высочества полка Штейнверъ упоминается въ завѣщаніи В. Кн. Павла Петровича, въ пунктахъ 24 и 40-мъ: ему завѣщано двѣ верховыхъ лошади съ богатыми уборами и табакерка

imprudent! Vous savez que je m'en suis toujours apperçu; mais il faut qu'il réste dans les bornes, qu'il n'ait aucune influence, surtout aucune influence nuisible et de travers sur des objets qui ne sont pas de sa portée. Connaissant ma tendre amitié pour mon frère Alexis et de là l'intérêt que je prends à tous ceux qui lui appartiennent, vous pouvez apprécier, mon cher ami, toute la reconnaissance que je vous ai pour tout ce que vous avez bien voulu faire en faveur d'Ouvaroff (²). Je ne puis vous cacher qu'il est parti plein d'angoisses et d'amertume sur les désagrement et chagrins qu'il comptait d'essayer. Grace à vous il va être plus heureux! C'est un parfait honnête homme; je le connais pour tel. Il ne manque que du coté d'une négligence souvent condamnable; mais elle ne pourra avoir lieu en lui, étant excité à present par l'émulation de se rendre digne du suffrage et de la bienveillance de son maitre futur. Tout ce que vous daignerez faire à l'avenir pour lui en faciliter les moyens, sera autant de preuves nouvelles de votre amitié pour moi et mon frère, et je suis trop sûr de vous pour ne pas oser l'ésperer. La nouvelle que vous me donnez que tout le monde est content de notre cher Grand Duc me pénètre de joie. Que le Ciel continue à le bénir. Je voudrais que chacun l'aime et le connut autant que moi.... On me permette à votre retour de regagner ma retraite et d'y jouir en paix de tous ces dons que Dieu m'y a accordés... (³). Je suis toujours près de M-me la Grande Duchesse que je chéris toujours d'avantage par l'attachement sans bornes qu'elle a pour son mari, pour ce cher Pàwlouschka que j'aime aussi de tout mon coeur.

Переводъ.

Дай Богъ, что-бы ссора съ П. прекратилась какъ можно скорѣй и для того, что-бы никогда не возобновиться. Желаю

въ тысячу рублей. См. Вѣстн. Евр. 1867, I, 313. Въ этомъ же завѣщаніи, составленномъ въ Январѣ 1788 года, камергеру Ѳедору Вадковскому назначенъ полковой обозъ.

(²) Семенъ Ѳедоровичъ Уваровъ (находившійся тогда въ походѣ и умершій въ этомъ году въ Финляндіи) и братъ князя Куракина, князь Алексѣй Борисовичъ, были женаты на родныхъ сестрахъ (Головиныхъ) С. Ѳ. Уваровъ, отецъ графа Сергѣя Семеновича, командовалъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ, и Великій Князь былъ недоволенъ такъ называемою распущенностью этого полка.

(³) Какъ извѣстно, кн. А. Б. Куракинъ въ послѣдніе годы Екатерининскаго царствованія пріѣзжалъ въ Петербургъ только на время, большею же часть года проводилъ въ Сердобскомъ имѣніи своемъ.

этого искренно, для спокойствія и истиннаго блага того, кому мы служимъ, и кому мы преданы душой и сердцемъ? Какъ Штейнверъ болтливъ, пустоголовъ и неосторожень! Вы знаете, что я это всегда замѣчалъ; но нужно, что-бы онъ оставался въ должныхъ границахъ, что-бы онъ не имѣлъ никакого вліянія, въ особенности никакого вреднаго и безтолковаго вліянія на предметы, которые ему не по плечу. Зная мою нѣжную дружбу къ брату моему Алексѣю и проистекающее изъ нея участіе ко всѣмъ тѣмъ, кто къ нему близокъ, вы можете оцѣнить, любезный другъ, всю признательность, которую я къ Вамъ чувствую за все то, что Вы имѣли обязательность сдѣлать въ пользу Уварова. Не могу скрыть отъ Васъ, что онъ уѣхалъ исполненный страха и горечи по поводу непріятностей, которыхъ онъ себѣ ожидалъ. Благодаря Вамъ, онъ будетъ счастливѣе! Это вполнѣ честный человѣкъ; я знаю его за таковаго. Единственный его недостатокъ — небрежность, часто предъосудительная; но онъ теперь не можетъ грѣшить ею, такъ какъ онъ возбужденъ рвеніемъ сдѣлаться достойнымъ одобренія и доброжелательства будущаго своего Государя. Все то что вы впредь соблаговолите сдѣлать, что-бы облегчить ему эту задачу, будетъ новымъ доказательствомъ дружбы Вашей ко мнѣ и къ моему брату, и я слишкомъ въ Васъ увѣренъ, что-бы не надѣяться на Ваше содѣйствіе. Извѣстіе, сообщаемое Вами мнѣ о томъ, что всѣ довольны нашимъ дорогимъ Великимъ Княземъ, наполняетъ меня радостію. Да продлитъ надъ нимъ Небо Свое благословеніе! Какъ хотѣлъ-бы я, что-бы всѣ любили и знали его на столько-же, какъ и я. Мнѣ позволятъ при Вашемъ возвращеніи вернуться въ мое убѣжище и мирно наслаждаться въ немъ всѣми благами, въ немъ дарованными мнѣ Богомъ. Я все еще нахожусь при Государынѣ Великой Княгинѣ, которую люблю болѣе съ каждымъ днемъ за безграничную ея привязанность къ ея мужу, къ этому дорогому Павлушкѣ, котораго я также люблю всѣмъ сердцемъ.

Два письма Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны къ Ѳ. Ѳ. Вадковскому.

Храповицкій записалъ подъ 24 Іюня 1788 г.: „Его Высочество цесаревичъ ѣдетъ съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ; командированъ и его полкъ кирасирскій". На другой день: „Наслѣдниковъ полкъ, Его Высочествомъ предводимый, проходилъ мимо дворца; штабы оставлены при столѣ (т. е. обѣдать у Государыни) и на полкъ пожаловано 1000 рублей. Тутъ прослезилась Великая Княгиня, и примѣтное смущеніе сокрывала Ея Императорское Величество." Изъ дневника Храповицкаго видно, что Павелъ Петровичъ возвратился изъ похода 18 Сентября. Эти три мѣсяца онъ провелъ въ дѣйствительной боевой службѣ. Любопытно, что старикъ графъ Н. И. Панинъ тогда же снарядилъ въ походъ и отправилъ къ цесаревичу своего единственнаго сына, графа Никиту Петровича, едва вышедшаго тогда изъ отроческихъ лѣтъ. *П. Б.*

1.

Ce dimanche $^{9}/_{13}$ juillet 1788

Que Dieu vous rende, mon cher Vadkofski, de m'avoir donné de si bonnes nouvelles de mon cher Mari. Elles me sont bien nécessaires: ses bontés, son souvenir, sa tendresse fait mon bonheur, mon soutien. Dites lui que ses lettres ne quittent pas mon cœur, et qu'en regardant son portrait, je lui parle comme s'il m'entendoit. Dieu veuille raccourcir ces jours de tristesse et de peine. J'éspère en Sa miséricorde. L'epreuve est trop cruelle pour pouvoir durer. Ayez bien soin du régime de mon cher Mari; au nom de Dieu engagez-le à ne pas trop s'echauffer par ces chaleurs; veillez à sa précieuse conservation avec tous les soins d'un ami, et en vous souvenant que vous m'en avez fait le serment. Dites à Block (*) que l'assurance qu'il m'a donné de la bonne santé de mon Mari m'a rendu heureuse. Dites lui qu'il ne me fasse ignorer aucun détail quelconque; dites aussi à Kocheloff que la lecture de son journal m'a fait grand plaisir: entendre parler de mon Mari c'est mon unique consolation. J'ai envoyé chez vos nièces pour savoir si elles veulent vous écrire. Adieu. Comptez que les soins que vous donnerez au plus adoré des époux vous assurent mon éternelle reconnoissance. Votre bien affectionnée Marie.

(*) Лейбъ-медикъ цесаревича.

Воскресенье $^{2}/_{13}$ Іюля 1788 г.

Да вознаградитъ Васъ Богъ, любезный Вадковскій, за то, что Вы дали мнѣ столь хорошія вѣсти о дорогомъ моемъ мужѣ. Они мнѣ очень нужны; его вниманіе, его память, его нѣжность составляютъ мое счастіе, мою поддержку. Скажите ему, что его письма не оставляютъ моего сердца, и что, глядя на его портретъ, я бесѣдую съ нимъ, какъ если-бы онъ меня слышалъ. Да сократитъ Господь эти дни печали и заботы. Уповаю на Его милосердіе. Испытаніе это слишкомъ жестоко, чтобы быть продолжительнымъ. Тщательно смотрите за образомъ жизни моего дорогаго мужа; ради Бога настаивайте на томъ, чтобы онъ не разгорячался во время этихъ сильныхъ жаровъ; охраняйте его драгоцѣнное здоровье со всею заботливостію друга, помня Ваше клятвенное обѣщаніе. Скажите Блоку, что его увѣренія въ удовлетворительности здоровья моего мужа осчастливили меня. Скажите ему, чтобы онъ не скрывалъ отъ меня никакой, даже малѣйшей, подробности. Скажите также Кошелеву, что чтеніе его дневника сдѣлало мнѣ большое удовольствіе: слышать о моемъ мужѣ, это мое единственное утѣшеніе. Я послала къ Вашимъ племянницамъ, чтобы узнать, не хотятъ ли онѣ писать къ Вамъ. Прощайте. Помните, что Ваши попеченія о самомъ обожаемомъ изъ супруговъ даютъ Вамъ право на вѣчную мою признательность. Искренно любящая Васъ Марія.

Крѣпкая любовь, которая соединяла этихъ супруговъ и которая, со стороны Павла Петровича, особенно выразилась въ его завѣщаніи, написанномъ во время сборовъ на войну (Вѣстн. Евр. 1867, кн. I) дала прекрасные плоды въ дѣтяхъ ихъ: это былъ цѣлый рядъ доблестныхъ характеровъ. *П. Б.*

2.

Ce $^{11}/_{22}$ juillet 1788.

Il faut que je sois aussi persuadée que je le sois de votre honnêteté, mon bon Vadkofski, pour vous parler sur un sujet qui m'afflige véritablement. Je vois par tout que mon Mari m'ecrit qu'il est mécontent du Ct. Puchkine, et qu'il est aigri contre lui. J'en suis affligée étant persuadée que si le Ct. Puschkine manque même dans ses procédés, son coeur n'y a pas la moindre part. Je vous conjure au

nom de votre attachement pour mon Mari d'employer tous vos efforts, tous vos soins à l'adoucir. Tachez de tourner tout du bon coté et obtenez du Grand Duc qu'il approfondisse les torts de Puschkine, car alors je suis persuadée qu'il verra qu'ils ne sont qu'apparents et qu'il ne manque que dans les formes. Je crains, je vous l'avoue, qu'il n'y ait quelqu'un qui aigrisse l'esprit de mon Mari contre Puschkine, et vous connaisant honnête homme, je vous dirai même que j'ai dans l'idée que c'est Steinwer. Au nom de Dieu, si vous croyez ma supposition juste et si mon Mari vous parle de ses griefs contre Puschkine, sachez d'amméner la conversation de manière que vous puissiez le supplier de se méfier des insuniations de Steinwer contre Puschkine, parceque j'ai été témoin moi-même que Steinwer s'est permis un propos contre lui qui m'a fâché et que j'en ai fait des reproches à Steinwer. Vous pouvez même me citer et dire que je vous l'ai conté. Le fait est tel que lorsque l'histoire du bataillon a eu lieu, Steinwer en ma présence a voulu donner le soupçon à mon Mari que c'était la mauvaise volonté de Puschkine qui avait donné lieu à cet arrangement; alors j'ai demandé à Steinwer avec un ton très fâché: Comment osez vous dire une chose pareille tandisque je sais le contraire? Après ces données vous m'avouerez que je puis bien supposer Mr. de Steinwer toujours dans les mêmes principes, surtout mon Mari ayant été très content du Ct. Puschkine les premiers jours et ayant changé d'opinion après l'arrivée de Steinwer. Au mon de Dieu, mon bon Vadkowski, agissez avec prudence et zèle. Je crains les suites les plus facheuses de cette brouillerie, et il faut tout employer pour effacer du coeur du Grand Duc les soupçons qu'il a contre cet homme qui quoique manquant de procéde est l'honnêteté même. Cette lettre n'est que pour vous, et vous devez avoir l'air d'agir de vous-même, comme vous me l'avez promis saintement à Pawlowsky, où malheureusement j'ai prévue ce qui arrive. J'attends avec impatience de vos nouvelles, et je me flatte que vous m'en parlerez avec l'intégrité et la vérité que je vous connais. Tout ce que je viens de vous dire vous prouve mon éstime. Votre affectionnée Marie.

Переводъ.

$^{11}/_{22}$ Іюля 1788.

Нужна вся моя увѣренность въ вашей честности, добрый мой Вадковскій, для того, что-бы я заговорила съ вами о предметѣ, искренно меня огорчающемъ. Я вижу по всему, что

пишетъ мнѣ мой мужъ, что онъ недоволенъ графомъ Пушкинымъ, и что онъ противъ него раздраженъ. Я этимъ опечалена, ибо убѣждена въ томъ, что если даже въ поступкахъ графа Пушкина была какая-либо неправильность, его сердце въ ней не участвовало. Умоляю васъ, во имя вашей привязанности къ моему мужу, употребить всѣ усилія, всѣ старанія, для того, что-бы смягчить его. Постарайтесь все повернуть въ хорошую сторону, и добейтесь отъ Великаго Князя, что-бы онъ вникъ въ провинности Пушкина, и онъ тогда, я въ томъ увѣрена, увидитъ, что онѣ лишь кажущіяся, и что его проступки касаются только формы. Опасаюсь (признаюсь въ этомъ) что-бы не было кого-нибудь, кто-бы раздражалъ моего мужа противъ Пушкина и, зная вашу скромность, скажу вамъ даже, что мнѣ сдается, что это Штейнверъ. Ради Бога, если вы считаете мое предположеніе основательнымъ, и если мой мужъ заговоритъ съ вами о своихъ неудовольствіяхъ противъ Пушкина, постарайтесь направить разговоръ такимъ образомъ, что-бы вы могли умолять его не довѣряться внушеніямъ Штейнвера противъ Пушкина, ибо я сама была свидѣтельницею тому, что Штейнверъ позволилъ себѣ говорить противъ него, за что я разсердилась и сдѣлала Штейнверу упреки. Вы даже можете на меня сослаться и сказать, что я вамъ это разсказала. Дѣло въ томъ, что когда произошла исторія съ батальономъ, Штейнверъ въ моемъ присутствіи попытался возбудить въ моемъ мужѣ подозрѣніе, будто Пушкинъ подалъ поводъ къ этому обороту дѣла; тогда я спросила Штейнвера весьма гнѣвнымъ тономъ: „Какъ смѣете вы говорить подобныя вещи, когда мнѣ извѣстно противное?“ По этимъ даннымъ, вы согласитесь, что я въ полномъ правѣ предполагать, что г. Штейнверъ держится все тѣхъже правилъ, тѣмъ болѣе, что мой мужъ первые дни былъ очень доволенъ графомъ Пушкинымъ, и измѣнилъ свое мнѣніе лишь по прибытіи Штейнвера. Ради Бога, добрый мой Вадковскій, дѣйствуйте съ осторожностію и усердіемъ. Я опасаюсь отъ этой ссоры самыхъ прискорбныхъ послѣдствій, и нужно употребить всѣ средства, что-бы изгладить въ сердцѣ Великаго Князя подозрѣнія, питаемыя имъ противъ этого человѣка, который сама честность, хотя способъ

его дѣйствій и бываетъ исправленъ. Это письмо только для васъ, и вы должны дѣлать видъ, что дѣйствуете по собственному побужденію, какъ вы мнѣ это свято обѣщали въ Павловскомъ, гдѣ, къ несчастію, я предвидѣла то, что́ случилось. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ вѣстей, и льщу себя надеждою, что вы будете передавать мнѣ ихъ съ той правдивостію и честностію, которыя мнѣ извѣстны. Все то, что́ я вамъ сказала доказываетъ вамъ степень моего уваженія. Любящая васъ Марія.

Письма Великаго Князя Павла Петровича.

1.

Gatchina ce 10 Septembre 1789.

J'ai reçu, mon ami, votre lettre d'hier et je suis bien aise de vous sçavoir sanctionné par le grand-chambellan chès nous. J'ai bien peur seulement que notre train de vie n'ennuie madame. Adieu, mon ami. Votre fidèl Paul.

Гатчина, 10 Сентября 1789 г.

Я получилъ, другъ мой, Ваше вчерашнее письмо, и я очень радъ знать, что Васъ утвердилъ при насъ Оберъ-Каммергеръ. Очень боюсь только, чтобы нашъ образъ жизни не надоѣлъ Вашей супругѣ. Прощайте, другъ мой. Вашъ неизмѣнный Павелъ.

2.

Copie. Vous saurés, monsieur de Vadkowsky, qu'il y a un paquet de ma part pour l'Impératrice. Je vous autorise de vous présenter avec ce billet à Sa Majesté et de Lui indiquer la route des papiers que vous me connaissés, en cas de ma mort. Paul.

Ce 11 de Mars 1790 (¹).

L'original a été remis à S. M. l'Empereur Paul par Mr. Danaourow le 9 Novembre 1796.

Переводъ. *Копія.*

Вамъ будетъ извѣстно, г. Вадковскій, что есть пакетъ отъ меня къ Императрицѣ. Уполномочиваю васъ явиться съ этою запискою къ Ея Величеству, и указать Ей путь къ бумагамъ моимъ, вамъ извѣстнымъ, въ случаѣ моей смерти. Павелъ.

11 Марта 1790.

Оригиналъ былъ возвращенъ Его Величеству Императору Павлу г. Данауровымъ 9 Ноября 1796.

3.

Гатчина, 3 Іюня 1791 г.

Всѣмъ сердцемъ сожалѣю, Федоръ Федоровичъ, что ты опять не здоровъ; вчера я и не зналъ, что ты болѣнъ и

(¹) И такъ не въ одномъ 1788 году, но и еще разъ Павелъ Петровичъ обращался къ мысли о смерти. Замѣчательно, что эта записка написана ровно за одиннадцать лѣтъ до его кончины.

свѣдалъ, не видавъ тебя. Еслибы можно было, то не только бы приказалъ тебѣ пріѣхать, но и приказалъ бы быть здоровымъ; между тѣмъ ты бы путемъ полечился, да и путемъ бы съ нами жилъ, а не наѣздами, отъ которыхъ можетъ быть тебѣ хуже. Прощай, увѣдомляй меня о себѣ. Твой другъ Павелъ.

4.

Павловское Іюля 6, 1791.

Скажи, другъ мой, отъ меня И. П. Солтыкову, что, повстрѣчавъ Бабарыкина (²) и спросивъ про полкъ, свѣдалъ, что онъ имъ не командуетъ; интересуясь въ немъ, поручилъ тебѣ ему сказать, чтобъ сіе перемѣнилъ, не забывая тѣхъ, кто могутъ меня интересовать и впредь въ подобныхъ случаяхъ. Прощай, мой другъ. Павелъ.

5.

Павловское. Августа 18, 1791.

Не видавъ тебя въ Царскомъ Селѣ, узналъ, что ты опять нездоровъ, о чемъ сердечно сожалѣю; напиши мнѣ, каковъ ты теперь, и въ мѣсто лихорадки пріѣзжай лутче ко мнѣ. Вчера познакомился съ твоимъ роднею. Тестя твоего поздравь отъ меня съ отпускомъ и желай ему выздоровленія. Прощай. П.

6.

Я слышалъ, братецъ, что покои твои здѣсь сыры и для того велѣлъ ихъ перемѣнить и дать тебѣ въ вѣрьху. Пожалуй, будь здоровъ и у насъ. П.

7.

Федору Федоровичу Вадковскому.

Получилъ я, другъ мой, твое письмо, за которое тебя благодарю, но недоволенъ имъ касательно твоего здоровья. Лѣчись, пожалуй, да и меня не покидай, а естли бы могъ ты у меня живучи лѣчиться, очень бы хорошо было. Благодарю тебя за желаніи твои, но забылъ ты дополнить, чѣмъ ихъ исполнить. Прощай. П.

(²) Петръ Ивановичъ Бабарыкинъ, дядя извѣстнаго графа Мамонова, командовалъ конною гвардіею. Его портретъ былъ недавно выставленъ въ Москвѣ въ залахъ Общества Любителей Художествъ.

8.

При мнимомъ (?) моемъ отъ сюда отъѣздѣ располагалъ съ вами подѣлиться, Федоръ Федоровичь, въ занятыхъ мною деньгахъ на сей случай какъ и во всемъ протчемъ и участи своей; хотя обстоятельства и перемѣнилися, но не намѣренiи мои. И такъ щолъ бы несправедливымъ не здѣлавъ того, что̀ намѣренъ былъ и потому прошу принять прилагаемой здѣсь по силѣ моей пакетъ, зная, что вамъ приготовлѣнiе причинило издержки. П.

9.

Есть ли тебѣ нечего дѣлать, прiѣзжай къ намъ обѣдать. Я всю ночь почти не спалъ и тѣмъ же немогу, чѣмъ всѣ дни жаловался. П.

10.

Благодарю васъ, Федоръ Федоровичь, за извѣщенiе ваше. Сожалѣю какъ о болѣзни вашей, такъ и о отъѣздѣ вашемъ, котораго о надобности могу себѣ представить. Вчера навѣдывался у воротъ вашихъ, не видавъ васъ на свадьбѣ. Надѣюсь, что вы долго тамъ не заживетесь и что до отъѣзда вашего увидимся. П.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія императора Павла I-го.

(Съ правописаніемъ подлинника).

1796-го года Ноября 7-го дня (1).

...Кончина вамъ уже известна Ея Величеству Государыне Екатерине Алексеевне и о вступленіи на Всероссійской престолъ Государя Императора Павла I-го. По повеленію Его Величества назначено перенесеніе тѣла покойнаго Государя Петра Федоровича изъ Невскаго монастыря въ Петропавловскій соборъ для погребенія съ ея Величествомъ, и во дворцѣ сего Ноября съ 15 дня допускаемы будутъ всякаго званія люди прощатца опричь мужиковъ. Учреждена для церемоніи печальная коммисія, въ коей присудствуетъ Есуповъ и отъ насъ въ сей коммисіи чиновники и иныя чины, въ томъ числе дядя Никита (2), въ Сенатъ съ сыномъ отряженные. Гвардія въ чинахъ уничтожена; гвардіи капитаны въ отставку выпущаемы будутъ арміи майорами, такъ и протчія чины по порядку. Сержантовъ не будетъ, а въ каждой роте одинъ фельтфебель, и будутъ ундеръ-офицеры и все какъ оберъ, такъ и все сержанты и ундеръ-офицеры; сверхъ комплетные и недоросли исключены. Будутъ мундиры гвардіи переменены на видъ прусской и, сказываютъ, все войско по прежнему обмундировано будетъ въ длинныя стриженныя волосы. У гвардіи офицеровъ виски обрезаны, и косы привязаны къ затылку по плотнее. Тарифъ отмененъ, а изданъ будетъ новой. Какъ поговариваютъ, что съ привозимыхъ товаровъ пошлина унижится, а съ отвозимыхъ увысится. Гвардіи офицерамъ не ѣздить въ шесть и четыре

(1) Письмо начато въ этотъ день и было продолжаемо въ слѣдующіе.

(2) По всей вѣроятности князь Никита Сергѣевичъ Урусовъ.

лошади, а парою, да и то въ саняхъ. Тоже приметно, что все гвардейскія офицеры, не доезжая дворца, выходятъ изъ каретъ и шествуютъ пешкомъ ко дворцу. Какъ лейбъ-кирасиры, казаки и гусары, также и батальоны морскія, которыя въ команде находится у Его Величества, и лейбъ-гранодеры проздравлены лейбъ-гвардіею. Кавалергардамъ всемъ позволена отставка въ армейскіе полки и къ статской службе, и на лицо ихъ будутъ изъ дворянъ набрано 800 человѣкъ ундеръ-офицеровъ; учить будетъ Его Величество артикулу и езерцыцыи. Его же Величество каждой день бываетъ при разводе со своимъ батальономъ и гвардіей и со всякимъ офицеромъ очень ласково обходится и жалуетъ отличныхъ при всемъ собраніи и разводе крестами, и къ народу очень ласковъ, даже не велитъ отгонять отъ себя. Естли же межъ тѣмъ итти ему, а притеснится народъ къ нему, сниметъ шляпу и въ которую сторону итти надобно будетъ, поклонится оному народу, которой безъ отгоненія даетъ дорогу поспѣшно. Въ городе же съ 10 часа вечера ночь должна быть, и чтобъ въ публичныхъ собраніяхъ разъезжалися и нигдебъ не были компаніи. А ночью ходящіе откликаются часовымъ своимъ именемъ и чиномъ, а не солдатомъ. А на нашу канцелярію(3) пожаловалъ 5000 душъ, какъ въ приложенномъ регистрѣ видеть можете. Черноморское адмиралтейское правленіе присоединено въ адмиралтейскую коллегію въ управленіе. Ожидаютъ послѣ воинскихъ перемѣнъ, что будетъ и штатскимъ. Въ Сенате еще не изволилъ быть, а обещался и какая перемена будетъ, уведомить васъ въ свободное время не умедлю. А со вступленія Его Величества на престолъ мы изъ канцеляріи не выходили по 10-е число и то въ 11-мъ часу ночи. Премножество дѣлъ у насъ, и препорученіевъ Его Величество много дѣлаетъ графу (4), да и предлагалъ графу, что онъ можетъ у него всегда обедать. По сей притчинѣ графъ до обеда и после обеда всякой день тамъ, а приезжаетъ домой на малое время. Я жъ замешкалъ васъ уведомить за множествомъ дѣлъ, а хотелъ маливкой записочкой увѣдомить васъ, но препятствіе то, что Его Величество изволилъ подорожные давать курьерамъ

(3) Канцелярія генералъ-прокурора.
(4) Генералъ-прокуроръ графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ.

съ инструкціями—никакихъ конвертовъ не брать съ собою, оной и остался у меня, а манифестъ и присяга вложены были въ конвертъ. Естли надобность во оныхъ вамъ, то прекратя.....

(Сообщено Е. П. Карновичемъ).

Письмо это было отправлено изъ Петербурга въ Ярославль Петру Степановичу Карновичу, бывшему при вступленіи Павла I-го на престолъ уѣзднымъ Ростовскимъ предводителемъ дворянства. Кѣмъ оно писано, не извѣстно, такъ какъ конецъ его оторванъ, а другихъ писемъ, писанныхъ такимъ же почеркомъ, не нашлось. Къ этому письму подшитъ писанный тою же рукою церемоніалъ перенесенія тѣла Екатерины II изъ опочивальни въ тронную залу.

ИЗЪ БУМАГЪ Е. И. НЕЛИДОВОЙ.

Помѣщаемыя ниже письма носятъ на себѣ характеръ до того исключительный и задушевный, что преданіе ихъ печати, даже теперь, когда писавшія ихъ лица такъ давно сошли въ могилу, почти отзывается нескромностію. Даже тотъ глубокій психологическій интересъ, которымъ проникнута каждая строка этой отрывочной переписки, не оправдывалъ-бы вполнѣ ея обнародованія, если-бы она не имѣла еще иного, болѣе важнаго значенія. Образъ замѣчательной женщины, имя которой стоитъ во главѣ этихъ строкъ, чистая и пламенная дружба, соединявшая ее съ Императоромъ Павломъ, благотворное вліяніе ея на этого Государя, все это нашимъ современникамъ было извѣстно до сихъ поръ лишь по устнымъ преданіямъ, быстро замирающимъ по мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ поколѣніе, принявшее ихъ отъ очевидцевъ. Краткій некрологъ, помѣщенный С. Д. Комовскимъ въ Сѣверной Пчелѣ 1839 года (№ 37-й), нѣсколько указаній въ современныхъ письмахъ, напечатанныхъ въ спеціяльныхъ изданіяхъ, указаній, свидѣтельствующихъ лишь о близости Е. И. Нелидовой съ Императрицею Маріею Ѳеодоровною и съ лучшими изъ лицъ, окружавшихъ ея супруга, вотъ всѣ данныя, которыя представляетъ наша печатная литература относительно одной изъ самыхъ симпатическихъ личностей недавняго прошлаго. Между тѣмъ, какъ видимъ мы изъ торжественнаго и трогательнаго письма Великаго Князя Павла Петровича къ Императрицѣ Екатеринѣ, клевета еще въ то время коснулась отношеній, которыя для всѣхъ, кто зналъ лично Екатерину Ивановну, стояли выше всякаго подозрѣнія. Клевета эта нашла отголосокъ и въ иностранной печати. Она могла-бы всплыть и въ нашей литературѣ, если-бы нижеслѣдующія

письма навсегда не заградили ей уста. Дѣйствительно, эти документы столь скудные какъ матерьялъ для біографіи Екатерины Ивановны, за то съ убѣдительною точностію рисуютъ намъ ея отношенія къ Царственной Четѣ, отношенія исключительныя и единственныя, но идеально-чистыя и возвышенныя. Передъ этими письмами падаютъ сами-собою всякія пошлыя толкованія, всякія праздныя нареканія.

Не менѣе чести, быть можетъ, чѣмъ памяти Екатерины Ивановны, дѣлаетъ эта переписка памяти Императора Павла Петровича. Причудливый и сложный характеръ этого Государя еще ждетъ безпристрастнаго и спокойнаго обсужденія. Длинный періодъ его жизни, отъ дѣтства до вступленія на престолъ, намъ почти совершенно неизвѣстенъ. Лихорадочная дѣятельность его торопливаго царствованія заслоняетъ отъ насъ существенныя черты его нравственнаго образа. Мы едва узнаемъ чуткаго и довѣрчиваго ребенка, котораго мы полюбили по Запискамъ Порошина, въ этомъ властителѣ, изнемогающемъ въ борьбѣ между благородными порывами, безграничными замыслами и узкою подозрительностію, убійственною, роковою мелочностію, привитою къ нему длинными и печальными годами, проведенными въ душной атмосферѣ Гатчины. Оглашаемая нынѣ переписка проливаетъ яркій свѣтъ на лучшія и, смѣло прибавимъ, на основныя черты этого характера, надломленнаго судьбою, безпримѣрною въ лѣтописяхъ исторіи. Будемъ надѣяться, что число такихъ документовъ день-ото-дня будетъ умножаться въ печати и что многострадальная память давно умершаго Государя дождется наконецъ, если не полнаго оправданія, то справедливой и сочувственной оцѣнки, невозможной теперь, когда для сужденія о душевныхъ его качествахъ нѣтъ иныхъ данныхъ, кромѣ сброда сомнительныхъ анекдотовъ, переходящихъ изъ устъ въ уста, да недоброжелательныхъ отзывовъ иностранныхъ писателей.

Но если еще не пришло время для того, чтобы былъ отданъ этотъ долгъ памяти Императора Павла, пожелаемъ по крайней мѣрѣ, чтобы онъ былъ отданъ памяти лучшаго и искреннѣйшаго его друга, Екатерины Ивановны Нелидовой; чтобы были обнародованы, по возможности, тѣ письменные документы, которые могутъ пролить свѣтъ на ея

біографію, или еще лучше, чтобы всѣ эти данныя, собранныя и тщательно взвѣшенныя, сложились, подъ искусною рукою, въ біографическій памятникъ, вполнѣ заслуженный одною изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ женщинъ, когда либо игравшихъ роль въ исторіи нашего Двора и Государства!

Письма Е. И. Нелидовой къ Павлу Петровичу.

1.

Votre Majesté Impériale voudra bien permettre qu'en ne changeant pas de façon de penser, j'agisse comme je l'ai toujours fait dans de semblables accasions. Vous savez, Sire, que tout en appréciant l'amitié que Vous m'avez portée pendant si long temps, je n'ai su être sensible qu'a ce sentiment, et qu'en tout temps Vos dons m'ont fait plus de peine que de plaisir. Permettez-moi donc de Vous supplier de ne point m'obliger à reçevoir celui que je prends la liberté de faire remettre à Votre Majesté. Elle doit être rassurée sur le sentiment qui me fait agir, puisque j'accepte en même temps avec reconnaissance le déjeuner de porcelaine. Je suis avec le plus profond respect de Votre Majesté la très humble et très-obéissante sujette Catherine Nelidoff.

Ce 23 Novembre 1796.

1.

Ваше Императорское Величество соблагоизволитъ допустить, что-бы, не измѣняя моему образу мыслей, я поступила такъ же, какъ я всегда поступала въ подобныхъ случаяхъ. Вы знаете, Государь, что, цѣня по достоинству дружбу, которую Вы съ столь давнихъ поръ мнѣ оказываете, я умѣла цѣнить лишь это чувство, и что Ваши дары всегда были мнѣ болѣе тягостны чѣмъ пріятны. Позвольте-же мнѣ умолять Васъ не принуждать меня къ принятію того подарка, который я осмѣливаюсь возвратить Вашему Величеству. Вы должны быть спокойны на счетъ чувства, заставляющаго меня дѣйствовать, потому что я въ то-же время съ благодарностію принимаю фарфоровое дежёне. Остаюсь, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ, Вашего Величества вѣрноподданная Екатерина Нелидова.

23 Ноября 1796.

2.

Sire!

Reconnaîtrez-Vous la voix de celle qui fut toujours l'amie de Votre gloire, et rejetterez Vous son zèle dans une occasion où elle la croit intéressée? J'ai craint que ce que j'entendais au sujet d'un ordre, seule consolation et compensation de tant d'individus dont le sang a tant de fois été répandu pour la patrie, ne fut vrai, et j'ai prié quelqu'un en qui j'ai de la confiance, Mr. Plescheef enfin, de passer chez moi: j'ai voulu Vous faire parvenir mes voeux par lui, et mon coeur m'a inspiré encore de Vous écrire. Au nom de Dieu, Sire, que Votre Majesté ne montre point de mésestime, qu'elle ne paraisse pas ne faire aucun cas d'un ordre institué dans la vue de récompenser le zèle et la valeur de Ses sujets. Songez, Sire, que pendant longtemps cette marque de distinction fut le prix du sang répandu, de membres déchirés au service de la patrie. Ayez pitié de tant de malheureux qui perdraient tout en voyant leur Souverain montrer du mépris pour ce qui fait leur gloire en attestant leur valeur. Si Vous avez le projet d'abolir cet ordre, en cessant d'en décorer Vous sujets, Vous l'abolissez; mais daignez en attendant honorer ceux qui le portent en Vous mettant dans l'occasion à leur tête. Votre Majesté peut trouver différents prétextes pour ne s'en point decorer Elle-même, comme celui de n'avoir pu encore la mériter, Ses circonstances ne l'ayant pas mis dans le cas, mais que sachant apprécier le mérite de ceux qui le portent, Elle se fait un plaisir de leur témoigner Son extime par Sa présence. Pardonnez, Sire, si mon zèle est indiscret, mais tant que j'aurai Votre gloire à coeur, et que l'amour de Vos fidèles sujets sera l'objet de mes voeux pour Vous, je croirai de mon devoir de Vous ouvrir mon coeur sur ce qui peut toucher personnellement Votre Majesté Impériale. C'est dans ces sentiments que je crois devoir mourir à l'egard de mon Souverain. Je suis, avec le profond respect que je dois à mon Maître, de Votre Majesté Impériale, la très humble sujette Catherine Nelidoff. Ce 24 Novembre 1796.

2.

Государь,

Узнàете-ли Вы голосъ той, которая всегда была другомъ Вашей славы, и отвергнете-ли Вы ея усердіе въ обстоятельствахъ, которыя она считаетъ къ ней прикосновенными? Я побоялась, что-бы то, что́ я слышала на счетъ ордена,

единственнаго утѣшенія и награды столькихъ людей, столько разъ проливавшихъ кровь свою за отечество, было правдою, и я попросила человѣка, которому я довѣряю, словомъ г. Плещеева, заѣхать ко мнѣ: я хотѣла черезъ него передать Вамъ мои желанія, и сердце мое кромѣ того внушило мнѣ написать къ Вамъ. Именемъ Бога, Государь, да не выкажетъ Ваше Величество неуваженія, да не обнаружите Вы пренебреженія къ ордену, установленному для того, что-бы награждать усердіе и храбрость Вашихъ подданныхъ. Подумайте, Государь, о томъ, что въ теченіи долгаго времени этотъ знакъ отличія былъ наградою за кровь пролитую, за члены истерзанные на службѣ отечеству. Сжальтесь надъ столькими несчастными, которые утратили-бы все, увидѣвъ, что ихъ Государь оказываетъ презрѣніе тому, что составляетъ ихъ славу, свидѣтельствуя о ихъ мужествѣ. Если Вы имѣете намѣреніе упразднить этотъ орденъ, Вы, перестаня возлагать его на Вашихъ подданныхъ, тѣмъ самымъ упраздните его; но пока, удостойте почтить носящихъ его, становясь при случаѣ во главѣ ихъ. Ваше Величество можете найти разные предлоги, что-бы Самому имъ не украшаться, какъ напримѣръ тотъ, что Вы не успѣли его заслужить, такъ какъ обстоятельства не дали Вамъ къ тому случая, при чемъ Вы, умѣя цѣнить заслуги тѣхъ, которые его носятъ, все таки можете поставить въ удовольствіе доказать имъ Ваше уваженіе Вашимъ присутствіемъ. Простите меня, Государь, если мое усердіе несдержно; но пока я буду принимать къ сердцу Вашу славу, и пока любовь къ Вамъ Вашихъ вѣрноподданныхъ будетъ предметомъ моихъ желаній для Васъ, я буду считать моимъ долгомъ раскрывать Вамъ мое сердце на счетъ всего, что можетъ касаться лично Вашего Императорскаго Величества. Въ такихъ чувствахъ относительно моего Государя считаю я долгомъ жить и умереть. Остаюсь съ глубочайшею преданностію, коею я обязана моему Повелителю, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная Е. Нелидова.

24 Ноября 1796(*).

(*) Читатели припомнятъ, что 26 Ноября есть день празднованія Ордена св. Георгія Побѣдоносца.

3.

Sire!

Votre Majesté Impériale m'avait fait entendre hier qu'Elle voulait faire du bien à ma mère, et M. Danaouroff m'a remis après le diner l'oukaze qui m'explique ce bienfait. Permettez moi, Sire, au nom de Dieu, de Vous demander la grâce de réduire Votre don, trop généreux, à la moitié. Ma mère dans tous les temps aurait regardé comme une grande fortune, et à laquelle elle ne devait jamais s'attendre, les mille paysans que je n'oserais refuser pour elle, parce qu'elle est ma mère. Vous comprendrez, Sire, ce qui peut me lier la langue dans cette circonstance; mais j'ose Vous assurer sur tout ce qu'il y a de plus sacré pour moi que j'aurais regardé comme un véritable bienfait si Vous aviez la générosité de lui donner 500 paysans, et ma mère se serait trouvée très gratifiée et très heureuse, au lieu que 2000 paysans me pèsent sur le coeur; ni ma mère ni personne de mes plus proches ne Vous ont encore servi; il est encore temps de réduire Votre don à la moitié, et je me jette à Vos pieds pour Vous le demander. On peut dire que 2000 paysans ont été mis par erreur; faites cela, Sire, pour l'amour de Dieu pendant qu'il en est temps encore; ôtez le poids qui pèse sur mon coeur. Ne traitez pas de modestie ce que je fais, c'est une justice que je Vous demande. Vous trouverez parmi Vos sujets beaucoup d'individus qui auront véritablement mérité ou qui mériteront certainement un jour les mille paysans que Vous pouvez tenir en réserve. Songez que la source de Vos bienfaits peut tarir. Ecoutez le conseil qu'ose Vous donner une ancienne amie et qui sera toujours de Votre Majesté Impériale la plus fidèle sujette

E. Nélidoff.

Ce 12 Décembre (*) 1796.

P. S. La crainte de rendre ma lettre trop longue m'empêche de dire mon sentiment sur la porcelaine: il serait très heureux pour moi d'être sans jour de nom et de naissance.

3.

Государь!

Ваше Императорское Величество дали мнѣ понять вчера, что Вы хочете облагодѣтельствовать мою мать, и г. Данауровъ вручилъ мнѣ послѣ обѣда указъ, объясняющій мнѣ,

(*) День рожденія Е. И. Нелидовой.

въ чемъ состоитъ это благодѣяніе. Ради Бога, Государь, позвольте мнѣ просить у Васъ, какъ милости, что-бы Вы уменьшили этотъ даръ, слишкомъ щедрый, на половину. Моя мать всегда-бы сочла за великое и неожиданное богатство тысячу душъ, отъ которыхъ не смѣю отказаться заиее, ибо она мнѣ мать. Вы понимаете, Государь, все то, что въ этихъ обстоятельствахъ можетъ связать мнѣ языкъ. Но смѣю завѣрить Васъ всѣмъ тѣмъ, что есть для меня священнаго, что я сочла бы истиннымъ благодѣяніемъ, если-бы вы Вы имѣли милость дать ей 500 душъ, и моя мать сочла-бы себя весьма счастливою и щедро награжденною; между тѣмъ какъ 2000 душъ тяготятъ мою совѣсть; ни моя мать, ни кто-либо изъ моихъ близкихъ еще не служилъ Вамъ; еще есть время уменьшить Вашъ даръ на половину, и я повергаюсь къ Вашимъ стопамъ, что-бы просить Васъ объ этомъ. Можно сказать, что 2000 душъ были выставлены по ошибкѣ: сдѣлайте это, Государь, ради Бога, пока на это есть время. Снимите съ моего сердца тяжесть. Не сочтите мой поступокъ скромностію, я требую отъ Васъ лишь справедливости. Вы найдете между Вашими подданными много людей по истинѣ заслуживающихъ, или которые заслужатъ со временемъ тысячу душъ, которую вы можете держать про запасъ. Подумайте о томъ, что источникъ Вашихъ щедротъ можетъ изсякнуть. Послушайтесь совѣта, который осмѣливается Вамъ дать старинный другъ, на всегда остающійся Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданною. Е. Нелидова.

12 Декабря 1796.

P. S. Боязнь придать моему письму слишкомъ большіе размѣры мѣшаетъ мнѣ сказать мое мнѣніе о фарфорѣ: я была-бы счастлива, если-бы у меня не было ни дня рожденія, ни имянинъ.

4.

Je Vous félicite de tout mon coeur, Sire, de Vos dévotions, et je regarde comme un bon signe le calme que l'acte que Vous venez de consommer a laissé dans Votre âme. Je me trouverais aussi bien calme et bien heureuse s'il m'était permis de Vous parler en faveur des malheureux sans exciter Votre colère et contre moi, et contre eux.

Mais, cher Empereur, ma langue est muette quelqu'éloquence que sente mon coeur; je n'oserais point Vous parler de la grâce du malheureux Chépelew: il a manqué dans le service, il a mérité Votre colère; mais, mon bon Empereur, c'est un homme qui a toujours servi loin de Pétersbourg et s'est trouvé dans differentes occasions contre l'ennemi. Si Vous ne voulez pas lui faire grâce, du moins que mon entercession ne lui nuise pas davantage, mais mon coeur ne me reproche pas ce que je fais, quelque soit le peu de confiance que j'ai dans mes forces. Souvenez Vous que Vous êtes le maître de refuser, mais qu'il serait injuste à Vous de m'en vouloir et aux malheureux qui se prosternent à Vos pieds.

De Gorodnia, ce 6 de Mai 1797.

4.

Отъ всего сердца поздравляю Васъ, Государь, съ пріобщеніемъ Святыхъ Тайнъ, и почитаю добрымъ признакомъ спокойствіе, оставленное въ Вашей душѣ совершеннымъ Вами дѣйствіемъ. Я также чувствовала-бы себя спокойною и счастливою, если-бы мнѣ было дозволено ходатайствовать передъ Вами за несчастныхъ, не возбуждая Вашего гнѣва ни противъ меня, ни противъ нихъ. Но, дорогой Государь, мой языкъ нѣмъ, какъ-бы ни чувствовало себя краснорѣчивымъ мое сердце; я не посмѣю говорить съ Вами о помилованіи несчастнаго Шепелева (*); онъ провинился по службѣ, онъ навлекъ на себя Вашъ гнѣвъ; но, добрый Государь, это человѣкъ, всегда служившій вдали отъ Петербурга, и не разъ стоявшій передъ непріятелемъ. Если Вы не хотите его помиловать, то пусть покрайней мѣрѣ не повредитъ ему мое заступничество; но сердце не упрекаетъ меня за то, что̀ я дѣлаю, какъ бы ни было слабо мое довѣріе къ моимъ силамъ. Вспомните, что отъ Васъ зависитъ отказать, но что съ Вашей стороны было-бы несправедливостію гнѣваться на меня и на несчастныхъ, повергающихся къ стопамъ Вашимъ.

Городня, 6 Мая 1797.

5.

Pavlovsky. 14 Mai 1797.

Je viens de recevoir, Sire, Votre lettre de Wiazma accompagnée de bons *пряники* que je mangerai *за ваше здоровье*. Je souhaite

(*) Петръ Амплѣевичъ? (см. Р. Арх. 1865, 439; 1867, 475).

bien sincèrement que celle-ci aille en continuant comme elle paraît l'avoir fait jusqu'ici. L'Impératrice m'avait dit que Pavlovsky n'était point joli sans Vous; je crois bien que Votre présence ajoute à sa beauté, mais en vérité, il on a une intrinsèque, qui est indépendante de toutes les présences du monde! Venez-y seulement, et je suis sûre que le joli balcon et tout ce qui Vous plaisait tant ici, Vous plaira comme de coutume. Nous n'avons pas de beau temps, mais il y a des moments agréables dans la journée de temps à autre. Je suis d'hier pour quelques jours; après quoi je retournerai à P-bourg pour voir mes amies que je n'ai encore presque pas vues. J'ai eu le bonheur de voir tous Vos enfants grands et petits: ce sont tous des anges, mais je Vous défie de Vous faire une juste idée de la beauté du Grand Duc Nicolas! J'en ai été frappée. Adieu, cher Empereur, que Dieu Vous conduise et Vous ramène en bonne santé et en belle humeur. Votre fidèle sujette E. Nelidoff.

5.

Павловскъ, 14 Мая 1797.

Я только что получила, Государь, Ваше письмо изъ Вязьмы и при немъ отличные пряники, которые я съѣмъ за Ваше здоровье. Искренно желаю, что-бы оно продолжало быть столь хорошимъ, каково оно, повидимому, до сихъ поръ. Императрица говорила мнѣ, что Павловскъ безъ Васъ не красивъ; вѣрю, что Ваше присутствіе украшаетъ его; но по истинѣ, онъ имѣетъ свою собственную красоту, независимую отъ присутствія кого-бы то ни было. Только пріѣзжайте сюда, и я увѣрена, что милый балконъ и все то, что Вамъ здѣсь такъ нравилось, понравится Вамъ по прежнему. Погоду нельзя назвать хорошею, но въ теченіи дня прокидываются пріятныя минуты. Я пріѣхала вчера, на нѣсколько дней, послѣ чего я поѣду въ Петербургъ, что-бы повидаться съ моими пріятельницами, которыхъ я почти не видала. Я имѣла счастіе видѣть всѣхъ Вашихъ дѣтей, большихъ и малыхъ: они всѣ — ангелы, но Вы напрасно захотѣли-бы составить себѣ понятіе о красотѣ Великаго Князя Николая! Я была поражена ею. Прощайте, дорогой Государь, да хранитъ Васъ Богъ и возвратитъ въ добромъ здоровьи и свѣтломъ настроеніи духа. Ваша вѣрноподданная Е. Нелидова.

6.

Sire!

Puisse tout Votre voyage être pour Vous aussi agréable que les sites délicieux que Vous venez de parcourir, et dont Vous avez la bonté de me parler, et puisse Votre retour chez nous ne Vous être par moins agréable qu'il le sera pour nous tous. Selon mon calcule Vous devez avoir passé déjà hier devant ce fameux *Климятино* (*) dont Vous me faisiez tant de peur à Votre départ. Je suis sûre pourtant que Vous aurez été sage, et que *Царица-водица* n'aura point réflechi Vos traits dans ses eaux si bien ombragées d'arbres touffus qui éffrayaient mon enfance. Portez Vous bien, cher Empereur, et n'oubliez pas ce que Vous avez promis à Vos meilleures et plus fidèles amies qui comptent sur Votre indulgence et Votre amour pour Vos sujets, dans tous les lieux où Votre vue va réjouir leurs coeurs avides de contempler leur souverain chéri. Que Dieu soit avec Vous: Vous avez du beau temps, j'espère que le coeur est aussi serein. J'aime à Vous savoir entouré de Vos fils et accordant Votre confiance à l'honnête et franc Grand Duc Alexandre. Je sais que la bonne Impératrice se porte bien. Elle m'a donné de ses nouvelles, son coeur est triste loin de Vous, ne doutez point de celui-là ni de la sincérité et pureté de celui de Votre fidèle sujette

C. Nelidoff.

6.

Государь!

Пусть все Ваше путешествіе будетъ для Васъ столь-же пріятно, какъ очаровательныя мѣстности, которыя Вы только что проѣхали, и которыя Вы имѣете любезность мнѣ описывать, и пусть Ваше возвращеніе къ намъ будетъ Вамъ столь-же пріятно, какъ и намъ всѣмъ. По моимъ разсчетамъ, Вы уже вчера должны были проѣхать мимо знаменитаго Климятина, которымъ Вы меня такъ пугали при Вашемъ отъѣздѣ. Я увѣрена однако-же, что Вы были благоразумны, и что *Царица-водица* не отразила Вашихъ чертъ въ своихъ струяхъ, осѣненныхъ густыми деревьями, пугавшими меня въ дѣтствѣ. Будьте здоровы, дорогой Го-

(*) Мѣсто рожденія Е. И. Нелидовой, Смоленской губ. Дорогобужскаго уѣзда.

сударь, и не забывайте того, что́ Вы обѣщали лучшимъ и вѣрнѣйшимъ друзьямъ Вашимъ, расчитывающимъ на Вашу снисходительность и Вашу любовь къ Вашимъ подданнымъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ Ваше присутствіе порадуетъ ихъ сердца жаждущія лицезрѣнія любимаго Монарха. Да будетъ съ Вами Богъ: погода хороша, надѣюсь, что и сердце Ваше ясно. Меня радуетъ мысль, что Вы окружены Вашими сыновьями, и удостоиваете Вашего довѣрія откровеннаго и честнаго Великаго Князя Александра. Я знаю, что добрая Императрица здорова. Она дала мнѣ вѣсть о себѣ, ея сердце печально въ разлукѣ съ Вами; не сомнѣвайтесь въ немъ, а также въ искренности и чистотѣ сердца Вашей вѣрноподданной

Е. Нелидовой.

7.

Eh bien! point du tout, je ne Vous crois pas, Sire. Vous voulez m'en imposer. Ah! cela n'est pas bien! Vous voulez me persuader qu'il est harmonieux pour Vous de m'entendre, et Vous me faites taire si souvent. Aussi sais-je à quoi m'en tenir, et me préserve le Ciel de l'oublier. Je veux toujours faire économie de paroles avec Vous, et pour cause; mais avant de finir, permettez moi de Vous souhaiter de ne Vous jamais mieux porter que Vous ne le faites dans l'état où Vous Vous trouvez.

7.

Нѣтъ! какъ хотите, не вѣрю Вамъ, Государь! Вы хотите меня обмануть. Вы хотите увѣрить меня, что мои рѣчи для Васъ музыка, и Вы такъ часто заставляете меня молчать. Поэтому, я знаю, что́ думать, и сохрани меня Богъ объ этомъ забыть. Я хочу впредь скупиться съ Вами на слова, и не безъ причины; но прежде чѣмъ кончить, позвольте мнѣ пожелать Вамъ, что-бы Вы никогда не были болѣе здоровымъ, чѣмъ въ теперешнемъ Вашемъ состояніи.

8.

Savez-Vous pourquoi Vous aimez la grondeuse? C'est que Votre coeur la connait mieux que Votre tête, et que malgré tous les préjugés de celle-ci, l'autre lui rend justice. Je Vous défie de méconnaitre dans

Votre coeur le motif de toutes mes actions quoiqu'il soit souvent défiguré dans Votre tête, et voilà pourquoi mon zèle pour Vos véritables intérêts ne perd pas facilement courage. J'aurai l'honneur de Vous voir demain à diner, où je ne pourrai pas Vous gronder. Je suis vraiment enchantée que Vous soyez aussi content du régiment de Buxhevden que Vous avez sujet de l'être de sa personne, qui Vous est véritablement dévouée de tout son coeur.

8.

Знаете ли вы, почему вы любите ворчунью? Это потому, что сердце ваше лучше знаетъ ее, чѣмъ вашъ умъ, и что, не смотря на всѣ предубѣжденія послѣдняго, первое отдаетъ ей справедливость. Не удается вамъ въ сердцѣ вашемъ заподозрить побужденія всѣхъ моихъ дѣйствій, хотя они часто искажаются въ вашемъ умѣ; и вотъ почему я не такъ легко стану унывать въ моемъ усердіи къ истиннымъ вашимъ интересамъ. Буду имѣть честь видѣть васъ завтра за обѣдомъ, гдѣ нельзя будетъ мнѣ на васъ ворчать. Я поистинѣ радуюсь тому, что вы столь же довольны полкомъ Буксгевдена (*), какъ имѣете поводъ быть довольнымъ его личностію, которая всѣмъ сердцемъ предана вамъ.

9.

Ce 3 Août.

Oh! quel tour cruel Votre lettre m'a joué. Imaginez Vous que Mouravieff me la remit en présence de Madame Heyning! Je lis, et au beau milieu de ma lecture je me mets à rire, et suis obligé de débiter Dieu sait quoi pour m'excuser, ou plutôt pour ne pas Vous faire soupçonner capable d'une action atroce: car c'en est une que d'exciter le rire sur un sujet comme celui que Vous traitez dans Votre vraiment comique lettre. Comment pouvez-Vous expier ce péché qu'en faisant grâce à quelque malheureux? Faites la donc au pauvre Olicheff. Dieu Vous bénise déjà pour Bath; méritez encore une bénédiction, cher Empereur. Quand je vois un chagrin bien senti, je Vous tourmente, et tant que je verrai des sujets se faire un bonheur de Vous servir, je Vous tourmenterai pour Vous laisser servir par eux. Adieu, soyez bon, soyez *Vous*, car Vos véritables dispositions sont la bonté.

(*) Ѳедоръ Ѳедоровичъ? Дочь его, Софья Ѳедоровна, была за мужемъ за Аркадіемъ Ивановичемъ Нелидовымъ, родственникомъ Ек. Ивановны.

9.

О! какую жестокую штуку съиграло со мною Ваше письмо! Представьте себѣ, что Муравьевъ отдалъ его мнѣ въ присутствіи Г-жи Гейнингъ: читаю, и среди самаго чтенія принимаюсь хохотать, и принуждена разсказать Богъ вѣсть что для того, что-бы оправдать мой смѣхъ, или точнѣе для того, что-бы не дать заподозрить Васъ въ ужасномъ поступкѣ: ибо ужасно возбуждать смѣхъ по поводу такого предмета, какому посвящено Ваше по истинѣ комическое письмо. Какъ искупить Вамъ этотъ грѣхъ иначе, какъ помиловавши какого-либо несчастнаго? Помилуйте-же несчастнаго Олишева (*). Богъ уже благословилъ Васъ за Бата, заслужите еще благословеніе, дорогой Государь. Когда я вижу глубоко прочувствованное горе, я мучу Васъ, и пока я буду видѣть подданныхъ, почитающихъ за счастіе служить Вамъ, я буду Васъ мучить для того, что-бы Вы не отвергали ихъ службу. Прощайте, будьте добры, будьте *собою*, ибо истинное Ваше расположеніе—доброта.

10.

Si Vous Vous étiez donné le temps, non pas de lire, mais seulement d'écouter, Vous auriez vu que la somme de 4000 qu'on exige de Lohmann est déposée au gouvernement et qu'on ne Vous demande que la grâce de faire juger son affaire pas le collège de guerre. Cette grâce, que Lohmann sollicite, peut encore prouver en sa faveur.

10.

Если бы вы дали себѣ время, не то, чтобы прочесть, но только выслушать, вы бы увидѣли, что сумма въ 4000 руб., которую требуютъ отъ Ломана, представлена имъ правительству, и что у васъ только испрашивается, какъ милости, чтобы его дѣло было подвергнуто суду военной коллегіи. Эта милость, о которой ходатайствуетъ Ломанъ, еще можетъ повести къ его оправданію.

(*) Алексѣй Васильевичъ Олишевъ, Вологодскій предводитель, женатый на сестрѣ свѣтлѣйшаго князя А. В. Суворова? (см. Р. Арх. 1865, 925).

11.

le Mercredi.

J'avoue, Sire, que je fais des voeux pour que rien ne Vous empêche de déployer un caractère de bonté paternelle à l'occasion du malheureux jeune homme dont Vous connaissez à cette heure l'histoire. Je Vous rends grâce de Vos dispositions à la clemence. Dieu Vous bénisse. On Vous bénit à P-bourg, car tout le monde connaît Vos bonnes intentions.

11.

Середа.

Признаюсь, Государь, что я молю Бога о томъ, чтобы ничто не воспрепятствовало вамъ выказать отеческую доброту вашего характера относительно несчастнаго молодаго человѣка, исторія котораго въ настоящее время вамъ извѣстна. Благодарю васъ за ваше расположеніе къ милосердію. Да благословитъ васъ Богъ. Въ Петербургѣ васъ благословляютъ, ибо всѣмъ извѣстны ваши добрыя намѣренія.

12.

Mon bon ami, Vous êtes bien aimable avec Votre sac *d'ouistres permange* et Votre *esquouse* de la petite saillie de gaité, et Votre contenance imposante, etc. etc: le tout ensemble fait un très aimable papa, et un bien cher ami. Je Vous remercie de tout, et sur tout du plaisir que Vous me procurez de Vous aimer de tout mon coeur. On dit qu'il ne faut jamais dire à aucun homme qu'on l'aime beaucoups parce qu'ils sont tous plus ou moins ingrats. Mais est-ce que Vous êtes donc un homme pour moi? Je Vous jure que je ne m'en suis jamais aperçue depuis que je Vous suis attachée; il me semble que Vous êtes ma soeur: car, avec Votre permission, je ne suis pas toujours occupée des distances que le bon Dieu a mises entre Votre grandeur et ma médiocrité; mais l'amitié n'en va que mieux de cette façon, quoique je sente avec toute la satisfaction de mon âme que Vous êtes mon maitre. Adieu, mon bon ami, que le bon Dieu Vous conserve en santé et bonté.

12.

Любезный другъ мой, какъ Вы милы съ Вашимъ *sac d'ouistres permange*, съ Вашимъ *esquouse* за веселую выходку,

съ Вашею важною осанкою и т. д. и т. д. Все это вмѣстѣ составляетъ очень милаго папашу и очень любезнаго друга. Благодарю Васъ за все, и въ особенности за то, что доставляете мнѣ удовольствіе любить Васъ всѣмъ сердцемъ. Говорятъ, что никогда не слѣдуетъ высказывать мужчинѣ, что его очень любишь, ибо они всѣ болѣе или менѣе не благодарны. Но развѣ Вы для меня мужчина? Клянусь Вамъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я къ Вамъ привязана, я этого никогда не замѣчала; мнѣ кажется, что вы мнѣ — сестра, ибо, съ Вашего позволенія, я не всегда занята тѣмъ разстояніемъ, которымъ угодно было Господу Богу отдѣлить Ваше величіе отъ моей посредственности; но дружба отъ этого лишь выигрываетъ, хотя я и чувствую радостнымъ сердцемъ, что Вы — мой Повелитель. Прощайте, любезный другъ, да сохранитъ Васъ Богъ здоровымъ и добрымъ.

13.

Ce 25 Avril.

Oh! Vous pouvez bien compter de me revoir telle que je suis, mais Dieu sait si c'est reellement ce qu'il Vous faut; je sais du moins ce que cela Vous vaut, et un coeur franc et loyal n'est pas si facile à trouver qu'il Vous est peut-être peu difficile de Vous en passer. Adieu, Sire, jusqu'à *увидимся*.

13.

25 Апрѣля.

О! Вы конечно можете расчитывать на то, что увидите меня опять такою же, какая я на самомъ дѣлѣ; но Богъ знаетъ, того ли Вамъ въ самомъ дѣлѣ нужно; знаю по крайней мѣрѣ, что это Васъ достойно, а открытое и честное сердце не такъ легко найти, какъ Вамъ, быть можетъ, легко безъ него обойтись. Прощайте, Государь, до свиданья.

14.

Que reste-t-il donc après cela? Rien, Vous dis-je. Je suis bien reconnaissante, Sire, de Votre souvenir, recevez mes plus sincères compliments et félicitations du jour de naissance d'un fils qui, j'en suis sûre, Vous donnera toujours de la satisfaction. Que Dieu Vous conserve pour Vous rendre toujours le plus heureux des pères, comme

Vous êtes le plus heureux des époux, et je dirai encore, le plus heureux des amis, car Vous en avez autant que Dieu Vous a donné d'individus dans Votre auguste et charmante famille (*).

14.

Что-же остается послѣ этого? Ничего, увѣряю Васъ. Я очень благодарна, Государь, за Вашу память; пріймите мои искреннѣйшія привѣтствія и поздравленія съ днемъ рожденія сына, который, я въ томъ увѣрена, всегда будетъ Вамъ утѣшеніемъ. Да сохранитъ Васъ Богъ на то, что-бы быть счастливѣйшимъ изъ отцовъ, какъ Вы уже теперь счастливѣйшій изъ супруговъ, и, прибавлю счастливѣйшій изъ друзей, ибо ихъ у Васъ столько-же, сколько Богъ даровалъ членовъ Вашему высокому и прелестному семейству.

15.

Le 12 Octobre.

Je Vous annonce, Sire, un miracle! Vous n'y croirez peut-être pas Vous-même, quoiqu'il Vous regarde. Vous en serez surpris sans autres détails: il y a huit jours que je reçois chaque jour de Votre écriture!!!! Mon indiscrétion va peut-être pour toujours faire cesser le miracle. Après cela, dites si je ne compâtis pas à Vos maux et que je ne sais point y appliquer le remède même à mes dépends.

15.

12 Октября.

Извѣщаю васъ, Государь, о чудѣ! Вы, быть можетъ, ему сами не повѣрите, хотя оно касается васъ. Оно поразитъ васъ безъ дальнѣйшихъ подробностей: вотъ уже недѣля, какъ я ежедневно получаю отъ васъ письма!!! Моя нескромность, быть можетъ, навсегда прекратитъ чудо. Скажите, послѣ этого, не соболѣзную ли я Вашимъ бѣдамъ, и не умѣю ли я прилагать къ нимъ цѣленіе даже въ ущербъ себѣ.

16.

Je Vous remercie, Sire, de Votre bonté pour le prince Zouboff, car tout ce qui est souffrant a droit à ma pitié, et je suis toujours sensible à Votre générosité envers eux. Que Dieu Vous bénisse. Pardon-

(*) Рожденіе В. К. Михаила Павловича 28 Янв. 1798.

nez, cher Empereur, si je ne viens pas ce matin Vous présenter mes respects, concevez mes regrets de ne pas voir ce qui regarde une cérémonie qui m'intéresse beaucoup. Ce soir j'aurai l'honneur de Vous dire ce qui me prive de ce bonheur.

16.

Благодарю васъ, Государь, за вашу милость къ князю Зубову; ибо всѣ страждущіе имѣютъ права на мое сочувствіе, и я всегда тронута вашимъ великодушіемъ къ нимъ. Да благословитъ васъ Богъ. Простите, дорогой Государь, что я не прихожу сегодня свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе; вѣрьте моему сожалѣнію о томъ, что я не увижу все то, что касается церемоніи, живо меня интересующей. Нынче вечеромъ буду имѣть честь объяснить вамъ, что лишаетъ меня этого счастія.

17.

Je ne connais pas personnellement Popow, mais je crois qu'il serait dommage de perdre un homme utile, étant laborieux et vraiment d'ordre. Si ce que Vous voyez en lui de déplaisant n'est pas de nature à nuire aux affaires, au nom de Dieu, Sire, mettez-y de l'indulgence, conservez-les le plus longtemps possible, les bonnes têtes; mais si il est d'une nécessité absolue de lui donner un successeur, consultez là dessus Bezborodko. Son intégrité doit Vous être garant qu'il Vous indiquera un sujet capable; quant à moi, je n'oserais point me fier à mon jugement. Dans tous les cas, je prie Dieu de Vous guider.

17.

Я не знаю лично Попова, но полагаю, что было бы жаль лишиться человѣка полезнаго по своему трудолюбію и порядливости. Если то, что вамъ въ немъ не нравится не такого свойства, что могло бы повредить дѣламъ, то ради Бога, Государь, будьте снисходительны; удерживайте ихъ при себѣ какъ можно долѣе, эти свѣтлыя головы; но если совершенно необходимо дать ему преемника, то посовѣтуйтесь объ этомъ съ Безбородкою. Его честность можетъ послужить вамъ ручательствомъ, что онъ укажетъ вамъ на человѣка способнаго; что касается до меня, то я не смѣю положиться на мое сужденіе. Во всякомъ случаѣ, молю Бога, чтобы Онъ руководилъ вами.

18.

Il m'est impossible, Sire, de résister à la voix de la pitié qui me presse de Vous montrer cette lettre déchirante. Mon intercession n'y fera rien, je le sais, aussi je ne Vous demande pas de rien faire pour l'amour de moi, mais pour l'amour de Dieu. Ayez pitié d'un vieillard de 80 ans! Si Vous saviez combien il m'en coûte de Vous parler et combien il m'en coûte de me taire avec Vous dans ces accasions, Vous trouveriez ma position bien pénible.

18.

Мнѣ невозможно, Государь, воспротивиться голосу сострадания, которое заставляетъ меня показать Вамъ это раздирающее письмо. Мое заступничество тутъ не повело-бы ни къ чему, я это знаю; поэтому я не прошу Васъ сдѣлать что-либо для меня, но для Бога. Сжальтесь надъ осьмидесятилѣтнимъ старцемъ! Если-бы Вы знали, чего мнѣ стоитъ говорить, и чего мнѣ стоитъ молчать въ подобныхъ случаяхъ, Вы бы поняли всю тяжесть моего положенія.

19.

Voici, mon bon ami, ce que Vous venez de lire, et ce que je trouve en ouvrant le livre au hazard: cela vient à l'appui de notre conversation: „Les Princes, plus que les autres hommes, doivent s'exercer à la patience et à la modération; plus on est élevé, plus on a de relations nécessaires avec les hommes, et plus on est dans le cas d'exercer fréquemment la patience et la modération, parce que *tous* les hommes sont imparfaits“.

Que Dieu Vous bénisse, Sire, comme je le fais; qu'Il Vous accorde tout ce que je Vous souhaite, et Vous serez heureux en faisant le bonheur de tant de peuples qu'Il Vous a confiés.

19.

Вотъ, любезный другъ, что̀ Вы только что прочли, и что̀ я нахожу, открывъ книгу на удачу; это подтвержденіе нашего разговора: „Государи, еще болѣе всѣхъ прочихъ людей, должны упражняться въ терпѣніи и умѣренности. Чѣмъ выше мы поставлены, тѣмъ болѣе имѣемъ мы необходимыхъ отношеній къ людямъ, и тѣмъ чаще приходится намъ оказывать терпѣніе и умѣренность, *что всѣ* люди несовершенны.“

Да благословитъ Васъ Богъ, Государь, какъ благословляю Васъ я; да даруетъ Онъ Вамъ все то, чего я Вамъ желаю, и Вы будете счастливы, доставляя счастіе столькимъ народамъ, ввѣреннымъ Имъ Вамъ.

20.

Quoique je ne sois pas encore tout à fait bien aujourd'hui, je suis beaucoup mieux, et j'espère avoir le bonheur de Vous voir demain. Je crois que toute la grâce que la C. Balmen désire est que Vous ayez la charité de lui échanger les terres qu'elle avait reçues de la défunte et qui, au lieu d'être un soulagement dans sa mauvaise fortune, ne lui sont qu'à charge, par leur situation enclavée dans les possessions d'autres personnes, et tout à fait misérables. Que Dieu soit avec Vous!

20.

Хотя я сегодня еще не совсѣмъ здорова, мнѣ гораздо лучше, и надѣюсь имѣть счастіе увидѣть Васъ завтра. Полагаю, что единственная милость, какой желаетъ графиня Бальменъ, состоитъ въ томъ, чтобы Вы соблагоиолили обмѣнить имѣнія, которыя она получила отъ покойницы, и которыя вмѣсто того, чтобы облегчить ея бѣдность, ей только въ тягость, по ихъ стѣсненному положенію между имѣніями другихъ лицъ, совершенныхъ негодяевъ. Да хранитъ Васъ Богъ!

21.

L'idée du jour où Vous êtes m'attendrit, je ne sais pourquoi, et je me sens prête à prendre tous Vos péchés, quels qu'ils soient, sur moi. Vous avez bien fait au sujet de l'*adieu*, et je suis sûre que Now: (?) sera enchanté de la proposition. J'espère que Vous lui permettrez d'être de Gatchina. J'attends encore la réponse de la Signora Schatz, et quando ricevro la sua riposta, la mandero la carte della sua illustrissima. Bisogna prudenca per non precipita. J'espère qu'aujourd'hui Vous Vous portez bien, puisque Vous ayez oublié de me dire un mot de Votre santé. Permettez moi de prendre Votre voiture pour aller, je n'en aurai pas besoin pour revenir. Adieu, très cher ami, que le bon Dieu, Qui est si fort meilleur que moi, veuille Vous pardonner comme je le fais.

22.

Мысль о днѣ, который вы переживаете, умиляетъ меня, не знаю почему, и я чувствую готовность взять на себя всѣ ваши грѣхи, какіе бъ они ни были. Вы хорошо сдѣлали на счетъ *прощанія*, и я увѣренъ, что Нов(?) будетъ въ воторгѣ отъ предложенія. Надѣюсь, что вы позволите ему быть въ Гатчинѣ. Я еще жду отвѣта отъ синьоры Шацъ, и когда получу этотъ отвѣтъ, пошлю ей бумагу Вашего Величества. Нужна осторожность, чтобы не испортить дѣла поспѣшностію. Надѣюсь, что сегодня вы здоровы, хотя вы забыли сказать мнѣ хотя-бы словечко о вашемъ здоровьѣ. Позвольте мнѣ взять вашу карету, чтобы поѣхать; для возвращенія она мнѣ не нужна. Прощайте, дражайшій другъ мой. Да проститъ вамъ, какъ прощаю я вамъ, Господь Богъ, Его же милость неизмѣримо выше моей доброты.

23.

Que voulez-vous, mon coeur? Un Empereur est fait pour donner son temps encore plus que pour le prendre. Je vais aujourd'hui à la messe, où certainement je ne Vous oublierai pas dans mes prières, et dimanche j'espère Vous trouver bien portant et content au milieu de Votre innombrable famille. Sire, accordez-moi une grâce qui me tient infiniment à coeur! Vous avez un sujet foncièrement honnête, honoré, mais qui a eu le malheur de Vous déplaire; c'est un homme que Vous avez toujours estimé, qui mourra peut-être de désespoir d'être dans Votre disgrâce, de n'avoir pas seulement eu, comme le reste de Vos sujets, le bonheur d'embrasser Vos genoux. Sire, au nom de Dieu, reprenez le malheureux et intéressant Mordvinoff dans Votre grâce. Vous l'avez assez puni, daignez consoler cette âme affligée; une marque de la fin de Votre courroux rendra la vie à cet homme. Je Vous propose, cher Empereur, si Vous le trouvez bon, telle consolation pour lui que Vous la jugerez à propos. J'oserais Vous représenter que tout le monde le connaissant personnellement attaché a Vous, Veus causerez une joie publique en rendant Vos bonnes grâces à celui qui les a longtemps possédées. Une décoration, un signe de pardon de sa faute, une donation, car il est très pauvre, et Vous rendrez vraiment heureuse celle que Vous nommez Votre amie et qui l'est véritablement de Votre gloire et de tout ce qui y tend.

23.

Чего хочешь ты, мое сердце? Государи созданы болѣе для того, чтобы жертвовать своимъ временемъ, чѣмъ для того, чтобы имъ пользоваться. Иду сегодня къ обѣднѣ, гдѣ конечно не забуду васъ въ моихъ молитвахъ, а въ воскресенье надѣюсь увидѣть васъ, здороваго и довольнаго, среди вашего безчисленнаго семейства. Государь! Окажите мнѣ милость, которою я несказанно дорожу! У васъ есть подданный безукоризненно-честный, всѣми уважаемый, но который имѣлъ несчастіе вамъ не угодить; это человѣкъ, котораго вы всегда уважали, который умретъ, быть можетъ, отъ отчаянія, причиненнаго ему вашею немилостію, тѣмъ, что онъ даже не имѣлъ, какъ остальные ваши подданные, счастія повергнуться къ вашимъ ногамъ. Государь, ради Бога, возвратите вашу милость несчастному и интересному Мордвинову (*): достаточно вы его наказали, утѣшьте эту уязвленную душу. Признакъ конца вашего гнѣва возвратитъ жизнь этому человѣку. Предлагаю вамъ, дорогой Государь, если вы сочтете это нужнымъ, любое утѣшеніе, которое вы найдете умѣстнымъ. Смѣю напомнить вамъ, что такъ какъ всѣмъ извѣстна его личная привязанность къ вамъ, вы произведете всеобщую радость, возвращая ваши милости тому, кто такъ долго пользовался ими. Орденъ, знакъ прощенія, даръ (ибо онъ очень бѣденъ) и вы по истинѣ осчастливите ту, которую вы называете своимъ другомъ, и которая по истинѣ другъ вашей славы и всего того что можетъ ее умножить.

24.

Ce 21 Août.

Si Vous avez véritablement de l'amitié pour moi, et de cette amitié que ma façon de penser mérite de la part de quelqu'un qui devrait avoir appris à l'apprécier, Vous ne croiriez pas qu'il y ait des gens qui osassent me parler contre Vous avec la moindre espérance d'être écoutés. Si je me hasarde de porter à Votre connaissance les larmes de la misère ou du repentir, c'est pour Vous donner une juste idée de

(*) Николай Семеновичъ?

ceux sur qui Vous régnez, et dont le coeur de chaque individu ne peut Vous être connu; mais jamais je n'eus un seul instant de ma vie la présomption d'ouvrir la bouche avec la certitude d'obtenir. Vous êtes dans l'erreur en pensant que quelqu'autre motif quelconque puisse m'animer, que celui de la vérité que je dois à mon Souverain d'après ma consience, et peut-être l'inspiration de notre Souverain à tous, puisqu'Il me met dans la position de Vous approcher, malgré toutes les résolutions que j'avais prises de passer le reste de ma vie éloignée de Vous. Il ne s'agit ici d'aucun individu en particulier; quand le zèle de Votre gloire m'anime, aucun individu ne peut le motiver par son intérêt particulier: je Vous le dis et Vous le jure devant ce Dieu qui est le maître et le juge de nos coeurs. Je ne Vous le dis même pas pour Vous inspirer de la confiance en moi, mais parceque je n'aime pas que Votre coeur, qu est susceptible de tant de bon, soit dans l'erreur à l'égard de ceux dont la délicatesse va jusqu'à ne se point permettre même la flatterie la plus innocente vis à vis de Vous. Qu'avez Vous à perdre avec des gens qui Vous donnent une pareille marque d'estime? Je ne veux point de Votre faveur, elle ne me flatterait pas, mais rendez justice à mes intentions et à celles d'une personne sacrée qui a fait le serment à Dieu d'être toute sa vie attachée irrévocablement et uniquement à Vos intérêts, et Vous aurez la satisfaction peut-être ignorée de Vous-même de posséder des amies véritables, dont l'une est toujours à même de Vous donner des marques d'attachement, et dont l'autre ne cessera jamais de faire des voeux ardents pour Votre gloire et Votre prospérité.

24.

21 Августа.

Если-бы Вы въ самомъ дѣлѣ питали ко мнѣ дружбу, ту дружбу, какой заслуживаетъ мой образъ мыслей со стороны человѣка, имѣвшаго случай его оцѣнить, то Вы не повѣрили-бы, что есть люди, дерзающіе говорить мнѣ что-либо противъ Васъ съ малѣйшею надеждою быть выслушанными. Если я отваживаюсь доводить до Вашего свѣдѣнія вопли нужды или раскаянія, то это для того, что-бы дать Вамъ истинное понятіе о тѣхъ, надъ которыми Вы царствуете, и сердца которыхъ не могутъ быть Вамъ извѣстны въ отдѣльности; но никогда въ жизни, ни на одну минуту, не имѣла я самонадѣянности говорить съ Вами съ увѣрен-

ностію въ успѣхѣ. Вы заблуждаетесь, полагая, что меня можетъ одушевлять какое-либо иное побужденіе кромѣ истины, которую я обязана раскрывать передъ моимъ Царемъ, и быть можетъ, внушеніе отъ Царя Всѣхъ, ибо Онъ ставитъ меня въ положеніе приближенное къ Вамъ, не смотря на всѣ мои рѣшенія провести остатокъ дней моихъ вдали отъ Васъ (*). Тутъ дѣло не о какомъ-либо лицѣ въ отдѣльности; когда меня одушевляетъ усердіе къ Вашей славѣ, никакая личность, своимъ частнымъ интересомъ, не можетъ его обусловливать: клянусь въ этомъ передъ Богомъ, Владыкою и Судіею сердецъ нашихъ. Говорю Вамъ это даже не для того, что-бы внушить Вамъ довѣріе ко мнѣ, но потому, что я не люблю, что-бы Ваше сердце, столь способное на все доброе, пребывало въ заблужденіи на счетъ тѣхъ, которыхъ деликатность простирается до того, что они не позволяютъ себѣ относительно Васъ даже самой невинной лести. Чего можете Вы опасаться съ людьми, дающими Вамъ такое доказательство уваженія? Мнѣ не нужна Ваша милость, она не льститъ моему самолюбію, но отдавайте справедливость моимъ намѣреніямъ и намѣреніямъ священной особы, которая поклялась передъ Богомъ посвятить всю свою жизнь, единственно и невозвратно, Вашимъ интересамъ, и Вы испытаете, быть можетъ, неизвѣданное Вами удовлетвореніе имѣть истинныхъ друзей, изъ которыхъ одна всегда имѣетъ возможность доказывать Вамъ свою привязанность, а другая никогда не перестанетъ возносить къ Богу горячія молитвы о Вашей славѣ и Вашемъ благополучіи.

(*) У Храповицкаго, подъ 25 числомъ Іюня 1792 года: «Фрейльна Екатерина Ивановна Нелидова прислала письмо графу Безбородку съ приложеніемъ прошенія Ея Величеству о дозволеніи ей по прежнему жить въ монастырѣ, т. е. dans la maison de demoiselles nobles, où elle rapportera son coeur aussi pur, qu'il a été à sa sortie du couvent» (въ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ, куда она возвратится съ сердцемъ столь же чистымъ, каково оно было при выходѣ изъ монастыря).

Письмо В. К. Павла Петровича къ Императрицѣ Екатеринѣ объ Е. И. Нелидовой.

25.

Ma bien chère Mère.

Ces lignes parviendront à Votre Majesté Impériale probablement quand je ne serai plus. C'est à Elle à savoir apprécier mes sentiments envers Elle ainsi que toute mon existence durant le cours de ma vie. C'est à mon coeur à en connaître toute l'étendue et à la renfermer en lui-même. J'ai un acte à faire devant Vous, Madame, comme mon Souverain et ma Mère, un acte que ma conscience me dicte devant Dieu et devant les hommes; c'est justifier un innocent qui pourrait souffrir, du moins tacitement, pour moi. J'ai vu la malignité s'ériger en juge et vouloir donner de fausses interprétations à une liaison uniquement d'amitié qui s'était formée entre Mademoiselle Nélidoff et moi. Je jure au sujet de notre liaison devant le tribunal où nous allons tous paraître, que nos consciences peuvent le faire sans se rien reprocher ni pour elles-mêmes ni pour qui ou quoi que ce soit. Que ne puis-je l'attester au prix de mon sang, je le fais . . . . . en terminant ma vie. Je le jure encore une fois sur ce qu'il y a de plus sacré et solenellement, et atteste que nous avons été unis pas une amitié tendre et sacré, mais innocente et pure. J'en prends Dieu à témoin. Après cet acte solennel et en pardonnant sincèrement à l'erreur où ont pu être mes prochains, je supplie, en fils tendre et respectueux et sujet fidèle, en conséquence de tout ceci, d'accorder Vos bontés à cette personne en dédommagement de ce que mon amitié a pu lui attirer, et ne point en faire une victime de la malignité. J'ose même supplier Votre Majesté de venir au secours de sa fortune qui est médiocre. Peut-être même s'y refusera-t-elle vû la noblesse de son caractère, et de son innocence: dans ce cas Vos bontés dédommageront de tout et justifieront tout. J'ai rempli un devoir dou-

blement sacré, dicté par ma conscience; je n'ai qu'à me recommander à Vos prières: Madame, n'oubliez point un fils qui meurt avec tous les sentiments vis-à-vis de Vous, sur les quels il rendra un compte exact au tribunal où il va paraitre.

Je suis, ma bien chère Mère, Votre très humble, très obéissant et fidèle fils et serviteur Paul.

25.

Эти строки дойдутъ до Вашего Императорскаго Величества вѣроятно лишь тогда, когда меня уже не будетъ въ живыхъ. Вамъ предоставляю оцѣнку чувствъ моихъ къ Вамъ и моего способа дѣйствій въ теченіи всей моей жизни; сердцу моему предоставляю вѣдать всю глубину этихъ чувствъ и замыкать ихъ въ себѣ. Мнѣ надлежитъ совершить передъ Вами, Государыня, торжественный актъ, какъ передъ Царицею моею и матерью, актъ, предписываемый мнѣ моею совѣстью передъ Богомъ и людьми; мнѣ надлежитъ оправдать невинное лицо, которое могло-бы пострадать, хотя-бы негласно, изъ-за меня. Я видѣлъ, какъ злоба возставала на судъ и хотѣла дать ложныя толкованія связи, единственно дружественной, возникшей между Е. И. Нелидовою и мною. Относительно этой связи, клянусь тѣмъ судилищемъ, передъ которымъ мы всѣ должны явиться, что мы предстанемъ передъ нимъ съ совѣстію свободною отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ не могу это засвидѣтельствовать цѣною моей крови! Свидѣтельствую о томъ..... прощаясь съ жизнію. Клянусь еще разъ всѣмъ что̀ есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединяла дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ. Совершивъ этотъ торжественный актъ и искренно прощая заблужденіе, въ которое могли впасть мои ближніе, умоляю Васъ, вслѣдствіе всего этого, какъ нѣжный и почтительный сынъ и вѣрный подданный, не оставить это лицо Вашими милостями въ вознагражденіе за все то, что̀ могло навлечь на нее моя дружба, и не дать ей сдѣлаться жертвою злобы. Смѣю даже умолять Ваше Величество прійти на помощь ея состоянію, которое незначительно. Быть можетъ, она даже откажется отъ этой помощи, по благородству своей

невинной души; въ такомъ случаѣ Ваши милости за все вознаградятъ, все оправдаютъ. Я исполнилъ долгъ, вдвойнѣ священный, предписанный мнѣ моею совѣстью; мнѣ остается только поручить себя Вашимъ молитвамъ: не забывайте, Государыня, сына, умирающаго въ тѣхъ чувствахъ къ Вамъ, въ коихъ онъ отдастъ вѣрный отчетъ передъ судилищемъ, его ожидающимъ.

Остаюсь Вашъ покорнѣйшій, преданный и вѣрный сынъ и подданный Павелъ.

Письма Павла Петровича къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой.

26.

Je ne Vous ai jamais rien écrit, ma bien chère amie, avec plus d'assurance que ce billet; Vous pouvez en voir la cause dans ce qui l'accompagne. Il accompagne un livre que je ne puis Vous envoyer sans Vous souhaiter tout le bien suprême auquel il fait tendre; je ne puis former ce souhait sans être moi-même convaincu et sans Vous souhaiter tout ce bien, et où reside tout ceci, si non en celui en qui je fais consister tout mon bonheur de Vous recommander à chaque pas que je fais dans la journée. J'ose Vous le dire: les liaisons qui subsistent entre nous, leur nature, l'historique de la chose, leur marche, enfin toutes les circonstances sous lesquelles et Vous et moi avons passé notre vie, ont quelque chose de si particulier qu'il m'est impossible de laisser échapper le tout de ma mémoire et de mon attention et particulièrement dans l'avenir. Quiconque connaitrait le tout s'arrêterait du plus au moins; ma façon d'envisager les choses dépendant de mes facultés me fait être plus attentif. Je regarde le passé avec une sorte d'admiration. Le présent m'est remarquable et precieux; quant à l'avenir, je l'attends avec respect et confiance. Pensez à ce qui peut Vous paraitre de tout ceci comme un verbiage, Vous dis-je, et peut-être ne me refuserez Vous point un moment d'assentiment sans vouloir autrement s'alambiquer. D'après moi, je Vous fais un grand présent par mon livre, puisque je Vous fais penser à Dieu, pour Vous en approcher de plus en plus. Je m'en fais un bien grand par-là aussi, un vrai cadeau. C'est ma façon d'aimer ceux qui me sont chers; que l'on cherche du criminel dans tout ceci. Lisez, ma bonne amie, en ouvrant, à volonté, ce qui se présentera; n'observez ni temps, ni règles, mais quand l'envie se fera sentir. Pardonnez-moi

tout ceci, usez d'indulgence vis-à-vis d'un individu qui Vous chérit plus que lui-même, et recevez ainsi le tout. Dieu seul sait combien et à quel titre Vous m'êtes chère, j'invoque sur Vous Ses bénédictions les plus saintes et suis tout à Vous, l'ami et le serviteur Paul.

26 (*).

Я никогда ничего не писалъ къ Вамъ, дорогой другъ мой, съ такою увѣренностію, какъ эту записку: причину тому Вы можете видѣть въ томъ, что́ ее сопровождаетъ. Сопровождаетъ ее книга, которую не могу посылать Вамъ, не желая Вамъ того высшаго блага, къ которому она насъ направляетъ. Не могу ощущать этого желанія, не убѣждаясь самъ, и не желая Вамъ всего этого блага; а въ комъ заключается оно, если не въ Томъ, Кому я полагаю свое счастіе поручать Васъ на каждомъ шагу моемъ въ теченіи дня? Смѣю это высказать: связи, существующія между нами, ихъ свойство, исторія этихъ отношеній, ихъ развитіе, наконецъ всѣ обстоятельства, при которыхъ и Вы и я провели нашу жизнь, все это имѣетъ нѣчто столь особенное, что мнѣ невозможно упустить все это изъ моей памяти, изъ моего вниманія, въ особенности-же въ будущемъ. Всякій, кому было-бы извѣстно все, остановился-бы на бо́льшемъ или меньшемъ; но мой способъ воззрѣнія, зависящій отъ моихъ способностей, заставляетъ меня быть внимательнѣе. Гляжу на прошлое съ нѣкоторымъ восхищеніемъ. Настоящее для меня знаменательно и драгоцѣнно; что-же до будущаго, то ожидаю его съ благоговѣніемъ и довѣріемъ. Подумайте о томъ, что́ во всемъ этомъ можетъ показаться Вамъ болтовнею, подумайте объ этомъ, говорю я Вамъ, и быть можетъ Вы не откажете мнѣ въ минутномъ согласіи, безъ дальнѣйшаго копанія въ себѣ. По моему мнѣнію, я своею книгою дѣлаю Вамъ великій подарокъ, ибо заставляю Васъ думать о Богѣ, чтобы все болѣе Васъ къ Нему приблизить. Тѣмъ самымъ я и себѣ дѣлаю величайшій, истинный подарокъ. Таковъ мой способъ любить тѣхъ, которые мнѣ дороги; пусть отъискиваютъ во всемъ этомъ что-либо преступное.

(*) Причудливый и темный слогъ этого письма заставилъ переводчика мѣстами руководствоваться догадками.

Читайте, добрый другъ мой, открывая книгу по произволу и на удачу; не наблюдайте ни времени, ни правилъ, но когда явится на то желаніе. Простите мнѣ все это; будьте снисходительны къ человѣку, любящему Васъ больше, чѣмъ самого себя, и въ этомъ духѣ пріимите все. Единому Богу извѣстно, на сколько и во имя чего Вы мнѣ дороги; призываю на васъ самыя Святыя Его благословенія, и остаюсь весь Вашъ, служитель и другъ Павелъ.

27.

Chateau Michel, ce 1 Mars 1801.

Il m'a été bien doux, en m'aquittant envers Vos neveux (*) Madame, de ce que leur mérite leur assurait, de faire quelque chose qui Vous fût agréable personnellement. Il ne me l'a pas moins été de recevoir de Vous Votre suffrage, et d'avoir eu par là l'occasion de Vous assurer des sentiments et de l'estime avec les quels je suis Votre bien affectionnée Paul.

27.

Михайловскій дворецъ, 1-го Марта 1801.

Мнѣ было весьма утѣшительно, Сударыня, отплачивая Вашимъ племянникамъ тѣмъ, на что даютъ имъ права ихъ заслуги, тѣмъ самымъ сдѣлать вещь, Вамъ лично пріятную. Не менѣе отрадно было мнѣ получить отъ Васъ Ваше одобреніе, ибо это дало мнѣ поводъ засвидѣтельствовать Вамъ тѣ чувства и то уваженіе, съ коими пребываю преданный Вамъ Павелъ.

(*) Баратынскіе, отецъ и мать поэта.

Отъ Е. И. Нелидовой къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

28.

Ce 23 Août, 1797.

Madame!

Votre Majesté Impériale saura déjà pourquoi le courrier qui devait me remettre sa lettre en chemin, ne m'aura point trouvée en route; ce n'est pas sans émotion que j'ai lu les expressions de la bonté avec la quelle Elle daigne attendre Sa Nélidoff; l'Empereur me dit qu'en venant je diminuerai le nombre de Ses tracas; je voudrais qu'il put comprendre combien je désirerais qu'il dépendît de moi de les lui épargner tous; mais je sais bien qu'il comprend tout le contraire, et je ne jurerais pas que mon rhume ne soit une tracasserie de ma part dans son imagination; chaque jour le beau temps réjouit la mienne dans l'idée que ma bonne et chère Impératrice jouit de la promenade qui lui est si nécessaire, et que l'Empereur est de meilleure humeur; car, n'en déplaise à Sa Majesté, j'ai quelques petits soupçons appuyés de quelques petites preuves que le temps influe sur son physique, son physique sur son moral, son moral sur celui des autres, et voilà la contagion qui s'étend, и такъ далѣе, и такъ далѣе, далѣе..... et voilà que ses bonnes amies lui demandent avec un air pas trop assuré: «qu'avez Vous donc, est-ce que quelque chose Vous aura fâché? Et voyez qu'il leur répond d'un ton et d'un air *bien persuadé* de la chose: «je n'ai rien, moi, c'est Vous autres qui avez de l'humeur et qui cherchez à me contrecarrer en tout». Et voilà nous autres à nous justifier, et voici que la foudre en éclatant tonne ce mots: «oh! s'il en est ainsi, je m'en irai ailleurs», de sorte que quand je vois le beau temps, mon imagination me représente des scènes d'un autre genre où elle se complait à s'arrêter, et je vois cette physionomie qui fait dire si souvent à tout le monde: «l'Empereur a une charmante physionomie quand il est calme». Voilà le point de l'histoire où je veux m'arrêter.

La chère communauté (1) va toujours son train accoutumé, tout le monde y est tranquille et content; je suis encore étonné de ne plus rien dire à Votre Majesté de notre bonne vieille (2).

28.

23 Августа, 1797.

Государыня.

Ваше Императорское Высочество конечно уже знаете, почему курьеръ, который долженъ былъ передать мнѣ Ваше письмо дорогою, не засталъ меня на пути; не безъ умиленія прочла я выраженія милости, съ которою Вы благоволите ожидать Вашу Нелидову. Императоръ говоритъ мнѣ, что, пріѣзжая, я уменьшу число его тревогъ; я бы хотѣла что-бы онъ понялъ, какъ желала бы я избавить его отъ всѣхъ его заботъ, если-бы это отъ меня зависѣло; но я знаю, что онъ думаетъ совсѣмъ противное и не поручусь, что-бы моя простуда не была въ его воображеніи причудою съ моей стороны. Каждый день меня радуетъ хорошая погода мыслію, что моя добрая и дорогая Императрица пользуется прогулкою, столь нужною для нея, и что Императоръ въ лучшемъ расположеніи духа: ибо, не во гнѣвъ будь сказано Его Величеству, у меня есть маленькое подозрѣніе, основанное на маленькихъ доказательствахъ, что погода дѣйствуетъ на его физическое состояніе, физическое на нравственное, оно-же въ свою очередь на нравственное состояніе другихъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе..... и вотъ добрые друзья спрашиваютъ его голосомъ, неслишкомъ твердымъ: „что съ Вами, не разсердили-ли Васъ чѣмъ-нибудь?“ И вотъ онъ имъ отвѣчаетъ, съ видомъ и тономъ глубокаго убѣжденія. „Ничего со мною не дѣлается. Это вы въ дурномъ расположеніи духа и стараетесь во всемъ мнѣ перечить.“ И вотъ мы начинаемъ оправдываться, а надъ нами разражается громъ словами: „О если такъ, такъ я уѣду куда нибудь“. По этому-то, когда я вижу хорошую погоду, мое воображеніе рисуетъ мнѣ сцены иного рода, на которыхъ оно любитъ останавливаться, и я вижу ту физіономію, которая

(1) Смольный Монастырь.

(2) Софья Ивановна Лавовъ?

такъ часто заставляетъ всѣхъ говорить: „У Императора прелестная физіономія, когда онъ спокоенъ“. И вотъ тотъ пунктъ во всей исторіи, на которомъ я хочу остановиться.

Въ дорогомъ монастырѣ все идетъ обычнымъ порядкомъ, всѣ въ немъ спокойны и довольны. Я еще не могу привыкнуть къ тому, чтобы ничего не писать Вашему Величеству о нашей доброй старухѣ.

29.

Madame!

Le livre d'échantillons dont j'ai parlé hier à Votre Majesté Impériale, nous avait été porté par une dame de la ville, et je l'ai malheureusement trouvé déjà rendu à la dame. En attendant qu'on puisse ravoir ce livre, nous préparons ici divers échantillons qui ne seront prêts que cet après-diner. Oh! j'ai été bien fachée de ne plus trouver à la maison ce livre, sur le quel je comptais tant. Je suis bien aise de ce que dit la fin de la lettre que Votre Majesté a la bonté de me communiquer.

Dieu nous conserve notre bonne Impératrice, ma confiance est entière en Sa bonté, mais si j'étais assez malheureuse, que même après une longue suite d'années je sois destinée à voir finir ses précieux jours avant les miens, tout ce qui resterait de ma triste vie serait employé constamment à remplir autant qu'il serait en moi les volontés de la meilleure des femmes et des mères. Dieu soutiendrait mon courage, et notre cher Empereur qui ne pourrait jamais cesser d'adorer la mémoire de la meilleure des épouses, et n'aurait point encore le pouvoir de négliger rien de ce qu'elle aurait désiré de lui. Dans quelques circonstances qu'il puisse se trouver, tant qu'il me conservera une ombre d'amitié, il entendra ma voix, il ne méconnaitra pas son Dieu Qui parlera sans cesse à Son coeur. Mais, chère et bien-aimée Impératrice, pour quoi se faire des idées qui ne sont pas dans les dessins de Dieu? Voyons plutôt déjà d'avance. Sa bonté se manifesta à l'égard de Votre Majesté en lui donnant bientôt un beau prince qui fera ses délices, comme le fait déjà l'ange Nicolas. Mon coeur sent déjà celui de ma bonne Impératrice s'ouvrir à un nouveau sentiment de tendresse. Dieu bénira l'auguste et aimable famille qui fait le bonheur de l'Empire.

29.

Государыня,

Книга съ обращиками, о которой я говорила вчера Вашему Императорскому Величеству, была намъ привезена дамою изъ города, и къ сожалѣнію оказалось, что она уже ей возвращена. Пока не добудутъ опять эту книгу, мы приготовляемъ здѣсь разные обращики, которые будутъ готовы лишь послѣ обѣда. О, мнѣ было очень досадно не застать болѣе дома эту книгу, на которую я такъ разсчитывала! Я очень рада тому, что сказано въ концѣ письма, которое В—е В—во имѣли обязательность сообщить мнѣ.

Да сохранитъ намъ Богъ нашу добрую Императрицу; моя надежда на Его милость безгранична; но если-бы я была столь несчастна, чтобы даже по прошествіи долгихъ лѣтъ, ея дни пресѣклись прежде моихъ, то весь остатокъ моей печальной жизни былъ-бы посвященъ на то, чтобы по силамъ исполнять волю лучшей изъ женщинъ и матерей. Богъ поддержалъ-бы мою бодрость, поддержалъ-бы нашего дорогаго Императора, который никогда не могъ-бы перестать поклоняться памяти лучшей изъ супругъ, и не былъ-бы въ силахъ пренебречь чѣмъ-либо, чего она отъ него пожелала. Въ какихъ-бы обстоятельствахъ онъ ни находился, пока онъ сохранитъ ко мнѣ тѣнь привязанности, онъ будетъ слышать мой голосъ. Онъ не ослушается Бога, Который непрестанно будетъ говорить съ его сердцемъ. Но, дорогая и обожаемая Императрица, зачѣмъ предаваться мыслямъ о томъ, что не опредѣлено Богомъ? Заглянемъ лучше впередъ. Благость его къ В—у В—у скоро обнаружится дарованіемъ прелестнаго Великаго Князя, который будетъ утѣшать Васъ, какъ уже утѣшаетъ ангелъ Николай. Мое сердце уже чуетъ, какъ сердце моей доброй Императрицы раскроется для новаго нѣжнаго чувства. Богъ благословитъ высокое и любезное семейство, составляющее счастіе Имперіи.

Отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой.

30.

Gatschina, Août 1797.

Nous sommes heureusement arrivés, ma bonne amie, par un chaud comme en Juillet. En rentrant de la promenade, nous avons reçu Vos lettres, ma bonne amie; leur contenu m'est cher et précieux, sous tous les rapports; les sentiments que Vous nous montrez font la plus douce jouissance de mon coeur qui en sent bien vivement le prix.

Notre cher Empereur m'a montré Votre lettre, ma bonne amie, il en a été bien ému, je l'ai été de même. Vous êtes et Vous serez toujours notre bonne, notre véritable amie, et Vous aimer *est un bien pour nous.* Venez nous joindre, je Vous en conjure au nom de tous les sentiments nobles de Votre âme qui en conscience Vous en fait un devoir. Notre cher Empereur est au regret sincère de Vous avoir affligée, je Vous le jure. Les jouissances de Gatschina perdent leur prix par ce que Vous n'y êtes pas, c'est ce qu'il sent et ce qu'il dit, je le dis avec lui, par ce que je l'éprouve dans tous les moments. Ecoutez la voix de l'amitié, croyez-moi, ma bonne amie, une absence plus prolongée serait un mal réelle que Vous me feriez à moi, et il est même dur pour Vous parceque Votre coeur aurait droit de Vous faire des reproches de m'affliger véritablement.

Venez nous joindre et trouver des amis qui Vous chérissent tendrement, nous Vous attendons demain pour sûr; tout est prêt pour Vous recevoir, et Vous serez reçue et ambrassée bien bien tendrement.

P.S de l'Empereur. Si j'ai perdu le droit de Vous persuader, il ne saurait y avoir un meilleur avocat que celle qui Vous écrit. Notre séjour ici a commencé sous de si heureux auspices qui ne sont troublés que par Votre absence, et il ne manque que Vous pour mon bonheur, dans un lieu où le bon Dieu m'a permis d'ébaucher ce que j'exécute. Venez, on Vous attend, et ne troublez pas les auspices. Je Vous attends.

30.

Гатчина, Августа 1797.

Мы благополучно доѣхали, добрый другъ мой, въ жаръ, подобный Іюльскому. Вернувшись съ прогулки, мы получили Ваши письма, добрый другъ мой; содержаніе ихъ мнѣ мило и драгоцѣнно во всѣхъ отношеніяхъ; чувства, которыя Вы къ намъ высказываете, доставляютъ самую сладкую отраду моему сердцу, живо сознающему ихъ цѣну.

Нашъ дорогой Императоръ показалъ мнѣ Ваше письмо, добрый другъ мой; Онъ былъ очень имъ тронутъ, и я не менѣе Его. Вы нашъ добрый, нашъ истинный другъ и всегда имъ будете: любить Васъ *для насъ благо*. Пріѣзжайте къ намъ, заклинаю Васъ всѣми благородными чувствами Вашей души, которыя, по совѣсти, предписываютъ Вамъ это сдѣлать. Нашъ дорогой Императоръ искренно сожалѣетъ о томъ, что огорчилъ Васъ, клянусь Вамъ. Гатчинскія удовольствія утрачиваютъ свою цѣну, потому что Васъ тутъ нѣтъ. Онъ это чувствуетъ и говоритъ, и я говорю это вмѣстѣ съ нимъ, ибо испытываю это ежеминутно. Послушайтесь голоса дружбы, повѣрьте мнѣ, добрый другъ мой, болѣе продолжительное отсутствіе было-бы дѣйствительнымъ зломъ, которое Вы причинили-бы мнѣ; оно было-бы даже жестокимъ для Васъ, ибо Ваше сердце было-бы въ правѣ упрекать Васъ за то, что Вы истинно огорчаете меня.

Пріѣзжайте на свиданіе съ друзьями, нѣжно любящими Васъ, мы ждемъ Васъ завтра навѣрное; все готово, что-бы принять Васъ, и Васъ встрѣтятъ и обнимутъ очень, очень нѣжно.

Приписка Императора

Если я утратилъ право уговаривать Васъ, то я не могъ-бы найти лучшаго ходатая, чѣмъ та, которая пишетъ къ Вамъ. Наше пребываніе здѣсь началось при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ, и ихъ нарушаетъ лишь Ваше отсутствіе! Недостаетъ лишь Васъ для моего счастія, въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Господь Богъ дозволилъ мнѣ предначертить то, что я теперь исполняю. Пріѣзжайте, Васъ ждутъ — не нарушайте предзнаменованій. Я Васъ жду.

Извлеченіе изъ некролога Камеръ-Флейлины Екатерины Ивановны Нелидовой, составленнаго секретаремъ начальницы Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, Г-мъ Комовскимъ, и напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ 1839 года 17 Февраля, № 37.

Въ началѣ 1839 года Императорское Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ было свидѣтелемъ единственнаго въ его лѣтописяхъ событія. Воспитанницы двадцать-третьяго пріема отдавали послѣдній долгъ бывшей имъ, по мѣсту воспитанія, соученицѣ перваго пріема, которая, поступивъ въ Общество за 75 лѣтъ, прожила тамъ болѣе полувѣка.

Камеръ-Фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова родилась 12-го Декабря 1756 года, воспитывалась въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ, со времени его учрежденія, т. е. съ 1764 по 1776 годъ, и при выпускѣ своемъ, 30-го Апрѣля того-же года, награждена золотою медалью и вензелемъ Императрицы Екатерины II-ой. Поступивъ 14 Іюля 1777 г. ко двору въ качествѣ фрейлины Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, она, по настоятельной, двукратной просьбѣ своей, 3 Сентября 1793 года, уволена на жительство въ тихій пріютъ ея дѣтства, гдѣ и скончалась 2-го Января 1839 года. При восшествіи на престолъ Императора Павла I, она была пожалована Камеръ-Фрейлиною и кавалерственною дамою ордена св. Екатерины.

Глубокое благочестіе, отлично образованный умъ, любовь къ изящнымъ искусствамъ, тонкое знаніе сердца человѣческаго, веселый, дѣтскій нравъ, — привлекали къ ней всѣхъ ее окружающихъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Казалось, она одна, въ безпримѣрномъ смиреніи своемъ, не знала всего величія своего достоинства. Уклоняясь всегда съ рѣдкимъ самоотверженіемъ отъ всякихъ почестей и богатствъ, она старалась только облегчать, по возможности, участь ближнихъ своихъ, и преимущественно тѣхъ, кои, страдая болѣе другихъ, болѣе нуждались въ помощи. Лучшимъ доказательствомъ ея высокихъ добродѣтелей служитъ та по-

стоянная, сороколѣтняя дружба, которую во всю жизнь сохранила къ ней Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Всѣ члены Царственной Семьи постоянно оказывали покойной Екатеринѣ Ивановнѣ особые знаки этой свято завѣщанной дружбы, раздѣляя съ нею и радости и печали.

Предсмертная болѣзнь ея продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; это было истощеніе физическихъ силъ, но умъ и душа бодрствовали неослабно. Она сподобилась причастія св. Таинъ за нѣсколько недѣль до кончины своей. Въ ночь съ 1-го на 2-ое Января часто засыпая, ей казалось, что она уже въ мірѣ лучшемъ, и когда потомъ пробуждалась вновь къ этой жизни, то скорбѣла, что душа ея, послѣ 82-хъ лѣтняго странствованія, не возвратилась еще въ Свѣтлую Отчизну.

2-го Января въ 9 часовъ утра Екатерина Ивановна скончалась на рукахъ племянницы своей К. А. А. Т. (*) которую воспитывала и любила какъ дочь. Тѣло покойной отпѣто 9-го того-же Января, въ дѣтской церкви Общества благородныхъ дѣвицъ. Здѣсь въ дни младенчества своего, за 75 лѣтъ передъ симъ, она впервыя услышала наставленіе въ законѣ Божіемъ и здѣсь-же возлежала она теперь передъ тѣми-же иконами Спасителя и Божіей Матери, какъ бы передъ судилищемъ небеснымъ, отдавая отчетъ въ томъ, сколь свято соблюла она во всю жизнь внушенныя ей съ дѣтства правила.

Кто зналъ ее лично, и долго со вниманіемъ слѣдилъ за ея характеромъ, тотъ не могъ не благоговѣть передъ этимъ дивнымъ явленіемъ въ мірѣ духовномъ. Свѣтлость ума, пламенная любовь къ добру и истинѣ, непоколебимая твердость — особенно отличали ее; но при всемъ томъ она жила по слову Евангельскому: „Будьте яко дѣти". Любила все страждущее, все безпомощное, не смотря ни на какое различіе, не требуя взаимности, не ожидая благодарности. Предъ ея любовью, ничѣмъ необузданный гнѣвъ превращался въ милость, пылкія страсти стихали, недобрыя намѣренія замѣнялись самыми благодѣтельными. Такъ всемощна непреодолимая сила любви непорочной.

(*) Княгиня Александра Александровна Трубецкая.

Заведеніе, въ которомъ развились сіи рѣдкія качества души, должно по справедливости этимъ гордиться. Жаль только, что не многіе вполнѣ понимали и достойно цѣнили покойную.

Бренные остатки Екатерины Ивановны лежатъ на кладбищѣ Большой Охты, по лѣвую сторону, при входѣ въ церковь во имя святителя Николая. Она сама избрала это уединенное мѣсто, чтобъ и по смерти покоиться вблизи своего младенческаго пріюта.

ПИСЬМО О СМЕРТИ ВОЛЬТЕРА.

Благодаря обязательному содѣйствію князя М. А. Оболенскаго, читая въ Московскомъ Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ бумаги по Американскимъ дѣламъ, я нашелъ слѣдующее замѣчательное и любопытное письмо о смерти Вольтера. Зная, что смерть Вольтера была причиною очень многихъ споровъ, я послалъ копію этого письма въ Парижъ извѣстному писателю г-ну Тэнъ (Taine). Письмо не подписано, и г. Тэнъ полагаетъ, по нѣкоторымъ подробностямъ и выраженіямъ, что оно писано лѣкаремъ. Я нашелъ это письмо въ рапортѣ Русскаго посла въ Парижѣ, князя Н. Ѳ. Барятинскаго къ Е. В. Императрицѣ Екатеринѣ, отъ $^{17}/_{28}$ Іюня 1778 года.

Князь Барятинскій пишетъ:

„Вашему Императорскому Величеству я смѣлъ всеподданнѣйше доносить, подъ № 17, о смерти Вольтера, и что тѣло его для погребенія повезено въ Ферне. Чрезъ нѣсколько дней стали говорить по городу, что тѣло его взялъ, для погребенія, племянникъ его аббатъ Миньо, дабы его погрести въ своемъ аббатствѣ, ибо родственники опасались, что епископъ той эпархіи, въ которой находится Ферне, тѣло Вольтерово погресть запретитъ, по причинѣ той, что онъ при самомъ концѣ своей жизни былъ уже внѣ памяти, и не отдалъ христіанскаго долга. Я, вѣдая сколь Ваше Императорское Величество соизволите принимать участіе о всѣхъ великихъ людяхъ, всякаго роду, въ семъ видѣ адресовался я, какъ бы собственно для себя, къ одному изъ моихъ пріятелей, которой конечно въ состояніи былъ знать все что касалось до Вольтера, прося его мнѣ дать точное свѣдѣніе, въ намѣреніи, томъ чтобъ къ Вашему Императорскому Величеству объ ономъ обстоятельно писать; помянутой мой пріятель для лучшаго мнѣ объясненія, написалъ ко мнѣ письмо, съ котораго принимаю смѣлость приложить здѣсь копію. Ваше

Императорское Величество усмотрѣть изволитъ всѣ подробности. Публика симъ дѣломъ занята еще и до сего времени. Въ концѣ онаго письма слѣдуетъ Вольтерово покаяніе, которое онъ учинилъ за нѣсколько недѣль передъ смертію, и письмо къ сыну несчастнаго генерала-поручика и губернатора въ Индіи *Лали*: послѣднее что́ онъ написалъ бывъ еще въ полномъ своемъ умѣ, о томъ что онъ исходатайствовалъ уничтоженіе на парламентское опредѣленіе отъ 6-го Мая 1766 года, по которому здѣсь въ Парижѣ Лалію отсѣкли голову, за то, что якобы онъ сдѣлалъ измѣну королю, Индѣйской кампаніи и притѣснялъ и раззорялъ народъ. То дѣло приказано отослать паки для разсмотрѣнія въ Руанскій парламентъ. Помянутой Лаліевъ сынъ былъ еще весьма въ младыхъ лѣтахъ, когда съ его отцемъ то несчастіе послѣдовало. Достигъ же онъ совершеннаго возраста, разсмотрѣлъ весь тотъ несчастный процесъ, и найдя способы къ доказательству возстановленія чести своего родителя, употребилъ свою просьбу.....“

Г. Тэнъ напечаталъ французскій текстъ этого письма въ Journal des Débats, отъ 30 Января 1869 года. По его словамъ, оно до сихъ поръ не было извѣстно во французской литературѣ.

Е. Скайлеръ.

Ce jeudy 11 Juin 1778. Paris.

Vous désirez savoir, Mon Prince, quelques particularités concernant la mort de M-r de Voltaire, l'homme le plus rare et le plus extraordinaire que la nature ait produit. Je vais vous dire le plus brièvement qu'il me sera possible, ce qui s'est passé à ce sujet. Mais pour être clair, il faut réprendre les choses d'un peu plus haut.

M-r de Voltaire étoit sujet depuis plusieurs années à une maladie fort commune chez les vieillards. Cette maladie qu'on nomme *strangurie*, lui causoit dans la vessie une irritation fort douloureuse. M-r de Voltaire, incapable de supporter des maux violents et prêt à tout faire pour faire cesser une douleur actuelle, prenoit *des calmants* dans les accès du son mal et il s'étoit même fait une espèce d'habitude de l'opium qu'il s'administroit lui-même, lorsque les douleurs, qu'il souffroit dans la vessie, devenoient fort aigues. Pourvû qu'il fut soulagé au moment même où il souffroit, il ne considéroit pas, si le remède auquel il devait ce soulagement passager, ne lui étoit pas plus

funeste que le mal même, auquel il servait de *palliatif*. Il étoit encore accoutumé, depuis sa plus tendre jeunesse, à prendre une grande quantité de caffé et il n'avait pas même perdu cette habitude dans un âge, où cette liqueur, et général nuisible, pouvoit aggraver le mal, auquel il devenoit de jour en jour plus exposé; mais soit que l'usage du caffé lui fut devenu nécessaire, soit que l'habitude d'en prendre lui en eut rendu la privation trop penible, il est certain qu'il en usoit immodérément. Environ douze ou quinze jours avant sa mort, il avait proposé à l'Académie Françoise de changer le plan du Dictionnaire, auquel cette savante compagnie travaille sans cesse. Il avait exposé ses idées à cet sujet avec beaucoup d'éloquence et de clarté. On lui fit quelques objections fort sensées, il y repondit de son mieux, et par respect pour une autorité d'un si grand poids, on parût se prêter à ses vues, on les adopta même, on en tint régistre, et les excellents ecrivains qui composent ce corps partagerent un travail qui sembloit devoir accélérer la publication du Dictionnaire et contribuer même à le rendre plus utile et plus instructif. La séance suivante il voulut achever de persuader ceux qui n'avaient pas gouté son plan de travail, il s'étoit même chargé de lire à l'Academie plusieurs articles qu'il vouloit faire d'après son nouveau plan. Ce projet l'occupoit sans cesse, il en parloit à tous ses amis. L'éxécution lui en paroissoit facile, et son éloquence avait tellement echauffé ses confrères que tout le monde paroissoit disposé à se conformer à ses vues. Le jour qu'il alla à l'Academie dans le dessein de faire sentir plus fortement encore les avantages du plan qu'il avait conçu, il crut qu'il devoit employer toute son éloquence et pour s'exalter l'imagination, il prit dans la matinée huit tasses de caffé. Il alla ensuite à l'Academie, parla fort longtemps avec une force, un enthousiasme qui tenoient de l'inspiration et de l'orgasme. Ses yeux s'enflammerent plus encore que de coutume, la flamme du génie brilloit sur son front. Toutes les objections qu'on lui faisoit disparoissoient devant la force de son éloquence: on se tût. Il acheva de faire sentir l'utilité et la nécessité de suivre son plan, et toute l'assemblée se rangea de son opinion avec la déférence qu'un aussi grand homme méritoit à tant des titres.

M-r de Voltaire rentra chez lui dans un état de faiblesse et d'épuisement qui etoit la suite des efforts qu'il avait faits et de la prodigieuse impulsion qu'il avait donnée à toute sa machine. La nuit fut un peu agitée; il souffrit beaucoup de sa *strangurie*, peu-à-peu les douleurs devinrent atroces: il avait besoin d'uriner, et la vessie sembloit avoir perdu

tout son ressort; il ne pouvoit rien rendre, et le mal augmentoit sans cesse. Enfin ne pouvant supporter son état, il prit des *calmants* et se fit apporter de l'opium, dont il s'administra à differents réprises plusieurs doses assez fortes à l'insçu de sa famille: il envoya plusieurs fois pendant la nuit chercher de cet opium chez *Mitouart*, son apoticaire, et il en prit jusqu'à ce que ses douleurs de vessie et d'entrailles cessassent. *M-r le duc de Richelieu* étant venu le voir le lendemain, il lui demanda encore de l'opium, dont ce seigneur fait usage depuis très longtems. On n'a jamais pû savoir, s'il prit la fiole que le *duc de Richelieu* lui envoya, où si elle fut cassée à dessein. Quoiqu'il en soit, *M-r Tronchin*, médecin de M-r de Voltaire, arriva chez le malade; il le trouva jettant les hauts cris, se plaignant des douleurs cruelles qu'il souffroit dans la vessie et dans les entrailles et demandant à ce médecin des calmants. *Tronchin* ignorant ce qui s'étoit passé, ordonne une dose de *laudenume* qui n'est que le suc épaissi de l'opium et qui a les mêmes vertus. M-r de Voltaire ne lui dit pas qu'il en avait déjà prit, et comme il n'y avait rien ou'il ne consentit à faire pour se débarasser d'une douleur actuelle, il prit encore cette dose d'opium qui acheva d'affaisser sa machine, lui causa une stupeur effrayante, lui fit perdre le peu de forces qui lui restoient encore et paralysa entièrement l'estomac. Il étoit presque toujours absorbé par le sommeil: on l'invitoit en vain à prendre quelque nourriture, il ne pouvoit s'y résoudre, son estomac se réfusoit à tout ce qu'on lui donnoit, et lorsque cédant aux tendres sollicitations de sa famille et de ses amis, il consentoit à prendre ou un peu de gélée ou un œuf frais, il souffroit alors des douleurs d'entrailles si cruelles qu'elles lui arrachoient des cris qui allarmoient tous ceux, dont il étoit sans cesse entouré.

Le bruit de sa maladie et le danger de son état se répandirent bientôt dans Paris. Les prêtres et les dévots s'en réjouirent; tous les honnêtes gens en furent profondement affligés. On peut même assurer que des amis de la raison et des lumières furent bien plus nombreux que les fripons ou les dupes. Mais la haine sacerdotale, qui ne pardonne point, se déploya dès lors dans toute son activité. Les dévotes intriguerent auprès de l'Archevêque de Paris. Parmi ces dévotes de profession, il y en eut deux sur tout qui se distinguerent par leur fanatisme: *M-me la Duchesse de Nivernois* et *M-me de Gisors, sa fille.* Ces Dames, qui sont sur la paroisse de S-t Sulpice, allerent trouver le curé de cette paroisse qui est aussi celle de M-r de Voltaire, et firent promettre à ce pasteur imbécile et aussi fanatique que ces deux

béguines de ne point enterrer M-r de Voltaire, s'il venoit à mourir. Il le leur promit solennellement et ne fut pas même effrayé du pouvoir du Parlement de Paris qui à la grande police de cette ville. L'espèce de traité de fanatisme, fait entre le curé et ces deux Dames, ne pût jamais être assez secret pour que les conditions n'en transpirassent pas bientôt dans tout Paris. La famille en fut allarmée, les amis n'en furent pas surpris. Ce qui étoit assez embarrassant, c'est que M-r de Voltaire avait deux neveux, dont l'un est Conseiller au Parlement et l'autre Conseiller au Grand Conseil. Le premier est *M-r d'Ornoy*, gendre de M-r Lavalette de Magnanville, garde du trésor royal, et l'autre est M-r *l'abbé Mignot*. Ceux deux Messieurs se consulterent avec *M-me Denys*, nièce de M-r Voltaire, et tous les amis de ce philosophe: on projetta de s'assurer de la protection du Parlement en cas de mort. *M-r d'Ornoy* alla trouver *M-r Ancelot*, ministre, ayant le département de Paris et *M-r Le Noir*, lieutenant de police. Il leur apprit ce qui s'est passé et le réfus du curé de S-t Sulpice d'enterrer M-r Voltaire, s'il venoit à mourir. Ces deux respectables magistrats envoyerent chercher le curé, lui parlerent, lui firent sentir l'illégalité de son refus et les suites facheuses qu'il pourroit avoir pour lui. Le curé convint que son refus étoit illégal, puisque deux mois auparavant M-r de Voltaire s'étoit confessé et avait fait entre ses mains une profession de foy très authentique. Malgré cela le curé déclara qu'il ne l'enterreroit pas et fit entendre qu'il avait des ordres supérieurs; alors *M-r d'Ornoy* alla trouver le procureur-général, et voulut s'assurer que sa réquête seroit admise. Mais il ne pût pas tirer de ce magistrat une certitude assez grande pour lui faire risquer de présenter réquête au Parlement. Il voulut d'autant moins risquer cette démarche que si sa réquête étoit rejettée, il étoit obligé de se défaire de sa charge, ainsi que M-r l'abbé Mignot. Dans cette alternative il fut résolû que M-r l'abbé Mignot feroit porter le corps de son oncle à son abbaye de Cellières, à deux ou trois lieues de Nogent sur Seine et qu'il le déposeroit dans cette abbaye jusqu'à nouvel ordre.—Pendant tout ce tems la maladie de M-r de Voltaire allait sans cesse en empirant. Il n'y avait presque plus d'espérance; le pus remplissoit la vessie et il ne rendoit rien. Tous ses parens et ses amis étoient dans une consternation profonde et voyoient avec douleur le moment de sa mort s'approcher. Enfin le Samedy 30 May M-r l'abbé Mignot alla chercher le curé de S-t Sulpice et l'abbé Gautier qui avait confessé M-r de Voltaire deux mois auparavant.

Ces deux prêtres se transporterent chez M-r de Voltaire qui étoit alors dans une langueur, un assoupissement et un stupeur vraiment éffrayantes. Il étoit d'ailleurs fort affaibli par la douleur et par le défaut de nourriture que son estomac ne pouvoit pas supporter. Lorsque les deux prêtres entrerent dans la chambre du malade, ils y trouverent M-rs..... (*) tous deux amis de M-r de Voltaire. Ces Messieurs demanderent au curé, si leur présence étoit de trop dans cette funeste circonstance; le curé répondit que non. Alors on annonça à M-r de Voltaire l'arrivée du curé de S-t Sulpice. La première fois il ne parut pas avoir entendu. On répéta; alors M-r de Voltaire répondit: *Dites lui que je le respecte*, et il passa son bras autour du col du curé pour lui donner une marque d'attachement. Le curé s'approcha alors plus prêt du lit et après lui avoir parlé de Dieu, de la mort et de sa fin prochaine, il lui demanda d'une voix assez haute: *Monsieur, reconnoissez-vous la divinité de Jésus Christ?* Aussitôt M-r de Voltaire parut rassembler toutes ses forces, fit effort pour se mettre sur son séant, quitta brusquement le curé qu'il tenoit presque embrassé et se servant du même bras qu'il avait jeté autour du col du curé, il fit un geste de colère et d'indignation et paroissant repousser ce prêtre fanatique, il lui dit d'une voix forte et très assurée: *Laissez moi mourir en paix*, et il lui tourna aussitôt le dos. Alors le curé se retourna du côté des assistans et leur dit avec plus d'esprit et d'adresse qu'on avait lieu d'en attendre d'une tête aussi étrangement troublée par la superstition: *Messieurs, vous voyez bien qu'il n'a pas sa tête.* Il demanda alors une plume et du papier, écrivit une permission de transporter sans cérémonie le *corps* de M-r de Voltaire partout où l'on voudroit; il déclara par le même écrit qu'il l'abandonnoit (**).

(*) Пропускъ въ подлинникѣ.

(**) Par ce mot *abandonner, faire abandon d'un corps, former l'abandon d'un cadavre*, les prêtres entendent l'excommunication de fait en style canonique.

La famille de Voltaire a pris le change sur ce mot, dont la signification n'est plus devenue équivoque d'après le fait qui suit:

M-rs de l'Académie Françoise s'étant adressés aux Cordeliers pour faire faire un service à Voltaire, les Cordeliers ont été à M-r l'Archévêque qui les a renvoyé au curé de la paroisse du défunt. Le curé de S-t Sulpice a répondu..... „il n'y a pas lieu à service, le corps n'a point pû jouir du droit de sépulture, „je l'ai *abandonné*. On dit qu'il est enterré dans l'abbaye de Cellières. Le pre„mier venu peut le déterrer et en faire ce qu'il voudra, ni s'assujettir aux „formes de l'exhumation, par la raison qu'il ne peut être inhumé nulle part."

. . . . . M-r l'abbé Gautier, confesseur de M-r Voltaire, donna aussi un espèce de certificat de confession. Après quoi ces deux prêtres se rétirerent. Ceci se passa entre six et sept heurs du soir. M-r de Voltaire appella quelque tems après un de ses anciens domestiques, lui prit la main, lui dit adieu et ajouta d'une voix très distincte: *Prenez soin de Maman* (c'est ainsi qu'il appelloit *M-me Denys*, sa nièce). Ce sont les derniers mots qu'il ait prononcés. Il mourut ce jour même à dix heures trois quarts du soir au milieu des pleurs et des regrets sincères de ses parens et de ses amis. Sa porte étoit investie d'une foule de peuple, de bourgeois et de gens de qualité qui envoyoient sans cesse ou venoient eux mêmes s'informer de sa santé, les uns par curiosité, les autres par intérêt. Plusieurs heurs après qu'il eut rendu le dernier soupir, on le fit ouvrir, afin de l'embaumer. On lui trouva toutes les parties fort saines, à l'exception d'un peu de pus dans le vésicule, du fiel et de la vessie qui, dans toute son étendue, étoit remplie de pus. L'estomac se trouva aussi paralysé. Cet accident avait été causé par la grande quantité d'opium qu'il avait prit et qui avait pour ainsi dire relâché et brisé tous les ressorts de la machine. Lorsqu'on ouvrit le crâne, on lui trouva le cerveau d'une grandeur considérable. Le jeune chirurgien, qui fit cette opération, fut étonné de cette quantité de cervelle, il témoigna sa surprise et son admiration à cet égard et ne pouvoit se lasser de régarder ce phénomene avec des yeux interdits; il demanda même la permission de garder le cervelet, désirant conserver précieusement quelques restes de ce grand homme. *M-r le Marquis de Vilette* demanda son coeur pour le mettre dans une chapelle de l'église de sa terre; on le lui accorda. A l'égard de cette énorme quantité de cervelle, c'est une remarque presque constante que les hommes d'un grand esprit ont le cerveau d'un volume beaucoup plus considérable que les hommes ordinaires.

Le curé avait obtenu de la garde du malade qu'elle tiendroit registre de tout ce que Voltaire avait proféré contre la réligion pendant sa dernière maladie, en sorte que la garde eût été entendue en déposition avec d'autres témoins affidés, si quelqu'un eût présenté réquête au Parlement.

Les dévots régardent comme un coup de la Providence et un miracle que les circonstances ayent deplacé Voltaire pour le faire mourir à Paris et donner ce spectacle de réprobation de son corps à la barbe de la philosophie moderne. On n'a point d'exemple en ce siècle d'un *abandon* de cadavre.

La nuit du 30 au 31 se passa à embaumer le corps, et le dimanche à onze heures trois quarts du soir on mit M-r de Voltaire dans sa robe de chambre ordinaire, un bonnet de nuit sur sa tête, on le plaça dans une voiture faite en forme de dormeuse. Là on l'attacha par les deux bras, par le milieu du corps, par les cuisses et par les jambes, afin que le corps ne vacillât pas par l'effet du mouvement de la voiture, et qu'il ressemblât dans cet état à un malade que l'on transporte chez lui. On mit un domestique de confiance dans la voiture, et on transféra ainsi ce grand homme dans l'abbaye de Cellières à deux ou trois lieus du Paraclet, lieu célèbre par la sépulture du fameux *Abelard* et de sa fidèle *Héloyse*. Cette abbaye de Cellières appartient, comme je voue l'ai déjà dit, à M-r l'abbé Mignot, neveu du défunt. Cet abbé avec M-r d'Ornoy, son cousin, neveu de même de M-r de Voltaire, avec autres parens plus éloignés, accompagnerent le corps jusqu'à Cellières. Le corps arrivé à Cellières sentoit si fort que le domestique de confiance en tomba malade en arrivant et ne pouvoit plus résister dans la voiture. On creusa sur-le-champ une fosse de huit pieds de profondeur, dans laquelle on descendit le corps de M-r de Voltaire qu'on couvrit de deux pieds de chaux vive. Ce corps a été consumé en deux heures, sans qu'il en soit resté de vestiges. Cette précaution devenoit indispensable pour empêcher qu'il ne vint dans l'idée à l'évêque diocésain de le faire déterrer, et empêcher par là qu'il ne se trouvât déposé en terre sainte. Un homme digne de foi, s'étant trouvé à Cellières par hasard à l'arrivée du corps de M-r de Voltaire, a été témoin de ce fait. Le prieur de l'abbaye, homme d'esprit, fit avertir et rassembler tous les curés des environs et les prêtres des différentes églises d'alentour, et le lendemain même on fit à M-r de Voltaire un fort beau service funèbre. Il y eut un grand concours de monde qui assista à ce service, et le lendemain tout le monde venoit par coriosité voir le lieu, où la dépouille mortelle de ce grand homme étoit déposée. Quand M-r l'abbé Mignot et d'Ornoy eurent rendu à leur oncle les derniers devoirs, ils revinrent promptement à Paris. Pendant ce tems l'évêque de Troyes, dans le diocèse duquel se trouve l'abbaye de Cellières, écrivit au prieur de cette abbaye pour le tancer d'avoir enterré M-r de Voltaire, à qui on avait réfusé la sépulture dans sa parroisse à Paris. Le prieur répondit, *qu'il auroit régardé son réfus comme illégal, puisque M-r de Voltaire étoit mort dans la profession de la réligion catholique, apostolique et romaine, qu'il n'avait fait que son devoir en obéis-*

sant a M-r l'abbé Mignot, son abbé, et que s'il se trouvoit encore dans le même cas, il se conduiroit de la même manière. On a dit que l'évêque de Troyes n'avait envoyé ordre au prieur de réfuser la sépulture à M-r de Voltaire que dix ou douze heures après l'enterrement, et qu'il l'avait fait à dessein, afin de laisser tout le tems nécessaire pour consommer la cérémonie; mais je ne vous garantis pas ce dernier fait, quoiqu'il paroisse assez constaté par le nombre des témoins. On a fait aussi courir le bruit dans Paris que le prieur étoit destitue, mais ce fait n'est pas encore constaté, et je ne vous l'assure pas.

Le testament de M-r de Voltaire, fait il y a environ six ans, a été ouvert. En voici les principaux articles: il laisse à M-r d'Ornoy cent mille livres, une fois payées; autant à M-r l'abbé Mignot. A M-me Denys environ 250 mille livres tant en papier, qu'en argent comptant, la terre de Ferney et la maison qu'il venoit d'acheter récemment à Paris sur la tête de M-me Denys. Cette dame restera riche de 60 mille livres de rentes net. Il laisse à Vanière, son sécretaire de confiance, 400 livres de rentes, huit mille livres d'argent comptant, la maison et les terres qu'il lui avait achetées à Ferney. Il fait aussi des legs particuliers à chacun de ses demestiques. A l'egard de ses manuscrits, il ne s'en est trouvé aucun. Son sécretaire avait eu soin de brûler à Ferney tous ceux qui pouvoient le compromettre, et M-r de Voltaire qui ne comptoit plus retourner à Ferney, avait lui-même présidé à ce choix avant son départ. On croit qu'il a laissé en manuscrit à quelqu'ami de confiance une histoire politique de l'eglise et de la réligion chretienne en général; mais je n'ai jusqu'à présent aucune preuve certaine de ce fait. Vous savez, Mon Prince, qu'on a fait défense à tous les journalistes et gazetiers de faire mention de sa mort dans tous les papiers publics. Les comédiens françois ont eu aussi ordre de ne jouer aucune de ses pièces jusqu'à nouvel ordre. Ce n'est que du lundi 8 Juin que la Gazette de France a annoncé sa mort. A l'égard du service que l'Académie Françoise fait faire à ceux de ses membres que la mort leur enlève, l'archevêque n'a pas encore permis à aucune église ou couvent de s'en charger, et l'on croit qu'il faudra renoncer pour M-r de Voltaire à cet ancien usage.

On ignore qui sera le successeur de M-r de Voltaire à l'Académie Françoise: on sait seulement celui qu'il avait désigné de son vivant et lors même qu'il était en bonne santé, celui qu'il désirait avoir pour successeur est en effet un homme d'un très grand mérite, secrétaire perpétuel de l'Académie des-

Sciences, géomètre de la première force et excellent écrivain. Enfin c'est *M-r le Marquis de Condorcet*, âgé d'environ 36 ans et qui réunit dans un degré supérieur une foule de connoissances diverses. Tel est l'homme que M-r de Voltaire a designé à plusieurs de ses amis intimes pour lui succéder, il en faisoit un cas infini et n'en parloit jamais sans en faire l'éloge dans les termes les plus flatteurs et les plus obligeans.

M-r de Voltaire a dicté plusieurs lettres pendant les derniers jours de sa vie; mais la seule, qu'il ait pû achever, est une lettre qu'il écrivit au fils de l'infortuné Lally pour le féliciter de la cassation de l'arrêt du Parlement qui condamna son père à perdre la tête sur un échaffaut. M-r de Voltaire qui avait prit toute cette affaire fort à cœur et qui avait même fait un mémoire très beau pour le fils de Lally, fut fort touché du succès de ses soins à cet égard il avait même fait attacher dans sa chambre l'arrêt du Conseil, rendu en faveur du fils de Lally. C'étoit pour lui l'objet d'un souvenir doux de penser qu'il avait encore employé les dernières étincelles de son éloquence et de ses talens à la défense d'un innocent. Il a voulut dicter depuis plusieurs autres lettres à différentes personnes, mais il ne put jamais les achever, sa tête se perdoit par intervalles. Le jour de sa mort il ne cessa presque pas un moment d'avoir sa présence d'esprit ordinaire, il donna même quelques espérances de le voir se rétablir, mais il se sentoit son état et ne s'en dissimuloit pas le danger: car lorsque le curé de S-t Sulpice et l'abbé *Gautier* furent partis, il appella un de ses plus anciens domestiques, nommé *Maraud*, et après lui avoir pris tendrement la main, il lui dit adieu et lui ajouta: *mon ami, je suis un homme mort.* Quelques tems avant de s'éteindre tout-à-fait, il ouvrit ses yeux qui parurent encore pleins de vie et d'éclat, alors il soupira trois fois et mourut, sans qu'il parut sur son visage la moindre altération. On peut dire de ce grand homme, ce que Tacite a dit de son beau père Agricola: *Sa perte déplorable pour sa famille, triste pour ses amis, n'a pas même été indifférente aux inconnus et aux étrangers. Tous, jusqu'à cette populace, que toute autre chose occupe, venoient s'informer de son état. C'étoit le sujet des conversations particulières et publiques.* Ce passage de Tacite convient parfaitement à M-r de Voltaire, et c'est par lui que je finirai cette longue lettre. Vous pouvez comptez, Mon Prince, sur l'exactitude rigoureuse de tous ces faits. Je les tiens de M-r . . . . . , ami intime de M-r de Voltaire et qui ne l'a pas quitté un instant

pendant tout le tems de sa maladie. Je dois aussi plusieurs particularités a mon ami M-r . . . . . qui voyoit M-r de Voltaire trois et quatre fois par jour et qui a pris soin de s'informer exactement de tout ce qui s'est passé dans cette triste époque. Les prêtres montrent tous une joye indécente: ils disent comme l'empereur Vitellius: *le corps d'un ennemi mort sent toujours bon;* mais celui qu'ils haïssoient n'a plus désormais rien à craindre de leur fureur impuissante et il ne leur reste plus qu' à frémir de rage autour de sa tombe. J'ai l'honneur d'être, Mon Prince, etc. etc.

P. S. Dans une maladie que M-r de Voltaire eut deux mois avant sa mort, il crût devoir se concilier la tolérance des dévots, en faisant une profession de foy chrétienne; il la dicta à-peu-près en ces termes:

Je soussigné certifie et proteste que j'ai vécu et que je meure dans la réligion catholique, apostolique et romaine. Si par mes ouvrages il m'est arrivé de causer quelque scandale à l'église et à la réligion, j'en demande pardon à Dieu, espérant de Sa bonté qu'il voudra bien me pardonner mes fautes. Fait à Paris, en présence de mes amis Messieurs . . . . . .

Cette profession de foy très authentique avait été déposée entre les mains du curé de S-t Sulpice, et elle suffit pour prouver, combien le réfus que ce pasteur a fait d'enterrer M-r de Voltaire étoit illégal; car on ne peut rien exiger de plus formel et de plus précis d'un incrédule et même d'un athée le plus déterminé. Mais la superstition ne raisonne pas et le fanatisme encore moins.

P. S. Copie de la lettre de M-r de Voltaire a M-r de Lally Tollendall, du 26 may.

Le mourant Voltaire a réssuscité en apprenant la nouvelle de l'arrêt, rendu en faveur de M-r de Lally (Tollendall). Cet arrêt prouve que le Roy est le maître et qu'il est souverainement juste.

Переводъ. Четвергъ 11 Іюня 1778. Парижъ.

Вамъ угодно, князь, знать подробности о смерти г. Вольтера, самаго рѣднаго и необыкновеннаго человѣка, когда-либо произведеннаго природою. Разкажу вамъ съ возможною краткостью, что́ произошло при этомъ. Но для ясности необходимо начать немного ранѣе.

Г. Вольтеръ уже нѣсколько лѣтъ былъ подверженъ болѣзни, очень обыкновенной у стариковъ. Эта болѣзнь, на-

зываемая *стриктурой*, производила у него въ мочевомъ пузырѣ мучительное раздраженіе. Не въ состояніи переносить жестокихъ страданій и готовый на все, чтобъ избавиться отъ боли, когда ее чувствовалъ, г. Вольтеръ принималъ *успокоительныя средства* во время припадковъ; онъ даже привыкъ къ опіуму, принимая его по собственному усмотрѣнію, когда боль въ мочевомъ пузырѣ дѣлалась слишкомъ острою. Лишь-бы только получить облегченіе въ минуту страданія, онъ уже не разбиралъ, не будетъ-ли облегчившее его лѣкарство гибельнѣе самой болѣзни, противъ которой служитъ палліативнымъ средствомъ. Онъ также имѣлъ привычку, съ первой молодости, пить много кофе и не оставилъ ея даже въ томъ возрастѣ, когда этотъ напитокъ, вообще вредный, могъ усилить болѣзнь, съ каждымъ днемъ все болѣе ему угрожавшую; напротивъ, потому-ли, что кофе сдѣлался ему необходимъ, или вслѣдствіе привычки, ему трудно было отъ него отказаться; только несомнѣнно, что онъ пилъ кофе неумѣренно. Дней за 12 или 15 до смерти, онъ предложилъ Французской Академіи измѣнить планъ Словаря, надъ которымъ постоянно работаетъ это ученое общество. Онъ излагалъ мысли свои объ этомъ предметѣ съ большимъ краснорѣчіемъ и ясностью. Ему сдѣлали нѣсколько очень дѣльныхъ возраженій; онъ отвѣчалъ на нихъ, какъ могъ, и изъ уваженія къ такому важному авторитету, его взглядамъ было оказано вниманіе; ихъ даже усвоили, приняли въ руководство, и превосходные писатели, составляющіе эти корпорацію, взялись за работу, которая, повидимому, должна была ускорить появленія Словаря и даже сдѣлать его полезнѣе и поучительнѣе. Въ слѣдующее засѣданіе ему хотѣлось окончательно убѣдить тѣхъ, которымъ не нравился составленный имъ планъ работы. Онъ даже обязался прочесть Академіи нѣсколько статей, которыя хотѣлъ составить по новому плану. Это намѣреніе занимало его постоянно; онъ говорилъ о немъ всѣмъ своимъ друзьямъ. Исполненіе ему казалось легко, а своимъ краснорѣчіемъ онъ такъ воодушевилъ своихъ товарищей, что всѣ по видимому были расположены сообразоваться съ его видами. Въ тотъ день, когда онъ ѣздилъ въ Академію съ цѣлью выставить еще сильнѣе преимущества задуманнаго имъ

плана, онъ считалъ нужнымъ пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе и, чтобъ оживить воображеніе, выпилъ утромъ восемь чашекъ кофе. Послѣ этого онъ поѣхалъ въ Академію, говорилъ тамъ очень долго, съ силою и энтузіазмомъ, которые походили на вдохновеніе или на неестественное возбужденіе нервовъ. Глаза его горѣли болѣе обыкновеннаго; пламя генія сверкало на челѣ его. Всѣ возраженіи, которыя ему дѣлали, исчезали передъ силою его краснорѣчія; водворилось молчаніе; онъ заставилъ признать пользу и необходимость своего плана, и цѣлое собраніе присоединилось къ его мнѣнію съ почтеніемъ, котораго такой великій человѣкъ заслуживалъ въ столь многихъ отношеніяхъ.

Г. Вольтеръ возвратился домой въ состояніи слабости и истощенія, которое было послѣдствіемъ сдѣланныхъ имъ усилій и напряженія всей его натуры. Ночь была безпокойная: онъ много страдалъ отъ своей стриктуры; мало по малу боли сдѣлались ужасныя: ему нужно было помочиться, а пузырь, казалось, потерялъ всякую способность сокращаться, онъ не могъ ничего выпустить, и боль все увеличивалась. Наконецъ, не вынеся болѣе своего положенія, онъ прибѣгнулъ къ успокоительнымъ средствамъ и велѣлъ подать себѣ опіума, котораго принялъ, въ нѣсколько разъ, довольно сильныя дозы, потихоньку отъ своего семейства. Онъ нѣсколько разъ ночью посылалъ къ *Митуару*, своему аптекарю, за опіумомъ, и принималъ его до тѣхъ поръ, пока боли въ мочевомъ пузырѣ и внутренностяхъ не прекратились. На другой день утромъ посѣтилъ его *герцогъ Ришелье*; онъ попросилъ у него еще опіума, который герцогъ давно употребляетъ. Нельзя было узнать, принялъ-ли онъ стклянку, которую прислалъ ему *герцогъ Ришелье*, или она была нарочно разбита. Какъ бы то ни было, когда пріѣхалъ *г. Троншенъ*, врачъ г. Вольтера, то больной громко кричалъ, жаловался на боль въ пузырѣ и внутренностяхъ и просилъ у медика успокоительныхъ средствъ. *Троншенъ*, не зная, что̀ было, прописалъ пріемъ лауданума, который есть не иное что, какъ сгущенный сокъ опіума и имѣетъ всѣ тѣ-же свойства. Г. Вольтеръ не сказалъ ему, что уже принималъ его и, такъ какъ онъ на все былъ согласенъ, чтобъ избавиться отъ настоящей боли, то онъ принялъ и въ этотъ

разъ опіума, который окончательно ослабилъ его организмъ, повергнулъ его въ страшное оцѣпенѣніе, отнялъ послѣднія силы и совершенно парализировалъ желудокъ. Онъ безпрестанно засыпалъ; напрасно уговаривали его принять какую-нибудь пищу; онъ не могъ рѣшиться, а желудокъ не принималъ того, что̀ ему давали; такъ что, когда, уступая требованіямъ семейства и друзей, онъ соглашался съѣсть немного желе или яйца въ смятку, то начиналъ мучиться жестокими болями въ кишкахъ, которыя вырывали у него крики, тревожившіе всѣхъ, постоянно окружавшихъ его.

Слухъ о его болѣзни и опасномъ положеніи скоро разнесся по Парижу. Попы и набожные люди очень обрадовались; всѣ порядочные люди были глубоко огорчены. Можно даже сказать, что друзей разума и просвѣщенія оказалось гораздо болѣе чѣмъ лицемѣровъ и простофилъ. Но поповская ненависть, которая никогда не прощаетъ, проявилась во всей своей дѣятельности. Ханжи стали адресоваться къ архіепископу Парижскому. Изъ этихъ ханжей по профессіи двѣ особенно отличались своимъ фанатизмомъ, *герцогиня де Пивертуа* и *г-жа де-Жизоръ*, ея дочь; эти дамы, прихожанки св. Сульпиція, въ приходѣ котораго также и г. Вольтеръ, отправились къ приходскому священнику и вынудили у этого неразумнаго пастыря, такого-же фанатика, какъ эти двѣ богомолки, обѣщаніе не хоронить г. Вольтера, если онъ умретъ. Онъ обѣщалъ имъ это торжественно, не страшась даже власти Парижскаго Парламента, имѣющаго высшую полицію въ этомъ городѣ.

Нѣчто въ родѣ договора о фанатизмѣ, заключеннаго между приходскимъ священникомъ и этими дамами, не могло оставаться въ тайнѣ, и условія его скоро стали извѣстны цѣлому Парижу. Семейство (Вольтера) встревожилось этимъ, его друзья не были удивлены. Особенно затруднительное обстоятельство состояло въ томъ, что у г. Вольтера было два племянника, изъ которыхъ одинъ служитъ совѣтникомъ въ Парламентѣ, а другой — совѣтникомъ въ Великомъ Совѣтѣ. Первый—*г. д'Ортуа*, зять *г-на де Лавалета-Мальявилля*, королевскаго казначея, а другой — *г. аббатъ Миньо*.... Эти два лица совѣтовались съ г-жею *Дени*, племянницею г. Вольтера, и со всѣми друзьями этого философа; возникла

мысль искать, въ случаѣ смерти, защиты у Парламента. *Г. д'Орнуа* повидался съ г-номъ *Аксело*, министромъ, въ вѣдомствѣ котораго находится Парижъ, и съ *г. Ленуаромъ*, лейтенантомъ полиціи. Онъ сообщилъ имъ все происшедшее, и отказъ священника *св. Сульпиція* погребать г. Вольтера, въ случаѣ его смерти. Почтенные сановники послали за священникомъ, уговаривали его, объясняли ему незаконность его отказа и непріятныя послѣдствія, которыя онъ можетъ имѣть для него лично. Священникъ согласился, что отказъ былъ незаконенъ, такъ какъ за два мѣсяца г. Вольтеръ исповѣдался и оставилъ въ рукахъ его вполнѣ достовѣрное исповѣданіе вѣры. Не смотря на это, священникъ объявилъ, что повинуется высшимъ приказаніямъ. Тогда г-нъ д'Орнуа отправился къ генералъ-прокурору, чтобы узнать, будетъ-ли принята его просьба. Но этотъ сановникъ не далъ ему въ томъ довольно увѣренности, чтобъ онъ могъ рискнуть просьбою въ Парламентъ. Онъ тѣмъ менѣе хотѣлъ рисковать этимъ поступкомъ, что еслибъ его просьба была отвергнута, то онъ долженъ-бы былъ покинуть свое мѣсто, также какъ и г. Миньо. Поэтому рѣшено было, что г. аббатъ Миньо перевезетъ тѣло своего дяди въ свое *Сельерское* аббатство, въ двухъ или трехъ миляхъ отъ *Пожана на Сенѣ* и похоронить его тамъ впредь до новаго повелѣнія.

Между тѣмъ болѣзнь г. Вольтера шла все къ худшему. Почти не было никакой надежды; гной переполнилъ мочевой пузырь, и ничего не выходило. Всѣ родственники и друзья были въ глубокомъ уныніи и со скорбію видѣли приближеніе его смерти. Наконецъ, въ субботу 30 Мая, г. аббатъ Миньо пошелъ за священникомъ св. Сульпиція и за аббатомъ Готье, за два мѣсяца передъ этимъ исповѣдовавшимъ г. Вольтера. Оба священника явились къ г. Вольтеру, находившемуся въ страшномъ состояніи истощенія, забытья и оцѣпенѣнія. Сверхъ того онъ еще очень ослабъ отъ боли и отъ недостатка пищи, которой не выносилъ его желудокъ. Когда священники вошли въ комнату больнаго, при немъ были гг...., оба друзья г. Вольтера. Эти господа спросили у приходскаго священника, не лишніе-ли они въ такомъ печальномъ обстоятельствѣ. Священникъ отвѣчалъ имъ: „Нѣтъ". Тогда г-ну Вольтеру сказали о прибытіи священ-

ника св. Сульпиція. Сначала, онъ, кажется, не разслушалъ. Ему повторили. Г. Вольтеръ отвѣчалъ: „Передайте ему мое почтеніе", и обнялъ одною рукою священника, въ знакъ своего расположенія. Когда священникъ еще приблизился къ постели и, поговоривъ ему о Богѣ, смерти и его близкомъ концѣ, спросилъ его довольно громкимъ образомъ: „Признаете-ли вы божественность Іисуса Христа"? г. Вольтеръ тотчасъ, какъ-будто собираясь съ силами, попытался сѣсть на постелѣ, оставилъ священника, котораго почти держалъ въ своихъ объятіяхъ и тою-же рукой, которою прежде обнималъ его, сдѣлалъ движеніе гнѣва и раздраженія. Какъ-будто отталкивая этого фанатика-священника, онъ сказалъ ему не сильнымъ, но очень слышнымъ голосомъ: „Дайте мнѣ умереть въ покоѣ", и тотчасъ повернулся къ нему спиною. Тогда священникъ обратился къ присутствующимъ и сказалъ имъ съ бо́льшимъ умомъ и находчивостью, чѣмъ можно было ожидать въ головѣ, до такой степени помраченной суевѣріемъ: „Вы видите, господа, что онъ безъ памяти". Потомъ онъ попросилъ пера и бумаги, написалъ разрѣшеніе перевезти безъ обрядовъ тѣло г. Вольтера, куда угодно и объявилъ въ томъ-же актѣ, что онъ его покидаетъ (*).

(*) Подъ этими словами: *оставить тѣло*, *покинуть тѣло*, *объявить тѣло покинутымъ*, духовенство подразумѣваетъ фактическое отлученіе отъ церкви, говоря каноническимъ языкомъ.

Семейство Вольтера не поняло этого выраженія, котор[illegible]о смыслъ становится внѣ всякаго сомнѣнія слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Члены Французской Академіи желали заказать у Кордельеровъ панихиду по г. Вольтерѣ. Кордельеры обратились къ архіепископу, который отослалъ ихъ къ приходскому священнику покойнаго. Священникъ св. Сульпиція отвѣчалъ: «панихиды быть не можетъ; тѣло не могло быть отпѣто: и его оставилъ. Говорятъ, оно похоронено въ Сельерскомъ аббатствѣ. Первый встрѣчный можетъ его вырыть безъ всякихъ формальностей, соблюдающихся при вырытіи тѣлъ, потому что оно нигдѣ не можетъ быть погребено».

Приходскій священникъ подговорилъ сидѣлку больнаго записывать все, что̀ Вольтеръ будетъ говорить противъ религіи во время послѣдней своей болѣзни. Эту сидѣлку, вмѣстѣ съ другими надежными свидѣтелями, хотѣли вызвать къ допросу, въ опроверженіе просьбы, еслибы кто вздумалъ подать ее Парламенту.

Хаижи видитъ дѣло Провидѣнія, чудо въ томъ, что обстоятельства заставили Вольтера умереть въ Парижѣ, и предали поруганію трупъ его, подъ носомъ у новѣйшей философіи. Въ нынѣшнемъ столѣтіи не было примѣра *оставленія* трупа.

Г. аббатъ Готье, духовникъ Вольтера, далъ также нѣчто въ родѣ свидѣтельства объ исповѣди. Послѣ этого оба священника удалились. Это происходило между шести и семи часовъ вечера. Спустя нѣсколько времени, г. Вольтеръ подозвалъ одного изъ своихъ старыхъ слугъ, взялъ его за руку, простился съ нимъ и прибавилъ очень яснымъ голосомъ: „берегите мамашу". (Такъ онъ называлъ г-жу Дени, свою племянницу). То были послѣднія произнесенныя слова. Онъ умеръ въ тотъ-же день вечеромъ, въ одиннадцать часовъ безъ четверти, среди слезъ и искренней печали родныхъ и друзей. У дверей его дома стояла толпа народа, простолюдиновъ и чиновныхъ людей, которые безпрестанно посылали, или приходили сами навѣдываться о его здоровьѣ, одни изъ любопытства, другіе изъ участія. Спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ онъ испустилъ дыханіе, тѣло было вскрыто для бальзамированія. Всѣ части найдены здоровыми, кромѣ желчеваго мѣшечка, гдѣ было немного гноя, и мочеваго пузыря, который во всемъ своемъ протяженіи былъ наполненъ гноемъ. Желудокъ также оказался парализованнымъ. Это было послѣдствіемъ большаго количества опіума, которое онъ принялъ и которое, такъ сказать, разшатало и сломило пружины натуры. Когда вскрыли черепъ, мозгъ оказался значительнаго объема. Молодой хирургъ, дѣлавшій ему операцію, былъ изумленъ такимъ количествомъ мозга. Онъ выразилъ свое изумленіе и пораженіе по этому случаю и все смотрѣлъ на этотъ феноменъ удивленными глазами. Онъ даже просилъ позволенія взять къ себѣ мозжечекъ, желая сберечь въ сохранности какіе-нибудь остатки великаго человѣка. *Маркизъ де Вилетъ* выпросилъ его сердце, чтобы положить его въ придѣлѣ своей деревенской церкви. На это согласились. Относительно огромнаго количества мозга надобно замѣтить, что почти всегда очень умные люди имѣютъ мозгъ гораздо бо́льшаго объема, нежели обыкновенные люди. Ночь съ 30 на 31 была употреблена на бальзамированіе тѣла. Въ воскресенье вечеромъ, въ 12 безъ четверти, г. Вольтера одѣли въ обыкновенный его халатъ, а на голову надѣли ночной колпакъ, потомъ его положили въ дормезъ. Тамъ его привязали за обѣ руки и туловище, за ляжки и за ноги, чтобъ тѣло не ка-

чалось отъ движенія кареты, и чтобъ онъ походилъ въ этомъ движеніи на больнаго, котораго перевозятъ домой.

Въ карету посадили довѣреннаго слугу, и такимъ образомъ перевезли великаго человѣка въ Сельерское аббатство, за двѣ или за три мили отъ Параклета знаменитаго, какъ мѣсто погребенія славнаго Абеларда и вѣрной его Элоизы. Это Сельерское аббатство, какъ я уже сказалъ вамъ, принадлежитъ г. аббату Миньо, племяннику покойнаго. Аббатъ, вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ г. д'Орнуа, тоже племянникомъ г. Вольтера, и другими дальними родственниками, провожали тѣло до Сельера. По пріѣздѣ въ Сельеръ, тѣло такъ пахло, что довѣренный слуга отъ этого занемогъ и не въ силахъ былъ оставаться въ каретѣ. Тотчасъ была вырыта яма въ восемь футовъ глубины, куда опустили тѣло г. Вольтера, покрывъ его на два фута негашеною известью. Тѣло истлѣло черезъ два часа, такъ что отъ него не осталось слѣдовъ. Такая предосторожность была необходима, для того чтобы епархіальному епископу не пришло въ голову вырыть его и не дать ему лечь въ освященной землѣ. Одно лицо, заслуживающее довѣрія, находясь случайно въ Сельерѣ во время прибытія тѣла, было свидѣтелемъ этого происшествія. Пріоръ аббатства, человѣкъ умный, созвалъ священниковъ изъ всѣхъ окрестныхъ приходовъ, и церквей, и на другой же день была отправлена похоронная служба по г. Вольтерѣ. При этой службѣ было большое стеченіе народа, а на другой день всѣ, изъ любопытства, ходили смотрѣть мѣсто, гдѣ положены бренные остатки великаго человѣка. Отдавъ послѣдній долгъ своему дядѣ, аббатъ Миньо и г. д'Орнуа поспѣшно воротились въ Парижъ. Между тѣмъ епископъ Труа, въ епархіи котораго находится Сельерское аббатство, написалъ къ пріору этого аббатства, дѣлая ему выговоръ за погребеніе г. Вольтера, которому было отказано въ погребеніи его приходскимъ священникомъ въ Парижѣ. Пріоръ отвѣчалъ, что *считалъ незаконнымъ отказать въ погребеніи, такъ какъ г. Вольтеръ умеръ, исповѣдуя католическую, апостольскую, римскую вѣру; что онъ исполнилъ свой долгъ, повинуясь г. аббату Миньо, своему настоятелю, и что еслибы ему пришлось опять быть въ подобномъ положеніи, то онъ поступилъ бы вновь точно также.* Говорятъ,

что епископъ Труа нарочно послалъ приказаніе пріору не хоронить г. Вольтера уже чрезъ десять или двѣнадцать часовъ послѣ погребенія, чтобъ дать все нужное время для окончанія церемоніи; но за послѣдній фактъ я вамъ не ручаюсь, хотя, по числу свидѣтелей, его можно считать достовѣрнымъ. Въ Парижѣ также распустили слухъ, будто пріоръ отставленъ, но вѣрныхъ свѣдѣній еще нѣтъ, и я васъ въ этомъ не удостовѣряю.

Завѣщаніе г. Вольтера, сдѣланное имъ лѣтъ шесть назадъ, было открыто. Вотъ его главныя статьи. Онъ оставляетъ г. д'Орнуа сто тысячъ ливровъ капитала, столько же г. аббату Миньо. Г-жѣ Дени около 250 т. ливровъ въ бумагахъ и наличными деньгами; Фернейское имѣніе и домъ, недавно купленный въ Парижѣ, завѣщаны также г-жѣ Дени. У нея будетъ теперь 60 тысячъ чистаго дохода. Онъ оставилъ еще Ваньеру, своему довѣренному секретарю, 400 ливровъ дохода, восемь тысячъ ливровъ наличными деньгами, домъ и землю, которые онъ купилъ для него въ Фернеѣ. Онъ также оставилъ по денежной суммѣ каждому изъ своихъ слугъ. Изъ рукописей не нашлось ничего. Секретарь его позаботился еще въ Фернеѣ сжечь тѣ, которыя могли его компрометировать; г. Вольтеръ, уже не думавшій воротиться въ Ферней, самъ присутствовалъ при разборкѣ бумагъ передъ своимъ отъѣздомъ. Думаютъ, что онъ оставилъ въ рукописи у кого нибудь изъ близкихъ друзей политическую исторію церкви и вообще христіанской религіи; но до сихъ поръ я не имѣю на это никакихъ доказательствъ. Вы знаете, князь, что всѣмъ журналистамъ и газетчикамъ запрещено упоминать о его смерти въ своихъ изданіяхъ. Актеры Французской Комедіи также получили приказаніе не давать его пьесъ, впредь до новаго распоряженія. Только въ понедѣльникъ 8 Іюня *Французская Газета* возвѣстила о его смерти. Что касается до панихиды, которую Французская Академія всегда служитъ по своимъ членамъ, похищеннымъ смертью, то Парижскій архіепископъ не позволяетъ ни одной церкви взяться за это; думаютъ, что относительно г. Вольтера придется отказаться отъ этого древняго обыкновенія.

Преемникъ г. Вольтера въ Французской Академіи еще не извѣстенъ. Извѣстно только, кого онъ рекомендовалъ самъ

при жизни и еще въ полномъ здоровьи. Тотъ, кого онъ желалъ себѣ въ преемники,—человѣкъ въ самомъ дѣлѣ съ большими заслугами: онъ непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, первостепенный геометръ и превосходный писатель. Однимъ словомъ, это маркизъ Кондорсе; 36 лѣтъ отъ роду, онъ соединяетъ въ себѣ и притомъ въ высшей степени множество самыхъ разнородныхъ талантовъ. Таковъ человѣкъ, котораго г. Вольтеръ, въ разговорѣ со многими изъ ближайшихъ своихъ друзей, назначалъ себѣ въ преемники. Онъ очень цѣнилъ его и отзывался о немъ не иначе, какъ въ самыхъ лестныхъ и обязательныхъ выраженіяхъ.

Г. Вольтеръ диктовалъ нѣсколько писемъ въ послѣдніе дни своей жизни, но окончилъ только одно, именно къ сыну несчастнаго Лалли, съ поздравленіемъ по поводу отмѣны парламентскаго приговора, которымъ отецъ его былъ приговоренъ къ отрубленію головы на эшафотѣ. Г. Вольтеръ, горячо принимавшій къ сердцу это дѣло и составившій даже записку для сына Лалли, былъ очень тронутъ успѣхомъ своихъ стараній объ этомъ. Онъ даже велѣлъ повѣсить въ своей комнатѣ рѣшеніе Совѣта въ пользу сына Лалли. Съ удовольствіемъ припоминалъ онъ, что послѣднія искры его краснорѣчія и талантовъ были еще употреблены имъ на защиту невиннаго. Послѣ онъ хотѣлъ продиктовать еще нѣсколько писемъ къ разнымъ лицамъ, но никакъ не могъ ихъ окончить, лишаясь по временамъ памяти. Въ самый день смерти онъ почти ни на минуту не терялъ своего обыкновеннаго присутствія духа. Онъ подавалъ даже нѣкоторую надежду на выздоровленіе, но самъ чувствовалъ свое положеніе и не скрывалъ отъ себя опасности, такъ что когда священникъ св. Сульпиція и аббатъ Готье ушли отъ него, то онъ подозвалъ одного изъ самыхъ старыхъ слугъ своихъ, по имени Маро́ и, нѣжно взявъ его за руку, простился съ нимъ и сказалъ: „*другъ мой, я умираю*“. За нѣсколько времени до конца, онъ открылъ глаза, казавшіеся еще полными жизни и блеска; потомъ вздохнулъ три раза и умеръ, безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ. Къ этому великому человѣку можно примѣнить слова, сказанныя Тацитомъ о тестѣ его Агриколѣ: *Потеря его, горестная для семейства, прискорбная для друзей, не была безразличною даже для незна-*

комыхъ и постороннихъ. Всѣ, и даже та самая толпа, которую совсѣмъ иное занимаетъ, приходили узнавать объ его положеніи. Онъ былъ предметомъ разговоровъ, частныхъ и общественныхъ. Это мѣсто Тацита вполнѣ прилагается къ г. Вольтеру, и имъ я кончаю мое длинное письмо. Вы можете положиться, князь, на строжайшую достовѣрность всѣхъ фактовъ: я узналъ ихъ отъ Г....., близкаго друга г. Вольтера, котораго онъ не покидалъ ни на минуту во все продолженіе его болѣзни. Нѣкоторыми подробностями я обязанъ также Г....., видавшему г. Вольтера ежедневно по три и по четыре раза и заботливо освѣдомлявшемуся обо всемъ, что́ случалось въ это печальное время. Попы обнаруживаютъ всѣ непристойную радость; они повторяютъ слова императора Вителлія: *трупъ врага всегда хорошо пахнетъ*; по тому, кого они ненавидѣли, уже нечего бояться ихъ безсильной злобы, а имъ остается только трепетать отъ бѣшенства надъ его могилой.

Честь имѣю быть, князь, и пр. и пр. P. S. Во время болѣзни, бывшей у г. Вольтера за два мѣсяца до смерти, онъ счелъ нужнымъ пріобрѣсти терпимость ханжей, написавъ исповѣданіе христіанской вѣры. Онъ продиктовалъ оное почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Я, нижеподписавшійся, симъ удостовѣряю и свидѣтельствую, что я жилъ и умираю въ католической, апостольской, римской религіи. Если моими сочиненіями мнѣ случилось причинить какой либо соблазнъ церкви и религіи, то молю Бога о помилованіи, надѣясь, что по благости Своей Онъ отпуститъ мнѣ мои прегрѣшенія. Писано въ Парижѣ, въ присутствіи друзей моихъ, гг..... Это исповѣданіе вѣры, вполнѣ достовѣрное, было вручено священнику св. Сульпиція. Его достаточно, чтобы доказать, какъ неправиленъ былъ отказъ этого пастыря погрести г. Вольтера, ибо ничего формальнѣе и опредѣленнѣе нельзя требовать отъ невѣрующаго и даже отъ полнѣйшаго атеиста. Но суевѣріе не разсуждаетъ, а фанатизмъ еще менѣе.

P. S. *Копія съ письма г. Вольтера къ г. Лалли-Толландалю, отъ 26 Мая.*

Умирающій Вольтеръ воскресъ, узнавъ о рѣшеніи въ пользу Лалли (Толландаля). Это рѣшеніе доказываетъ, что король у себя государь, и что онъ справедливъ въ высшей степени.

БЫЛОЕ ИЗЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

Лѣтомъ 1774 года, въ то страшное для восточной окраины Россіи время, въ которое пугачевскія шайки стали перебираться съ луговой стороны Волги на нагорную, дворянинъ Нижегородской губерніи Петръ Михайловичъ Бобоѣдовъ, помѣщикъ деревни Ожгибовки, находящейся между городами Курмышомъ и Сергачомъ (въ 40 верстахъ отъ перваго и 23 отъ послѣдняго) заблагоразсудилъ отправиться изъ Ожгибовки куда либо подалѣе и отъ пути, по которому ожидали прохода бунтовщиковъ, и отъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, для коихъ тогдашняя неурядица давала широкое поле необузданно своевольничать и надъ личностью и надъ имуществомъ своихъ помѣщиковъ. Принявъ это намѣреніе, Петръ Михайловичъ забралъ съ собою всю семью, состоявшую изъ жены и малолѣтнихъ сыновей: Василія, Ивана, Петра, Александра и Алексѣя *), и отправился въ село Букалеи, Княгининскаго уѣзда, къ другу своему и куму Ивану Петровичу Пазухину.

Въ Букалеяхъ Петръ Михайловичъ прожилъ съ мѣсяцъ, но, соскучась подъ конецъ и о своемъ домѣ и о хозяйствѣ, задумалъ возвратиться домой.

Однако прежде отъѣзда своего, желая повѣрнѣе разузнать о положеніи дѣлъ въ той сторонѣ, и о направленіи крестьянскихъ умовъ, Петръ Михайловичъ послалъ изъ Букалей въ Ожгибовку одного изъ своихъ дворовыхъ людей, на приверженность коего разсчитывалъ болѣе, нежели на другихъ. Посланный этотъ, слѣдуя даннымъ наставленіямъ, не вошелъ, по приходѣ, въ Ожгибовку, но притаясь близь нея въ коноплянникахъ, поджидалъ возможности вызвать чрезъ кого либо къ себѣ свою жену. Увидавъ же проходящую съ поля въ деревню ожгибовскую бабу, посланный вышелъ къ ней и сказалъ, что соскучась по женѣ, онъ бѣжалъ отъ барина съ дороги, и что, теперь, какъ бѣглый, боится показаться въ деревнѣ на господ-

(*) Старшій сынъ его, Андрей, находился въ это время на службѣ сержантомъ въ Преображенскомъ полку.

скомъ дворѣ, но желая повидаться съ женою, проситъ выслать ее къ нему въ коноплянники. Баба съ удовольствіемъ согласилась на исполненіе этой просьбы, но прежде нежели повидалась съ женою бѣглаго, разблаговѣстила о томъ по всей деревнѣ.

А такъ какъ Петръ Михайловичъ, уѣзжая изъ Ожгибовки никому не сказалъ, куда именно онъ ѣдетъ, и чтобъ скрыть свой слѣдъ выѣхалъ изъ Ожгибовки въ противуположную отъ Букалей сторону, то крестьяне его были въ страшномъ горѣ, не зная гдѣ отыскать своего барина и какъ отвезти его къ Пугачеву. Между тѣмъ, стоустая молва ежедневно доносила до слуха ихъ о погибели то того, то другаго, а подъ конецъ едва ли и не всѣхъ наличныхъ помѣщиковъ, и Ожгибовцы страшно трусили, какъ бы имъ не остаться на вѣкъ крѣпостными и не лишиться свободы, столь щедро даруемой Пугачевымъ.

При подобномъ состояніи умовъ, вѣсть о приходѣ бѣглаго была истинною для нихъ радостью, давая возможность разузнать о мѣстѣ нахожденія барина. Поэтому крестьяне кинулись въ коноплянники, гдѣ и поймали посланнаго, отъ коего и вывѣдали, гдѣ именно теперь находится ихъ баринъ. Затѣмъ крестьяне передали посланному свое горе: за отъѣздомъ барина только они одни останутся крѣпостными, тогда какъ всѣ окрестные, отвезя своихъ господъ къ Пугачеву, получили отъ него свободу, оставя своихъ господъ на висѣлицахъ. Эти жалобы и стоны, задушевно передаваемые посланному, подѣйствовали на него тѣмъ болѣе, что и онъ самъ возъимѣлъ надежду отойдти на волю. Посланный присоединился къ крестьянамъ и сознался, что главная цѣль прихода въ Ожгибовку есть вовсе не свиданіе съ женою, а вывѣдать о томъ — возможно ли барину вернуться изъ Букалей домой, безъ гибели для себя и семьи своей. Вслѣдъ за тѣмъ рѣшено было, чтобы посланный отправился обратно къ барину и увѣрилъ его, что въ Ожгибовкѣ и тихо и мирно, и что въ округѣ ея о Пугачевѣ и слуховъ нѣтъ, и что крестьяне о злодѣйскомъ помыслѣ на барина своего и не думаютъ.

Выполняя въ точности свое новое порученіе, посланный, по приходѣ въ Букали, довелъ Петра Михайловича увѣреніями своими до того, что тотъ распростился съ своимъ кумомъ Пазухинымъ и немедленно отправился въ Ожгибовку.

Совершая этотъ путь на своихъ лошадяхъ, Петръ Михайловичъ преблагополучно доѣхалъ до Енова, села въ 12 верстахъ отъ Сергача, и въ селѣ этомъ, расположенномъ на рѣкѣ Пьянѣ, вздумалъ искупаться.

Между тѣмъ крестьяне его въ Ожгибовкѣ не дремали, и на первыхъ порахъ разграбили весь барскій домъ, начиная съ серебряныхъ вещей, вина и до коврижекъ включительно. Затѣмъ, зная, что барину ихъ на пути изъ Букалей не миновать Еновa, въ которомъ по разстоянію приходилось или кормить лошадей, или остановиться на ночевку, Ожгибовцы выслали нѣсколько человѣкъ на тройкахъ въ Еново для засады. Засадѣ этой приказано было не прозѣвать Петра Михайловича и захватить его живьемъ съ женою и дѣтьми, и затѣмъ везти прямо въ Курмышъ къ Пугачеву. Находясь въ засадѣ этой, крестьяне видѣли, какъ Петръ Михайловичъ въѣхалъ въ Еновѣ на постоялый дворъ для кормежки. Все это обѣщало крестьянамъ успѣхъ ихъ предпріятія; но такъ какъ они знали, что въ повозкахъ у барина лежатъ заряженныя ружья, коихъ они страшно боялись, то и не посмѣли тотчасъ же напасть на своего барина. Затѣмъ конечно ихъ обуяла несказанная радость, какъ скоро они увидали, что Петръ Михайловичъ пошелъ купаться, не взявъ съ собою ни одного изъ заряженныхъ ружей. Давъ дойдти своему барину до рѣки Пьяны и погрузиться въ ея воды, крестьяне ринулись къ повозкамъ и немедленно схватили ружья, а затѣмъ связали свою барыню и барчатъ. Послѣ сего бунтовщики побѣжали къ Пьянѣ, гдѣ и поймали безпечно прохлаждавшагося барина. Связавъ его и посадивъ съ женою и дѣтьми въ телѣги, крестьяне помчались съ ними въ Курмышъ, прямо черезъ Старинское и Болобоново, оставя Ожгибовку вправѣ, во избѣжаніе крюка. Давъ затѣмъ вздохнуть лошадямъ въ Воскресенскомъ, крестьяне на другой день утромъ примчали своего барина съ семьею въ Курмышъ, страшно тревожась тѣмъ, что пожалуй и не захватятъ въ немъ своего кормильца-батюшку Царя-Государя Петра Ѳедоровича. И опасенія ихъ были не напрасны, потому что Пугачевъ въ это время уже выступалъ изъ Курмыша, ведя главное скопище черезъ село Медяну на Алатырь. Въ Курмышѣ же оставался только хвостъ его, сбродъ всякой сволочи подъ начальствомъ двухъ полковниковъ, произведенныхъ въ эти чины самимъ Пугачевымъ. И вотъ къ постойкѣ или къ квартирѣ этихъ полковниковъ, къ каменному двухъэтажному дому купца Бѣлякова, примчались ожгибовскіе крестьяне съ своими господами, для представленія ихъ на судъ, или вѣрнѣе на расправу.

Въ то время, по Пугачевскому правилу, судъ и расправа надъ дворянами не имѣли проволочки: тутъ же на мѣстѣ выслушивалась жалоба крестьянъ на своихъ баръ, и тутъ же невдалекѣ близъ самого Курмыша, на берегу озера чинилась расправа со всегда виноватыми барами,—чрезъ

посредство постановленныхъ висѣлицъ, или по тамошнему рѣлей, отъ которыхъ озеро это и понынѣ зовется Рѣльскимъ.

И вотъ выходитъ изъ дому эти полковники,—и крестьяне Петра Михайловича пали предъ нимъ на колѣни, моля и прося не покинуть ихъ сиротъ своею милостью и, повѣся злодѣевъ: барина и все отродье его, даровать имъ сиротамъ вѣчную свободу. И, цѣпенѣя отъ ужаса, приникъ слухомъ своимъ несчастный дворянинъ и отецъ, ожидая неизбѣжнаго приговора. Но только вдругъ вмѣсто этого приговора онъ услышалъ совсѣмъ иную рѣчь отъ одного изъ полковниковъ, который, обратясь къ своему товарищу, говорилъ, что дворянина этого онъ лично знаетъ какъ барина добраго, и что если крестьяне на него жалуются, то они врутъ, и что поэтому торопиться приговоромъ не для чего, а слѣдуетъ дѣло это разобрать по совѣсти. Изъ предложенія этого возникъ между полковниками споръ. Одинъ доказывалъ, что съ дворяниномъ порѣшить слѣдуетъ немедленно, вздернувъ со всею семьею на висѣлицу, во 1-хъ потому, что православные молятъ, а во 2-хъ потому, что время на походѣ. Другой же, противурѣча первому, стоялъ на томъ, что такого добраго для крестьянъ барина вѣшать нельзя.

Опомнясь во время размолвки своихъ страшныхъ судей, Петръ Михайловичъ вглядѣлся въ своего неожиданнаго защитника, и призналъ въ этомъ полковникѣ господскаго крестьянина сосѣдняго съ Ожгибовкою села Каменки, мастерствомъ печника, клавшаго и поправлявшаго много разъ у него печи въ ожгибовскомъ домѣ, и черезъ это дѣйствительно и ему Петру Михайловичу извѣстнаго даже по имени: Герасима Васильева.

Подивиться такому страшному превращенію печника въ полковники Петру Михайловичу, при настоящей обстановкѣ его, и въ голову не пришло, — и ему вовсе не показалось страннымъ такое сцѣпленіе обстоятельствъ, въ коихъ печникъ-крестьянинъ, какъ полковникъ, рѣшаетъ дѣло о жизни и смерти дворянина-помѣщика, представленнаго на судъ и смерть собственными крестьянами.

Между тѣмъ у товарищей полковниковъ — Уральскаго казака и крестьянина-печника, шелъ ожесточенный споръ, въ коемъ ни тотъ, ни другой не уступали другъ другу ни въ чемъ. Подъ-конецъ, не видя спору своему конца, полковники порѣшили: отправиться пообѣдать, а за тѣмъ и покончить такъ ли, иначе ли спорное дѣло; дворянина же и всю его семью посадить покуда въ чуланъ, устроенный подъ лѣстницею того самого дома, въ которомъ полковники расположились на постой.

Распорядившись такимъ образомъ, полковники отправились наверхъ, гдѣ, пообѣдавъ, заблагоразсудили маленько всхрапнуть. Но сномъ воспользовался только простодушный Герасимъ Васильевъ. Злой же и коварный товарищъ его казакъ, томимый жаждою убійства, какъ только замѣтилъ, что Герасимъ Васильевъ заснулъ, сошелъ потихоньку внизъ и вышелъ на крыльце. Тутъ ожгибовскіе крестьяне пали ему въ ноги, прося и моля порадѣть объ нихъ-сиротахъ.

Видя все это изъ чулана и предугадывая, что ему безъ Герасима Васильева не сдобровать, Петръ Михайловичъ выбрался потихоньку изъ заточенья своего на верхъ къ спящему Герасиму Васильеву. Разбудивъ его, несчастный дворянинъ упалъ ему въ ноги, умоляя спасти отъ бѣды неминучей. Встревоженный Герасимъ Васильевъ, выслушавъ Петра Михайловича, замѣтилъ ему, какъ опасно для нихъ обоихъ это свиданіе наединѣ, и что имъ не миновать бѣды, если увидитъ ихъ казакъ-полковникъ. „Неровѣнъ часъ, сударикъ ты мой, говорилъ Герасимъ Васильевъ, — у насъ вѣдь пожалуй и мою милость за поблажку дворянину убаюкаютъ на двухъ столбикахъ съ перекладиною, а потому, сударикъ, постарайся сойдти такъ, чтобъ и не видали, что ты былъ у меня. А тамъ, что будетъ, то и будетъ; но мы, сударикъ мой, за себя постоймъ, и твою хлѣбъ-соль попомнимъ.“ Выслушавъ это не совсѣмъ успокоительное слово, Петръ Михайловичъ пробрался въ чуланъ и привикъ въ отчаяніи къ своей семьѣ, предчуя надъ собою бѣду неотразимую.

И точно, вслѣдъ за симъ шумная ватага крестьянъ и воинской сволочи ввалилась въ домъ и вытащила узниковъ изъ чулана на дворъ. Здѣсь казакъ-полковникъ объявилъ, что по просьбѣ ожгибовскихъ крестьянъ онъ приказываетъ повѣсить ихъ барина вмѣстѣ со всею семьею. Едва лишь произнеслись эти слова, какъ звѣрская сволочь, бывшая на дворѣ, огласила радостнымъ воплемъ этотъ приказъ, и немедленно повлекла жертву такой радости, дворянина и его семью, на мѣсто казни къ Рѣльскому озеру.

Имѣя лишь одну слабую надежду на могущее воспослѣдовать заступничество отъ Герасима Васильева, Петръ Михайловичъ все ближе и ближе былъ подвигаемъ къ мѣсту своей позорной и мучительной смерти, оглядываясь ежеминутно на домъ, въ коемъ остался и, быть можетъ, вновь заснулъ Герасимъ Васильевъ. Между тѣмъ шествіе безпорядочнаго скопища палачей и зрителей подъ предводительствомъ казака-полковника, пожелавшаго лично быть при повѣшеніи цѣлой семьи дворянъ, подходило уже къ Рѣль-

скому озеру, — и короче-короче становилось упованіе Петра Михайловича на спасеніе отъ Герасима Васильева. Оглянувшись еще разъ близъ самыхъ висѣлицъ, Петръ Михайловичъ съ ужасомъ замѣтилъ, что и домъ, въ коемъ остался Герасимъ Васильевъ, и откуда ожидалось спасеніе, уже скрылся за другими домами, — и оцѣпенѣлъ при мысли о безъисходной погибели своей несчастный дворянинъ и отецъ, видя что нѣтъ ему уже спасенія ни откуда. Но раздавшійся вопль его дѣтей,—вопль вырвавшійся у малютокъ при видѣ расширяемыхъ палачами петелъ у висѣлицъ, вывелъ несчастнаго семьянина изъ овладѣвшаго имъ оцѣпенѣнія, и вновь заставилъ его сознать весь ужасъ и безнадежность своего положенія подъ висѣлицами. Здѣсь звѣрство палачей, не доступныхъ ни жалости, ни состраданію, ни мало не уменьшилось; но какъ разъ петля одной висѣлицы была раздвинута и толпа злодѣевъ подхватила съ крикомъ дикой радости Петра Михайловича на руки и приподняла его къ самой петлѣ.

Но въ эту самую минуту прискакалъ къ висѣлицамъ печникъ-полковникъ съ своими казаками и крикнулъ: „именемъ Царя-Государя Петра Ѳедоровича запрещаю совершеніе казни надъ дворяниномъ Бобоѣдовымъ и его семьею.“ Въ отвѣтъ на это казакъ-полковникъ, какъ ни былъ золъ на Герасима Васильева, но не сказалъ ни слова,—и Петра Михайловича съ женою и дѣтьми повели обратно въ домъ Бѣлякова, гдѣ вновь заперли въ чуланъ подъ лѣстницей. У полковниковъ также вновь поднялся споръ, а подконецъ брань и чуть не драка по его дѣлу. И то и другое неизвѣстно чѣмъ бы и кончилось, еслибъ вдругъ не доложили имъ, что двое изъ капитановъ ихъ шайки, прельстясь двумя Курмышанками и внушивъ имъ взаимность, сочетались бракомъ и теперь пришли къ отцамъ-командирамъ на поклонъ съ дарами.

Случай этотъ не то чтобъ прекратилъ раздоръ между полковниками, но далъ имъ предлогъ задать для молодыхъ пиръ на весь честной міръ. Посему тотчасъ же отданы были надлежащія приказанія готовить пиръ тутъ же на дворѣ купца Бѣлякова. Ради сего, все что было въ домѣ изъ столовъ, сидѣньевъ и прочей утвари, то все это вытащили на дворъ. Сюда немедленно притащили зелена-вина и меду ставленаго. За тѣмъ понабрались со всѣхъ сторонъ гости, къ нимъ вышли полковники вмѣстѣ съ молодыми капитанами и ихъ супружницами. Вслѣдъ сему полилось вино, потекъ медокъ, заходила круговая чаша, грянули пѣвцы, гудки и балалайки, разгульныя пѣсни, перешедшія вскорѣ въ плясовую, — и казакъ-полковникъ, страстно лю-

бившій пляску, потребовалъ на кругъ плясуновъ. На зовъ явилось ихъ много; но ни одинъ изъ нихъ не могъ угодить полковнику, злившемуся по этому на всѣхъ и на каждаго.

„Нѣтъ, что̀ ни дѣлаютъ эти вахлаки, сказалъ онъ, махнувъ безнадежно рукою, но не распотѣшатъ мою казацкую душу. У одного то не такъ, у другаго это не эдакъ: и дробь не добиваютъ и финтифанты не докидываютъ, а присядка-то просто по медвѣжьему идетъ.“ Видя это, Герасимъ Васильевъ припомнилъ, что одинъ изъ сынковъ Петра Михайловича, Васинька славно плясывалъ у себя дома для потѣшки гостей, чему какъ-то Герасимъ Васильевъ былъ лично зрителемъ при кладкѣ печей въ Ожгибовкѣ. При воспоминаніи объ этомъ у Герасима Васильева мелькнула мысль о томъ, что не задобритъ ли Васинька своею пляскою злую казацкую душу полковника, а потому и сообщилъ сему послѣднему, что если ему хочется распотѣшиться, то чтобъ послалъ за барченкомъ опальнаго дворянина Васинькою и заставилъ бы его проплясать. „Вотъ такъ уважитъ!“ примолвилъ Герасимъ Васильевъ.

Задѣтый за живое, казакъ-полковникъ немедленно распорядился привести въ кругъ одного изъ барченковъ, Васеньку.

По приводѣ Васеньки въ кругъ, Герасимъ Васильевъ сообщилъ, что вотъ-де отъ тебя, Вася, будетъ зависѣть помилованіе твоего отца, матери и братьевъ, если только съумѣешъ распотѣшить своею пляскою полковника, проплясавъ предъ нимъ такъ, какъ плясывалъ дома. Видя же, что барченокъ сильно оробѣлъ, пугаясь пьяныхъ и звѣрскихъ рожъ, уставившихъ на него свои посоловѣлые глаза, Герасимъ Васильевъ зачерпнулъ ковшикомъ ставленаго меду и поднесъ его Васѣ, приговаривая: „натъ-ко выпей,—такъ дѣло-то у тебя пойдетъ ладнѣй. Да пей же, пей до дна, сердцу будетъ веселѣй, да и ногамъ-то походчѣй“. И самъ не зная какъ и для чего, но Вася выпилъ поднесенный ему медъ,—и конечно сталъ посмѣлѣй и посмѣлѣй, и подъ конецъ поопьянѣвъ забылъ весь ужасъ своего положенія, а слыша одну лишь плясовую, гремѣвшую вокругъ него, и вынуждаемый какъ ею, такъ и разбираемый веселостью отъ выпитаго меда, разошелся въ кругу, притопывая и приплясывая; за тѣмъ началъ выкидывать такіе ловкіе выкрутасы, такъ мастерски отработалъ дробь и, отвалявъ лихо въ присядку съ вывертами, то лѣвой, то правой ногой, очутился какъ разъ предъ самимъ казакомъ-полковникомъ и, гикнувъ ему молодецкимъ покрикомъ, заплясалъ попятную, отходя задомъ на цыпочкахъ и дробя носками и

пятками пересыпнаго трепака мелко-на-мелко и часто-на-часто.

Казакъ-полковникъ, и безъ того бывшій внѣ себя отъ Васиной пляски, не выдержалъ при такомъ залихватскомъ трепакѣ и, ринувшись въ кругъ съ крикомъ: „ой жги, говори, растабарывай", началъ откалывать и руками и ногами разные выкрутасы. Глядя на него, и Герасимъ Васильевъ также вскочилъ съ мѣста и, притопывая ногами, помахивалъ своимъ бумажнымъ клѣтчатымъ платкомъ, приговаривая своему товарищу: „ходи браво, гляди прямо,— говори; что вольны мы". Утоливъ восторженность свою и утомившись порядкомъ, казакъ-полковникъ не зналъ, какъ и отблагодарить барченка за доставленное имъ удовольствіе. Воспользовавшись этимъ, Герасимъ Васильевъ предложилъ ему — ради такого веселья помиловать отца этого разъудалаго дворянчика. Разгулявшійся казакъ, выслушавъ это, махнулъ рукою и сказалъ: „ну, была не была, миловать такъ миловать". Герасимъ Васильевъ далъ тотчасъ же приказъ привести Петра Михайловича съ семьею въ кругъ, гдѣ казакъ-полковникъ сказалъ имъ такую рѣчь: „ну, дворянинъ, за то что твой сынъ съумѣлъ разпотѣшить мою казацкую душу, и за то, что товарищъ мой говоритъ о тебѣ, что ты баринъ добрый, а не живодёръ и не собака для своихъ крестьянъ, то батюшка нашъ Царь-Государь тебѣ, черезъ насъ полковниковъ своихъ, животъ даруетъ съ женою и ребятами".

Послѣ этой рѣчи Герасимъ Васильевъ посовѣтывалъ Петру Михайловичу въ Курмышѣ не мѣшкать, а немедля выправить себѣ изъ ихъ походной канцеляріи охранный листъ, во избѣжаніе насильства отъ другой могущей повстрѣчаться шайки, и убираться домой. „Вѣдь этотъ молодецъ, подсказалъ подъ шумокъ Герасимъ Васильевъ, кивнувъ на казака-полковника, милуетъ лишь подъ одну пьяную руку; а то, сударикъ мой, перовѣнъ часъ — проснится, такъ пожалуй не миновать тебѣ вновь съ женою и дѣточками пеньковаго ожерьелица".

Получивъ такъ нежданно-негаданно и жизнь и свободу, Петръ Махайловичъ конечно не долго раздумывалъ, что тутъ предпринять, а тотчасъ отправился со всею семьею къ давнишнему знакомцу своему Курмышскому протопопу въ домъ. Разсказавъ, по приходѣ своемъ, хозяину и хозяйкѣ свои приключенія и уложивъ ослабѣвшаго отъ меду и пляски спасителя своего Васеньку въ постель, Петръ Михайловичъ немедленно отправился было въ полковничью канцелярію за охраннымъ листомъ. Но выйдя на улицу, онъ увидалъ, что дѣла приняли совершенно другой оборотъ, и что охранный

листъ, отъ бунтовщиковъ данный, еслибъ былъ у него, то могъ бы послужить не къ спасенью, а къ новой бѣдѣ потому, что въ то время какъ пировали полковники, на Курмышъ налетѣлъ отрядъ войскъ Императрицы, подъ командою капитана Дурнова, который уже носился по Курмышу, коля и рубя пьяныя толпища бунтовщиковъ.

Остановясь у воротъ протопопова дома, Петръ Михайловичъ видѣлъ, какъ пронесся во весь духъ конской прыти казакъ-полковникъ, спасаясь отъ преслѣдованія. За тѣмъ Петръ Михайловичъ видѣлъ, какъ и благодѣтель его Герасимъ Васильевъ также пронесся мимо его на пѣгой лошади, и какъ вслѣдъ за нимъ пронеслось нѣсколько человѣкъ изъ войска Императрицы, какъ они нагнали Герасима Васильева и тутъ же убили его.

Помянувъ объ успокоеніи души убіеннаго раба Божія Герасима, Петръ Михайловичъ воротился къ протопопу, и видя, что съ уничтоженіемъ бунтовщиковъ въ Курмышѣ ему опасаться теперь уже некого и нечего, и чувствуя за тѣмъ, что отъ тревогъ, страха и страданій имъ перенесенныхъ, онъ едва держится на ногахъ, попросилъ матушку-протопопицу указать ему мѣстечко, гдѣ бы соснуть. Добрая старушка тотчасъ провела его на вышку, гдѣ уже спали въ повалку крѣпкимъ сномъ жена его и дѣтки. Взглянувъ на спящихъ и припомнивъ свое чудесное избавленіе отъ позорной смерти, Петръ Михайловичъ умилился сердцемъ и, павъ на колѣни, помолился Господу и поблагодарилъ Его отъ всей души за ниспосланное ему спасеніе.

Въ городѣ же въ это самое время шла ожесточенная и спѣшная расправа. Коля и рубя бѣжавшихъ бунтовщиковъ, войска Императрицы вмѣстѣ съ этимъ перехватили и господскихъ крестьянъ, привезшихъ въ городъ своихъ помѣщиковъ на раздѣлку къ Пугачеву. Въ числѣ сихъ послѣднихъ попались и ожгибовскіе крестьяне, примчавшіе въ Курмышъ Петра Михайловича. Ихъ тотчасъ же допросили и за тѣмъ тутъ же отодрали плетьми и прежестоко. Главному же коноводу и поджогѣ всѣхъ ихъ, крестьянину Бормотову, сверхъ дёрки плетьми, отрѣзали, въ особенное наказанье и на страхъ прочимъ, ухо. И корноухій Бормотовъ долго послѣ этого жилъ въ Ожгибовкѣ,—но терпѣть не могъ разговоровъ о Пугачевщинѣ, и не подстригалъ себѣ скобку высоко, но носилъ ее на столько длинною, чтобъ незамѣтно было у него подъ волосами памятника, оставленнаго ему на вѣчно за участье въ этой Пугачевщинѣ.

Въ заключеніе всего скажемъ тѣмъ, кого затронулъ разсказъ нашъ о Васинькѣ, Петрѣ Михайловичѣ и Герасимѣ Васильевѣ, что память объ семъ послѣднемъ покуда еще

жива въ родѣ Бобоѣдовыхъ, не смотря на то, что скоро цѣлое столѣтіе лежетъ между текущимъ временемъ и минувшимъ событіемъ. Конечно ни Петра Михайловича, ни спасителя его Васеньки вы уже не встрѣтите въ числѣ владѣльцевъ Ожгибовки,—и тотъ и другой померли, послѣдній въ 1824 году. Но Ожгибовка всецѣло принадлежитъ и теперь Бобоѣдовымъ, и въ числѣ живыхъ, но уже не помѣщиковъ, а землевладѣльцевъ Ожгибовки, вы встрѣтите старшую дочь, и младшаго сына Васеньки, или уже Василія Петровича Бобоѣдова, а также правнуковъ и правнучекъ Петра Михайловича, то есть дѣтей упомянутаго младшаго сына Василія Петровича.

Сама же Ожгибовка и нравственно и матеріально состоитъ такою же, какою была и при Пугачевѣ, такъ какъ уровень образованія и благосостоянія крестьянъ ни мало не поднялся въ теченіе цѣлаго столѣтія, и еслибъ Петру Михайловичу можно было взглянуть на свою Ожгибовку въ 1869 году, то онъ нашелъ бы ее въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ она представилась ему съ Майданской вершины, при возвращеніи отъ Пугачевской расправы въ 1774 году. Разница есть только въ томъ, что Ожгибовка уже не деревня, а село и красуется теперь своею каменною церковью, построенною Василіемъ Петровичемъ,—подлѣ алтаря коей, по правую сторону пріютился на вѣчный покой самъ храмоздатель, а по лѣвую сторону опочилъ и старшій сынъ его Владиміръ Васильевичъ, бывшій Нижегородскій предводитель дворянства, умершій скоропостижно, при возвращеніи изъ Москвы, на первыхъ же шагахъ по палубѣ парохода въ Нижнемъ-Новгородѣ, что̀ было 19 Августа 1866 года.

Замѣчательно то, что въ церкви этой, при возношеніи молитвъ объ успокоеніи умершихъ предковъ рода Бобоѣдовыхъ, *здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ*, церковь молится и о успокоеніи души раба Божія *Герасима убіеннаго*, того самаго Герасима, который, ставъ изъ печника-крестьянина полковникомъ въ шайкахъ Пугачева, былъ избранъ Провидѣніемъ для спасенія рода Бобоѣдовыхъ отъ совершеннаго уничтоженія. И слыша возношеніе это, мы невольно задумались о томъ, что пройдутъ еще годы и устный разсказъ о сдѣланномъ Герасимомъ Васильевичемъ благодѣяніи для рода Бобоѣдовыхъ затихнетъ и замретъ въ пространствѣ времени, и тщетно будетъ дальнѣйшій потомокъ этого рода отыскивать причину, по коей записано въ поминаньи умершихъ Бобоѣдовыхъ, посреди именъ бояръ, простое имя *Герасима убіеннаго*.

Аскалонъ Труворовъ.

Къ стр. 344-й.

Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка премьеръ-маіоръ Николай Рославлевъ женился 11 Ноября 1762 года на фрейлинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Чоглоковой, внучатной сестрѣ покойнаго Императора Петра III, по ея матери Марьѣ Симоновнѣ, рожденной графинѣ Гендриковой. Свадьба эта происходила въ Москвѣ, при дворѣ Екатерины. (См. Камеръ-Фурьерскій журналъ 1762 года). Изъ этого видно, что событія, бывшія причиной опалы Рославлевыхъ, Ласунскаго и Хитрова, произошли не ранѣе конца 1762, или даже въ 1763 году, такъ какъ въ половинѣ Ноября 1762, Рославлевъ былъ еще въ милости при дворѣ. Это уже доказываетъ давнишнее мое предположеніе о томъ, что дѣло Хитрова, Рославлевыхъ Ласунскаго, интриговавшихъ въ Москвѣ, совершенно независимо отъ Петербургской попытки Гурьевыхъ и Хрущевыхъ, произвести возстаніе войска противъ Екатерины. Манифестъ о преступленіяхъ Гурьевыхъ и Хрущевыхъ изданъ 24 Октября 1762 (Полн. Собр. Зак. № 11,693), то есть дѣло ихъ было кончено почти три недѣли ранѣе свадьбы Рославлева, происходившей въ то время, когда онъ еще былъ въ милости у Екатерины. И такъ дѣло по доносамъ князя Несвицкаго и Ржевскаго на Хитрова, о которомъ говорится въ Осьмнадц. Вѣкѣ, кн. I, стр 49, не имѣетъ прямаго отношенія къ бывшему ранѣе того суду по заговору Гурьевыхъ и Хрущевыхъ. Зачинщики перваго дѣла дѣйствовали въ Москвѣ, въ придворной сферѣ, и не ранѣе самаго конца 1762 года, если еще не позже. Вторая же смута раздувалась въ Петербургѣ, въ отсутствіе Государыни, людьми темными, въ гвардейскихъ казармахъ, и не позже Октября 1762.

Москва
5 Мая 1869.

Михаилъ Лонгиновъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева* . . . . . 1—26

II. Письма о Россіи въ Испаніи перваго Испанскаго посланника при нашемъ Дворѣ *Дука де-Лирія*. 1730 годъ. (Вступленіе на престолъ и первый годъ царствованія императрицы Анны Іоанновны). Переводъ съ Испанскаго, *священника К. Л. Кустодіева*, съ приложеніемъ подлинника одной депеши . . . . . 27—132

III. Письма *А. И. Остермана, графа Г. И. Головкина* и другихъ лицъ въ Испанію къ князю С. Д. Голицыну. . . . . 133—149

IV. Письмо *А. И. Остермана* къ неизвѣстному лицу 150

V. Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Козодавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману) . . . . . 151—156

VI. Росписка *Бирона* 1725 157

VII. Письмо *Бирона* изъ Митавы въ Петербургъ 1725 года . . . . 157—158

VIII. Письмо *Бирона* къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ 1742 . . 159—160

IX. Русскій генералитетъ въ 1730 году, статья *М. П. Лонинова* . 161—177

X. Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены, съ предисловіемъ *Г. И. Александрова* . . . . . 178—181

XI. Два доношенія *А. П. Сумарокова*, съ предисловіемъ *Л. И. Майкова* . . . . . 182—186

XII. Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора:

1) О бѣглыхъ Лифляндскихъ крестьянахъ. . . . . 187—193

2) О Степанѣ Маломъ . . . . . 193—197

3) По дѣламъ, касающимся Польши. . . . . 197—225

4) О казакахъ Маркинѣ и Поцалуевѣ. . . . . 225—226

5) О магистрѣ Масковѣ . . . . . 226—227

6) По Пугачевскому бунту. . . . . 228—234

7) По Турецкой войнѣ. . . . . 235—261
8) О подаркѣ отъ Лифляндіи по случаю перваго брака В. К. Павла Петровича . . . . . 262—269
9) О Курляндцѣ Отто Германѣ фонъ-Ховенѣ. . . . . 269—279
(*Извлечено Е. В. Чешихинымъ*).

XIII. Ванька-Каинъ. (Изъ подлинныхъ бумагъ Сыскнаго Приказа). Статья *Г. В. Есипова*. . . . . 280—342

XIV. Нѣсколько свѣдѣній о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. И. Лонинова* . . . . . 343—354

XV. Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія:
а) О Хорватѣ . . . . . 355—356
б) О Мировичѣ . . . . . 357—387
в) О Лифляндскихъ депутатахъ. . . . . 388—389
г) Письма Екатерины II-й къ разнымъ лицамъ . . . . . 390—393

XVI. Письмо архимандрита *Амвросія* къ преосвященному Платону. 394—395

XVII. Изъ воспоминаній графа Нельи, статья *М. Ѳ. Шугурова* . 396—405

XVIII. Записки *Великаго Князя Павла Петровича* къ офиціанту Курдюкову. . . . . 406—407

XIX. Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. И. Вадковскому . 408—418

XX. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича . . . . . 419—421

XXI. Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой* . . . . . 422—429

XXII. Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императрицѣ Екатеринѣ съ предисловіемъ *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ) . . . . . 430—480

XXIII. Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова* . . 481—490

XXIV. О премьеръ-маіорѣ Рославлевѣ, дополнительная замѣтка *М. И. Лонинова* 491

*

Алфавитный указатель къ этой книгѣ „Осмнадцатаго Вѣка“ будетъ, по примѣру первыхъ двухъ книгъ, соединенъ съ указателемъ къ книгѣ четвертой, которая печатается. Содержаніе первыхъ двухъ книгъ помѣщено здѣсь, на внутренней сторонѣ обложки.

*

XVIII. «Посольствіе извѣстнымъ Петербургскимъ купцомъ [illegible]». Записка Мало-[illegible] [illegible] Императрицѣ II.

XIX. [illegible] II: а) [illegible] въ Е. И. [illegible].

XX. [illegible] о причинѣ [illegible].

XXI. [illegible] которыхъ [illegible] изданія.

Получать [illegible] библіотекѣ, куда [illegible] отдѣльной продажѣ [illegible] Архивомъ на [illegible].

[illegible]

(ВЪ [illegible] ПОРЯДКѢ).

I. Письма [illegible] въ Испанію *Дука де-[illegible]* при нашемъ Дворѣ. [illegible] *[illegible]*.

II. Гр[illegible] *[illegible]*.

III. А[illegible]

IV. [illegible]

V. [illegible] Сосновъ въ Москву. б) [illegible] Письмо *Кауница* [illegible] и примѣчаніями [illegible] *Императрицѣ* [illegible] *С. М. Соловьевымъ*.

VI. [illegible] Графъ А[illegible] Кагула Григорьевичи. [illegible] печатныхъ источ[illegible] бумагъ, писемъ и семейныхъ пре[illegible].

VII. [illegible] писемъ, упоминаемыхъ въ [illegible].

Получать [illegible], на Лубянкѣ, № 7, въ Чертковской библіотекѣ, куда [illegible] требованія. Цѣна въ отдѣльной продажѣ 5 р. [illegible] 3 р. 50 к.; вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ на 1869 годъ 10 р. и съ пересылкою.

Robarts Library
DUE DATE:
July 7, 1995

CAR

UN

Fines 50¢ per day

DK
127
B37
kn.3

Bartenev, Petr Ivanovich
Osmnadtsatyi viek